

ЗАПИСКИ Н. И. МАМАЕВА.

ВТОРЪ печатаемыхъ записокъ, Николай Ивановичъ Мамаевъ (р. въ Казани 3-го іюля 1815 г., ум. 5-го мая 1885 г.), происходить изъ дворянъ Новгородской губерніи, ведущихъ свой родъ отъ служилаго татарскаго князя Кингильдея Камай-Маматова. Кингильдей Камай-мурза жилъ въ XVI вѣкѣ и былъ поселенъ въ земляхъ Новгорода Великаго царемъ Іоанномъ Васильевичемъ Грознымъ, въ числѣ другихъ плѣнныхъ татаръ Казанскаго царства, послѣ паденія его независимости. Отецъ Николая Ивановича Мамаева, Иванъ Даниловичъ (р. 1781 г., ум. 1881 г.), морякъ, въ началѣ 1800-хъ годовъ былъ назначенъ на службу въ казанское «Адмиралтейство», учрежденное Петромъ Великимъ, и, женившись въ Казани на дочери мѣстнаго помѣщика, Варварѣ Васильевнѣ Мельгуновой, основался въ Казани и вошелъ въ число дворянъ Казанской губерніи.

Воспитывался Николай Ивановичъ Мамаевъ дома и затѣмъ, пробывъ короткое время въ с.-петербургскомъ горномъ корпусѣ, поступилъ въ студенты Казанскаго университета по отдѣленію нравственно-политическихъ наукъ (въ настоящее время юридическій факультетъ), на которомъ и кончилъ курсъ въ 1833 г. дѣйствительнымъ студентомъ съ серебряной медалью. Въ 1834 г. онъ началъ военную службу юнкеромъ въ Оренбургскомъ уланскомъ полку, былъ вскорѣ произведенъ въ корнеты, а черезъ три года въ по-

ручки. Въ этомъ чинѣ Мамаевъ въ 1838 г. назначенъ адъютантомъ къ волынскому губернатору Маслову и занималъ ту же должность при его преемникѣ Лашкаревѣ, а въ 1842 г. получилъ мѣсто старшаго адъютанта казанскаго военнаго губернатора Шипова, съ производствомъ въ штабъ-ротмистры. Въ 1843 г. Н. И. Мамаевъ женился въ Казани на дочери генераль-майора, Авдотѣ Петровнѣ Дурасовой, въ 1844 г. произведенъ въ ротмистры, а въ 1846 г. вышелъ въ отставку съ чиномъ майора. Съ 1846 г. онъ нигдѣ не служилъ, проживая въ Казани и въ нижегородскомъ своемъ имѣніи, с. Ледыряхъ, и лишь въ 1880-хъ годахъ на короткое время принялъ участіе въ земскомъ самоуправленіи Казанской губерніи. Въ 1879 г. онъ былъ выбранъ въ гласные отъ Казанскаго уѣзда, а вслѣдъ затѣмъ въ губернскіе гласные и въ 1882 г. состоялъ членомъ казанской губернской земской управы. Завѣдуя въ ней отдѣломъ общественнаго призрѣнія, Н. И. Мамаевъ не поладилъ, прежде всего, съ медицинскимъ персоналомъ казанской губернской земской больницы, а затѣмъ и со своими сослуживцами по губернской управѣ и вышелъ изъ нея черезъ нѣсколько мѣсяцевъ службы.

Вся жизнь Н. И. Мамаева до 1842 г. включительно изложена имъ въ печатаемыхъ запискахъ, представляющихъ весьма интересный матеріалъ для изученія бытовой исторіи Россіи первой половины XIX вѣка. Въ этихъ запискахъ ярко очерчены какъ личность ихъ автора, весьма своеобразная и характерная для своего времени, такъ и среда, ее создавшая и воспитавшая. Несомнѣнный литературный талантъ Н. И. Мамаева переноситъ читателя въ міръ прошлаго «дореформенной» Россіи, въ эпоху царствованія императора Николая I. Живо и рельефно изображаетъ авторъ записокъ господствовавшую въ этомъ прошломъ мірѣ «дворянскую среду», со всѣми ея хорошими и дурными, сильными и слабыми, симпатичными и антипатичными сторонами.

Записки дошли до насъ, къ сожалѣнію, безъ конца, въ черновомъ автографѣ Н. И. Мамаева съ раздѣленіемъ на главы (лишь главы IX, X и XI переписаны другой рукой); только послѣднія тетради записокъ, повѣствующія о югозападномъ краѣ и о переходѣ автора на службу въ Казань въ 1842 г., не имѣютъ раздѣленія на главы. Мы сохранили дѣленіе на главы, данное авторомъ, снабдивъ каждую изъ нихъ подробнымъ оглавленіемъ и разбивъ изложеніе на «главы» тамъ, гдѣ ихъ не было. Кромѣ того, мы раздѣлили записки на три части, по періодамъ, на которые распадается жизнь Н. И. Мамаева.

Первая часть записокъ, съ 1815 по 1834-й годъ (гл. I—XI), обнимаетъ собою дѣтство и отрочество Н. И. Мамаева и пору его студенчества въ Казанскомъ университетѣ. Эта часть представляетъ очень много данныхъ для бытовой исторіи казанскаго дворянскаго

круга за указанное время и живо изображаетъ печальное положеніе Казанскаго университета, еще не оправившагося отъ жестокаго удара, нанесеннаго ему попечителемъ М. Л. Магницкимъ. Нашъ университетъ конца 1820-хъ и начала 1830-хъ годовъ текущаго столѣтія, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ является подъ перомъ Н. И. Мамаева, само собою, не могъ давать серіознаго умственнаго развитія тогдашнимъ подростокующимъ поколѣніямъ и давать имъ должную подготовку къ опредѣленнымъ занятіямъ по окончаніи курса, а потому весьма естественно, что дворянская молодежь, обучавшаяся тамъ, смотрѣла на университетъ съ чисто-формальной стороны и, слѣдуя старымъ дворянскимъ преданіямъ, предпочитала военную службу службѣ гражданской и ученой дѣятельности. Н. И. Мамаевъ не составлялъ въ данномъ случаѣ исключенія. Первая часть его записокъ во многомъ дополняетъ свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ о казанской жизни начала XIX вѣка у другихъ мемуаристовъ-казанцевъ—С. Т. Аксакова и В. И. Панаева, составляя хронологическое продолженіе ихъ повѣствованій.

Вторая часть, съ 1834 по 1838 г. (гл. XII—XXIV), вводитъ читателя въ подробности пустой и безсодержательной жизни русскаго армейскаго кавалериста 1830-хъ годовъ въ мирное время. Москва съ ея окрестностями, гдѣ былъ расположенъ Оренбургскій уланскій полкъ, въ которомъ служилъ Н. И. Мамаевъ, и знаменитые «Вознесенскіе маневры» 1837 года являются главными центрами повѣствованія въ этой части. Здѣсь собрано много драгоцѣнныхъ чертъ для изученія «дворянскихъ нравовъ» Москвы и средней Россіи и вообще «порядковъ» того времени, и живо рисуется личность самого императора Николая I.

Третья часть, съ 1838 по 1842 г. (гл. XXV—XXXVIII), посвящена русскому юго-западному краю. Здѣсь любознательному Н. И. Мамаеву является широкое поле для наблюденій и благодарный матеріалъ для размышленій. Русскій дворянинъ и офицеръ, занимая вліятельную въ то время должность губернаторскаго адъютанта, попадаетъ въ ополяченный край съ кореннымъ русскимъ населеніемъ,—край, еще волнуемый слѣдами польскаго повстанія 1830—1831 годовъ. Положеніе Н. И. Мамаева очень затруднительно, но онъ выходитъ изъ него съ честью. Онъ невольно поддается вліянію болѣе высокой сравнительно съ русской культурѣ польскаго дворянства, но вмѣстѣ съ тѣмъ остается вѣренъ служебному и національному долгу воплѣ русскаго человѣка. Онъ много читаетъ, изучаетъ мѣстную исторію края и пытается впервые анализировать самого себя, дать себѣ отчетъ въ собственныхъ своихъ побужденіяхъ и поступкахъ, излагая на бумагѣ разные эпизоды изъ своей жизни: такъ возникаютъ въ 1841-мъ году наброски его «записокъ».

Въ Житомирѣ Н. И. Мамаевъ кладетъ основаніе своей библіо-

текѣ, которая со временемъ разростается въ весьма большое и разнообразное собраніе книгъ. Кромѣ «записокъ», онѣ составляетъ здѣсь замѣтки по исторіи Волынскаго края и пытается писать опыты въ беллетристическомъ жанрѣ. Въ бумагахъ Мамаева находятся между прочимъ: 1) «Историческія воспоминанія о Волынской губерніи», только частью обработанныя; въ нихъ собраны до сихъ поръ не потерявшія историческаго интереса свѣдѣнія о старинныхъ городахъ этого исконнаго русскаго края и 2) повѣсть, содержаніе которой взято изъ польскаго возстанія 1830 г., подъ названіемъ «Два дня свѣтской жизни». Но этими «опытами» не исчерпываются литературныя упражненія Мамаева, которыя онѣ продолжаетъ и въ 1850-хъ годахъ, уже будучи въ отставкѣ. Въ октябрѣ 1857 г. онѣ пишетъ разсказъ во вкусѣ тогдашней «обличительной» литературы, сильно развившейся у насъ въ подраженіе «Губернскимъ очеркамъ» Щедрина, появившимся въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1856 г. и имѣвшимъ необыкновенный успѣхъ. Разсказъ носитъ названіе «Становой приставъ» и предназначался для помѣщенія въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1858 г., что видно изъ черноваго письма Мамаева къ М. Н. Каткову.

Въ 1871 г. Мамаевъ, живя въ нижегородскомъ имѣніи, сельцѣ Ледыряхъ, окончательно редактируетъ свои записки, давъ имъ такое заглавіе: «Моя жизнь передъ лицомъ потомства, написанная мной самимъ», и предпославъ имъ предисловіе, въ которомъ выражаетъ свое воззрѣніе на значеніе автобіографій. Въ видѣ подготовительныхъ работъ къ «запискамъ» Мамаевъ занимается изученіемъ исторіи своего рода, замѣтки о чемъ также находятся въ его бумагахъ. Фамилію Мамаевыхъ производитъ онѣ отъ извѣстнаго золотоордынскаго «тысячника» Мама, разбитаго московскимъ великимъ княземъ Димитріемъ Ивановичемъ Донскимъ на Куликовомъ полѣ въ 1380 году, и съ этой цѣлью входитъ въ подробное изученіе исторіи монголовъ и кипчакской орды. Эти историческія разысканія помѣчены апрѣлемъ 1871 года.

Личность Н. И. Мамаева рельефно выступаетъ въ его запискахъ, и читатель ихъ составитъ себѣ ясное о ней представленіе; а потому укажемъ здѣсь лишь на тѣ особенности міросозерцанія автора, которыя сообщаютъ оригинальность повѣсти о его жизни. Во-первыхъ, Н. И. Мамаевъ является фаталистомъ и мистикомъ. Онѣ видитъ во всѣхъ событіяхъ человѣческой жизни вообще и своей личной въ частности дѣйствіе «предопредѣленія» и придаетъ рѣшающее значеніе элементу чудесному, сверхъестественному, даже въ обыденныхъ житейскихъ явленіяхъ. Во-вторыхъ, обладая чувствительнымъ сердцемъ и страстной натурой, онѣ не только считаетъ «любовь» основнымъ элементомъ своей жизни, но стремится придать ей теоретическую формулировку, возвести въ систему, пытается создать, какъ онѣ выражается, «науку любви». Фактамъ

изъ этой «науки» отведено въ его запискахъ очень много мѣста, и мы сочли необходимымъ исключить тѣ подробности изъ этой области, которыя могли имѣть значеніе только для самого Мамаева, но не представляютъ никакого интереса для посторонняго читателя. Но въ качествѣ характерной особенности «записокъ» мы оставили самые важные эпизоды «сердечныхъ походовъ» ихъ автора. Отмѣтимъ еще одну особенность Н. И. Мамаева. На него, какъ намъ кажется, оказали большое вліяніе модные въ Россіи въ 1830-хъ и 1840-хъ годахъ французскіе романы, въ родѣ романовъ Бальзака, Эжена Сю, Поля Феваля и т. п., и русскіе ихъ подражатели. Этимъ мы отнюдь не желаемъ заподозрѣть правдивость повѣствованія Н. И. Мамаева; наоборотъ, тонъ и общій характеръ его записокъ убѣждаютъ насъ въ совершенной искренности ихъ автора. Мы хотимъ отмѣтить лишь то обстоятельство, что «поступки» и «приключенія» многихъ изъ русскихъ свѣтскихъ молодыхъ людей 1820-хъ, 1830-хъ и 1840-хъ годовъ текущаго столѣтія совершались ими намѣренно въ подражаніе такъ называемыхъ «героевъ романовъ». Это была своего рода интеллигентная мода тѣхъ временъ. Достаточно припомнить, какой, напримѣръ, популярностью пользовались у насъ среди свѣтской молодежи 1820-хъ и 1830-хъ годовъ «байронизмъ» и «разочарованность», а позднѣе — «печоринство». Въ этомъ отношеніи особенно характерны главы XIX—XXII (2-й части), въ которыхъ Н. И. Мамаевъ излагаетъ свои отношенія къ одной московской *grande-dame*, скрытой имъ подъ именемъ *Alexandrine*.

Кромѣ указанныхъ выше исключеній, мы сдѣлали нѣсколько сокращеній и въ другихъ частяхъ «Записокъ». Нами выпущены изъ ихъ текста нѣкоторыя подробности, имѣющія семейный интересъ или касающіяся лицъ, хотя и умершихъ, но потомки которыхъ нынѣ здравствуютъ и могли бы сдѣлать намъ справедливый упрекъ по меньшей мѣрѣ въ невнимательномъ отношеніи къ ихъ отцамъ и дѣдамъ. Въ иныхъ, впрочемъ, рѣдкихъ случаяхъ полныя фамиліи мы должны были замѣнить лишь начальными ихъ буквами. Такого рода сокращенія истекаютъ изъ «воли» самого Н. И. Мамаева, исполненіе которой являлось для насъ, само собою, обязательнымъ.

Согласно завѣщанію Н. И. Мамаева, находящемуся въ подлинной рукописи «Записокъ», онѣ составляютъ собственность старшаго въ настоящее время представителя рода Мамаевыхъ, родного племянника автора, Алексѣя Петровича Мамаева, предводителя дворянства Казанскаго и Царевококшайскаго уѣздовъ. Въ этомъ «завѣщаніи» Н. И. Мамаевъ уполномочиваетъ «старшаго въ родѣ, если пожелаетъ и найдетъ возможнымъ, напечатать его «Записки» въ отрывкахъ или въ цѣломъ видѣ, но съ необходимыми выпусками».

Печатаются «Записки» въ «Историческомъ Вѣстникѣ», съ выше-объясненными исключеніями, съ разрѣшенія Алексѣя Петровича Мамаева ¹⁾.

Д. Корсаковъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Съ общечеловѣческой точки зрѣнія жизнь государства, какъ и жизнь частнаго лица, отдѣльно взятаго, имѣетъ свои возрасты или эпохи и разнствуется только въ своихъ размѣрахъ. Жизнь государства считается вѣками, жизнь человѣка—годами. Эпохи эти проявляются въ нравахъ, обычаяхъ, цивилизаціи, словомъ во внутреннемъ бытѣ, жизни людей. Люди, чѣмъ далѣе подвигаются на пути прогресса, тѣмъ болѣе сбрасываютъ съ себя привычки, предразсудки, основанные на рутинѣ и невѣжествѣ. Застоя, закостѣлости въ интеллектуальной жизни нѣтъ: все движется впередъ, и время этотъ сильный двигатель, осуществляетъ собой легенду о «Вѣчномъ Жидѣ», повторяя безпрестанно: «Иди! иди!». Жизнь народа подраздѣляется на внѣшнюю, такъ сказать, официальную, и на внутреннюю, или частную. Официальную жизнь можно изучать въ архивахъ, лѣтописяхъ, по монетамъ, по всему, что составляетъ предметъ исторіи; но въ частную жизнь можно заглянуть только по «запискамъ» современниковъ. Только этимъ ключемъ можно отомкнуть семейный бытъ, нравы, обычаи опредѣленной эпохи.

Само собою разумѣется, необходимо, чтобы «записки» не были измышлены, но строго истинны; въ такомъ только видѣ онѣ приносятъ несомнѣнную пользу потомству, желающему изучить частную жизнь своихъ предковъ.

Историкъ повѣствуетъ міровыя событія въ жизни государства, не касаясь мелочныхъ подробностей, произведенныхъ тѣмъ или другимъ явленіемъ; біографъ, подмѣчая случаи частной жизни, заноситъ ихъ на страницы своихъ записокъ. Эти частные случаи, несмотря на свою кажущуюся иногда мелочность, проливаютъ новый свѣтъ на совершившееся событіе.

¹⁾ Алексѣй Петровичъ Мамаевъ р. 22 іюня 1850 г., ум. въ Казани 8 іюля 1899 г. По окончаніи курса въ Казанскомъ университетѣ на юридическомъ факультетѣ въ 1871 г., онъ поступилъ на службу въ канцелярію казанскаго губернатора Н. Я. Скарятина, при которомъ затѣмъ былъ младшимъ и старшимъ чиновникомъ особыхъ порученій; при преемникахъ г. Скарятина занималъ мѣсто совѣтника казанскаго губернскаго правленія. Уѣднымъ предводителемъ дворянства состоялъ съ 1896 года.

Объяснюсь.

Будущее, отдаленное потомство изъ исторіи Россіи узнаетъ, что при императорѣ Александрѣ II измѣненъ почти весь государственный строй, дотолѣ существовавшій: отмѣнено крѣпостное право; прежнее судопроизводство и судоговореніе замѣнено новымъ; экономическій бытъ народа основанъ на новыхъ началахъ, введены земскія учрежденія, совершенно измѣнившія прежній хозяйственный порядокъ, и т. п. Но какое явленіе представляло собой то или другое нововведеніе? Какъ они отразились на современномъ обществѣ? Насколько встрѣтили они сочувствія и поддержки? Какъ были приняты: отмѣна крѣпостного права; замѣна рѣшенія дѣлъ старыхъ закрытыхъ судовъ гласностью; прежній, безконтрольный для самихъ участвующихъ порядокъ расходованія общественныхъ сборовъ, происходившія оттого самовольныя растраты суммъ, неправильность въ распредѣленіи налоговъ, неудовлетворительность въ израсходованіи ихъ и т. п.,—можно знать только изъ частныхъ записокъ современниковъ. Въ этомъ отношеніи правдивый біографъ для отдаленнаго потомства можетъ принести болѣе пользы, чѣмъ безпристрастный исторіографъ.

Проникнутый такимъ убѣждешемъ въ важности современныхъ записокъ, я съ любовью, весьма охотно, на 56 году моей жизни, желаю и мою малую лепту принести въ общую сокровищницу знаній. Приступаю къ составленію описанія прожитаго мной времени.

Записки свои я пишу не для постороннихъ, но исключительно для потомковъ моего рода. Собственныхъ дѣтей я не имѣю; судьба отказала мнѣ въ этомъ утѣшеніи. Непріятно вообще видѣть порванную цѣпь въ связи существъ, но не имѣть дѣтей значитъ не имѣть цѣли въ жизни, не утѣшаться воспроизведеніемъ себя подобныхъ; или, говоря словами Библіи, не видѣть «плоть отъ плоти моей и кость отъ кости моей». Но

Fiat voluntas Tua!

Итакъ, записки свои я пишу, отстраняя отъ себя, какъ чувство ложнаго стыда тамъ, гдѣ дѣйствія мои были предосудительны, такъ и скромность въ самохваленіи, когда они заслуживали одобренія. Пусть въ нихъ, какъ въ зеркалѣ, отражается вся жизнь моя, весь я, со всѣми недостатками и пороками, а также и съ той долей достоинствъ, которыми наградила меня природа... Въ 56 лѣтъ, на прожитую жизнь можно смотрѣть, какъ на умершаго человѣка, а «мертвіи срама бо не имуть».

Я родился, такъ сказать, на рубежѣ двухъ эпохъ, когда отживавшіе старые порядки въ образѣ жизни, понятіяхъ, привычкахъ, одеждѣ, замѣнялись совершенно новыми. Кампанія 1812 г., кромѣ побѣды надъ врагами, принесла съ собой и новые взгляды и новые понятія о политической и соціальной жизни общества. Что прежде почиталось хорошимъ, въ томъ стали находить недостатки;

появились удобства жизни, о которыхъ прежде и не думали; установился новый, свободный обмѣнъ мыслей; уровень общественнаго миѣнія значительно повысился. Вслѣдствіе такого переворота многое измѣнилось къ лучшему, многое ухудшилось. Такъ, патріархальность семействъ, простота обращенія, много потеряли отъ нововведеній. Родственные связи ослабли, сердечная привязанность замѣнилась расчетомъ и видами корысти. Явились роскошь и мотовство. Свойства эти, дотолѣ державшіяся въ столицахъ, въ кругу знатныхъ и богатыхъ вельможъ и сановниковъ, въ мое время проникли въ провинцію, заразили собой семейства «средней руки» и были причиной многихъ печальныхъ катастрофъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ я пережилъ знаменательное время, видѣлъ начало многого, что было предпринято, видѣлъ и конечные ихъ результаты. Видѣлъ борьбу «мрака со свѣтомъ», видѣлъ, какъ новыя идеи, чувства народности и независимости пробивались сквозь наложенныя преграды, и, выйдя наружу, принесли свои благотворныя сѣмена на цѣльную, благодатную почву... Да! я многое пережилъ, и въ этомъ отношеніи, смѣю думать, что записки мои не лишены своего рода интереса, какъ вѣрное отраженіе общественной и политической жизни моего времени.

Жизнь моя не выдвинулась ничѣмъ изъ общаго строя жизни людей, не ознаменовалась никакими громкими дѣяніями, выходящими изъ ряда обыкновенныхъ,—въ этомъ отношеніи она не пріобрѣла никакого права на вниманіе, но она имѣетъ за собой преимущество, о которомъ я говорилъ выше, т. е. какъ записки современника и какъ вѣрное очертаніе моей поры, времени.

Затѣмъ, благословясь, начинаю...

10 апрѣля 1871 года.

Село Ледыри.

I.

Мои братья и сестры.—Мои предки со стороны матери, Мельгуновы и Рославлевы.—Сенаторъ Ѳ. Ѳ. Желтухинъ и князь Д. В. Тенишевъ.—Воспоминанія о раннемъ дѣтствѣ.—П. И. Хвостова.—Экипажи того времени.

Я родился въ Казани, на Грузинской улицѣ, въ домѣ бабки моей, С. А. Мельгуновой, утромъ 3-го іюля 1815 г., вторымъ въ нашей семьѣ. Всѣхъ насъ дѣтей было восемь, въ такомъ порядкѣ рожденія: Петръ, Николай (я), Софья, Александръ, Вѣра, Илья, Михайлъ и Николай (другой). Изъ нихъ остались въ живыхъ Петръ, я и сестра Вѣра, бывшая въ замужествѣ за самарскимъ помѣщикомъ А. Н. Чемодуровымъ и овдовѣвшая въ 1869 г. Всѣ остальные умерли въ очень молодыхъ лѣтахъ; изъ нихъ одинъ

только Илья дожилъ до 12-ти лѣтъ, въ бытность свою въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ. Илья выказывалъ замѣчательныя способности, особенно въ математикѣ. Изъ него могъ бы выйти человѣкъ недюжинный. Въ такихъ молодыхъ лѣтахъ онъ сознавалъ уже пользу ученія и умеръ въ 1835 г. отъ воспаленія въ мозгу, вслѣдствіе своихъ усиленныхъ занятій.

Отецъ мой, Иванъ Даниловичъ, происходилъ изъ дворянъ Новгородской губерніи, обучался въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ и въ 1798 г. былъ выпущенъ въ Балтійскій флотъ, мичманомъ. Въ чинѣ лейтенанта, въ 1807 году, участвовалъ въ морскихъ сраженіяхъ съ турками, въ Архипелагѣ, подъ главнымъ начальствомъ славнаго адмирала Д. Н. Сеньявина, находясь флагъ-офицеромъ (т. е. адъютантомъ) при капитанъ-командорѣ Игнатъевѣ. Сдѣлавшись на abordажѣ съ турецкимъ кораблемъ Капуданъ-паши, отецъ выказалъ личную храбрость, за что и былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й степени.

Въ 1809-мъ году, отецъ былъ назначенъ въ Казань, командиромъ гордъ-коота ¹⁾.

Въ это-то время онъ увидѣлъ мать мою и на ней женился. Потомъ отецъ перешелъ на службу въ казанское адмиралтейство младшимъ совѣтникомъ конторы, гдѣ и находился сначала подъ предсѣдательствомъ И. Г. Перелешина, а потомъ А. И. маркиза де-Траверсэ, сына бывшаго морского министра и эмигрировавшаго изъ Парижа въ Россію, въ 1789 году, отъ ужасовъ революціи.

По уничтоженіи адмиралтейства, если не ошибаюсь, въ 1827 году, отецъ перешелъ на службу по Казанскому университету, членомъ строительнаго комитета съ правомъ присутствовать въ правленіи университета въ качествѣ непремѣннаго члена. За сбереженіе значительной экономіи въ расходованіи суммъ награжденъ орденомъ св. Анны 2-ой степени и, прослужа всего 35 лѣтъ, за что получилъ орденъ св. Владимира, въ 1834 году, вышелъ въ отставку съ полнымъ пенсіономъ. Остальное время отецъ жилъ, предаваясь своему любимому занятію—постройкамъ.

Въ своемъ домѣ всегда онъ находилъ что либо нужнымъ или передѣлать, или вновь прибавить, что и продолжалось по день его смерти, послѣдовавшей 30-го марта 1846 года, въ день его ангела.

Смерть его приключилась отъ ноги, какъ ему было предсказано.

Въ 1800-мъ году, мичманомъ, еще въ очень молодыхъ лѣтахъ, отецъ «зазимовалъ» съ флотомъ на рижскомъ рейдѣ. Въ то время

¹⁾ Гордъ-коотъ, или гортгоутъ, такъ назывались особыя небольшія рѣчныя суда, учрежденныя Петромъ Великимъ для преслѣдованія и ловли по Волгѣ «понизовой вольницы» — этихъ восточно-русскихъ рѣчныхъ пиратовъ, остатковъ Разинскихъ и другихъ казацкихъ шаекъ, разбойничавшихъ въ нижнемъ Поволжѣ въ теченіе не только всего XVIII в., но даже въ первой-половинѣ XIX в. Они исчезли лишь съ развитіемъ на Волгѣ пароходства.

въ Ригѣ проживала какая-то нѣмка или чухонка, предсказывавшая будущее, — нѣчто въ родѣ извѣстной Ленорманъ, только на остзейской подкладкѣ. Отецъ мой, вмѣстѣ съ другими товарищами, такими же молодыми мичманами, отъ нечего дѣлать, какъ онъ говорилъ, отправился навѣстить современную Сивиллу. Та, разведя кофейную гущу, предрекла его судьбу, сказавъ: береги ноги! ты умрешь отъ ноги!

Разсказывая объ этомъ, отецъ, хотя и смѣялся надъ такимъ страннымъ предсказаніемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ сознавался, что мысль о ногѣ, по его выраженію, «засѣла, какъ гвоздь», ему въ голову и невольно преслѣдовала его во всю жизнь. Никакія размышленія о невозможности для человѣка прозрѣть свое будущее и слѣдовательно о невѣрности подобныхъ предсказаній не могли загнать его забыть предсказанія рижской колдуньи.

Онъ часто разсказывалъ намъ, что во время сраженій съ турками, при каждомъ выстрѣлѣ изъ непріятельской пушки, невольно поднималъ то ту, то другую ногу, сознавая въ то же время всю бесполезность подобной предосторожности. Ядро слѣдуетъ мгновенно за выстрѣломъ, и потому, услыша выстрѣлъ, онъ поднималъ ногу тогда уже, когда ядро далеко легло за нимъ. Но предсказаніе нѣмецкой Сивиллы, несмотря на всю свою странность, дѣйствительно сбылось, 46 лѣтъ спустя.

Въ концѣ февраля 1846-го года, на масляницѣ, отецъ, возвратившись домой, съ блиновъ, отъ К. Л. Молоствовой, почувствовалъ сначала какъ бы неловкость въ щиколоткѣ лѣвой ноги, но не обратилъ вниманія на столь, по идимому, ничтожное обстоятельство. На другой день неловкость эта перешла въ боль, такъ что онъ не могъ надѣть сапога... Показалось на больномъ мѣстѣ небольшое багровое пятнышко, величиной съ булавочную головку... Потомъ края пятнышка начали чернѣть; вмѣстѣ съ тѣмъ усилилась боль, и самое пятнышко начало увеличиваться въ своемъ объемѣ... открылся антоновъ огонь... Нашъ домашній докторъ, И. С. Дмитріевскій, и приглашенные на консилиумъ Киятеръ и Скандовскій предложили отнять ногу. Отецъ не согласился. Начались страданія, ужасныя, переносимыя только силой воли отца. Въ продолженіе нести недѣль, онъ ни днемъ, ни ночью, буквально, не имѣлъ ни минуты покоя. При немъ постоянно, цѣлыя сутки, находились три смѣны людей, по два въ каждой. Отецъ, то и дѣло, просилъ то усадить его въ кресло, то уложить въ постель, то повернуть на который нибудь бокъ. Невыносимая боль въ ногѣ мѣшала ему долго оставаться въ одномъ и томъ же положеніи... Только за день до своей кончины отецъ успокоился и не чувствовалъ болѣе той жгучей боли, которая такъ его беспокоила. Тогда онъ причастился Св. Таинъ и соборовался.

30-го марта, утромъ, когда я подошелъ къ отцу, онъ, обращаясь ко мнѣ, шутливымъ тономъ сказалъ:

— Николай! Причеши меня! Я сегодня именинникъ.

Надо знать, что отецъ никогда не праздновалъ своихъ именинъ, и мы не знали навѣрное дня его ангела, такъ какъ Ивановъ много въ году. Когда я обтеръ его лицо и смочилъ голову одеколономъ, волосы его, уже сѣдые, тотчасъ сами собой завились, т. е. приняли свой обычный видъ. На страшно изнуренномъ, исхудаломъ лицѣ показался легкій румянецъ. Послѣ меня подошелъ къ отцу докторъ Дмитріевскій и сказалъ:

— Покажите мнѣ, Иванъ Данилычъ, вашу ногу.

— Которую? Ту, которая пошла на выписку?

Такъ еще шутилъ отецъ за нѣсколько часовъ до своей смерти. Присутствіе духа изумительное!

Часу въ 10-мъ утра, почувствовавъ приближеніе своей кончины, отецъ созвалъ всѣхъ насъ къ своей постели и благословивъ простился съ полнымъ сознаніемъ и твердостью. Потомъ приказалъ позвать дворню; благодарилъ ихъ за службу себѣ, просилъ простить, если кого обидѣлъ. Затѣмъ отпустилъ ихъ... Обратившись къ намъ, онъ сказалъ: — Ну, теперь дайте мнѣ уснуть. Я утомился!

То были послѣднія слова, сказанныя отцомъ... Въ глубокомъ молчаніи, съ трудомъ сдерживая душившія насъ рыданія, мы окружили его постель. Отецъ вскорѣ впалъ въ тихій, спокойный сонъ; потомъ дыханіе его начало затрудняться, дѣлаться все рѣже и рѣже... Послышались вздохи съ промежутками... Наступила предсмертная агонія... Часы пробили 11-ть... Отецъ вздохнулъ, грудь осталась поднятой... по тѣлу пробѣжала легкая дрожь... вытянулись руки... его не стало!.. Все еще не вѣря его кончинѣ, я бросился за зеркаломъ... поднесъ къ полураскрытому рту... стекло не потускнѣло... Не оставалось болѣе никакого сомнѣнія, что жизнь его на землѣ окончилась...

Слѣдя за кончиной отца, я могъ видѣть, что человѣкъ не болѣе, какъ сложная машина! Машина повредилась, колеса въ ней еще дѣйствуютъ, но уже неправильно, цѣпляясь другъ за друга, перевертываются, пока совсѣмъ не остановятся...

Когда готовляли отца къ послѣднему одѣванью, тутъ только мы могли видѣть и понять, какъ была сильна и жгуча боль, и какъ велико терпѣніе отца—переносить ее. Ногти на пальцахъ лѣвой ноги отпали, а самыя оконечности пальцевъ сдѣлались багрово-синими, какъ испортившееся мясо. Онъ заживо разлагался, и мы потому только не слышали отъ него запаха разложенія, что ногу его постоянно держали въ компрессахъ, намоченныхъ сокомъ сильно ароматныхъ травъ. Согласно желанію отца, похороны были скромныя, не было разослано пригласительныхъ билетовъ, и онъ преданъ землѣ въ селѣ Соловцовѣ.

Я любилъ слушать отца, когда онъ въ зимніе вечера рассказы-

валъ намъ про свое плаванье по Архипелагу, сраженія съ турками, свои посѣщенія Бокко-де-Катаро, Аеонскихъ горъ, пребываніе въ Мессинѣ. Но любимымъ его разсказомъ было, какъ онъ, морякъ, выйдя изъ Кронштадта въ море на кораблѣ, вернулся черезъ всю Европу сухопутно.

Дѣло происходило такъ.

Въ 1809-мъ году, по возвращеніи изъ турецкаго похода, корабли наши, подъ командою адмирала Сенявина, зашли въ Лиссабонъ, чтобы принять запасъ прѣсной воды. Сенявинъ зналъ, что Португалія занята французами, но, странствуя по морямъ, оставался въ полномъ невѣдѣніи, что Наполеонъ объявилъ войну Россіи, и потому, войдя въ портъ, какъ намъ пріязненный, отсалютовалъ французскому флагу, развѣвавшемуся на цитадели крѣпости, и получилъ отвѣтные выстрѣлы; все—своимъ порядкомъ, какъ въ землѣ, состоящей съ нами въ союзѣ. Главнокомандующій французскими войсками, кажется, Жюно, по той довѣрчивости, съ которою Сенявинъ вошелъ въ портъ, и произведеннымъ имъ салютамъ догадался, что ему ничего неизвѣстно о разрывѣ, послѣдовавшемъ между Россіей и Франціей, и потому задумалъ подъ прикрытіемъ мнимой дружбы заманить Сенявина въ городъ, задержать и его и флотъ и тѣмъ доставить легкую побѣду своему императору. Но французскій главнокомандующій разсчитывалъ безъ геройскаго мужества русскаго адмирала! Сенявинъ, во время предупрежденный о разрывѣ съ Франціей, узнавъ свою ошибку, весьма энергично требовалъ свободнаго выхода изъ порта, грозя въ противномъ случаѣ лучше всѣ свои корабли и себя со всѣмъ экипажемъ взорвать на воздухъ, отъ чего неминуемо взлетитъ и часть города, чѣмъ спуститъ флагъ и сдаться непріятелю. Всѣ, знавшіе Сенявина, ни на минуту не усомнились, что онъ исполнитъ свое намѣреніе, и потому подчиненные его готовились къ смерти! Знали это и французы. При такихъ критическихъ обстоятельствахъ принялъ на себя посредничество въ нихъ англійскій посолъ. Благодаря такому вмѣшательству, Сенявинъ, понимая свое безвыходное положеніе, согласился сдать корабли не французамъ, но англичанамъ подъ расписку посланника, съ обязательствомъ возвратитъ ихъ Россіи и съ условіемъ, чтобы ни онъ самъ, ни офицеры, ни команда не были сочтены за военнопленныхъ, и имъ всѣмъ данъ былъ свободный пропускъ на родину. При этомъ свой флагъ Сенявинъ сохранилъ при себѣ. Такая почетная капитуляція стоитъ другой одержанной побѣды... Такимъ образомъ, отецъ мой изъ Лиссабона возвратился въ Россію сухимъ путемъ...

Ранѣе того, именно въ 1800 г., на фрегатѣ «Диспачъ», только что построенномъ къ Англіи и считавшемся, по своему ходу, первымъ въ нашемъ флотѣ, отецъ, подъ командою А. П. Костливцева, плавая около береговъ Норвегіи, въ бурную темную осеннюю ночь,

попалъ на каменные рифы. На счастье, фрегатъ съ проломленнымъ днищемъ ущемился между двухъ подводныхъ скалъ, и потому только не пошелъ ко дну, погружаясь, однако, въ воду настолько, что вся команда, въ числѣ оной и отецъ, стояли на палубѣ по поясъ въ холодной водѣ и держались за шканцы, чтобы не быть снесены волной въ морѣ. Такая невольная душъ оледеняла ихъ члены; чтобы согрѣться, отецъ время отъ времени глоталъ голый ромъ и тѣмъ только могъ поддерживать нужную теплоту тѣла, чтобы не окоченѣть. Въ такомъ положеніи отецъ пробылъ почти цѣлую ночь. Къ разсвѣту буря стихла, и норвежскіе рыбаки, замѣтивъ ихъ бѣдственное состояніе, сняли ихъ съ фрегата и перевезли на берегъ, въ свои хижины. Прогногнувъ почти цѣлую ночь въ водѣ и выпивъ порядочную дозу рома, наши моряки повалились на постели и вскорѣ заснули такъ крѣпко, что не чувствовали ничего, что съ ними далѣе происходило.

Проснувшись и посмотрѣвъ другъ на друга, офицеры разразились гомерическимъ смѣхомъ: всѣ они были одѣты въ разнородные костюмы, мужскіе и женскіе, какъ бы готовясь въ маскарадъ. Добрые рыбаки, видя, что все бѣлье ихъ и одежда взмокли отъ воды, и не имѣя другого одѣянія, кромѣ своего домашняго, переодѣли въ нихъ, во время ихъ сна, а ихъ мундиры и бѣлье развѣсили передъ огнемъ, для сушки. Это-то переряженіе и доставило нашимъ морякамъ такое удовольствіе. О бѣдствіи, ихъ постигшемъ, дали знать нашему посланнику въ Стокгольмѣ; онъ прислалъ фрегатъ, который и доставилъ ихъ благополучно въ Кронштадтъ.

Въ жизни моего отца былъ случай, не объяснимый, подобно предсказанію ему смерти отъ ноги. Отецъ не былъ никогда, что называется, «горячимъ, записнымъ» охотникомъ; но любилъ изрѣдка ходить съ ружьемъ, на крупную дичь. Однажды,—это случилось въ концѣ сентября,—мы отчего-то замѣшались въ деревнѣ; начались ранніе морозы; выпалъ снѣгъ, — славная «пороша» на зайца. Отецъ, выбравъ свѣтлый, лунный вечеръ, взялъ ружье и отправился въ лѣсокъ, называемый «Юрты», стрѣлять зайцевъ. Отойдя отъ дома на нѣсколько сотъ шаговъ, одинъ въ чистомъ полѣ, ничѣмъ не занятомъ, отецъ вдругъ замѣтилъ около себя двѣ тѣни: одна его собственная, въ основаніи своемъ, какъ и слѣдовало, соприкасалась съ его пятами ногъ; другая же въ противоположной сторонѣ отъ первой, какой-то неопредѣленной формы, двигалась нѣсколько впереди, совершенно отдѣльно, такъ что между отцомъ и ею была чистая, свѣтлая полоса снѣга, ярко освѣщаемая луннымъ свѣтомъ... Отецъ тотчасъ вернулся домой, поставилъ ружье свое въ уголъ и съ той поры не дотрогивался до него во всю свою жизнь!...

Нѣчто подобное и я видѣлъ, о чемъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ моихъ записокъ.

Мать моя, Варвара Васильевна, была изъ рода Мельгуновыхъ. Двоюродный дѣдъ ея былъ извѣстный Алексѣй Петровичъ Мельгуновъ, пользовавшійся особымъ расположеніемъ и неограниченнымъ довѣріемъ императрицы Екатерины II-ой. Ему поручено было доставить въ Данію семейство Брауншвейгское, находившееся до-толѣ въ заточеніи въ г. Холмогорахъ, между тѣмъ какъ членъ этой фамилии, бывшій императоръ Іоаннъ VI, томился въ казематахъ Шлюссельбурга.

Родной ея дѣдъ, А. В. Мельгуновъ, находился въ военной службѣ и, выйдя въ отставку, въ чинѣ премьеръ-майора, поселился въ своемъ казанскомъ имѣніи, селѣ Соловцовѣ. Во время бунта Пугачева и приближенія его съ своими шайками къ Казани, крестьяне соловцовскіе, слѣдуя общему прихѣру, вознамѣрились убить своего помѣщика и для того бросились въ его домъ. Между многочисленной дворней нашлся одинъ преданный, который не только предупредилъ своего барина объ угрожающей ему опасности, но и скрылъ его въ кустахъ мѣстности, называемой и понынѣ «Телятникъ», а ночью тайно препроводилъ его въ Казань.

Тамъ прадѣдъ, защищая городъ отъ нападеній полчищъ Пугачева, получилъ рану, за что графомъ П. И. Панинымъ былъ произведенъ въ секундъ-майоры, какъ видно изъ «ордера», даннаго въ «Синбирскѣ». По смерти своей прадѣдъ былъ преданъ землѣ въ селѣ Соловцовѣ.

Отецъ моей матери, а мой дѣдъ, единственный сынъ прадѣда, Василій Алексѣевичъ, былъ, въ числѣ двѣнадцати дѣтей изъ лучшихъ фамилій, посланъ за границу, для обученія наукамъ, въ товариществѣ графа Алексѣя Григорьевича Бобринскаго.

Пробывъ за границей, кажется, девять лѣтъ, дѣдъ вернулся въ Россію, совершенно забывъ свой природный языкъ. Отсюда на первое время вышло большое затрудненіе въ сношеніяхъ его съ своими отцомъ и матерью, не знавшими другого языка, кромѣ русскаго. Затрудненіе это окончилось только, когда сынъ научился говорить по-русски. Умеръ онъ въ Вяткѣ въ должности коменданта.

Мать моей матери, а моя бабка, Софья Александровна, была изъ рода Рославлевыхъ. Очень добрая, очень красивая женщина; въ особенности были хороши ея глаза, какъ по своему очертанію, такъ и по взгляду. Прелестные глаза составляли отличительный признакъ всего рода Рославлевыхъ и сохранялись отъ поколѣнія до поколѣнія, какъ у женщинъ, такъ и у мужчинъ. Красоту свою бабка сохранила и въ старости. Когда отецъ мой задумалъ жениться на моей матрѣ и по тогдашнему обыкновенію, принятому въ обществѣ, желалъ понравиться матери своей суженой, то весь городъ заговорилъ, что отецъ женится на Софѣ Александровнѣ. Такъ она была еще свѣжа и моложава! Бабка моя овдовѣла въ очень еще молодыхъ лѣтахъ, имѣя на рукахъ восемь человѣкъ дѣ-

тей, которымъ и посвятила всю остальную свою жизнь. Я самъ былъ оставленъ на ея попеченіи вскорѣ послѣ моего рожденія, когда отецъ съ матерью и съ старшимъ братомъ отправился въ Петербургъ хлопотать о переводѣ своемъ изъ флота въ казанское адмиралтейство.

Бабка моя умерла въ Казани, во время холеры, въ 1830-мъ году и похоронена на кладбищѣ Кизицкаго монастыря.

Мать моя, Варвара Васильевна, получила образованіе въ московскомъ екатерининскомъ институтѣ и за успѣхи и добрую нравственность, какъ сказано въ дипломѣ, при выпускѣ изъ заведенія, получила шифръ, состоящій изъ золотой буквы М подъ императорской короной (императрица Марія) и наложенный на бантъ изъ бѣлой, съ оранжевыми по концамъ полосками, ленты. Мать моя унаслѣдовала отъ моей бабки и красоту и кротость, имѣла высокій ростъ, стройное сложеніе тѣла; была въ высшей степени добрая женщина, снисходительная мать. Сколько разъ она покрывала наши дѣтскія шалости, чтобы онѣ не доходили до свѣдѣнія отца и не подвели бы насъ подъ отвѣтственность, зная, что расправа отца быстро слѣдовала за содѣяннымъ проступкомъ. Мы, дѣти, никогда не видали, чтобы мать ссорилась съ отцомъ; но часто слышали, какъ послѣдній покрикивалъ на нее. Но тогда былъ такой вѣкъ...

Всегда набожная, мать по смерти отца еще болѣе, если можно такъ выразиться, замкнулась въ религію. Добрыми своими дѣлами она думала выкупить несправедливости и ошибки отца и потому любила принимать разныхъ монашествующихъ обоюдого пола лицъ; бесѣдовала съ ними, угощала ихъ со всѣмъ радушіемъ и, отпуская отъ себя, награждала ихъ щедро. За свое гостепріимство безъ разбора мать поплатилась разъ очень непріятной исторіей. Она приняла монаха, который впослѣдствіи оказался бѣглымъ каторжникомъ, совершившимъ какое-то уголовное преступленіе и скрывавшимся подъ монашеской рясой. Пойманный, онъ на допросѣ, между прочимъ, показалъ, что былъ принимаемъ въ домѣ моей матери и не разъ проживалъ у нея по нѣсколько дней. Такой поступокъ матери по нашимъ законамъ признается за укрывательство или даже пристанодержательство и строго преслѣдуется. На этотъ разъ дѣло окончилось объясненіемъ съ полиціей.

Точно также матушка помогала безъ разбора нищимъ. Сколько разъ мы указывали ей, что мнимый голодный, получа отъ нея милостыню, прямо шелъ въ кабакъ; она только говорила: «я сдѣлала свое дѣло: подала просящему, а что онъ сдѣлалъ изъ подаенія,— до меня не касается!» Послѣ ея смерти большого труда стоило отвадить нищихъ отъ оконъ занимаемаго ею дома; они толпами стекались за полученіемъ обычнаго подаенія. Вся жизнь матери была посвящена намъ, дѣтямъ, и кончилась для дѣтей. Въ 1857 году, желая сдѣлать подарокъ старшему брату, въ день его рожденія,

она отправилась за покупкой на «Биржу», — такъ называется въ Казани ярмарка, устраиваемая на берегу рѣки Булака, на время весенняго разлива водъ. Тамъ она простудилась, получила воспаление легкихъ, и на другой день ея не стало.

Однако, она успѣла выполнить христіанскій обрядъ: причастилась... Кончина ея послѣдовала мгновенно: она приказала приподнять себя, и когда горничная ея, Полинъка, о которой я буду говорить особо въ своихъ запискахъ, взявъ ее подъ спину, начала слегка и осторожно приподымать, мать вздохнула и склонилась головой на грудь... то былъ ея послѣдшій вздохъ...

Согласно изъявленному ею заранѣе желанію, погребена въ Соловцовѣ, рядомъ съ отцомъ.

Таинство крещенія надо мной совершено въ церкви Грузинской Богоматери. Восприемниками отъ купели были сенаторъ Ѳ. Ѳ. Желтухинъ, князь Д. В. Тенишевъ и казанскій комендантъ, генералъ-майоръ Соколовъ; восприемницей — бабка С. А. Мельгунова... Другихъ не помню.

Родился я ребенкомъ слабымъ, хилымъ, такъ что отецъ и мать, отъѣзжая въ Петербургъ и оставляя меня на попеченіе бабки моей, простились со мной со слезами, полагая, что меня больше не увидятъ. Но благій промыселъ распорядился иначе: я — хилое растеніе, выбѣжалъ въ ростъ, окрѣпнулъ въ силахъ, и на мою долю выпалъ печальный жребій — предать землѣ виновниковъ дней моихъ.

Воспоминанія моего дѣтства представляются мнѣ очень смутно. Къ несчастью, не осталось никого въ живыхъ свидѣтелей того времени, рассказами которыхъ я могъ бы воспользоваться для пополненія моей ребяческой біографіи. Вынужденъ довольствоваться одной своей памятью, которая, конечно, можетъ послужить мнѣ матеріаломъ, но только безъ всякой связи, порядка и послѣдовательности. И потому буду описывать свое дѣтство, какъ оно представляется мнѣ въ настоящую минуту.

Домъ бабки моей, въ которомъ мы жили тогда, былъ деревянный, одноэтажный, имѣвшій надъ задними комнатами антресоль, въ которомъ помѣщалась моя спальня. Домъ былъ обширный, помѣстительный, главнымъ фасадомъ выходившій на Грузинскую улицу, а боковымъ — въ переулокъ, называемый Поперечная Лядская. Рамы въ окнахъ были опускныя (тогда еще не дѣлали ихъ створчатыми); при подъемѣ своемъ поддерживались деревянными подставками. Вхожу въ эти, повидимому, ничтожныя подробности, чтобы объяснить, во-первыхъ, какъ устраивались тогда рамы въ лучшихъ домахъ города; во-вторыхъ, что такая рама едва мнѣ не стоила жизни. Разъ я сидѣлъ на окнѣ. По рѣзвости своей я не могъ долго оставаться въ спокойномъ положеніи. Безпрестанно вер-

тась и двигаясь, я какимъ-то неосторожнымъ поворотомъ тѣла вышибъ подставку, поддерживавшую раму. Рама, довольно тяжелая, опустилась... къ счастью, въ ту минуту, я сидѣлъ, свѣсившись за окно, и ударъ пришелся мнѣ по спинѣ... Я отдѣлался сильной болью и горькими слезами... Если бы ударъ рамы послѣдовалъ по шеѣ и головѣ.... могло кончиться для меня очень, очень дурно: тогда мнѣ было не болѣе четырехъ лѣтъ.

По натурѣ своей я былъ очень рѣзвъ, но на всѣ шалости мои былъ страшный бичъ, въ лицѣ очень почтенной старушки, и проявлялся таинственнымъ образомъ. Противъ дома бабки моей, черезъ переулочъ, жила Целагея Ивановна Хвостова, старуха лѣтъ 60-ти. Ея я сильно боялся. Страху моему, вѣроятно, способствовалъ много тотъ мистическій способъ, который употребляли въ моихъ съ ней сношеніяхъ. Способъ этотъ состоялъ въ томъ, что на днѣ картонной коробочки, оклеенной красной бумажкой съ позолотой,—какъ теперь смотрю на нее,—лежалъ лоскутокъ бумажки, на которомъ очень неискусно нарисованъ былъ человѣческій глазъ, по размѣру своему и очертанію болѣе похожій на бычачій. Въ этомъ-то глазѣ и скрывалась та таинственная сила, которая заставляла меня трепетать передъ Хвостовой. Сила эта проявлялась для меня тѣмъ, что каждый разъ, какъ я распалюсь, и нѣтъ удержа моей рѣзвости, мнѣ сейчасъ показывали красную коробочку открытой и, уставляя на меня нарисованный глазъ, пресеріозно увѣряли, что онъ все видитъ и все расскажетъ Хвостовой. Какъ видите, глазъ этотъ соединялъ въ себѣ и чувство зрѣнія, и органъ голоса, и я тотчасъ прекращалъ свои шалости до новаго взгляда на чудесный глазъ коробочки... Въ своей ребяческой наивности, я слѣпо вѣрилъ въ чудесную силу глаза, не соображая, конечно, той простой уловки, что по приходѣ къ бабкѣ Хвостовой, прежде чѣмъ меня позовутъ къ ней на расправу, расскажутъ всѣ мои продѣлки. Когда я являюсь къ Хвостовой, всегда съ трепетомъ, онапреважно открывала очарованную коробочку и, смотря на глазъ, перечисляла всѣ мои шалости, заканчивая ихъ, разумѣется, выговорами и замѣчаніями. Каждый разъ, со слезами на глазахъ, я обѣщалъ ей исправиться, и каждый разъ забывалъ исполнять свои обѣщанія.

Упряжь лошадей въ то время состояла въ томъ, что въ карету впрягали пару «въ дышло» и пару въ уносъ на постромкахъ. На одной изъ уносныхъ лошадей сидѣлъ форрейторъ, или, какъ ихъ звали, «фалетуръ», обыкновенно, мальчикъ лѣтъ 13—14-ти. Обязанность его была довольно сложная: смотрѣть, чтобы постромки на ѣздѣ были всегда «вытянуты», а при поворотахъ или остановкахъ—чтобы ихъ не переступали лошади. Но главное его достоинство заключалось, при встрѣчѣ, предупреждать заблаговременно, чтобы давали дорогу проѣзжающему экипажу. Предупрежде-

ніе это состояло въ томъ, что форрейторъ звонкимъ голосомъ «заливался», выпѣвая: «пади, пади, пад-и-и-и!» Отчетливое выпѣваніе это и пріятный голосъ составляли славу хорошаго форрейтора, и такими гордились. Здѣсь кстати скажу, что и самые экипажи, въ особенности кареты, были замѣчательны по своему устройству. Послѣднія были необыкновенно высоки. Чтобы попасть въ такую карету, надо было подняться по 4—5-ти ступенькамъ, называемымъ «подножки». Подножки эти были складныя и устроивались въ дверцахъ кареты; для входа — опускались и потомъ, складываясь въ пакетъ, оставались внутри кареты. На запяткахъ, т.-е. мѣстахъ, устроенныхъ сзади кузова кареты, обыкновенно помѣщались два рослыхъ, видныхъ лакея, называемыхъ «выѣздными». На зиму карета ставилась на «полозки», т.-е. тѣ же колеса, имѣющія только три четверти своего обода. Чтобы такіе полозки не могли на ѣздѣ повернуться, ихъ скрѣпляли между собою цѣпями, и тогда «выѣздные» помѣщались на концахъ заднихъ «полозковъ», на каждый по одному.

Дѣтство мое шло, дѣлясь на шалости рѣзваго ребенка и на занятія, въ которыхъ проявлялась любознательность мальчика, одареннаго природой счастливыми способностями. Наступилъ 7-й годъ моего рожденія. Съ этого времени въ памяти моей событія моей жизни выдѣляются яснѣе изъ тумана прошлаго, кругозоръ моихъ понятій значительно расширился, и я могу продолжать свой рассказъ съ отчетливостью и въ послѣдовательномъ порядкѣ.

II.

Казанское адмиралтейство и Морская, или Адмиралтейская, слобода.—Наша жизнь въ слободѣ.—Лѣтнія поѣздки въ имѣніе, село Соловцово.—Священникъ о. Петръ и его переходъ въ расколъ.—Деревенское житіе-бытіе.—Жизнь осенью и зимой въ Казани.—Памятникъ взятія Казани 2 октября 1552 г. и ежегодное празднованіе въ Казани этого дня.—Зилантовъ монастырь.—Галера «Тверь» и модель военнаго корабля.—Святки и святочные игры.—Ѣзда на «татарахъ» во время масленицы.—Наступленіе весны.

Адмиралтейство, въ которомъ служилъ мой отецъ, было устроено на берегу рѣки Казанки, недалеко отъ впаденія ея въ Волгу, въ предмѣстѣхъ города, называемомъ и понынѣ «Морская слобода», а по-татарски: «Бежболда», чтó значитъ: семь топоровъ. Преданіе говоритъ, что при заселеніи слободы первый, начавшій строиться, былъ татаринъ, при рытѣ фундамента для своего дома нашедшій въ землѣ семь топоровъ, чтó и послужило поводомъ къ названію слободы «Бежболда». Отцу моему было поручено выстроить въ Морской слободѣ, отъ казны, домъ для своего помѣщенія, куда мы и переѣхали отъ бабки, кажется, въ 1820 году.

Тогда Морская слобода, отстоящая отъ Казани въ 3-хъ верстахъ, не была соединена съ городомъ дамбой, устроенной въ позднѣйшее время (1856 г.), и сообщеніе съ послѣднимъ было не всегда удобно. Котловина, отдѣляющая городъ отъ предмѣстья, весной, при разливѣ рѣкъ, покрывалась водой; по спадѣ водъ или осенью, послѣ дождя, дѣлалась грязь непроѣзжаемая; зимою же часто вьюги прекращали сообщенія. Намъ, дѣтямъ, въ новомъ домѣ было гораздо веселѣе, чѣмъ въ городѣ, по разнообразію развлеченій и удовольствій, которыми мы могли пользоваться.

Однимъ изъ нихъ было присутствовать при спускѣ судовъ, называемыхъ, кажется, гальотами, строившимися въ Адмиралтействѣ. По глубокой своей садкѣ въ водѣ, гальоты могли быть вводимы въ Волгу только во время высокаго стоянія воды въ рѣкѣ Казанкѣ, т.-е. во время ея весенняго разлива. Въ назначенный для спуска день мы отправлялись въ адмиралтейство, помѣщались на нарочно устроенныя, на этотъ случай, около эллинга мѣста. Мы, дѣти, съ замираніемъ сердца ждали той минуты, когда двинется съ своего мѣста гальотъ. Вотъ священникъ отслужилъ молебенъ, окропилъ святою водою суда, готовыя къ спуску, раздаются командныя слова, затѣмъ стукъ молотовъ, выбивающихъ подпорки, сдерживающія судно, и гальотъ сперва тихо, плавно покачнулся на мѣстѣ, потомъ, шипя, пошелъ по подмосткамъ все скорѣе и скорѣе, увлекаемый по склону собственной своей тяжестью; при этомъ только дымъ идетъ изъ-подъ его днища; наконецъ, со всего размаха бухнулся въ воду; пѣна и брызги летятъ во всѣ стороны... И рабочіе, и матросы, и столпившійся народъ кричатъ «ура», махая шапками и платками. Намъ особенно весело... Между тѣмъ, матросы бросились на шпалы, по которымъ только что съѣхалъ гальотъ, и скребутъ сало, которымъ онѣ были смазаны, сколько для облегченія спуска, столько же и для предохраненія отъ самовозгорания; безъ этой предосторожности шпалы легко могли загорѣться отъ тренія... Сало отдавалось въ пользу матросовъ. За первымъ гальотомъ слѣдовалъ тѣмъ же порядкомъ другой, и такъ далѣе, до послѣдняго, сколько ихъ построено было.

Послѣ спуска, въ одномъ изъ зданій адмиралтейства, приготовлялась закуска для почетныхъ посѣтителей, а для мастеровыхъ и матросовъ устраивалось угощеніе, состоящее изъ пироговъ и водки,—тѣмъ и оканчивалось торжество.

Любимое наше развлеченіе весной составляло катанье по водѣ на катерѣ.

Контора адмиралтейства находилась въ городѣ. Отецъ въ качествѣ совѣтника обязанъ былъ посѣщать ее ежедневно, и потому на время разлива водъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи двѣнадцати-весельный катеръ, съ двумя съемными мачтами. Надъ сидѣньемъ былъ устроенъ на желѣзныхъ столбикахъ толстый пеньковый на-

метъ, выкрашенный зеленой краской, съ раздвижными боками, такъ что, въ случаѣ дождя, можно было закрыться со всѣхъ сторонъ.

Въ свободное время мы катались на этомъ катерѣ, восхищаясь и самымъ способомъ плаванія и греблей веселъ. Всѣ старанія имѣющихъ въ своемъ распоряженіи катеръ устремлены были на отчетливую греблю матросовъ. Шикъ въ греблѣ состоялъ въ томъ, что всѣ гребцы разомъ, какъ одинъ, должны были, нагибаясь напередъ и не болѣе указаннаго уклоненія, опускать весла въ воду; при подъемѣ ихъ откинуться назадъ, тоже на одинаковую степень уклоненія, перевернуть весла въ уключинахъ перьями плеса горизонтально водѣ, поднять ихъ на опредѣленную высоту и держать въ такомъ положеніи тоже извѣстное время, и при томъ такъ, чтобы одно весло не было ни выше, ни короче другого, а всѣ вмѣстѣ представляли бы изъ себя ровную поверхность. Катеръ въ такомъ видѣ издали представлялъ очень красивый видъ и походилъ на птицу, рѣющую въ воздухѣ съ неподвижно распущенными крыльями. Такому сходству много способствовала и самая окраска веселъ: съ рукоятки до плеса они выкрашены были коричневой краской, а самый плесъ—бѣлой. Продержавъ въ такомъ положеніи весла опредѣленное время, гребцы вновь опускали ихъ, вывертывая плесъ, чтобы онъ узкой своей стороной врѣзывался въ воду; при этомъ нагибались всѣ ровно, корпусомъ впередъ и такъ продолжали грести все время. Приближаясь къ берегу, унтеръ-офицеръ, молодецкато стоящій на кормѣ и управляющій рулемъ, давалъ свистокъ; тогда послѣдняя пара гребцовъ, сидящихъ на носу катера, складывали свои весла, вставляли на скамьи и, вооружившись баграми, держали ихъ въ рукахъ, стоямя, какъ пики. Всѣ эти движенія дѣлались съ удивительнымъ согласіемъ, какъ одинъ человекъ. По второму свистку кормового, остальные гребцы складывали свои весла, какъ птицы крылья, безъ всякой суеты и торопливости, а первые, вооруженные баграми, зацѣплялись ими за пристань, катеръ поворачивался бокомъ, выкидывалась сходня, два матроса брали за концы запасный багоръ, устраивали изъ него поручень, и мы, дѣти, съ нумомъ и смѣхомъ, веселыя, радостныя, толкая другъ друга, сходили на берегъ, благодарили гребцовъ за доставленное намъ удовольствіе и приходили въ восторгъ, получа отъ нихъ отвѣтъ: «рады стараться!».

Но удовольствіе наше удваивалось, если можно такъ выразиться, когда катанье на катерѣ происходило во время вѣтра. Тогда мы приставали къ отцу съ просьбой поднять паруса. Если отецъ видѣлъ, что вѣтеръ не очень силенъ и не грозитъ опасностью, охотно соглашался на наше желаніе, тѣмъ болѣе, что и самъ, какъ морякъ въ душѣ, былъ не прочь побороться съ вѣтромъ, мечтая, можетъ быть, въ то время, что управляетъ не утлымъ катеромъ, но силь-

нымъ кораблемъ, по крайней мѣрѣ, такъ можно было заключить по скорому согласію, которое онъ давалъ намъ, что въ другихъ случаяхъ не всегда было, и по той довольной улыбкѣ, которая такъ красила его небольшой ротъ. Видя исполненіе нашего желанія, мы, дѣти, тотчасъ же заявляли о другомъ. Мы не довольствовались тѣмъ, что летѣли на парусахъ; намъ хочется, чтобы катеръ шелъ бокомъ, т. е., накренившись. Опять обращались къ отцу, и несказанно были рады, когда онъ говорилъ командѣ какія-то для насъ кабалистическія слова, отъ исполненія которыхъ немедленно катеръ клалъ на одинъ бокъ. Слова эти были:

«Ребята, фикъ-фокъ!»

Не думаю, чтобы тарабарщина эта составляла «морскую» команду, скорѣе то былъ условный терминъ, придуманный отцомъ и означавшій ставить паруса такъ, чтобы катеръ шелъ бокомъ.

Мать, когда бывала съ нами, очень пугалась этого маневра, а мы, дѣти, нарочно пересаживались на накренившійся бокъ катера и руками доставали воду.

По вечерамъ, въ ясную погоду, лакеи и горничныя господъ, жившихъ въ слободѣ, а ихъ было немало, какъ служащихъ въ адмиралтействѣ, такъ и частныхъ лицъ, — собирались на нашемъ обширномъ дворѣ, гдѣ были устроены качели, водили хороводы съ пѣснями, затѣвались игры въ «горѣлки»; иногда мужчины играли въ «городки», «чехарду» и т. п. Да, жилось тогда просто, довольствовались малымъ и веселились отъ души. Нынѣ всѣ эти забавы оставлены; ихъ замѣнили другія болѣе утонченныя для разврата, какъ-то лакейскіе клубы, танцевальныя для горничныхъ вечера. Просвѣщеніе (въ превратномъ смыслѣ) коснулось и нашихъ слугъ. Сбѣжала внешняя вода, рѣка Казанка вступила въ свои берега, земля обсохла; тамъ, гдѣ мы катались на катерѣ, образовались лужайки, покрытыя свѣжей, молодой зеленью; воздухъ значительно нагрѣлся, — наступило лѣто. Пора отправляться въ деревню, куда мы отъѣзжали ежегодно, на все время городской пыли и жаровъ, и гдѣ оставались иногда до конца сентября.

Деревня наша, село Соловцово, принадлежавшее прадѣду, А. В. Мельгунову, и послѣ его смерти перешедшее въ приданое нашей матери, отстоятъ отъ Казани верстъ на 35-ть. Туда-то мы направляли нашъ путь. Сборы въ деревню являлись для насъ совершеннымъ праздникомъ, по свойственному дѣтямъ желанію переменъ мѣста и новизны, и мы радовались предстоящей поѣздкѣ. Дня за два до отъѣзда освобождали насъ отъ ученія, что тоже вносило не послѣднюю дозу удовольствія въ наше путешествіе, и давали намъ время «укладываться». Первое наше стараніе было: собрать и уложить всѣ наши игрушки, затѣмъ между ними гдѣ нибудь въ уголку ящичковъ клали наши учебныя пособія. Наступала суета, страшная бѣготня, заботы, чтобы не забыть чего!... Наконецъ, на-

ступаль столь давно желанный и ожидаемый день нашего выѣзда. Начинается тѣмъ, что на присланныя наканунѣ изъ деревни крестьянскія подводы нагружаются вещи, какъ наши, такъ и нашей прислуги; лакеи, не нужные собственно для насъ въ пути, и горничныя разсаживаются съ визгомъ и смѣхомъ на воза; обозъ, трогаясь съ мѣста, вытягивается гуськомъ и отправляется въ путь, сопровождаемый добрыми пожеланіями дворни, остающейся въ городѣ. Мы, дѣти, давно уже не спимъ, отяжелѣвшими еще отъ сна глазами смотримъ изъ окна на всѣ эти сборы и на выѣздъ «обоза». Такой ранній выѣздъ обоза назначается для того, чтобы къ нашему приѣзду въ деревню всѣ на первый разъ нужныя вещи, какъ-то: постельное бѣлье и т. п., были уже вынуты и приготовлены. Наконецъ, просыпаются отецъ и мать, наступаетъ часъ и нашего отъѣзда. Отдается приказаніе «закладывать». Мы, дѣти, одѣтыя по-дорожному и совсѣмъ готовыя въ путь, выбѣгаемъ на крыльцо смотрѣть на процессъ закладыванья. Отворяется каретникъ, выкатывается «линейка» съ верхомъ и кожаными по бокамъ фартуками, выводится четверня добрыхъ, сытыхъ лошадей. Сперва закладывается пара въ дышло, потомъ въ постромки пара выносныхъ. На форрейторѣ пресмѣшной импровизированный костюмъ: переднія полы кафтана обмотаны около ногъ и въ концахъ стянуты ремешками, чтобы держались на сапогахъ; а задній подолъ кафтана, собранный въ видѣ «свиного уха», проходилъ межъ ногъ и затыкался спереди за кушакъ. Смотри издали на такой костюмъ, можно было подумать, что на форрейторѣ надѣты куртка и широкія, турецкія шаровары, съ перехватомъ у ступней ногъ.

Вмѣстѣ съ линейкой закладывалась бричка тройкой подъ «кухню», которая всегда слѣдовала за нами.

Осанистый, сильный кучеръ, Иванъ Денисовъ, родной братъ моей кормилицы, Степаниды, съ черной, окладистой бородой, осмотрѣвъ, въ порядкѣ ли упряжь, садился на козлы, и линейка съ грохотомъ подѣзжала къ крыльцу. Тогда мы вбѣгали въ комнаты, объявляя, что «все готово».

Присѣвъ на стулья, оставались, молча, нѣсколько минутъ, потомъ вставали, молились на образа и прощались съ отцомъ, который, по службѣ, оставался въ городѣ и приѣзжалъ къ намъ въ деревню по субботамъ, послѣ обѣда, а уѣзжалъ по понедѣльникамъ, рано утромъ, чтобы поспѣть въ контору къ присутствію. Бѣжали опять на крыльцо и съ шумомъ и смѣхомъ усаживались въ линейку, не ожидая старшихъ. Выходила мать въ сопровожденіи отца, за ними лакей, повязанный по нанковому сюртуку кушакомъ. Что означалъ повязанный кушакъ? Не знаю, но помню, что только при отправленіи въ деревню я видѣлъ всегда кушакъ на лакеѣ. Садилась въ линейку мать съ своей неизмѣнной Полинькой, лакей застегивалъ фартуки и помѣщался на козлахъ, рядомъ съ кучеромъ. Тогда отецъ своимъ звучнымъ голосомъ спрашивалъ:

— Все ли готово?

И, получивъ утвердительный отвѣтъ, продолжалъ:

— Ну, съ Богомъ! Трогай! Смотри, Иванъ, у меня ѣхать осторожно! А не то...—и оканчивалъ энергическимъ жестомъ.

Линейка, на высочайшемъ ходу, какъ въ то время дѣлались всѣ рессорные экипажи, выкрашенномъ красной краской, колыхаясь, трогалась съ мѣста. Всю дорогу идетъ между нами неумолкаемая болтовня; все встрѣчное останавливаетъ на себѣ наше внимание: и прискакивающій воробей, и стрекочущая сорока, и порхающая бабочка... Переѣзжаемъ мостъ на р. Казанкѣ, въѣзжаемъ въ открытую мѣстность; повѣяло на насъ чистымъ, луговымъ воздухомъ. Радость наша усиливается, тѣмъ болѣе, что мы никѣмъ не стѣснены въ порывахъ нашей шумной веселости. Наша добрая мать радуется нашей радости, смѣется нашему смѣху. На половинѣ дороги останавливались на «приваль», что обыкновенно происходило или у обильнаго, сильно бьющаго родника, въ селѣ Каймарахъ, принадлежавшемъ Л. Н. Энгельгардту, или, не доѣзжая села, въ лѣсу. Теперь и родникъ изсякъ и лѣсъ вырубленъ, но я помню его еще густымъ, высокимъ лѣсомъ. Въ немъ, свернувъ съ дороги, вправо, на лужайкѣ, мы обыкновенно останавливались. Лошадей отпрягали, пускали на волю, а намъ ставили самоваръ, готовили чай, до котораго мать была большая охотница. Тутъ же поваръ вынималъ свою провизію, и у насъ на открытомъ воздухѣ устраивался прекрасный сытный завтракъ-обѣдъ. Любимая наша ѣда были кокурки. Изъ пшеничной муки приготовляли сдобное тѣсто, закладывали въ него куриное яйцо и ставили въ горячую печь, пока яйцо не прокалится. Такой простой процессъ и доставлялъ намъ кокурки, которыя мы ѣли, что называется, методически. Сперва осторожно отлупляли испеченное тѣсто отъ яйца, очищали его отъ скорлупы, брали на бумажку соль и, макая въ нее облупленное яйцо, заѣдали тѣстомъ. Кушанье не сложное, но очень вкусное; такимъ, по крайней мѣрѣ, оно намъ казалось. Послѣ порядочнаго отдыха и выкормки лошадей привезеннымъ съ собой овсомъ закладывалась линейка, и таборъ нашъ, потушивъ разведенные огни, за чѣмъ строго смотрѣла сама мать, снимался съ мѣста и ѣхалъ до самаго Соловцова, не останавливаясь.

Здѣсь я разскажу пришедшее мнѣ на память происшествіе, случившееся въ одну изъ такихъ стоянокъ въ лѣсу,—происшествіе начавшееся безпокойствомъ и кончившееся смѣхомъ.

Однажды, не знаю почему, мы поѣхали въ деревню не на своихъ лошадяхъ, а на наемныхъ. Кучеромъ и форрейторомъ были у насъ татары. По заведенному порядку расположились на отдыхъ въ Каймарскомъ лѣсу, завтракали, ходили собирать ягоды и грибы, какъ и всегда. Наконецъ пришло время отправляться далѣе; приказали закладывать экипажи. Тутъ только хватились лошадей, а

ихъ нѣтъ какъ нѣтъ. Татары страшно переполошились, а съ ними и мы всѣ. Въ перспективѣ намъ предстояло дѣлать дорогу пѣшкомъ. Въ то время было сильно развито конокрадство, не прекращающееся и понынѣ. Не видя нигдѣ лошадей, порѣшили, что ихъ увели. Однако п татары и наши люди разбрелись по лѣсу ихъ отыскивать. Долго спустя, начали приводить лошадей по одиночкѣ. Слава Богу! Всѣ оказались на лицо. Что же произошло? Нашъ поваръ, Иванъ Ѳеодоровъ, былъ страшный, неутомимый «балагуръ». Онъ-то занялъ татаръ-возчиковъ разными розказнями, между прочимъ, разказалъ имъ притчу, какъ боролся нашъ пророкъ Илія съ ихъ пророкомъ Магометомъ, какія были послѣдствія этой борьбы; при этомъ объяснилъ имъ начало происшедшаго обычая, отъ чего татары на молитвѣ закрываютъ ладонями рукъ лицо свое и потомъ дѣлаютъ ими движеніе, какъ бы размазывая что по лицу... Татары, что называется, «развѣсили уши», слушая розказни повара, забыли посматривать на лошадей, а тѣ, не находя, вѣроятно, ничего для себя занимательнаго въ слушаніи, понемногу отдалялись да отдалялись отъ нашего притона и такимъ образомъ разбрелись по лѣсу на довольно значительное разстояніе.

По пріѣздѣ въ деревню, мать встрѣчали приказчикъ, Гаврило Васильевъ, всегда подписывавшійся подъ своимъ письмами «рапъ вашъ Крюковъ», и выборный, Ѳеодоръ Ивановъ, имѣвшій привычку, когда приходилъ «съ докладомъ», лѣвую руку держать за пазухой кафтана, а правой съ выгнутымъ кверху большимъ пальцемъ размахивать по воздуху какъ бы «подковыривать». Пока мать выслушивала ихъ донесенія, у насъ начинались свои заботы. Сперва обѣжимъ весь домъ, заглянемъ во всѣ уголки, какъ будто пріѣхали въ него въ первый разъ; обѣжимъ весь садъ, заглянемъ въ оранжерею и парники, поздороваемся съ садовникомъ Карпушей, оттуда въ кухню, скотный дворъ, людскія, не забудемъ заглянуть въ каретный сарай, конюшню, словомъ, перебываемъ вездѣ, какъ будто безъ нашего содѣйствія ничто не можетъ сдѣлаться. Набѣгавшись до усталости, повидавшись со всей деревенской дворней, съ раскраснѣвшимися лицами, возвращались въ домъ. Здѣсь насъ уже ожидали наши «кормилицы» съ деревянными чашками, въ которыхъ лежали каленныя яйца, окрашенныя въ желтый цвѣтъ. Такое привѣтствіе на ихъ языкѣ называлось: «пришли на поклонъ къ своимъ баричамъ». А барчата бросались имъ на шею, цѣловали, отдавали привезенные «гостинцы», состоявшіе, большею частью, изъ головныхъ платковъ, какъ единственнаго украшенія въ крестьянскомъ быту, котораго онѣ сами не дѣлали. Дѣтямъ ихъ отсылали лакомства: пряники, орѣхи, жомки. Потомъ шли пить чай съ густыми душистыми сливками, какіе можно имѣть только въ деревнѣ. Такъ обыкновенно оканчивался первый день нашего пріѣзда.

На другой день начиналась разборка нашихъ игрушекъ и учеб-

ныхъ пособій; начинались классы, и жизнь наша вступала въ колею обыденнаго препровожденія времени.

По праздникамъ мы ходили въ церковь, къ обѣднѣ, получали отъ священника по просфорѣ. По возвращеніи домой, собирали крестьянскихъ и дворовыхъ мальчиковъ, нашихъ однолѣтковъ, катались по саду и по двору въ ручныхъ телѣжкахъ, при чемъ нашими рысаками были тѣ же мальчики. Къ обѣду приходилъ попъ, иногда съ попадѣй, пилъ водку, закусывалъ рѣдкой, икалъ и пообѣдавши уходилъ восвояси. Между попами въ особенности выдѣляется въ моей памяти одинъ, по своей «веселой» жизни и таинственной судьбѣ, его постигшей. Имя его было—Петръ Иванычъ; но дворня прозвала его «березой» за его необычайно высокій ростъ и «балдой» за его разгульную жизнь. На крестьянскихъ свадьбахъ отецъ Петръ весьма часто, подобравъ полы своей рясы, пускался въ «присядку», пѣлъ пѣсни и т. п.; все это дѣлалось, разумѣется, послѣ порядочныхъ возліяній въ честь Бахуса.

Въ одно утро исчезъ изъ села нашъ попъ, бросивъ свою семью. Никто не могъ сказать: гдѣ онъ, и что съ нимъ случилось? Говорили только, что не задолго передъ тѣмъ видѣли, какъ приѣзжали къ нему и довольно часто, на тройкахъ, какіе-то люди, одѣтые въ синіе суконные балахоны, повидимому, имѣвшіе большіе достатки. Домашніе попа, подтверждая приѣздъ къ нимъ гостей, дополняли, что попъ въ каждый приѣздъ неизвѣстныхъ людей записался съ ними въ отдельной комнатѣ, гдѣ у нихъ велись какіе-то тайные разговоры, и что каждый разъ по отъѣздѣ гостей у попа оказывались деньги и въ довольно значительномъ числѣ. Какъ бы то ни было, но попъ исчезъ, не оставивъ послѣ себя никакихъ слѣдовъ, что называется, «канулъ въ воду». По обыкновенію, дали знать о происшедшемъ полиціи, и та, по обыкновенію, ничего не дѣлая, донесла, что всѣ ея розыски ничего не открыли...

На томъ и покончилась судьба отца Петра.

Въ 1829 году, въ одинъ осенній темный вечеръ, докладываютъ отцу, что пришелъ бывшій священникъ, отецъ Петръ, и настоятельно просить позволенія его принять. Отецъ приказалъ прямо провести его въ свой кабинетъ. Мы всѣ видѣли, какъ попъ, страшно исхудавшій, съ лицомъ изможденнымъ, прошелъ черезъ залъ. Часъ спустя, вышелъ къ намъ отецъ, за нимъ съ понуренной головой прошелъ и попъ. Съ того времени онъ снова исчезъ безслѣдно; никто ничего не слышалъ о немъ. Надо думать, что онъ лишилъ себя жизни, въ чемъ убѣждаетъ рассказъ, переданный намъ отцемъ. Попъ, войдя въ кабинетъ, началъ съ того, что бросился на колѣни и на замѣчаніе отца о неприличіи такого движенія отвѣчалъ: «Не встану, пока не выслушаете и не простите меня!»—и дѣйствительно, несмотря ни на какія настоянія отца, оставался въ такомъ поло-

женіи все время, пока длилась его «исповѣдь». Разсказъ его состоялъ въ откровенномъ изложеніи всего съ нимъ случившагося. Оказалось, что неизвѣстные люди, приѣзжавшіе къ нему на тройкахъ, были раскольники, уговорившіе его перейти къ нимъ въ секту. Попъ долго колебался, наконецъ, по собственному его выраженію, «аки Іуда, прельщенный тридцатью сребренниками, продался имъ», соблазнившись клятвеннымъ ихъ обѣщаніемъ давать ему денегъ, сколько пожелаетъ, но съ непремѣннымъ условіемъ—отказаться отъ своей семьи и слѣдовать за ними одному. Условившись съ раскольниками о часѣ бѣгства, назначеннаго въ темный осенній вечеръ, онъ вышелъ къ нимъ въ назначенное время за околицу села, не только ничего не говоря о томъ своимъ домашнимъ, но, чтобы не возбудить въ нихъ какого либо подозрѣнія насчетъ своего бѣгства, не взялъ даже своей шляпы. Придя на условленное мѣсто, встрѣтилъ тамъ поджидавшихъ его людей; они переодѣли его въ свое платье, дали шляпу, сѣли на тройки и повезли попу съ изумительной быстротой, день и ночь, останавливались въ глухихъ мѣстахъ, гдѣ вездѣ находили готовыхъ, подставныхъ лошадей. Такимъ образомъ, попъ не успѣлъ еще опомниться отъ всего, съ нимъ случившагося, какъ очутился уже въ дремучихъ лѣсахъ Саратовской губерніи, въ главномъ скиту раскольниковъ, нуждавшихся въ «священникѣ-ставленникѣ».

Раскольники честно выполнили всѣ свои обѣщанія. Попъ, живя въ скитѣ, буквально былъ осыпанъ деньгами по горло; всѣ малѣйшія его прихоти исполнялись скоро; но бѣда въ томъ, что раскольники зорко слѣдили за нимъ, караулили его днемъ и ночью и не выпускали ни на шагъ за ограду скита. Пользуйся чѣмъ хочешь, но пользуйся въ стѣнахъ монастыря! Попъ, не предвидя этого обстоятельства, не выговорилъ себѣ свободу дѣйствій, а раскольники, вѣроятно, съ умысломъ умолчали о томъ. Что пользы въ золотѣ, когда нельзя употреблять его по своему желанію? Вскорѣ по приѣздѣ въ скитъ попъ началъ тосковать въ своей, хотя и золотой, неволѣ, изыскивать возможность—вырваться на волю. Долго не представлялось къ тому случая; наконецъ какъ-то удалось попу усыпить бдительность сторожившихъ его раскольниковъ: онъ бѣжалъ изъ скита, захвативъ съ собой горсть золота; долго блуждалъ въ лѣсахъ, вздрагивалъ отъ малѣйшаго шороха, чую во всемъ за собой погоню, и успокоился, когда случайно вышелъ на большую дорогу. Въ первомъ русскомъ селеніи нанялъ лошадей, безостановочно доѣхалъ до Казани и, придя къ отцу, умолялъ, чтобы онъ ходатайствовалъ за него у преосвященнаго.—Пусть—говорилъ попъ,—наложить на меня какое угодно церковное наказаніе; пусть лишатъ навсегда сана, сдѣлаютъ вѣчнымъ понамеремъ,—онъ все снесетъ безъ ропота, но только, чтобы простили его и избавили отъ преслѣдованій раскольниковъ. Отецъ отказалъ

ему наотрѣзъ въ своемъ ходатайствѣ, сказавъ, чтобы онъ ушелъ, какъ пришелъ, и что ни онъ поца, ни попъ его не видали... Такова была судьба отца Петра.

Возвращаюсь къ нашей жизни въ деревнѣ.

Однимъ изъ лучшихъ для насъ развлеченій и удовольствій были поѣздки въ «дубраву». Верстахъ въ 4-хъ отъ села, за крутой Шуманской горой, находился нашъ лѣсъ, называемый «дубрава». Въ то время лѣсъ этотъ былъ «заказной» и росъ довольно густо. По срединѣ его лежала преживописная поляна, съ трехъ сторонъ оканчивающаяся неглубокимъ оврагомъ, по дну котораго, извинаясь въ травѣ, протекалъ родникъ чистой и студеной воды. На полянѣ были двѣ-три ямы, съ обвалившейся землей и заросшія травой. Происхожденіе этихъ ямъ мѣстные жители объясняли двояко: одни говорили, что тутъ когда-то было жилище, и ямы показываютъ остатки погребовъ; другіе—что въ ямахъ этихъ прадѣдъ нашъ, А. В. Мельгуновъ, содержалъ медвѣдей для травли. Мнѣ кажется, что эти оба разсказа правдоподобны, и мнимое разнорѣчіе можно согласить тѣмъ, что прежде тутъ могли дѣйствительно жить лѣсные сторожа, а впослѣдствіи прадѣдъ держалъ здѣсь своихъ медвѣдей; разница заключается во времени: сперва жили люди, а послѣ звѣри.

На эту-то лужайку, окаймленную со всѣхъ сторонъ лѣсомъ, мы иногда ѣздили пить вечерній чай. Заранѣе отправлялась телѣга, нагруженная самоваромъ, угольями, сухарями, булками и прочими чайными принадлежностями; иногда присоединяли ко всему кадушку со льдомъ, въ которомъ стояла «форма» мороженаго; все это доставлялось подъ надзоромъ извѣстнаго балагура-повара Ивана Ѳедорова и кофешенка Прасковьи, въ сопровожденіи прочей дворни, желавшей погулять въ лѣсу и имѣвшей въ перспективѣ попить чайку. Вся эта ватага съ шумомъ и смѣхомъ надъ прибаутками повара отправлялась пѣшкомъ. Намъ въ свое время закладывали тоже извѣстную линейку, со всѣми приѣмами, которые я описалъ, при сборахъ нашихъ въ городѣ, и мы, усѣвшись иногда съ учителемъ гувернеромъ, неизмѣнной Полинькой, всего человѣкъ 7—8, отправлялись въ лѣсъ. Дорогой мать своимъ чистымъ soprano затягивала:

«Возлѣ рѣчки, возлѣ моста» или
«Раснашу ль я (з) пашенку».

Мы своими дѣтскими пискливыми голосами старались подпѣться къ ней. Выходила, разумѣется, страшная дисгармонія. Мать старается какъ нибудь, направить насъ; все напрасно; выходило, что называется, «кто въ лѣсъ, кто по дрова». Наконецъ мать, видя безуспѣшность своихъ попытокъ, первая начинала смѣяться тому, а за нею—и прочіе. Въ такихъ стараніяхъ какъ нибудь спѣться не видимъ, какъ идетъ время; мы незамѣтно совершаемъ нашъ путь,

вѣзжаемъ въ лѣсъ, останавливаемся на полянѣ; тамъ разведены уже въ ямахъ костры; около самовара копошится Прасковья. Балагуръ-поваръ, вертя мороженое, рассказываетъ что-то столпившимся около него горничнымъ; тѣ смѣются. На берегу оврага разстилаютъ по травѣ большой персидскій коверъ подъ вѣтромъ отъ костра, чтобы дымъ отгонялъ отъ насъ мошекъ и комаровъ. Въ другой ямѣ разведенъ такой же, если не больше, костеръ, въ дымъ котораго ставятъ нашихъ добрыхъ лошадей для защиты отъ слѣпней и оводовъ, которые успѣли уже искушать ихъ до крови, пока мы бѣжали лѣсомъ. Стоянка наша принимаетъ видъ цыганскаго табора.

Напившись чаю и полакомившись, мы надѣвали на голову дегтярныя сѣтки въ предохраненіе отъ мошекъ и, взявъ привезенные съ собой кузовья, расходились по лѣсу, безпрестанно «аукаясь», чтобы не расходиться далеко другъ отъ друга. Хожденіе наше по лѣсу часто прерывалось криками, или испуганнымъ «ай!» при видѣ змѣи, или веселымъ: «ахъ! что я нашелъ!». Всѣ сбѣгались на крикъ, и часто оказывалось, что вскричавшій нашелъ грибъ, на видъ, правда, очень красивый, какъ нѣкоторый изъ породы мухоморовъ, но не употребляемый въ пищу. По зову матери, всѣ сходились къ ней; и тутъ начиналось показываніе найденныхъ грибовъ или ягодъ, самовосхваленіе, кто чего больше принесъ. Между тѣмъ, солнце садилось, тѣни отъ деревъ ложились длиннѣе, наступали сумерки, въ лѣсу чувствовалась сырость, и мы спѣшили отправляться домой. По возвращеніи бѣжали на кухню, и сами обжаривали въ сметанѣ свои грибы на ужинъ.

По субботамъ, если позволяла погода, выходили на Казанскую дорогу, иногда довольно далеко, встрѣчать отца. Завидя еще издали знакомую, окрашенную въ зеленый цвѣтъ, плетеную бричку, запряженную тройкой «георгіевскихъ» коней, опростею и въ перегонку другъ передъ дружкой бѣжали на встрѣчу. Отецъ останавливался, на рукахъ подымалъ насъ къ себѣ въ бричку и поздоровавшись сажалъ около себя. Потомъ приказывалъ кучеру пускать «георгіевскихъ» коней во всю прыть, и мы летѣли такъ, что захватывало дыханіе: то было намъ наградой за нашу встрѣчу.

Здѣсь я поясню, что значило «георгіевскіе» кони, и расскажу, что это были за лошади.

Отецъ мой не былъ охотникомъ, еще менѣе знатокомъ лошадей; онъ всегда говаривалъ: «мнѣ хотя корову запряги, только чтобы везла»,—но такъ былъ счастливъ въ покупкѣ ихъ, что лошади у насъ всегда были лучше, чѣмъ у другихъ записныхъ охотниковъ и знатоковъ. Въ особенности отцу «удались» георгіевскіе кони, такъ имъ прозванные потому, что въ корню ходила лошадь рыжей масти, а на пристяжкахъ—бѣлой. Лошади эти были изъ «косяка», т. е. степныя, и необыкновенно выносливы. Ихъ я засталъ еще у отца въ 1829-мъ году, по возвращеніи моемъ изъ

Петербурга, все такими же сильными и ретивыми, какъ оставилъ въ 1827 году. Несмотря на свои уже не молодые года, георгіевскіе кони и тогда выдѣлывали удивительныя вещи. Напримѣръ, на лѣто, по заведенному порядку, мать съ сестрой Вѣрой и братомъ Ильей уѣзжали въ деревню, а отецъ и я оставались въ городѣ: отецъ—какъ служившій въ строительномъ комитетѣ университета; я—какъ готовящійся поступить въ университетъ. По отъѣздѣ матери въ деревню, отецъ непремѣнно находилъ нужнымъ произвести какія либо передѣлки или поправки въ казанскомъ домѣ. Такъ было и въ 1829-мъ году. Отецъ перекладывалъ въ домѣ печи, кромѣ того, перестраивалъ амбары. Для производимыхъ работъ требовался нужный матеріалъ. Подвозка его совершалась георгіевскими конями, не исключая и субботы, т. е. дня, въ который мы отправлялись на нихъ же въ Соловцово.

Утромъ кони возятъ кирпичъ, песокъ, бревна, разный мусоръ; а послѣ обѣда, по выкормкѣ, закладываютъ ихъ въ бричку, и мы 35 верстъ ѣдемъ не болѣе трехъ часовъ. При этомъ, надо взять во вниманіе, что дорога довольно гориста,—подъемъ на одну Каймарскую гору чего стоилъ; несмотря на то, если кучеръ немного сплоскаетъ, лошади принимались «бить». Обыкновенно начиналось тѣмъ, что коренникъ, приложивъ уши къ шеѣ, бросался впередъ со всѣхъ ногъ, пристяжныя съ особенно имъ присущимъ визгомъ подхватывали, и мы летимъ такимъ образомъ версту, иногда болѣе, пока кучеру не удастся справиться съ ними. Вотъ каковы были «георгіевскіе кони». Всѣ, знавшіе ихъ, не могли имъ надивиться и давали за нихъ дорогую цѣну, но отецъ никогда не соглашался на ихъ продажу.

Настанетъ конецъ сентября, а вмѣстѣ съ тѣмъ и наше возвращеніе въ городъ. Сборы и порядокъ переѣзда тѣ же, какъ и въ деревню. Мы едва ли еще не съ большимъ нетерпѣніемъ ожидали этого времени; однообразныя удовольствія деревенской жизни намъ успѣли наскучить.

Вскорѣ послѣ возвращенія въ Морскую слободу насъ ожидало немаловажное развлеченіе и удовольствіе. 2-го октября въ Казани празднуется годовщина покоренія ея царемъ Іоанномъ Васильевичемъ, или, какъ мы, дѣти, говорили: «Казань сегодня имениница!»

Въ этотъ день, если позволяла погода, мы, дѣти, ходили къ памятнику, воздвигнутому, какъ говорятъ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стояла палатка царя Іоанна Грознаго, во время взятія Казани; въ случаѣ же дождя смотрѣли изъ оконъ дома на церемонію, около него происходившую.

Памятникъ этотъ стоитъ въ лощинѣ между Казанью и Морской слободой, на берегу рѣки Казанки, построенъ изъ дикаго камня въ правильныхъ плитахъ, имѣетъ видъ усѣченной четырехъ-уголь-

ной пирамиды, или конуса съ сръзаннымъ верхомъ, на которомъ водруженъ невысокій золотой жрестъ, формой своей схожій съ орденскими знаками св. Владимира.

По всѣмъ четыремъ сторонамъ памятника устроены фронтоны, лежащіе на четырехъ колоннахъ, по двѣ съ каждого края. Такъ какъ мѣсто, на которомъ стоитъ памятникъ, покрывается весенней водой,—этимъ путемъ, т. е. котловиной, воды р. Казанки сливаются съ водами р. Волги,—то самый памятникъ поставленъ на насыпи, сдѣланной выше горизонта самага высокаго стоянія водъ, во время разлива. При рытьѣ земли для фундамента и устройства самой насыпи вырыто было очень много человѣческихъ череповъ и костей, которые всѣ собраны, сложены въ склепѣ, устроенномъ въ основаніи памятника. Кости эти—необыкновенной величины; если собрать изъ нихъ скелетъ, то онъ будетъ выше трехъ аршинъ. По этому можно судить, какой имѣли тогда ростъ люди. Надъ этимъ костякомъ-склепомъ сооружена церковь въ очень небольшомъ размѣрѣ, въ которой между надлежащей утварью и образами сохраняется портретъ царя Іоанна Васильевича, присланный, какъ говорятъ, имъ самимъ въ Казань вскорѣ послѣ ея покоренія. Портретъ этотъ виситъ надъ входной дверью, противъ алтаря. Отъ времени наружные камни памятника начали крошиться; чтобы предохранить ихъ отъ разрушенія времени, обшили стѣны желѣзными листами и окрасили въ черный цвѣтъ. Памятникъ построенъ при императорѣ Александрѣ I-мъ архитекторомъ Пятницкимъ, по его плану и фасаду.

Въ этомъ-то памятникѣ и происходитъ ежегодно 2-го октября церемонія въ память покоренія Казани, а съ нею выѣстъ и всего Казанскаго царства. Рано утромъ, приходятъ изъ города войска съ своей артиллеріей. Войска располагаются въ карре, а пушки разставляются по берегу р. Казанки, жерлами обращенныя къ водѣ. Пріѣзжаетъ начальство, пріѣзжалъ и архіерей. Служили обѣдню. По окончаніи ея спускались въ склепъ и тамъ, надъ костяками, сложенными въ открытомъ ящикѣ, въ видѣ гробницы, пѣли панихиду. Когда діаконъ провозглашаетъ: «Вѣчная память воинамъ, на брани животь свої положившимъ»,—по данному знаку, войска стрѣляли батальнымъ огнемъ, въ которомъ пушечные выстрѣлы, производимые въ равныхъ промежуткахъ, держали какъ бы тактъ... Мы, дѣти, съ любопытствомъ и замираніемъ сердца слѣдили за этими выстрѣлами, видѣли, какъ изъ жерла пушки первоначально показывался огонь, потомъ вылеталъ клубъ дыма, наконецъ грохоталъ перекатами самый выстрѣлъ, далеко разносившійся по водѣ... Въ кустахъ, росшихъ на противоположномъ берегу Казанки, эхо вторило каждому выстрѣлу; казалось, невидимая артиллерія на каждый выстрѣлъ отвѣчала выстрѣломъ. Мало-помалу предстоящая картина заволакивалась пороховымъ дымомъ, въ воздухѣ слышался спланный

сѣрный запахъ пороха. Въ дыму виднѣлось только сверканіе огня, и люди двигались, какъ тѣни. Когда прекращалась пальба, и дымъ понемногу начиналъ расходиться, войска уже успѣли разойтись; казалось, будто они исчезли въ пороховомъ дымѣ. Вслѣдъ за ними и пушки, сверкая своей мѣдью, съ грохотомъ тоже двигались по направленію къ городу. Церемонія оканчивалась до слѣдующаго года.

Всѣ знакомые, какъ участвовавшіе, такъ и присутствовавшіе на церемоніи, обыкновенно пріѣзжали къ намъ. У насъ обѣденный столъ уже накрытъ. Съ пріѣздомъ гостей подавали кушанья. Въ то время обѣдали вообще очень рано: самое позднее, во 2-мъ часу. За столомъ перемѣнамъ кушанья не было числа, и все это, большею частью, жирное, сдобное: различные пироги, кулебяки, соусы, свинина, буженина и т. п. Мы, дѣти, всегда приходили въ восторгъ, когда къ концу обѣда подавали пирожное: лимонное желе, сдѣланное въ формѣ съ пустотой въ серединѣ, въ которой помѣщался зажженный огарокъ свѣчи.

Такая иллюминація блюда несказанно насъ радовала. Шампанскаго тогда не было, или употребляли его въ очень рѣдкихъ случаяхъ; мѣсто его занимали въ изобиліи подаваемые «наливки» домашняго произведенія, настоянныя на разныхъ ягодахъ: малинѣ, вишнѣ и т. п., и донскія, или такъ называемыя цымлянскія вина, привозимыя въ Казань казаками съ Дона. Между послѣдними винами въ особенности славилось, сколько мнѣ помнится, извѣстное подъ названіемъ «розенъ-бэ»; оно было нѣжнаго цвѣта и очень пріятно на вкусъ.

Послѣ обѣда садились за «бостонъ». Я помню время, когда казанскіе помѣщики играли въ карты на кули, т. е. расплачивались кулями ржаной муки. Въ концѣ двадцатыхъ годовъ такой куль стоилъ не дороже 2 р. 50 к. асс., что, по нынѣшнему курсу, составляетъ 71¹/₂ к. серебромъ. Дешевизна невѣроятная!

Для лакомства подавали моченыя яблоки, домашнія варенья, постилы и конфеты, состоящія изъ леденцовъ и патрончиковъ; такъ назывались небольшія бумажныя трубочки, покрытыя тонкой позолотой; въ трубочки были насыпаны конфеты.

Вечеромъ комнаты освѣщались сальными свѣчами, и при нихъ подавались щипцы для сниманія нагорѣвшей свѣтильни. Щипцы эти устроены были съ забавнымъ для насъ механизмомъ: при раскрываніи, изъ крышки ихъ подымалась пластинка, принимала на себя снятую свѣтильню и потомъ, входя въ свое мѣсто, захлопывалась, при чемъ производила щелканье, и мы, бѣгая отъ одной свѣчки къ другой, безпрестанно снимали нагорѣвшую свѣтильню. Тогда стеариновыхъ свѣчей не знали, а чисто восковыя употребляли только въ торжественныхъ случаяхъ. Послѣ ужина, часовъ въ 9-ть вечера, гости всѣ гурьбой возвращались въ городъ; тѣмъ заканчивался день «именинъ» Казани.

Цѣлью нашихъ осеннихъ прогулокъ было, между прочимъ, посещение Зилантова монастыря и адмиралтейства. Название мужского Зилантова монастыря происходитъ отъ татарскаго слова «Зилантъ», что означаетъ крылатый змѣй или драконъ съ двумя папами, который и изображенъ въ гербѣ Казанской губерніи. Монастырь находится въ той же Морской слободѣ, устроенъ на возвышеніи, какъ бы искусственно сдѣланномъ. На самомъ дѣлѣ окрестности монастыря представляютъ равнину, и только уголъ, образуемый изгибомъ рѣки Казанки, занятый монастыремъ, нѣсколько возвышенъ. Существуютъ два преданія о происхожденіи этой возвышенности: одно говоритъ, что насыпь эта образовалась отъ земли, вынутой при устройствѣ подкоповъ, которые проводились при взятіи Казани въ 1552 году. Другое увѣряетъ, что въ этомъ мѣстѣ рѣки Казанки жилъ крылатый змѣй—Зилантъ, давшій собой название самому монастырю. Зилантъ, роя себѣ пещеру, набросалъ эту насыпь. Легенда подтверждаетъ это сказаніе тѣмъ, что Зилантъ былъ не простой змѣй и, имѣя двѣ лапы, могъ легко ими рыть землю и носить ее на одно мѣсто... Послѣднее преданіе, какъ болѣе поэтическое, болѣе говорящее воображенію, переноса рассказъ въ область фантазіи и вымысловъ, слѣдовательно, впадающее въ сказочный міръ, болѣе намъ сродно, и потому преобладаетъ надъ первымъ преданіемъ.

Въ адмиралтейство мы ходили смотрѣть сохраняющуюся и понынѣ подъ навѣсомъ со стеклами галеру, на которой императрица Екатерина II въ 1767 году приплыла изъ Твери въ Казань. Съ напряженнымъ любопытствомъ мы разсматривали каюты, собственно царицей занимаемая. Къ сожалѣнію, въ нихъ не сохранилось никакой мебели; только однѣ голыя стѣны да сдѣланныя лавки для сидѣнія. Въ одной изъ комнатъ показываютъ на полу слѣды чернилъ, объясняя, что Екатерина, во время своего путешествія, французскій романъ Мармонтеля «Велизарій» разодрала на нѣсколько частей и дала ихъ переводить каждому изъ лицъ, составлявшихъ ея свиту, не устранивъ и себя отъ такого труда. Занимаясь этимъ переводомъ, царица и забрызгала чернилами полъ каюты. Въ бытность свою въ Казани Екатерина принимала дворянъ въ залѣ собранія. По окончаніи церемоніи она потребовала дворянскую книгу и собственноручно написала въ ней: «Казанская помѣщица Екатерина». Книга эта, если только не сгорѣла съ домомъ дворянскаго собранія во время пожара 1842 года, должна храниться и понынѣ.

Отъ галеры переходили въ одну изъ залъ адмиралтейства, гдѣ на столикѣ помѣщалась раскрашенная модель трехдечнаго военнаго корабля, въ довольно большомъ размѣрѣ. Внимательно осматривали оснастку: всѣ веревочки съ миниатюрными блочками были на своихъ мѣстахъ, какъ и на настоящемъ кораблѣ. Подражаніе

доходило даже до мелочей: въ окнахъ каютъ были вставлены стекла, фонарики висѣли на надлежащихъ мѣстахъ. Модель эта, по уничтоженіи адмиралтейства, не знаю по какому случаю сдѣлалась собственностью казанскихъ архіереевъ и помѣщается и понынѣ въ ихъ загородномъ домѣ. Изъ залы заходили въ мастерскія, слесарни, заглядывали и въ кузницы; вездѣ работали матросики, большею частью, изъ татаръ. Не забывали взглянуть и на свой катеръ, заново выкрашенный и покоящійся до весны подъ навѣсомъ.

Между тѣмъ наступили морозы, въ воздухѣ лѣниво порхаютъ снѣжинки, потомъ снѣгъ въ видѣ хлопьевъ валитъ все больше и больше; устанавливается зима со своими вьюгами и метелями. Удовольствія наши и забавы еще болѣе разнообразятся. Начиналось катанье сперва на салазкахъ по двору, потомъ на ледяной горѣ, устроенной черезъ улицу, прямо противъ нашего дома. Такъ какъ гора обыкновенно дѣлалась довольно значительной высоты, и, слѣдовательно, раскатъ былъ дальній, то намъ, дѣтямъ, позволялось только скатываться, сидя на «чуманѣ» или на медвѣжьей шкурѣ. Ушибиться не могли: если и случалось при спускѣ сползать со шкуры или съ чумана, что мы иногда дѣлали изъ шалости, то намъ не предстояло никакого вреда, такъ какъ дальнѣйшій спускъ съ горы мы оканчивали, сидя на своихъ природныхъ салазкахъ. Людямъ, искуснымъ въ управленіи салазками, довѣрялось скатывать насъ съ горы, что составляло для насъ несказанное удовольствіе. Усѣвшись на колѣна катающаго и уцѣпившись крѣпко руками за его ноги, летимъ съ легкимъ замираніемъ сердца съ верхокой горы, полной грудью рѣжемъ холодный воздухъ, въ которомъ морозъ сверкаетъ на солнцѣ, какъ огненные иглы, откатываемся далеко, далеко...

Другого рода катанье происходило на «самокатѣ», но этимъ удовольствіемъ мы могли пользоваться только во время вѣтра. Была устроена широкая скамья на полозьяхъ. По срединѣ скамьи утверждена мачта. Мы усаживались на скамью, подымался парусъ, и «самокатъ» силою вѣтра скользилъ по расчищенному льду озера, находящагося въ недалекомъ разстояніи отъ нашего дома. Обоиими этими развлеченіями любили пользоваться и взрослые, нарочно для этого пріѣзжавшіе къ намъ изъ города. Иногда собиралось большое общество мужчинъ и женщинъ; кавалеры катали дамъ, послѣднія визжать и смѣются. Но мы, дѣти, не очень долюбливали такіе наѣзды. Намъ не позволялось принимать участіе въ забавѣ взрослыхъ, а оставаться въ наши годы простыми зрителями значило дразнить себя удовольствіемъ другихъ. За подобныя лишенія мы себя вознаграждали тѣмъ, что катали другъ друга по двору на салазкахъ или запрягали въ нихъ нашего большого доброго козла, который былъ очень послушенъ и иногда даже рѣшался пускаться рысью.

Настаютъ «святки». То-то радость! То-то веселье! «Ряженые» будутъ приходить по вечерамъ, занимать насъ.

Обычай «наряжаться» на святкахъ нынѣ выводится даже между низшимъ классомъ людей. Во время нашей молодости, онъ еще существовалъ въ полномъ разгарѣ. Въ лучшихъ знатныхъ домахъ не пренебрегали этой забавою и смотрѣли на затѣи своей дворни не только снисходительно, но поощряли вниманіемъ и угощали.

Обыкновенно вечеромъ намъ объявляютъ: «Пожалуйте, пришли наряженные!». Мы отталкиваемъ отъ себя книги и тетради, по которымъ учили свои уроки, вскакиваемъ проворно со своихъ мѣстъ и стремглавъ летимъ въ залъ. Тамъ визгомъ и пискомъ встрѣчаютъ насъ разнообразныя доморощенные костюмы. Чего нѣтъ между ними? Тутъ и «поводильщикъ съ медвѣдемъ» и неизмѣнной его спутницей «козой»; тутъ и турокъ въ чалмѣ, и чопорная барыня въ допотопной шляпкѣ и пестрой, яркой шали; разные уроды съ горбами то спереди, то сзади... но всѣхъ не перечесть. Въмѣсто маски надѣты на лица лоскутки писчей бумаги съ прорѣзанными отверстіями для глазъ, носа и рта, при чемъ свой собственный носъ и щеки по бумагѣ намазаны сильно кирпичемъ. Другіе, не имѣя масокъ, закрывались просто рукавами своихъ костюмовъ, оставляя на виду одни только глаза. Все это обступаетъ насъ и визгливымъ, не своимъ голосомъ бормочетъ съ нами. Мы стараемся узнать личности. Подымается между братомъ и мной споръ. Одинъ говоритъ: «узналъ, узналъ! это—Федоръ, а это—Авдотья, а это—Варя!», а другой, горячо оспаривая, возражалъ: «Нѣтъ, нѣтъ, не узналъ, какой это Федоръ? Это—Иванъ, ты видишь, его носъ! А это—Акулина, а это — Клеопатра!». Узнавали мы только безъ спора одного нашего повара, по разнымъ его прибауткамъ и розсказнямъ, несмотря на переряживание его и гримировку. Но лучший любимый нами костюмъ былъ «индѣйскій пѣтухъ». Костюмъ былъ очень не замысловатъ: обыкновенный овчинный тулупъ, съ большого роста человѣка, выворачивали шерстью наружу; кто либо изъ комнатныхъ мальчиковъ, чаще всего поваренокъ, ноги свои просовывалъ въ рукава тулупа, руки складывалъ на груди, и въ такомъ положеніи туловище его завертывали въ тулупъ и запеленывали полотенцами, оставляя только голову, на которую надѣвали шапку съ пришитымъ къ верхушкѣ краснымъ гребнемъ и съ привѣшенными къ бокамъ тоже красными лоскутьями, что все должно было изображать собой пѣтушиныя щеки; назади мальчика прицѣпляли подобіе хвоста. Мальчикъ въ такомъ костюмѣ могъ двигаться только ногами; самъ же и съ спеленатыми руками находился въ своемъ одѣяніи, какъ улитка въ раковинѣ. Нашимъ особеннымъ удовольствіемъ было подкрасться сзади къ такому «пѣтуху» и толкнуть такъ, чтобы онъ упалъ на полъ. Бѣдный «пѣтухъ» дѣлаетъ всевозможныя усилія, чтобы подняться на

ноги, и подпрыгиваетъ, и перекатывается съ боку на бокъ; но, лишенный употребленія рукъ, никакъ не можетъ достигъ своего и остается въ лежачемъ положеніи, пока кто нибудь не подниметъ его и не поставитъ на ноги. А мы, дѣти, смотря на его барахтанье и прыжки, чтобы встать самому съ пола, заливаемся смѣхомъ. Да и не мы одни увлекались такимъ зрѣлищемъ. Часто отецъ и мать и случившіеся пріѣзжіе посторонніе не отставали отъ насъ въ проявленіи своей веселости... Послѣ разныхъ кривляній и пляски наряженные снимали свои бумажныя маски и усаживались на стулья, составленные въ кругъ посреди зала. Начинали пѣть «подблюдныя пѣсни», играть въ «фанты». Мы усаживаемся тутъ же съ ними. Одна изъ горничныхъ-запѣвалъ звонкимъ голосомъ запѣваетъ:

«Слава царю нашему, слава!»

или

«Идетъ кузнецъ изъ кузницы!» и т. п.

Прочіе подхватываютъ, и звуки, довольно пріятные, льются по дому.

Наше сердце прыгаетъ отъ радости... Въ особенности помню одну оригинальную игру въ «фанты». Зажигали лучинку и старались передать скорѣе сосѣду, пока она еще тлѣетъ. У кого въ рукахъ она гасла, тотъ платилъ «фантъ», то-есть, клалъ на столъ какую нибудь вещь, ему принадлежащую: кольцо, сергу, булавку, платокъ и т. п. При этомъ пѣли приличную для того пѣсню, поражающую своей безсмыслицей:

«Жилъ-былъ Курилка,

«Да чуть не умеръ.

«Какъ у нашего Курилушки

«Ножки тоненьки,

«Душа коротенька,

«Жена молоденька!» —

и далѣе опять сначала.

По окончаніи пѣсенъ разыгрывались фанты. Всѣ лежащія на столѣ вещи, собранныя отъ провинившихся, одинъ изъ участвующихъ въ играхъ сладывалъ въ шапку, соединялъ ея края вмѣстѣ, чтобы не видно было самыхъ вещей, и подходилъ къ кому нибудь, прося вынуть фантъ. Пока тотъ запускатъ руку въ шапку, собиравшій фанты спрашивалъ: «Чей фантъ вынется, что тому дѣлать?».

Съ такимъ вопросомъ, а равно и для вынимашя фанта, чаще всего обращались къ намъ, дѣтямъ. Мы назначали то плясать, то быть зеркаломъ, то продавать ленты и т. п. Быть зеркаломъ значило повторять всѣ тѣ движенія, какія дѣлалъ тотъ, къ кому подходили. Продавецъ лентъ предлагалъ купить и спрашивалъ, сколько нужно аршинъ. Ему назначали. Тогда и предлагающій и

покупающій, взявшись за руки, вытягивали ихъ во всю длину и потомъ соединяли, повторяя это движеніе столько разъ, сколько было назначено аршинъ, при чемъ каждый разъ цѣловались. Такой жребій, павшій на долю счастливца, возбуждалъ зависть въ другихъ. Я разумѣю мужчинъ, но и горничныя были не прочь отъ такого удовольствія. Затѣмъ подавались лакомства, состояція изъ орѣховъ, пряниковъ и т. п. Дворянъ съ признательностью принимала такое дешевое угощеніе, цѣня вниманіе къ себѣ господъ... Тѣмъ кончался вечеръ.

Такъ продолжалось до самаго крещенія. Наставала «масленица» со своими блинами и катаньями на татарахъ. Прошу слова «на татарахъ» не принимать въ буквальномъ ихъ смыслѣ. Катались не на татарахъ, а на лошадяхъ, управляемыхъ татарами. Такъ принято говорить, все равно, какъ я бы сказалъ, что пріѣхалъ «на извозчикѣ». Употребленіе и потребленіе блиновъ считаю излишнимъ описывать: это всеѣмъ извѣстно; но обычай ѣздить «на татарахъ» заслуживаетъ быть упомянутымъ, какъ мѣстный продуктъ.

Нигдѣ въ цѣлой Россіи не существуетъ такого обычая, какъ въ Казани,—обычая ѣздить «на татарахъ». Къ первому дню масленицы изъ окрестныхъ иногда довольно отдаленныхъ деревень съѣзжаются въ городъ татары, большею частью, на парѣ, рѣдко на одной лошади, запряженныхъ въ простыя лубочныя сани, называемыя «пошевни».

На сидѣнье и на задокъ, или спинку, накидывается коверъ, болѣе или менѣе богатый, смотря по состоянію хозяина; лошадямъ въ гривы и хвосты вилетаются разноцвѣтныя ленты, между которыми преобладающій цвѣтъ—красный, вообще же яркій. Самъ хозяинъ татаринъ, въ своемъ національномъ одѣяніи, т.-е. озямъ изъ бѣлаго домашняго сукна, шапкѣ, опушенной мѣхомъ или шкурой барана, съ ярлыкомъ на спинѣ, означающимъ его право возить желающихъ, сидитъ на передкѣ саней и становится на улицѣ тамъ, гдѣ, по его мнѣнію, онъ скорѣе можетъ найти сѣдоковъ, и потому татарина вездѣ можно встрѣтить, и на перекресткахъ, и по угламъ домовъ, даже посрединѣ улицы; ему нѣтъ опредѣленнаго мѣста. Говорю—вездѣ, потому что татаръ на эти дни наѣзжаетъ въ Казань не одна тысяча. Во время моего дѣтства татары обыкновенно возили, пуская лошадей во всю прыть и за большое пространство проѣзда брали сравнительно весьма малую плату. Нынѣ не то! Нынѣ татары ѣздятъ небольшой рысью и норовятъ взять какъ можно больше за небольшое разстояніе. Я помню, за проѣздъ отъ Морской слободы до города и обратно, что въ оба конца составляетъ 6 верстъ, платили 10 коп. асс., т.-е. менѣе, чѣмъ 3 к. сер.; при томъ татаринъ везъ такъ, что захватывало духъ.

Я увѣренъ, что, какъ прежде, такъ и теперь, не найдется ни одинъ человѣкъ въ Казани, мужчина, женщина или ребенокъ, ко-

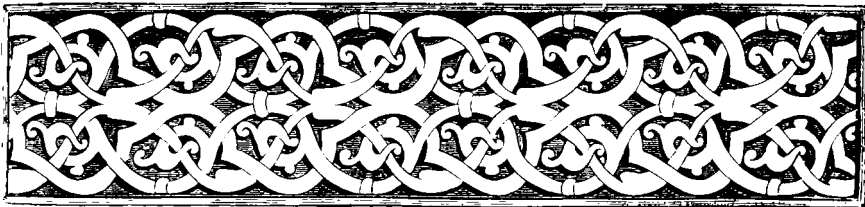
торый бы хотя разъ не проѣхался на татаринѣ. Безъ такой ѣзды и масленица не въ масленицу. Обычай этотъ приносить выгоду татарамъ; большая ихъ часть выручаетъ такъ много денегъ, что за уплатой податей имъ достаетъ на прокормленіе своей семьи до новой масленицы. Не менѣе выгодно и городу: за право возить ѣздоковъ татары обложены опредѣленнымъ сборомъ, по уплатѣ котораго снабжаются «ярлыками», о которыхъ я уже говорилъ.

Но всему есть конецъ! Приходитъ конецъ и масленицы. Настаетъ великій постъ. Унылый звонъ колоколовъ призываетъ къ молитвѣ. Татары, вчерашніе наши радѣтели удовольствія, ходятъ по домамъ, испрашивая «поганныхъ блиновъ». Всѣ оставшіеся блины отдаются имъ. Въ срединѣ поста воздухъ дѣлается теплѣе, рѣже; небо принимаетъ голубоватый съ зеленымъ отливомъ цвѣтъ; дышится легче!.. Начинаетъ чернѣть дорога, снѣгъ рыхлѣетъ; показываются протоки, открываются прогалины. Прилетаютъ скворцы и занимаютъ устроенныя для нихъ скворечницы. Солнце сильно печетъ. Жаворонокъ гдѣ-то въ выси звенить колокольчикомъ... Ручьи тающего снѣга увеличиваются день ото дня, вздувается рѣка Казанка, подымаетъ ледъ, который отстаетъ отъ береговъ, трещитъ, ломается съ какимъ-то стекляннымъ звономъ, вода выступаетъ изъ береговъ, низкія мѣста и ямы въ котловинѣ, отдѣляющей насъ отъ города, наполняются водой... Вода все болѣе и болѣе захватываетъ мѣста, и вотъ въ одно утро проснувшись смотримъ въ окно: все пространство до Казани покрыто водой. Вмѣстѣ съ тѣмъ трогается ледъ на рѣкѣ; за нимъ идутъ «расшивы», нагруженные хлѣбомъ, бѣлѣя своими распущенными парусами. Въ то время на Волгѣ не знали еще пароходовъ, и, если не ошибаюсь, во всей Россіи одни только пароходы Берта бѣгали между Кронштадтомъ и Петербургомъ. Теперь одну Волгу рѣжутъ болѣе 500 пароходовъ разныхъ наименованій и назначеній... Изъ оконъ дома выставляютъ зимнія рамы; весенній воздухъ врывается въ комнаты, обдаетъ своей свѣжестью. Нашъ милый катеръ является передъ домомъ къ нашимъ услугамъ. Наши забавы и удовольствія вступаютъ въ свое обычное круговращательное движеніе, какъ мною описано. Все ближе и ближе подходит пора моего ученія. Няня моя, смотря на мои шалости и не въ силахъ будучи прекратить ихъ, все чаще и чаще повторяетъ: «А вотъ, погоди ужь! Скоро быть бычку на веревочкѣ!». Подъ «бычкомъ» подразумѣвался я, а подъ «веревочкой»—мое ученье...

Минуло мнѣ 7 лѣтъ, и меня «посадили за азбуку». Но здѣсь кончается мое дѣтство, наступаетъ періодъ «отрочества». Слѣдующія событія моей жизни въ памяти моей выдѣляются ясно, получаютъ болѣе законченное очертаніе, правильную послѣдовательность.

Н. Мамаевъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ЗАПИСКИ Н. И. МАМАЕВА ¹⁾.

III.

Мои первые педагоги: соловцовскій понамарь и казанскій семинаристъ.—Пансіонъ Вишневекаго.—С. И. Знаменскій.—Отецъ покупаетъ домъ въ Казани, на Поповой горѣ.—Гуверниеръ французъ m-r de Corval.—Наши дѣтскія игры и забавы и дядька Ѳеодоръ Ивановичъ.—Наша «дворня».—Портной Иванъ и горничная Полинъка.—Уроки танцевъ.—Annette Дитель.

НѢ МИНУЛО семь лѣтъ, 3 іюля 1823 г., что пришлось во время пребыванія нашего въ деревнѣ. На другой день утромъ пригласили священника, отслужили молебенъ для испрошенія Божьяго благословенія на начало ученія. Во время службы я, стоя на колѣняхъ, горячо молился. Всѣ обратили на меня вниманіе, тѣмъ болѣе, что я дѣйствовать не по наущенію другихъ, но по собственному побужденію, какъ бы сознавая самъ всю торжественность, всю важность предстоящей минуты для моей жизни.

По уходѣ священника, изъ двухъ причетниковъ, сопровождавшихъ его, отдѣлился одинъ,—понамарь,—мой педагогъ. Забылъ, какъ его звали, о чемъ очень сожалью, какъ о невозвратимой потерѣ въ томъ смыслѣ, что не могу имя его увѣковѣчить на весь учащійся міръ. Педагогъ мой былъ кривъ на одинъ глазъ, отчего другой блестѣлъ какъ-то особенно живо; имѣлъ жиденькую бородку козла, на котораго онъ и походилъ своимъ невзвучнымъ голосомъ,

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXXIII, стр. 40.

когда пѣлъ на клиросѣ церкви; мышинный хвостикъ за спиной, вмѣсто косы; большіе козловые сапоги, сильно смазанные дегтемъ и подкованные гвоздями. Запахъ дегтя уничтожалъ запахъ, издаваемый его пѣтомъ. Всѣ эти подробности я подмѣтилъ съ перваго же раза, по свойственному всѣмъ дѣтямъ любопытству, съ которымъ они осматриваютъ всякое новое лицо, къ нимъ приближающееся.

Первый приступъ къ моему ученью заключался въ томъ, что мнѣ сдѣлали «указку». То была деревянная палочка толщиною въ гусиное перо, длиной вершка два съ половиной. Указка завершалась головкой въ видѣ четырехъ-угольной дощечки съ полукруглой выемкой въ верхнемъ ея концѣ. Такую штуку я долженъ былъ держать въ правой рукѣ, вывернувъ ладонь, между пальцами: указательнымъ и среднимъ, а большимъ придерживать, вложивъ его въ устроенную для того выемку, и водить указкой по той буквѣ въ книгѣ, которую изучалъ.

По понятіямъ моего учителя вся суть, вся глубина пониманія и знанія заключалась именно въ такой указкѣ; безъ нея какое ученье не могло итти въ прокъ. Словомъ указка служила видимымъ проводникомъ между начертаніемъ буквъ въ книгѣ и моими мозгами или умственными способностями.

Методъ обученія состоялъ въ томъ, что, водя указкой по буквамъ, я заучивалъ: азъ, буки, вѣди и т. д. Пока я училъ азбуку, такое названіе буквъ еще кое-какъ шло; но когда я достигъ складовъ,—дѣло ученія совершенно испортилось. Меня поразило странное сочетаніе буквъ; я думалъ: отчего, напримѣръ, буки-азъ дѣлали ба, или: покой-рцы-азъ-ра — пра? За объясненіемъ такой номенклатуры или китайскихъ словъ, при произношеніи щекотавшихъ языкъ, я, конечно, обращался къ своему педагогу; но онъ понималъ столько же, сколько и я, и только умѣлъ отвѣчать: «А вы, сударь, извольте учиться, не то—папенькѣ скажу!»

Не правда ли: какой удовлетворительный отвѣтъ на пытливый вопросъ мальчика?

Мой умишка требовалъ себѣ пищи, а тутъ предлагаютъ «пожаловаться», разумѣется, въ томъ предположеніи, что послѣдуетъ мнѣ «нагонка» отъ отца. Такой своеобразный способъ развивать умственные способности въ мальчикѣ, конечно, могъ принести только «обратную» пользу; т. е. убить въ зародышѣ всякую любознательность.

Несмотря на всю безтолковость преподаванія, мои успѣхи въ ученіи открыли однакожъ, что природа надѣлила меня самыми счастливыми способностями. Къ счастью, отъ прозорливаго вниманія матери не скрылись: ни начало моего умственного развитія, ни скудность ученія, и въ первый разъ какъ пріѣхалъ въ деревню отецъ, она сообщила ему свои замѣчанія. Порѣшили съ переѣздомъ въ городъ пріискать для меня и старшаго брата, оставшагося

тогда на лѣто у нашей бабки,—учителя способнаго, который бы серьезно занялся нашимъ обученіемъ, а до того времени довольствоваться механическимъ способомъ преподаванія нашего доморощеннаго кривого педагога.

По приѣздѣ въ городъ, скоро нашли намъ учителя изъ семинаристовъ. Онъ оказался съ большими способностями для исполненія своей обязанности, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ горчайшій пьяница. Несмотря на то, мы дѣлали съ нимъ большіе успѣхи; въ какіе нибудь полгода научились свободно читать, писать, прошли почти всю первую часть грамматики и первыя четыре правила ариѳметики.

Толковое обученіе его принесло намъ большую пользу. Тутъ память моя выказала свою блестящую способность; я заучивалъ уроки легко, свободно, безъ всякихъ усилій.

Память моя, несмотря на прожитыя 56 лѣтъ, въ которыя она, конечно, утратила много своей силы, и теперь подсказываетъ мнѣ событія моего отдаленнаго прошлаго. Стоитъ только вдуматься, и дѣтство мое встаетъ передо мной со всей современной обстановкой, съ средой, меня тогда окружавшей. Люди и событія проходятъ передъ моими глазами, какъ въ подвижной панорамѣ. Даже ясно припоминается мнѣ мой тогдашній душевный міръ, я переживаю тѣ же ощущенія, тѣ же помысленія испытываю, тѣ же тревоги волнуютъ меня. Переносясь въ прошлое, я отстраняю отъ себя послѣдующіе годы моей жизни, какъ бы они для меня вовсе не существовали; перерождаюсь, или, лучше сказать, возрождаюсь въ той эпохѣ, которую описываю.

Долго терпѣли «слабость» нашего учителя ради его педагогическихъ способностей, но конецъ концовъ былъ тотъ, что ему должны были «отказать».

Отецъ, встрѣчая затрудненія въ приисканіи способнаго нравственнаго наставника, порѣшилъ отдать насъ въ частный пансіонъ Вишневскаго, который въ то время былъ инспекторомъ студентовъ, и пансіонъ его помѣщался въ здашіи университета.

Когда пришло время везти насъ въ пансіонъ, мы въ первый разъ испытали на себѣ всю силу нѣжной привязанности къ намъ матери; отпуская насъ, она обливала насъ слезами. Огорчалась она не тѣмъ, что мы отлучались за три версты,—мы и прежде того часто гасивали, иногда по мѣсяцу, у нашей бабки, а теперь она знала, что по субботамъ насъ будутъ привозить домой, стало быть, огорчала ее не недѣльная съ нами разлука, но тяжелая мысль, что отдають насъ въ посторонніе люди, на «чужія руки»!..

Ея заботливому воображенію представлялось, что мы въ пансіонѣ насидимся «и голодными и холодными», будемъ получать щипки и пинки отъ прочихъ дѣтей, нашихъ будущихъ товарищей, дѣтей, можетъ быть, грубыхъ. Боялась она и за нашъ молодой легко вос-

принимающій возрастъ, чтобы мы не переняли дурныхъ манеръ въ обращеніи, боялась и за нашу нравственность, чтобы не научились какимъ дурнымъ шалостямъ... и чего-чего не приходило на мысль ея встревоженному воображенію. Съ несвойственной ей твердостью она настояла отъ отца, чтобы для прислуги намъ былъ отпущенъ съ нами нашъ человѣкъ. Такимъ образомъ, нравственная связь наша съ семействомъ не совсѣмъ была порвана... Мать, не имѣя возможности сама слѣдовать за нами въ пансіонъ, препоручила насъ надежному слугѣ. Призвавъ послѣдняго къ отцу въ кабинетъ и заперевъ за собой двери, она долго-долго что-то говорила съ нимъ, вѣроятно, поучала его, какъ слѣдить за нами. Въ одномъ мы догадались: дядькѣ нашему поручено было отдавать матери подробный отчетъ о нашемъ житѣ-бытѣ, и догадались потому, что каждую субботу, по возвращеніи нашемъ домой, мать призывала дядьку въ тотъ же кабинетъ и все о чемъ-то подолгу его разспрашивала.

Въ первую же субботу, по приѣздѣ изъ пансіона, мать распорядилась снять съ насъ верхнее платье и облечь въ халаты, въ томъ убѣжденіи, что въ пансіонѣ мы цѣлую недѣлю, по цѣлымъ днямъ, ходили, не снимая платья, и потому члены наши и тѣло нуждаются въ нѣгѣ и свободѣ. Потомъ усадила насъ около себя, попеременно лаская и предлагая намъ разные лакомства. Отецъ все это видѣлъ и молча только покачивалъ головой. Такъ продолжалось во все время нашего пребыванія въ пансіонѣ. Наша добрая дворня тоже по-своему выказывала свою радость нашимъ приѣздамъ, въ особенности моя няня. Всѣ они говорили, что съ отсутствіемъ нашимъ въ домѣ дѣлается и скучно и пусто; вездѣ тишина, точно нѣтъ живыхъ людей.

Наконецъ отцу наскучила мать своими настоятельными просьбами взять насъ изъ пансіона. Меньше чѣмъ черезъ годъ желаніе ея исполнилось, къ тому же времени пріискали намъ учителя, въ лицѣ Стефана (какъ онъ писалъ) Ивановича Знаменскаго, кончившаго курсъ наукъ въ Казанской семинаріи. Знаменскій оказался человѣкомъ доброй нравственности, безъ крупныхъ пороковъ; занимался съ нами уроками утромъ 4 часа и послѣ обѣда—2; остальное время посвящалъ приготовленію себя въ университетъ.

Въ концѣ 1825 г., отецъ купилъ у г. Толбузина каменный, двухъэтажный домъ въ Казани, на Поповой горѣ. (Домъ этотъ въ 1835 г. проданъ г-ну Палицыну, во владѣніи котораго находится и понынѣ). Мы тогда же переѣхали въ новый домъ, къ особому удовольствію Знаменскаго, поступившаго въ университетъ своекоштнымъ студентомъ. Посѣщать лекціи изъ Морской слободы, за 3 версты, конечно, представляло много неудобствъ.

Нашъ городской домъ устройствомъ своимъ много походилъ на тѣ старинныя католическія аббатства, какъ они описаны въ ста-

ринныхъ романахъ. Со стороны двора, по всему фасаду, тянулась на деревянныхъ столбахъ деревянная со стеклянными рамами галлерей, служившая какъ для внутренняго сообщенія, такъ и для хода во второй этажъ дома, въ который, впрочемъ, вела и другая, «парадная» лѣстница. Галлерей эта, кромѣ того, вела на чердакъ дома и внизъ, въ кухню, и, изгибаясь далѣе, выходила въ наружныя сѣни; словомъ галлерей представляла собой такое сплетеніе разныхъ перегородокъ, чуланчиковъ, поднимающихся и спускающихся лѣстницъ, что люди наши нескоро могли привыкнуть ко всѣмъ входамъ и выходамъ. Много было употреблено матеріала на устройство такой галлерей, безъ всякой пользы для хозяйства, и она только могла служить богатой пищей огню, во время пожара.

На слѣдующій годъ, осенью, когда мы вернулись изъ деревни,— не узнали нашего дома! Отецъ все передѣлалъ, все измѣнилъ. Галлерей не существовало, отчего заднія комнаты много выиграли въ освѣщеніи. Въмѣсто лабиринта лѣстницъ устроена была одна, «черная», въ самомъ домѣ. Кухня отнесена напротивъ дома, черезъ проѣздъ во дворъ, и фасадомъ поставлена на улицу, на линію съ домомъ. Въмѣсто гнилыхъ, покачнувшихся отъ времени, надворныхъ строеній появились новыя, приспособленныя къ удобствамъ и потребностямъ хозяйства. На задахъ двора, сейчасть начинался глубокій оврагъ; отецъ и его обратилъ въ свою пользу, устроивъ къ нему проѣздъ. Въ оврагъ валили навозъ, всякій мусоръ, а зимой счищаемый съ улицы и двора снѣгъ. Удобство этого оврага выказалось въ особенности въ послѣднемъ случаѣ; по требованію полиціи, домохозяева обязаны были зимой счищать снѣгъ съ тротуаровъ и улицы, каждый передъ своимъ домомъ, и возить за городъ. Для живущихъ въ центрѣ города такое распоряженіе, конечно, было не совсѣмъ удобно. У насъ все это дѣлалось какъ бы дома: растворяютъ ворота и валятъ въ оврагъ и снѣгъ и всякую дрянъ.

Мы, дѣти, имѣли свое особое помѣщеніе, состоявшее изъ двухъ комнатъ, въ антресоляхъ дома, тамъ играли и учились.

Въ то время имѣли очень ограниченное понятіе объ образованіи вообще; цѣнили болѣе качества сердца, чѣмъ ума, какъ будто нельзя было соединить эти обѣ потребности вмѣстѣ, и потому воспитывали дѣтей въ правилахъ христіанскаго благочестія и нравственности; все научное образованіе заключалось въ основательномъ знаніи французскаго языка. Молодой человекъ, свободно изъясняющійся въ обществѣ по-французски, слылъ за любезнаго, ученаго... Что онъ любезный, не спорю, но чтобы онъ былъ ученый?!.. И при такомъ скудномъ образованіи слѣдовали ошибочному методу ученія: давали ребенку заучивать уроки «наизусть» и требовали буквального ихъ отвѣта. Развивая одну только память ученика, забывали, что у него есть еще размышленіе, со-

ображеніе, требующія своихъ выводовъ; способности эти оставляли какъ бы въ сторонѣ, не давали имъ никакого развитія, что не могло не отразиться вредно на дитяти. Ученикъ съ малолѣтства приучался думать чужимъ умомъ, безъ всякаго собственнаго анализа. Способность мышленія постепенно заглушалась, и когда онъ приходилъ въ возрастъ, дававшій ему возможность понять всю неосновательность и недостаточность своего образованія, ему подчасъ трудно, очень трудно бываетъ пробудить, расшевелить умственную дѣятельность, заставить себя работать мозгами...

Чтобы выполнить тогдашнюю программу воспитанія, взяли для насъ гувернера-француза m-r de Corval, по языку своему истаго парижанина, ни слова не знающаго по-русски, притомъ отличнаго каллиграфа и посредственнаго рисовальщика. Откуда онъ былъ въ Казань и по какому случаю? Не помню, но знаю, что онъ не былъ изъ числа плѣнныхъ 12-го года, наводнявшихъ тогда Россію.

De Corval имѣлъ весьма некрасивую наружность: лицо, покрытое угрями, грушевидный носъ, косолапый. Вначалѣ онъ вызвалъ въ насъ, дѣтяхъ, отталкивающее отъ себя чувство, но въ послѣдствіи, привыкнувъ мало-по-малу къ его неизящной внѣшности, мы полюбили его. Тому много способствовалъ заманчивый для дѣтей его способъ преподаванія: правила грамматики онъ своимъ красивымъ почеркомъ писалъ на поллистахъ бѣлой, чистой бумаги, а по краямъ, въ видѣ рамки, рисовалъ и раскрашивалъ бордюръ, состоявшій изъ цвѣтовъ, плодовъ, птицъ и звѣрей. Слѣдя глазами за его «художественными» произведеніями, казавшимися намъ верхомъ совершенства, мы невольно смотрѣли и на то, что было написано, и такимъ образомъ заучивали свои уроки. Съ нимъ мы дѣлали большіе успѣхи, какъ въ разговорномъ языкѣ, такъ и въ наукахъ.

Смѣшно было смотрѣть на насъ, какъ мы, вначалѣ, не зная французскаго языка, объяснялись между собой: гдѣ по пальцамъ, гдѣ просто тыкали въ ту вещь, которая намъ была нужна. Часто, въ минуты досады, что не понимаютъ насъ, мы по свойственной дѣтямъ насмѣшливости пѣли извѣстную, бывшую тогда въ большомъ ходу, патріотическую пѣсню, въ которой, между прочимъ, заключались слова:

А французу не до пляски,
Растерялъ свои подвязки,
Ну кричать: pardon!...

De Corval, не понимая смысла пѣсни, но по созвучію нѣкоторыхъ словъ съ его природнымъ языкомъ догадываясь, что дѣло идетъ о французахъ, и слыша нашъ чистый, раскатистый смѣхъ, заключилъ, что мы насмѣхаемся надъ нимъ; горячился, бросалъ свою трубку на полъ, а ничего не могъ съ нами сдѣлать, потому

что въ рекреаціонное время намъ дозволялось играть и пѣть,— только не шалить.

Здѣсь, кстати, расскажу наше препровожденіе времени въ часы, свободные отъ ученья.

Старшій братъ любилъ собакъ и имѣлъ двѣ «моськи», которыхъ онъ самъ и выдрессировалъ: закладывалъ въ телѣжку, одну—въ корень, другую—на пристяжку. Для упряжи самъ же сдѣлалъ и всѣ принадлежности: хомуты, уздечки, дугу; взвѣшивалъ собакъ вожжами и, вооруженный кнутикомъ, съ грохотомъ и шумомъ, возилъ ими свою телѣжку по комнатамъ. Я, напротивъ, предпочиталъ кошекъ и, не дойдя до возможности обращать ихъ въ лошадей, ограничивался выучкой: стоять или ходить на заднихъ лапахъ; по слову—притворяться мертвыми и потомъ снова оживать и т. п. «Продукты» нашихъ забавъ, по природной враждебности, часто ссорились между собой, каждый изъ насъ принималъ сторону своихъ фаворитовъ, отчего происходили и между нами столкновенія, оканчивавшіяся обыкновенно дракой. Я, какъ слабѣйшій, всегда терпѣлъ отъ побоевъ брата и вымещалъ свою злобу тѣмъ, что сильно кусался и царапался. Насъ, «пѣтуховъ», разнимали, разставляли по угламъ на колѣна, пока не унималась наша вражда, и мы не переставали плакать и не мирились до нозаго столкновенія.

Другая забава состояла въ катаньѣ по зимамъ на салазкахъ; поприщемъ служилъ нашъ довольно обширный дворъ. Братъ всегда возилъ меня и выбиралъ нарочно мѣста неровныя, что для насъ замѣняло «ухабы» на дорогахъ, или на поворотахъ держалъ санки, что было силы, отъ чего они раскатывались, и я вылеталъ изъ нихъ, какъ чурбанъ. Въ этомъ-то и заключался весь «шикъ» нашего катанья.

Удовольствіемъ этимъ мы пользовались, такъ сказать, «воровски», не въ указанное время. По вечерамъ, когда de Corval уходилъ въ свою комнату, мы оставались подъ надзоромъ дядьки, Ѳедора Ивановича. Дядька былъ большой охотникъ до соловьевъ и имѣлъ ихъ довольное число въ клѣткахъ. Усѣвшись около печи, гдѣ было его любимое мѣсто, онъ обыкновенно начиналъ подсвистывать соловьямъ. Теплота печи клонила ко сну; высвисты его дѣлались все рѣже и рѣже, какъ бы въ просонкахъ; наконецъ все умолкало: дядька засыпалъ окончательно. Этой-то минуты мы и дожидались съ нетерпѣніемъ. Братъ, со словомъ: «айда», бралъ шапку, наскоро накидывалъ на себя какое нибудь теплое платье; я слѣдовалъ его примѣру, и мы вмѣстѣ, взявшись за руки, на цыпочкахъ пробирались мимо спящаго дядьки, осторожно, чтобы никто не слыжалъ, спускались съ «черной» лѣстницы, выбѣгали на дворъ, гдѣ и предавались нашему любимому удовольствію: я садился въ салазки, братъ брался за оглобли, и мы неслись по

сугробамъ снѣга и раскатамъ. Дядька, между тѣмъ, очнувшись отъ одолѣвшей его дремоты и не видя насъ въ комнатѣ, по предшествовавшимъ примѣрамъ зналъ, гдѣ искать насъ. Завидя брата, онъ обыкновенно говаривалъ: «Эй! большакъ! большакъ! Зачинщикъ!»—и, поймавъ его за руку, а иногда и за ухо, велъ въ комнаты. Усадивъ его на мѣсто, дядька возвращался за мной и съ той же процедурой приводилъ и меня и такимъ образомъ соединялъ насъ, разбѣжавшихся овецъ. Но случалось иногда и такъ, особенно въ теплую погоду, и когда мы недостаточно еще набѣгались,—пока дядька, приведя въ комнату брата, уходилъ за мной, братъ снова скрывался. Когда бѣдный Феодоръ Ивановичъ отправлялся въ новые поиски, я убѣгалъ въ свою очередь. Маневръ этотъ повторялся нѣсколько разъ къ ряду, пока дядька не догадается отъ перваго попавшагося бѣглеца отобрать шапку и верхнее платье и не запретъ все это въ шкафъ на ключъ. Спасибо Феодору Ивановичу! Никогда о нашихъ продѣлкахъ съ нимъ онъ не доводилъ до свѣдѣнія отца: иначе намъ бы досталось.

Дядька нашъ, Феодоръ Ивановичъ, былъ замѣчательный человекъ. «Отпущенникъ»,—какъ тогда называли,—нашей бабки, онъ жилъ у насъ по найму и по своимъ немолодымъ уже годамъ и скромной жизни былъ къ намъ приставленъ въ качествѣ дядьки. Во всю свою продолжительную жизнь онъ ни разу не былъ боленъ; а если и случалось ему чувствовать себя нехорошо, то въ недугахъ своихъ прибѣгалъ къ единственному универсальному для себя средству: глоталъ мухъ. Вхѣстѣ съ рвотой проходили всѣ его болѣзни, и онъ вылѣчивался радикально. На зиму онъ дѣлалъ запасъ мухъ и сохранялъ ихъ, разумѣется, «снулыми», въ бутылкѣ. До глубокой своей старости сохранилъ силы и бодрость, имѣлъ зубы цѣлыми и черный цвѣтъ волосъ на головѣ съ легкой просѣдью. Умеръ въ 1845 году, находясь у меня, уже женатаго, въ услуженіи. Самъ пожелалъ взять на свое попеченіе буфетъ и содержалъ его всегда въ примѣрной чистотѣ и опрятности. Когда онъ заболѣлъ своей первой и послѣдней болѣзнью, я пригласилъ къ нему нашего домашняго доктора, И. С. Дмитріевскаго; но всѣ пособія и старанія излѣчить его оказались напрасными. Во время своей болѣзни Феодоръ Ивановичъ то и дѣло твердилъ: «Не надо лѣкарства! Дайте мухъ, мухъ дайте!» Но при его старческой болѣзни докторъ находилъ, что сильное средство, какъ рвота, могло причинить ему неминуемо смерть.

До самой своей кончины Феодоръ Ивановичъ оставался вѣренъ въ своей привязанности къ соловьямъ. Незадолго до смерти, онъ изъ города ходилъ въ лѣсъ, верстъ за 15-ть, за кормомъ для нихъ, состоящимъ, какъ извѣстно, изъ муравьиныхъ яицъ. Любопытенъ былъ употребляемый имъ способъ очистки яицъ отъ муравьевъ и прочаго сора. Самъ онъ, конечно, не могъ изъ муравейника вы-

бирать одни яйца; работу эту производили у него сами же муравьи. Возвращаясь изъ лѣса съ мѣшкомъ, полнымъ всыпаннымъ въ него муравейникомъ, какъ онъ его находилъ, т. е., съ муравьями, соромъ, прутьями и землей, онъ, изжаленный и искусанный муравьями, но не чувствовавшій усталости, принимался дѣлать токъ. Для этого площадку земли, аршинъ двухъ въ квадратъ, очищалъ отъ растущей на ней травы и плотно убивалъ землю; по краямъ площадки, со всѣхъ четырехъ сторонъ ея, вырывалъ канаву, вершка два глубиной, прикрывалъ ее лубками или досками; что попадалось подъ руку, и весь мѣшокъ высыпалъ на средину расчищенной площадки. Муравьи тотчасъ же принимались за работу: начинали выбирать изъ кучи свои яйца и таскать ихъ въ канавку подъ покрывку. Когда Ѳеодоръ Ивановичъ замѣчалъ, что всѣ яйца изъ кучи выбраны, и муравьи болѣе не копошатся, бралъ горячую воду и опаривалъ муравьевъ въ ямкахъ, постепенно, подымая одну покрывку за другой. Добытые такимъ образомъ, муравьи и ихъ яйца онъ сохранялъ на зимній кормъ своимъ любимцамъ—соловьямъ.

Заговоривъ о Ѳеодорѣ Ивановичѣ, скажу нѣсколько словъ и о прочей нашей дворнѣ вообще, которой я тоже въ воспоминаніяхъ своихъ обязанъ благодарностью за ея преданность и привязанность къ намъ.

Наша дворня была довольно многочисленна (при уничтоженіи крѣпостного права, у старшаго брата, на его иждивеніи, содержалось болѣе ста душъ, считая въ томъ числѣ и младенцевъ), а по мѣсту нахожденія и роду своихъ обязанностей дѣлилась на городскую и деревенскую. Перечислять всѣ должности считаю излишнимъ. Отцы наши жили на «широкую» барскую ногу, — часто, весьма часто, на одну и ту же должность приходилось по нѣсколько слугъ; скажу только, что вся наша дворня состояла изъ добрыхъ слугъ, преданныхъ своимъ господамъ до самоотверженія, несмотря на то, что отецъ обращался съ ними строго, но справедливо. Отецъ хорошо понималъ свойство натуры русскаго человѣка вообще; зналъ, что онъ перенесетъ безропотно наказаніе, какъ бы оно тяжело ни было, когда въ душѣ сознаетъ, что заслужилъ этого; но бѣда, если онъ замѣтитъ лицепріятіе къ себѣ или пристрастіе, если одному прощается то, за что взыскивается съ другого, особливо, если появятся такъ называемые фавориты и фаворитки, или, еще хуже «барскія барыни», — тогда онъ ожесточается, за малѣйшую несправедливость къ себѣ питаетъ злобу и вымѣщаетъ её иногда самымъ звѣрскимъ образомъ...

Отецъ, повторяю, все это зналъ очень хорошо, и потому всѣ взысканія свои производилъ по мѣрѣ вины cadaго, несмотря ни на какую личность. Какъ примѣръ его полнаго безпристрастія, приведу одинъ случай.

Няня моя имѣла единственнаго сына, Ивана, въ которомъ, что называется, «души не чаяла». Отданный на выучку къ портному, Иванъ тамъ набаловался; научился шить, научился и пить. Отецъ, какъ я уже сказалъ, не могъ терпѣть этого порока и въ постороннихъ людяхъ, а тутъ лакей, на глазахъ, едва не каждый день, пьяный. Отецъ долго возился съ нимъ; наконецъ, видя, что никакія крутыя мѣры не помогаютъ, и жалѣя няню, сослалъ его въ деревню въ надеждѣ на исправленіе. Вышло напротивъ. На свободѣ и безъ острастки, Иванъ еще болѣе запилъ и сталъ буянить: прибилъ приказчика, котораго отличалъ самъ отецъ за его усердную службу, и который не только не слыхалъ ни отъ кого браннаго слова, но даже не видалъ «косого» взгляда; задумалъ стрѣлять изъ ружья въ селѣ, отчего едва не сжегъ его, одинъ домъ уже загорѣлся, но скоро потушили, дѣлалъ и другія безчинства. Тогда отецъ, не смотря ни на слезы, ни на просьбы моей няни, которую любилъ, и всѣхъ насъ, рѣшился прибѣгнуть къ крутой мѣрѣ: отдалъ его во время рекрутскаго набора въ матросы. Такой примѣръ строгой справедливости не могъ не оставить добраго, моральнаго впечатлѣнія въ умахъ остальной дворни. Всѣ заговорили: «когда баринъ не пощадилъ Ивана, ради просьбъ няни и самой барыни, то намъ, въ случаѣ бѣды, не на кого будетъ надѣяться». Такимъ образомъ примѣръ одного удерживалъ отъ дурныхъ поступковъ и наклонностей десятки другихъ.

Повторяю, вся наша прислуга была предана своимъ господамъ, но въ особенности изъ нихъ выдѣлялась личность главной горничной моей матери,—Пелагеи Васильевны. Вся жизнь ея слилась, такъ сказать, съ жизнью матери. Однихъ лѣтъ съ своей госпожой, Полинъка, еще въ дѣвочкахъ, была помѣщена въ штатъ матери, играла съ ней въ куклы. Когда мать моя поступила для образованія въ Екатерининскій институтъ, Полинъку отдали для обученія женскимъ рукодѣльямъ. Мать моя вышла изъ института, Полинъка изъ мастерства, и съ того времени до самой кончины матери она не разставалась съ ней ни на минуту. Преданность ея доходила до самопожертвованія; красивая наружностью, безукоризненной нравственности, она, конечно, не имѣла недостатка въ женихахъ, но предпочла супружеской жизни жизнь дѣвическую, разсуждая убѣжденно и весьма справедливо, что мужъ, да еще, можетъ быть, дѣти, отвлекутъ ея заботы отъ матери и лишатъ возможности безраздѣльно служить ей. Рѣдкій, и въ тѣ времена, примѣръ преданности! Нынѣ такія горничныя немыслимы! Если случалось заболѣть матери, Полинъка день и ночь не отходила отъ ея постели, приютившись кое-какъ въ ногахъ, страдала страданіями матери, нравственно переносила ея боли... На ея рукахъ скончалась мать наша, когда она приподымала ее!.. Полинъка недолго пережила кончину своей госпожи. Всѣ мы до самой ея смерти называли ее не иначе, какъ

«Полинька», любили и смотрѣли на нее, не какъ на служанку, но какъ на члена нашей семьи. Даже всѣмъ знакомымъ нашимъ она была извѣстна не иначе, какъ подъ именемъ «Полиньки».

Возвращаюсь къ себѣ.

Наше воспитаніе, по тогдашнимъ понятіямъ, было бы неполно, если бы насъ не научили танцовать. Въ Казани въ то время жилъ М. Monssard, обучавшій танцевальному искусству цѣлое современное мнѣ поколѣніе. Monssard квартировалъ въ домѣ купца Дитель и имѣлъ обыкновеніе разъ въ недѣлю всѣхъ своихъ учениковъ и ученицъ собирать у себя, въ довольно большомъ залѣ, гдѣ мы подъ звуки его маленькой скрипки отплясывали не только бальные танцы, но и хореграфическіе: минуэты, матлоты, дѣвицы съ палю, и тому подобное. На этихъ-то вечерахъ проявилась во мнѣ способность влюбляться, способность, не оставлявшая меня во всю жизнь. Сердце мое въ первый разъ раскрылось для новаго ощущенія, или, правильнѣе сказать, для новаго вида любви. Дотолъ я любилъ отца, любилъ мать, любилъ многихъ, но проявившееся во мнѣ чувство не походило на прежнее. Пренняя моя любовь была спокойна, невозмутима; новое ощущеніе, зародившееся во мнѣ, имѣло жгучее, тоскливое свойство.

У Дителя было три дочери: Вильгельмина, Луиза и Annette; послѣдняя-то, меньшая, и похитила мое сердце. Вертлявенькая, нѣсколько курносенькая, съ живыми блестящими глазками, съ локонами русыхъ волосъ, распущенными по голой шейкѣ, она была очень мила и возбудила во мнѣ дотолъ незнакомое ощущеніе. Съ ней я безсознательно перешелъ всѣ перипетіи любви взрослого человѣка, испыталъ и ревность, сознавая, но не умѣя еще назвать этого чувства. Дулся отъ досады и готовъ былъ расплакаться, когда замѣчалъ, что Annette была ласкова и разговорчива съ другими мальчиками, и напротивъ приходилъ въ восторгъ, когда она всецѣло предавалась мнѣ, то есть занималась только мной однимъ. Однихъ со мной лѣтъ, но, какъ дѣвушка, болѣе меня развитая въ понятіяхъ, она лучше меня понимала чувство, насъ соединяющее, понимала и силу вліянія, которое имѣла на меня и часто имъ злоупотребляла изъ кокетства, столь присущаго ея полу. Когда мы оставались одни, и я со слезами на глазахъ, неосторожно высказывалъ ей всю горечь моей досады на ласковое ея обращеніе съ другими, въ чемъ я видѣлъ предпочтеніе мнѣ, она бросалась ко мнѣ на шею, увѣряла, что нельзя же ей, какъ хозяйкѣ, не занимать гостей, что она дѣлаетъ это по необходимости, но любить и будетъ любить вѣчно только меня одного. При этомъ слезы мои на глазахъ высушивала своими жаркими поцѣлуями!.. Я вѣрилъ и радостный и веселый разставался съ ней до новаго повода къ ревности, новой вспышки, новаго объясненія.

Я не умѣлъ скрывать моей привязанности къ Annette, и стар-

шіе часто подсмѣивались надо мной; только отецъ строго выговаривалъ: «рано, рано, Николай, принимаешься за куры-муры». Отецъ имѣлъ способность изобрѣтать свои часто, новидимому, безъ всякаго смысла выраженія, но такъ мѣтко, что они дѣлались понятными для всѣхъ.

Такъ шло мое время между ученьемъ и неопредѣленной привязанностью моей къ Annette. Мой душевный міръ былъ то тихъ и спокоенъ, какъ текущій ручеекъ, то возмущался, какъ разбушевавшаяся рѣка: тогда я не имѣлъ еще понятія о морѣ и потому для уподобленія моихъ волненій привожу рѣку.

Наступилъ роковой для насъ 1827 годъ. Знаменскій, окончивъ курсъ наукъ въ университетѣ, уѣхалъ въ Петербургъ на службу; французъ de Corval собирался возвратиться на родину. При такихъ обстоятельствахъ отецъ рѣшилъ для дальнѣйшаго нашего образованія везти насъ въ Горный корпусъ.

IV.

Отецъ везетъ меня и старшаго брата въ Петербургъ, для опредѣленія насъ въ Горный корпусъ.—Отъѣздъ изъ Казани и приключеніе въ дорогѣ въ Васильсурскѣ.—Встрѣча съ декабристами.—Дядя Илья Даниловичъ Мамаевъ, «гатчинскій генералъ», и пребываніе въ его новгородскомъ имѣніи с. Кожаковѣ.—Петербургъ и первое отъ него впечатлѣніе.—А. С. Телепнева и ея гостепріимство.—Горный корпусъ и поступленіе въ него.—Первые товарищи.—Препровожденіе времени въ Петербургѣ внѣ корпуса.

Выѣздъ нашъ изъ Казани назначенъ былъ въ концѣ января. Наша до тѣхъ поръ тихая, спокойная жизнь въ семьѣ разомъ оборвалась на сборахъ и приготовленіяхъ въ дорогу. Не слышать стало и нашего звонкаго, дѣтскаго смѣха, перестали мы и шумѣть и рѣзвиться; мѣсто всего этого заступили слезы и мучительная тоска. Всѣ мы притихли, какъ бы подъ гнетомъ большой тяжести.

Насталъ роковой день отъѣзда. Уложились. Священникъ отслужилъ напутственный молебенъ. Послали за почтовыми лошадьми. Мать попеременно обнимала насъ и цѣловала, обливая горькими слезами. Мы, дѣти, отъ тоски, душившей насъ, не могли проронить ни слова. Пришли сказать мучительное «все готово». Молча, усѣлись по мѣстамъ, какъ это принято при отправленіи въ дорогу. Мать, все время рыдавшая, долѣе не выдержала; съ ней сдѣбалось дурно, и ее безъ чувствъ уложили на постель. Въ такомъ состояніи мы и простились съ ней, не видя ея взора, не слыша ни одного ея слова; цѣловали только ея похолодѣвшія руки и губы, обливая ихъ слезами. По знаку отца, насъ съ большимъ трудомъ оторвали отъ матери, усадили въ повозку, и лошади тронулись...

Проѣхали нѣсколько станцій. Разнообразіе мѣстности, встрѣча новыхъ лицъ, безпрестанно мѣняющихся, наконецъ, новизна самаго зимняго пути, дотолѣ нами еще не извѣданная,—все это способствовало тому, чтобы нѣсколько ослабить въ насъ тяжесть разлуки съ матерью и нашимъ домомъ.

На другой день мы приѣхали въ Васильсурскъ, гдѣ отецъ оставилъ насъ на попеченіе своего знакомаго, господина Баскакова, а самъ по хозяйственнымъ дѣламъ отправился верстъ за 30, въ свою деревню, ту самую, гдѣ я пишу эти строки. Когда мы остались одни въ незнакомомъ намъ городѣ, среди совершенно чужихъ людей, горе, невыразимая тоска взяли насъ еще сильнѣе... Бѣдный Баскаковъ не зналъ, что съ нами дѣлать!.. Помню, что онъ употреблялъ всѣ возможныя старанія, чтобы хотя нѣсколько развлечь насъ, успокоить; помню, что онъ предложилъ намъ, между прочимъ, разсматривать картинки въ книгѣ: «Арабскія сказки», или «Тысяча и одна ночь». Я, всегда любившій подобныя занятія, съ досадой оттолкнулъ отъ себя книжку. Наступила мучительная ночь; я и братъ не смыкали глазъ; разговаривая о нашей бѣдной матери и припоминая, что всего однѣ сутки пути отдѣляютъ насъ отъ всего, что мы такъ любили, и что намъ было такъ дорого, мы уговаривались бѣжать назадъ. Мечты эти насъ нѣсколько успокоили, мысли наши были заняты осуществленіемъ нашего плана, и мы заснули.

Не знаю, чѣмъ бы кончилась наша затѣя, если бы не вернулся отецъ. Замѣтивъ, что продолжительная остановка на одномъ мѣстѣ сильно дѣйствуетъ на нашу тоску, онъ поспѣшилъ выѣхать далѣе.

Изъ Нижняго мы свернули на дорогу въ Кострому и Ярославль, чтобы заѣхать, какъ обѣщалъ отецъ, къ нашему родному дядѣ Ильѣ Даниловичу Мамаеву, жившему въ Новгородской губерніи, близъ пристани Сомины, въ своемъ имѣніи, сельцѣ Кожаковѣ.

Между Ярославлемъ и Тихвиномъ, мы за сильной мятелью съ вьюгой съ трудомъ поздно вечеромъ могли доѣхать до почтовой станціи. Напившись чаю и поужинавъ, расположились на ночлегъ. Единственный диванъ въ комнатѣ заняли мы, а отецъ улегся на полу и не раздѣваясь завернулся въ шубу. Ночью мы были разбужены сильнымъ звономъ многихъ колокольчиковъ, подѣхавшихъ къ станціи. Нѣсколько времени спустя, дверь къ намъ растворилась, паръ густымъ облакомъ ввалился въ комнату, вмѣстѣ съ тѣмъ мы услышали звяканье желѣза. Когда разсѣялся паръ, мы увидали челоуѣкъ шесть съ цѣпями на ногахъ, отряхающихъ съ себя снѣгъ. Мы съ испугомъ соскочили съ дивана и, спрятавшись за отца, вставшаго съ пола, разсматривали изъ-за него съ любопытствомъ, смѣшаннымъ со страхомъ, находящихся передъ нами людей въ оковахъ. Дотолѣ въ Казани мы часто видали, какъ

проходили на улицѣ партіи арестантовъ, ссылаемыхъ въ Сибирь; намъ объясняли, что окованные цѣпями были разбойники и убійцы осужденные на каторгу.

Видя теперь передъ собой людей въ цѣпяхъ, мы тотчасъ же составили себѣ идею, что они тоже разбойники и убійцы; но для насъ казалось непонятнымъ: отъ чего видѣнные нами прежде шли пѣшкомъ, прикованные къ желѣзному пруту, а эти ѣдутъ въ сопровожденіи жандармовъ. Между тѣмъ какъ мы предавались нашимъ размышленіямъ и терялись въ догадкахъ,— одинъ изъ преступниковъ, увидя у отца крестъ, приблизился къ намъ, гремя своими цѣпями, и, указывая на крестъ, спросилъ отца:

— Гдѣ вы получили его?

Отецъ ему объяснилъ.

Тотъ продолжалъ:

— И я имѣлъ такой же!

Заклчивъ изъ этихъ словъ, что говорящій съ нимъ былъ тоже морякъ, отецъ, въ свою очередь, спросилъ:

— Позвольте узнать вашу фамилію?

Но тутъ фельдъегерь какъ бы выросъ изъ земли и, вставъ между арестантомъ и отцомъ, сказалъ, обращаясь къ послѣднему:

— Извините! У него нѣтъ фамиліи, а есть «номеръ».

И «номеръ», улынувшись, отошелъ отъ отца. Между арестованными въ особенности одинъ обратилъ на себя наше вниманіе. То былъ еще очень молодой человѣкъ, думаю, не старѣе 18-ти лѣтъ. Одѣтый въ бархатный архалукъ, гранатнаго цвѣта, онъ все время пребыванія на станціи просидѣлъ молча у стола, подперши голову рукой, съ грустнымъ, тоскливымъ выраженіемъ въ лицѣ. Намъ, дѣтямъ, было очень жаль его! Мы тотчасъ представили себѣ, что онъ тоже имѣетъ такую же нѣжную мать, какъ наша, и груститъ въ разлукѣ съ ней. Тогда весь душевный міръ заключался въ насъ самихъ, и мы, дѣти, всѣ объясненія брали изъ сравненій съ тѣмъ, что перечувствовали сами.

Сцена эта такъ сильно подѣйствовала на мое воображеніе, такъ врѣзалась въ мою память, что и теперь, спустя 45-ть лѣтъ, какъ бы вижу ее, и весьма отчетливо, передъ собой.

Когда арестованные уѣхали, мы засыпали отца вопросами. Онъ сказалъ, что то были декабристы, при чемъ удовлетворилъ наше любопытство, насколько то было можно, при нашихъ скудныхъ понятіяхъ о политическомъ мірѣ!

Къ утру мятель прошла, и мѣсто ея заступилъ сильный морозъ. Отецъ думалъ было переждать его; но мы сами напросились ѣхать далѣе, за что я и былъ наказанъ; у меня и руки и ноги, несмотря на то, что, казалось, были одѣты «тепло», озябли, и когда мы пріѣхали въ Тихвинъ, то я, горько плача, повторялъ безпрестанно: «ай, рученьки! ай, ноженьки!». Этотъ вопль моего дѣтскаго отчаянія долго послѣ того служилъ предметомъ надо мной насмѣшекъ.

И теперь старшій братъ, съ комической улыбкой, иногда повторяетъ: «ай, рученьки! ай, ноженьки!».

Обогрѣвшись, отецъ повелъ насъ въ монастырь, отслужилъ молебенъ Тихвинской Божьей Матери. Мы, дѣти, усердно молились объ оставленной нами бѣдной нашей матери, не имѣя,—да и не могли имѣть,—никакихъ о ней извѣстій.

Изъ Тихвина прѣехали въ Сомину.

Здѣсь мы оставили нашу зимнюю повозку, разсѣлись по санкамъ, запряженнымъ каждыя въ одну лошадь, и лѣсами отправились въ имѣніе нашего дяди. Наша широкая повозка не могла бы проѣхать по узкой дорогѣ, вьющейся по снѣгу.

Въ Кожакѣ встрѣтилъ насъ привѣтливо, съ добродушной улыбкой на лицѣ, лысенькій средняго роста старичекъ, одѣтый въ длинную фуфайку, покрывающую животъ. То былъ нашъ дядя, старшій братъ отца, Илья Даниловичъ, нѣкогда знаменитый «гатчинскій генералъ» и любимецъ императора Павла.

Службу свою онъ началъ въ «десантныхъ» войскахъ. Въ царствованіе Екатерины дядя по дѣламъ своимъ прѣхалъ въ Петербургъ и по существовавшему тогда порядку явился къ великому князю Павлу Петровичу. Съ перваго же раза онъ полюбился великому князю, и тотъ перевелъ его въ свои гатчинскія войска, тѣмъ же чиномъ штабсъ-капитана.

При восшествіи своемъ на престолъ Павелъ дядю вмѣстѣ съ другими произвелъ изъ капитановъ прямо въ генералъ-майоры, отъ чего всѣ, получившіе такой чинъ, и назывались «гатчинскими генералами», и назначилъ его шефомъ Фанагорійскаго гренадерскаго полка, столь любимаго Суворовымъ.

Дядя, квартируя съ своимъ полкомъ въ Виленской губерніи, въ началѣ царствованія императора Александра I-го, когда на «гатчинскихъ генераловъ» вообще власти смотрѣли неблагосклонно, сдѣлалъ проступокъ, испортившій ему всю его будущность. Влюбившись въ дочь какого-то знатнаго поляка и получивъ отказъ на свое предложеніе—жениться на ней, дядя задумалъ похитить свою возлюбленную силой. Онъ приказалъ командиру полка, полковнику Языкову, человѣку нетрезвой жизни, ударить тревогу, и когда собралась рота, то дядя повелъ ее, съ примкнутыми штыками, на штурмъ замка, въ которомъ жила его невѣста. Отецъ, предупрежденный заблаговременно о готовящемся на него нападеніи, выѣхалъ вмѣстѣ съ дочерью изъ своего замка и на почтовыхъ, не останавливаясь, поскакалъ прямо въ Петербургъ. Въ то время князь Чарторижскій, тоже полякъ, былъ въ «большой силѣ» у Александра.

Оскорбленный полякъ бросился къ Чарторижскому, прося защиты отъ преслѣдованій дяди. Чарторижскій радъ былъ услужить своему соотчичу и погубить русскаго, да еще генерала,—доложилъ

лично государю о происшедшемъ. Повелѣно было произвести слѣдствие, и дядя былъ уволенъ въ отставку съ тѣмъ же чиномъ, съ обязательствомъ жить въ имѣніи. Дядя, можетъ быть, отдѣлался бы и меньшимъ наказаніемъ, но пьяная болтовня Языкова погубила его.

Дѣдъ нашъ, Данилъ Ивановичъ, тучный тѣломъ, получивъ извѣстіе объ опалѣ, постигшей его сына, скончался отъ удара.

Этотъ-то въ свое время и по-своему замѣчательный генералъ, теперь хилый старичекъ, встрѣтилъ насъ съ такимъ радушіемъ. О пребываніи моемъ въ Кожакѣ у меня осталось въ памяти.

Отведенная намъ комната, въ одно окно, оклеенная зелеными бумажками, съ лежанкой, всегда натопленной такъ, что отъ жары щипало уши. Передъ окномъ комнаты въ небольшомъ разстояніи отъ дома извивалась рѣчка, покрытая тогда льдомъ и снѣгомъ. На другомъ противоположномъ отъ насъ берегу рѣчки начинался густой нескончаемый сосновый лѣсъ, изобилующій волками. По вечерамъ, волки подходили къ самому дому и начинали выть; тогда мы, потушивъ свѣчку въ комнатѣ, въ окно смотрѣли на ихъ глаза, горѣвшіе во тьмѣ, какъ раскаленные угли. Насъ, дѣтей, какъ не видавшихъ еще ничего подобнаго, зрѣлище это весьма занимало. Вниманіе мое остановила на себѣ небольшая въ рамѣ за стекломъ картина, висѣвшая направо отъ двери, ведущей въ гостиную; она изображала наше «родословное дерево». Представленъ былъ рыцарь въ полномъ вооруженіи, латахъ, шлемѣ съ отпущеннымъ забраломъ, распростертымъ на землѣ; изъ живота его выросъ толстый дубъ съ густыми вѣтвями, увѣнчанный вмѣсто желудей небольшими медальонами, въ которыхъ были написаны имена нашихъ предковъ. Не имѣя никакого понятія о геральдикѣ и принятыхъ знакахъ ея изображенія, я въ точности понималъ видѣнную мной картину и не могъ надивиться: какъ изъ желудка человѣка могъ вырасти дубъ, да еще такой толщины? За разъясненіями я обращался и къ отцу и къ дядѣ. Напрасно оба они завѣряли меня, что въ природѣ этого быть не можетъ, что изображеніе это представляетъ «аллегорію» п. т. п.; я не вѣрилъ имъ тѣмъ болѣе, что вовсе не понималъ слово «аллегорія» и, пораженный видимымъ мной, порѣшилъ, что картина эта, вѣроятно, имѣетъ какой нибудь тайный смыслъ, который желаютъ отъ меня скрыть.

Въ такомъ убѣжденіи меня много поддерживала вѣра въ сказки, которыя мнѣ говорила моя няня.

На дворѣ у конюшни былъ врытъ въ землю столбъ аршинъ четырехъ вышиной, на верхушкѣ котораго утверждено было въ горизонтальномъ положеніи колесо. Около столба къ конурѣ былъ привязанъ на длинной цѣпи медвѣдь. Мишенька иногда на потѣху намъ влѣзалъ на столбъ и усаживался важно на колесо.

Наконецъ мы получили ожидаемое съ такимъ нетерпѣніемъ

письмо отъ нашей матери. Она писала, что чувствуетъ себя хорошо, только сильно груститъ; поручала насъ милосердію Божію, просила не шалить, быть послушными, учиться прилежно, чѣмъ мы можемъ только утѣшить ее въ нашей разлукѣ, и благословляла насъ на новую жизнь, уподобляя насъ птенцамъ, вынутымъ изъ гнѣзда матери. Мы безъ слезъ не могли читать ея строкъ, цѣловали ея подпись, и на первыхъ порахъ обѣщались исполнять ея совѣты. Тоска наша и безпокойство значительно поутихли послѣ полученнаго отъ нея извѣстія.

Прогостивъ у дяди, все время ласкавшаго насъ, недѣли съ двѣ, мы разстались съ нимъ и отправились далѣе въ путь. Тутъ я видѣлъ дядю въ первый и послѣдній разъ въ своей жизни. Онъ умеръ въ 1846 году, переживъ отца нашего нѣсколькими мѣсяцами.

Вотъ показался и Петербургъ, цѣль нашей поѣздки! Любопытство наше было возбуждено въ высочайшей степени. Проѣхали Невскій проспектъ, обсаженный тогда липами и поразившій насъ громадной высотой домовъ; повернули къ Адмиралтейству. Отецъ указалъ намъ Зимній дворецъ. Я удивился еще болѣе, увидя обыкновенный домъ. Въ понятіяхъ моихъ, почерпнутыхъ изъ сказочнаго міра, составилаcя мысль, что царь живетъ въ золотомъ дворцѣ, съ хрустальной крышей, въ рамахъ вмѣсто стеколъ вставлены алмазы и т. п. вздоръ. Указывая на Адмиралтейство, отецъ пояснилъ, что корабль, который мы видимъ на шпилѣ башни, вылитъ изъ червоннаго золота и поднесенъ голландцами Петру Великому, когда онъ въ Саардамѣ работалъ на корабельной верфи, какъ простой матросъ подъ именемъ Питеръ-Басъ. А вотъ и его памятникъ на конѣ! Проѣзжая Исакиевской площадью, отецъ шепнулъ намъ: «здѣсь дрались тѣ декабристы, которыхъ мы видѣли на станціи».

Переѣхали старыи Исакиевскій мостъ и мимо перваго кадетскаго корпуса повернули въ первую линію Васильевскаго острова.

Когда мы проѣзжали мимо кадетскаго корпуса, мое вниманіе было привлечено рукой кадета въ рукавѣ съ краснымъ обшлагомъ, обшитымъ позументомъ, высунутой изъ форточки окна верхняго этажа и дающей кормъ стаѣ голубей, около летающихъ. Приготовляясь быть кадетомъ, я заинтересовался видѣннымъ мной зрѣлищемъ. Повернули на средній проспектъ, и на правой его сторонѣ остановились противъ большаго каменнаго дома, втораго отъ угла, принадлежащаго Лупандинымъ. Въ домѣ квартировала А. С. Телепнева, хорошая знакомая и, кажется, дальняя родственница нашего отца. Поднявшись по лѣстницѣ въ верхній этажъ, мы узнали, что нѣтъ никого изъ хозяевъ дома. Анна Сергѣевна уѣхала и со всѣми своими дочерьми въ Кронштадтъ навѣстить свою дочь, бывшую за мужемъ за какимъ-то адмираломъ, п когда возвратится?—неизвѣстно.

Отецъ, нѣсколько сконфуженный такой первой неудачей, расположился, однакожъ, въ комнатахъ Телепневой, въ ожиданіи,

пока не приищеть себѣ квартиру, которую вскорѣ и нашелъ не въ дальнемъ разстояніи.

Нѣсколько дней спустя, дали знать о возвращеніи Телепневой; мы отправились къ ней, и я увидѣлъ почтенную старушку съ добродушнымъ выраженіемъ лица, очень насъ обласкавшую. Тутъ же увидѣлъ и ея обѣихъ незамужнихъ дочерей: старшую Александру, очень малаго роста, на ходъбѣ постукивающую своими высокими каблуками башмаковъ, въ зрѣлыхъ лѣтахъ, собой некрасивую, нюхающую табакъ, съ луковицообразнымъ носомъ, и, повидимому, помирившуюся съ мыслью о своемъ безбрачномъ состояніи, и меньшую—Лизавету, съ довольно правильными чертами лица, тоже далеко не первой молодости, кривобокою, съ чепцомъ на головѣ, прикрывавшимъ ея очень жиденькіе черные волосы, несмотря на все это, мечтавшую о замужествѣ и тайно вздыхавшую о суженомъ, все еще опаздывающемъ своимъ появленіемъ. Само собой разумѣется, что всѣ ея горячіе помыслы я узналъ впослѣдствіи, а не съ разу, когда гостилъ у нихъ.

Старушка Телепнева, услышавъ, что мы на квартирѣ, очень нуждаемся въ постеляхъ и спимъ кое-какъ и на чемъ попало, тотчасъ же, съ свойственной ей добротой, предложила отцу помѣстить насъ въ имѣющейся у нея въ свободной комнатѣ, называемой «кадетской», и гдѣ находятся всѣ принадлежности для спанья. Названа же она «кадетской» потому, что въ ней помѣщаются кадеты, которые приходятъ къ ней по праздникамъ изъ разныхъ корпусовъ. Отецъ съ благодарностью принялъ ея предложеніе, тѣмъ болѣе, что въ хлопотахъ по своимъ дѣламъ онъ долженъ былъ, и иногда подолгу, оставлять насъ однихъ на квартирѣ. Мы поступили на попеченіе Телепневой и помѣстились въ отведенной намъ комнатѣ.

Въ первую затѣмъ субботу вечеромъ начали къ Телепневой сходитьсѣ кадеты, наши будущіе товарищи игръ и шалостей, и мы познакомились съ ними по мѣрѣ ихъ появленія. То были изъ корпусовъ: Пажескаго,—два брата Корниловы, Аркадій и Иванъ; Морского, тоже—два брата Всеволожскихъ, Василій и Димитрій; изъ Инженернаго—Куломзинъ и Никоновъ; къ нимъ иногда присоединялся изъ Горнаго—Лычковъ.

Пока отецъ хлопоталъ о нашемъ опредѣленіи въ корпусъ, мы все время жили у Телепневой и очень полюбили старушку за ея ласковое вниманіе и заботы.

Но вотъ въ одно дождливое утро, какія могутъ быть въ февралѣ только въ Петербургѣ, приѣхалъ отецъ и объявилъ, что опредѣленіе наше въ корпусъ состоялось; насъ усадили въ сани, и мы по слякоти отправились.

Издали мы увидали фасадъ нашего будущаго жилища, широкую лѣстницу, по краямъ которой, на площадкахъ, стоятъ и по-

нынѣ большія статуи, окруженныя деревянной рѣшеткой. Поднявшись по ней, съ страшнымъ замираніемъ сердца мы вошли въ обширныя сѣни. Швейцаръ, старый служака, лысый, весь въ шевронахъ и крестахъ, снявъ съ насъ верхнее платье, пошелъ докладывать дежурному офицеру. Въ очень скоромъ времени вышелъ къ намъ, молодыхъ еще лѣтъ, красивый, средняго роста, офицеръ въ шитомъ золотомъ по черному бархату воротникѣ, въ мундирѣ темно-синяго сукна, но безъ эполетъ, и очень вѣжливо попросилъ отца и насъ войти въ свою дежурную комнату и тамъ подождать, пока онъ заявитъ о нашемъ прибытіи, кому слѣдуетъ. Когда мы остались одни, насъ удивилъ видимый во всемъ порядкѣ, чистота и полное отсутствіе всякаго шума, какъ въ совершенно пустомъ домѣ. Гдѣ же кадеты, наши будущіе товарищи? Пока мы предавались такимъ размышленіямъ и сообщали другъ другу свои догадки, дверь въ комнату отворилась, и вошли встрѣтившій насъ офицеръ, въ сопровожденіи другого, — высокаго роста, съ большимъ, открытымъ лбомъ и крючковатымъ носомъ. (Всѣ эти личности я назову при описаніи административныхъ властей корпуса)...

Послѣдній попросилъ насъ слѣдовать за нимъ въ канцелярію, гдѣ, въ присутствіи отца, сдѣлалъ намъ испытаніе въ нашихъ познаніяхъ и по отвѣтамъ нашимъ объявилъ, что мы оба поступаемъ во второю нижній классъ.

Когда мы вышли изъ канцеляріи, то издали еще услышали шумъ, какъ бы жужжаніе пчелъ въ ульѣ; жизнь проявлялась, значитъ, мы скоро увидимъ нашихъ товарищей. Вернувшись снова въ швейцарскую, мы прямо по лѣстницѣ поднялись въ небольшую проходную комнату, шумъ слышался яснѣе, начали попадаться и кадеты, но отдѣльно, съ книжкой и тетрадками подъ мышкой или въ рукахъ. Идя далѣе, мы вступили въ залъ и прямо попали въ середину улья. Кадеты всѣхъ возрастовъ кишѣли въ комнатѣ. Между ними ясно раздавались слова: «новенькіе, новенькіе!» — но были отъ насъ на почтительномъ отдаленіи, удерживаемые, вѣроятно, присутствіемъ сопровождавшаго насъ офицера съ ястребинымъ носомъ.

Въ залѣ мы разстались съ отцомъ. Когда мы заплакали, то отецъ, самъ воспитавшійся въ Морскомъ корпусѣ, и потому на себѣ испытавшій состояніе «новичка» между кадетами, понялъ, что слезы наши послужатъ предметомъ насмѣшекъ надъ ними. Нагнувшись къ намъ, онъ шепнулъ: «не плачьте, будутъ смѣяться надъ вами, завтра я опять приѣду», — и вышелъ вмѣстѣ съ офицеромъ.

Оставшись одни, мы въ мигъ были окружены кадетами. Посыпались вопросы: кто мы? откуда? какъ наша фамилія? Не успѣли мы отвѣчать на сдѣланные вопросы, какъ насъ начали повертывать

во всѣ стороны, не совсѣмъ деликатно, пощипывать, дергать за волосы. Братъ не вытерпѣлъ, заплакалъ; тогда всѣ закричали: «Э! да это фалѣ, плакса. Ты смотри, не вздумай жаловаться; тогда мы тебя проучимъ!» и т. п. На первыхъ же порахъ намъ предстояло испытаніе, о которомъ, впрочемъ, насъ предупредили. Что касается до меня, то, морщась отъ боли, я оттерпѣлся и, помня данныя наставленія, очень спокойно спросилъ окружающихъ меня: «отъ чего, когда мы приѣхали въ корпусъ, такъ было тихо?» Тогда вся толпа захопала въ ладоши, говоря: «Вотъ этотъ напѣ! Этотъ молодецъ, а тотъ фалѣ. Оставьте его». И потомъ, отвѣчая на мой вопросъ, сказали: «Мы были въ классахъ, что въ той пристройкѣ, которая виднѣется изъ окна». Я сдѣлался смѣлѣе и пустился въ дальнѣйшіе разспросы.

— Что такое значитъ—намъ объявили о поступленіи во 2-ой нижній классъ?

— А это—такой классъ,—былъ ничего не объясняющій для меня отвѣтъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ кадеты закричали: «Эй! 2-го нижняго класса! Кто тамъ? Ступайте принимать новенькихъ!» Тутъ отдѣлилось отъ толпы нѣсколько кадетъ и, окруживъ меня съ братомъ, начали разспрашивать: «какъ зовутъ? сколько лѣтъ?» и т. п. Наша мирная бесѣда была прервана звономъ колокольчика; напи новые знакомые объяснили, что это знакъ къ обѣду, что все дѣлается по звуку колокольчика, даже становятся на молитву. Построились кадеты фронтомъ, въ двѣ шеренги, при чемъ и меня съ братомъ поставили «подъ ранжиръ». Нашими партикулярными платьями мы рѣзко отдѣлялись въ общемъ однообразіи кадетской формы и, не умѣя правильно итти въ ногу, поплелись кое-какъ за прочими, въ столовую, гдѣ и усѣлись за обѣдъ.

Порядки и вообще жизнь въ стѣнахъ корпуса я опишу въ слѣдующей главѣ, здѣсь же расскажу, что происходило со мной внѣ корпуса, къ которому я скоро привыкъ; но бѣдный братъ скучалъ и тосковалъ все время своего въ немъ пребыванія. Каждую субботу и наканунѣ праздниковъ, вечеромъ, отъ Телепневой приходилъ за мной въ корпусъ ея человѣкъ—Прокопій. Братъ мой на другой годъ своего поступленія въ корпусъ изъ него вышелъ и жилъ у Телепневой до опредѣленія своего въ 1829 году въ Оренбургскій уланскій полкъ.

Завидя Прокопія, я обычнымъ порядкомъ получалъ отпускной билетъ и отправлялся въ хорошую погоду пѣшкомъ, а въ сильный морозъ или снѣгъ и дождь—на извозчикѣ. Телепнева не держала ни своего экипажа, ни лошадей. Придя къ ней, я находилъ тамъ кадетъ изъ прочихъ корпусовъ. Начинались безконечные рассказы о томъ, что за время, въ которое мы не видались, происходило въ какомъ корпусѣ. Болѣе всѣхъ насъ смѣшилъ Ни-

коновъ; уроженецъ какого-то уголка Новгородской губерніи, онъ сохранилъ и нарѣчіе и наивность своей мѣстности, выражался страннымъ для насъ языкомъ, но имѣлъ много природнаго юмора и наблюдательности. Подмѣтивъ въ комъ нибудь смѣшную сторону или замѣтивъ вообще что нибудь смѣшное, онъ принимался рассказывать своимъ своеобразнымъ языкомъ и выговоромъ, и смѣшное выходило еще смѣшнѣе.

Нельзя было сохранить хладнокровіе и оставаться равнодушнымъ, смотря на его фигуру и слушая его слова. Наговорившись и насмѣявшись досыта, мы укладывались спать всѣ вмѣстѣ, въ «кадетской», кто на кровати, а кто и на полу. Утромъ, проснувшись, молча и очень тихо, дѣлали свой туалетъ. Въ этотъ часъ дня нельзя было и заподозрѣть присутствіе въ одной комнатѣ 5—6 кадетъ, вчера еще такихъ рѣзвыхъ и шаловливыхъ.

Я объясню причину такой необыкновенной тишины дѣтей и, вмѣстѣ съ тѣмъ, представлю примѣръ необъяснимаго для меня психологическаго явленія. А. С. Телепнева, по природѣ, въ душѣ, была очень добрая женщина, — это она доказывала на насъ самихъ, бравши къ себѣ кадетъ, почти ей чуждыхъ, но имѣла замѣчательное свойство характера. Каждое утро, пока она не напьется своего кофе, дѣлалась зла, какъ фурія; тогда все было не по ней, придиралась къ мелочамъ, чтобы выместить на комъ нибудь свое недовольство, малѣйшій шумъ раздражалъ ее до самозабвенія. Въ эти-то минуты мы и присмирѣемъ, стараемся не попадаться ей на глаза. Напившись кофе, она совершенно перерождалась, дѣлалась попрежнему доброй, ласковой, снисходительной. Кофе дѣйствовалъ на нее магически! Тогда мы подходили къ ней, здоровались и принимались за свои игры, иногда бѣгали, стучали. Телепнева не только не сердилась за то, но, напротивъ, когда мы очень расшумимся, и дочери ея стануть насъ останавливать, — она добродушно говорила послѣднимъ: «Оставьте ихъ! Не удерживайте! Пусть наиграются! Довольно съ нихъ и того, что въ корпусѣ имъ не позволяютъ рѣзвиться!».

Кадетамъ, въ мое время, не воспрещалось бывать на народныхъ гуляньяхъ, посѣщать театры, музеи, ѣздить въ экипажахъ. По добротѣ и внимательности Телепневой, я пользовался всѣми удовольствіями и развлеченіями общественной жизни. По лѣтамъ, мы ѣздили на Крестовскій островъ смотрѣть народныя гулянья, въ особенности когда они сопровождались фейерверками, посѣщали Кунсткамеру, Эрмитажъ, Румянцевскій музей, Академію Художествъ и пр. По зимамъ, бывалъ въ театрѣ, видѣлъ игру нашего славнаго трагика В. Каратыгина, въ трагедіяхъ: «Разбойники» и «Коварство и любовь» Шиллера. Обѣ трагедіи произвели на меня тяжелое, непріятно потрясающее впечатлѣніе, въ особенности, первая. Отъ второй у меня осталось въ памяти одно движеніе въ

игрѣ Каратыгина. Когда онъ, по ходу пьесы, принялъ ядъ и, желая показать зрителямъ, что онъ началъ уже дѣйствовать, т. е., душить его,—схватилъ обѣими руками за низъ борта своего мундира, рванулъ, и всѣ пуговицы разомъ отлетѣли! Послѣ я расспрашивалъ у всѣхъ, кого только могъ: отъ чего это произошло? были ли нарочно такъ слабо пришиты пуговицы? или онъ на самомъ дѣлѣ обладаетъ такой силой, что могъ оторвать ихъ безъ всякой подготовки? Привожу этотъ мелочной рассказъ, чтобы показать, какъ игра Каратыгина подѣйствовала своей художественной стороной не столько на мои душевныя ощущенія, сколько на глаза. Я не былъ еще достаточно развитъ, чтобы лучше понимать драматическое искусство. За то оперы: «Днѣпровская Русалка», «Волшебная флейта» и т. п., приводили меня въ восторгъ своими превращеніями, полетами, разными чудовищами. Въ смѣшливыхъ комедіяхъ и водевиляхъ я смѣялся отъ души.

Такимъ образомъ проявлялось мое эстетическое чувство!

V.

Зданіе Горнаго корпуса. — Корпусное начальство и «старшіе» изъ кадетъ. — Кадеты и ихъ форменная одежда. — Преподаваніе и его организація. — Внѣшнія условія жизни кадетъ. — Церковь. — Кадетскій театръ. — Распредѣленіе дня въ корпусѣ и внѣшняя учебная дисциплина. — Игры и развлеченія. — Награды и наказанія. — Наблюденія изъ оконъ Горнаго корпуса надъ приходившими иностранными кораблями. — Посѣщеніе корпуса императоромъ Николаемъ Павловичемъ въ маѣ 1829 года.

Опишу официальную и внутреннюю стороны Горнаго корпуса, что нынѣ—корпусъ горныхъ инженеровъ, какъ было въ мое время.

Корпусъ помѣщался, гдѣ и нынѣ, въ зданіи на западной оконечности Васильевскаго острова и строеніями своими занималъ цѣлый кварталъ. Переднимъ фасадомъ стоялъ на рѣку Неву, а заднимъ упирался въ Волково поле. Корпусъ имѣлъ церковь, больницу. Въ квадратѣ, образуемомъ въ срединѣ строеній, расположенъ былъ садъ, которымъ, впрочемъ, пользовались одни выздоравливающіе больные, такъ какъ больница главнымъ своимъ фасадомъ примыкала къ нему. Въ саду была устроена примѣрная шахта, въ которую спускались въ корзинѣ, приводимой въ движеніе воротомъ. Шахта эта существовала только для вида, во все трехлѣтнее пребываніе мое въ корпусѣ ни разу не спускали въ нее кадетъ, несмотря на наши настоятельныя просьбы. Для чего же была устроена шахта? Для одного только вида, какъ въ то время многое учреждалось. Музей корпуса обладаетъ прекраснымъ, богатымъ собраніемъ минераловъ и окаменѣлостей; модели всѣхъ возможныхъ машинъ, употребляемыхъ въ горномъ дѣлѣ, красуются на столикахъ,

разставленные въ симметричномъ порядкѣ. Есть даже цѣлые виды мѣстностей и заводовъ, съ миниатюрными постройками и фигурами людей, производящихъ различныя работы, какъ, напримѣръ, добываніе руды, соли и т. п.

Въ трехъэтажномъ зданіи, выходившемъ фасадомъ къ Галерной гавани, помѣщались внизу: кухня и баня; въ среднемъ этажѣ—классы; въ верхнемъ—столовая и буфетъ. Широкій, свѣтлый коридоръ шелъ во всю длину второго этажа и велъ въ классы, размѣщенные по обѣимъ его сторонамъ. Надъ дверью каждаго класса была прибита небольшая овальная желѣзная дощечка, на которой, по черному лакированному полю, былъ написанъ золотыми буквами № и названіе класса. Въ классѣ, у продольной стѣны, было сдѣлано небольшое квадратное возвышеніе, на которомъ стояли: столъ и стулъ для преподавателя. Противъ возвышенія, на довольно значительное разстояніе, такъ какъ классы были просторны, помѣщались амфитеатромъ столы и лавки для кадетъ, съ проходами по концамъ. Въ углу класса стояла «математическая» доска на треножникѣ. Все это было покрыто черной масляной краской; полы же—желтой. На столахъ стояли оловянные чернильницы и песочницы.

Въ столовой, при входѣ, у крайней стѣны, былъ устроенъ красивый, дубовый шкафъ, проходившій черезъ всѣ этажи зданія въ кухню. Этимъ шкафомъ, посредствомъ особо устроеннаго механизма, кушанья подавались намъ въ столовую, прямо изъ кухни. Столы стояли, по длиннымъ стѣнамъ зала, накрывались довольно тонкими скатертями. Посуда была оловянная, но ложки—серебряныя. Подавались тоже салфетки.

Корпусъ состоялъ подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ министра финансовъ, графа Канкринъ, и управлялся особымъ директоромъ, Е. В. Карнѣевымъ, извѣстнымъ переводчикомъ «Духа законовъ», Монтескье.

За нимъ слѣдовали:

Помощникъ директора, Е. П. Ковалевскій, бывшій впоследствии министромъ народнаго просвѣщенія. Инспекторъ—Д. И. Соколовъ, преподаватель горныхъ наукъ. Помощникъ инспектора—Г. Б. Остеръ-Мейеръ, въ чинѣ оберъ-гинтеръ-фервальтера. Начальники отдѣленія: перваго—П. Б. Сукни, втораго—М. Я. Рябининъ, съ «ястребинымъ носомъ», который намъ дѣлалъ испытанія въ нашихъ познаніяхъ, при поступленіи въ корпусъ; третьяго (малолѣтняго)—Юшневскій. Дежурные офицеры: А. П. Гертовъ, первый, принявшій насъ при пріѣздѣ въ корпусъ. Впоследствии, въ чинѣ генераль-майора, состоялъ начальникомъ Монетнаго двора въ Петербургѣ. И. П. Кери, венгерецъ, съ австрійскимъ крестомъ «Маріи Терезіи» въ петлицѣ, былъ золъ и больно наказывалъ кадетъ. Сальморанъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, преподавалъ намъ русскую словесность.

Мы не знали, какъ понимать Сальморана: сумасшедшимъ, или поэтомъ въ душѣ, отдѣляющимся отъ земли и парящимъ въ высшихъ сферахъ? По крайней мѣрѣ, въ такомъ недоумѣніи онъ поддерживалъ насъ своими странностями и выходками. Часто, на дежурствѣ, онъ прохаживался одинъ по длиннымъ коридорамъ, страшно жестикулируя руками: то на ходу билъ себя въ грудь, то останавливался, подымалъ ихъ къверху и т. п., произнося стихи. Вообще у него была манія къ стихамъ. Усовѣщивая кадетъ, пойманныхъ въ шалости, онъ говорилъ не иначе, какъ стихами. Остается сказать еще о двухъ офицерахъ: Панышевъ — розовенькій, сытенькій господинъ, съ голубыми близорукими глазами, но добрый. Ламздорфъ, пристрастный въ своихъ дѣйствіяхъ, баловалъ и потакалъ своимъ фаворитамъ и строго преслѣдовалъ тѣхъ кадетъ, которые почему либо не имѣли счастья ему нравиться.

Въ отдѣленіи малолѣтнихъ, кромѣ того, были еще гувернеры: французъ и англичанинъ. Послѣдній, кажется, только тѣмъ и занимался, что чинилъ кадетамъ гусиные перья.

Далѣе, надзоръ за кадетами былъ порученъ старшимъ кадетамъ, находящимся въ послѣднемъ, выпускномъ классѣ, именовавшемся унтеръ-офицерами и имѣвшемъ галуны на мундирѣ. Они тоже дежурили поочередно и дѣлали «вечернія переклички». Такихъ старшихъ мы называли: «межеумками», потому что отъ кадетъ они отстали и имѣли право ихъ наказывать, употребляя свое право часто во зло, а къ офицерамъ еще не пристали, потому что продолжали учиться, какъ и мы; да и мундиръ носили такой же, за исключеніемъ галуна. Такихъ старшихъ было по одному и по два въ каждомъ дортуарѣ, или спальнѣ кадетъ.

Несмотря на такой длинный списокъ начальниковъ и надзирателей, съ нѣмецкими названіями чиновъ, которыя нескоро выговоришь, какъ, напримѣръ, оберъ-гинтеръ-фервальтеръ и т. п., корпусъ не могъ похвалиться нравственностью кадетъ: производились шалости и даже весьма гнусныя. Справедливость пословицы: «у семи нянекъ дитя безъ глаза», оправдывалась на насъ, какъ нельзя лучше.

Преподаваніе наукъ дѣлилось на девять классовъ: три нижнихъ, четыре среднихъ и два верхнихъ. Въ двухъ верхнихъ преподавались собственно горныя науки; во всѣхъ остальныхъ — общія.

Кадеты поступали или безъ экзамена, прямо въ первый нижній классъ, или по экзамену и по степени познаній распределялись по классамъ, включительно до I-го средняго. Возрастъ для приѣма въ корпусъ, кажется, не ограничивался лѣтами, по крайней мѣрѣ, при мнѣ дѣти какого-то бѣднаго горнаго чиновника, прибывшія изъ Сибири съ транспортомъ золота, были приняты, хотя у старшаго пробивались уже усы и борода, и онъ по познаніямъ своимъ, увы, могъ поступать только во второй нижній классъ.

По возрасту кадегъ распредѣлялись на три отдѣленія, первое для старшаго возраста, второе—для средняго и третье—для малолѣтнихъ. Въ то время уже понимали необходимость отдѣлять старшихъ отъ младшихъ. Въ дѣйствительности же, распредѣленіе это дѣлалось болѣе по росту. Такъ я, имѣя 12 лѣтъ отъ роду, помѣщался во 2-мъ отдѣленіи, а другіе, старше меня, были въ малолѣтнемъ, потому только, что ниже меня ростомъ.

Кадеты дѣлились на казеннокоштныхъ, пансіонеровъ и полупансіонеровъ. Первые все содержаніе получали отъ казны и обязаны были служить по горному вѣдомству; пансіонеры, къ числу которыхъ принадлежалъ я, пользовались содержаніемъ тоже отъ казны, но за опредѣленную плату. Полупансіонеры, или вольноприходящіе, все имѣли отъ себя и пользовались ученіемъ, кажется, бесплатно, но обязаны были, для единообразія, носить форму, присвоенную кадетамъ. Впрочемъ въ мое время полупансіонеромъ былъ только одинъ, Лычковъ, о которомъ я уже говорилъ.

Форма кадетъ была праздничная и будничная. Праздничная состояла изъ двухбортнаго мундира, обыкновеннаго (въ то время) солдатскаго покроя, темно-синяго цвѣта, съ чернымъ, изъ плиса, воротникомъ, опущеннымъ кантомъ изъ краснаго сукна; погоны на плечахъ изъ чернаго сукна, тоже съ красной выпушкой, рукава оканчивались обшлагами, съ нашитыми клапанами. Пуговицы были гладкія, изъ красной мѣди. Брюки суконныя, одного цвѣта съ мундиромъ, безъ всякой выпушки. При мундирахъ носили фуражки и кивера. Фуражки были скроены по общепринятому тогда образцу, безъ козырька, изъ темно-синяго сукна, съ чернымъ околышемъ и краснымъ кантомъ. Кивера — тоже общей формы, съ кожанымъ козырькомъ, чернаго сукна боками, завершались тульей изъ черной глянцовой кожи. На киверѣ, спереди красовалась мѣдная бляха, въ видѣ удлиненнаго полукруга, въ срединѣ котораго изображались атрибуты горнаго промысла: заступъ, кирка, лопата; все это крестообразно; отъ нихъ по оконечностямъ бляхи шли во всѣ стороны лучи, но не прозрачные, а выбитые. Нижняя часть бляхи прикрывалась довольно широкимъ кутасомъ изъ нитяныхъ шнурковъ, искусно сплетеннымъ, въ видѣ рогожки. Концы кутаса прикрѣплялись къ бокамъ кивера, и отъ нихъ шелъ другой кутасъ, помѣщавшійся на задней части кивера. Отъ соединенія кутасъ шли: съ лѣвой стороны, длинный двойной шнуръ, доходившій до плеча и оканчивающійся двумя плетушками изъ чернаго и желтаго сырца. Петли плетушекъ надѣвались на плечевую пуговицу, подъ погонъ; съ правой же стороны кивера висѣлъ короткій шнуръ, едва достигавшій до уха и оканчивающійся боcheнчкомъ, заплетеннымъ въ сырецъ тѣхъ же цвѣтовъ, какъ и первый. Къ киверу были пристегнуты мѣдныя чешуи, т. е., чешуеобразныя бляшки, собранныя на ремнѣ и застегивающіяся подъ

подбородкомъ кожанымъ костылькомъ и петелькой. Киверъ завершался помѣщеннымъ спереди репейкомъ, но безъ помпона. Репеекъ состоялъ изъ двухъ, одинаковой мѣры, горизонтально сшитыхъ лоскутковъ, бѣлаго и синяго сукна, имѣлъ овальную форму и сзади подшитъ чернымъ сукномъ.

На лѣвое плечо, подъ погонъ, надѣвался широкій, изъ глянцевиной черной кожи, ремень и спускался по груди и спинѣ до праваго бока, концы ремня соединялись особо устроеннымъ гнѣздомъ, въ которое вдѣвался тесакъ, въ кожаныхъ ножнахъ, съ мѣднымъ наконечникомъ. Рукоятка тесака тоже была мѣдная, безъ темляка; зимой и лѣтомъ кадеты имѣли одну шинель, темно-сѣраго сукна, солдатскаго покроя. Воротникъ и погоны были одинаковой формы, какъ и на мундирѣ. На зимнее время намъ выдавались теплыя рукавицы, въ суконномъ верхнемъ чехлѣ, и преумо-рительные наушники. То былъ лоскутъ бѣлой фланели, узкій по срединѣ и постепенно расширяющійся къ концамъ. Концы были загнуты только, но не пришиты, и собраны на ниткѣ, отъ чего представляли изъ себя концы туфель. Наушникъ былъ пригнанъ такъ, чтобы, захвативъ ухо въ сборки концовъ, онъ плотно обнималъ и ухо и подбородокъ и держался бы самъ собой.

Ежедневная одежда кадетъ состояла изъ однобортной куртки темно-синяго сукна, съ воротникомъ, погонами и пуговицами, какъ у мундира; панталоны были изъ темно-сѣраго сукна. Сукно на всемъ было довольно тонкое.

Науки, преподаваемыя въ корпусѣ, дѣлились на общія и спеціальныя, т. е. собственно относящіяся до горнаго искусства; послѣднія преподавались исключительно въ послѣднихъ двухъ верхнихъ классахъ; во всѣхъ же прочихъ учили: священной исторіи, катихизису, общей и россійской географіи и исторіи,—математикѣ, низшей и высшей, съ ея побочными науками: геометріей, тригонометріей, съемкой и т. д., языкамъ: французскому, нѣмецкому, латинскому; послѣдній, впрочемъ, не былъ обязательнымъ; искусствамъ: рисованью, черченью, танцамъ и для желающихъ—музыкѣ и фехтованью; кромѣ того, военной выправкѣ и маршировкѣ.

Уроки продолжались по полтора часа и назначались два до обѣда и два послѣ обѣда. Между уроками—полчаса свободнаго времени. Утренніе—начинались въ 8^{1/2} часовъ, кончались въ полдень, вечерніе—въ 2^{1/2} часа, оканчивались въ 6 часовъ. Ученьемъ насъ не обременяли, но учили очень плохо.

Вакаціонное время было: зимнее, съ 23 декабря по 7 января, и лѣтнее—съ начала іюня по 15 августа. Кромѣ того, распускали на канунѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней.

Содержали насъ превосходно. Пища была едва ли не лучше, чѣмъ въ Пажескомъ корпусѣ. Такое содержаніе приписывали тому обстоятельству, что во время моего пребыванія въ корпусѣ воспи-

ывались въ немъ побочныя дѣти графа Канкринъ, два брата Пишке. Начальство и экономя опасались, чтобы на разспросы министра о пищѣ не послѣдовало недоуловлительнаго отвѣта.

Въ гигиеническомъ отношеніи тоже былъ соблюдаемъ строгій порядокъ. Бѣлье изъ тонкаго русскаго полотна мѣнялось два раза въ недѣлю: въ среду и субботу. Зимой, въ двѣ недѣли разъ, водили насъ въ баню, гдѣ каждому кадету давали порядочный кусокъ бѣлаго мыла. Лѣтомъ на рѣкѣ Невѣ, противъ корпуса, были устроены двѣ обширныя купальни: одна глубокая, для умѣющихъ плавать, другая—мелкая, для неумѣющихъ. За корпусомъ, къ Волкову полю, помѣщался большой ровный плацъ, съ навѣсами по забору. На плацу мы играли въ мячъ и другія игры, а въ случаѣ дождя укрывались подъ навѣсомъ. Весной, когда земля еще не обсохла, и вездѣ была грязь, въ теплые дни насъ выпускали на большое парадное крыльцо подышать чистымъ воздухомъ.

Вездѣ, во всемъ корпусѣ, постоянно соблюдались замѣчательная чистота и порядокъ, такъ поразившія насъ при первомъ нашемъ поступленіи. Полы вездѣ были натерты воскомъ; въ дортуарахъ—желѣзныя кровати съ таковымъ же пруткомъ въ головахъ, на верхнемъ концѣ котораго, на квадратной дощечкѣ, выкрашенной черной масляной краской и обведенной красной каймой, мѣломъ, разведеннымъ въ водѣ, было четко и красиво написано: № и названіе класса и фамилія ученика, обладателя кровати. Постели всегда были въ порядкѣ. Съ боку, въ головахъ, помѣщался глухой столъ, въ нижней части котораго устроенъ шкафъ, а между шкафомъ и верхней доской—выдвижной ящикъ; все это съ вѣрзанными глухими замками и запиралось на ключъ. Въ ногахъ кровати стоялъ табуретъ, на который мы складывали одежду, когда ложились спать. И столъ и табуретъ выкрашены масляной краской темно-синяго цвѣта. Постельный тюфякъ изъ полосатаго тика набитъ былъ мочаломъ, съ верхней прокладкой изъ конскаго волоса, покрывался простыней и одѣяломъ, зимой изъ бѣлой фланели, на холщевой подкладкѣ, лѣтомъ изъ русскаго бѣлаго тика. Поверхъ одѣяла лежала пуховая подушка, въ чистой наволочкѣ. Все постельное бѣлье изъ тонкаго русскаго полотна. Въ зимнее время печи всегда топили съ вечера, и температура въ комнатѣ поддерживалась на 12°. Для вентиляціи воздуха были устроены каминныя форточки. Роскошь, которую имѣетъ не каждый, знатный, частный домъ! Словомъ, въ гигиеническомъ отношеніи не оставалось ничего желать болѣе.

Замѣчательный порядокъ существовалъ въ цѣхгаузѣ, гдѣ хранились наше бѣлье, одежда и амуниція. По стѣнамъ шли узкія продолговатыя полки, отъ полу до половины завѣшанныя чистымъ холстомъ; въ закрытой части лежали наше бѣлье, сапоги; на виду—мундиры, кивера, тесаки, въ симметрическомъ порядкѣ. Все это перенумеровано, каждый кадетъ обязанъ былъ знать свой номеръ и

по немъ брать вещи. Больница щеголяла своимъ устройствомъ. Она состояла изъ отдѣленій: для трудно больныхъ, просто больныхъ и выздоравливающихъ; кромѣ того, имѣлось особое отдѣленіе для глазныхъ болѣзней; въ немъ постоянно царствовалъ зеленоватый полумракъ отъ спущенныхъ сторъ изъ матеріи зеленого цвѣта. Порядокъ, чистота, бѣлье, больничная одежда, состоявшая изъ халата и туфель, — все было превосходно. Докторъ ежедневно посѣщалъ больницу, фельдшера не отходили отъ больныхъ. Больница имѣла свою аптеку. Матеріальной частью больницы завѣдывала особая кастелянша. При мнѣ должность эту исполняла старушка *m-me Planer*: она же разливала и поила чаемъ всѣхъ больныхъ.

Церковь была небольшая, простой, но изящной отдѣлки, богата утварью и священническими одѣянiями. На клиросѣ пѣли кадеты. Корпусъ имѣлъ свой театръ, помѣщавшійся въ верхнемъ этажѣ, въ углу, образуемомъ двумя сходящимися строеніями. Здѣсь, кстати, скажу, что вообще планъ постройки всего корпуса былъ страшно перепутанъ и имѣлъ неправильные изгибы. Такъ наружный уголъ главнаго зданія, выходящій одной стѣной къ Невѣ, а другой—въ улицу, противъ казармъ финляндскаго полка, былъ не прямой, но раздвинутый, остальные строенія соприкасались между собой, подъ всѣми возможными углами. Видно было, что все это пристройки, дѣлались постепенно, по мѣрѣ надобности.

Театръ былъ устроенъ въ небольшой залѣ, имѣлъ возвышенную отъ пола сцену съ кулисами и занавѣсомъ. За рампой помѣщались музыканты. (Корпусъ имѣлъ свою инструментальную музыку). Отъ музыкантовъ невысокая перегородка отдѣляла партеръ съ мѣстами для посѣтителей. Надъ партеромъ до половины были устроены хоры, на которыхъ помѣщались кадеты. Все это въ небольшихъ размѣрахъ, но прилично. Зато лѣстница, ведущая въ театръ, была преотвратительная. Мѣсто не позволяло устроить ее лучше, и потому она была извилиста, узка, крута и совершенно темна. Стѣны лѣстницы замѣняли перила, а протянутая во всю ея длину веревка служила поручнемъ. Костюмы для пьесъ доставали изъ театральнаго гардероба, что было дѣлать легко, благодаря тому обстоятельству, что въ мое время воспитывались въ корпусѣ три брата Самойловы, дѣти извѣстнаго актера Самойлова: Александръ, Василій и Сергѣй. Изъ нихъ Василій служилъ потомъ украшеніемъ петербургской сцены; участь двухъ остальныхъ мнѣ неизвѣстна. На сценѣ кадеты разыгрывали комедіи, водевили, оперы въ родѣ «Мельникъ, свать, колдунъ, обманщикъ» и т. п. Выплясывали разные характерные танцы; исполняли женскія роли.

Театръ нашъ пользовался доброй репутаціей и посѣщался довольно многочисленной публикой.

Покончивъ съ официальной стороной корпуса, опишу нашу домашнюю, такъ сказать, жизнь.

День начинался тѣмъ, что во всѣ времена года колокольчикъ будилъ насъ въ 7 часовъ утра. Вставъ съ постели, шли умываться въ устроенную для того комнату, въ каждомъ изъ отдѣленій особо. Посреди комнаты помѣщался одинъ общій умывальникъ, состоящій изъ большого круглаго мѣднаго резервуара, всегда отлично вычищенного и утвержденного на тумбѣ, въ которой скрывалась труба, проводящая стекающую воду въ пріемникъ, устроенный гдѣ-то внѣ стѣнъ зданія. На днѣ резервуара, по краямъ, въ симметрическомъ и ровномъ другъ отъ друга разстояніи помѣщались такъ называемые «гвозди», т. е., мѣдные луженые прутья, имѣвшіе на наружныхъ концахъ шляпки, а другими, верхними концами, плотно входившіе въ гнѣзда, устроенныя на днѣ резервуара. Когда такой «гвоздь» нажмешь за нижнюю его шляпку ладонью руки, то онъ приподымается кверху, входитъ въ резервуаръ и пропускаетъ воду, когда же отымешь руку, гвоздь, опускаясь, входитъ въ свое мѣсто, затыкаетъ скважину, и токъ воды прекращается. Подъ резервуаромъ устроенъ пріемникъ, нѣсколько ниже, чѣмъ самый резервуаръ; пріемникъ соединяется съ трубой въ тумбѣ, служащей базисомъ резервуара, и въ мѣстѣ соединенія имѣетъ отверстія, черезъ которыя грязная вода, стекая по наклоннымъ стѣнкамъ пріемника, уходила въ трубу. По стѣнамъ умывальной комнаты устроены были валики, на которыхъ висѣли полотенца, связанные концами вмѣстѣ. Можно было передергивать ихъ сколько угодно; они составляли вѣчный круговоротъ.

Умывшись и одѣвшись, кадеты становились, по ранжиру, во фронтъ, каждый въ своемъ дортуарѣ. Одинъ изъ нихъ громко читалъ утреннюю молитву, прочіе—крестились. По окончаніи молитвы, аудиторы спрашивали уроки, каждый у своихъ кадетъ. Учрежденіе аудитора состояло въ слѣдующемъ: избирался лучший по успѣхамъ ученикъ, которому поручалось 5—6 кадетъ, одного съ нимъ класса. Избранный и назывался аудиторомъ. Обязанность его состояла въ спрашиваніи урока, передъ началомъ классовъ, у учениковъ, значащихся въ его спискѣ, и отмѣткѣ ихъ отвѣтовъ. Списокъ этотъ потомъ подавался учителю. Такъ какъ аудиторы назначались не по всѣмъ предметамъ преподаванія вообще, а по каждому порознь, то весьма часто случалось, что аудиторъ имѣлъ у себя въ спискѣ ученика, который, въ свою очередь, былъ его аудиторомъ изъ другого предмета, отъ чего, разумѣется, происходили разныя злоупотребленія, и учителя, понявъ бесполезность введенія аудиторовъ, скоро ихъ уничтожили.

Кадеты забирали книги и другія пособія, нужныя для классовъ того утра, строились въ двѣ шеренги уже всѣ вмѣстѣ по отдѣленіямъ и шли въ столовую. Тамъ шеренги расходились на двое, по каждой сторонѣ стола и усаживались на лавки. Между тѣмъ на столахъ, на подносахъ, въ стаканахъ, дымился горячій сбитень (извѣстный

напитокъ), частью съ молокомъ, частью чистый; тутъ же лежали булки изъ пшеничной муки, невысокаго сорта. По знаку колокольчика, сбивенъ разбирался кадетами подъ надзоромъ унтеръ-офицеровъ, тутъ же сидящихъ, проворно уничтожался вмѣстѣ съ булкой, и ожидался новый знакъ. Дежурный офицеръ, присутствующій въ столовой, махалъ шляпой или давалъ знакъ рукой; помощникъ эконома, стоявшій у кухоннаго шкапа, о которомъ я уже упомянулъ, три раза ударялъ колокольчикомъ; кадеты встаютъ съ своихъ мѣстъ и отправляются тѣмъ же фронтомъ прямо въ классы. Войдя въ коридоръ, всѣ расходятся каждый на свое мѣсто. Въ полчаса промежутка, положеннаго на перемѣну учителей, желающіе могутъ ходить по коридору.

По окончаніи классовъ вновь строятся по ранжиру и возвращаются въ дортуары, гдѣ весь утренній безпорядокъ уже болѣе не существуетъ, постели прибраны, полы натерты, словомъ все приведено буквально въ блестящій видъ. Тамъ старшіе торопятъ кадетъ скорѣе укладывать книги и прочее на свои мѣста въ подстольные шкапы и тотчасъ же безъ всякаго уже порядка выгоняютъ, чтобы мы не измяли постелей и не испаркали пола. Мы уходили въ большой залъ, назначенный собственно для нашихъ игръ, которымъ и предавались «кто во что гораздъ».

Игры наши и развлеченія были довольно разнообразны и дѣлились на зимнія и лѣтнія, а по роду занятій—на утреннія и вечернія. Дневныя зимнія игры состояли: въ игръ въ ключъ, мячъ, въ бѣготнѣ взапуски; вечернія—въ показываніи «тѣней», въ представленіи театра. Лѣтнія забавы ограничивались игрой въ лапту, въ «свайку» на плацу, о которомъ я уже упоминалъ; если же благопріятствовала погода, то прибѣгали къ зимнимъ развлеченіямъ.

Находились между кадетами и «антрепренеры театровъ». Театръ, или, правильнѣе сказать, сцену театра довольно значительной величины, дѣлали изъ картона съ подвижными кулисами и поднимающимся и опускающимся занавѣсомъ. Кулисы вырѣзывали и раскрашивали согласно ихъ назначенію: такъ онѣ представляли комнату съ дверями и окнами или садъ, лужайку, лѣсъ съ хижиной и тому подобное, даже ухитрялись дѣлать волны морскія, двигая ихъ по сценѣ, взадъ и впередъ. Полъ на сценѣ былъ возвышенъ на столько, чтобы подъ нимъ могла свободно поворачиваться рука, и имѣлъ сквозные прорѣзы съ поворотами и по разнымъ направленіямъ. По прорѣзамъ ходили картонные актеры, разодѣтые соответственно представляемой пьесѣ и приводимые въ движеніе скрытой подъ поломъ рукой, при чемъ произносились монологи, сочиненные на такой случай. Были и такіе искусники, что дѣлали своихъ актеровъ съ подвижными головами, руками и ногами, отъ чего они прижимали руки къ сердцу, поднимали ихъ къ небу, кланялись, присѣдали, становились на колѣни и тому подобное. Желающіе видѣть

подобный спектакль платили за свое право бумагой, перьями, карандашами, порціями кушанья; но, замѣчательно; ни одна игра не производилась на деньги!

Была попытка издавать писанный журналъ, но не знаю, почему онъ прекратился на № 2.

Я оставилъ кадетъ, вышедшихъ изъ дортуаровъ и собравшихся въ игральной залѣ, занятыми игрой, между тѣмъ малолѣтніе, увы, были отдѣлены отъ насъ, какъ «овцы отъ козлищъ», и оставались взаперти въ своемъ отдѣленіи, гдѣ они, бѣдненькіе, не смѣли присѣсть на кровати, чтобы не измять ихъ и тѣмъ нарушить порядокъ. Не имѣя своей залы, они были стѣснены въ своихъ играхъ; при томъ должны были говорить между собой на языкѣ гувернера, дежурнаго въ тотъ день: такъ, если то былъ французъ, то по-французски, если нѣмецъ, то по-нѣмецки. Между ними ходили билетики, передаваемые тѣмъ, кто скажетъ хотя одно слово не на надлежащемъ языкѣ. У кого оказывались такіе билетики передъ обѣдомъ или ужиномъ, тотъ оставался безъ ѣды. Между тѣмъ у насъ шумъ, гамъ, бѣготня—все это дозволялось, а запрещалось только кричать и драться.

Вотъ бьетъ 2 часа—время обѣда, раздается призывный колокольчикъ; всѣ строятся и по тому же расчету и тѣмъ же порядкомъ, какъ утромъ, идутъ въ столовую, громко прочитывалась кѣмънибудь изъ кадетъ приличная молитва, усаживались и по звонку колокольчика принимались за первое блюдо. За обѣдомъ подавались три перемѣны кушанья: горячее, говядина или каша, если были щи, и чтонибудь въ родѣ пирожнаго. Изъ послѣднихъ я въ особенности любилъ такъ называемыя «пышки». Это тѣсто, изъ пшеничной муки, величиной съ яблоко, на которое и походило видомъ, обжаренное съ маслѣ и посыпанное сахаромъ. Ихъ подавали два раза въ недѣлю, по пяти штукъ на каждого. Этими-то пышками я всегда предлагалъ производить расплату въ проигрышѣ тѣхъ игръ, въ которыхъ я участвовалъ. Когда на горячее были «лѣнныя щи», то подаваемая вслѣдъ за ними каша составляла второе блюдо, и обѣдъ заканчивался жареной говядиной. Пока мы истребляемъ горячее, съ ломтемъ хорошо испеченнаго чернаго хлѣба, машина скрипя подаетъ въ шкафъ слѣдующее блюдо. Отъ шкафа иногда шелъ чадъ изъ кухни. Прислуга перемѣняла тарелки, и мы за слѣдующую перемѣну кушанья не могли дотронуться безъ звонка, производимаго тѣмъ же помощникомъ эконома и по знаку дежурнаго офицера. Тѣмъ же порядкомъ приступали къ третьей перемѣнѣ и по послѣднему звонку вставали изъ-за стола, снова прочитывалась благодарственная молитва, и мы въ прежнемъ порядкѣ возвращались въ свой залъ.

Обѣдъ, какъ я уже говорилъ, всегда былъ 'сытый, готовился изъ свѣжихъ припасовъ; при немъ иногда присутствовалъ экономъ,

баронъ Виттъ. Во все трехлѣтнее пребываніе мое въ корпусѣ разъ только случилось, что на одномъ столѣ въ кашѣ нашли слѣды нечистотъ, оставленныхъ мышами. Вѣсть о томъ молніей пробѣжала по остальнымъ столамъ, и экономъ очень маленькаго роста буквально былъ закиданъ кашей, несмотря на присутствіе дежурнаго офицера и его приказанія возвратиться къ порядку. Примѣръ тому показали старшіе возрастомъ, а мы только подхватили. Сами унтеръ-офицеры, вмѣсто того, чтобы останавливать насъ, подкладывали намъ куски каши, которые потомъ летѣли въ эконома. Удивительно, что продѣлка эта осталась безъ всякихъ послѣдствій.

Не думаю, чтобы начальство, вообще довольно строгое къ нашимъ шалостямъ, признало за нами право такого самоуправства.

Вѣроятно же всего, что снисхожденіе его въ этомъ случаѣ происходило отъ благоразумнаго взгляда на нашъ проступокъ, и мѣры строгости останавливались въ виду трудности отысканія виновныхъ.

На самомъ дѣлѣ, виновныхъ, т. е. весь корпусъ поголовно, наказать немислимо, между кадетами нельзя было означить и главныхъ зачинщиковъ, потому что, если не зачинщиками, то ревностными поощрителями безпорядка, оказывались наши унтеръ-офицеры, т. е., лица, коимъ ввѣренъ былъ ближайшій за нами надзоръ. Въозможно ли наказать ихъ, не уронивъ въ глазахъ нашихъ нравственнаго ихъ авторитета? А, можетъ быть, начальство и само струсило, боясь, чтобы свѣдѣніе о кашѣ не дошло до министра черезъ братьевъ Пишке. Какъ бы то ни было, только никто изъ насъ не былъ подвергнутъ наказанію. Одинъ только экономъ долженъ былъ выводить масляныя пятна изъ своего платья. Съ того времени мы имѣли кашу чистую отъ всякой посторонней примѣси.

Передъ началомъ вечернихъ классовъ мы снова шли въ спальни за нашими книгами и, взявъ ихъ, тотчасъ же уходили въ классы. По окончаніи ученія возвращались въ свои дортуары и оставались въ нихъ до утра.

Вечеромъ сбитень отъ казны не полагался, и потому пили его за особую плату тѣ только кадеты, которыхъ родители имѣли достатки.

Вечеръ посвящался приготовленію уроковъ на слѣдующій день.

Изъ 8 часовъ звонокъ собиралъ насъ къ ужину, на которомъ подавались только двѣ перемѣны кушанья: горячее, которое было за обѣдомъ, и пироги, начиненные одинъ день кашей, другой говядиной, попеременно. Отъ ужина возвращались въ спальни, строились по ранжиру, каждый въ своемъ дортуарѣ. Дежурный унтеръ-офицеръ въ киверѣ и при тесакѣ, какъ отличіи его обязанностей, обходилъ всѣ комнаты отдѣленія и по списку дѣлалъ перекличку кадетъ. Каждый изъ насъ на произнесенную имъ фамилію обязанъ былъ отвѣчать «здѣсь». Отсутствующіе по какому либо случаю

отмѣчались въ спискѣ, который въ тотъ же вечеръ сдавался эконому, для его соображенія о количествѣ нужныхъ порцій кушанья. По окончаніи переключки и прочтеніи кѣмъ либо изъ кадетъ, во всеуслышанье, вечерней молитвы на сонъ грядущій, всѣ расходились и укладывались спать.

Раздѣваясь, каждый обязанъ былъ бѣлье свое и платье сложить въ опредѣленномъ единообразномъ порядкѣ на табуретъ и поставить его въ ногахъ постели. Потерпѣвшіе въ теченіе дня какую нибудь «аварію» въ своей одеждѣ, т. е. разорвавшіе сапоги или платье, складывали ихъ на окно. Дядьки, которыхъ было по одному и по два на каждый дортуаръ, смотря по его величинѣ и слѣдовательно по количеству его обитателей, собирали «аварію» съ оконъ и относили въ нивальни. Утромъ рано все въ исправленномъ видѣ являлось на своихъ мѣстахъ, т. е. окнахъ. Мы ложились въ постели, и, при яркомъ освѣщеніи маслянныхъ лампъ, тихо спускался на насъ сонъ... Все въ стѣнахъ корпуса затихало до утренняго колокольчика. Предусмотрительность начальства простиралась до того, что въ каждомъ дортуарѣ лежало по нѣсколько халатовъ изъ бѣлой фланели, сшитыхъ на разный ростъ, для ночныхъ выходовъ.

Такъ заканчивался день въ корпусѣ.

Ученіе производилось по общепринятому методу: спрашивали заданные уроки, и отвѣты отмѣчались въ спискахъ цифрами: 0, 1, 2, 3, и 4, что означало постепенность отъ «худо», до «отлично». Изъ класса въ классъ переводились по экзамену, происходившему ежегодно въ концѣ мая мѣсяца. Прилежныхъ, кромѣ того, награждали книгами, похвальными листами; на послѣднемъ обѣдѣ, передъ роспускомъ на каникулы, сажали ихъ за особый столъ и угощали изысканными кушаньями, а въ заключеніе подавали десертъ, состоящій изъ конфетъ и фруктовъ. Я со всѣми своими отличными способностями переводился только изъ класса въ классъ; но ни разу не удостоился попасть въ число награждаемыхъ за прилежаніе. За мной не было спеціальнаго надзора, который руководилъ бы меня и заставлялъ изоощрять свои способности; отъ этого я больше шалилъ, чѣмъ занимался ученьемъ.

Унтеръ-офицеры, кончившіе курсъ ученья, при выпускѣ получили названіе «практиканта». Для практикантовъ отъ корпуса назначалось угощеніе съ значительнымъ количествомъ крѣпкихъ напитковъ. Отводился отдѣльный домикъ, стоявшій въ углу зданій корпуса, къ Волкову полю, и отдавался въ безконтрольное распоряженіе практикантовъ. Тамъ они кутили все время, пока не выходило назначеніе: кому оставаться въ Петербургѣ, при Монетномъ дворѣ, кому отправляться въ Сибирь на заводы. На всѣ ихъ пьяныя продѣлки корпусное начальство смотрѣло «сквозь пальцы», платя за все истребленное ими. То было какъ бы прощаніе корпуса съ своими воспитанниками.

По окончаніи экзаменовъ, происходилъ публичный актъ въ рекреационномъ залѣ, только для этого торжественнаго случая доступномъ кадетамъ. Въ залѣ помѣщались статуи: Аполлона Бельведерскаго и семейства Лаокоона, терзаемаго зміями; стѣны украшены поясными портретами всѣхъ министровъ финансовъ, начиная отъ перваго и кончая (въ то время) настоящимъ—графомъ Канкринымъ. Само собой разумѣется, что на короткой стѣнѣ залы красовался портретъ во весь ростъ императора Николая. На актъ приглашались, кромѣ начальства, родственники кадетъ, находящіеся въ Петербургѣ, и много постороннихъ лицъ, въ качествѣ ревнителей просвѣщенія. Въ назначенный часъ двери, ведущія изъ 1-го отдѣленія, растворялись; кадеты, по два въ рядъ, меньшіе впереди, маршируя подъ звуки музыки, вступали въ залъ. Дойдя до посѣтителей, расходились: одинъ рядъ направо, другой налево, и строились въ колонну, при чемъ меньшіе ростомъ составляли переднюю шеренгу, лицомъ къ зрителямъ, за нею слѣдующіе по росту кадеты, въ самой послѣдней—самые высокіе; поэтому, если смотрѣть со стороны посѣтителей, образовывался амфитеатръ изъ головъ кадетъ. Читался отчетъ, провозглашались фамиліи отличившихся въ наукахъ кадетъ, раздавались имъ награды, и потомъ тѣмъ же порядкомъ, какъ и при входѣ въ залъ, кадеты скрывались за дверью, и актъ кончался до слѣдующаго года.

На другой день распускали кадетъ на лѣтнюю вакацію. Заговоривъ о наградахъ, я естественно долженъ упомянуть и о наказаніяхъ, коимъ подвергались провинившіеся. Наказанія, существовавшія въ корпусѣ въ мое время, можно подраздѣлить на общія и спеціальныя: къ первымъ принадлежатъ: сѣченіе розгами, ставленіе на колѣна, дранье за волосы и уши; ко вторымъ—ставленіе къ столбу, битіе линейкой по ногтямъ. Первые общія наказанія слишкомъ извѣстны, чтобы ихъ описывать; скажу только, что розги употреблялись лишь въ самыхъ важныхъ проступкахъ. При мнѣ въ три года было только два случая наказанія розгами.

Первый 3-й нижній классъ, въ которомъ и я находился, мало того, что шумѣлъ во время преподаванія французскаго языка, но мы бросали въ учителя, м-г Planer, жеванными кусочками бумажекъ, свернутыхъ шарикомъ. Не найдя зачинщиковъ, корпусное начальство порѣшило наказать розгами десятаго. Собрали насъ въ классъ, дядьки принесли скамьи и розги; насъ поставили въ шеренгу «подъ ранжиръ» и отсчитали десятыхъ. Получившихъ роковое число наказали, но не очень больно. Меня миновалъ жребій, хотя, каюсь, я былъ въ числѣ главныхъ зачинщиковъ.

Другой случай наказанія розгами былъ болѣе торжественный, въ присутствіи всѣхъ кадетъ. Въ одинъ для насъ обыкновенный, а для наказуемыхъ скверный день, послѣ обѣда, насъ по обыкновенію не вывели изъ столовой, а приказано было всѣмъ остаться

на своихъ мѣстахъ. Насъ удивило такое распоряженіе; но скорѣ разъяснилось недоумѣніе. Въ залъ ввели кадета изъ перваго верхняго класса, лѣтъ 20-ти, Макарова, и при всѣхъ наказали. Мы, меньшіе, не поняли хорошо, въ чемъ состояла его вина, но по небывалости подобнаго случая наказанія заключили, что онъ сдѣлалъ что либо немаловажное.

Спеціальность наказанія заключалась въ битьѣ линейкой по ногтямъ и составляла чистое варварство, въ родѣ инквизиціонной пытки. Провинившійся долженъ былъ собрать всѣ пальцы лѣвой руки вмѣстѣ и держать ихъ кверху. Въ такомъ видѣ били по ногтямъ линейкой, иногда до того сильно, что изъ-подъ ногтей выступала кровь. Наказаніе это обыкновенно производили унтеръ-офицеры. Къ счастью всѣхъ насъ, въ мое время такому истязанію подвергся кадетъ, отецъ котораго занималъ въ Петербургѣ какой-то видный постъ и былъ хорошо знакомъ съ директоромъ корпуса. Отецъ передалъ способъ наказанія его сына Карнѣву, а тотъ при сборѣ всѣхъ кадетъ объявилъ унтеръ-офицерамъ, чтобы впередъ подобнаго наказанія никогда не употреблять.

За шалости или непослушаніе ставили «къ столбу». Наказаніе получило такое лаконическое названіе отъ печей, въ видѣ столба стоявшихъ по угламъ въ столовой залѣ. Обыкновенно провинившемуся говорило начальство отрывисто, коротко: «къ столбу», и тотъ долженъ былъ отправляться къ печкѣ и становиться спиной къ зрителямъ.

Наказывали также тѣмъ, что подчеркивали фамилію въ спискѣ. Имѣющій такую отмѣтку не могъ получить отпускнаго билета и на праздникъ оставался въ корпусѣ.

Роспускали насъ изъ корпуса, какъ я уже говорилъ, наканунѣ праздниковъ. Обыкновенно, по окончаніи вечернихъ классовъ, когда мы возвращались въ спальни, и такъ какъ путь нашъ лежалъ мимо швейцарской, то мы и забѣгали туда посмотреть: не пришли ли за нами посланные? Только кадетъ старшаго возраста отпускали однихъ, насъ же, меньшихъ, не иначе, какъ въ сопровожденіи мужчины или женщины, все равно.

Завидя желаемую личность, опрометью летимъ въ дортуаръ, спѣшимъ уложить книги, одѣться въ форму и явиться въ такъ называемую «дежурную комнату». Тамъ стоитъ уже развернутый столъ, за нимъ сидятъ дежурные унтеръ-офицеры, подъ предсѣдательствомъ котораго либо изъ начальниковъ отдѣленія или дежурнаго офицера. На столѣ лежатъ: списокъ кадетъ, мѣдные небольшие жетоны и отпечатанные на осьмьюшкѣ листа синей бумаги бланки отпускныхъ билетовъ, съ оставленными, гдѣ нужно, пробѣлами. Прежде выдачи билета справятся въ спискѣ, не подчеркнута ли фамилія кадета, просящагося въ увольненіе, что, замѣчу мимоходомъ, было совершенно излишне; каждый изъ насъ

заблаговременно зналъ, если имѣлъ свою фамилію подчеркнутой, и не являлся за отпускнымъ билетомъ. Въ пробѣлы билета вписывались унтеръ-офицеромъ фамилія кадета и срокъ, на который онъ отпускается; билетъ подписывался присутствующимъ начальникомъ и выдавался вмѣстѣ съ жетономъ въ руки отпускаемаго. Жетонъ передавался швейцару, какъ знакъ пропуска, а самый билетъ складывался узкой полоской и затыкался по борту мундира, между пуговицъ, такъ, чтобы конецъ его торчалъ наружу. Такимъ образомъ, при встрѣчѣ на улицѣ съ начальствомъ, послѣднее видѣло, что кадетъ имѣетъ билетъ, не спрашивая о томъ.

Таковъ былъ корпусъ въ мое время. Теперь все въ немъ, даже до самаго названія, измѣнилось, и воспоминанія мои сдѣлались достояніемъ исторіи. Горный корпусъ переименованъ въ корпусъ горныхъ инженеровъ; воспитанники его называются не кадетами, а студентами или слушателями. Самое заведеніе сдѣлалось открытымъ и не вмѣщаетъ въ себѣ болѣе живущихъ, а только—приходящихъ слушать лекціи. Въ мое время Горный корпусъ и образовывалъ и воспитывалъ вмѣстѣ; теперь корпусъ горныхъ инженеровъ даетъ только специальное образованіе. Къ лучшему ли такая перемѣна?—не мое дѣло судить! Надо спросить тѣхъ горныхъ чиновниковъ, которые прежде изъ отдаленныхъ мѣстъ Сибири присылали въ горный корпусъ своихъ малолѣтнихъ дѣтей и оставались спокойны духомъ, что они получаютъ и воспитаніе и образованіе въ стѣнахъ корпуса подъ надзоромъ лицъ, на этотъ предметъ поставленныхъ. Теперь бѣдный отецъ долженъ прежде заботиться, гдѣ и какъ помѣстить своего сына, издерживаться на его содержаніе и по отдаленному мѣсту своего служенія не имѣть возможности слѣдить за его нравственностью, его наклонностями и привычками...

Отцы такихъ дѣтей сумѣютъ отвѣтить на предложенный мной вопросъ: къ лучшему ли допущены измѣненія въ корпусѣ?

Корпусъ весьма рѣдко посѣщали государственныя лица. Разъ, графъ Канкринъ пріѣзжалъ лѣтомъ, когда мы, по окончаніи вечернихъ классовъ, находились въ дортуарахъ. Приказано было каждому изъ кадетъ встать въ ногахъ своей кровати. Вошелъ высокаго роста, сухощавый старикъ, съ зеленымъ зонтомъ на глазахъ, съ густыми золотыми эполетами, въ военномъ длинномъ сюртукѣ, ниже колѣнъ. Онъ прошелъ мимо насъ и, кажется, не замѣчалъ насъ, разговаривая на ломаномъ русскомъ языкѣ съ директоромъ корпуса, Карнѣевымъ.

Въ концѣ мая 1829 г., мы сидѣли за обѣденнымъ столомъ, когда распространилась вѣсть, что государь пріѣхалъ въ корпусъ.

Въ первый еще разъ онъ посѣтилъ горный корпусъ. Поднялась суматоха. Насъ вывели изъ столовой и поставили всѣхъ безъ исключенія во фронтъ, подъ ранжиръ, въ двѣ шеренги. Вышедшій къ намъ помощникъ инспектора, Остеръ-Мейеръ, училъ насъ, какъ отвѣчать государю, на случай, если онъ когонибудь изъ насъ спроситъ. Замѣтивъ у дежурнаго офицера, Панышева, висѣвшую по борту мундира щегольскую золотую цѣпочку отъ часовъ, посоветовалъ ее запрягать, завѣряя, что это можетъ не понравиться государю. Наконецъ, послѣ долгаго томительнаго ожиданія, послышались шаги, голоса, и въ дверь, какъ разъ раздѣлявшую наше отдѣленіе отъ старшаго, вошелъ государь, сопровождаемый всѣмъ нашимъ корпуснымъ начальствомъ.

Обращаясь къ намъ, государь сказалъ: «Здравствуйте, дѣти!» и быстро, повернувшись къ старшимъ, повторилъ: «Здравствуйте, мои молодцы».

Послѣднія слова послужили намъ поводомъ къ насмѣшкамъ надъ старшими. Часто мы имъ говорили: «Царь назвалъ насъ своими дѣтьми, а вы что? Вы молодцы? но «молодцами» въ гостиномъ дворѣ зовутъ приказчиковъ». Иногда больно намъ доставалось отъ старшихъ за такую насмѣшку.

Наружность Николая извѣстна. Я въ первый еще разъ видѣлъ его такъ близко, встрѣчая потомъ на улицѣ ѣдущимъ въ экипажѣ. Меня поразила въ немъ верхняя часть лба, наискось, какъ онъ носилъ трехугольную шляпу, необыкновенной бѣлизны, тогда какъ остальная часть лица сильно загорѣла отъ солнца. Не обращаясь ни къ кому изъ насъ, государь разспрашивалъ директора о порядкахъ, введенныхъ въ корпусъ. Узнавъ, что мы учимся маршировкѣ, онъ сказалъ, что мы не отстанемъ отъ кадетъ прочихъ корпусовъ въ «чистотѣ и отдѣлкѣ ружейныхъ приѣмовъ»; то были его собственныя слова. Потомъ пошелъ далѣе и исчезъ такъ же быстро, какъ и появился. Послѣ мы узнали всѣ подробности его приѣзда. Онъ приѣхалъ во время нашего обѣда, когда мы были на другомъ концѣ здашя. Войдя въ швейцарскую, засталъ нашего лысаго ветерана швейцара, въ его неизмѣнной на головѣ кожаной чапашкѣ, пропитанной масломъ,—онъ имѣлъ привычку, заправляя лампы, отирать объ нее свои замасленныя руки,—починивающимъ свой дырявый сапогъ. Завидя государя, старикъ, какъ «бывалый человѣкъ, видавшій виды», не сробѣлъ, быстро стащилъ съ себя чапашку и, вытянувшись по-солдатски, на привѣтствіе государя отвѣтилъ обычное: «Здравія желаемъ, ваше императорское величество!», — хотя былъ совершенно одинъ, но пожеланіе свое выразилъ во множественномъ числѣ, въ силу привычки или неразвитости нашего солдата, не позволяющаго себѣ отступать отъ заученной форменной фразы и не понимающаго, что того, что говорится массою во фронтѣ, нельзя сказать въ одиночку.

- Гдѣ дѣти?—спросилъ государь.
- Обѣдаютъ, ваше величество.
- А гдѣ, дежурный офицеръ?
- Съ ними.
- Веди меня въ спальни.

Старикъ черезъ дежурную комнату повелъ его въ наше отдѣленіе, какъ ближайшее. Тамъ, встрѣтивъ кого-то изъ дядекъ, швейцаръ шепнулъ, чтобы бѣжалъ извѣстить о пріѣздѣ государя. Застигнутое врасплохъ, наше начальство бросилось отыскивать по корпусу государя, потому что, пока оно собиралось, государь вышелъ уже изъ нашего отдѣленія, и куда направился, путеvodимый своимъ инвалидомъ, никто не зналъ. Наконецъ гдѣ-то натолкнулись на государя. Видя, что пріѣздъ его былъ совершенно неожиданъ, и найдя вездѣ отличный порядокъ и чистоту, государь весьма благосклонно принялъ директора, которому, между прочимъ, сказалъ, что давно слышалъ о порядкѣ, существующемъ въ корпусѣ, и очень радъ, что могъ лично удостовѣриться въ справедливости слуха. Осматривалъ все въ мельчайшихъ подробностяхъ, посѣтилъ кухню, гдѣ пробовалъ кушанья, прачечную, баню, больницу, въ которой, узнавъ, что въ теченіе трехъ лѣтъ былъ одинъ смертный случай на 200 слишкомъ кадетъ, остался очень доволенъ и приказалъ доктору, находившагося въ отсутствіи, представить къ наградѣ. Въ церкви его встрѣтилъ нашъ священникъ съ крестомъ и св. водой. Приложившись къ кресту и помолившись образамъ, государь сказалъ, что церковь ему нравится.

Такъ какъ церковь сообщается съ корпусомъ квартирой директора, то государь прошелъ его комнатами, гдѣ представлялось ему семейство Карнѣева. Вообще, государь остался очень доволенъ всѣмъ видѣннымъ, былъ веселъ, шутилъ. Посѣщеніе корпуса государемъ долго послѣ служило намъ темой для разговора.

Н. И. Мамаевъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

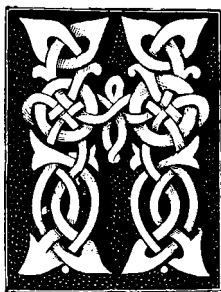

ЗАПИСКИ Н. И. МАМАЕВА ¹⁾.

VI.

Ворожея.—Ю. И. Мейснеръ.—Мой выходъ изъ Горнаго корпуса и возвращеніе въ Казань на «долгихъ».—Свиданіе съ родителями и родственниками.

АСТАЛИ каникулы 1829 года. По обыкновенію, я проводилъ ихъ у А. С. Телепневой. Разъ, въ началѣ іюля, поздно вечеромъ, я возвращался отъ родного дяди моего по матери, Д. В. Мельгунова, служившаго полковникомъ въ л.-г. Павловскомъ полку и, не знаю по какому случаю, остававшагося въ Петербургѣ, когда вся гвардія была въ лагеряхъ. Дома засталъ необыкновенную гостью: проходя гостиной, я замѣтилъ, что за столомъ передъ диваномъ сидѣли младшая дочь Телепневой, Елизавета, и какая-то дама, весьма оригинально одѣтая. Любопытство мое тотчасъ же было возбуждено, и я узналъ, что то была знаменитая въ то время ворожея—чухонка. Я уже говорилъ, что Елизавету Стахѣвну не оставляло желаніе выйти замужъ, и она гадала о своемъ суженомъ-ряженомъ.

По свойственной мнѣ живости во всѣхъ движеніяхъ и моей отвагѣ, я вбѣжалъ въ гостиную. На столѣ горѣли двѣ свѣчи, дальніе углы комнаты скрывались въ полумракѣ: все преисполнено было какой-то торжественности вмѣстѣ съ таинственностью. Передъ колдуньей стояла тарелка съ кофейной гущей, и она что-то нашептывала своей пациенткѣ, а та краснѣла и млѣла, слушая ея

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXXIII, стр. 471.

пророческія слова!.. Колдовка была не старая еще женщина; имѣла, правильныя, красивыя черты лица, большіе черные глаза. Изъ-подъ головного ея убора какой-то старинной формы, въ родѣ тюрбана, прядями въ завиткахъ падали на плечи густые волосы пепельнаго цвѣта; на ней надѣта была большая шаль ярко-краснаго цвѣта; остальнаго ея костюма я не могъ замѣтить, такъ какъ она сидѣла въ креслахъ, близко къ столу, и вся остальная часть ея одѣянія скрывалась въ тѣни. Вообще же, въ ней, во всей ея фигурѣ, не было ничего отвратительнаго, ничего отталкивающаго, что совершенно сбило меня съ толка въ понятіяхъ о вѣдмахъ. Полагаясь на авторитетъ моей няни, я по ея рассказамъ представлялъ себѣ всѣхъ ворожей и вѣдьмъ (что по-моему означало одно и то же) не иначе, какъ чудовищами, съ птичьимъ клювомъ вмѣсто носа, совиными глазами, огромнымъ кабаньимъ ртомъ, снабженнымъ клыками, съ маленькими рожками на лбу, доказывающими ихъ прямое сродство съ чертями, съ копытами вмѣсто ногъ, и съ необходимой принадлежностью—хвостомъ... Какъ я удивился, когда, подробно разсмотрѣвъ сидящую колдунью, я не нашелъ въ ней ничего необыкновеннаго, ни одного изъ вышеозначенныхъ признаковъ, отличающихъ ее отъ прочихъ людей, напротивъ — встрѣтилъ привѣтливый, ласковый взглядъ и пріятную наружность.

Ободренный ея видомъ, я живо подбѣжалъ къ ней и, протягивая раскрытую ладонь правой руки, сказалъ:

— Погадай и мнѣ.

— Ого! какой бойкій мальчуганъ! Если хочешь, чтобы я погадала, то дай мнѣ лѣвую ладонь.

Я повиновался.

Взявъ меня за пальцы, она, улыбаясь, мелькомъ взглянула на ладонь, но тотчасъ же измѣнила выраженіе лица и со словами: «постой-ка, постой», приблизила мою руку къ свѣчкѣ и стала внимательно ее разсматривать. Я не спускалъ съ колдуни своихъ глазъ, видѣлъ перемѣну, происшедшую на ея лицѣ, какъ оно изъ насмѣшливаго сдѣлалось серьезнымъ; я понялъ, что сначала исполненіемъ моей просьбы она хотѣла только потѣшить ребенка, но, замѣтивъ на рукѣ моей что-то необыкновенное и что для меня было скрыто, занялась своимъ дѣломъ серьезно.

Долго и молча она всматривалась въ жилки моей ладони, то сгибая, то разгибая ее; раздвигала пальцы, чтобы видѣть, куда уходятъ концы жилокъ; наконецъ спросила:

— Что случилось при твоёмъ рожденіи?

— Ничего особеннаго, кромѣ того, что случается со всякимъ при его рожденіи; что случилось, вѣроятно, и съ тобой, если ты только не дьяволъ.

Разсмѣявшись, она продолжала.

— Я вижу, ты большой шутникъ. Но я тебя серьезно спрашиваю: не произошло ли что либо необыкновенное, когда ты родился?

— Я тебѣ сказалъ, что ничего необыкновеннаго.

— Не можетъ быть.

— Если что и было, ты должна знать; на то ты и колдунья.

— Ты хотя и востеръ, да молоденецъ умкомъ. Пойми: я вижу, что-то случилось, но что именно, то отъ меня скрыто.

О бурѣ съ ея послѣдствіями, бывшей при моемъ рожденіи, тогда ничего не знали ни я, ни окружающіе меня люди.

Колдунья продолжала:

— Случай, бывшій при твоёмъ рожденіи, предвѣщаетъ, что ты много одержишь побѣдъ въ жизни и сдѣлаешь какое-то славное дѣло, которое тебя прославитъ.

Я расхохотался.

— Ты мнѣ понравился. Хочешь, я погадаю тебѣ на кофе, скажу твою будущность?

— Что надо для этого сдѣлать?

— Видишь эту гущу въ тарелкѣ? Помѣшай ее сильнѣе пальцемъ лѣвой руки.

— Которымъ?

— Все равно, только непременно лѣвой руки.

Обмакнувъ указательный палецъ въ гущу, я началъ ее взбалтывать, при чемъ какъ бы нечаянно брызнулъ ею на мороженю.

— Ахъ ты, пострѣленокъ, не проказничай. Уши надеру.

Кофейная гуща, которую я мѣшалъ, была настолько густа, что за моимъ пальцемъ оставались слѣды, которые хотя потомъ и сливались, но оставляли по себѣ дорожки.

— Ну, довольно! Теперь со мной вмѣстѣ смотри на гущу.

Пока не улеглась вполне взбудораженная мной гуща, дорожки, оставленные слѣдами моего пальца, скрещивались между собой, то вытягивались въ одну длинную нить, то перерывались, пересѣкали одна другую; все волновалось. Наконецъ движеніе нитей прекратилось, и на поверхности гущи означились неподвижно слѣды дорожекъ. Образовался какой-то фантастическій узоръ: то были каблистическія письма, по которымъ колдунья должна была прочесть мое будущее.

— Ну, слушай,—начала она.—Ты совсѣмъ неожиданно и скоро увидишь своихъ родныхъ; увидишь мѣсто своей родины.

— Все-то ты врешь,—букнулъ я въ отвѣтъ и убѣжалъ отъ колдуни, не слушая дальнѣйшихъ ея пророчествъ.

Не задолго до описаннаго сейчасть случая я получилъ изъ Казани письмо, въ которомъ отецъ и мать благодарили меня за успѣхи въ ученіи и хорошее поведеніе, и писали, чтобъ я и на будущее время продолжалъ утѣшать ихъ своей нравственностью и прилежаніемъ; а въ вознагражденіе обѣщали оба пріѣхать зимой въ Пе-

тербургъ для опредѣленія старшаго брата въ полкъ, а на меня—взглянуть. Судя по этому письму, нельзя было и предполагать, даже въ дальнемъ будущемъ, что я возвращусь въ Казань.

Вернувшись изъ гостинной, я разсказалъ старухѣ Телепневой всѣ продѣлки со мной колдуньи и какъ она предсказала мнѣ скорый отъѣздъ мой въ Казань, тогда какъ изъ письма родныхъ мы знаемъ совершенно противное.

Старушка, покачавъ головой, сказала:

— Я всегда говорила, что всѣ ворожеи—обманщицы. Охота, право, Лизанькѣ, связываться со всякой дрянью. Охъ, дѣвки, дѣвки, всѣ-то вы одинаковы!

Но каково было наше всѣхъ удивленіе, когда, нѣсколько дней спустя послѣ описаннаго случая, мы получили письмо отъ отца, которымъ онъ просилъ Телепневу взять меня изъ Горнаго корпуса и для этого уполномочивалъ ее подать всѣ нужныя бумаги; а мнѣ писалъ, что привезетъ меня въ Казань знакомая его, Ю. И. Мейснеръ, отправляющаяся въ Петербургъ для опредѣленія своихъ двухъ младшихъ сыновей въ Морской корпусъ.

Всѣ мы были поражены такимъ скорымъ и неожиданнымъ исполненіемъ предсказанія ворожеи. Больше всѣхъ торжествовала Лизанька. Обращаясь къ матери, она часто повторяла: «Вотъ, маменька, вы меня все укоряете, что я связалась съ обманщицей. Теперь вы сами видите, какъ эта обманщица вѣрно предсказала Николенькѣ. Нѣтъ, вы позвольте продолжать наши гаданья».

Старуха опять качала головой, но уже отъ удивленія и молча пожимала плечами. Да и что можно сказать противъ совершившагося факта?

Въ началѣ августа пріѣхала Ю. И. Мейснеръ и много передала мнѣ подробностей о моихъ родныхъ, чего, конечно, я не могъ знать по однимъ письмамъ. Нашъ отъѣздъ назначенъ былъ на 26-е августа, день навсегда для меня незабвенный... Я получилъ изъ корпуса мои бумаги, представленныя при моемъ опредѣленіи, сдалъ всѣ казенныя вещи, при чемъ взыскали съ меня, и довольно много, за разорванныя и замаранныя книги; простился съ товарищами, оставшимися въ корпусѣ по неимѣнію родныхъ или знакомыхъ, у которыхъ они могли бы провести каникулы, и облекшись въ партикулярное платье, порвалъ всякую связь съ корпусомъ, въ стѣнахъ котораго провелъ болѣе двухъ лѣтъ.

Насталъ конецъ моему нестерпѣнью—скорѣй ѣхать. Вечеромъ, наканунѣ отъѣзда, я простился съ Телепневой и ея дочерьми; горячо благодарилъ за ласки, радушіе, за хлѣбъ-соль, вполнѣ сознавая всю великость ихъ благодѣяній. Безъ нихъ я былъ бы совершенной сиротой и сидѣлъ бы въ свободные отъ ученія дни въ корпусѣ, какъ и тѣ мои товарищи, которыхъ только что оставилъ. Безъ нихъ я, можетъ быть, киснулъ бы въ стѣнахъ корпуса...

Собравъ весь мой скарбъ, я отправился съ нимъ къ Мейснеръ, такъ какъ отъѣздъ нашъ былъ назначенъ рано утромъ.

Наконецъ, съ такимъ томительнымъ нетерпѣніемъ ожидаемая минута настала.

На разсвѣтѣ мы выѣхали изъ Петербурга. Отправились мы на «долгихъ», т. е. одна и та же четверка лошадей должна была довести насъ до Москвы. Мейснеръ сдѣлала это изъ денежнаго расчета и тѣмъ причинила мнѣ страшную досаду и сдѣлала, такъ сказать, оселокъ моему терпѣнію.

Нечего дѣлать! Надо было покориться судьбѣ. Итакъ, мы потащились, останавливаясь каждыя сутки по два раза на нѣсколько часовъ для корма и необходимаго отдыха лошадей. Мои путевыя впечатлѣнія, по узкости горизонта моихъ этнографическихъ познаній, были очень слабы, и только глаза мои останавливались на видимыхъ предметахъ. Помню, Новгородъ поразилъ меня своими древними постройками крѣпостныхъ башенъ и стѣнъ, своими кривыми, узкими улицами, что послѣ Петербурга не могло мнѣ не броситься въ глаза. Въ Новгородѣ, вездѣ и во всемъ, такъ и проглядывала маститая старость временъ. Тверь совсѣмъ изгладилась изъ моей памяти... Но вотъ показалась и Москва съ своими золотыми макушками церквей. День былъ ясный, солнце игриво переливалось на главахъ соборовъ. Приѣхали мы на «Трубу» и остановились въ домѣ знакомаго г-жи Мейснеръ, проведя 12-ть дней въ дорогѣ. Двѣнадцать дней отъ Петербурга до Москвы! Теперь, въ такой промежутокъ времени, можно объѣхать почти всю Европу! Такъ люди сумѣли завладѣть временемъ! Но къ лучшему ли?..

Пробывъ въ Москвѣ дней пять, отправились далѣе и, слава Богу, на «почтовыхъ лошадяхъ». Но опять новая бѣда! Почти до самаго Владимира мы встрѣчали на каждой станціи остановку въ лошадяхъ, ожидая ихъ иногда до полусутокъ. Отъ Владимира мы поѣхали скорѣе, но въ Нижнемъ новая остановка—сломалась коляска. Все это сильно раздражало мое нетерпѣніе, возраставшее по мѣрѣ приближенія къ цѣли путешествія. Коляска починена, и мы отправились далѣе уже безъ остановокъ. Завидя пирамиду, означавшую границу Казанской губерніи, я снялъ фуражку и три раза прокричалъ «ура». Не думаю, чтобы до меня была кѣмъ либо оказана ей такая честь. Радость мою вполне раздѣлилъ слуга Мейснеръ, Евгеній, только по-своему. По приѣздѣ на станцію, онъ такъ напился, что его должны были привязать кушакомъ къ сидѣнью на козлахъ: иначе онъ неминуемо бы упалъ. И прежде въ дорогѣ случалось, что онъ предавался «выпивкѣ», но могъ сидѣть безъ помощи кушака. На этотъ разъ онъ былъ пьянъ до безобразія. Мейснеръ сердилась на Евгенія, сердилась и на меня, зачѣмъ я смѣюсь. Но я не могъ воздержаться отъ шумной радости, видя, какъ онъ покачивается и пожимается въ своихъ «узахъ».

Съ каждымъ поворотомъ колеса я все ближе и ближе подвигался къ цѣли моего пути. Казалось, сама природа сочувствовала моеѣ радости. Какая разница съ тѣмъ, что было три года тому назадъ, когда везли насъ въ Петербургъ? Тогда была зима, снѣга и мятели преслѣдовали насъ; на небѣ было пасмурно, какъ у насъ на душѣ. А теперь ѣхалъ я по той же дорогѣ, только въ обратный путь. Вездѣ зелень, вездѣ жизнь проявлялась въ разныхъ видоизмѣненіяхъ. Время стояло ясное, солнце согрѣвало землю. Въ поляхъ зеленѣлись озими. Жаворонокъ высоко звенѣлъ въ воздухѣ! Вездѣ было ясно, весело...

Мысли мои были заняты предстоящимъ свиданіемъ съ отцомъ и матерью. Мое молодое воображеніе рисовало картину встрѣчи съ ними и, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, далеко было отъ дѣйствительности...

Изъ Свіяжска на минуту показалась Казань и опять скрылась. Сердце во мнѣ дрогнуло. Но вотъ проѣхали и послѣднюю станцію Куземетево. Переѣзжаемъ мостъ черезъ рѣку Казанку... ѣдемъ Морской слободой... Вотъ мѣста, свидѣтели моихъ ребяческихъ игръ и гуляній... а вотъ и нашъ бывшій домъ, въ которомъ я провелъ свое дѣтство. Вотъ лужайка передъ домомъ, на которой мы такъ любили гулять во время весенняго разлива водъ. Новый обитатель дома обсадилъ ее березками. При видѣ всего этого сердце сжалось... слезы брызнули изъ глазъ... Время дѣтства пронеслось въ памяти...

Спускаемся въ котловину (гдѣ нынѣ устроена дамба), въ глазахъ — вся Казань съ своими крѣпостью, соборомъ, Сумбекиной башней, зданіями. Сердце хочетъ выпрыгнуть изъ груди... Въѣзжаемъ въ городъ, поднимаемся на Ивановскую гору, ѣдемъ Воскресенской улицей—этимъ Невскимъ проспектомъ Казани, сворачиваемъ мимо Чернаго озера на Покровскую, выѣзжаемъ на Театральную площадь, вотъ и нашъ домъ! Глаза застилаются слезами, и уже не сердце только, но я самъ хочу выпрыгнуть къ нему на встрѣчу. До половины свѣсилъ я изъ коляски, и если бы не поддерживали меня сзади, непременно упалъ бы на мостовую...

Подъѣзжаемъ къ крыльцу. На стукъ коляски выбѣгаетъ камердинеръ отца, Ѳеодоръ. Завидя меня, онъ вмѣсто того, чтобы высадить меня изъ экипажа, опрометью бросился назадъ, крича что есть силы: «Барченокъ пріѣхалъ! Пріѣхалъ Николай Ивановичъ!»

Лакей Мейснеръ отворилъ дверцы коляски, и я, не давъ ему времени опустить подножекъ, соскочилъ на крыльцо. Вступивъ въ сѣни, я былъ окруженъ дворней, сбѣжавшейся со всѣхъ сторонъ на крикъ Ѳеодора. Со слезами на глазахъ, наперерывъ всѣ бросились хватать и цѣловать мои руки. Не было никакой возможности остановить ихъ порывы изъясляющія радости! Показалась и моя няня. Завидя меня, она всплеснула руками и молча, тутъ же, безъ

чувствъ грохнулась на полъ. Въ этой общей суматохѣ я насилу могъ добиться извѣстія, что отца и матери не было дома. То былъ день 17-го сентября, и они проводили его на именинахъ у моей бабки. Послали къ нимъ верхового извѣстить о моемъ пріѣздѣ.

Новая сцена! Мать, блѣдная отъ волненія, безъ слезъ, молча, крѣпко обвила мнѣ шею своими руками. Отецъ стоялъ нѣсколько поодаль и видимо крѣпился, но когда пришла его очередь обнять меня, не выдержалъ, и горячая слеза упала на мою щеку. Братъ и сестра, которыхъ я оставилъ очень маленькими, въ особенности перваго, ласкали, цѣловали меня. Оба они много перемѣнились въ эти три года, оба выбѣжали въ ростѣ.

Когда волненія первой встрѣчи нѣсколько поутихли, пошли разспросы, другъ друга перебивали, осматривали меня со всѣхъ сторонъ, говорили, что и я много измѣнился за это время. Наконецъ, мать первая положила конецъ всей этой суматохѣ, сказавъ: «Николенька усталъ съ дороги! Дайте ему покой!» и, несмотря на мои завѣренія въ противномъ, меня уложили въ постель и затворили двери комнаты, оставивъ меня одного. Сердце матери не приняло моихъ протестовъ!.. Долго еще я ворочался въ постели, будучи не въ силахъ успокоить себя отъ перенесенныхъ волненій, наконецъ молодость взяла свое, и я въ первый разъ послѣ долгаго отсутствія заснулъ подъ родной кровлей крѣпкимъ сномъ...

VII.

Казань.—Моя бабка С. А. Мельгунова.—А. О. Каховская и «привидѣніе» въ деревенскомъ домѣ Есипова.—Трагическая судьба Груни и смерть Есипова.—Мое ученіе у профессора Казанскаго университета Брашмана и мои учителя.—Казанская полиція.—Поступленіе моего старшаго брата въ военную службу, а младшаго въ Морской корпусъ.

На другой день по пріѣздѣ въ Казань меня повезли къ бабкѣ. Старушка очень обрадовалась, не знала, гдѣ усадить меня, чѣмъ угостить. Несмотря на свои 70 лѣтъ, она сохранила бодрость и слѣды прежней красоты. Въ особенности эти чудные «рославлевскіе» глаза нисколько не утратили своего блеска, попрежнему смотрѣли мягко, привѣтливо. Старушка пеняла, что въ письмахъ своихъ изъ Петербурга я рѣдко вспоминалъ о ней. Цѣлуя ея все еще прелестныя ручки, я завѣрялъ, что всегда помнилъ и любилъ ее, и если не писалъ ей, то отъ «избытка чувствъ». Много смѣялись надъ приведенной причиной, чтобы оправдать свою лѣнь. Бабка назвала меня «петербургской штучкой».

Послѣ обѣда, когда она, по привычкѣ, отправилась въ свою спальню на отдыхъ, мать повезла меня къ живущей на той же

улицѣ, недалеко отъ бабки, А. Ѳ. Каховской, очень любившей все наше семейство. Я былъ пораженъ ея видомъ. Три года тому назадъ оставилъ ее бодрой, здоровой женщиной; теперь нашелъ въ постели больную, разслабленную, разбитую параличемъ. Глаза ея, прежде столь ясные, живые, выразительные, помутились, смотрѣли какъ-то тупо. Говорила она громко, бойко; теперь съ большимъ трудомъ можно было понимать ее... Мать забыла предупредить меня о такомъ плачевномъ ея состояніи, и я не могъ скрыть на лицѣ моего удивленія. Долго я молчалъ, вслушиваясь въ слова Каховской, и, не понимая ихъ, смотрѣлъ то на нее, то на мать, какъ бы искалъ развязки такой загадки.

Съ памятью о Каховской у меня связанъ одинъ рассказъ ея моей матери въ моемъ присутствіи. Но прежде долженъ сказать нѣсколько словъ о ея жизни, характерѣ и привычкахъ, чтобы сдѣлать понятной ту роль, которая выпала на ея долю, и участіе, принятое ею въ описываемомъ мною происшествіи.

Природа ошибкой создала Каховскую женщиной, надѣливъ всѣми качествами мужчины. Она была смѣла и отважна до безразсудства; для нея не существовало чувство страха. Имѣла всѣ наклонности мужчины, любила ѣздить на бѣшеныхъ лошадяхъ и приходила въ восторгъ, когда онѣ «били». Замѣчательно, во всю ея жизнь не было случая, чтобы она поплатилась хотя легкимъ ушибомъ за свою отвагу. Разъ, лошади «несли» ея коляску прямо къ крутому, глубокому оврагу; думали, что Каховская расшибется вдребезги... ничуть не бывало: лошади, доскакавъ до обрыва, круто повернули въ сторону и сами собою остановились. На блѣдныхъ лицахъ кучера и лакея ясно былъ виденъ испугъ; она же все время смѣялась и восторгалась.

Въ бѣшеной скачкѣ своихъ лошадей она видѣла только одну скорость ѣзды, но никакъ не опасность. Сама любила ѣздить «верхомъ» и стрѣляла изъ пистолета, какъ не каждый мужчина. Никакія препятствія не могли остановить ее въ исполненіи своихъ намѣреній. Женственного въ ней было только нѣжное, любящее, въ высшей степени доброе сердце, что выказывалось въ ея расположеніи къ роднымъ и въ безграничной привязанности къ ея единственному сыну, въ которомъ она, что называется, «души не чаяла». Узнавъ, что сынъ ея, служившій въ гвардейскихъ кирасирахъ, за покушеніе на дуэль посаженъ въ Петербургъ на гауптвахту, она въ концѣ октября, въ самую распутицу, поскакала одна, безъ горничной и слуги, на перекладной почтовой телегѣ,—другого экипажа по состоянію дороги нельзя было имѣть,—изъ Казани, т. е., болѣе чѣмъ за полторы тысячи верстъ, чтобы обнять сына и просить о смягченіи наказанія за его проступокъ. Въ то время не только не было еще устроено желѣзныхъ дорогъ, но и Москву съ Петербургомъ не соединяло еще шоссе; понятно, сколько нужно

было имѣть отваги и мужества, чтобы вынести всѣ невзгоды такоѣ дальней почтовой ѣзды.

Урожденная Желтухина, она вышла замужъ за нижегородскаго помѣщика Каховскаго, но жила съ нимъ недолго и была очень несчастлива къ замужеству. Размолвка ихъ разъ дошла до того, что мужъ въ догонку ей пустилъ кинжалъ, который разрѣзалъ ей пятку ноги. А. Ѳ., окончательно придя къ убѣжденію, что послѣ этого случая житье съ мужемъ невозможно, ночью тайкомъ оставила его, увезя съ собой сына.

Черты лица ея и вся наружность сильно врѣзались въ мою память. Она умерла въ 1829 г.; но я, какъ живу, и теперь вижу ее передъ собой. Лицомъ она была некрасива; имѣла черные глаза, но, близорукая отъ природы, смотрѣла въ лорнетъ, въ одно стекло, рукояткой которому служило кольцо, которое она вдѣвала на свой палецъ. Щеки ея были покрыты свѣжимъ, густымъ румянцемъ, несмотря на немолодые ея уже лѣта. Ея густые черные съ легкой просѣдью волосы въ локонахъ лежали на затылкѣ. Косы она не носила и подстригалась по-мужски, представляя тѣмъ прототипъ нынѣшнихъ «нигилистокъ». Но, спѣшу оговориться, кромѣ головного украшенія, она не имѣла съ послѣдними ничего общаго. Имѣла, какъ я сказалъ, добрую душу, по своимъ убѣжденіямъ была истинная христианка и нѣжная мать. Поведеніе ея въ разлукѣ съ мужемъ было чисто даже отъ самой тѣни подозрѣнія. Въ этомъ отношеніи она могла служить примѣрнымъ образцомъ для другихъ; вся жизнь ея сосредоточивалась на любви къ своему сыну. Хорошаго средняго роста, она постоянно носила капоты сѣро-стального цвѣта, съ 2—3 воротниками, пелеринками, лежащими на ея плечахъ, — костюмъ того времени, котораго она не измѣняла и впослѣдствіи.

Очертивъ характеръ и вообще личность Каховской, расскажу необъяснимое, таинственное происшествіе, въ которомъ она невольно приняла участіе.

Въ одинъ изъ тѣхъ жаркихъ іюльскихъ дней, когда въ воздухѣ какъ бы все замираетъ, тихо, ничто не шелохнется, когда солнце палитъ такъ, что трудно дышать, Каховская ѣхала къ своему брату, въ его «закамскую» деревню (такъ называются въ Казани имѣнія, лежащія за рѣкой Камой). Дорога была песчаная. Шестерикъ собственныхъ добрыхъ, сытыхъ коней, понуря головы, съ трудомъ тащилъ тяжелую, высокую карету. Вблизи показался лѣсъ. Лошади, почувявъ прохладу, прибавили шагъ. Между тѣмъ, незамѣтно, за ѣдущими, на дальнемъ горизонтѣ, показалась синяя большая туча. Туча надвигалась все болѣе и болѣе. Путешественница наша въѣхала въ лѣсъ. Вдругъ поднялся вѣтеръ; закачались со скрипомъ верхушки деревьевъ; сухой листъ и пыль закружились въ воздухѣ, запахло сыростью, началъ накрапывать крупный, рѣдкій дождь, потомъ все чаще и сильнѣе, наконецъ полился ливнемъ. Настали

сумерки, которыя въ лѣсу вскорѣ превратились въ темень. Не замедлила явиться буря, какая бываетъ послѣ жаркаго дня, со всѣми ея послѣдствіями: яркой молніей и сильными раскатами грома. Удары учащались все болѣе и болѣе, слились въ одинъ общій немолкаемый гулъ. Молнія не переставала сверкать ни на минуту. Буря достигла высней степени своей ярости. Старыя деревья гнулись и трещали, грозя, ежеминутно, сломаться и паденіемъ своимъ придавить нашихъ смѣлыхъ путешественниковъ, подвигающихся впередъ весьма медленно. Удары молніи приближались все ближе и ближе; лошади отъ страха падали на колѣни. До мѣста путешествія оставалось болѣе 15 верстъ. Каховская видѣла, что лошади совершенно выбились изъ силъ и не вынесутъ такого дальняго пути. Узнавъ, что сейчасть за лѣсомъ, верстахъ въ трехъ отъ мѣста, гдѣ ее застала буря, лежитъ усадьба Есипова, она рѣшилась свернуть съ дороги и ѣхать въ усадьбу. Вмѣстѣ съ тѣмъ, громъ и молнія, какъ бы довольные, что принудили ее перемѣнить свой путь, начали удаляться; только одинъ вѣтеръ все еще бѣшевалъ. Показались огоньки усадьбы; лошади, почуявъ отдыхъ, побѣжали рысцей, и карета подѣхала къ флигелю барскаго дома. Управитель изъ крѣпостныхъ Есипова вышелъ на крыльцо встрѣтить неожиданную гостью. На спросъ Каховской, можно ли ей остановиться переночевать и переждать бурю, управитель отвѣчалъ:

— Съ нашимъ великимъ удовольствіемъ, сударыня, только боюсь, что вамъ будетъ безпокойно. Семья у меня большая, а флигелекъ маленькій.

— А что же не въ домѣ?

— Не смѣю, сударыня!

— Почему? Ты знаешь, что я знакома съ твоимъ бариномъ; онъ, вѣрно, не будетъ сердиться, если ты пустишь меня въ его домъ переночевать.

— Не того я боюсь.

— Но чего же?

— Тамъ... въ домѣ... нечисто.

Все еще не понимая причины отказа, Каховская продолжала настаивать:

— То-есть, не прибрано, сорно. Для меня это рѣшительно все равно. Мнѣ теперь не до опрятности и убранства.

— Совсѣмъ не то, сударыня! Вотъ... извольте видѣть... какъ бы вамъ доложить... въ домѣ... является привидѣніе.

Каховская такъ и припрыгнула на мѣстѣ, получивъ отвѣтъ управляющаго. Такое заявленіе приходилось по ея вкусу.

Давно она искала случая испытать сильныя ощущенія, и вотъ по пословицѣ: «на ловца и звѣрь бѣжить», совершенно нечаянно напала она на давнишнее свое желаніе—привидѣніе!.. Чего же лучше? Такіе случаи не всякому выпадаютъ на долю.

Она продолжала:

— Никакимъ привидѣніямъ я не вѣрю и ничего не боюсь. Прощу тебя, отвори мнѣ домъ сейчасъ же.

— Власть ваша, сударыня!—съ покорностью отвѣчалъ управитель. Взявъ ключи, зажженный фонарь, свѣчи и въ сопровожденіи Каховской и ея прислуги направился къ дому.

Буря, между тѣмъ, прошла, дождь пересталъ, по небу неслись разорванныя тучи, то осеребряемые луной, то затемнявшія ее.

Вошли на крыльцо дома, щелкнулъ замокъ, и тяжелыя входныя двери, съ трудомъ отворяясь на заржавленныхъ петляхъ, издали визгъ. На вошедшихъ пахло гнилью и спертымъ воздухомъ, какой бываетъ въ домѣ, давно не обитомомъ. Каховская приказала вести себя въ то мѣсто, гдѣ является привидѣніе. Управитель, дрожа отъ страха, ввелъ ее въ одну изъ комнатъ дома и, едва переводя дыханіе, шопотомъ сказалъ:

— Вотъ... здѣсь!

— Хорошо. Зажги свѣчи.

Когда это было исполнено, она продолжала:

— Ты можешь идти. Прощай!

Оставшись одна, съ своей горничной и лакеемъ, дрожавшими отъ страха, Каховская начала осматривать комнату. Двѣ двери вели въ сосѣднее помѣщеніе. Комната освѣщалась двумя окнами и стеклянной дверью, ведущей на балконъ, за которымъ разстилался густой старинный садъ.

Стѣны были обиты (тогда еще не умѣли оклеивать) бумажными обоями зеленаго цвѣта. По стѣнамъ шли широкіе турецкіе диваны, обитые ситцемъ, довольно хорошо сохранившимся. Въ углахъ, образуемыхъ диванами, стояли небольшіе столики, кромѣ того, нѣсколько креселъ и стульевъ. Все въ строгой простотѣ смотрѣло довольно угрюмо. Замѣтивъ, что прислуга блѣднѣетъ и дрожитъ отъ страха, Каховская приказала принести изъ кареты свои подушки, книгу, пистолеты; когда все это было исполнено, она отпустила всѣхъ.

Оставшись одна, Каховская осмотрѣла еще разъ внимательно свою комнату, заглянула и въ сосѣднія и, не видя ничего подозрительнаго, придвинула одинъ изъ столиковъ къ дивану, поставила на него свѣчи, возлѣ нихъ положила пистолеты и, взявъ книгу, улеглась, не раздѣваясь, на диванъ, такъ же спокойно, какъ бы у себя въ спальнѣ.

Быль одиннадцатый часъ вечера. Раскрывъ книгу, она читала разсѣянно, прислушивалась къ малѣйшему шуму. Вездѣ было тихо. Началъ одолевать ее сонъ... Кладя книгу на столикъ, она нечаянно взглянула на балконную дверь и видитъ... да, точно, глаза не обманываютъ ея, видитъ: на балконѣ, прямо противъ двери, стоитъ какая-то фигура, окутанная вся въ бѣломъ, освѣщенная полнымъ блескомъ луны. Приподнявшись на локоть и приставивъ лорнетъ

къ глазу, Каховская явственно разсмотрѣла, что фигура киваетъ головой, какъ бы маня ея къ себѣ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, то— не мечта воображенія, но дѣйствительность; передъ ней фигура, которая приглашаетъ ея слѣдовать за собой. Каховская встаетъ съ дивана, въ одну руку беретъ свѣчу, въ другую — пистолетъ, спускается съ дивана, подходитъ къ двери, отворяетъ, выходитъ на балконъ... Фигура оглядывается, какъ бы желая удостовѣриться, слѣдуютъ ли за ней, спускается въ садъ, идетъ въ аллею, повертывается въ другую, подходитъ къ дереву и, оглянувшись въ послѣдній разъ, исчезаетъ... Каховская, идя за нею слѣдомъ, дошла до того мѣста, гдѣ она исчезла, и, чтобы не ошибиться въ отысканіи его, поставила у дерева свѣчу, конечно, давно уже потухшую отъ вѣтра. Потомъ, вернувшись въ свою комнату, легла преспокойно на диванъ, какъ будто ничего необычайнаго не случилось, и заснула крѣпкимъ сномъ.

Между тѣмъ, по селу разнесся слухъ, что «базяковская барыня» пріѣхала въ усадьбу и ночевала одна въ запустѣломъ домѣ, посѣщаемомъ привидѣніемъ. Когда Каховская встала утромъ и вышла на крыльцо дома, то увидала толпу людей обоаго пола, дожидавшихся ея появленія. Впереди толпы стояли священникъ и управитель.

Пригласивъ послѣднихъ слѣдовать за собой въ комнаты, Каховская рассказала имъ, что видѣла. Священникъ безпрестанно крестился, приговаривая: «съ нами сила небесная»; а управитель мѣнялся въ лицѣ; оба глубоко вздыхали. Каховская потребовала двухъ рабочихъ съ желѣзными заступами; и когда, по распоряженію управителя, приказаніе ея было исполнено, она въ сопровожденіи толпы отправилась въ садъ.

Помня очень хорошо мѣстность, Каховская шла по тѣмъ аллеямъ, которыя проходила ночью. Издали еще замѣтили между двухъ деревьевъ шандаль со свѣчей, тутъ оставленный. Каховская приказала рыть на этомъ мѣстѣ землю... На глубинѣ не болѣе аршина показался человѣческій скелетъ, совершенно очистившійся отъ тѣла; только около черепа лежала длинная русая коса, да въ ногахъ довольно хорошо сохранившіеся козловые башмаки. При видѣ всѣхъ этихъ предметовъ въ толпѣ заговорили, что кости эти должны быть останки Груни—дѣвушки, бывшей на господскомъ дворѣ (т.-е. въ числѣ дворовой прислуги) и нѣсколько лѣтъ тому назадъ пропавшей безъ вѣсти; ея считали въ «бѣгахъ». Явилась старуха, мать Аграфены, и съ плачемъ и причитаньями бросилась на останки своей дочери, которые она признала по слишкомъ знакомой ей русской косѣ. Каховская поручила священнику собрать кости и предать ихъ погребенію по христіанскому обряду и, усѣвшись въ поданный свой экипажъ, отправилась къ брату, въ деревню «Базяково», по которой и получила отъ толпы прозвище «базяковская барыня».

Мѣсяца полтора спустя, возвращаясь отъ брата въ Казань, Каховская нарочно заѣхала въ имѣніе Есипова, любопытствуя знать послѣдствія ея тамъ недавняго пребыванія. Подѣзжая къ дому усадьбы, она увидѣла всѣ ставни открытыми и рамы въ окнахъ поднятыми, изъ чего и заключила, что домъ, вѣроятно, сдѣлался попрежнему обитаемымъ или, по крайней мѣрѣ, лишился способности наводить собой страхъ на жителей. Вышедшій ей навстрѣчу управитель объявилъ, что домъ попрежнему пустъ; окна въ немъ открыты для «провѣтриванія», и что въ него всѣ теперь входятъ безбоязненно, потому что никакихъ явленій или привидѣній въ немъ болѣе не показывается, словомъ, все обстоитъ «благополучно».

Приѣхавъ въ Казань, Каховская, нимало не мѣшкая, отправилась навѣстить Есипова, жившаго тогда въ своемъ домѣ, на углу Покровской улицы и Театральной площади (нынѣ Рычкова). Подымаясь по лѣстницѣ во второй этажъ, гдѣ жилъ самъ хозяинъ, Каховская встрѣтила спускающагося священника съ запасными св. дарами; отъ него она узнала, что Есиповъ умираетъ, и онъ его напутствовалъ на переходъ въ жизнь вѣчную. Такое извѣстіе смутило, но не остановило Каховскую, и она поспѣшила итти далѣе. Въ передней комнатѣ (прихожей) встрѣтила ее толпа слугъ, но затруднялась доложить о ней своему господину, лежащему на смертномъ одрѣ; но, по настоящему требованію Каховской, что она имѣетъ сообщить, и немедленно, нѣчто важное, одинъ изъ прислуги рѣшился итти въ спальню. Возвратившись, пригласилъ посѣтительницу слѣдовать за собой. Войдя въ комнату, Каховская увидѣла лежащаго на постели Есипова, съ чертами лица, искаженными уже приближающейся смертью.

Есиповъ слабымъ голосомъ спросилъ:

— Чему я обязанъ, что вы посѣтили меня?

— Прошу васъ выслать всѣхъ изъ комнаты. Я желаю остаться съ вами наединѣ,—былъ ея отвѣтъ.

Когда желаніе ея было исполнено, и Каховская удостовѣрилась, что она одна съ умирающимъ, то рассказала во всей подробности, что она видѣла и что дѣлала въ его имѣніи.

Во все время ея разсказа Есиповъ слушалъ ее внимательно, только часто вздрагивалъ и тяжело дышалъ.

Когда Каховская кончила, Есиповъ долго еще молчалъ, лежа съ закрытыми глазами; видно было, что въ немъ происходила внутренняя борьба. Наконецъ, открывъ свои помутившіеся уже глаза и устремивъ ихъ на Каховскую, онъ слабымъ голосомъ началъ:

— Расчетъ мой съ землей оконченъ! Я не подлежу болѣе суду людей, меня скоро будетъ судить Верховный Судья, не по дѣяніямъ моимъ, но по побужденіямъ, ихъ произведшимъ; передъ

такимъ судьей не скрытъ ни одинъ изъ нашихъ помысловъ! Слушайте! Я расскажу вамъ тайну, которую думалъ было унести съ собой въ могилу, но благое Провидѣніе распорядилось иначе: Оно поставило васъ на путь, мной пройденный, и сдѣлало невольной участницей въ искупленіи моего тяжкаго преступленія, конечно, не безъ намѣренія. Покоряюсь Его волѣ и открою вамъ тайну, доселѣ меня тяготившую. Слушайте! Вы знаете, что я всегда страстно любилъ театръ, знаете, что на удовлетвореніе этой страсти ушла половина моего значительнаго состоянія, знаете, что у меня была своя труппа актеровъ, составленная изъ крѣпостныхъ людей; ничего я не жалѣлъ, чтобы развить, образовать ихъ и съ успѣхомъ поставить ихъ на театральные подмостки. Вы сами, бывая въ моемъ театрѣ, могли удостовѣриться, что старанія мои не остались напрасными; болѣе чѣмъ удовлетворительная игра моихъ актеровъ и актрисъ неоднократно вызывала и ваше рукоплесканіе. Но вы не знаете, къ чему привела меня эта страсть къ театру!..

Тутъ Есиповъ остановился, какъ бы собираясь съ силами, потомъ продолжалъ:

— Первой по игрѣ и красотѣ въ труппѣ была Груня. Грѣшный человекъ! Я полюбилъ ее. Воспитаніемъ и образованіемъ желалъ поставить въ уровень нашего общества; не могъ на ней жениться потому только, что тогда была еще жива моя покойная жена. Но я недолго пользовался запрещеннымъ счастьемъ моей преступной связи. Одинъ изъ преданныхъ мнѣ людей, какъ демонъ-соблазнитель, шепнулъ, что Груня мнѣ невѣрна, что у нея есть любовникъ. Ярость закипѣла во мнѣ, и я потребовалъ доказательствъ. Демонъ обѣщалъ скоро удовлетворить моему требованію и дѣйствительно, нѣсколько дней спустя, въ одинъ осенній, темный вечеръ сказалъ, что у Груни съ ея любовникомъ назначено въ саду свиданье, и что она уже на мѣстѣ ожиданія. Какъ бѣшеный, бросился я на кинжалъ, постоянно висѣвшій на стѣнѣ моего кабинета и, въ сопровожденіи искусителя, побѣжалъ въ садъ. Издали, несмотря на темноту,—глазъ ревности зорокъ,—я примѣтилъ между деревьями платье Груни и подкравшись, какъ тигръ, бросился на свою добычу. Не разбирая, въ чемъ дѣло, и не слушая никакихъ объясненій, я ударилъ ее въ грудь кинжаломъ... послышался слабый крикъ, паденіе тѣла... Я бросился къ Грунѣ... она болѣе не существовала; но падая Груня слабо проговорила: «неповинна...», дальнѣйшія слова замерли на ея устахъ. Смыслъ произнесеннаго ею единственнаго слова остался для меня навсегда тайной... Я дѣйствовалъ безсознательно, какъ бы въ горячкѣ... Тутъ же своими руками, съ помощью сопровождавшаго меня слуги, вырылъ яму, положилъ въ нее Груню и самъ засыпалъ землею!

Затѣмъ Есиповъ сталъ дышать еще тяжелѣе. Силы, собранныя

имъ для своего разсказа, видимо стали оставлять его, а самое воспоминаніе объ убійствѣ ускорило часть его кончины. Однако, отдохнувъ немного, Есиповъ прерывающимся, хриплымъ, едва слышнымъ голосомъ успѣлъ еще сказать: «Вы, уважаемая Александра Федоровна, знаете все!.. Не кляните меня!.. Помолитесь за мою грѣшную душу!..».

Затѣмъ съ нимъ началась предсмертная агонія. Каховская вскричала людей, и Есиповъ на ея рукахъ скончался, не открывъ имени соучастника своего преступленія.

Такъ объяснилась эта кровавая драма, начатая въ объятіяхъ сластолюбца и кончившаяся въ саду, подъ покровомъ ночной темноты, въ присутствіи убійцы и его клеветы.

Тѣнь убитой несчастной жертвы ревности и злобы долго послѣ того блуждала въ видимомъ мірѣ, какъ бы прося себѣ у людей честнаго погребенія, появилась при лунномъ свѣтѣ въ видѣ «бѣлой» женщины другой женщинѣ, которая своей смѣлостью и отвагой успокоила ее, предавъ землѣ по христіанскому обряду, послѣ чего тѣнь Груни болѣе уже не показывалась.

Явленіе это, по своему свойству выдающееся изъ ряда обыкновенныхъ и, повидимому, находящееся въ явномъ противорѣчіи съ общеизвѣстными законами природы, заслуживаетъ серіознаго вниманія и, вѣроятно, при дальнѣйшемъ старательномъ анализѣ подобныхъ фактовъ и рядомъ опытовъ будетъ объяснено слѣдующими поколѣніями и тогда изъ области сверхъестественнаго перейдетъ въ сферу научныхъ изслѣдованій. Въ настоящее же время такіе случаи остаются пока загадкой.

При этомъ нельзя не обратить вниманія на тайные, послѣдовательные пути Провидѣнія. Гроза вынудила измѣнить дорогу, заѣхать въ чужую усадьбу, что никакъ не входило въ планъ Каховской, и ночевать въ пустомъ домѣ, чтобы сдѣлать ее свидѣтельницею явленія и потомъ исполнительницею тайныхъ велѣній судьбы, которая выбрала орудіемъ для того не простую трусливую женщину, но женщину съ характеромъ и твердостью, превосходящими многихъ мужчинъ. Далѣе слѣдуетъ объясненіе Есипова, котораго самая смерть выпустила, такъ сказать, изъ своихъ объятій, чтобы онъ могъ исповѣдать свою тайну...

Все это сцѣпленіе обстоятельствъ, повторяю, не можетъ быть слѣдствіемъ одной простой случайности; но доказываетъ преднамѣренное сближеніе ихъ для уясненія случившагося происшествія.

Съ своей стороны, я могу только завѣрить, что разсказъ мой не вымыселъ: ссылаюсь на свидѣтельство находящихся еще въ живыхъ и знавшихъ покойную Каховскую. Всѣ они, надѣюсь, подтвердятъ, что она была женщина въ высшей степени правдивая, никогда въ разговорахъ своихъ не допускавшая даже въ шутку никакой лжи...

Этотъ «случай, случайно случившійся» съ ней, Каховская однажды рассказывала моей матери, въ минуту душевной откровенности, не обращая вниманія на мое присутствіе, вѣроятно, какъ ребенка. Она и не подозрѣвала, что ребенокъ этотъ съ устремленными на нее глазами и возбужденнымъ въ высшей степени любопытствомъ, жадно вслушивается въ ея слова, глубоко заронить ихъ въ своей памяти и черезъ 50 почти лѣтъ припомнить и рассказать свѣту.

Эту-то женщину, оставленную мной, три года тому назадъ, полной жизни и силъ, теперь я увидалъ передъ собой лежавшей въ постели, разбитую параличемъ, почти безъ движенія, съ потухшимъ взоромъ, лепечущую невнятные для меня слова. Было чему удивиться!.. Вскорѣ послѣ этого она скончалась.

Выше я сказалъ, что отецъ и мать рѣшили приготовить меня для поступленія въ университетъ. На предварительно сдѣланномъ испытаніи оказалось, что мои познанія въ наукахъ далеко были недостаточны для выдержанія вступительнаго экзамена. Меня поручили профессору математики, Н. Д. Брашману, квартировавшему въ нижнемъ этажѣ нашего дома; къ нему я поступилъ 1 октября 1829 г. Впрочемъ, я у него только занимался съ разными учителями и ночевалъ, но пить чай и обѣдать ходилъ къ своимъ, наверхъ.

Успѣхи мои въ наукахъ вполне выказали всѣ блестящія стороны моихъ счастливыхъ способностей. Слухъ о нихъ распространился по городу, и обо мнѣ заговорили, какъ о феноменѣ. Дѣйствительно, было чему удивляться! Такъ: буквы латинскаго языка мнѣ были знакомы по сходству ихъ съ французскими, но зато и произносилъ я ихъ на французскій ладъ; стало быть, все равно, что не зналъ ихъ. Начавъ учиться латинскому языку, съ азбуки 1 октября, я къ 1 января 1830 г., т.-е., въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, прошелъ грамматику, сладилъ съ неправильными глаголами,—а ихъ не мало,—началъ синтаксисъ и приступилъ къ переводамъ Корнелія Непота. Правда, моимъ изумительнымъ успѣхамъ много способствовалъ отличный методъ преподаванія учителя Грацинскаго, но и онъ бы ничего не сдѣлалъ безъ помощи моихъ способностей. Что могутъ произвести сѣмена, хотя и здоровыя, брошенныя на непроизводительную почву? Одинъ только нѣмецкій языкъ мнѣ не давался, и то потому, что я его возненавидѣлъ. Извѣстно, что все ненравящееся намъ мы обѣгаемъ и стараемся всѣми силами отстранить отъ себя. Мои способности, послушныя моей волѣ, отказались помогать въ насильственномъ изученіи нѣмецкаго языка.

Но въ обученіи меня опять являлась новая бѣда! Прежде, не сумѣли развить мои способности; теперь задавили ихъ множествомъ предметовъ и поспѣшностью изученія ихъ на срокъ.

Каждый день я имѣлъ два урока до обѣда и два послѣ обѣда, все изъ разныхъ предметовъ. Съ помощью моей отличной памяти я могъ только выучить уроки, но не оставалось свободного времени—вникнуть, обсудить заученное, отъ чего память развивалась во мнѣ быстро; но остальные способности: мышленіе, соображеніе, анализъ и т. п., оставались какъ бы парализованныя. Отцу желалось, да я и самъ хотѣлъ, скорѣе поступить въ университетъ, зная, что за нимъ окончится и мое ученіе и надзоръ за мной разныхъ лицъ. Все это такъ льститъ юношеству. И мнѣ въ 15 лѣтъ хотѣлось скорѣе вырваться на свободу! Вотъ почему я такъ спѣшилъ скорѣе изучить все требуемое для поступленія въ университетъ, къ дверямъ котораго моими усиленными занятіями я скакалъ, какъ на почтовыхъ. Поэтому многого не достаетъ въ моемъ образованіи. Правда, я могъ исправить такое упущеніе и остальные свои, за исключеніемъ памяти, способности изощрить въ университетѣ; но по молодости своихъ лѣтъ я не сознавалъ пользы ученія, видѣлъ въ немъ только переходное состояніе отъ принужденія къ волѣ; при томъ, предоставленный самъ себѣ, не понималъ нужды въ уравниваніи памяти съ прочими умственными способностями. Ко всему этому, нужно прибавить, что, поступивъ въ университетъ, я нашелъ болѣе чѣмъ жалкій составъ профессоровъ, какъ о томъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ, съ которыми едва ли я могъ, если бы и желалъ, изощрить мои способности... Когда же понялъ недостаточность своего образованія,—помочь было уже поздно.

Прочія мои воспоминанія того времени ограничиваются очень немногимъ. Такъ въ отношеніи общественнаго порядка, въ Казани употреблялся еще первобытный способъ тревоги во время пожара: набатъ и трещотки. На Спасской башнѣ, въ крѣпости, виситъ и понынѣ большой колоколъ, къ которому приставлялся часовой съ ружьемъ отъ учебнаго карабинернаго полка, квартировавшаго здѣсь до 1826 года; его замѣнилъ часовой отъ гарнизоннаго батальона. Въ случаѣ замѣченнаго пожара часовой обязанъ былъ учащенными ударами бить въ колоколъ, что и называлось: «бить въ набатъ». Въ разныхъ мѣстахъ города были построены «будки», очень небольшіе домики съ печью. У каждой будки, на деревянномъ крестообразномъ станкѣ, какой и понынѣ употребляютъ на гауптвахтахъ для барабановъ, лежалъ большой деревянный цилиндръ съ рукояткой. Въ цилиндрѣ помѣщался весьма несложный механизмъ, производящій, при поворотѣ ручки, оглушительный трескъ; кромѣ того, были еще ручныя трещотки. Будочникъ, т. е., часовой у будки, изъ полицейскихъ служителей, слышавъ набатный колоколъ, приводилъ въ движеніе «свою механику» и пронзительнымъ трескомъ возвѣщалъ жителямъ города о пожарѣ. Товарищъ его, называемый, кажется, «подчасокъ», въ то

же время бралъ «ручную трещотку» и, идя по улицамъ своего участка, вертѣлъ ею, производя тоже немалый трескъ. При этомъ не могу умолчать о вооруженіи тогдашнихъ будочниковъ. Оно состояло изъ алебарды, которой будочники отдавали честь проходящему начальству, отставляя во всю длину правую руку, вооруженную алебардой. У блюстителей порядка и неусыпныхъ хранителей покоя обывателей часто во время ихъ сна шалуны похищали алебарды. Можно представить переполохъ проснувшагося неусыпнаго стража, когда онъ замѣчалъ такое похищеніе...

Теперь, съ устройствомъ частныхъ домовъ полиціи съ каланчею и вывѣшиваніемъ на нихъ въ случаѣ пожара «шаровъ», трещотки болѣе не существуютъ; но бить въ набатъ въ колоколь допускается и доселѣ. Точно также уничтожены и алебарды, потому ли, что всѣ онѣ раскрадены шалунами, или чтобы уничтожить улики неусыпности стражи. Какъ бы то ни было, но Казань подражаетъ столицамъ. Теперь по улицамъ города расхаживаютъ такъ называемые «городовые», вооруженные шашками и свисткомъ...

Въ отношеніи нашей домашней жизни тоже произошла перемена. Въ концѣ 1829 года, отецъ уѣхалъ въ Петербургъ, для опредѣленія старшаго брата, все еще остававшагося у Телепневой, — въ Оренбургскій уланскій полкъ, квартировавшій въ Старицкомъ уѣздѣ, Тверской губерніи. Въ бытность свою въ Петербургѣ отецъ свидѣлся съ своими старыми сослуживцами моряками. Узнавъ, что онъ отдаетъ старшаго сына въ кавалерію, и что у него осталось еще два сына, они уговорили отца записать меньшого — Илью, въ малолѣтнее отдѣленіе Морского корпуса. Возвратясь домой, отецъ никому не говорилъ о своемъ рѣшеніи насчетъ Илюши; онъ зналъ, нежеланіе матери видѣть кого либо изъ своихъ дѣтей морякомъ, такъ какъ она считала море коварной стихіей; но получена была официальная бумага, извѣщавшая о доставленіи Ильи въ отдѣленіе. Пришлось объявить матери: та разразилась слезами и упреками, но нечего было дѣлать, надо было братишку везти въ Петербургъ. Имѣя въ виду еще его нѣжный возрастъ, мать настояла, что сама отвезетъ его, и зимой, въ началѣ 1831 года, отправилась съ сестрой и братомъ въ путь. Горькія были разставанія! При этомъ я припомнилъ и свою разлуку и тяжелыя впечатлѣнія, испытанныя мной, четыре года тому назадъ, когда меня самого вырвали изъ семьи и увозили въ Петербургъ для помѣщенія въ Горный корпусъ...

Дорогой мать должна была подвергнуться всѣмъ карантинамъ, устроеннымъ по случаю холеры и измучившимъ ее окончательно. Больная и душой и тѣломъ, она прибыла въ Петербургъ, гдѣ и оставалась до слѣдующей зимы, и возвратилась домой на этотъ разъ безъ всякихъ препятствій.

Всѣ карантинны и заставы были сняты, какъ учрежденія без-

полезныя противъ распространенія эпидеміи, служащія только для обремененія, но никакъ не для предохраненія жителей.

Помню, какъ мать рассказывала, что, слушая въ Петербургѣ выстрѣлы съ Петропавловской крѣпости, возвѣщавшіе взятіе Варшавы, сердце ея обливалось кровью. Старшій братъ участвовалъ въ польской кампаніи, и мы долго не получали отъ него никакихъ извѣстій. Нѣжное любящее сердце матери тревожно прислушивалось къ выстрѣламъ. Она думала, что выстрѣлы эти возвѣщаютъ побѣду, которая, можетъ быть, стоитъ жизни ея сыну.

— Что мнѣ въ такой побѣдѣ?—говорила она.

Эгоизмъ—извинительный въ матери!

Но, слава Богу, вскорѣ получили письмо отъ брата. Онъ былъ при штурмѣ Варшавы и не только остался цѣлъ, но въ продолженіе всей польской кампаніи, кромѣ необходимыхъ лишеній, не былъ даже раненъ. За свои подвиги получилъ орденъ св. Анны 3-й степеніи съ бантомъ и 4-й на саблю, съ надписью «за храбрость». Первый—за варшавскій штурмъ; второй—за дѣло подъ Вильной, на Панарскихъ высотахъ. Кромѣ того, награжденъ серебряной медалью и польскимъ орденомъ *virtuti militari*.

VIII.

Варенька Дурасова и Нади Колбеевки. — «Наука любви». — Моя страсть къ чтенію. — Смерть моей бабушки С. А. Мольгуновой. — Холера въ Казани 1830 г. — Смерть моего младшаго брата въ 1835 г. — Приѣздъ старшаго брата въ Казань осенью 1831 г. — Его доводы о преимуществахъ военной службы. — Подполковникъ Голенищевъ-Кутузовъ. — Флигель-адъютантъ князь Ливень. — Декабристъ П. П. Жуковъ, его семья въ Архангельскѣ, женитьба на Е. О. Шульцѣ, неожиданный переводъ на Кавказъ, возвращеніе въ Казань и помилованіе.

Слѣдующую главу я посвящу всецѣло моей университетской жизни съ ея интеллектуальной стороны, а теперь забѣгу впередъ и расскажу мои похождения за это время.

Выше я сказалъ, что, не умѣя или не желая развивать свои врожденные умственные способности, я, несмотря на свои усиленные занятія для поступленія въ университетъ, не допускалъ застоя въ своихъ сердечныхъ влеченіяхъ.

По французскому припѣву изъ Жюконда: «et l'on revient toujours à ses premières amours», я думалъ было въ началѣ вернуться къ Annette Дитель, но встрѣтилось препятствіе. Танцмейстера Monsard—этой связи, соединявшей нашъ домъ съ домомъ Дитель, уже не было въ Казани. Мѣсто его заступилъ m-r Billet. При этомъ произошла замѣчательная случайность. Несмотря на то, что я и Annette долго жили въ одномъ городѣ, я нигдѣ не встрѣчалъ ея

со времени нашей разлуки передъ моимъ отъѣздомъ въ Петербургъ, и по сіе время не видалъ ея.

Billet не собиралъ къ себѣ своихъ учениковъ и ученицъ, какъ Монзартъ, а разъѣзжалъ по домамъ давать уроки подъ звуки своей маленькой скрипки. Семейство наше было въ дружескихъ отношеніяхъ съ семействомъ П. А. Дурасова, управляющаго Низовымъ округомъ корабельныхъ лѣсовъ. Вслѣдствіе этого согласились, что обѣ его дочери будутъ пріѣзжать къ намъ и вмѣстѣ съ моей сестрой учиться у m-г Billet танцамъ. Присутствуя иногда при ихъ хореографическихъ упражненіяхъ и смотря на меньшую дочь Дурасова, восьмилѣтнюю Дунюшку, не красивую собой, но съ добрымъ выраженіемъ въ лицѣ, и видя, какъ она, стоя за стуломъ и держась руками за его спинку, выворачивала свои ноги для различныхъ па, могъ ли, говорю, думать, что вижу передъ собою свою будущую жену? Въ ожиданіи этого событія, послѣдовавшаго 14-ть лѣтъ спустя, я «приударилъ» за ея старшей сестрой, Варварой, и не безуспѣшно. Мои усиленные занятія оставляли мнѣ мало времени для изліяній моихъ сердечныхъ чувствъ, а потому при рѣдкихъ моихъ съ ней свиданіяхъ и затрудненіи оставаться наединѣ, всѣ наши объясненія ограничивались урывчатыми словами во время танцевъ и пожатіемъ рукъ. Отъ такихъ помѣхъ взаимная привязанность наша, конечно, не могла быть сильна. Не помню всѣхъ перипетій нашей любви; но помню причины нашей размолвки. Однажды, танцуя съ ней, я увлекся желаніемъ выказать ей свою привязанность и, чтобы доказать силу моей любви, такъ сильно сжалъ ея руку, что у нея отъ боли выступили на глазахъ слезы. Она разсердилась, и такъ какъ это было во время послѣдняго танцевальнаго класса, и Дурасовы вскорѣ уѣхали на лѣто въ свою симбирскую деревню, то я и не имѣлъ возможности помириться съ ней. Когда же она возвратилась въ городъ, я былъ уже студентомъ и имѣлъ другую привязанность.

Въ Казани проживало семейство Колбецкихъ, состоявшее изъ слѣпого отца, матери и нѣсколькихъ дѣтей... Мать была простая, добрая женщина. Взрослыя дѣти ихъ были: сынъ Василій, бывшій вмѣстѣ со мной въ университетѣ, и дочери: Надежда, Анна и Александра; прочихъ дѣтей, тогда очень маленькихъ, я не зналъ.

Старшая, Надя, была очень стройная, миловидная блондинка, лѣтъ 16-ти. Имѣла прекрасный свѣжій цвѣтъ лица, голубые изсиня глаза, полныя губы. Мое влюбчивое сердце не могло не замѣтить и не остановиться на всѣхъ этихъ совершенствахъ, и я сдѣлался страстнымъ ея поклонникомъ. Жили они тогда въ своемъ домѣ, выходящемъ на Арское поле (принадлежитъ нынѣ А. О. Лихачеву), имѣли своего изъ крѣпостныхъ танера, Николая, и потому мы, студенты, очень часто и «запросто» у нихъ танцевали.

Эти-то танцы и способствовали нашему сближенію и привели къ объясненію въ любви. Помню очень хорошо одну мазурку, когда Надя на мои настоянія, потупивъ глаза и зардѣвшись стыдливимъ румянцемъ, произнесла давно желанныя слова: «люблю васъ». Я былъ и взволнованъ и обрадованъ вмѣстѣ, но сумѣлъ совладѣть собой и ни однимъ движеніемъ лица не выдалъ своей тайны. Счастье этой минуты высказалось только тѣмъ, что я забылъ встать съ своего мѣста, чтобъ дѣлать «фигуру» танца. Когда мнѣ прочіе закричали: «Мамаевъ! твоя очередь!» — я, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжалъ мазурку. Такая моя забывчивость не могла обратить на себя ничего подозрительнаго вниманія, такъ какъ и прежде случалось, что я пропускалъ свою очередь, и мнѣ часто напоминали о моей разсѣянности.

Мнѣ никто не преподавалъ науку любить; до всего, что служило мнѣ счастьемъ въ жизни, я доходилъ самъ, постепенно, чрезъ рядъ опытовъ и наблюденій. Напрасно говорятъ, что самый лучшій учитель въ любви есть сама природа. Нѣтъ, съ этимъ я не соглашусь. Природа даетъ намъ влеченіе одного пола къ другому, и тѣмъ оканчивается всякая дальнѣйшая ея заботливость въ любви; но умѣнье управлять влеченьемъ, вызваннымъ природой, довести до сознанія, сдерживать или вовсе прекращать его, зависитъ отъ насъ самихъ; иначе между женщинами не было бы кокетокъ, а между мужчинами — ловеласовъ.

Пройдя продолжительный рядъ опытовъ разнаго рода любви, я подмѣтилъ нѣкоторые тайные приемы въ искусствѣ любить; и потому любовь для меня — наука, а не одно природное влеченіе одного къ другому.

Первые начатки составленной мной системы «любить» были примѣнены къ Надѣ, или, лучше сказать, на ней я началъ учиться любить, какъ наукѣ, и дальнѣйшія мои сердечныя привязанности въ жизни развили во мнѣ понятія о любви по теоріи, мной составленной. Не скажу, чтобъ я дошелъ до совершенства, но приобрѣлъ навыкъ настолько, что, дѣйствуя по своей системѣ любить, никогда не имѣлъ неудачи. Сама природа способствовала моимъ успѣхамъ; наградивъ меня влюбчивымъ сердцемъ, она, съ тѣмъ, вмѣстѣ, отняла отъ меня чувство ревности. Въ любви я испытывалъ досаду, огорченія, пока не добивался признанія; но эти чувства не были такъ жгучи, такъ язвительны, какъ чувство ревности, насколько могу судить по разсказамъ другихъ. Получивъ же признаніе, что меня любятъ, я ничѣмъ болѣе не тревожился, не волновался и спокойно продолжалъ наслаждаться своимъ счастьемъ. Убѣжденія мои въ этомъ случаѣ были такого рода: ревностью я оскорбилъ бы женщину, которая сказала мнѣ «люблю». Послѣ ея признанія никакія подозрѣнія въ ея искренности не могутъ имѣть мѣста; если же женщина меня не любитъ, то какое я имѣю право

ревновать ее? При этомъ, въ первомъ случаѣ, ревность — оскорбительна; оскорбленіе уничтожаетъ уваженіе, а для меня истинная, чистая, святая любовь не можетъ существовать безъ уваженія... Всякая другая любовь есть только влеченіе одного пола къ другому.

Не быть ревнивымъ въ любви — большое счастье и вѣрный выигрышъ на успѣхъ. Неревнивый въ любви все равно, что человѣкъ хладнокровный въ спорѣ. Съ такимъ человѣкомъ вспылчивый, горячій всегда проиграетъ. Мнѣ кажется, что можно легко достигъ такого преимущества: поболѣе разсудка и силы воли, и тогда можно поборотъ чувство ревности.

Приемы въ любви, которые я употреблялъ для достиженія взаимности, и всегда съ успѣхомъ, заключались въ слѣдующемъ.

Никогда не унижался передъ женщинами. Женщина не полюбить мужчину, когда видитъ, что онъ изъ угодливости способенъ на всякія униженія; тѣмъ еще менѣе — плаксиваго, готоваго слезами вымалывать себѣ взаимность, какъ милостыню. Она, по природѣ своей, ищетъ защиты въ твердости и силѣ мужчины, и всякая слабость, въ чемъ бы она ни проявлялась, способна оттолкнуть ее отъ него.

Ничто такъ не побуждаетъ мужчину и женщину къ откровенности, какъ возбужденная досада. Женщины, въ особенности, скорѣе поддаются этому чувству. Подмѣтивъ эту слабую въ нихъ сторону, я сообразно тому управлялъ и своими дѣйствіями. Замѣтивъ, что произвелъ впечатлѣніе на женщину, отъ которой добивался взаимности, и желая довести ее до признанія, я первое время окружалъ ее полнымъ вниманіемъ и любезностью, старался раздуть заронившуюся въ ней искру любви и, добившись своего, вдругъ перемѣнялъ тактику, дѣлался какъ бы холоднѣе, обращаясь въ то же время съ прежней внимательностью къ другимъ. Маневръ этотъ всегда достигалъ цѣли: раздражалъ, причинялъ досаду и оканчивался обыкновенно сперва укорами, а потомъ и полнымъ признаніемъ. Само собою разумѣется, что должно дѣйствовать въ границахъ благоразумія, чтобы «не пересолить». Слишкомъ натянутая струна всегда лопнетъ.

Всѣ эти приемы я началъ съ Нади и потомъ употреблялъ съ другими. Въ произведеніи опытовъ такой теоріи недостатка не было, какъ будетъ видно изъ дальнѣйшихъ разсказовъ о моей жизни.

Въ честь Нади я булавкой накололъ на мягкости лѣвой руки якорь, какъ эмблему ея имени, и затеръ пороховъ. Знакъ этотъ долго былъ виденъ, хотя мѣсто Нади заступили уже другія привязанности. Имя ея на рукѣ пережило ея имя въ сердцѣ! Въ ея же честь у меня вездѣ были написаны стихи, начинавшіеся:

«Надежда! Ты моя богиня!

Надежда, — лучъ души моей» и т. д.

Стихи эти случайно были написаны и на тетрадки — «Догматическое богословіе». Не правда ли, какое умѣстное сочѣтаніе небесной любви съ земной? Тетрадка эта случайно же попала въ руки отца. Прочтя стихи, онъ сказалъ: «я такую тебѣ задамъ Надежду — богиню, что выкинешь изъ головы всѣхъ Надеждъ, а будешь имѣть только одну надежду: выдержать экзаменъ и перейти на слѣдующій курсъ». Такъ отецъ смотрѣлъ на мою привязанность, хотя и невинную, но, по его мнѣнію, несовмѣстимую съ моими тогдашними занятіями по университету.

Страсть къ чтенію проявлялась во мнѣ еще въ очень молодыхъ лѣтахъ и усиливалась по мѣрѣ того, какъ я подвигался по пути жизни, и теперь составляетъ для меня единственное пріятное развлеченіе. Съ малолѣтства я тщательно собиралъ книги и съ того времени и понынѣ я постоянно пополняю свою библіотеку по разнымъ отраслямъ человѣческихъ знаній, но преимущественно книгами беллетристическаго содержанія и періодическими изданіями. Библіотека моя, смѣло скажу, какъ частнаго лица, при строгости у насъ цензуры, богата рѣдкими сочиненіями и собирается мной съ немалымъ трудомъ и значительными денежными расходами. Книги свои я называю моими неизмѣнными, испытанными друзьями, утѣшающими меня въ горькія минуты жизни, помогающими коротать мое незавидное одиночество...

Выше я сказалъ, что страсть къ чтенію проявилась во мнѣ съ малолѣтства. Помню, съ какой жадностью, едва научившись грамотѣ, я бросился на книги, особенно съ картинками, читалъ ихъ. Слушателемъ моимъ была няня; съ ней я мѣнялся ролями. На ночь она мнѣ рассказывала сказки, а днемъ я читалъ ей «Россійскій Театръ», «Письма русскаго путешественника» и т. п. Но первое серьезное чтеніе, послѣ разныхъ сказокъ, дѣтскихъ и другихъ книгъ, состояло въ стихотвореніи В. А. Жуковскаго «Громобой, или двѣнадцать спящихъ дѣвъ». Вслушавшись однажды въ чтеніе этого сочиненія бывшимъ нашимъ учителемъ Знаменскимъ, я былъ пораженъ, конечно, не могучимъ стихомъ и художественной его отдѣлкой, — тогда я не былъ достаточно развитъ, чтобы понять красоту поэзіи, — но самымъ содержаніемъ, взятымъ изъ сказочнаго міра и изложеннымъ языкомъ, дотошъ для меня невѣдомымъ. Попросивъ у Знаменскаго книгу, добытую, кажется, изъ студенческой библіотеки университета, я списалъ стихи со всѣмъ тщаніемъ и каллиграфическимъ искусствомъ, на почтовой золотобрѣзанной бумагѣ и не разставался съ своей рукописью, что называется, «ни днемъ, ни ночью». Скоро съ моей отличной памятью, отъ частаго перечитыванья, я выучилъ всего «Громобая» наизусть; но отъ этого нисколько не умалилось у меня значеніе стиховъ, и я возился съ своей тетрадкой, какъ съ сокровищемъ. Въ 1827 г., отправляясь въ Петербургъ, я не могъ забрать съ собой своихъ

любимыхъ книгъ, но рукопись взялъ съ собой. Въ Горномъ корпусѣ начальство отняло у меня мою тетрадку на томъ основаніи, что никакихъ писанныхъ стиховъ кадетамъ имѣть не позволялось, хотя бы то были классическія. И долго плакалъ; такъ было мнѣ жаль разставаться и съ рукописью и съ трудами, на переписку ея употребленными.

Во время пребыванія моего въ Петербургѣ, въ 1827—1829 годахъ, у Телешневой я постоянно читалъ А. С. Пушкина «Первыя главы Онѣгина», «Графа Нулина» и др.; изъ періодическихъ изданій—«Русскій Инвалидъ», «Сѣверную Пчелу», «Сынъ Отечества», «Архивъ». Всѣ эти изданія выходили тогда очень тощими и по объему и по содержанию. Тогда же прочиталъ первый нравоописательный романъ Ѳ. В. Булгарина: «Иванъ Выжигинъ». Какъ первый еще въ своемъ родѣ, романъ этотъ возбудилъ сильное впечатлѣніе въ публикѣ, и я очень хорошо помню, что о немъ много тогда говорили въ гостиныхъ. Особенно дамы восхищались имъ, и встрѣчи непремѣнно сопровождались спросами: «Читали «Выжигина»? Ахъ, что за прелесть! Ахъ, что за прелесть! Цѣлую ночь читала, не могла оторваться!» и т. п.

Когда я возвратился въ Казань въ 1829 году, семья наша выписывала «Дамскій журналъ», князя Шаликова, конечно, только для модныхъ картинокъ, но я имѣлъ возможность доставать «Московский Телеграфъ», издаваемый Полевымъ. Первая книга, поступившая въ мою собственность и послужившая краеугольнымъ камнемъ въ основаніи библіотеки, была — «Отступникъ» Д'Арлинкура, въ русскомъ переводѣ. Книга эта и понынѣ хранится у меня, уцѣлѣвъ какимъ-то чудомъ отъ общей растраты прочихъ, бывшихъ тогда въ моемъ владѣніи. Читая ее, я проливалъ горькія слезы надъ злополучіями Эзильды и Агобада... Въ то время читалъ я все, безъ разбора, и Калашникова «Дочку купца Жолобова», и Погорьльскаго: «Монастырка», и Лажечникова: «Ледяной домъ» и «Послѣдній Новикъ», и Полевого: «Клятва при гробѣ Господнемъ», и Загоскина: «Юрій Милославскій», и Пасѣчника Паньки Рудаго—Н. Гоголя: «Вечера близъ Диканьки», и статьи Б. Ѳедорова и др. Тогда писали много, и печатались книги, между которыми были очень дѣльныя; любознательность моя и страсть къ чтенію вполне удовлетворялась! Въ бытность мою въ университетѣ, я пользовался книгами изъ студенческой библіотеки. Сожалѣю объ одномъ, что не было у меня опытнаго руководителя въ выборѣ сочиненій, и я «глоталъ» все, безъ всякой системы, что мнѣ ни попадало «на зубъ».

Въ сентябрѣ 1830 г., въ самый разгаръ холеры въ Казани, скончалась бабка наша, С. А. Мельгунова. Умерла она не отъ эпидеміи; страдая послѣднее время своей жизни спазмами въ же-

людѣ, она нравственно страдала во время холеры за жизнь близкихъ сердцу. Этотъ-то страхъ и ускорилъ ея кончину; она похоронена на кладбищѣ Кизицкаго (или Кизическаго) монастыря, что близъ Казани. Никто изъ насъ не могъ присутствовать при послѣднихъ минутахъ ея жизни, и она скончалась на рукахъ своей прислуги. Всѣ мы тогда были въ заперти, какъ въ карантинѣ, въ зданіи университета.

Какъ только появилась холера въ городѣ, лекціи прекратились съ 14-го сентября, и университетское начальство обязательно предложило своимъ членамъ помѣщеніе въ комнатахъ, занимаемыхъ аудиторіями. Отецъ воспользовался такимъ предложеніемъ, и вся наша семья переѣхала въ университетъ. Насъ, такихъ добровольныхъ переселенцевъ, было довольно много; между нами находился и докторъ Э. К. Эверсманъ. Лавки изъ аудиторій были вынесены, и мы помѣстились, какъ на бивакахъ; объ удобствахъ жизни и думать было нельзя. Университетъ заперли, никого не впускали и не выпускали, и всѣ сношенія съ прочими, живущими въ городѣ, были сопровождаемы строгими предосторожностями. Ничто не могло проникнуть къ намъ, не бывъ предварительно подвергнуто окурению хлора, даже самая провизія подвергалась той же операци. Такимъ образомъ мы въ стѣнахъ университета составили свой собственный міръ, со всѣми его житейскими потребностями, міръ, совершенно отдѣльный отъ прочаго. Время проводили нескучно, въ посѣщеніяхъ другъ друга; по вечерамъ собирались у когонибудь всѣ вмѣстѣ и занимались или разговорами, или чтеніемъ, или игрой въ карты. Такъ продолжалось до конца октября, когда мы рѣшились разѣхаться по своимъ домамъ. Къ тому времени первое впечатлѣніе страха холеры значительно ослабѣло. Можно привыкнуть ко всему, даже къ безпокойству о смерти, и мы, по переѣздѣ изъ университета, продолжали нашу обычную жизнь, хотя въ городѣ эпидемія еще не прекращалась.

Заговоривъ о смерти, похитившей въ нашей семьѣ бабу, переключу черезъ четыре года впередъ и расскажу о другой потерѣ, еще болѣе чувствительной. Бабка уже была въ преклонныхъ лѣтахъ и, по общему закону природы, должна была, раньше или нѣсколько позже, окончить свои дни; но другая потеря, въ лицѣ брата Ильи, 12-ти-лѣтняго отрока, полного, казалось, силъ и здоровья и умершаго при исключительныхъ обстоятельствахъ, глубоко огорчила всѣхъ насъ. Переведенный изъ малолѣтняго отдѣленія въ Морской корпусъ, Илюша отъ усиленныхъ занятій получилъ воспаленіе въ мозгу и умеръ въ 1835-мъ году. Въ то время старшій братъ Петръ находился въ Павловскѣ, въ Образцовомъ кавалерійскомъ полку; узнавъ о болѣзни Илюши, онъ поспѣшилъ въ Петербургъ и имѣлъ только то утѣшеніе, что закрылъ ему глаза и похоронилъ. Когда было получено извѣстіе о его кончинѣ, мать

наша въ первую минуту отчаянія попрекнула отца въ причинѣ преждевременной его смерти, говоря, что она предчувствовала это несчастье, не желая видѣть Илюшу морякомъ. Упрекъ этотъ такъ подѣйствовалъ на отца, что онъ первое время запирался въ своемъ кабинетѣ, оставался въ немъ по цѣлымъ днямъ одинъ, и когда выходилъ, то лицо имѣлъ блѣдное, осунувшееся, съ глазами, опухшими отъ слезъ. Мать, нуждавшаяся сама въ утѣшеніи, видя отца въ такомъ положеніи, убитого горемъ, изъ состраданія и опасенія за его жизнь, должна была успокоивать его, сильно раскаиваясь въ неблагоразуміи сказанныхъ ею словъ...

Въ природѣ, въ цѣпи жизни, такъ устроено, что потери и лишенія замѣняются какой либо радостью или утѣшеніемъ. Такъ было и въ этомъ случаѣ. Потеря бабки сильно огорчила мать мою; но Провидѣніе послало ей утѣшеніе, значительно ослабившее ея горе. Въ ноябрѣ 1831 г. пріѣхалъ въ отпускъ давно ожидаемый съ такимъ нетерпѣніемъ мой старшій братъ, котораго мать не видала съ 1827 года.

Тогда она отпускала его въ Петербургъ юношей 14-ти лѣтъ, теперь онъ возвращался молодымъ человѣкомъ 18-ти лѣтъ. Красивый, статный, въ уланскомъ мундирѣ, съ крестами и медалями на груди, онъ произвелъ собой въ обществѣ большой эффектъ. Тогда на военныхъ смотрѣли вообще уважительно и привѣтливо. И въ гостиныхъ, и въ собраніяхъ, и на балахъ, вездѣ, военные имѣли шагъ передъ статскими, которыхъ звали «рябчиками», между тѣмъ какъ военныхъ — «душками». Въ танцахъ барышни выбирали безпрестанно брата, а въ гостиныхъ всѣ слѣдили съ глубокимъ вниманіемъ его рассказы о только что конченной польской кампаніи, въ которой онъ принималъ дѣятельное участіе.

Братъ сильно поколебалъ укоренившееся дотолѣ во мнѣ желаніе служить «по статской». Между прочими доводами, онъ говорилъ: «Что тебѣ за охота купаться въ чернилахъ! ступай-ка, лучше къ намъ въ полкъ. Товарищи мои все лихіе ребята. Живемъ мы дружно! Въ статской службѣ другъ дружкѣ подставляютъ ножки, чтобы занять повиднѣе мѣсто; тамъ «матушкины сынки да бабушкины внуки» по протекціи лѣзутъ впередъ, оставляя за собой истинныхъ тружениковъ не замѣченными, ничѣмъ не отличенными. При томъ, всѣ статскіе пользуются очень незавидной репутаціей; ихъ считаютъ взяточниками, корыстолюбивыми. У насъ въ военной службѣ не то, у насъ нѣтъ протекцій. Производятъ въ чины по линіи, на вакансіи, всѣхъ по порядку; перескочить черезъ старшаго по службѣ можно въ томъ только случаѣ, если отличишься чѣмъ нибудь необыкновеннымъ. Но для этого нужно какое нибудь видимое отличіе, и тогда каждый знаетъ подвигъ отличившагося и оцѣниваетъ его заслуги. Въ статской же службѣ, напротивъ, подпольными путями достигаютъ и отличій и наградъ. Всякій военный это знаетъ, и по-

тому нѣтъ у насъ ни интригъ, ни протекцій, чтобы занять мѣсто другого; а если такой «гусь» и заведется въ полку, то общество офицеровъ сейчасъ же вынудить его оставить или перемѣнить службу» и т. п.

Отъ такихъ его словъ я крѣпко призадумался. Сознавая справедливость его убѣжденій, я, вмѣстѣ съ тѣмъ, не скрывалъ отъ себя и трудностей военной фронтовой службы: солдатизмъ тогдашняго времени пугалъ меня.

Долго я «ломалъ голову» и колебался между «рябчикомъ» и «душкой»; наконецъ «махнулъ рукой» и съ полнымъ обскурантизмомъ истаго фаталиста, какъ потомокъ монголовъ мусульманъ, рѣшеніе своей участи предоставилъ судьбѣ.

Какъ радостна была встрѣча брата, такъ грустны были его проводы, когда по окончаніи срока отпуска онъ долженъ былъ возвратиться въ полкъ. Печаль разлуки нѣсколько уменьшилась тѣмъ, что черезъ полтора года намъ всѣмъ предстояло новое свиданіе. Къ тому времени я долженъ былъ кончить курсъ въ университетѣ и опредѣлиться на службу.

Отецъ и мать обѣщали сопровождать меня и заѣхать навѣстить брата.

На слѣдующую зиму пріѣхалъ въ Казань для приѣма рекрутъ того же уланскаго полка подполковникъ Голенищевъ-Кутузовъ и привезъ намъ письмо отъ брата. Кутузовъ былъ принятъ и обласканъ въ нашемъ домѣ, какъ «дорогой» вѣстникъ. Личность Кутузова представляла своеобразный типъ, на которомъ нельзя было не остановиться. Отъ головы до пятокъ и всѣми жилками проникнутый военной службой, онъ тоже уговаривалъ меня вступить въ ихъ полкъ, рисуя яркими красками бытъ военныхъ. Но мнѣ онъ не понравился съ перваго же знакомства. Всѣ его слова и манеры, даже самая одежда, отзывались какой-то арлекинадой, въ немъ ничего не было душевнаго, напротивъ—все заученное, заранѣе на себѣ примѣренное.

Онъ, видимо, рисовался и щеголялъ какъ словами, такъ и военной одеждой. Разъ, по его приглашенію, придя къ нему на вечерній чай, я засталъ его въ фантастической формѣ. На ногахъ—сапоги изъ желтаго сафьяна, съ большими, звенящими при малѣйшемъ движеніи, шпорами; красныя шелковыя турецкія шаровары, широчайшаго размѣра, со складками, собранными на сапогахъ и стянутыми шнуркомъ, кисточки котораго болтались снаружи; въ бѣлой шелковой рубахѣ, въ пестромъ цвѣтномъ платочкѣ на шеѣ; въ форменномъ сюртукѣ, надѣтомъ нараспашку, и густыхъ эполетахъ.

Въ такомъ нарядѣ Кутузовъ, вѣроятно, воображалъ, что онъ, по крайней мѣрѣ, египетскій вице-король! Въ разговорѣ онъ подъ секретомъ сообщилъ мнѣ, что занимается литературой и пишетъ за-

писки о своей боевой жизни. Какъ образчикъ, далъ мнѣ прочесть одну статью, озаглавленную «Рамки Кульмскаго дѣла». Какъ заглавіе, такъ и содержаніе отличались полнымъ отсутствіемъ здраваго смысла и изобличали въ авторѣ совершенное незнаніе грамматическихъ правилъ.

Часто изъ рекрутскаго присутствія онъ пріѣзжалъ къ намъ обѣдать въ скюртукѣ, съ распущенными этишкетами, въ лядункѣ и шарфѣ; вся грудь увѣшана крестами и медалями. Меня, незнакомаго еще съ военной формой, удивляло такое одѣяніе; я никогда не видалъ, чтобы братъ, служившій въ томъ же полку, во время пребыванія своего въ отпускѣ, два съ половиною мѣсяца, надѣвалъ такую форму. Дѣйствительно, по опредѣленіи моемъ въ военную службу, я узналъ, что существуетъ «полная походная форма», въ которую облакался Кутузовъ, и надѣвалась она на дежурствѣ и въ «походѣ»; но никогда не надѣвались этишкеты при скюртукѣ. Последнее прибавленіе была выдумка Кутузова, навѣшивавшаго ихъ для большаго эффека и красы и разсчитывавшаго весьма справедливо, что въ Казани, какъ избавленной тогда отъ постоя войскъ, не найдется никого, кто бы могъ указать ему такое отступленіе отъ формы. Но когда, къ концу того же набора, пріѣхалъ флигель-адъютантъ кн. Ливенъ, который впослѣдствіи былъ назначенъ командиромъ Оренбургскаго уланскаго полка, то Кутузовъ при немъ остерегался носить придуманную имъ походную форму, и являлся и въ присутствіе и въ общество, какъ и слѣдовало, въ колетѣ.

Около того же времени жила въ нашемъ семействѣ, Л. О. Жукова. Судьба этой женщины замѣчательна по стеченію разныхъ обстоятельствъ, и жизнь ея можетъ служить канвой для романа, въ которомъ дѣйствительность событій вполне замѣнитъ вымыселъ.

И. П. Жуковъ, дальній нашъ родственникъ, за принадлежность свою къ Южному тайному обществу, въ 1826 году, былъ посаженъ въ Петропавловскую крѣпость и судимъ вмѣстѣ съ прочими заговорщиками. Находясь въ заключеніи, онъ обратился съ письмомъ къ В. К. Михаилу Павловичу, дотолѣ ему покровительствовавшему, которымъ просилъ, какъ милости, о назначеніи своемъ на Кавказъ. По высочайше конфирмованному приговору верховной слѣдственной комиссіи, Жуковъ былъ разжалованъ въ солдаты и посланъ въ Архангельскъ, въ тамошній гарнизонный батальонъ.

Дальнѣйшія событія покажутъ, что многое, совершающееся въ нашей жизни, подчинено тайнымъ велѣніямъ судьбы, дѣлающимся ясными черезъ болѣе или менѣе отдаленное время, и открываютъ тотъ путь, которымъ слѣдовали стеченія обстоятельствъ, приведшихъ къ извѣстному результату. Лизавета Ѳеодоровна Шульцъ жила въ Архангельскѣ; дѣятельность и жизнь Ивана Петровича Жукова происходила въ Волынской губерніи. Одна — на сѣверѣ, другой —

на югѣ Россіи. Огромное пространство раздѣляло ихъ, невѣдомыхъ другъ другу; интересы той и другого были совершенно разные. Казалось, не представлялось никакой возможности не только къ ихъ сближенію, но и простому свиданію. При другихъ обстоятельствахъ, можетъ быть, оба они при встрѣчѣ прошли бы бокъ-объ-бокъ, не замѣтивъ другъ друга... Судьба рѣшила иначе.

Старикъ Шульцъ, отецъ Лизаветы Ѳедоровны, служилъ комендантомъ въ Архангельскѣ.

Добрыи въ душѣ, онъ радушно принялъ Жукова, не только не показавъ своей надъ нимъ власти, какъ начальникъ, но въ своемъ солдатѣ видѣлъ молодого человѣка, увлеченнаго, можетъ быть, своими товарищами и если имѣющаго свои убѣжденія, то еще не зрѣлыя, за которыя онъ достаточно и наказанъ. Поэтому Жуковъ въ своемъ солдатскомъ мундирѣ въ домѣ генерала былъ принятъ, какъ равный.

Красивой наружности, отлично образованный, хорошій музыкантъ, ко всему этому, обладавшій увлекательнымъ даромъ слова, Жуковъ скоро обратилъ на себя вниманіе Лизаветы Ѳедоровны, тоже красоты замѣчательной, въ которую и самъ влюбился. При томъ, и его «несчастное» положеніе много содѣйствовало къ ихъ сближенію. Въ глазахъ дочери онъ былъ жертвой своихъ заблужденій. Молодые люди объяснились, признались въ взаимной привязанности и поклялись любить другъ друга вѣчно, несмотря ни на какія препятствія. Последняя клятва и погубила Лизавету Ѳедоровну!..

Жуковъ открылся Шульцу и просилъ руки его дочери. Старикъ, несмотря на всю свою доброту, сознавая, что дочь его будетъ замужемъ, все-таки, за солдатомъ, наотрѣзъ отказалъ Жукову.

Видя слезы и отчаяніе дочери, Шульцъ тогда только догадался о злѣ, которое причинилъ ей, допуская сближеніе ея съ такимъ опаснымъ по своимъ достоинствамъ человѣкомъ, какимъ былъ Жуковъ, и, думая разлукой ослабить ея привязанность, отказалъ послѣднему отъ дома.

Но было уже поздно.

Вмѣстѣ съ Жуковымъ былъ тоже за принадлежность къ тайному обществу разжалованъ и сосланъ въ Архангельскъ морякъ Иванчинъ-Писаревъ. Шульцъ, не подозрѣвая въ немъ соучастника въ привязанности Жукова къ своей дочери, продолжалъ принимать его у себя попрежнему. Черезъ Писарева Жуковъ велъ дѣятельную переписку съ Лизаветой Ѳедоровной, напоминалъ, что настало время доказать, что клятва ея любить вѣчно, несмотря ни на какія препятствія, была не пустяя слова, но исполнится на дѣлѣ, умолялъ согласиться на тайное съ нимъ свиданіе и во всемъ довѣриться Писареву, который сумѣетъ устроить все, устранивъ препятствія и подъ покровомъ невѣднія для другихъ. Ли-

звѣта Ѳеодоровна согласилась. По легкости и удобству свиданій, послѣднія происходили все чаще и чаще.

Извѣстно, что насъ ничто такъ не раздражаетъ, какъ препятствія, и люди самые робкіе дѣлаются мужественными, чтобы достигъ своей цѣли. Въ виду этихъ-то препятствій, положенныхъ отцемъ, видѣться на свободѣ, Жуковъ, въ одно изъ тайныхъ свиданій, своимъ мастерскимъ, краснорѣчивымъ языкомъ, представилъ Лизаветѣ Ѳеодоровнѣ, что если люди по своимъ предразсудкамъ разстраиваютъ ихъ счастье и не соглашаются на ихъ соединеніе, то есть Богъ, который видитъ ихъ чистыя сердца, полныя любви другъ къ другу, и, конечно, въ неизреченномъ милосердіи своемъ благословитъ ихъ бракъ, хотя бы и не освященный по обрядамъ церкви. Увлеченная не столько доводами его убѣжденій, сколько силою своей собственной любви, давно нашептывавшей ей то же, что говорилъ Жуковъ, Лизавета Ѳеодоровна согласилась... Послѣдствіемъ этого было, что самъ Шульцъ вынужденъ былъ спѣшить бракомъ. При томъ, онъ надѣялся, за службу свою и раны, испросить у государя помилованіе своему зятю.

Послѣ вѣнчанія, происходившаго утромъ, всѣ участвующіе въ церемоніи и другіе знакомые были приглашены Шульцемъ на обѣдъ новобрачныхъ. Только что усѣлись за столъ, какъ раздался звонъ почтоваго колокольчика, къ подъѣзду комендантскаго дома подскакала тройка. Выскочившій изъ нея фельдъегерь, войдя въ залъ, гдѣ происходило пиршество, подаль Шульцу конвертъ.

Съ тайнымъ предчувствіемъ новаго горя, старикъ принялъ его и дрожащими руками сломалъ печать. При чтеніи бумаги, лицо его сильно измѣнилось, предчувствіе не обмануло его, онъ получилъ приказаніе, въ которомъ значилось, что «согласно письма Жукова къ великому князю Михаилу Павловичу исходатайствованъ его переводъ на Кавказъ, и потому предписывалось Шульцу тотчасъ же, немедля нимало, отправить Жукова съ симъ же фельдъегеремъ къ новому мѣсту его служенія». Вотъ, когда письмо Жукова возымѣло свое дѣйствіе, и въ какую минуту!

Можно представить положеніе молодыхъ! Радость ихъ брачнаго союза нарушена мгновенно. Насколько они были сильны поборотъ препятствія, налагаемыя людьми, настолько оказались безсильными передъ велѣніемъ судьбы... Съ большимъ трудомъ могли уговорить фельдъегеря нѣсколько повременить, чтобы дать время окончить обѣдъ и собраться въ дорогу. Вѣрный, точный исполнитель данныхъ ему инструкцій и опасаясь строгаго взысканія за малѣйшее промедленіе, фельдъегерь торопилъ отъѣздомъ.

Жуковъ долженъ былъ проститься съ своей молодой женой, прямо «изъ-подъ вѣнца»...

Горе, несчастье, обманутыя ожиданія, все это сильно подѣй-

ствовало на крѣпкое дотолѣ здоровье старика Шульца; раны его раскрылись, изъ которыхъ послѣдняя рана, нанесенная его отцовскому сердцу, была еще чувствительнѣе, и онъ, промучившись года два послѣ отъѣзда Жукова, скончался. По смерти его, Лизавета Ѳедоровна осталась совершенно одна въ чуждомъ ей городѣ, между враждебными людьми. Ближайшихъ родныхъ, у которыхъ могла бы надѣяться получить пріютъ, она не имѣла. Мать ея скончалась давно; изъ братьевъ старшій служилъ гдѣ-то въ полку, а младшіе воспитывались въ корпусѣ. Въ такомъ незавидномъ положеніи, она вспомнила, что мать ея мужа живетъ въ Казани, и еще при жизни ея отца приглашала пріѣхать къ ней повидаться.

Распродавъ все ненужное и распорядившись достояніемъ братьевъ, Лизавета Ѳедоровна съ горничной оставила негостепріимный ей Архангельскъ и отправилась въ Казань, слѣпо доверивъ судьбу свою неизвѣстному будущему. Въ Казани ждало ее новое горе.

Разспросивъ, гдѣ живетъ ея свекровь, бывшая во второмъ замужествѣ за Кондратовичемъ, она направилась къ указанному дому. Подъѣзжая къ крыльцу, она была поражена представившимся ей зрѣлищемъ. У воротъ дома стоялъ погребальный катафалкъ, окруженный толпой народа. Къ крыльцу была приставлена крышка отъ гроба. Войдя робкими шагами и съ замираніемъ отъ предчувствія сердца, въ залѣ она увидѣла покойника, лежащаго въ гробу на столѣ; около него свѣчи и священники въ черныхъ ризахъ. На тревожный спросъ: кто этотъ покойникъ? получила отвѣтъ: А. М. Кондратовичъ, т. е., ея свекровь, къ которой она стремилась, какъ къ единственному пристанищу на землѣ. Такого напора преслѣдующихъ ее несчастій ея душевныя силы не выдержали болѣе, и она безъ чувствъ грохнулась на полъ... Присутствующіе на печальной церемоніи, въ числѣ которыхъ была и моя мать, видя незнакомую имъ женщину, распростертую въ обморокѣ, приняли въ ней горячее участіе, подали необходимую помощь и привели въ чувство.

Мать моя, узнавъ, кто она, своимъ сердцемъ, чуткимъ ко всему доброму, сразу поняла всю безвыходность положенія ея, какъ женщины молодой, въ совершенно незнакомомъ ей городѣ, среди людей чуждыхъ, приняла въ ней горячее участіе и предложила ей и свой домъ, и свои услуги. Лизавета Ѳедоровна прямо съ похоронъ переѣхала къ намъ и была принята въ нашей семьѣ со всѣмъ радуніемъ и вниманіемъ къ ея несчастью.

Лизавета Ѳедоровна, найдя въ матери моей и поддержку и теплое сочувствіе къ своей горькой долѣ, успокоилась, скоро освоилась съ своей новой жизнію и занялась воспитаніемъ своего сына. Молодость и свѣжесть ея красоты, интересность ея положенія въ обществѣ, все это не могло быть не замѣченнымъ и не привлечь

къ себѣ казанскихъ ловеласовъ; они толпой преслѣдовали ее, лстя себя «задними» на нее видами, но ея холодность, ея умѣнье держать себя съ достоинствомъ, приличнымъ безукоризненной женщины, скоро вынудили отхлынуть отъ нея ея поклонниковъ и питать къ ней полное уваженіе.

Судьба, доселѣ преслѣдовавшая постоянно Лизавету Ѳедоровну, въ своемъ послѣднемъ ударѣ, какъ бы истощила свои силы... Счастье ей улыбнулось!

Мужъ ея (скажу мимоходомъ, тотъ самый Жуковъ, которому другой декабристъ, А. А. Бестужевъ, извѣстный писатель того времени, любимый публикой, подъ псевдонимомъ Марлинскаго, посвятилъ свою повѣсть «Наѣзды») за личное участіе во взятіи Казимуллы, извѣстнаго предводителя горцевъ, и за полученную при этомъ рану въ голову, по ходатайству главнокомандующаго Кавказскимъ корпусомъ, барона Розена, былъ прощенъ. Жукову возвращены: прежній чинъ штабсъ-капитана и знаки отличія и дозволено жить въ своемъ казанскомъ имѣніи съ тѣмъ ограниченіемъ, чтобы испрашивать каждый разъ дозволеніе у мѣстнаго начальства для своихъ пріѣздовъ въ губернской городъ. Въ 1837 году, въ пріѣздъ государя въ Казань, бывший тогда военнымъ губернаторомъ, генераль-адъютантъ, С. С. Стрекаловъ, тотъ самый, который привезъ 14-го декабря 1825 г., на Исакіевскую площадь, для увѣщанія заговорщиковъ, митрополита Серафима, стоя за его каретой, на запяткахъ, испросилъ для Жукова отмѣну и этого стѣсненія: ему дозволено было разѣзжаться свободно вездѣ, исключая, однакожъ, столицъ.

Первое свиданіе Жукова съ женой произошло въ нашемъ домѣ... но такія сцены не описываются; ихъ можно только чувствовать...

Настало время сдачи предварительнаго экзамена, для поступленія моего въ университетъ. Собственно за экзаменъ я не боялся, твердо изучивъ свои предметы, но робѣлъ, какъ робѣетъ каждый передъ неизвѣстностью будущаго, ожидаемаго съ нетерпѣньемъ! Не зная моихъ экзаменаторовъ, я боялся, что меня будутъ «сбивать», чего весьма легко достигнуть, когда ученъ, какъ мое, производится только одной памятью, и предметъ не подвергается разностороннему обсужденію, и когда отъ ученика не требуется собственнаго своего размысленія, а довольствуются отвѣтами твердо заученнаго урока. Но, по пословицѣ «страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ», экзаменъ мой далеко былъ не такимъ, какъ я представлялъ себѣ. Вопросы дѣлались самые несложные, и отвѣчать на нихъ было легко. Мнѣ еще было труднѣе, чѣмъ прочимъ; распространявшійся слухъ о моихъ необыкновенныхъ способностяхъ и быстрыхъ успѣхахъ въ наукахъ вынудилъ экзаменаторовъ заняться

мной особо, чтобы на дѣлѣ удостовѣриться, насколько справедлива разнесшаяся обо мнѣ молва. Такому любопытству я былъ обязанъ, что изъ всѣхъ предметовъ мнѣ предлагались лишніе вопросы противъ другихъ моихъ товарищей по экзамену; но, несмотря ни на что, я вышелъ изъ испытанія побѣдителемъ, какъ объ этомъ будетъ разсказано въ слѣдующей главѣ.

Н. И. Мамаевъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ЗАПИСКИ Н. И. МАМАЕВА ¹⁾.

IX.

Мое поступленіе въ Казанскій университетъ.—Начало холеры въ Казани.—Пріѣздъ графа А. А. Закревскаго и профессора Московскаго университета Мудрова.—Составъ университетской администраціи.—Факультеты.—Форма студентовъ.—Внѣшнее благоустройство и учебная часть.—Карцеръ.

ВЪ ПЕРВЫХЪ числахъ августа 1830 года я подалъ ректору Казанскаго университета прошеніе о поступленіи въ университетъ, по нравственно-политическому факультету. Отъ роду тогда мнѣ не было еще 15 лѣтъ. Во время экзаменовъ было получено распоряженіе министра народнаго просвѣщенія, чтобы молодыхъ людей ранѣе 16-ти лѣтъ въ университетъ не принимать. Но такъ какъ прошеніе мое о поступленіи въ университетъ было принято до полученія этого распоряженія, и я уже сдалъ экзаменъ изъ нѣкоторыхъ предметовъ, то и рѣшили совѣтомъ университета изъять меня изъ означеннаго распоряженія на томъ основаніи, что «никакой законъ обратной силы не имѣетъ».

Итакъ, экзамены мои кончились, и я поступилъ въ университетъ, чего въ то время легко было достигнуть, такъ какъ вступительныя испытанія были болѣе снисходительны, чѣмъ строги.

Вскорѣ по поступленіи моемъ въ университетъ, въ городѣ распространился страшный слухъ о приближеніи холеры. Эпидеміи этой, дотолѣ еще неизвѣстной, предшествовали разные слухи и толки. Говорили, что она заразительна, мгновенно убиваетъ свою жертву; что нѣтъ никакихъ медицинскихъ средствъ къ ея излѣ-

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXXIII, стр. 888.

ченію и т. п. Общество сильно встревожилось всѣми этими разсказами; а когда появились первые признаки холеры, и она вырвала нѣсколько жертвъ, то всѣ окончательно растерялись, упали духомъ... Нѣкоторые изъ духовенства отказывались напутствовать умирающихъ, отказывались даже погребать ихъ по обряду христіанскому... Впрочемъ, въ этомъ случаѣ они подражали своему архипастырю, который первый заперся въ своемъ домѣ, и никому не было до него доступа.

Но ученіе въ университетѣ еще продолжалось до 13-го сентября. Въ этотъ день, по случаю кануна храмового университетскаго праздника, такъ какъ церковь сооружена въ честь Воздвиженія Креста Господня,—по вечеру, была отслужена всенощная. Ее посѣтилъ графъ Арсеній Андреевичъ Закревскій, бывшій въ то время министромъ внутреннихъ дѣлъ, прибывшій въ Казань для личныхъ распоряженій о принятіи мѣръ противъ эпидеміи. Съ нимъ прибылъ въ церковь докторъ Мудровъ, кажется, профессоръ Московскаго университета, сопутствовавшій Закревскому въ его поѣздкахъ по Россіи, въ качествѣ врача, изучающаго на мѣстѣ симптомы новой, небывалой еще болѣзни, холеры.

Всенощная эта навсегда у меня останется въ памяти! Мудровъ вмѣсто псаломщика читалъ за службой ирмосы и каноны, и какъ читалъ!...

Никогда, ни прежде, ни послѣ, я въ жизнь мою не слыхивалъ подобнаго чтенія. Не знаю, была ли то его обыкновенная манера, или онъ настроенъ былъ печальными событіями, когда смерть являлась такъ неожиданно, такъ внезапно... какъ бы то ни было, но я никогда не прослушалъ и не прочувствовалъ всей всенощной, довольно длинной службы, какъ въ этотъ разъ. Чтеніе Мудрова церковныхъ книгъ произвело во мнѣ совершенно новое, никогда дотолѣ неиспытанное ощущеніе ¹⁾: я весь былъ проникнутъ истиннымъ христіанскимъ благочестіемъ...

На другой день была послѣдняя обѣдня; по окончаніи ея, университетъ закрыли, т. е. прекратили въ немъ преподаваніе.

Въ такомъ положеніи онъ находился до послѣднихъ чиселъ октября мѣсяца, когда поняли наконецъ, что никакія мѣры предосторожности, употреблявшіяся дотолѣ и состоящія въ карантинахъ, заставахъ и т. п., не могли остановить убійственнаго хода холеры, а служили только еще къ вящшему отягощенію обывателей.

А между тѣмъ пока дошли до этого разумнаго убѣжденія, сколько произошло сценъ, раздиравшихъ душу... Такъ, будочники и, какъ говорили, арестанты, нарочно для того выпущенные изъ острога и одѣтые въ нарядъ католическихъ монаховъ ордена «кающихся»,

¹⁾ Нѣтъ, ошибаюсь. Нѣчто подобное я испыталъ пять лѣтъ спустя, въ Москвѣ, въ Симоновомъ монастырѣ, когда слышалъ за обѣдней пѣніе монаховъ.

т.-е, въ какіе-то длинные балахоны, съ башлыками, совершенно закрывавшими лицо и голову, лишь съ вырѣзаннымъ отверстіемъ для глазъ, и все это сильно пропитанное дегтемъ,—крючьями и баграми таскали по улицамъ трупы, а иногда и полуживыхъ людей, пораженныхъ холерою...

Но лучше набросить покрывало на подобныя картины; одно воспоминаніе о пережитомъ тогда времени можетъ произвести ту же холеру!..

По открытіи университета, не досчитались двухъ профессоровъ—Бажанова и Протасова: ихъ похитила холера; но между студентами не было ея жертвъ.

Администрацію университета составляли: попечитель Михаилъ Николаевичъ Мусинъ-Пушкинъ, назначенный въ эту должность изъ гвардейскихъ полковниковъ, по представленію генерала Желтухина, ревизовавшаго университетъ въ 1826 году и низвергнувшаго извѣстнаго Михаила Леонтьевича Магницкаго (Пушкинъ впоследствии былъ попечителемъ С.-Петербургскаго учебнаго округа); ректоръ университета Николай Ивановичъ Лобачевскій; инспекторъ студентовъ Иванъ Михайловичъ Симоновъ; оба профессора математическихъ наукъ. Послѣдній извѣстенъ тѣмъ, что дѣлалъ кругосвѣтное путешествіе съ капитаномъ Ѳ. П. Литке, въ качествѣ астронома. Помощники инспектора, или, какъ ихъ называли впоследствии, субинспекторы,—Иванъ Ивановичъ Протопоповъ, Иванъ Михайловичъ Поповъ, Алексѣй Тимоѣевичъ Покровскій. Каждый изъ нихъ, по очереди, дежурилъ и обязанъ былъ ночевать непременно въ университетѣ.

Общее преподаваніе наукъ дѣлилось на факультеты: I) нравственно-политическій (т. е., юридическій; но я удерживаю названіе того времени), II) словесный, III) математическій и IV) медицинскій.

Словесный факультетъ подраздѣлялся на а) словесный простой, съ греческимъ языкомъ, и б) восточный, въ которомъ на мѣсто греческаго языка преподавались татарскій, арабскій и персидскій.

Курсъ ученія въ каждомъ факультетѣ продолжался три года, кромѣ медицинскаго, въ которомъ онъ былъ четырехгодичный.

Годичный періодъ прохожденія наукъ назывался отдѣленіями, а по немъ и студенты именовались 1-го, 2-го или 3-го, а у медиковъ и 4-го отдѣленія, что нынѣ замѣнено словомъ курсъ.

Каждый факультетъ имѣлъ своихъ декана и адъюнкта. Деканомъ нравственно-политическаго факультета былъ профессоръ Петръ Сергѣевичъ Сергѣевъ, адъюнктомъ Андрей Филимоновичъ Хламовъ.

Студенты дѣлились на казенныхъ, жившихъ въ университетѣ и получавшихъ все содержаніе отъ казны, за что обязаны были, по окончаніи курса наукъ, прослужить правительству шесть лѣтъ; пансіонеровъ, тоже помѣщавшихся въ зданіи университета и на казенномъ содержаніи, но за опредѣленную плату и самокоштныхъ.

жившихъ у родственниковъ или на квартирахъ. За посѣщеніе лекцій они ничего не платили и вмѣстѣ съ пансіонерами не несли никакихъ обязательствъ, въ отношеніи службы правительству. Были еще вольные слушатели, но въ весьма ограниченномъ числѣ. За слушаніе лекцій они, кажется, платили какую-то сумму университету, но не пользовались никакими привилегіями и носили партикулярную одежду.

Во всѣхъ факультетахъ, въ 1830 г., студентовъ было не болѣе 100 человекъ, въ томъ числѣ 1 вольный слушатель.

Нравственность студентовъ вообще была весьма удовлетвори-тельна. Не было крупныхъ, выдающихся проступковъ; не было и никакихъ столкновеній съ полиціей города. А если что и случилось, то въ стѣнахъ университета, слѣдовательно, келейно, въ своей семьѣ.

Форма студентовъ, при моемъ вступленіи въ университетъ, состояла изъ однобортнаго мундира, общаго покроя, двубортнаго сюртука, обоихъ съ бѣлыми гладкими пуговицами, и нижняго платья, все изъ сукна темно-синяго цвѣта. При мундирѣ носили трехугольную шляпу и шпагу безъ темляка, висѣвшую на отлетѣ, на двухъ пасмахъ кожаной портупей. У щеголей портупея была изъ черной шелковой ленты муарѣ. Въ слѣдующемъ 1831 году цвѣтъ сукна измѣненъ. Воротникъ остался тотъ же синій, но сукно, на всемъ прочемъ, положено имѣть темно-зеленое. Все это вмѣстѣ составляло тогда цѣль стремленій, предметъ желаній учащейся молодежи. Такую форму я носилъ до моего выхода изъ университета.

Общій обзоръ состоянія университета того времени въ воспоминаніяхъ моихъ подходитъ подъ двѣ рубрики: 1) внѣшнее благоустройство и 2) учебная часть.

Университетъ помѣщался въ томъ же зданіи, гдѣ и нынѣ. Постройка его составляетъ торжество искусства архитектора Пятницкаго. Первоначально было пріобрѣтено два дома, рядомъ стоящіе, но раздѣленные между собою пространствомъ. Въ это-то пространство Пятницкій ввелъ новое зданіе и придалъ всему одно цѣлое, украсивъ фасадомъ, и понынѣ существующимъ и дѣлающимъ университетъ однимъ изъ красивѣйшихъ зданій города. Надъ серединой зданія воздвигнуть высокій вызолоченный крестъ, указывающій помѣщеніе подъ нимъ церкви. Церковь помѣщалась (гдѣ и понынѣ) посрединѣ зданія, во второмъ этажѣ, надъ парадными стѣнами. Оригинальнымъ устройствомъ своимъ церковь совершенно соотвѣтствовала тогдашнему религіозному пониманію, которое такъ усиливался Магницкій внести въ среду учащейся молодежи. Свѣтъ, проникая въ церковь черезъ три окна, устроенныя въ алтарѣ и закрытыя иконостасомъ, дѣлалъ бы ее темной, если бы не большое,

круглое, сквозное отверстие въ сводѣ потолка. Въ отверстие это вставлено стекло, желтаго цвѣта, значительной толщины, съ изображеніемъ всевидящаго ока. И въ сумрачный день отверстие даетъ достаточно свѣта; но въ день ясный солнечные лучи, врываясь черезъ стекло, проливаютъ въ церковь слабый, нѣжный, золотистый свѣтъ, исходящій, кажется, отъ иконостаса, устроеннаго крестообразно. Такое освѣщеніе, напоминающее собой священный полумракъ церкви первыхъ вѣковъ христіанства, дѣйствительно представляетъ нѣчто таинственное, сильно дѣйствующее на воспримчивую душу!..

Университетъ обладалъ кабинетами: естественнымъ, физическимъ, нумизматическимъ, анатомическимъ, препаратами въ натурѣ и изящныхъ рисункахъ, дѣланныхъ въ Парижѣ.

Въ праздничные дни, по окончаніи Божественной литургіи открывались для любопытства публики кабинеты: естественный и физическій. Въ послѣднемъ иногда производились опыты въ присутствіи постороннихъ зрителей. Въ естественномъ кабинетѣ были чучела разныхъ птицъ, въ банкахъ сохранялись разные пресмыкающіяся и уродливыя произведенія природы. Но особенное любопытство возбуждали: прекрасно сохранившаяся татуированная голова какого-то индѣйскаго вождя и костюмы разныхъ дикихъ народовъ. Все это вывезъ съ собой профессоръ Симоновъ изъ кругосвѣтнаго путешествія и принесть въ даръ университету.

Студенты входили въ университетъ черезъ парадное крыльцо (вхожу въ эти мелочныя подробности потому, что въ настоящее время устроенъ другой ходъ) и стѣнами, по лѣстницѣ направо, подымались во второй этажъ, проходили залъ, гдѣ нынѣ помѣщается минцъ-кабинетъ, и черезъ дежурную комнату субинспектора вступали въ довольно темный коридоръ, изъ котораго двери направо и налѣво вели въ аудиторіи.

Въ аудиторіяхъ, посреди продольной стѣны помѣщалась каеэдра, сдѣланная изъ цѣльнаго краснаго дерева и состоящая изъ нижней возвышенной отъ пола площадки, на которую входили по приставленной ступенькѣ, и стѣнокъ: задней, къ которой ставился стулъ для преподавателя, и передней, выгнутой наружу, надъ которой устроена полка, для помѣщенія на нихъ книгъ или тетрадей. На этой-то передней, выпуклой къ зрителю стѣнкѣ каеэдры было написано славянскими буквами изреченіе: «Въ злохудожну душу не внидетъ премудрость, ниже обитаетъ въ телѣси, повинномъ грѣху». Буквы были позолочены и написаны съ чернымъ оттѣнкомъ, отъ чего издали казались какъ бы выпуклыми. Буквы эти, которыя я постоянно имѣлъ передъ глазами, въ теченіе трехъ лѣтъ, какъ огненные буквы Бальтазара, такъ врѣзались въ мою память, что и черезъ 40 лѣтъ я вижу ихъ, какъ бы передъ собой.

Противъ каеэдры, на незначительномъ отъ нея разстояніи по-

мѣщались амфитеатромъ, вплоть до задней стѣны лавки, между которыми посрединѣ и по краямъ оставлены были проходы. Къ лавкамъ были твердо придѣланы столы, или тѣ же лавки, но только выше, имѣли верхнюю доску, нѣсколько наклонную къ сидящему и приспособленную для письма. Все это было выкрашено краской, выпадающей въ черный цвѣтъ. Подъ крышкой стола была устроена полка, куда мы клали наши книги и тетрадки.

Лекціи продолжались одинъ часъ, окончаніе каждой возвѣщалось звономъ колокольчика. Обязанность эта лежала на служителѣ изъ татаръ, Валидѣ Назировѣ, котораго мы обыкновенно называли Валидка-Сатурнъ, намекая тѣмъ на его специальность — означать время занятій. Валидка честно и добросовѣстно исполнялъ свою обязанность.

Несмотря ни на горячія наши мольбы, ни на подкупы, онъ никогда не соглашался «дать звонокъ» ранѣе указаннаго времени; а ему это легко было сдѣлать, потому что никто изъ начальства не слѣдилъ за этимъ. Такъ онъ усердно радѣлъ о нашемъ образованіи и не желалъ, чтобы мы и минуту потеряли на исчерпаніе премудрости...

Лекціи происходили по утрамъ, начинаясь въ 8 часовъ и оканчиваясь во 2-мъ часу. Послѣ обѣда, и то только въ 1-мъ отдѣленіи, происходила лекція церковно-библейской исторіи, что, кажется, устроено было болѣе для удобства преподавателя, — да занимались обученіемъ искусствамъ: живописи, музыкѣ, танцамъ, церковному пѣнію. Обученіе искусствамъ не было обязательно для всѣхъ студентовъ, а только для желающихъ.

Въ нѣкоторые дни недѣли лекціи занимали всѣ пять утреннихъ часовъ, въ другіе — четыре и три часа, никогда менѣе.

Очень не многіе профессора преподавали по печатнымъ руководствамъ; болѣе — или давали записки своихъ лекцій, которыя мы и списывали, возвращая оригиналы; или же просто «говори́ли». Въ послѣднемъ случаѣ мы записывали со словъ, потомъ — каждый изъ насъ, по заведенной очереди, отбиралъ отъ другихъ записанные такимъ образомъ лекціи, изъ всего составлялъ одну общую и носилъ профессору для просмотра. Въ то время еще не было извѣстно искусство стенографіи, и мы, торопясь записывать лекціи со словъ профессора, тѣмъ очень много портили нашъ почеркъ. По полученіи отъ профессора составленной нами лекціи въ исправленномъ видѣ мы списывали ее въ тетрадки и ими уже руководствовались. Изъ этого можно понять, какъ мы были обременены перепиской! Студенты, имѣвшіе достатокъ, нанимали кантонистовъ для переписки лекцій.

Курсъ ученія начинался съ половины августа, и лекціи продолжались до конца мая. Конецъ мая и первая половина іюня заняты были экзаменами, потомъ наступали каникулы, до половины

августа. Кромѣ того, было еще зимнее вакатное время съ 21-го декабря по 9-е января.

Профессора «спрашивали» насъ, какъ это заведено и теперь только въ гимназіяхъ. Обыкновенно, профессоръ, прочитавъ 5—6 лекцій, уходя изъ аудиторіи, говорилъ стереотипную фразу: «Господа! въ слѣдующій разъ мы займемся повтореніемъ пройденнаго». Это означало, что на слѣдующей первой лекціи насъ будутъ «спрашивать», и мы готовились къ отвѣтамъ. Спасибо и за то, что предупреждали... Отмѣтка, или балъ, какъ въ успѣхахъ въ наукахъ, такъ и въ поведеніи былъ слѣдующій: 1 означала—дурно, 2—посредственно, 3—хорошо, 4—очень хорошо, 4+—отлично.

Студентовъ переводили изъ одного отдѣленія въ другое не иначе, какъ по экзамену, который хотя и назывался «публичнымъ»; но во все время моего пребыванія въ университетѣ я ни разу не видѣлъ, чтобы его посѣщали постороннія лица; только на экзаменѣ изъ церковно-библейской исторіи и богословія присутствовалъ мѣстный архіерей да ради его нѣсколько духовныхъ лицъ. Обыкновенно же экзамены производились какъ бы келейно. Было то же «спрашиваніе», что и на лекціяхъ, только при другой обстановкѣ, а именно: въ актовомъ залѣ, въ присутствіи попечителя и профессоровъ. Попечитель вызывалъ студентовъ по списку, предлагалъ имъ вопросы, по заранѣе составленному конспекту, выслушивалъ отвѣты и ставилъ имъ балы.

На публичныхъ актахъ произносились рѣчи, читался отчетъ о состояніи университета за истекшій академическій годъ; провозглашались фамиліи студентовъ, окончившихъ курсъ, съ поименованіемъ, какой ученой степени они удостоены, и студентовъ, переводимыхъ изъ одного отдѣленія въ другое; въ заключеніе вызывали при трубныхъ звукахъ отличившихся въ успѣхахъ и поведеніи и награждаемыхъ медалями. Эти акты происходили въ первыхъ числахъ іюля мѣсяца, послѣ чего распускали насъ на каникулы. Обрядность университета носила на себѣ еще отпечатокъ постановленій и порядка, введенныхъ бывшимъ попечителемъ, «знаменитымъ» Михаиломъ Леонтьевичемъ Магницкимъ. Многие послѣ него измѣнились, но многое и сохранилось.

Болѣе обращали вниманія на нравственность студентовъ, чѣмъ на ихъ успѣхи въ наукахъ, такъ что хорошимъ поведеніемъ выкупалась посредственность.

Воспитаніе въ духѣ вѣры и благочестія отражалось на всемъ, что входило въ частную жизнь студентовъ, помимо ихъ образованія. Студенты обязаны были непремѣнно посѣщать университетскую церковь во время богослуженій: вечернихъ и утреннихъ. Горѣ тѣмъ, которые не могли представить уважительныхъ причинъ своего отсутствія! Не быть у всенощной, наканунѣ праздника, или у обѣдни, не говорю уже о ежегодномъ говѣннѣ, исповѣди и св.

причащеніи,—почиталось чуть не криминальнымъ преступленіемъ. Субинспекторы зорко слѣдили за посѣщеніемъ студентами церкви, и отсутствующіе тотчасъ были замѣчаемы и заносились въ списки неблагонадежныхъ. Опаздывавшіе къ службѣ каждый разъ подвергались замѣчаніямъ и выговорамъ. Если опаздываніе часто повторялось, то виновные несли отвѣтственность наравнѣ съ отсутствующими. Передъ началомъ каждой обѣдни всѣ студенты обязаны были собираться въ аудиторію, гдѣ одинъ изъ среды ихъ читалъ апостола и евангеліе того дня, а священникъ объяснялъ ихъ смыслъ и значеніе. Потомъ шли въ церковь. Хоръ пѣвчихъ состоялъ изъ студентовъ-любителей. Двое обыкновенно прислуживали въ алтарѣ, подавали священнику кадило, теплоту и т. п., выходили съ большими свѣчами, при чтеніи дьякономъ евангелія и выносѣ св. даровъ.

Даже въ устройствѣ карцера, или, какъ его называли, «комнаты уединенія», проявлялась мистическая идея Божественнаго Промысла. Въ немъ помѣщалась огромная картина, изображавшая «Страшный судъ». Грѣшники въ страшныхъ кѣркахъ жарились на медленномъ огнѣ, подвѣшенные крючьями, и все въ родѣ этого, при надлежащемъ числѣ чертей. Тайнственный смыслъ картины заключался, видите, въ томъ, чтобы провинившійся, имѣя ее передъ глазами, страшился наказанія другого, не временнаго только, но вѣчнаго, и, казнясь за учиненный проступокъ, зналъ бы, что ожидаетъ его въ будущей жизни, если онъ не исправится здѣсь!!!!. Такимъ эффектно-театральнымъ зрѣлищемъ рассчитывали вліять на молодое, пылкое воображеніе!!!!.

X.

Наблюденіе со стороны инспекціи за нравственностью студентовъ.—Помощникъ инспектора Протопоповъ.—Студентъ Матвѣевъ и его дальнѣйшая судьба.—Общій характеръ университетскаго преподаванія того времени.—Науки, преподаваемыя на отдѣленіи эτικο-политическомъ.—Профессора: П. С. Сергѣевъ, Г. Л. Фогель, Г. А. Лукашевскій, протоіерей Ф. Т. Талантовъ и А. И. Нечаевъ; В. Я. Бажановъ, И. А. Верниковскій, В. Я. Булыгинъ, А. Ф. Хламовъ, К. К. Фойхтъ и др.—Анекдоты о проф. Г. А. Лукашевскомъ.—Студентъ Ибрагимовъ.—Университетскій дьяконъ.

Неумѣстная строгость начальства въ отношеніи нравственности студентовъ иногда подавала поводъ послѣднимъ къ школьнымъ выходкамъ противъ тѣхъ лицъ, коимъ былъ порученъ надзоръ. Неумѣстность эта, между прочимъ, проявлялась въ томъ, что помощники инспектора обязаны были посѣщать во всякій часъ дня и ночи студентовъ, живущихъ не только на квартирахъ, но и у своихъ родственниковъ, слѣдить за ихъ нравственностью, образомъ жизни, предметами ихъ занятій...

Расскажу нѣкоторыя выходки студентовъ. Въ 1830 г., во время польскаго возмущенія, студенты какъ-то узнали, что помощникамъ инспектора поручено было секретно вникать въ духъ и направленіе идей учащейся молодежи; узнавать, не образуются ли между ними какія либо сходки, съ политическими цѣлями. Словомъ, стараться проникнуть въ ихъ внутреннюю жизнь, помимо того внѣшняго надзора, которому, и безъ того, студенты постоянно были подвергнуты.

Студенты рѣшились въ шутку заявить свой протестъ противъ такой мѣры и уговорились выразить его оригинальнымъ, не бывавшимъ способомъ. Не знаю почему, — но цѣлью всѣхъ своихъ нападокъ студенты избирали всегда одного только И. И. Протопопова. Такъ и въ настоящемъ случаѣ онъ одинъ долженъ былъ поплатиться за прочихъ. И вотъ, по заранѣе обдуманному плану, начались его мученія. Во время промежуточныхъ часовъ, свободныхъ отъ лекцій, студенты обыкновенно собирались въ большомъ залѣ, о которомъ я упомянулъ выше, занятомъ нынѣ минцкабинетомъ. Каждый почти разъ, въ дежурство Протопопова, число студентовъ увеличивалось и тѣми, которые имѣли лекціи, но уходили съ нихъ, чтобы сообща разыграть заранѣе приготовленные роли. Начиналось тѣмъ, что какъ только соберутся студенты, тотчасъ же являлся къ нимъ и Протопоповъ. Появленіе его служило знакомъ къ началу комедіи. Кучка изъ 6—8 человекъ отдѣлялась въ уголъ залы и начинала шептаться. Протопоповъ, замѣтя такое уединеніе отъ прочихъ, кошачьею поступью подходилъ къ кучкѣ, стараясь вслушаться, о чемъ она шепчется; по мѣрѣ его приближенія, кучка немедленно расходилась, и въ то же время другая, подобная, собиралась въ другомъ, противоположномъ углу залы. Иванъ Ивановичъ и къ той старается подойти такимъ же образомъ, но и та кучка расходится, а новая уже образовалась въ какомъ нибудь концѣ залы. Маневръ этотъ повторялся неизмѣнно каждый разъ, какъ подходилъ и удалялся Протопоповъ. Старикъ нашъ, наконецъ, приходилъ въ изнеможеніе, переходя отъ одной кучки до другой, стараясь подслушать, о чемъ идетъ толкъ, и не кроется ли тутъ какой либо «контрабандной» цѣли—и все напрасно. При приближеніи его кучки таяли... По правдѣ сказать, нечего было и подслушивать. Часто случалось, что не зная, что и говорить, а только чтобы побѣсить субинспектора, студенты шевелили губами или жестикулировали руками, не произнося ни одного слова. Наконецъ, Протопоповъ, измученный своей неудавшейся ролью соглядаятая, отиралъ ноть, обильно струившійся по лицу, и шепелявя и заикаясь говорилъ:

— Што-што-што это вы, господа? О чемъ то-то-толкуете? О с-с-с-суэтѣ м-м-мірской! Он-н-н-непостоянствѣ бла-бла-благъ земныхъ!

Студенты смѣялись и тѣмъ оканчивали на этотъ разъ мученія

Протопопова, вполне довольные, что удалось им помучить старика. Подобныя сцены повторялись болѣе мѣсяца, почти на каждомъ дежурствѣ Протопопова, и всегда съ одинаковымъ результатомъ. Наконецъ намъ самимъ надоѣло повтореніе одного и того же, и мы оставили Ивана Ивановича въ покоѣ.

Лучше мы не сумѣли заявить протестъ противъ совершенно излишнихъ мѣръ, порожденныхъ страхомъ встревоженнаго польскими событіями начальства. Оно должно было знать, что либеральныя идеи приходятъ извнѣ, прививаются на почвѣ подготовленной, а въ средѣ, окружающей насъ, и при томъ направленіи образованія, которое давали намъ, никакія возвышенныя чувства челоѣческаго достоинства и стремленія не могли имѣть въ насъ мѣста. Напротивъ, рѣшивъ по своимъ дипломатическимъ соображеніямъ, что французы «поджигаютъ» поляковъ, мы, проникнутые духомъ патріотизма, дали другъ другу слово не употреблять въ разговорахъ французскаго языка, какъ языка народа коварнаго, безпокойнаго. Но тогдашнее начальство не замѣчало, или не хотѣло замѣчать такое патріотическое настроеніе умовъ, а продолжало упорствовать въ своемъ заблужденіи.

Но не всегда Протопоповъ отдѣлывался такъ дешево за свои подслушиваніе и подсматриваніе. Разъ онъ поплатился тѣмъ, что получилъ горячую пощечину, — тѣмъ болѣе чувствительную, что виновный былъ на лицо, а взыскать — невозможно. Дѣло было такъ. Протопоповъ, когда дежурство его приходилось въ праздничные или воскресные дни, имѣлъ обыкновение поздно ночью обхотить студентовъ, возвратившихся изъ дневныхъ отлучекъ, и, находя ихъ спящими, нюхать, не пахнетъ ли отъ нихъ виномъ. Одинъ изъ казеннокоштныхъ студентовъ, Скворцовъ, мужчина лѣтъ 22-хъ, высокій ростомъ и сильный, вызвался отучить Ивана Ивановича отъ этой привычки, но только просилъ, что бы ни случилось, его не выдавать. Студенты съ радостью согласились и дали слово молчать. Къ этому ихъ побудили многія причины: первая и самая главная — укоренившееся между нами понятіе о святости товарищества; желаніе, такъ присущее всей молодежи, — «насолить» чѣмъ нибудь начальству, занимательность предстоящаго небывалаго еще случая: дать урокъ субинспектору; наконецъ, желаніе — пополнить свою слишкомъ однообразную жизнь новымъ развлеченіемъ. И вотъ насталъ роковой день для несчастнаго Протопопова. Въ воскресенье, на его дежурствѣ, Скворцовъ просить позволенія посѣтить своего товарища, о которомъ Иванъ Ивановичъ зналъ, что онъ одинъ живетъ на квартирѣ. Получивъ отпускъ, Скворцовъ съ умысломъ возвратился въ университетъ позднѣе назначеннаго времени и, по принятому порядку, объявился дежурному субинспектору, при чемъ всключилъ волосы, сдѣлалъ какіе-то странные глаза (что онъ изучалъ заранѣе передъ зерка-

ломъ) и говорилъ нетвердымъ языкомъ; словомъ, притворился какъ бы съ похмелья, послѣ товарищеской попойки. Иванъ Ивановичъ и самъ любилъ выпить, зналъ и послѣдствія излишнихъ возліяній Бахусу, а потому отъ зоркаго его глаза не скрылось такое знакомое ему состояніе Скворцова, но чтобы болѣе и вѣрнѣе убѣдиться въ своей догадкѣ, ночью, когда, по его предположенію, всѣ студенты погрузились въ молодой, крѣпкій сонъ, Протопоповъ отправился дозоромъ въ дортуаръ, гдѣ спалъ Скворцовъ. На первыхъ же порахъ ему измѣнила дверь, ведущая изъ дежурной комнаты въ спальню студентовъ. Студенты не спали, заранѣе приготовленные къ ожидавшему ихъ зрѣлищу, но не знавшіе, въ чемъ именно оно будетъ состоять. Скворцовъ хотѣлъ приготовить сюрпризъ и никому не открылъ своего плана. Услыша знакомый скрипъ отворившейся двери, всѣ, настороживъ вниманіе, притаились и въ полглаза слѣдили за происходящимъ. Иванъ Ивановичъ, въ халатѣ и туфляхъ, обычной своей кошачьей поступью по половику, разостланному по полу, медленно и осторожно двигался по направленію къ кровати, на которой спалъ Скворцовъ, и, нагнувшись къ нему, сталъ нюхать... Это-то мгновеніе и поджидалъ Скворцовъ. Лежа съ закрытыми глазами на одномъ боку, спиной къ подошедшему Протопопову, онъ, какъ бы разметавшись, свѣсилъ съ кровати руку. Почувствовавъ присутствіе несчастнаго Ивана Ивановича и размѣривъ мысленно разстояніе, отдѣляющее его отъ его жертвы, Скворцовъ, какъ бы въ просонкахъ, перевертываясь на другой бокъ и описывая свѣсившейся рукой дугу, что было силы, ударилъ его прямо въ щеку, при чемъ даже крикнулъ. Иванъ Ивановичъ пошатнулся и, зажавъ одной рукою щеку, а другой подобравъ полы халата, быстро зашагалъ въ свою комнату.

На другой день, когда я пришелъ въ университетъ, мнѣ рассказали это событіе во всей подробности, сознаваясь, что при видѣ удалявшагося Ивана Ивановича съ зажатой щекой студенты едва-едва могли удержаться отъ смѣха: тогда они выдали бы Скворцова! Ударъ, по ихъ словамъ, долженъ быть очень силенъ, судя по звуку и той гримасѣ, которую сдѣлалъ Протопоповъ. Выходка эта не имѣла никакихъ послѣдствій для Скворцова. На самомъ дѣлѣ, развѣ можно было взыскивать за движенія спящаго? А, можетъ быть, Протопоповъ думалъ, что какъ Скворцовъ, такъ и прочіе студенты дѣйствительно спали, и никто не видалъ, а слѣдовательно и не знаетъ о полученной имъ пощечинѣ. Какъ бы то ни было, но въ этомъ случаѣ онъ послѣдовалъ правилу іезуитовъ, хотя въ превратномъ смыслѣ: «что получено втайнѣ, за то не слѣдуетъ платить вѣявѣ». Долго послѣ этого урока Протопоповъ воздерживался отъ ночной визитаціи спящихъ студентовъ, но въ концѣ концовъ было то же, что и прежде. Такова сила привычки.

Да, надо отдать справедливость: товарищество сильно было развито въ то время между нами. Товарищество наше было какъ бы молчаливый протестъ, демонстрація противъ заѣдавшей насъ среды, въ которую мы были поставлены, съ одной стороны, ребяческимъ способомъ преподаванія, о чемъ сказано будетъ въ слѣдующей главѣ, съ другой—надзоромъ тайнымъ и явнымъ, насъ преслѣдовавшимъ на каждомъ шагу. Только разъ нарушена была святость товарищества, насъ соединявшая,—и то при обстоятельствахъ исключительныхъ, и поводомъ къ этому послужила не вражда или несогласіе, а зависть, жертвой которой былъ я. То было важное по своимъ послѣдствіямъ событіе, описанію котораго я посвящу отдѣльную главу, а здѣсь приведу еще случаи, гдѣ товарищество выказалось во всемъ своемъ блескѣ.

Казеннокоштный студентъ словеснаго факультета, Матвѣевъ, въ маѣ мѣсяцѣ 1831 года, въ одно изъ воскресеній, ради скуки, какъ онъ сознавался намъ, выжегъ зажигательнымъ стекломъ на церковныхъ дверяхъ фразу: «Ура! Свобода! Германія!» Фраза, сама по себѣ, довольно бессмысленна, и, поистинѣ, должно удивляться настойчивости и терпѣнію, съ какими онъ воспроизводилъ ее.

Двери церковныя были сдѣланы изъ дуба, то-есть дерева твердаго, не легко поддающагося и рѣзцу,—выходили въ коридоръ; прямо противъ нихъ приходилось окно на полуденную сторону. Выбравъ ясный, жаркій день, Матвѣевъ, чтобы для своей операции воспользоваться лучами солнца, отворилъ окно и зажигательнымъ стекломъ медленно, съ изумительнымъ терпѣніемъ, превосходящимъ верблюжье, выжигалъ букву за буквой, не забывая и знаковъ восклицанія, которыхъ щедро разставилъ цѣлыхъ три. Наконецъ надпись подъ рукой новаго, небывалаго скульптора появилась на дверяхъ и довольно отчетливо. Рвзумѣется, она не могла укрыться отъ глазъ, на этотъ разъ какъ-то вздремнувшего, университетскаго начальства. Надпись эта, какъ и знаменитые: «мани, текель, фаресъ», явившаяся такъ внезапно, только не въ огненныхъ буквахъ, а какихъ-то углеподобныхъ, какъ бы указывала на сочувствіе польской революціи, бывшей въ то время въ полномъ разгарѣ. Легко себѣ представить общій переполохъ и тревогу! Начались розыски, пущены были въ ходъ всѣ позволительныя и непозволительныя средства, чтобы открыть виновнаго,—все напрасно! Виновникъ ускользалъ, какъ дымъ!.. Тогда за розыски принялся самъ попечитель. Всѣхъ студентовъ, живущихъ у своихъ родителей, въ томъ числѣ и меня, онъ поочереди призывалъ къ себѣ и, прибѣгая попеременно то къ ласкѣ, то къ угрозамъ, вымучивалъ изъ насъ имя виновнаго. Но всѣ мы, прикрывшись обычнымъ: «знать не знаемъ и вѣдать не вѣдаемъ», стойко выдержали испытаніе и не выдали товарища, хотя всѣ очень хорошо знали, кто былъ «скульпторъ». Черта такого согласнаго товарищества

была еще тѣмъ замѣчательнѣе, что между студентами, знавшими виновника происшествія, были племянники попечителя: К. М. Баратаевъ, В. Колбецкій, М. Ростовскій, И. Осокинъ. Казалось бы, какъ по родству не подслужиться, однако не нашлось ни одного предателя. Честь имъ и слава! Не менѣе чести и другимъ, устоявшимъ противъ просьбъ и угрозъ отцовъ, желавшихъ, чтобы назвали виновнаго. Матвѣевъ преблагополучно кончилъ курсъ, кажется, даже со степенью кандидата. Въ 1845 году мы свидѣлись въ Казани, куда Матвѣевъ прїѣзжалъ съ ханомъ Киргизской орды, Джангиръ-ханомъ, при которомъ онъ состоялъ правителемъ канцеляріи, или чиновникомъ отъ правительства, чѣмъ-то въ родѣ этого, не могу припомнить хорошенько. Вспоминая наше общее прошлое, мы, разумѣется, не забыли рассказанной мной его выходки. Матвѣевъ со слезами на глазахъ говорилъ мнѣ, что никогда не забудетъ, чѣмъ онъ обязанъ товарищамъ; безъ ихъ поддержки онъ, можетъ быть, давно бы сгнилъ солдатомъ гдѣ нибудь въ ущельяхъ Кавказа. Въ искренности его словъ и признательности нельзя было сомнѣваться...

Учебная часть тогда сильно хромала, какъ отъ давленія «свыше», такъ и по недостатку даровитыхъ преподавателей.

Правительство, напуганное исторіей 14-го декабря 1825 года, въ каждомъ «кустѣ» (пародируя извѣстную пословицу: «пуганая ворона и куста боится») видѣло тайныя общества и заговоры, имѣвшіе цѣлю если не совершенное посягательство на верховную власть, то, по крайней мѣрѣ, на значительное ея ослабленіе. Оно очень хорошо понимало, что проводниками такихъ домогательствъ служатъ идеи, развитіемъ своимъ обязанныя пониманію человѣческихъ правъ, чувствамъ народности и свободы; что все это можетъ дать образованіе, и при томъ образованіе не фиктивное, но истинное, свободное отъ всякихъ уставовъ и карательныхъ мѣръ; что только получившій такое образованіе могъ дорожить достоинствомъ чело-вѣка. Оно желало видѣть людей, рабски послушныхъ волѣ, поставленной надъ ними, и потому вся цѣль, все стремленіе его были направлены, чтобы какъ можно болѣе стѣснить образованіе.

Чтобы остановить естественный ростъ развитія понятій учащейся молодежи, министерство составило конспектъ или программы преподаванія наукъ, указало черту, далѣе которой не должно было итти изученіе предмета. Строго предписано было въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ какъ можно легче касаться наукъ умозрительныхъ; и потому программы всѣхъ знаній, тѣмъ болѣе философскихъ, были самыя сокращенныя, такъ что студенты въ шутку, но очень мѣтко говорили, что онѣ «короче воробьиного носа». И по этимъ урѣзаннымъ программамъ часто читались предметы въ искаженномъ видѣ, приноровленномъ къ заранѣе указанной цѣли ¹⁾.

¹⁾ См. далѣе въ описаніи преподаванія общей исторіи Бажановымъ.

Учили, напимѣрь, что свободы совѣсти не существуетъ: она вполнѣ замѣнена монархической властью, а есть только свобода физическаго движенія.

Извѣстно, до какихъ жалкихъ смѣшныхъ результатовъ, чуть не до идіотизма доводило исполненіе подобныхъ программъ и уставовъ. Такъ, профессоръ Казанскаго университета, Г. Никольскій, читая прикладную математику, выкладками чиселъ доказывалъ сущность Св. Троицы!.. Или щекотливость цензуры доходила до того, что запрещала употреблять въ печати выраженія: «Царская водка», «вольный духъ» (въ печи) и т. п., несмотря на то, что наука усвоила себѣ эти термины, и подобныя техническія выраженія получили, такъ сказать, право гражданства... Естественно, такой искусственный гнѣтъ, наложенный на умственное развитіе обучавшейся тогда молодежи, долженъ былъ повлечь за собой полный застой въ понятіяхъ и породить рабскую, безусловную покорность тѣмъ только идеямъ, какія правительство считало за нужное провести въ общество... За всѣмъ тѣмъ, нерѣдко случалось, что студенты, недовольные слишкомъ уже ребяческимъ изложеніемъ предмета, обращались къ профессору съ вопросами; но всякій разъ были останавливаемы строгимъ замѣчаніемъ—слушать внимательно, что преподаютъ, но самимъ не вдаваться въ разсужденія, какъ бы не понимая, что это-то вниманіе, которое онъ предлагалъ намъ, и указывало на пробѣлы, допускаемые имъ въ преподаваемомъ предметѣ, и подмѣчало умышленное стараніе, съ какимъ обходился онъ мѣста, выдающіяся изъ тѣсныхъ рамокъ программы... Но такое натянутое настроеніе въ дѣлѣ народнаго образованія, несмотря на всю бдительность правительства, не вездѣ достигало своей цѣли. Были отдѣльные случаи, гдѣ не помогали никакія перегородки на пути просвѣщенія, и умственное развитіе, съ трудомъ, окольными дорогами, прокладывавало себѣ путь «изъ мрака къ свѣту». Либеральныя понятія, не останавливаясь преслѣдованіемъ, проявлялись тамъ, гдѣ менѣе всего того ожидали... Умственное развитіе весьма вѣрно можно уподобить водѣ: чѣмъ сильнѣе ее давить, тѣмъ далѣе летятъ брызги...

Въ составъ нравственно-политическаго факультета входилъ почти весь словесный, за исключеніемъ языковъ: греческаго и восточныхъ, такъ что юристы изучали, собственно, предметы двухъ факультетовъ. Такимъ образомъ, въ нравственно-политическомъ факультетѣ преподавались науки: а) собственно юридическія: 1) политическая экономія, 2) дипломатика, 3) гражданское право, 4) гражданское судопроизводство, 5) общее государственное право, 6) камеральное право, 7) обзоръ правъ (энциклопедія), 8) дѣловодство, 9) государственное устройство, 10) римское право, 11) права присоединенныхъ къ Россіи провинцій (Остзейскія губерніи), 12) уголовное право; б) словеснаго факультета: 13) церковно-библей-

ская исторія, 14) богословіе, 15) всеобщая географія, 16) російская географія, 17) древняя географія, 18) всеобщая исторія, 19) російская исторія, 20) всеобщая статистика, 21) російская статистика, 22) логика, 23) психологія, 24) метафизика, 25) нравственная философія, 26) исторія философскихъ системъ, 27) російская словесность, 28) исторія російской словесности; языки: 29) славянскій, 30) латинскій, 31) французскій, 32) нѣмецкій. (Уфъ! позвольте перевести духъ). Названіе предметовъ, мной изученныхъ, списываю съ аттестата или свидѣтельства, выданнаго мнѣ правленіемъ университета, 4-го октября 1833 г., за № 3697. Безъ помощи аттестата, я бы не сумѣлъ перечислить всѣхъ предметовъ: нѣкоторые совершенно вышли у меня изъ памяти, даже—до своего названія. Изъ этого перечня предметовъ видно, что въ мое время въ университетское образованіе входило много наукъ, которыя нынѣ изучаются въ гимназіяхъ. Но тогда таково было понятіе о высшемъ образованіи... А между тѣмъ изъ этого подавляющаго собой числа предметовъ ни одинъ не былъ примѣнимъ въ томъ видѣ, какъ преподавался, въ практической жизни. При первомъ столкновеніи съ дѣйствительностью всѣ они оказались неудовлетворительными и, стало быть, служили только для обремененія нашей памяти.

Выше я сказалъ, что они «не примѣнимы», потому что намъ преподавали только одну теорію законовѣдѣнія и судопроизводства, но не дѣлали практическихъ примѣненій. Хотя въ перечнѣ предметовъ и показано «дѣловодство», но мы изучали его только съ теоретической стороны. Я знаю много воспитанниковъ Казанскаго университета того времени, блестяще кончившихъ курсъ наукъ по юридическому факультету (нравственно-политическому), которые, при поступленіи на службу въ присутственныя мѣста, долго не умѣли написать простой, несложной бумаги и за помощью и совѣтами обращались къ людямъ совершенно необразованнымъ, но практически пріобрѣвшимъ опытность и навыкъ въ судопроизводствѣ.

Конечно, вся эта масса предметовъ преподавалась не вся вдругъ, а распредѣлялась по курсамъ; но память отказывается мнѣ служить при опредѣленіи, въ которомъ именно изъ курсовъ какой читался предметъ. Впрочемъ, въ этомъ не представляется никакой надобности, довольно и того, что я перечислилъ ихъ.

Итакъ, положя руку на сердце, каюсь, что, кончивъ курсъ наукъ и съ успѣхомъ, за что награжденъ серебряной медалью, я не вынесъ изъ стѣнъ университета никакихъ знаній и обязанъ ему только за тѣ права, которыя онъ предоставилъ мнѣ. Если я теперь что нибудь и знаю, то знаніе это пріобрѣлъ впослѣдствіи самъ собой, вполне сознавая всю свою недалекость въ наукахъ. Въ защиту университета можно было бы сказать, что это-то пониманіе своей отсталости и желаніе пополнить оную развито университетскимъ

образованіемъ; но, зная способъ преподаванія и бездарность нѣкоторыхъ тогдашнихъ профессоровъ, приходишь къ тому заключенію, что они скорѣе способны были убить въ зародышѣ всякую любознательность, чѣмъ развить ее!

Приступая къ описанію существенной части университета: преподаванія наукъ и степени познаній самихъ профессоровъ, боюсь, что меня заподозрятъ въ умышленномъ искаженіи фактовъ: такъ они мало правдоподобны. Напрягаю свою память, чтобы каждому воздать должное и съ благодарностью назвать тѣ немногія свѣтлыя личности, которыя истинно служили дѣлу науки, а не смотрѣли на свои кѣседры, какъ на выгодныя оброчныя статьи.

Еrgo—начинаю.

а) Собственно-юридическія науки.

1) Гражданское право, общее государственное право, камеральное право и государственное устройство—все эти предметы преподавалъ орд. проф. Петръ Сергѣевичъ Сергѣевъ. Человѣкъ большой начитанности и многостороннихъ научныхъ свѣдѣній, но вся его эрудиція была подавлена страшной лѣнью. Онъ никогда не готовился къ чтенію лекцій, а, придя въ аудиторію, и то за полчаса до звонка, минутъ 10 ходилъ взадъ и впередъ, молча, соображая, что ему говорить,—и только лишь всходилъ на кѣседу и начиналъ «входить» въ свой предметъ, какъ колокольчикъ Валидки-Сатурна останавливалъ потокъ его краснорѣчія. Такъ постоянно продолжалось въ теченіе всего курса. Многому ли мы могли научиться? Образчикъ его преподаванія приведенъ мной ниже, при изложеніи метафизики, а теперь скажу нѣсколько словъ о его личности. Сергѣевъ произвелъ страшную бурю между ученымъ сословіемъ университета тѣмъ, что назначенъ былъ попечителемъ Магницкимъ, въ 1824 году, прямо ординарнымъ профессоромъ, не имѣя никакой ученой степени, что, какъ извѣстно, совершенно противорѣчило университетскому уставу. Но протесты остались «гласомъ вопіющаго въ пустынѣ». Онъ тоже былъ памятенъ своимъ безпощаднымъ преслѣдованіемъ проф. Жобара, несмотря на то, что послѣдній состоялъ подъ особымъ покровительствомъ вдовствующей императрицы Маріи Ѳеодоровны и велъ съ ней постоянную переписку.

2) Гражданское судопроизводство и дѣловодство преподавалъ проф. Протасовъ, если не ошибаюсь, закончившій свое образованіе за границей. Протасовъ не имѣлъ времени высказаться намъ вполнѣ. Вскорѣ по поступленіи моемъ въ университетъ его похитила холера; но по началу его лекцій мы видѣли, что въ профессорѣ имѣли истиннаго ученаго, человѣка дѣла. Протасовъ тоже памятенъ въ университетской хроникѣ своимъ добросовѣстнымъ представленіемъ Магницкому и оригинальнымъ рѣшеніемъ послѣдняго.

Магницкій, отмѣнивъ римское право, измыслилъ вмѣсто него какое-то «византійское право» и поручилъ преподаваніе его Протасову. Протасовъ, серіозно смотрѣвшій на преподаваніе наукъ вообще, и потому сознавая себя неподготовленнымъ и не имѣя подъ руками никакихъ пособій, спросилъ Магницкаго, чѣмъ ему руководствоваться.

— Кормчей книгой,—былъ отвѣтъ.

За смертію Протасова, кафедра его перешла къ Александру Ивановичу Савельеву, за 2 года передъ тѣмъ кончившему курсъ въ томъ же университетѣ. Бездарность его оказалась тотчасъ же. Не изучивъ достаточно своего предмета, Савельевъ былъ замѣчательнень полнымъ отсутствіемъ знаній. Чаше всего являлся на лекцію послѣ сытной закуски, достаточно полнотой виномъ, и съ осовѣлыми глазами просто «читалъ» по книгѣ, какъ сдѣлаетъ всякій, умѣющій читать.

3) Политическую экономію и дипломатику преподавалъ Яковъ Минеичъ Караблиновъ. Человѣкъ съ хорошимъ образованіемъ и научными свѣдѣніями, но стѣсненный программой, онъ преподавалъ предметы весьма кратко, а потому и неудовлетворительно.

4) Обзорѣніе правъ, права присоединенныхъ къ Россіи провинцій и уголовное право читалъ Густавъ Львовичъ Фогель. Программа этихъ предметовъ была ограничена до смѣшного. Все обзорѣніе правъ уписывалось, напримѣръ, на нѣсколькихъ страницахъ тетрадки и изложено въ формѣ катихизиса, въ вопросахъ и отвѣтахъ.

Возьму нѣсколько на выдержку.

В. Какое правленіе въ Америкѣ?

О. Конституціонное.

В. А въ Швейцаріи?

О. Республиканское.

В. Какъ управляется Англія?

О. Королевскою властью, съ помощью парламента (sic).

И т. д., все въ этомъ родѣ. Но что такое означаютъ конституція, республика, парламентъ, — профессоръ обходилъ объясненіями и на вопросы студентовъ отвѣчалъ, что ихъ о томъ на экзаменахъ спрашивать не будутъ, а чего не будутъ спрашивать, того они могутъ и не знать. Такіе уклончивые отвѣты мы часто получали на наши пытливые желанія изучать науки. Энциклопедію правъ Фогель преподавалъ на французскомъ языкѣ, тогда какъ уголовное право онъ же читалъ на русскомъ. Такое распредѣленіе языковъ по предметамъ было допущено не безъ задней мысли, чтобы и безъ того ребяческое преподаваніе энциклопедіи сдѣлать менѣе доступнымъ для тѣхъ изъ насъ, которые не обладали твердымъ знаніемъ французскаго языка. Умыселъ—достойный іезуитовъ!

5) Римское право читалъ Гилярій Антоновичъ Лукашев-

скій, выдающійся изъ среды прочихъ преподавателей своимъ глубокимъ изученіемъ древнихъ языковъ, своей эрудиціей. Римское право, бывшее въ изгнаніи при Магницкомъ, только что вступило въ свое мѣсто, въ ряду юридическихъ наукъ. Въ узкой сферѣ тогдашней программы преподаванія всѣхъ наукъ Лукашевскій не могъ вполне выказать всѣхъ своихъ блестящихъ способностей, всей разносторонности своихъ знаній. Замѣчательна судьба этого человѣка! Родомъ—полякъ, Лукашевскій первоначальное образованіе свое получилъ въ знаменитомъ, въ свое время, Кременецкомъ лицѣ, учрежденномъ меценатомъ просвѣщенія, Чацкимъ, а оканчивалъ курсъ наукъ, въ двадцатыхъ годахъ текущаго столѣтія, тоже въ не менѣе знаменитомъ Виленскомъ университетѣ, стоявшемъ тогда на высокой степени совершенства, какъ разсадникъ наукъ, члены котораго ничѣмъ не уступали подобнымъ же учрежденіямъ въ Европѣ. Въ университетѣ затѣялось политическое общество. Кружокъ молодыхъ даровитыхъ людей возмечталъ возстановить польскую національность и высвободить ее изъ-подъ власти Россіи. Начали тѣмъ, что сплотились въ дружную рать пионеровъ свободы, чтобы подкапываться подъ устарѣлыя, отжившія понятія и проводить новое ученіе о естественныхъ правахъ человѣка, чувствѣ народности и независимости, и т. д. Общество это избрало своимъ директоромъ Лукашевскаго, какъ человѣка дѣла и энергичнаго. Манифестація ихъ противъ существовавшаго порядка выразилась тѣмъ, что 3 мая 1823 года, въ день годовщины польской конституціи, утратившей тогда свое значеніе, на фасадѣ Доминиканскаго монастыря (въ Вильнѣ) были прибиты «тайныя и непозволительныя писанія», какъ выразился великій князь Константинъ Павловичъ въ письмѣ своемъ князю Адаму Чарторижскому, отъ 19-го мая 1823 года¹⁾.

Разумѣется, общество это кончилось тѣмъ же, чѣмъ кончаются у насъ всѣ попытки подобнаго рода.

Нѣкоторые изъ молодыхъ людей за свои убѣжденія заплатили ссылкой, другіе, болѣе счастливые, разосланы были по другимъ университетамъ. Къ категоріи послѣднихъ принадлежалъ Лукашевскій и вмѣстѣ съ своими товарищами по мысли и воспитанію: Верниковскимъ и Ковалевскимъ, отправленъ былъ въ Казанскій университетъ, въ которомъ и кончилъ курсъ, съ обязательствомъ занять каеодру. Вотъ какому обстоятельству Казанскій университетъ обязанъ, что при жалкомъ составѣ тогдашнихъ профессоровъ имѣлъ въ средѣ своей личность дѣйствительно ученую съ передовыми понятіями и глубокими научными свѣдѣніями. Но и въ изгнаніи своемъ, въ Казани, Лукашевскій, какъ и всѣ люди, твердые въ своихъ убѣжденіяхъ, оставался неизмѣнно-вѣренъ сво-

¹⁾ См. «Русскій Архивъ», 1871 года, №№ 4 и 5.

имъ идеямъ и своему культу... Такъ, въ 1830-мъ году, во время польскаго возстанія, онъ намъ, студентамъ, служилъ живой, ходячей газетою о совершающихся военныхъ событіяхъ. Если Лукашевскій, посѣщавшій аккуратно лекціи, не являлся,—мы говорили: навѣрно русскіе потѣснили поляковъ; если же онъ приходилъ въ аудиторію, радостный, веселый,—вѣрный признакъ, что поляки поколотили русскихъ,—и ни разу не ошибались въ своихъ догадкахъ. Впрочемъ, кромѣ этого пассивнаго проявленія патріотическаго чувства, Лукашевскій никогда ни словомъ, ни намекомъ не высказывалъ намъ своихъ политическихъ вѣрованій.

б) Словесныя науки.

1) Церковно-библейскую исторію читалъ ключарь кафедральнаго собора, протоіерей Флегонтъ Тихоновичъ Талантовъ, по книгѣ архимандрита Филарета, впослѣдствіи извѣстнаго московскаго митрополита. Талантовъ былъ очень почтенный, совершенно лысый старикъ. Студенты никогда не занимались его предметомъ, хотя аккуратно посѣщали его лекціи; противное повлекло бы за собой дурную отмѣтку въ поведеніи. Онъ имѣлъ обыкновеніе «спрашивать» студентовъ въ томъ порядкѣ, какъ они значились по списку. Каждый изъ насъ, зная свою очередь, обыкновенно, въ случаѣ повторенія пройденнаго, отправлялся на самую заднюю лавку и тамъ отвѣчалъ, преспокойно читая по книгѣ Филарета, только стараясь переставлять слова или переиначивать цѣлую фразу, что тѣмъ легче было дѣлать, что мы отвѣчали профессорамъ сидя. Не знаю, отецъ Флегонтъ наивно ли вѣрилъ нашимъ безукоризненнымъ отвѣтамъ, или замѣчалъ наши продѣлки, но молчалъ ради пастырскаго своего смиренія и кротости; какъ бы то ни было, но такая «легкость» въ отвѣтахъ дѣлала насъ лѣнливыми къ изученію церковно-библейской исторіи.

2) Богословіе преподавалъ священникъ университетской церкви и нашъ духовникъ, протоіерей Александръ Ивановичъ Нечаевъ. Читалъ онъ по своимъ запискамъ, испещреннымъ текстами св. писанія. Студенты, кромѣ «изъ семинаристовъ», тоже занимались довольно лѣнливо, тѣмъ болѣе, что на публичный экзаменъ изъ богословія являлись только желающіе. Нечаева студенты звали «Бахарь», потому что, передавая свой предметъ, онъ весьма часто съ легкимъ, особенно ему свойственнымъ смѣхомъ говорилъ: «Кхэ! кхэ! Сударики мои! Тово-вонъ-да-какъ-оно; такъ великій Бахарь поучаетъ». Прозваніе это переходило отъ поколѣнія къ поколѣнію; но отца Александра любили и уважали за его истинно христіанскія достоинства. Въ обращеніи со студентами онъ былъ простъ и ласковъ, защищалъ ихъ отъ разныхъ невзгодъ; не одинъ провинившійся обязанъ ему былъ своимъ избавленіемъ отъ наказанія. Кромѣ того, всѣмъ было извѣстно, что въ 1815 году, во время пожара, отъ котораго погибла почти вся Казань, отецъ Александръ, состоя

тогда приходскимъ священникомъ при церкви св. великомученицы Варвары, пріютилъ въ своемъ уцѣлѣвшемъ домѣ многихъ погорѣльцевъ и содержалъ ихъ, несмотря на свои скудные средства. Черта—достойная истиннаго пастыря. Его давно уже нѣтъ въ живыхъ, и я почитаю себя счастливымъ, что могу воздать памяти его должное.

3) Всеобщую исторію и географію: древнюю, общую и російскую, преподавалъ до закрытія университета по случаю холеры Василій Яковлевичъ Бажановъ и, прочтя нѣсколько лекцій, навсегда сошелъ со сцены, подобно Протасову. Выше я сказалъ, что «искажали науки», чтобы втиснуть ихъ въ рамку программы, установленной правительствомъ. Бажановъ своимъ преподаваніемъ исторіи вполне подтверждаетъ тѣ мои слова, повидимому, столь неправдоподобныя. Онъ насиловалъ событія, стараясь доказать, что источники послѣднихъ скрываются въ преданіяхъ патріарховъ, даже апостоловъ.

Вслѣдствіе такой натяжки выходило, по его мнѣнію, что названіе буддійскаго Браммы есть искаженное имя Авраама, что жены Браммы назывались Сарра-Веда, т. е. Сара, и т. п. *No de mortuis aut bene, aut nihil*.

По смерти его, кафедра перешла въ достойныя руки, но тоже не надолго,—къ Верниковскому. Иванъ Антоновичъ Верниковскій, по своимъ обширнымъ свѣдѣніямъ, своей начитанности, главное по своимъ критическимъ взглядамъ на лѣтописи и другіе источники исторіи, читалъ ее превосходно. Онъ первый указалъ намъ живую связь науки съ общимъ развитіемъ жизни, общественной и политической; пріохотилъ всѣхъ насъ къ изученію исторіи; студенты дожидались лекцій его съ большимъ нетерпѣніемъ; шли на нихъ даже изъ другихъ факультетовъ, съ жадностью выслушивали новыя взгляды, новыя изслѣдованія предмета, который до Верниковскаго читался кратко, сбивчиво, безъ всякой критической оцѣнки, какъ простонародныя сказки. Верниковскій, какъ я сказалъ выше, принадлежалъ къ той же плеядѣ молодыхъ людей, какъ и Лукашевскій. Да, надо отдать справедливость, то были люди молодые, но мужи по зрѣлости и обдуманности своей цѣли, которой задались они. Всѣ они не съ легкомысліемъ, не съ увлеченіемъ молодости или ради новизны предались своему культу, но съ глубоко-обдуманнѣмъ и горячо прочувствованнымъ убѣжденіемъ въ правотѣ своего дѣла. Поэтому они такъ энергично и защищали его, не останавливаясь ни передъ какими препятствіями или угрозами, а смѣло и бодро шли своимъ путемъ, пока сила не сломила ихъ... Верниковскій былъ видный собой мужчина, носилъ золотыя очки, во время чтенія лекцій имѣлъ привычку отплеиваться то на ту, то на другую сторону. Ему менѣе посчастливилось въ жизни, чѣмъ Лукашевскому; по-

слѣдній какимъ-то чудомъ уцѣлѣлъ отъ погрома, воздвигнутаго въ 1830 году на поляковъ, но Верниковскій пострадалъ. Въ одно утро, въ часъ, назначенный для преподаванія исторіи, студенты собрались въ аудиторіи, въ ожиданіи своего любимаго профессора. Верниковскій, всегда аккуратно и своевременно посѣщавшій лекціи, не явился. Такой случай всѣхъ насъ всполошилъ, явились разныя догадки и предположенія о причинѣ его неприбытія; знали только навѣрное одно, что не болѣзнь задерживала его, иначе по принятому, въ подобныхъ случаяхъ, порядку, мы были бы предупреждены о томъ дежурнымъ субинспекторомъ. Какое-то темное, тяжелое предчувствіе сказало намъ, что съ Верниковскимъ случилось несчастье, и мы не ошиблись. Въ тотъ же день мы узнали, что ночью Верниковскій былъ схваченъ жандармами и куда-то отвезенъ; узнали также и причину его ареста. Вся криминальная вина его состояла въ томъ, что у какого-то поляка, его друга и товарища по Виленскому университету и, какъ можно было не безъ основанія догадываться, принимавшаго дѣятельное участіе въ польскомъ возстаніи 1830 года и схваченнаго русскимъ правительствомъ, — въ бумагахъ нашли стихи къ свободѣ, написанные Верниковскимъ, еще въ то время, юношей, въ бытность его студентомъ Виленскаго университета. Казалось бы, не слѣдовало взыскивать за грѣхи юности, тѣмъ болѣе, что Верниковскій разъ уже пострадалъ за нихъ; но на подобныя дѣла правительство того времени смотрѣло иными глазами: у него не «за семь бѣдъ», а за каждую «давай отвѣтъ». Верниковскій вновь заплатилъ свободой за свои лирическія произведенія двадцатыхъ годовъ... Впослѣдствіи ему какъ-то удалось выпутаться изъ бѣды, и онъ назначенъ былъ сперва въ должность учителя, а потомъ инспектора симбирской гимназіи. Университетъ лишился Верниковскаго навсегда, и всѣ блестящія его способности и обширныя познанія должны были заглухнуть бесплодно въ гимназіи тѣхъ временъ, когда гимназіи стояли немного выше уровня простыхъ народныхъ училищъ, и отличались отъ послѣднихъ развѣ только преподаваніемъ иностранныхъ языковъ. Верниковскій для Казанскаго университета былъ тѣмъ же, чѣмъ впослѣдствіи Грановскій для Московскаго, т. е., свѣтиломъ науки; но Верниковскій имѣетъ за собой первенство.

Съ удаленіемъ Верниковскаго предметы, имъ преподаваемые, разбились на двѣ каѳедры: исторію читалъ профессоръ Суровцовъ, а географію — адъюнктъ Иванъ Флоровичъ Грацинскій. О послѣднемъ можно сказать только то, что онъ читалъ...

4) Россійская исторія и статистика.

Общую и Россійскую — читалъ профессоръ Владимиръ Яковлевичъ Булыгинъ. Исторію онъ буквально «читалъ», а не преподавалъ, потому что, входя на каѳедру, развертывалъ «исторію» Карамзина и читалъ съ того мѣста, на которомъ остановился въ

предшествовавшую лекцію, и какъ читалъ? Имѣя природный физическій недостатокъ—горбъ, онъ, вслѣдствіе ли такого недостатка, или по другимъ причинамъ, былъ вообще болѣзненнаго состоянія, имѣлъ голосъ слабый и тихій, при этомъ еще чрезвычайно растягивалъ слова, когда произносилъ ихъ.

Все это, вмѣстѣ взятое, производило тягостное впечатлѣніе на слушателей, и время его лекцій казалось намъ необыкновенно длиннымъ; всѣ съ радостью встрѣчали звонокъ, означавшій конецъ лекціи и вмѣстѣ съ тѣмъ нашей скуки. На самомъ дѣлѣ, что было занимательнаго въ слушаніи его лекцій, когда онъ читалъ просто книгу, не дѣлая никакихъ критическихъ разборовъ или оцѣнки событій? Каждый изъ насъ очень хорошо сознавалъ, что и безъ помощи профессора можно было изучить преподаваемый имъ предметъ: стоило только взять и прочесть книгу Карамзина, и узнаешь то же самое. Обѣ статистики онъ преподавалъ на словахъ, справляясь съ лоскутками бумаги, на которыхъ были записаны нужныя ему цифры. Обязанность составлять лекціи лежала на насъ.

5) Россійскую словесность и всеобщую исторію (послѣ Верниковскаго) читалъ профессоръ Григорій Степановичъ Суровцовъ. Суровцовъ поступалъ еще лучше, чѣмъ Булыгинъ. Пользуясь тѣмъ, что, кромѣ исторіи, преподавалъ словесность, Суровцовъ, подъ предлогомъ знать, насколько мы усвоиваемъ себѣ понятіе о краснорѣчьи, и какъ оно отражается на нашемъ письменномъ слогѣ, каждому изъ насъ по-очереди давалъ переводить опредѣленное число печатныхъ страницъ изъ исторіи, кажется, Michelet, и переводъ нашъ читалъ на лекціи, при чемъ критически разбиралъ не исторію, какъ слѣдовало, но нашъ слогъ. Но такой уловкой онъ не могъ никого изъ насъ ввести въ обманъ; всѣ очень хорошо понимали, что онъ просто-напросто эксплуатировалъ нашъ трудъ, или, говоря пословицей, каштаны изъ жару вынималъ нашими руками.

Сравненіе обоихъ профессоровъ: Булыгина и Суровцова, съ Верниковскимъ, во всѣхъ отношеніяхъ, говорило не въ ихъ пользу. Вмѣсто живого разговорнаго языка, смѣло и ясно излагавшаго предметы, мы должны были выслушивать монотонное, слабымъ голосомъ произносимое чтеніе, или длинные семинарскіе періоды, составленные по всѣмъ правиламъ «риторики» Кошанскаго. Вмѣсто критической оцѣнки источниковъ исторіи—рутинныя, сказочныя повѣствованія, вполнѣ достойныя первобытныхъ учителей науки.

6) Логикѣ, психологію и исторію философскихъ системъ преподавалъ Андрей Филимоновичъ Хламовъ. Получивъ образованіе (тогдашнее) въ семинаріи, Хламовъ усвоилъ себѣ и всѣ приемы тогдашнихъ педагоговъ, выражался тяжелымъ книжнымъ языкомъ, при этомъ имѣлъ привычку повторять по нѣскольку разъ одно и то же слово. Такъ, «спрашивая» студентовъ, онъ говорилъ:

— Раскройте, раскройте, изложите, изложите понятіе о логикѣ, о логикѣ? и т. п.

Повтореніе словъ въ особенности учащалось имъ при преподаваніи. Напримѣръ, какую пеструю амальгаму словъ представлялъ изъ себя слѣдующій произнесенный имъ силлогизмъ, находящійся въ логикѣ Кизеветера, которой онъ руководствовался. «Всѣ люди, люди всѣ смертны, смертны. Кай, Кай, Кай есть человѣкъ. Слѣдовательно, слѣдовательно, Кай, Кай, Кай есть смертенъ». Вообще, кромѣ своей оригинальности, Хламовъ ничѣмъ не выдѣляется въ моей памяти. Оригинальность эта выражалась какъ въ самомъ способѣ преподаванія, такъ и въ наружныхъ признакахъ. Преподаваніе его ограничивалось чтеніемъ логики по Кизеветеру; на психологію и исторію философскихъ системъ давалъ свои записки, ничего не поясняющія, ничему не обучающія. Въ этомъ, конечно, прежде всего должно винить самую программу предметовъ, а потомъ собственную его бездарность. Замѣчательна была программа исторіи философскихъ системъ. Преподаватель обязанъ былъ показать: различіе вообще между мудростью земною и небесною, что ученіе философовъ было ложно, что философія могла существовать только до пришествія І. Христа, но съ появленіемъ Его совершенно замѣнена религіей и допускается къ преподаванію только, какъ свѣдѣніе о томъ, что когда-то существовало ученіе древнихъ философовъ и т. п. Оригинальность Хламова отражалась и въ его походкѣ. Онъ имѣлъ обыкновеніе, преподавая, ходить по аудиторіи, что и заставило насъ невольно замѣтить его походку. При ходьбѣ онъ, выставя ногу впередъ, вмѣстѣ съ тѣмъ сгибалъ ее въ колѣнѣ и, дѣлая шагъ, покачивался назадъ. При своемъ хорошемъ ростѣ напоминалъ намъ собой ходъ журавля. Многіе изъ насъ пытались подражать, или, лучше сказать, передразнить его походку, но должны были отказаться отъ попытки за совершенной невозможностью. Указываю на эту оригинальность Хламова потому, что походка его играла важную роль въ моей университетской жизни, о чемъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

7) Нравственную философію и метафизику читалъ Сергѣевъ, о которомъ я уже говорилъ. Его обычная лѣнь, однакожь, не помѣшала ему поучать насъ, наприимѣръ, такому правилу:

«Въ мірѣ нѣтъ безусловно свободнаго движенія, кромѣ физическаго, да и то—какъ движеніе часового маятника, хотя и свободнаго въ своихъ размахахъ, но прикрѣпленнаго къ одной точкѣ и приводимаго въ движеніе не собственной своей волей, но посторонней силой, имъ управляющей. Такъ и каждый человѣкъ. Прикрѣпленный нравственными узами къ почвѣ своего отечества, онъ можетъ пользоваться свободой, но въ предѣлахъ, указанныхъ верховной властью». Все въ родѣ этого.

8) Исторію російской словесности читалъ Михаилъ Ва-

сильевичъ Полиновскій, человѣкъ съ болѣе научными свѣдѣніями, чѣмъ Хламовъ, но зато и съ большей оригинальностью. Оригинальность Хламова происходила, можетъ быть, отъ привычки, которую мы иногда пріобрѣтаемъ невольно; оригинальность Полиновскаго была измышлена, изучена ради эффекта! Чѣмъ иначе объяснить, что, напримѣръ, читая оду Державина «Богъ» и доходя достига:

«Безъ лицъ въ трехъ лицахъ Божества»,

Полиновскій при словѣ: «Безъ лицъ»,—закрывалъ лицо обѣими ладонями своихъ рукъ, а, произнося слѣдующую фразу, открывалъ лицо, при чемъ не отымалъ ладоней, а только выворачивалъ ихъ, придерживая къ вискамъ большими пальцами рукъ... Словомъ, изображалъ собой такъ называемый складень: ладони служили верхними крышками, а пальцы замѣняли шарниры. Это, видите, онъ тщился въ лицахъ изобразить изъ себя св. Троицу... Представьте себѣ фигуру профессора, возсѣдающаго на кафедрѣ съ раскрытыми ладонями около лица... Или при чтеніи какого либо лирическаго произведенія,—при чемъ всегда приходилъ въ совершенный наѣвъ,—Полиновскій прибавлялъ отъ себя, вѣроятно, для вящей красоты слога: «что-съ? что-съ?». Напримѣръ, въ одѣ Хераскова императору Александру I-му у него выходило такъ:

«Какъ лебедь на водахъ Леандра, что-съ, что-съ?

Послѣдню пѣснь поетъ свою, что-съ, что-съ?

Такъ я монарха Александра, что-съ, что-съ?

На старости своей пою-ю-ю-ю! что-съ, что-съ?

Послѣднюю букву «Ю» выговаривалъ на распѣвъ, растягивая. Полиновскій былъ, можетъ быть, и ученый человѣкъ, но свѣдѣнія свои онъ ревниво скрывалъ отъ слушателей.

В) Языки преподавались:

1) Славянскій—Михаиломъ Самсоновичемъ Рыбушкинымъ. Изученіе славянскаго языка, какъ значилось въ программѣ, было допущено для того, чтобы, понимая книги св. писанія, студенты учились: «какъ проста истинная высокость, и удалена отъ всякаго школьнаго (sic) риторства». Языку этому обучали въ университетѣ, начиная съ азбуки... О самомъ Рыбушкинѣ въ моей памяти сохранилось, что въ двадцатыхъ годахъ онъ написалъ трагедію: «Сумбека, или покореніе Казани»,—и послалъ въ Москву, въ цензурный комитетъ для разрѣшенія печатанія. Комитетъ возвратилъ ему рукопись съ надписью:

Кто русской грамотѣ еще не научился,

Напрасно тотъ трагедіи въ стихахъ писать пустился!

Эту оцѣнку его дарованій дѣлаю уже не я, а компетентный судья того времени, цензоръ.

2) Латинскій языкъ въ 1-мъ отдѣленіи (курсѣ) преподавался Лукашевскимъ, въ остальныхъ двухъ—Полиновскимъ. О нихъ я уже говорилъ.

3) Французскій—въ 1-мъ отдѣленіи Николаемъ Алексѣевичемъ Мойсеевымъ. Мѣстный помѣщикъ съ обеспеченнымъ состояніемъ, онъ занимался съ нами соп атоте. Въ остальныхъ двухъ—Иванъ Ивановичъ Бюрно. Занятія состояли въ чтеніи классиковъ и переводѣ съ французскаго на русскій.

4) Нѣмецкій языкъ въ 1-мъ отдѣленіи преподавался Карломъ Карловичемъ Фойхтомъ, который былъ впослѣдствіи ректоромъ Харьковскаго университета и членомъ ученаго комитета при министерствѣ. Свои блестящія способности и эрудицію онъ выказалъ, занимая каеэдру въ Харьковскомъ университетѣ.

Въ послѣднихъ двухъ отдѣленіяхъ нѣмецкимъ языкомъ занималъ насъ мѣстный пасторъ, Ѳеодоръ Ивановичъ Фирекъ. Удачное сочетаніе его наружности съ фамиліею ¹⁾ породило стихъ:

«Ѳеодоръ Фирекъ—
«Квадратный человекъ!»

Между студентами онъ слылъ подъ прозвищемъ «Шумахеръ», потому что на постоянные вопросы, чѣмъ Ѳеодоръ Ивановичъ руководствовался въ изученіи языка, онъ постоянно отвѣчалъ:

— Разумъ-ца, шумахеръ.

Вотъ и всѣ свѣтила науки, лучи которыхъ, проникая въ функцію моего мышленія, должны были составить мое образованіе!!!!...

Затѣмъ, остается подвести итоги. За исключеніемъ нѣкоторыхъ намѣченныхъ мной личностей, всѣ остальные были, болѣе или менѣе, бездарны и неуклонно держались воззрѣній, высказанныхъ въ программахъ, начертанныхъ преподавателямъ для руководства. Да, надо было имѣть много гражданскаго мужества и смѣлости высокаго умственнаго развитія, чтобы хотя немного выйти изъ программы, ради лучшаго и полнѣйшаго объясненія науки.

Сохранившіеся въ моей памяти рассказы и анекдоты изъ моей университетской жизни, большею частью, относятся въ Гиларію Антоновичу Лукашевскому. Въ своемъ мѣстѣ я сказалъ, что Гиларій Антоновичъ преподавалъ латинскій языкъ и занималъ насъ переводами изъ Корнелія Непота. Обыкновенно лекціи посѣщалъ своевременно или вовсе не приходилъ. Разъ что-то его задержало. Прошло минутъ 20, а Лукашевскій не являлся. Мы рѣшили, что онъ вовсе не будетъ. Тогда одинъ изъ словесниковъ, Ибрагимовъ, въ совершенствѣ подражавшій манерамъ, интонаціи голоса и произношенію словъ Лукашевскаго и зная основательно латинскій языкъ, вызвался занять его мѣсто. Всѣ охотно согласились, радуясь заранѣе занимательности предстоящаго намъ зрѣлища.

¹⁾ Извѣстно, что *viereck* по-нѣмецки означаетъ «квадратный».

Ибрагимовъ, чтобы вполнѣ изобразить собой Лукашевскаго, озаботился заготовиться всѣми атрибутами, обыкновенно сопровождавшими послѣдняго на кафедрѣ, какъ-то: палкой, табакеркой, носовымъ платкомъ. Тотчасъ же явилась импровизированная палка—ручка отъ половой щетки, которую Ибрагимовъ досталъ гдѣ-то въ чуланѣ у Валидки-Сатурна; табакерку взялъ у кого-то изъ студентовъ, нюхавшихъ табакъ, и съ своимъ собственнымъ носовымъ платкомъ, взошелъ на кафедру, на одномъ концѣ рамки, или передней стѣнки, положилъ платокъ, на другомъ табакерку и, вооружившись палкой, словомъ приготовившись вполнѣ, какъ дѣлалъ Лукашевскій, раскрывъ Корнелія Непота, голосомъ и произношеніемъ Гиллярія Антоновича, началъ лекцію, пристукивая въ тактъ палкой.

Передразниваніе вышло превосходно,—Ибрагимовъ превзошелъ самъ себя,—и, какъ надо было ожидать, возбудило общій смѣхъ. За шумомъ и взрывами хохота, никто изъ насъ не слышалъ, какъ отворилась дверь въ аудиторію, и на порогѣ явился Лукашевскій. Увидя его, Ибрагимовъ сильно растерялся и, вмѣсто того, чтобы скорѣе сойти съ кафедры, оставался на ней съ открытымъ ртомъ, глазами, устремленными на Лукашевскаго, съ приподнятой палкой въ рукѣ и какъ бы окаменѣлъ въ такомъ положеніи.

Тогда Лукашевскій, сдѣлавъ шагъ впередъ и пальцемъ поднятой руки указывая на Ибрагимова, со своимъ акцентомъ, прехладнокровно сказалъ:

— Обезьяна, долой!

Тогда только очнулся Ибрагимовъ и со всѣми своими принадлежностями: палкой, табакеркой, носовымъ платкомъ и книгой, проворно юркнулъ на свое мѣсто.

Но когда Лукашевскій взошелъ на кафедру и, расположившись на ней такъ, какъ за минуту передъ тѣмъ сдѣлалъ Ибрагимовъ, началъ тѣмъ же голосомъ и съ той же интонаціей читать книгу, студенты не могли удержаться отъ смѣха, да и трудно было сохранить хладнокровіе. На кафедрѣ передъ нами присутствовалъ двойникъ Ибрагимова: тѣ же—тонъ, манера, положеніе тѣла. Трудно было опредѣлить, кто кого передразнивалъ.

Лукашевскій, понимая причину смѣха студентовъ, счелъ за лучшее прекратить лекцію; закрывъ книгу и сходя съ кафедры, обратился къ намъ и съ обычнымъ своимъ хладнокровіемъ сказалъ:

— Ослы! съ вами дѣлать нечего!—и вышелъ изъ аудиторіи.

Лукашевскій, конечно, не преслѣдовалъ Ибрагимова, а иногда только подтрунивалъ надъ нимъ. Напримѣръ, предлагая ему переводить, говаривалъ:

— А ну! какъ я!

или, обращаясь къ намъ:

— Вы, господа, должны изучить превосходно латинскій языкъ: у васъ свой профессоръ.

Привожу этотъ анекдотъ не безъ задней мысли, чтобы показать, какъ въ то время смотрѣли на студентовъ, и какъ мало щадили ихъ самолюбіе. Названія: «обезьяны, ослы», кромѣ смѣха, ничего не возбуждали. Скажи эти же слова въ нынѣшнее время гимназистамъ низшихъ классовъ, какая поднялась бы буря!.. Воображаю, какія бы могли быть послѣдствія для произнесшаго эти слова!...

Таковъ былъ духъ времени и гнетъ, подъ которымъ тогда мы находились.

Лукашевскому давно слѣдовало получить званіе экстра-ординарнаго профессора, но, не знаю почему, его не долюбливалъ попечитель и задерживалъ производство. Разъ, по окончаніи лекціи, Лукашевскій вышелъ изъ университета, въ сопровожденіи довольно большого числа студентовъ, тоже расходившихся по домамъ. У подъѣзда стоялъ экипажъ попечителя. Лукашевскій очень хорошо зналъ это, но, остановившись противъ кучера, а съ нимъ вмѣстѣ и всѣ студенты, съ свойственнымъ ему акцентомъ спросилъ:

— Послушай! Ты чей?

— Михаила Николаевича!

— А давно ты служишь?

Тотъ назвалъ ему время.

— Ну, служи, служи! Будешь экстра-ординарнымъ профессоромъ.

И засмѣявшись пошелъ далѣе.

Впрочемъ за нерасположеніе къ себѣ попечителя Лукашевскій платилъ тѣмъ же. Такъ, однажды онъ сказалъ на лекціи студентамъ:

— Вы, господа, можетъ быть, думаете, что попечитель все знаетъ? Онъ ничего не знаетъ! Я вамъ это докажу. Въ первый разъ, какъ онъ придетъ на лекцію, я предложу комунибудь изъ васъ переводить съ латинскаго и заранѣе прошу того, кто будетъ переводить,—говорить не то, что написано въ книгѣ, а что придетъ ему на память, какойнибудь вздоръ, и вы увидите, что попечитель, хотя и будетъ смотрѣть въ книгу, но васъ не остановитъ. Я вамъ это докажу.

И доказалъ.

Въ Казанской гимназій, гдѣ онъ тоже преподавалъ латинскій языкъ, былъ ученикъ, который шепелявилъ и потому вмѣсто буквы *s* выговаривалъ *ш*. Лукашевскій заставлялъ его спрягать глаголъ *sum*, и когда тотъ произносилъ: шумъ, *es*, *est*,—то Лукашевскій останавливалъ его замѣчаніемъ:

— Что за шумъ? Здѣсь нѣтъ шума!

Всѣ смѣялись: онъ первый.

Лукашевскій обладалъ очень подвижной фізіономіей; надо было видѣть выраженіе лица во время какой либо его выходки, чтобы понять всю ея соль, всю ѣдкость.

Ходили между студентами разные, болѣе или менѣе, забавные слухи; такъ, при университетской церкви состояло два діакона; одного изъ нихъ звали Флегонтъ. Про него говорили, что онъ, разъ, придя къ священнику, о. Александру, сказалъ:

— Батюшка! Вамъ извѣстно, что я знаю «Вѣрую»; но я не понимаю, что въ ней означаетъ слово «жезаны»?

Онъ въ символѣ вѣры... «распятого же за ны при Понтій-стемъ Пилатѣ»... слова: «же за ны», сливъ въ одно и поставилъ удареніе на буквѣ «а», такъ что у него составилось слово, не существующее въ славянскомъ языкѣ. Студенты не давали, что называется, «прохода» Флегонту и, гдѣ бы ни встрѣчали его, не щадя даже церкви, вездѣ спрашивали, узналъ ли онъ, наконецъ, значеніе слова: «жезаны».

Діаконъ жаловался инспектору, но Симоновъ далъ ему благоразумный совѣтъ: если желаете прекратить насмѣшки студентовъ, самое вѣрное средство—не обращать на нихъ вниманія.

Болѣе ничего не помню.

XI.

Мои товарищи—студенты этико-политического отдѣленія.—Студентъ Поповъ.—Нарисованная мною карикатура.—Лекція проф. Булыгина.—Я въ карцерѣ.—Выговоръ и угроза попечителя М. И. Мусина-Пушкина.—Переходный и выпускной экзамены.—Мой отвѣтъ изъ статистики и мое сочиненіе.—Окончаніе курса.

Насъ, юристовъ, всего было пять человѣкъ: Николай Дмитріевичъ Исаевъ, Павелъ Петровичъ Мещенковъ, Григорій Васильевичъ Поповъ, Николай Никитичъ Таушевъ и я.

Вся маленькая семья наша жила очень дружно, дѣлила сообща и радости и неудачи. Всѣ пятеро мы вмѣстѣ поступили въ университетъ и всѣ дружно переходили съ одного курса на другой и только при выпускѣ оставили за собой Таушева, изъявившаго желаніе остаться еще на годъ въ университетѣ, для усовершенствованія себя въ наукахъ. Повидимому, всѣ имѣли одинаковыя способности, одинаково занимались,—на дѣлѣ выходила разнь! Поповъ и я по своимъ успѣхамъ въ наукахъ и поведенію постоянно стояли впереди остальныхъ. Всѣ прочіе сознавали наше превосходство, и никто изъ нихъ не завидовалъ намъ, не укорялъ насъ «выскачками». (Укоръ этотъ знакомъ всѣмъ, воспитывающимся въ общественныхъ заведеніяхъ). Одинъ только Поповъ, въ тайнѣ, ниталъ ко мнѣ злобу изъ зависти, что я иду ровно съ нимъ и имѣю

одинаковую отмѣтку 4+. Зависть эта, если хотите, имѣла основаніе и до нѣкоторой степени можетъ быть извиняема. Я одаренъ былъ превосходной памятью ¹⁾, быстро обнималъ изучаемый предметъ; Поповъ, напротивъ, память имѣлъ довольно слабую, съ трудомъ усваивалъ то, что изучалъ, вслѣдствіе чего онъ усидчиво занимался, тогда какъ я, казалось, схватывалъ все, такъ сказать, на лету. Видя, какъ я, какъ бы шутя, изучаю то, что часто стоило ему безсонныхъ ночей, а между тѣмъ отвѣчаю профессору даже лучше его ²⁾, потому что, по своей неразвитости, Поповъ училъ лекціи, что называется «вдолбежку», тогда какъ я, усвоивъ себѣ содержаніе предмета, отвѣчалъ бѣгло, безъ запинки и притомъ «собственными словами» ³⁾. Поповъ задумалъ, во что бы то ни стало, подорвать мой авторитетъ и погубить меня въ мнѣніи профессоровъ и начальства. Какъ видите, комбинація его мести была довольно сложна! Онъ только ждалъ случая, чтобы осуществить свой гнусный умыселъ, и дождался.

Товарищи, правда, неоднократно предупреждали меня, чтобы я берегся Попова, что онъ что-то замышляетъ противъ меня и т. п.; но я по легковѣрію, столь свойственному молодости, мало, или, лучше сказать, вовсе не обращалъ вниманія на такія предостереженія, имѣя въ себѣ достаточно самоувѣренности, что въ томъ положеніи, въ которомъ нахожусь, никто и ничто мнѣ повредить не можетъ. Эта-то гордость и погубила меня!

Поступокъ мой, о которомъ я хочу разсказать, учиненъ былъ, когда я находился на 2 курсѣ. Я составилъ рисунокъ: профессорской каюедрѣ, не измѣняя общаго ея очерка, придавъ форму колесницы древнихъ вождей. Имѣя въ виду оригинальную походку Хламова, о которой я говорилъ выше, и физическое уродство Булыгина (тоже упомянутого) и профессора судебной медицины Ивана Калиновича Ерохова, имѣвшаго то же уродство—горбъ, я въ импровизированную колесницу впрягъ—въ корень Хламова, а на мѣста пристяжныхъ—Булыгина и Ерохова. Вслѣдствіе своего маленькаго роста, они прекрасно отвѣчали своему назначенію. Самую же колесницу нагрузилъ книгами, на корешкѣ которыхъ были написаны названія преподаваемыхъ ими предметовъ. Подъ всѣмъ этимъ написалъ восьмистишіе, котораго, при всемъ моемъ сильномъ желаніи и какъ ни насилюю свою память, теперь припомнить не могу. Вѣроятно, то былъ пасквиль, въ которомъ осмѣивались недостатки изображенныхъ личностей. Внизу рисунка подписался полнымъ

¹⁾ Эта-то память и подсказываетъ мнѣ теперь все, что происходило 40 лѣтъ тому назадъ.

²⁾ Извѣстно, что всѣ учащіе уроки «вдолбежку» часто въ отвѣтахъ своихъ, забывъ слово, которое слѣдуетъ, забывали все остальное.

³⁾ Да простится мнѣ мое самохвальство; чтобы сдѣлать понятнымъ мой разсказъ, я вынужденъ отказаться отъ чувства скромности.

своимъ титуломъ: «Рисунокъ сей композировалъ и стихи сочинилъ студентъ нравственно-политическаго факультета, 2 отдѣленія, Николай Мамаевъ».

На другой день, придя на лекцію, я поспѣшилъ похвастаться своимъ художественнымъ произведеніемъ и показалъ товарищамъ рисунокъ. Онъ произвелъ фуроръ, на который, при всемъ своемъ самолюбіи, я никакъ не рассчитывалъ. Дѣйствительно, рисунокъ, сдѣланный перомъ, вышелъ очень удаченъ. Не только вѣрно были изображены лица, но схвачены и ихъ манеры до того поразительно, что возбуждали общій взрывъ хохота. Мое самолюбіе, какъ автора и художника,—было вполнѣ удовлетворено. Но, «чѣмъ вѣрнѣе портретъ, тѣмъ хуже расплата»,—и я дорого поплатился за свое мишурное торжество.

Поповъ, увидя рисунокъ, сказалъ:

— Дай срисовать.

Не подозрѣвая въ томъ никакого умысла, я отвѣтилъ:

— Чѣмъ срисовывать, возьми такъ, какъ есть, дарю тебѣ рисунокъ на память.

Поповъ не могъ скрыть своей радости, а я въ ослѣпленіи своего торжества приписалъ это удовольствію, которое ему я такъ дешево доставилъ, между тѣмъ какъ подъ личиной его радости скрывалась цѣль... Прошло, послѣ того, много времени, о карикатурѣ моей всѣ забыли, только я одинъ, ея авторъ, отъ времени до времени вспоминалъ о ней и задумывалъ уже составить другую—подобную, въ которой на первомъ планѣ явился бы почтеннѣйшій И. И. Протопоповъ, о которомъ я такъ много говорилъ выше; только затруднялся въ планѣ картины и приисканіи ему товарищей, какъ послѣдовалъ громъ, отбившій у меня всякую охоту на подобныя попытки...

Наступилъ часъ лекціи русской исторіи. Началось тѣмъ, что Булыгинъ, войдя въ аудиторію, не сѣлъ на кафедру, какъ онъ дѣлывалъ всегда, а, взявъ съ нея стулъ, поставилъ его прямо противъ меня. Такая его выходка удивила насъ: никогда прежде ничего подобнаго не было. Чтобы сдѣлать понятнѣе слѣдующую за тѣмъ сцену, я долженъ очертить, такъ сказать, топографію мѣстности, на которой происходило описываемое событіе. Выше я сказалъ, что лавки въ аудиторіи стояли амфитеатромъ и имѣли проходъ по срединѣ. Я всегда помѣщался на первой лавкѣ, вправо, если смотрѣть отъ кафедры, и съ края отъ средняго прохода; Поповъ на первой лавкѣ слѣва и тоже съ края, такъ что насъ раздѣлялъ одинъ проходъ.

Затѣмъ продолжаю рассказъ.

Булыгинъ, усѣвшись противъ меня, своимъ тихимъ, болѣзненнымъ голосомъ, сказалъ:

— Господинъ Мамаевъ, расскажите мнѣ что нибудь изъ временъ княженія удѣльныхъ великихъ князей.

Такой приступъ, тоже какъ не бывалый, удивилъ не менѣе предыдущаго. Я говорилъ уже, что, по принятому порядку во всѣхъ предметахъ, профессоръ, желавшій «спрашивать» студентовъ, всегда предупреждалъ о томъ; тутъ, прямо, безъ всякаго предваренія, дѣлаютъ мнѣ вопросъ,—и какой еще вопросъ? Извѣстно, что въ русской исторіи самая трудная для памяти эпоха—это удѣльныя княжества, когда великіе князья появлялись на сценѣ, какъ маріонетки, и такъ же быстро исчезали, тѣснимые и убиваемые другъ другомъ. Вся эпоха преимущественно состоитъ изъ именъ лицъ и годовъ событий. Не приготовившись къ тому, о чемъ меня будутъ «спрашивать», я было оторопѣлъ; но... здѣсь я долженъ опять сдѣлать отступленіе отъ разсказа, чтобы пояснить уловку, къ которой мы всегда прибѣгали съ успѣхомъ, при извѣстной, впрочемъ, обстановкѣ. Уловка состояла въ томъ, что на экзаменѣ, происходившемъ въ присутствіи попечителя, въ случаѣ незнанія предложеннаго вопроса, мы отвѣчали то, что знали. Профессоръ морщится, но молчитъ. Остановить враля—неловко: это значило бы нанести прямо ударъ самолюбію попечителя; какъ бы дать знать ему, что онъ взялся не за свое дѣло—экзаменовать въ томъ, чего самъ не знаетъ; а попечитель все переважно слушаетъ и ставитъ высокій балъ, только чтобы отвѣчали ему громко и бойко, какъ солдаты на ученѣ. Что дѣлать? Военная привычка! Въ настоящемъ случаѣ, я вздумалъ употребить ту же уловку, забывъ, что передо мной «не военная косточка» попечитель, а профессоръ-спеціалистъ, и понесъ—дичь.

Булыгинъ долго и снисходительно слушалъ меня не прерывая, наконецъ не выдержалъ, остановилъ, сказавъ:

— Вотъ то-то и есть, г. Мамаевъ. Чѣмъ рисовать карикатуры да писать пасквили на своихъ профессоровъ, лучше бы было слушать, что они преподаютъ.

Въ одно мгновеніе я понялъ всю устроенную противъ меня махинацію, припомнилъ добрыхъ товарищей, предостерегавшихъ меня о козняхъ, мнѣ готовящихся, и увлеченный пылкостью и живостью характера,—недостатокъ, отъ котораго, увы! не могу отстать и понынѣ, хотя мою голову лѣта покрыли снѣгомъ, подъ которымъ, казалось бы, должны остыть всѣ горячіе порывы молодости,—вскочилъ съ лавки и со всего размаха рукой ударилъ въ щеку Попова, что тѣмъ ловчѣе мнѣ было сдѣлать, что, какъ я сказалъ, насъ раздѣляло небольшое пространство, и онъ сидѣлъ у меня подъ рукой.

Булыгинъ вскочилъ со стула, какъ бы подброшенный ударомъ, полученнымъ Поповымъ, и, обращаясь ко мнѣ, сказалъ.

— Какъ? Дратся въ присутствіи профессора? Да понимаете ли вы, что это значитъ оскорблять меня, и что я нравственно раздѣляю ударъ, нанесенный другому?

Затѣмъ вышелъ въ коридоръ, вскричалъ Валидку-Сатурна, по-

слать его за инспекторомъ, вернулся и сѣлъ на свое мѣсто, не произнося ни слова, въ ожиданіи инспектора.

Все молчало. Поповъ сидѣлъ блѣдный, съ багровымъ пятномъ на лѣвой щекѣ; я—несь красный, какъ ракъ.

Вошелъ Симоновъ.

Булыгинъ, обращаясь къ нему, сказалъ:

— Вотъ-съ, Иванъ Михайловичъ! Г. Мамаевъ ударилъ въ лицо при мнѣ г. Попова. Я не могу снести такого поступка.

Инспекторъ кивнулъ мнѣ головой, лаконически прибавивъ:

— Пожалуйте!

Выходя со мной, онъ распорядился послать за сторожемъ-тюремщикомъ, охранителемъ карцера, и когда этотъ церберъ явился, приказалъ запереть меня въ «комнату уединенія», впредь до новаго распоряженія.

Находясь въ возбужденномъ состояніи, я не понималъ, что около меня происходило, двигался автоматически, не сознавая еще моего положенія; но когда вошелъ въ полусвѣтлую комнату и услышалъ скрипъ запирающейся за собой двери, я очнулся какъ бы отъ тяжелаго сна, припомнилъ все случившееся и—къ чему таиться—залился горькими слезами... и слезы эти были слезы страха!

Да, все мужество, дотолѣ меня поддерживавшее, меня оставило, и я, каюсь, сильно испугался послѣдствій моего проступка... Въ невольномъ затворничествѣ своемъ я имѣлъ много времени изучить и топографію мѣстности, въ которой находился, и предметы, меня окружавшіе, и заведенные порядки. Карцеръ состоялъ изъ довольно просторной комнаты, освѣщаемой небольшимъ окномъ, но безъ всякой рѣшетки, и тяжелой дубовой двери. Стѣны были голыя, оштукатуренныя, испещренныя надписями на всѣхъ возможныхъ языкахъ, живыхъ и мертвыхъ, съ выраженіемъ сѣтованій на горькую судьбу не всегда въ цензурныхъ реченіяхъ. У стѣны, въ углу, около окна помѣщалась простая, деревянная некрашенная кровать съ тиковымъ тюфякомъ и кожаной подушкой, набитыми конскимъ волосомъ: все въ довольно опрятномъ видѣ. Около кровати, у окна, стояли столъ и табуретъ изъ сосноваго дерева, не окрашенные, грубой работы. Прямо, противъ кровати, въ ногахъ и слѣдовательно передъ глазами лежащаго на ней, на стѣнѣ висѣла большая картина: «Страшный Судъ», получившая между студентами такую плачевную извѣстность. У той же стѣны въ углу стояло ведро съ крышкой.

Надъ ведромъ, къ стѣнѣ, придѣланъ былъ мѣдный рукомойникъ въ видѣ вазы, съ гвоздемъ на днѣ. Тутъ же висѣло полотенце. На столѣ лежала Библія и стояла кружка съ водой. Пища давалась: утромъ и вечеромъ по стакану горячаго сбитня ¹⁾ съ булкой;

¹⁾ Напитокъ, состоящій изъ меда и горячей воды.

на объѣдъ миска щей или супу, съ большимъ ломтемъ чернаго ржаного хлѣба, и возобновлялась вода въ кружкѣ. Сторожъ по нѣскольку разъ посѣщаль заключеннаго. Матеріальная часть узника была довольно обезпечена, но зато никакого развлеченія, никакого занятія; давать перья и бумагу строго воспрещалось; довольствуйтесь Библіей, которая къ тому же имѣла нѣсколько вырванныхъ листовъ, остальные на поляхъ были испещрены надписями карандашомъ, внушенными далеко неблагочестивыми размышленіями! Скука, тоска, неволя! Дни кажутся безконечными. Единообразіе до утомленія! Сегодня, какъ и вчера, и какъ будетъ завтра! А тамъ за стѣнами вольный свѣтъ, Божій міръ, со всей своей суетой, разнообразіемъ жизни; со всѣми удовольствіями, развлеченіями молодости, родные, товарищи, лекціи... тамъ приволье; а здѣсь заѣдающее единообразіе, нарушаемое только приходомъ сторожа, къ которому каждый разъ обращаешься съ вопросомъ: скоро ли меня выпустятъ? И получаешь одинъ неизмѣнный отвѣтъ:

— Не можемъ знать. Не наше дѣло.

Только въ карцерѣ я понялъ весь глубокій смыслъ, всю мудрость изреченія Бенжаменъ Констанъ: «разнообразіе—это жизнь; однообразіе—смерть». Тоска! Тоска невыносимая! А тутъ еще безпрестанно суется въ глаза эта противная картина съ своими грѣшниками и чертями. Такъ бы и бросился на нее, чтобы разорвать на мелкіе клочки... Но что я вижу на ней? Знакомое лицо? Кто-то изъ моихъ предшественниковъ въ углу картины сдѣлалъ добавленіе. Почтеннѣйшій, неизмѣнный для всякаго рода нападокъ, И. И. Протопоповъ, весьма схожій, лижетъ языкомъ горячую сковороду, наказаніе, какъ извѣстно, опредѣленное адскими законами наушникамъ и доносчикамъ.

Я расхохотался. Таковы права молодости! Быстрый переходъ отъ сильнаго отчаянія къ безумному веселью составляетъ принадлежность, ей присущую. Но и это развлеченіе скоро прискучило. Душа просила воли, свободы! Въ головѣ копошались мысли, одна другой мрачнѣе; отъ нихъ, какъ отъ кошмара, ничѣмъ не отдѣлаешься: преслѣдуютъ неустанно... Въ одиночествѣ, я имѣлъ полную возможность обдумать свое незавидное положеніе. Утѣшая себя мыслью, что на моемъ мѣстѣ всякій поступилъ бы такъ же, что мнѣ нельзя было поступить иначе, я, тѣмъ не менѣе, не скрывалъ отъ себя, что поступокъ мой при тогдашнемъ строгомъ взглядѣ на поведение студентовъ навсегда погубилъ меня въ мнѣніи начальства... Будущее страшило меня!.. Но всему есть конецъ, насталъ конецъ и моему заключенію, въ которомъ я находился ровно двѣ недѣли.

Въ одно именно для меня «прекрасное» утро щелкнулъ замокъ, явившійся Церберъ, оскаливъ зубы, объявилъ, что я могу итти. Когда растворилась передо мною дверь свободы, за порогомъ я

былъ встрѣченъ моими товарищами юристами, за исключеніемъ, разумѣется, Попова. Съ торжествомъ, чуть не на рукахъ, они ввели меня въ залъ. Тамъ я нашелъ почти всѣхъ студентовъ въ сборѣ. Всѣ, наперерывъ, протягивали мнѣ руки, слѣшили выказать свое участіе, какъ «козлу искупленія», пострадавшему за грѣхъ другого, всякій старался передать, что происходило во время моего заточенія, и чѣмъ кончилась моя исторія. Такая овація, такое дружеское теплое сочувствіе тронули меня до слезъ... Тутъ же, въ углу залы, стоялъ и Иванъ Ивановичъ, какъ дежурный, и молча смотрѣлъ на все происходившее, очень хорошо понимая побужденія, заставившія столпиться студентовъ, и что никакое краснорѣчіе не поможетъ уговорить разойтись, пока не улягутся сами собой порывы молодыхъ чистыхъ сердецъ. Присутствіемъ своимъ онъ какъ бы участвовалъ въ торжествѣ моего освобожденія. За это да простится ему многое, и я тутъ же общалъ самъ себя, если случится еще разъ попасть въ карцеръ, непременно стереть его съ картины «Страшнаго Суда» и тѣмъ избавить отъ адскихъ мукъ!

Дома ожидала меня овація совѣмъ другого рода. Мать встрѣтила меня со слезами, а отецъ сильно мнѣ «намылилъ голову». Онъ очень любилъ меня, но строго взыскивалъ за проступки. Въ залогъ чистосердечнаго раскаянія, онъ потребовалъ отъ меня обѣщанія никогда стиховъ болѣе не писать. Два раза въ жизнь свою я измѣнилъ своему обѣщанію, при обстоятельствахъ, о которыхъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ моихъ записокъ.

Отъ студентовъ я узналъ, что происходило въ то время, когда я предавался размышленіямъ въ «комнатѣ уединенія».

Въ тотъ памятный для меня день, какъ только кончились лекціи, студенты, собравшись вмѣстѣ, на общемъ совѣщаніи, положили судить Попова своимъ собственнымъ судомъ и тутъ же постановили: избить его до полусмерти, избравъ это, какъ единственное средство наказанія, бывшее въ ихъ рукахъ, но исполненіе приговора отложили до моего освобожденія, чтобы я утвердилъ его и былъ свидѣтелемъ исполненія. Я упросилъ оставить Попова безъ всякаго «физическаго» наказанія, рассчитывая, и не безъ основанія, что для него не можетъ быть тяжелѣе наказанія, какъ укоры собственной своей совѣсти и общее презрѣніе.

И то, и другое испыталъ на себѣ Поповъ.

Никто съ нимъ «не говорилъ», не давалъ ему ни записокъ, ни тетрадокъ; всѣ обѣгали его, какъ зачумленного. Поповъ видимо страдалъ: похудѣлъ, пожелтѣлъ. Такое состояніе его душевной тревоги продолжалось, пока я не простилъ ему его проступка, что, по собственному его сознанію, только одна зависть и досада къ моимъ успѣхамъ подвинули его на свою гнусную выходку, но что никакихъ другихъ побужденій въ отношеніи меня не существовало. При этомъ онъ рассказалъ, какъ было дѣло.

Выше я говорилъ, что студенты, по очереди, составляли лекціи и носили ихъ къ профессорамъ для просмотра. Пришла очередь Попову нести записанную лекцію по статистикѣ. Не имѣя настолько гражданскаго мужества, или, пожалуй, безсовѣстности, чтобы лично вручить мой пасквиль, и зная, что Булыгинъ всегда предавался сну послѣ обѣда, онъ избралъ именно этотъ часъ, отправился къ нему на квартиру, на столѣ оставилъ свои записки, вложивъ въ нихъ предварительно мое «художественное произведеніе». Тогда все сдѣлалось яснымъ: и поступокъ Булыгина, при входѣ его въ аудиторію, т. е., что онъ поставилъ противъ меня стулъ, чтобы быть ближе ко мнѣ, и тѣмъ лишить возможности прочихъ «подсказывать», и «спрашиванье» меня безъ предваренія о томъ; и слова, имъ произнесенныя, послужившія для меня поводомъ къ нападенію на Попова.

Вторая часть моей исторіи разыгралась тѣмъ, что попечитель, узнавъ о ней, пріѣхалъ въ университетъ, собралъ всѣхъ студентовъ, представилъ имъ мой поступокъ съ невыгодной для меня стороны и закончилъ свою противъ меня заочную филиппику, закричавъ:

— Я отдамъ его въ солдаты! Въ солдаты отдамъ!

«Возгласъ» этотъ знакомъ тоже и студентамъ Петербургскаго университета, только не для всѣхъ онъ имѣлъ такой счастливый исходъ, какъ для меня!..

Но депутація, состоящая изъ инспектора, декана, профессоровъ даже другихъ факультетовъ, какъ-то: О. И. Эрдмана, И. К. Ерохова (несмотрѣя на то, что моя карикатура и его не пощадила, что, конечно, еще выгоднѣе обрисовываетъ его душевныя качества) и многихъ другихъ, имѣя во главѣ ректора, явилась къ попечителю съ ходатайствомъ за меня. Между прочими доводами, въ мою защиту, они представили его превосходительству, что мой поступокъ, несмотря на всю его важность, произошелъ не отъ злого или испорченнаго сердца, а есть слѣдствіе увлеченія молодости; что мнѣ нѣтъ еще 16-ти лѣтъ; что испортить мою будущность жаль, тѣмъ болѣе, что до настоящаго «несчастнаго» случая я по поведенію своему и успѣхамъ въ наукахъ служилъ примѣромъ другимъ, что по способностямъ моимъ я могу... (но далѣе отъ повторенія болѣе лестныхъ для меня отзывовъ ихъ удерживаетъ моя скромность)... и принимая во вниманіе мое сознаніе въ негодности поступка и глубокое, чистосердечное раскаяніе въ немъ (хотя никто изъ нихъ въ то время не видалъ меня въ глаза), просили избавить меня отъ опредѣленнаго наказанія, замѣнивъ его другимъ, болѣе легкимъ.

Кончилось тѣмъ, что попечитель «милостиво» изрекъ:

— Прощаю. Но оставитъ его еще на годъ въ томъ же отдѣленіи, и поэтому до переводнаго экзамена не допускать.

Такому «милостивому» рѣшенію много тоже способствовали

просьбы, какъ моего отца, такъ и другихъ знакомыхъ попечителя.

Юпитеръ удержалъ свои громы, опаливъ только мои крылья, которыя должны были перенести меня въ слѣдующій курсъ. Но и такое наказаніе, какъ оказалось въ послѣдствіи, миновало меня.

Пришло время переводныхъ «экзаменовъ»; не получая ни отъ кого подтвержденія состоявшагося обо мнѣ рѣшенія попечителя, я готовлюсь вмѣстѣ съ прочими; вмѣстѣ съ прочими являюсь на экзаменъ, меня вызываютъ, даю отвѣты и перехожу въ 3-е отдѣленіе (послѣднее).

Не думаю, чтобы забыли кару, которой я былъ подвергнутъ; скорѣе можно предположить, что самъ Юпитеръ-попечитель, подчинившись въ этомъ случаѣ общественному мнѣнію, состоявшемуся внѣ стѣнъ университета, и которое вообще было для меня благопріятно, одумался и приказалъ допустить меня до экзамена, какъ бы ничего не происходило; но ничего не говоритъ мнѣ о томъ, какъ бы опасаясь выказать своимъ снисхожденіемъ слабость въ отношеніи своего перваго, на мой счетъ, распоряженія.

Переходный экзаменъ я «сдалъ» легко, безъ всякихъ случайностей, но «сдаточный» при выпускѣ дорого мнѣ обошелся. Булыгинъ, дотолѣ сдерживавшійся, какъ бы простившій мой проступокъ, на «выпускномъ» экзаменѣ выступилъ противъ меня со всѣмъ мелочнымъ придирательствомъ. Изъ всѣхъ его предметовъ, несмотря на видимое «подкапываніе», я вышелъ побѣдителемъ, но изъ статистики «срѣзался»,—и мнѣ торжественно поставили балъ 1 (единицу).

Эта злосчастная единица возбудила шумное прешіе въ ученомъ комитетѣ, опредѣлявшемъ степени, которыми награждались студенты при выпускѣ.

Деканъ юридическаго факультета и прочіе профессора признавали меня достойнымъ степени кандидата, имѣя въ виду мои постоянные успѣхи и занятія, а Булыгинъ, въ качествѣ декана словеснаго факультета, одно твердилъ:

— А у меня Мамаевъ ничѣмъ не занимался въ продолженіе двухъ послѣднихъ лѣтъ, чего видимымъ результатомъ былъ его отвѣтъ на экзаменѣ изъ статистики.

Напрасно представляли мои годовыя отмѣтки, имъ же самимъ дѣлаемыя, и въ которыхъ вездѣ стояли 4+, 4 и 3, Булыгинъ ничему не хотѣлъ внимать и только ссыался на мою злосчастную 1, какъ на вѣрный выводъ моихъ знаній. Наконецъ, порѣшили на томъ, чтобы мнѣ предложить—написать диссертацию. И тутъ Булыгинъ желалъ повредить мнѣ, настаивая, чтобы для написанія диссертации «была дана мнѣ тема». Тогда деканъ, видя такое явное ко мнѣ недоброжелательство, вышелъ изъ себя и, вставъ съ кресла, открыто заявилъ комитету, что онъ, профессоръ, спеціально зани-

мающійся только одними своими предметами и, слѣдовательно, во всякомъ случаѣ, лучше подготовленный, чѣмъ я, изучившій такъ много разнородныхъ предметовъ, не сумѣетъ написать разсужденіе на заданную тему въ то короткое время, которое осталось до публичнаго акта; что для этого нужно приготовить себя, прочесть, если не всѣ, то хоть часть сочиненій, относящихся къ заданной темѣ, словомъ—раскрылъ передъ комитетомъ всю сложность подобной работы и невозможность для меня ее выполнить. Члены правленія согласились съ мнѣніемъ декана и, призвавъ меня въ свое засѣданіе, объявили, что даютъ мнѣ возможность исправить злосчастную единицу, полученную мной на экзаменѣ, предоставивъ мнѣ написать диссертацию на тему по моему собственному выбору въ семидневный срокъ.

Какой серіозный трудъ я могъ предпринять, чтобы выполнить его въ такое короткое время?

Однако, взявъ изъ университетской библіотеки сочиненія Беккарія, придя домой, принялся за изученіе его теоріи. Послѣдствіемъ было, что въ назначенный срокъ я явился въ комитетъ и подалъ довольно жиденькую тетрадку, заключающую мое разсужденіе объ отмѣнѣ смертной казни.

Комитетъ, по разсмотрѣніи, нашелъ, что моя диссертация слаба для полученія высшей ученой степени, но заслуживаетъ награды, и потому опредѣлилъ: дать мнѣ степень дѣйствительнаго студента, но наградить серебряной медалью.

И это была немалая награда; въ тотъ годъ (1833 г.) изъ министерства были присланы всего три медали: одна золотая и двѣ серебряныхъ. Золотую получилъ медикъ, Н. А. Козловъ, нынѣ предсѣдатель медико-хирургической академіи, а другую серебряную—математикъ Н. Н. Зининъ, профессоръ той же академіи, пріобрѣтшій себѣ такую громкую извѣстность своими открытіями въ химіи.

Какое замѣчательное сочетаніе именъ? Всѣ трое, получившіе медали, имѣютъ одно имя: Николай,—и награждены въ царствованіе Николая!

Но по пословицѣ: «нѣтъ худа безъ добра»,—лишеніе меня степени кандидата послужило къ исполненію моего задуманнаго желанія.

Отецъ мой держался тогда благоразумнаго правила, что не слѣдуетъ дѣтей своихъ стѣснять въ выборѣ ими рода службы, на томъ основаніи, чтобы не возбудить въ нихъ ропота, если назначенная дѣтямъ карьера почему либо имъ «не повезетъ». Однажды, не задолго до выпуска изъ университета, отецъ спросилъ меня:

— Ты, Николай, въ какую думаешь поступить службу: статскую или военную?

— Если дадутъ мнѣ степень кандидата, то желалъ бы въ гражданскую, если же дѣйствительнаго студента, то въ военную.

Желаніе моего отца было, чтобы я служилъ по гражданской части. Даже мнѣ уже было обѣщано мѣсто по министерству внутреннихъ дѣлъ директоромъ департамента, кажется, полиціи исполнительной, А. Я. Жмакинымъ, бывшимъ дотолѣ казанскимъ губернаторомъ, другомъ и пріятелемъ моего отца, но отецъ ни однимъ словомъ не выразилъ мнѣ тогда своего желанія и замѣтилъ только:

— Да! Я знаю, что Петръ (старшій мой братъ) подбиваетъ тебя служить съ нимъ вмѣстѣ, въ уланахъ. Ты, пожалуй, нарочно сдѣлаешь, что тебя линиатъ степени кандидата?

— Даю вамъ честное слово, что буду дѣйствовать по совѣсти. На этотъ разъ я сдержалъ свое слово, въ чемъ могъ убѣдиться и самъ отецъ.

Экзамены начинались, какъ я говорилъ, въ концѣ мая. Извѣстно, какія короткія ночи въ маѣ, а я и ложился спать и вставалъ со свѣчей. Отецъ, видя мои усиленныя занятія и опасаясь за мое здоровье, часто вставалъ по ночамъ и приходилъ ко мнѣ тушить огонь. Вообще всѣ домашніе удивлялись мнѣ и не знали, когда я отдыхалъ.

Итакъ, 2-го іюля 1833 г., на публичномъ актѣ, при звукахъ трубъ, раскланиваясь на три стороны, въ два приѣма, я получилъ серебряную медаль вмѣстѣ съ благословеніемъ изъ рукъ казанскаго архіепископа Филарета, бывшаго впослѣдствіи кievскимъ митрополитомъ. Возвращаясь на свое мѣсто, я былъ встрѣченъ отцомъ; въ виду всѣхъ онъ обнялъ меня и поцѣловалъ со слезами на глазахъ...

Тогда же закрылись за мной въ послѣдній разъ двери университета, и ладья моей самостоятельной уже жизни ринулась въ «взбаламученное море» ¹⁾, встрѣчая шквалы и бури, плавая и въ тихихъ водахъ!..

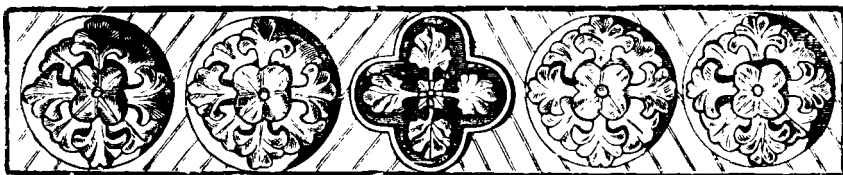
На этомъ кончаются воспомнанія о моей интеллектуальной жизни въ періодъ времени 1830—1833 годовъ.

Н. И. Мамаевъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

¹⁾ Намекъ на романъ того же названія, соч. А. Писемскаго.

ЗАПИСКИ Н. И. МАМАЕВА ¹⁾.

XII.

Поѣздка нашей семьи въ Москву.—Свиданіе со старшимъ братомъ.—Мое опредѣленіе юнкеромъ въ Оренбургскій уланскій полкъ.—Обѣдъ у полковника Евреннова.—Покупка верховой лошади.—Офицеръ Давыдовъ.—Квартирмейстеръ Стойдель.—Мое удивленіе отъ всего видѣннаго и слышаннаго.—Видъ офицерской квартиры.—Крестьянинъ Ватухинъ.—Лѣченіе моей сестры въ Москвѣ.—Проводы отца въ Петербургъ.—Ротмистръ Кондратенко.—Отправка на зимнія квартиры и мое знакомство съ сослуживцами.—Изученіе военной службы.—Начальство.—Устройство полка.—Обученіе верховой ѣздѣ; выѣздка моего «Бриллианта» и столкновеніе съ вахмистромъ Ильинымъ.—Зимнія «посидѣнки» въ с. Луково-Мичковѣ.—Переходъ полка на новыя квартиры.

ОНЕЦЬ 1833 года, по выходѣ моемъ изъ университета, я провелъ въ Казани, ничего не дѣлая, предавался полному отдыху отъ усиленныхъ приготовленій къ экзамену и мечталъ объ уланскомъ мундирѣ, ждавшемъ меня въ близкомъ будущемъ.

Въ послѣднихъ числахъ января 1834 года, ровно черезъ семь лѣтъ послѣ перваго увоза нашего въ Петербургъ, мы выѣхали въ Москву. Теперь ѣхали всѣ вмѣстѣ веселые, довольные: отецъ, отправлявшійся далѣе, въ Петербургъ, для продажи своей новгородской лѣсной дачи извѣстному лѣсопромышленнику В. Θ. Громову; мать съ сестрой должны остаться для лѣченія послѣдней отъ начинающагося у нея образовываться на шеѣ зоба, въ Москвѣ, наконецъ—я для опредѣленія въ Оренбургскій уланскій полкъ, квар-

¹⁾ Продолженіе. См. «Историч. Вѣстн.», т. LXXXIV, стр. 46.

тировавший тогда въ Московскомъ уѣздѣ. Сборы въ дорогу были скоры и веселы; только разставаясь съ своей няней, я проронилъ нѣсколько слезинокъ, и мы усѣлись въ двухъ повозкахъ въ сопровожденіи Полиньки и двухъ людей: дворецкаго Василя и камердинера Ѳедора.

Безъ всякихъ приключеній мы достигли цѣли нашего пути и остановились на Тверской, въ домѣ Чебышевой, въ которомъ помѣщалась гостиница, содержащая тогда Д. И. Ермолаевымъ. Тотчасъ же по занятіи номера мнѣ была нанята тройка ямскихъ лошадей, и я отправился къ старшему брату, квартировавшему съ своимъ взводомъ верстахъ въ 40 отъ Москвы, въ деревнѣ Андреевкѣ.

Длинную дорогу мою мнѣ сократилъ мой пожилой ямщикъ своими разсказами о нашествіи французовъ въ 1812 году. По словамъ его, онъ не только былъ очевидцемъ событія, но даже самъ принималъ дѣятельное участіе въ истребленіи непріятеля. Мы проѣзжали мѣстами его поприща; каждый лѣсокъ, каждая полянка ему были извѣстны. Въ одномъ мѣстѣ, указывая кнутовищемъ на лѣсъ, отстоящій отъ дороги не въ дальнемъ разстояніи, онъ сказалъ:

— Вотъ тутъ много разстрѣляли плѣнныхъ французовъ.

— И вамъ не жаль было?

— Чего ихъ жалѣть, поганныхъ нехристей! Оскверняли наши церкви, выкидывали изъ нихъ мощи св. угодниковъ; изъ иконъ дѣлали перегородки для лошадиныхъ стойлъ; храмы обращали въ конюшни. Чего ихъ было жалѣть!

— Такъ, но все же они люди! При томъ, ты знаешь старинную пословицу: «на Руси лежачаго не бьютъ»?

Ямщикъ, обернувшись ко мнѣ, съ строгимъ выраженіемъ въ лицѣ и злобнымъ голосомъ спросилъ:

— Да ты, баринъ, не изъ нихъ ли?

— Нѣтъ! А что?

— Ты больно за нихъ ужъ заступаешься!

Чтобы переменить разговоръ, принявшій такой оборотъ и, видимо, произведшій на ямщика непріятное впечатлѣніе, я просилъ его продолжать свой разсказъ. Онъ скоро успокоился и словоохотливо исполнилъ мое желаніе. Такимъ образомъ, заинтересованный его словами, я незамѣтно доѣхалъ до цѣли своей поѣздки.

Вѣхавъ въ деревню, я на улицѣ встрѣтилъ улана. На вопросъ мой, гдѣ квартируетъ взводный офицеръ, онъ указалъ на самый крайній домъ, стоявшій на обрывѣ. Мы отправились по его указанію. Братъ былъ дома и, заслышавъ почтовый колокольчикъ, вышелъ на встрѣчу. Пріѣздъ мой не былъ для него нечаянностью; онъ ждалъ меня по предварительному уговору въ письмахъ. У него я засталъ моихъ будущихъ товарищей-сослуживцевъ, юнкеровъ: нѣмца Ульрихена и литовца Вальтера; они соби-

рались пить вечерній чай. Я присѣлъ къ нимъ, и въ общихъ разговорахъ незамѣтно настала часть сна. Переночевавъ и выкормивъ привезшихъ меня лошадей, такъ какъ ямщикъ былъ нанятъ съ обратной доставкой, я и братъ отправились въ Москву. Братъ, чтобы не терять времени на поѣздку въ село Красную Пахру, гдѣ квартировалъ командиръ полка, чтобы испросить дозволеніе на поѣздку въ Москву, надѣлъ на себя партикулярную шубу и шапку своего человѣка и въ такомъ видѣ пріѣхалъ въ городъ, подъ именемъ моего слуги. Мой видъ, данный изъ Казанскаго университета, былъ достаточенъ для пропуска насъ обоихъ на заставѣ.

Проживъ три дня въ Москвѣ, въ которые братъ не выходилъ изъ номера, чтобы не быть узаннымъ, мы съ прежнимъ ямщикомъ отправились вновь въ Андреевку. На другой день мы отпустили ямщика, и братъ повезъ меня на своей тройкѣ «гнѣдыхъ казанокъ» верстъ за 10-ть, въ штабъ полка, расположенный, какъ я сказалъ, въ селѣ Красной Пахрѣ. Имѣнне это принадлежало извѣстной графинѣ, А. А. Орловой-Чесменской; въ немъ находился главный заводъ «орловскихъ рысистыхъ лошадей». Въ то время заводъ приходилъ уже въ упадокъ, или, по крайней мѣрѣ, переводился. Огромнымъ здашемъ завода и его свободными конюшнями воспользовались для помѣщенія въ нихъ штабныхъ и 1-го эскадрона лошадей. Въѣхавъ на постоянный дворъ, мы переодѣлись: братъ надѣлъ мундиръ, я — фракъ, и, захвативъ нужныя бумаги для поступленія въ полкъ, отправились къ полковнику, И. А. Евреинову. Меня поразило, что, пройдя довольно большую улицу, мы не встрѣтили ни офицеровъ, ни солдатъ; братъ объяснилъ мнѣ, что теперь часть ученій, и всѣ находятся въ манежѣ.

Квартира полковника помѣщалась въ красивомъ и, повидимому, помѣстительномъ домѣ; у крыльца стоялъ «полковой ящикъ», на двухъ высокихъ колесахъ, все, выкрашенное казенной зеленой краской. Передъ ящикомъ ходилъ часовой съ саблей наголо. Войдя въ прихожую и узнавъ, что полковникъ дома, братъ послалъ къ нему лакея доложить о нашемъ приходѣ и ввелъ меня въ залъ. Сердце сильно стучало у меня въ груди: рѣшалась моя участь, — къ лучшему, или къ худшему? — должно опредѣлить будущее.

То было 5-е февраля 1834 г., день, навсегда для меня памятный по своимъ послѣдствіямъ.

Вскорѣ вышелъ къ намъ небольшого роста, еще не старыи, сильный брюнетъ: то былъ полковникъ. Узнавъ отъ брата, кто я, и зачѣмъ пришелъ, онъ, картавя, сказалъ:

— Очень г'адъ, очень г'адъ! Служите, какъ вашъ бг'ать, и мы ссог'итесь не будемъ!

Принявъ отъ меня просьбу и разсмотрѣвъ мои бумаги, продолжалъ:

— Есть у васъ вѣг'ховая лошадь?

— Нѣтъ еще, полковникъ.

— Надо непг'емѣнно имѣть.

— Я слышалъ, что у васъ есть нѣсколько верховыхъ лошадей. Позвольте мнѣ одну купить.

— Хог'ошо! Эй! вѣстовой! Вывести «Тигг'а»!

Затѣмъ, пригласивъ въ гостиную, просилъ сѣсть и повелъ незначительный разговоръ. Узнавъ, что отецъ и мать въ Москвѣ, позволилъ брату и мнѣ отлучаться для свиданія съ ними столько разъ, сколько мы того желаемъ. Объявилъ, что полку назначаются новыя квартиры, въ Коломенскомъ уѣздѣ.

Доложили, что лошадь выведена. Поднявшись съ своихъ мѣстъ, всѣ мы вышли на «дворъ». Тамъ два улана черезъ силу удерживали красиваго гнѣдого жеребца, который и прыгалъ, и лягался, и фыркалъ, какъ настоящій тигръ.

Полковникъ, подведя меня къ жеребцу, сказалъ:

— Вотъ вамъ лошадь! Нг'авится ли?

— Я, полковникъ, толка въ лошадахъ не знаю. Позвольте положиться на вашъ выборъ.

— А! Когда такъ! Пг'ивести «Бг'ильянта»! Эта лошадь съ пог'окомъ. Покупай у меня знатокъ, я бы не постыдился обмануть его, хотя бы то былъ мой отецъ г'одной. Вы полагаетесь на мой выбогъ; мнѣ безчестно обмануть васъ!

Между тѣмъ, привели «Брильянта».

Велъ ее одинъ уланъ; лошадь, хотя тоже жеребецъ, шла тихо, спокойно, выматривала коровой.

— Вотъ вамъ лошадь,—сказалъ полковникъ.—Г'учаюсь, что ей останетесь довольны.

И дѣйствительно изъ такой на видъ неказистой лошади по выѣздкѣ вышла одна изъ лучшихъ лошадей въ полку.

Доселѣ все шло хорошо, прилично; дальнѣйшія за тѣмъ сцены, одна за другой, поразили меня своимъ цинизмомъ.

Вернувшись въ комнаты, мы въ залѣ застали полковыхъ адъютанта Буркова и казначея Чулкова (само собой разумѣется, что и фамиліи ихъ и должности я узналъ впослѣдствіи) и какую-то даму, молодыхъ еще лѣтъ, не дурной наружности, но довольно «помятой», прилично одѣтую и съ бойкими манерами. Полковникъ тотчасъ же обратился къ ней съ вопросомъ:

— Что вамъ угодно?

— Я, полковникъ, жена смотрителя завода графини и пришла къ вамъ съ жалобой.

— На кого?

— У меня квартируетъ вашъ офицеръ, Давыдовъ. Онъ обидѣлъ меня, обозвалъ непристойными словами.

Евреиновъ, будучи вдовцомъ и страстнымъ волокитой, какъ я

узналъ послѣ, поглядывая умильно на говорившую съ нимъ даму и покручивая усы, отвѣчалъ:

— Стг'анно, очень стг'анно, что мой офицеръ дозволилъ себѣ такую выходку противъ такой хог'ошенькой дамы. Эй, вѣстовой! позвать ко мнѣ поручика Давыдова!

Обратясь затѣмъ къ адъютанту, приказалъ зачислить меня въ тотъ же день въ полкъ и приготовить бланки для отпусковъ брата и меня въ Москву.

Между тѣмъ, явился высокаго роста, довольно видный изъ себя, съ прищуренными по близорукости глазами, офицеръ: то былъ Давыдовъ.

Полковникъ, обратясь къ нему, строго спросилъ:

— Какъ это вы, пог'учикъ, могли дозволить себѣ оског'бить даму?

— Не я оскорбилъ, полковникъ, а она меня. У меня сидѣли въ гостяхъ товарищи—офицеры, когда эта дама, какъ вы ее называете, вбѣжала въ комнату и при всѣхъ бросилась ко мнѣ на колѣни. Мнѣ было стыдно за нее. Столкнувъ съ колѣнъ, я просилъ ее удалиться, и когда она не послушалась, то вытолкнулъ ее, обозвавъ приличнымъ именемъ...

Выслушавъ Давыдова, полковникъ обратился къ дамѣ и грубо сказалъ:

— На что же ты жалуешься, когда сама кг'угомъ виновата?

— Будьте вѣжливыѣ, не забывайте, полковникъ, что я,—благородная!

— Ахъ, ты, мег'завка! Вонъ!

И, отвернувшись отъ нея, пошелъ въ гостиную. Всѣ мы послѣдовали за нимъ.

Слушая весь предыдущій разговоръ, я не зналъ, гдѣ я. Не понималъ, что—я. Не обманываютъ ли меня зрѣніе и слухъ? Составивъ себѣ понятіе о полковникахъ вообще, какъ о людяхъ солидныхъ, начальникахъ, долженствующихъ строго взыскивать за проступки своихъ подчиненныхъ, я и въ мысляхъ не могъ допустить возможности, чтобы они выражались языкомъ, который я слышалъ дотолѣ изъ устъ нашихъ лакеевъ и дворни, и который тотчасъ же прекращался при нашемъ появленіи. А теперь?—полковникъ при офицерахъ нисколько не стѣснялся въ своей неприличной брани... Впослѣдствіи на пути жизни мнѣ не разъ случалось при встрѣчѣ лицомъ къ лицу съ дѣйствительностью отказываться отъ своихъ заранѣе составленныхъ понятій!..

Но, Боже мой, что происходило, когда по приглашенію Евреинова всѣ мы остались у него обѣдать! Какой разговоръ велся за столомъ! Какой цинизмъ въ выраженіяхъ! Какое безстыдство въ разсказахъ! И полковникъ и офицеры другъ передъ другомъ хвалились своими эротическими похождениями; молчали только Чулковъ, человѣкъ женатый, но не менѣе того смѣявшійся съ дру-

гими,—да я, совершенно уничтоженный, подавленный всё́мъ слышаннымъ мной.

Я краснѣлъ безпрестанно; мнѣ совѣстно было оторвать глаза отъ тарелки, чтобы взглянуть на рассказчиковъ; а они между тѣмъ продолжали свои разговоры, нисколько не стѣсняясь въ выборѣ своихъ выраженій. Полковникъ замѣтилъ мое страждущее положеніе и, громко разсмѣявшись, указывая на меня, сказалъ:

— Посмотр'ите! Какая кг'асная дѣвушка!

На что братъ мой отвѣтилъ:

— Ничего, полковникъ! Еще птенчикъ, не обтерся. Поживетъ съ нами подольше, узнаетъ побольше. На первый разъ извините! Онъ домашняго воспитанія.

Я съ укоромъ во взглядѣ посмотрѣлъ на брата, что заставило еще болѣе всё́хъ разсмѣяться.

Съ того времени Евреиновъ при каждой встрѣчѣ со мной спрашивалъ:

— А что, кг'асная дѣвушка, пг'ивыкли къ нашимъ пог'ядкамъ? Хороши порядки!

Наконецъ, тяжелый для меня обѣдъ кончился; мы перешли въ гостиную, куда подали кофе и трубки. Покончивъ съ тѣмъ и другимъ, распростились съ полковникомъ, и братъ повелъ меня въ швальню.

Она помѣщалась въ какомъ-то подземельѣ, куда мы по темной лѣстницѣ спустились ощупью. Съ трудомъ найдя дверь, мы отворили и прямо попали въ мастерскую. Нѣсколько солдатъ въ однѣхъ рубашкахъ и форменныхъ рейтузахъ, скрестивъ ноги «калачикомъ», сидѣли на длинныхъ столахъ и шили военное платье. Явился вольнонаемный главный закройщикъ,— маленькая, горбатенькая фигурка. Братъ заказалъ ему сшить мнѣ всю форму: казенную, изъ солдатскаго сукна, и мундиръ съ рейтузами изъ тонкаго для собственнаго употребленія. Закройщикъ поставилъ меня на столъ ближе къ окну, чтобы было свѣтлѣе, снялъ съ меня мѣрку и общалъ все приготовить въ скорѣйшемъ времени.

Выйдя изъ швальни, братъ сказалъ:

— У полковника ты видѣлъ адъютанта и казначея, теперь я тебя познакомяю съ нашимъ квартирмейстеромъ: фамилія его— Сойдель.

Вскорѣ мы подошли къ двухъэтажному дому. Поднявшись на лѣстницу и взявшись за скобку двери, братъ, обернувшись ко мнѣ, скороговоркой проговорилъ:

— Ты смотри, не вздумай разлетѣться «къ ручкѣ»,—и съ этимъ вмѣстѣ отворилъ дверь, такъ что я не имѣлъ времени попросить у него объясненія его словъ.

Вошли въ прихожую.

Пока снимали съ себя верхнее платье, я все думалъ, что та-

кое хотѣлъ сказать братъ словами: «не разлетись къ ручкѣ». Я очень хорошо зналъ, что тогда въ обществѣ вышло уже изъ обыкновенія цѣловать ручки у дамъ знакомыхъ и незнакомыхъ. Къ чему же служило его предостереженіе? Но еще большее недоумѣніе ожидало меня впереди.

Изъ сосѣдней комнаты раздавались шумные голоса и звонкій, раскатистый смѣхъ. Отворивъ туда дверь, мы буквально попали въ облака табачнаго дыма. Было накурено такъ, что зажженные свѣчи мелькали, какъ уголекъ, и двигающіеся люди казались тѣнями. Когда я осмотрѣлся въ этомъ туманѣ, то первое, что бросилось мнѣ въ глаза, былъ офицеръ, лежавшій перегнувшись навзничь на постели и свѣсившимися ногами достававшій до пола. На немъ былъ надѣтъ сюртукъ нараспашку, показывавшій отсутствіе жилетки и галстука, обѣ руки его были заткнуты за брюки около подтяжекъ. Въ такой мудрой позѣ, онъ звонкимъ, чистымъ голосомъ напѣвалъ извѣстную польскую мазурку:

— «Нашъ Хлопицкій волкъ, дзѣльный, смялый» и пр., при чемъ ногой отбивалъ тактъ.

То былъ штабъ-ротмистръ Носовичъ.

Не безъ намѣренія я вхожу въ эти мелочныя подробности. Судьба, указавъ мнѣ его первымъ въ табачномъ дымѣ, этимъ самымъ какъ бы предупреждала меня, что этотъ человѣкъ первымъ попадетъ на пути моей рискованной жизни, о чемъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

Къ намъ подошелъ хозяинъ, высокій, страшно худощавый, среднихъ лѣтъ мужчина, въ архалукѣ и татарской остроконечной тюбетейкѣ, надѣтой болѣе на затылокъ, такъ что спереди виднѣлся кокъ волосъ. Стойделъ принялъ меня очень радушно, просилъ не церемониться! На диванѣ сидѣла дама, повидимому, хозяйка дома, распорядившаяся приготовленіемъ чая. Но отъ чего же братъ не подводитъ меня къ ней для представленія? и что значитъ это неуваженіе, въ болѣе чѣмъ небрежной позѣ, офицера, перевѣсившагося на кровати?

Все это объяснилось мнѣ послѣ... Стали понятны и слова: «не разлетись къ ручкѣ», сказанныя братомъ.

У Стойделя я познакомился съ ротмистромъ Аферьевымъ, котораго, не знаю почему, въ полку звали «дядюшкой», поручикомъ Фаминцынымъ, будущимъ преемникомъ должности Стойделя, и Носовичемъ. Всѣ они знали о моемъ опредѣленіи въ полкъ отъ Давыдова, бывшаго тутъ же, умнаго и очень остраго малаго, прекомично рассказавшаго сцену у полковника съ хозяйкой своей квартиры. Вечеръ былъ очень оживленъ и прошелъ незамѣтно. Но мнѣ все происходившее казалось весьма страннымъ. Люди, кажется, на взглядъ порядочные, а какъ-то странно держатъ себя въ отношеніи дамы, сидящей на диванѣ, обращаются съ нею фамиллярно,

говорятъ грязныя двусмысленности; она нисколько этимъ не оскорбляется, напротивъ, первая смѣется ихъ неприличнымъ выраженіямъ... Я совершенно уничтожился, когда Давыдовъ, рассказывая утреннюю сцену, употребилъ собственныя слова, сказанныя при этомъ случаѣ полковникомъ. Зардѣвшись отъ стыда, я посмотрѣлъ на даму, желая знать, какое произведетъ на нее впечатлѣніе весь этотъ цинизмъ. Она хохотала отъ души, нисколько не стѣсняясь выраженіями. Вечеръ въ отношеніи моей еще дѣвичьей скромности вполне былъ достоинъ утра, проведеннаго у полковника. Цѣлый первый день моего поступленія въ полкъ прошелъ въ томъ, что я переходилъ отъ удивленія къ удивленію. Все слышанное и видѣнное мной рѣзко запечатлѣлось въ моей памяти. Никогда въ самыхъ смѣлыхъ моихъ мечтахъ я не допускалъ мысли, что когда нибудь буду въ обществѣ людей порядочныхъ, но съ такимъ языкомъ въ выраженіяхъ, съ такими манерами въ обращеніи!..

Возвратившись на постоянный дворъ, мы велѣли закладывать лошадей и ясной, лунной ночью отправились во-свои въ деревню Андреевку. Всю дорогу я молчалъ, обдумывая мой первый день вступленія въ полкъ. Мысли мои чаще всего останавливались на видѣнной мной у Стойделя дамѣ, повидимому, приличной, но такъ наивно смѣявшейся разсказу Давыдова и столь смѣлой въ обращеніи съ офицерами.

Это—начало; что-то будетъ далѣе?..

Доселѣ я былъ на квартирѣ у брата, какъ гость, теперь вошелъ въ нее сотоварищемъ. Осмотрю и опишу наше помѣщеніе; оно будетъ служить общимъ типомъ «офицерской квартиры». Убранство и размѣщеніе пожитковъ было у всѣхъ почти одинаково, съ весьма малыми измѣненіями.

Квартира наша помѣщалась въ избѣ очень чистой. Входъ въ нее былъ со двора, по невысокому крылечку съ навѣсомъ и двумя по краямъ колонками, въ просторныя сѣни; изъ нихъ дверь налево вела прямо въ наше помѣщеніе. При входѣ въ избу, тотчасъ отъ двери на лѣвой сторонѣ помѣщалась обыкновенная русская печь съ челомъ и подпечникомъ. Отъ печи шла перегородка во всю длину избы. Свѣтъ давали четыре небольшія окна: одно изъ нихъ за перегородкой освѣщало печку; изъ остальныхъ два были устроены по линіи съ первымъ, а послѣднее съ боку по стѣнѣ, идущей параллельно перегородкѣ. Первые три смотрѣли въ поле, а четвертое, боковое выходило къ довольно глубокому оврагу, такъ какъ изба стояла съ края селенія и на самомъ обрывѣ. Украшеніе заключалось въ слѣдующемъ: направо отъ входной двери нары были вынуты; мѣсто ихъ занимала желѣзная складная кровать. На стѣнѣ висѣлъ коверъ, на которомъ были развѣшаны: пистолеты, уздечки, мундштуки и т. п. Далѣе, по стѣнамъ, шли простыя лавки. Въ переднемъ углу стоялъ столъ, накрытый узор-

чатой, цвѣтной скатертью. На столѣ стояли складное зеркало и принадлежности для туалета; все это убиралось, накрывали столъ для обѣда, и потомъ опять становилось на свое мѣсто. Около стола стояли два складныхъ желѣзныхъ стула; у перегородки помѣщался деревянный сундукъ, сдѣланный «по телѣгѣ», въ него укладывались вещи при передвиженіяхъ полка. Чемоданы валялись подъ кроватью. За перегородкой, около печи, по стѣнѣ устроены полки, на которыя ставилась посуда и кастрюли. Столовая посуда вся была изъ жести, стаканы служили вмѣстѣ чайными чашками. Къ такой расчетливости побуждала не столько экономія, сколько необходимость имѣть какъ можно менѣе нужныхъ вещей, чтобы не обременять себя при перемѣнѣ квартирѣ, которыхъ, какъ увидимъ далѣе, ежегодно бываетъ по четыре.

Таково было наше помѣщеніе; оно незатѣйливо, но жилось въ немъ удобно.

Невольно припоминались стихи Д. В. Давыдова:

«Посѣти домишко мой!
Въ немъ нѣтъ нищихъ у порога,
Въ немъ нѣтъ зеркалъ и картинъ,
И хозяинъ, слава Богу,
Не великій господинъ».

Съ нашей квартирой въ Андреевкѣ была связана легенда о чудесномъ событіи, происшедшемъ въ избѣ. Хозяинъ нашъ, А. Ватухинъ, былъ крестьянинъ, кажется, «экономическаго» вѣдомства, при маломъ ростѣ замѣчательнъ по своей тучности. Мнѣ никогда, ни прежде, ни послѣ, не случалось встрѣчать крестьянъ-земледѣльцевъ тучными. Ватухинъ одинъ служилъ для меня исключеніемъ. По рассказамъ, отецъ его былъ еще тучнѣе. Съ послѣднимъ и случилось то таинственное событіе, о которомъ я хочу рассказать.

Ватухинъ-отецъ построилъ ту самую избу, которая теперь служила намъ помѣщеніемъ. Желая отпраздновать новоселье, онъ, по принятому обычаю, прежде всего, пригласивъ священника отслужить молебенъ, созвалъ сосѣдей, устроилъ пирушку и отложилъ дозавтра освященіе дома; но онъ рассчитывалъ обойтись безъ вмѣшательства дьявола.

Завтра для него не существовало!

Пиръ былъ устроенъ на славу, вино лилось въ изобиліи.

Далеко за полночь гости разошлись и разъѣхались, благодаря хозяина за щедрое угощеніе. Ватухинъ-отецъ одинъ остался ночевать во вновь построенной избѣ.

На другой день, утромъ, домашніе его удивились, что старикъ, обыкновенно раньше всѣхъ встававшій, на этотъ разъ такъ поздно не выходитъ изъ избы. Приписывая это дѣйствию вчерашней попойки,

они не тревожили его сна. Видя, что старикъ и въ полдень не появляется, рѣшились заглянуть въ избу, но тамъ ничего не видѣли, кромѣ смятой постели. Предположивъ, что онъ незамѣтно для нихъ куда нибудь вышелъ, домашніе рѣшились поджидать его возвращенія. Наконецъ, пришло время обѣдать. Старикъ, всегда обѣдавшій въ своей семьѣ, не показывается. Домашніе переполошились, бросились искать его по селенію, но не только нигдѣ не могли отыскать его, никто не могъ сказать, что видѣлъ его. Рѣшились тщательнѣе осмотрѣть вновь построенную избу. Послѣ разныхъ напрасныхъ поисковъ кто-то нечаянно заглянулъ въ подпечье и видитъ... тутъ начинается сверхъестественное... видитъ старика, тамъ лежащаго, мертвымъ. Прежде всего, всѣхъ присутствующихъ удивило, какимъ образомъ Ватухинъ по толщинѣ своей могъ пролѣзть въ такое небольшое отверстіе. Чтобы вытащить его оттуда, должны были разломать подпечье. При осмотрѣ тѣла оказалось, что шея его необыкновенно вздута, съ черными продолговатыми полосами, какъ бы отъ удушенія пальцами.

При видѣ такихъ признаковъ насильственной смерти и необъяснимаго положенія тѣла въ узкомъ подпечьѣ весь сельскій ареопагъ крестьянъ рѣшилъ, что его задавили черти, потому что прежде освященія избы онъ устроилъ пирушку, т. е. прежде молитвы онъ посвятилъ ее дьяволу!

Конечно, смерть его можно объяснить весьма прозаическимъ способомъ: апоплексическимъ ударомъ, а нахожденіе его въ подпечьѣ, что онъ залѣзъ туда спяща; но тогда теряется вѣрованіе въ «чудесное», и потому я оставляю рассказъ о его необыкновенной смерти во всей его наивной простотѣ, какъ онъ переданъ былъ намъ Ватухинымъ-сыномъ.

Съ того времени никто не рѣшался жить въ новой избѣ. Этому случаю мы обязаны, что имѣли помѣщеніе чистое и опрятное, столь рѣдкое въ быту нашихъ крестьянъ-землевладѣльцевъ.

Дня черезъ три, по возвращеніи изъ штаба полка, мы отправились въ Москву, и какъ разъ поспѣли къ переѣзду матери изъ гостиницы Ермолаева на квартиру, въ флигель дома графа Девьера, на Малой Дмитровкѣ, и къ отѣзду отца въ Петербургъ. Для излѣченія сестры отъ безобразившаго ее зоба былъ приглашенъ извѣстный тогда врачъ Высоцкій. Здѣсь скажу, что онъ остановилъ дальнѣйшее развитіе опухоли, и на шеѣ сестры остался незамѣтный небольшой наростъ.

Проводивъ отца и проживъ дня три съ матерью, мы вернулись на свою квартиру. Тамъ я засталъ присланное закройщикомъ готовое мое платье. Примѣривъ мундиръ тонкаго сукна и найдя его удовлетворительно сшитымъ, я облекся въ казенную солдатскую форму. Не скоро могъ привыкнуть къ ней; въ особенности меня затрудняли рейтузы: обитые по внутреннему шву толстой

черной кожей, они мѣшали свободному стигу ноги; суконный галстукъ терѣ мнѣ немилосердно шею. Но всѣ эти неудобства я переносилъ терпѣливо; они выкупались достигнутымъ желаніемъ—носить юнкерскій мундиръ!.. Занялись пригонкой амуниці. Дали мнѣ уланскую шапку, желѣзные кованые изъ собранныхъ чешуй эполетики, витешкеты, глянцевито-бѣлую кожаную перевязь съ подсумкомъ, тяжелую саблю съ португеей и суконнымъ кушакомъ и сапоги изъ солдатской кожи, съ огромными, форменными шпорами; остригли волосы «подъ гребенку», и я мигомъ превратился въ юнкера Оренбургскаго уланскаго полка.

Надо было ѣхать представляться своему эскадронному командиру, ротмистру Кондратенкѣ, квартировавшему отъ насъ верстахъ въ семи.

Собрались,—поѣхали.

Братъ самъ повезъ меня. Дорогой я узналъ отъ него, что у Кондратенка тоже «своя хозяйка», какъ и у Стойделя, только у послѣдняго изъ благородныхъ, а у ротмистра—тверская мѣщанка.

По приѣздѣ на квартиру ротмистра, насъ встрѣтила высокая краснощекая баба, въ крестьянскомъ сарафанѣ, и объявила, что «Карпъ Захарычъ пошелъ въ манежъ и скоро вернется», а между тѣмъ предложила, не желаемъ ли мы напитокъ чаю.

То была знаменитая «Натаха», сподружница моего эскадроннаго командира и слѣдовательно моя «мать-командирша». Разглядывая меня своими наглыми нѣсколько прищуренными глазами, она удостоила замѣтить, что я еще «молоденькій». Въ предшествовавшихъ сценахъ въ штабѣ полка я уже успѣлъ потерять, такъ сказать, первый цвѣтъ стыдливости и потому прямо и смѣло смотрѣлъ «Натахѣ» въ глаза и подмѣтилъ улыбку удовольствія на ея жирныхъ губахъ.

Пока я находился въ такомъ «созерцательномъ» положеніи, дверь въ избу отворилась, вошелъ мужчина, выше средняго роста, крѣпкій, плотный, неопредѣленныхъ лѣтъ, говорю «неопредѣленныхъ», потому что самый лучший фizioномистъ, смотря на его довольно полное лицо, не испещренное морщинами, на русые, безъ просѣди, волосы, прямой станъ и твердую походку,—затруднился бы по одному виду опредѣлить число его лѣтъ. То былъ ротмистръ. Извѣстно было, что онъ поступилъ въ военную службу по рекрутскому набору изъ крестьянъ Кіевской губерніи. Въ званіи младшаго вахмистра дѣлалъ кампанію 1807 г., подъ Фридландомъ раненъ въ палецъ лѣвой руки. Ко всему этому приложите возрастъ, въ какомъ онъ былъ принятъ въ военную службу, время служенія его до вахмистра, наконецъ настоящій 1834-й годъ, и опредѣлите: сколько ему можетъ быть лѣтъ? А между тѣмъ, смотря на его здоровую фizioномію, нельзя было дать ему много. Живой, подвижной, съ русыми волосами, въ которыхъ не замѣчался

ни одинъ сѣдой волосъ, съ небольшими усами, онъ казался лѣтъ 40, не болѣе. Такъ онъ хорошо сохранился.

Когда я представился ему, онъ сказалъ:

— А! кажу: здорово! Я о тѣбѣ получилъ приказъ. Ну, садись.

Обратившись къ своей «половинѣ», тутъ же стоявшей, продолжалъ:

— Натаха, дай закусить!

Закуска состояла изъ балыка, паюсной икры, бѣлаго вина и простой водки. Наливъ вина въ стаканчикъ, вмѣстимостью болѣе двухъ обыкновенныхъ рюмокъ, Кондратенко, обратясь къ намъ, сказалъ:

— Бувайте здравы!—и залпомъ выпилъ.

Затѣмъ предложилъ водки брату и мнѣ.

Мы отказались.

— Ну, какъ знаете!

Когда мы стали собираться домой, онъ остановилъ насъ, сказавъ:

— Куды? Обѣдайте у меня! А послѣ сыграемъ «въ муху».

То была единственная карточная игра, которую онъ зналъ и любилъ.

Мы остались.

Пошли толки о лошадяхъ, ихъ содержаніи, о разныхъ сносахъ выѣздки и т. п. Я не принималъ никакого участія въ разговорѣ и все время молчалъ, вслушиваясь въ эту тарабарскую грамоту, состоявшую изъ терминовъ, тогда еще для меня совершенно незнакомыхъ.

Подали обѣдъ, простой, но вкусно приготовленный. Кушанья подавалъ денщикъ, а Натаха возилась около печи, тутъ же, за перегородкой. Все было—приготовление ея рукъ.

Послѣ обѣда, напившись кофе и закуривъ трубки, усѣлись за «муху». Я не зналъ этой игры, но по простотѣ ея скоро выучился.

Игра по «очень маленькой», и выигрышъ состоялъ изъ нѣсколькихъ копеекъ. Выигралъ Кондратенко, но не хотѣлъ получать денегъ, а записалъ ихъ мѣломъ на потолочной балкѣ, говоря:

— Расчетъ перваго числа.

Онъ имѣлъ обыкновеніе всѣ счета, и казенные и частные, сводить перваго числа cadaго мѣсяца.

Напившись чая, мы отправились домой.

Братъ спросилъ меня о впечатлѣніи, какое произвело все мной видѣнное. При этомъ очень удивилъ меня, рассказавъ, что Кондратенко почти не знаетъ грамоты: приказы читаетъ ему всегда писарь Медвѣдевъ, а вмѣсто своей подписи «ротмистръ Кондратенко» ставитъ счетомъ двадцать черточекъ съ разными закорючками. Съ такой подписью у меня долго сохранялся билетъ, данный мнѣ, какъ юнкеру, на приѣздъ въ Москву, но съ частыми

переѣздами съ квартиры на квартиру и передвиженіями затерялся. Очень сожалѣю о такой потерѣ. Билетъ этотъ, какъ не послѣдняя своего рода рѣдкость, не имѣлъ цѣны. Онъ наглядно доказывалъ, что въ царствоваше Николая можно было дослужиться до значительнаго чина и командовать отдѣльной частью, не зная грамоты.

Въ то время требовалось отъ офицера не образованіе, но хорошая выправка и твердое знаніе порядковъ службы, т.-е. не головы, а автоматическаго движенія, точно исполняющаго разъ заведенный порядокъ. Во всемъ было продолженіе той же системы—тормозить развитіе въ человѣкѣ, какъ это было принято и въ отношеніи обучающагося юношества, о чемъ я подробно говорилъ при описаніи Казанскаго университета.

Кондратенко представлялъ собой другой замѣчательный типъ выслужившагося простолюдина. Онъ часто рассказывалъ, что когда былъ солдатомъ, то о его плечи и спину сломался не одинъ возъ палокъ. Казалось бы, такія «сильныя ощущенія» должны были сдѣлать его снисходительнымъ къ ошибкамъ солдатъ и болѣе мягкимъ въ обращеніи съ ними. Выходило напротивъ: онъ дрался страшно, какъ бы желая выместить на другихъ, что перенесъ самъ. Не проходило ни одного ученя, чтобы не было нѣсколько солдатъ жестоко избитыхъ.

Обладая замѣчательной силой, Кондратенко, однимъ ударомъ по щекѣ сшибалъ съ ногъ человѣка. Сначала, видя, что люди валятся подъ его ударами, какъ снопы, я, признаюсь, приписывалъ это солдатской уловкѣ, чтобы избѣжать дальнѣйшихъ наказаній; но когда получившій такой ударъ долго послѣ того выплевывалъ кровь изо рта, я понялъ, что паденіе его не было притворствомъ. Объ этомъ самомъ Кондратенкѣ извѣстный эмигрантъ, Герценъ, помѣстилъ въ своемъ «Колоколѣ», печатавшемся въ Лондонѣ, анекдотъ. Принимая въ первый разъ эскадронъ, Кондратенко замѣтилъ подошедшему къ нему съ рапортомъ старшему вахмистру, что онъ не знаетъ службы и не умѣетъ являться къ начальнику. На спросъ присутствовавшихъ при этомъ офицеровъ, въ чемъ же заключается незнаніе службы вахмистра, Кондратенко отвѣчалъ:

— А чтобы шпоры звякали.

— Но какъ могутъ звенѣть шпоры въ то время, когда человѣкъ стоитъ?

— А, какъ: приходите черезъ недѣлку и увидите!

Дѣйствительно, въ послѣдствіи у старшаго вахмистра передъ Кондратенкомъ звенѣли шпоры, хотя онъ и стоялъ на одномъ мѣстѣ. Кондратенко такъ забилъ его, что бѣдный вахмистръ, ожидая ежеминутно получить сильные удары, по чему ни попало и чѣмъ ни попало, отъ страха дрожалъ всѣмъ тѣломъ. Дрожаніе это передавалось шпорамъ, и онѣ «звякали». Тогда офицеры поняли, какимъ обра-

зомъ могутъ звенѣть шпоры не только на ходу, но когда человѣкъ стоитъ и на одномъ мѣстѣ.

Не знаю, насколько рассказъ этотъ справедливъ,—при мнѣ не происходило такой дрессировки вахмистра,—но онъ вѣрно обрисовываетъ характеръ Кондратенка въ обращеніи съ солдатами.

Здѣсь, кстати, расскажу случай, показывающій, насколько Кондратенко усвоилъ себѣ приличіе обращенія въ обществѣ.

Нашъ полкъ, во время польскаго похода, въ 1830 году, состоялъ въ первой уланской дивизіи, подъ начальствомъ князя Хилкова.

По окончаніи похода, князь Хилковъ, получившій 6-й пѣхотный корпусъ, желалъ проститься съ своими боевыми офицерами и потому устроилъ для нихъ обѣдъ.

На обѣдъ этотъ, въ числѣ прочихъ, былъ приглашенъ ротмистръ Кондратенко, служившій раньше вахмистромъ въ лейбъ-гвардейскомъ гусарскомъ полку, во время командованія княземъ Хилковымъ. Во время стола князь, обратясь къ своей женѣ и указывая на Кондратенка, сказалъ:

— Вотъ, матушка, ты все называешь меня старикомъ, посмотри на ротмистра: онъ былъ у меня вахмистромъ а все еще молодець.

Тогда Кондратенко, вставъ съ своего мѣста, черезъ весь столъ гаркнулъ:

— Нѣтъ, ваше сіятельство, кажу: я старъ на морду.

Всѣ присутствующіе такъ и покатались со смѣха.

Вскорѣ былъ полученъ приказъ — выступать на новыя зимнія квартиры: штабъ полка переводился въ городъ Коломну, Московской губерніи, а эскадроны располагались въ уѣздѣ города. По составленной дизлокаціи, нашему 2 взводу пришлось стоять въ селѣ Луково-Мячковѣ, названномъ такъ въ отличіе отъ другого села Каменнаго Мячкова, находящагося въ Бронницкомъ уѣздѣ, недалеко отъ Боровскаго перевоза, при которомъ французы, при выступленіи своемъ изъ Москвы въ 1812 году, имѣли первую упорную стычку съ нашими войсками. Село Каменное Мячково славится своими каменоломнями, изъ которыхъ добываются мельничные жернова, извѣстные во всей Россіи.

Передъ отправленіемъ нашимъ въ Коломенскій уѣздъ, мы съѣздили въ Москву проститься съ матерью. Разстояніе, теперь насъ раздѣляющее, должно было увеличиться и лишить возможности частыхъ свиданій.

Нашему взводу велѣно было собираться на эскадронномъ дворѣ, т.-е. гдѣ жилъ Кондратенко, какъ въ селеніи, лежащемъ на пути слѣдованія. Мнѣ же, какъ «новичку», дозволено было слѣдовать

при обозѣ, съ своими вещами, а «Брильянта» моего тоже, какъ новичка по службѣ, повели «въ поводу» при взводѣ.

На эскадронномъ дворѣ я встрѣтилъ и другихъ нашихъ офицеровъ: командира 1-го взвода, Фаминцына, котораго я уже видѣлъ у Стойделя, и 4-го—Троадія Карачарова. 3-й взводъ, не имѣя офицера, управлялся вахмистромъ. Тутъ же я встрѣтилъ и другихъ юнкеровъ, моихъ товарищей, съ которыми тотчасъ и познакомился. Когда все было готово къ выступленію, вышелъ Кондратенко, командовалъ: «Садись!»—и эскадронъ, по два въ рядъ, тронулся въ путь. Впереди его шли два крестьянина—проводника, до большой дороги: то были колонновожатые. За эскадрономъ тронулся и я.

Выйдя на большую дорогу, эскадронъ остановился, пропустилъ обозъ впередъ, чтобы мы могли заранѣе прійти на ночлегъ и приготовить пищу. Гдѣ рысцой, а гдѣ и шагомъ, весь нашъ вагенбургъ двигался подъ моимъ непосредственнымъ начальствомъ. Дойдя до селеній, назначенныхъ для ночлега, мы при въѣздѣ были встрѣчены квартирьерами, указывавшими наши временныя помѣщенія. Черезъ часть времени пришелъ и эскадронъ. Пообѣдали, отдохнули и вечеромъ всѣ собрались у Кондратенка «играть въ муху».

На другой день, рано, до выступленія эскадрона, отправился обозъ. Такъ какъ намъ слѣдовало идти все по большой почтовой дорогѣ, то мы и не могли сбиться съ своего пути. Прежнимъ порядкомъ были встрѣчены квартирьерами, отправленными еще наканунѣ, и расположились на «дневку», т.-е. провели на мѣстѣ весь слѣдующій день, что, по положенію, предписывалось для береженія лошадей и сохраненія ихъ въ «тѣлѣ».

На четвертый день выступили тѣмъ же порядкомъ, имѣли ночлегъ и на слѣдующее утро, на поворотѣ съ большой дороги, въ назначенныя намъ постоянныя квартиры, встрѣтили ожидавшихъ насъ квартирьеровъ.

Одинъ изъ нихъ, отдѣлившись отъ прочихъ, шелъ съ нами, указывая дорогу. Такимъ образомъ, на пятый день нашего выступленія пришли въ Луково-Мячково, сдѣлавъ всего около 90 верстъ.

Въ селѣ Луково-Мячковѣ, принадлежавшемъ, кажется, графинѣ Литта, считалось до тысячи душъ. На такое количество обывателей размѣстились: эскадронный дворъ и 2-й взводъ, всего въ количествѣ не болѣе 40 человекъ. Такое обширное помѣщеніе доставило всѣмъ роскошь, рѣдкую въ военномъ быту; каждый изъ офицеровъ и юнкеровъ имѣли по двѣ квартиры (избы), одну занимали сами, въ другой рядомъ помѣщались прислуга и кухня. Солдаты разставлены были на 6—7 дворовъ по одному, и они, по очереди, переходили изъ одной избы въ другую. Для помѣщенія лошадей вотчинная контора уступила длинный, деревянный сарай, въ которомъ

прежде помѣщалось сѣно. Въ сараѣ этомъ прорубили, гдѣ было нужно, окна, подѣлали стойла, и вышла отличная, теплая конюшня. Для манежа былъ огороженъ соломенными щитами довольно значительный четырехугольникъ земли. Въ немъ люди обучались одиночной верховой ѣздѣ и выѣзжали молодыхъ лошадей.

Изъ этого видно, что помѣщеніе, какъ для людей, такъ и для лошадей, было болѣе чѣмъ роскошное, тѣмъ болѣе оцутительное, что прежде въ Московскомъ уѣздѣ при тѣсномъ помѣщеніи терпѣли много неудобствъ.

Квартира наша помѣщалась наверху двухъэтажной избы (низъ занимали хозяева) и состояла изъ двухъ комнатъ: прихожей, въ одно окно, и большой—въ два окна. Голландская печь, въ изразцахъ, лежанкой и топкой выходила въ прихожую, а стѣнкой—въ наше помѣщеніе. Кухня и люди помѣщались рядомъ, въ другой избѣ, на дворѣ, гдѣ въ тепломъ омшеникѣ стояли наши упряжные лошади, а подъ навѣсомъ экипажи.

По прибытіи въ Мячково, я занялся серьезно службой, чтобы быть вполне готовымъ къ шестимѣсячному сроку производства въ офицеры, по праву, предоставленному университетскимъ аттестатомъ. Остальное время я посвящалъ изученію верховой ѣзды.

Въ одно изъ моихъ ученій верховой ѣзды былъ со мной случай, могшій кончиться для меня очень дурно.

Разъ, вскорѣ послѣ обѣда, мнѣ пришло желаніе ѣздить верхомъ. Узнавъ, что вахмистръ Ильинъ, которому я былъ специально порученъ, отдыхаетъ, я разбудилъ его. Съ недовольнымъ видомъ, что потревожили его сонъ, онъ пришелъ въ манежъ и при одномъ поворотѣ во время ѣзды бичемъ ударилъ меня по спинѣ, сказавъ: «Ахъ, извините! Нечаянно! Я хотѣлъ по лошади!»

Понявъ очень хорошо, что ударъ этотъ не былъ слѣдствіемъ неловкости, а прямо предназначался мнѣ, чтобы выместить досаду прерваннаго сна, да и лошадь «Муромецъ» — умная и послушная, понимавшая даже слова команды, исполняя свое дѣло, никакъ не заслуживала наказанія.

Отъ боли и стыда я остановилъ лошадь, быстро соскочилъ съ нея и, подбѣжавъ къ Ильину, со всего размаха ударилъ его по щекѣ, проговоривъ: «Ахъ, извините! Я тоже нечаянно!»

Такая моя выходка, вполне нарушавшая военную дисциплину, — взводный вахмистръ былъ нѣкоторымъ образомъ все-таки мой непосредственный начальникъ, — въ тѣ времена строгости могла кончиться для меня очень дурно, если бы Ильинъ вздумалъ «пожаловаться». Но, сознавая, можетъ быть, и свою вину, онъ забылъ мой ударъ, — я простилъ ему его. Но случай этотъ для насъ обоихъ послужилъ урокомъ — въ столкновеніяхъ нашихъ быть благоразумнѣе. По крайней мѣрѣ, съ его стороны не было болѣе попытокъ возобновлять что либо подобное.

Искусство верховой ѣзды вначалѣ доставалось мнѣ съ трудомъ и большой болью. Отъ усилія держаться крѣпко на лошади ляжками я постоянно стиралъ ихъ. Къ крови, сочившейся изъ стертыхъ мѣстъ, присыхало бѣлье; чтобы отдѣлить его безъ большой боли, нужно было прибѣгать къ помощи теплой воды и смачивать. Такое мученіе продолжалось довольно долго, пока я не выучился твердо держаться на сѣдлѣ, безъ особыхъ усилій ляжекъ, а только однимъ равновѣсіемъ.

Въ то же время, когда я обучался верховой ѣздѣ, и моя лошадь «Брильянтъ» подвергалась мученіямъ выѣздки. Говорю — мученіямъ, потому что тогда былъ принятъ методъ обученія, состоящій въ траверзахъ, ранверзахъ, разныхъ боковыхъ движенійхъ, сильной на курцъ-галопѣ осадкѣ назадъ, отчего лошади слабѣли задними ногами, и т. п. Обученіемъ «Брильянта» занимался тотъ же Ильинъ, и — надо отдать ему справедливость — выѣздилъ его прекрасно. Часто впослѣдствіи, сидя на «Брильянтѣ» верхомъ, я бралъ поводья въ зубы, руки складывалъ за спину и одними шенкелями заставлялъ его «писать вензеля» въ манежѣ. «Брильянтъ» имѣлъ «высокій» ходъ, но былъ невыразимо трясокъ на ходу. На «церемоніальныхъ» маршахъ было еще сносно, но на полковыхъ ученьяхъ, продолжавшихся, обыкновенно, довольно долго, тряскость его была мучительна; съ такихъ ученій я всегда возвращался весь разломанный. «Брильянтъ» зналъ мой голосъ, обыкновенно откликался ржаніемъ, когда я звалъ его. Я часто ходилъ къ нему въ стойло и кормилъ хлѣбомъ. Послѣ этого онъ морду свою савалъ ко мнѣ въ карманъ, заранѣе увѣренный, что тамъ найдетъ себѣ лакомство—сахаръ. Вообще былъ послушенъ, но получилъ одну скверную привычку, отъ которой я, при всемъ стараніи, не могъ отучить его никогда. Разъ, въ началѣ своего обученія выѣздкѣ, онъ какъ-то зубами развязалъ поводъ. Почувствовавъ свободу, вырвался изъ конюшни и выбѣжалъ на улицу. На встрѣчу ему попалась крестьянская лошадь, сѣрой масти, мирно щипавшая траву. Вмигъ онъ бросился на нее и вцѣпился зубами; сбѣжавшіеся уланы съ трудомъ оттащили его отъ лошади и привели обратно въ конюшню. Съ того времени «Брильянтъ» не могъ видѣть равнодушно лошадей сѣрой масти. Бывало, во время «церемоніальныхъ» маршей, какъ только поровняется съ трубачами, которые сидѣли на «сѣрыхъ» лошадяхъ, такъ и норовить направиться къ нимъ: чуть оплошалъ, онъ уже «цапнулъ» крайнюю лошадь.

Въ свободное отъ служебныхъ занятій время я ходилъ къ Кондратенку играть въ «муху»; ѣздилъ съ братомъ къ другимъ офицерамъ, тѣ въ свою очередь пріѣзжали къ намъ; такимъ образомъ шло у меня время.

Въ Луково-Мячковѣ, какъ и во многихъ селеніяхъ Россіи, существовалъ обычай: въ зимніе вечера составлять «посидѣнки»,

или, какъ мы ихъ сокращенно называли, «посѣдки». Посидѣнки для прекраснаго крестьянскаго пола были то же, что наши «дамскіе клубы», только съ разными оттѣнками.

Обыкновенно, для посидѣнокъ избиралась просторная изба, преимущественно какой либо вдовы, еще лучше бездѣтной. Въ такую избу зимними вечерами собираются изъ сосѣднихъ домовъ крестьянскія дѣвки, со льномъ и гребнями, и, распѣвая пѣсни, придутъ. Но это составляетъ наружную сторону посидѣнокъ. Настоящая причина заключалась въ томъ, что къ дѣвкамъ присоединялись парни, приносившіе лакомства, начинались угощенія и разныя игры.

Въ Луково-Мячковѣ, какъ и въ другихъ мѣстностяхъ Коломенскаго уѣзда, по малоземелью, всѣ взрослые парни уходили на «заработки»,—или въ Коломну на «парчевыя фабрики», которыми славился городъ (да еще яблочной пастилой), или въ Москву, и возвращались въ свои дома на непродолжительное время на масляной недѣлѣ, Пасхѣ, къ уборкѣ сѣна и на святкахъ. Въ прочее время въ селеніяхъ оставались только «старъ да младъ». Поэтому «посидѣнки» въ Луково-Мячковѣ носили свой особый характеръ: на нихъ было отсутствіе мужчинъ. Такое состояніе — «лафа» для военныхъ.

Скоро по нашемъ приходѣ юнкера, этотъ «тонкій» народъ, чутьемъ отыскивающій подобныя «увеселительныя» сборища, открыли одинъ изъ такихъ домовъ съ посидѣнками и повадились похаживать туда каждый вечеръ. Солдаты, сунувшіеся было туда же, увидя, что мѣсто занято «дворянчиками», отхлынули дальше искать такихъ же вечеринокъ. Такимъ образомъ, мы остались одни полными хозяевами избранныхъ нами посидѣнокъ.

Прочіе юнкера, чтобы лучше и скорѣе прельстить своихъ дульциней, одѣвались франтами, въ «тонкій» мундиръ, распутывали на груди свои витешкеты. Я же ринялъ совершенно противоположную систему; на подобные вечера всегда надѣвалъ солдатскую шинель въ рукава. Въ такой одеждѣ я возбуждалъ въ прекрасномъ деревенскомъ полѣ большую жалость къ себѣ. Видя меня въ шинели, съ волосами на головѣ, остриженными подъ гребенку, съ едва пробивающимися усами, дѣвки принимали меня за простого солдата и говорили:

— Ахъ, касатикъ нашъ! Такой молоденькій и отданъ въ солдаты! Какъ намъ жаль тебя! Чай, тебѣ очень трудно?

Наступила весна, въ полѣ мѣста возвышенныя пообсохли, на нихъ начали производиться эскадронныя ученія и конныя и пѣшія.

Въ концѣ апрѣля полученъ былъ приказъ собираться полку на «кампаментъ», т.-е. всѣ эскадроны должны были сгруппиро-

ваться около штаба полка и размѣститься вблизи города Коломны на «тѣсныхъ» квартирахъ. Нашему восьмому эскадрону, по распisanію, досталось стоять въ деревнѣ Бачмановѣ, верстахъ въ шести отъ Коломны, при впаденіи рѣки Москвы въ Оку и не въ дальнемъ разстояніи отъ Галутвина—мужского монастыря. Мѣстность была преживописная!

Мы разстались съ Луково-Мячковымъ—и навсегда. По приходѣ на новую квартиру начались «полковыя» ученья.

XIII.

Семейство Крюковыхъ.—Вѣрочка П—ва.—Танцевальные вечера въ Коломнѣ.—Поручикъ Н. П. Колюбакинъ и полковникъ И. А. Евреиновъ.

День 15-го апрѣля 1834 года памятенъ для меня по моей, по счету, пятой любви.

Коломенскій помѣщикъ С. В. Крюковъ праздновалъ день именинъ своей жены, для чего пригласилъ офицеровъ и юнкеровъ въ свое имѣніе, отстоящее на нѣсколько верстъ отъ города.

Я отправился къ нему съ братомъ. Подѣхавъ къ крыльцу дома, мы увидали, что весь почти дворъ былъ заставленъ экипажами всевозможныхъ видовъ и размѣровъ, начиная каретой и кончая простой троичной телѣгой, на каковой и мы сами пріѣхали. То были экипажи гостей, предупредившихъ насъ своимъ пріѣздомъ.

Войдя въ залу, я встрѣтилъ трехъ, четырехъ барышень, чинно расхаживавшихъ въ рядѣ, взявшись подъ руку. Одна изъ нихъ при видѣ меня вскрикнула: «Ахъ!» и выступила было впередъ, какъ бы идя на встрѣчу, но тотчасъ же остановилась, вспыхнувъ яркимъ румянцемъ и устремивъ на меня изумленные глаза. Тутъ я могъ вполне разсмотрѣть ее. То была «сильная» брюнетка, лѣтъ семнадцати, съ большими выразительными, черными глазами и, — что удивительно въ брюнеткѣ, — имѣла необыкновенную бѣлизну лица съ живымъ нѣжнымъ румянцемъ на щекахъ. Высокаго роста, необыкновенно стройна и тонка въ талии.

Впослѣдствіи талию ея я сжималъ обѣими руками, и концы моихъ пальцевъ едва, едва не сходились вмѣстѣ. При всемъ этомъ она имѣла прекрасный бюстъ съ малоразвитыми формами. Портила ее нѣсколько нижняя часть лица: она имѣла острый подбородокъ.

Понявъ свое неловкое положеніе при видѣ незнакомаго мужчины, моя красивая брюнеточка быстро скрылась въ гостиную, гдѣ я увидѣлъ ее сидящею рядомъ съ дамой, которую, по фамиліному сходству лица, я принялъ за ея мать, въ чемъ и не ошибся, какъ оказалось впослѣдствіи.

При моемъ появленіи для привѣтствія хозяйки дома, обѣ онѣ не спускали съ меня своихъ удивленныхъ взоровъ и о чемъ-то перешептывались между собою. Брюнетка, сколько своей красивой наружностью, столько же и самой странностью нашей встрѣчи, какъ и слѣдовало ожидать, произвела на меня сильное впечатлѣніе, и постоянно устремленные на меня ея глаза льстили моему самолюбію, обѣщая впереди много наслажденій... Только я никакъ не могъ объяснить себѣ: отчего она, при видѣ меня, ахнула? И почему я служу ей и матери ея предметомъ замѣтнаго удивленія? Впослѣдствіи все мнѣ стало яснымъ, теперь же я узналъ, что она дочь коломенскаго помѣщика П—ва, и что зовутъ ее Вѣрой.

Послѣ сытнаго завтрака, залитаго порядочнымъ количествомъ винъ и домашнихъ наливокъ, настоянныхъ на разныхъ ягодахъ, хозяйинъ, страстный собачій охотникъ, повелъ мужчинъ на псарню показывать своихъ гончихъ и борзыхъ.

Мнѣ очень хотѣлось остаться въ домѣ, подойти къ Вѣрочкѣ, заговорить съ ней; въ головѣ моей вертѣлась и вступительная для того фраза; но здѣсь я долженъ упомянуть о странномъ свойствѣ моего характера, не покидавшемъ меня никогда: какъ я былъ смѣлъ и находчивъ съ женщинами, къ которымъ былъ равнодушенъ, такъ, напротивъ, робѣлъ и терялся на первыхъ порахъ въ присутствіи тѣхъ, которыя мнѣ нравились. Подчинившись и на этотъ разъ своему недостатку воли и видя, что всѣ товарищи мои уходятъ, я поплелся за всѣми, съ скрытой досадой выслушивать похвалы хозяина той или той собакѣ, подробное исчисленіе свойствъ и достоинствъ такой суки или такого кобеля. При моемъ душевномъ настроеніи, казалось, не предвидѣлось конца осмотра всѣхъ заведеній нашего причудливаго хозяина...

Наконецъ, осмотрѣвъ конюшни, скотный дворъ и другія постройки, столь необходимыя въ сельскомъ хозяйствѣ, но въ то время казавшіяся мнѣ совершенно излишними, мы вернулись въ домъ.

Думая безпрестанно о Вѣрочкѣ, я не на шутку влюбился въ нее и, такимъ образомъ, вступивъ мысленно въ фазисъ сердечныхъ отношеній съ любимой мной женщиной, я, по выше объясненному свойству моего характера, впалъ въ свое обычное положеніе, т.-е. сдѣлался робокъ и не имѣлъ настолько мужества, чтобы выполнить свое прежнее предположеніе — подойти къ Вѣрочкѣ и заговорить съ ней; забылъ даже заранѣе приготовленную фразу для начала нашего разговора. Такимъ дуракомъ просидѣлъ я молча все время до обѣда, не смѣя долго останавливать своихъ глазъ на Вѣрочкѣ, когда встрѣчалъ ея устремленный на меня взглядъ. За обѣдомъ случай—этотъ божекъ всѣхъ влюбленныхъ—выпалъ на мою долю сидѣть противъ Вѣрочки и ея матери. Обѣ онѣ почти не спускали съ меня глазъ и вели тихо разговоръ явно обо мнѣ.

Во время разныхъ тостовъ за здоровье именинницы и хозяина дома я съ умысломъ выпилъ лишній бокалъ шампанскаго, чтобы въ немъ почерпнуть смѣлость, столь мнѣ нужную для ожидаемаго объясненія съ Вѣрочкой во время предстоящихъ танцевъ...

Послѣ обѣда, какъ только очистили залъ отъ столовъ, явились наши трубачи.

Роговая музыка очень хороша на открытомъ воздухѣ, но въ комнатѣ она рѣзка, сильна для уха. Однако ко всему можно привыкнуть, и наши дамы легко переносили зычные звуки нашихъ трубъ.

Зато роговая музыка въ комнатахъ для влюбленныхъ имѣетъ особенность, ей только одной присущую и которую никакая другая музыка представить не можетъ. Я хочу сказать, что трубы, оглушая своими звуками, позволяютъ въ то же время очень хорошо слышать разговоръ сидящихъ другъ къ другу близко особъ; но рѣшительно дѣлаютъ это невозможнымъ для тѣхъ, которые помѣщаются хотя бы и въ небольшомъ отдаленіи. Этой-то особенностью роговой музыки мы умѣли превосходно пользоваться въ танцахъ. Бывало нашептываешь своей дамѣ разныя любезности, а матушка, сидящая тутъ же, но нѣсколько поодаль, какъ ни напрягаетъ слуха, не можетъ услышать ни одного слова, сказаннаго ея дочкѣ: все покрывается гуломъ трубъ.

Танцы въ то время начинались неизмѣннымъ польскимъ, смѣнялись вальсами и кадрилими и оканчивались мазуркой и котильономъ.

Пока всѣ, и старые и молодые, тянулись длинной вереницей въ польскомъ, я напяливалъ на руки перчатки и выждавъ, когда Вѣрочка поровнялась со мной, идя въ парѣ съ какимъ-то старикашкой, пригласилъ ея на первую кадрили. Находясь подъ вліяніемъ выпитаго мною лишняго бокала шампанскаго, я смѣло сдѣлалъ свое приглашеніе. На мое счастье она не была ангажирована и потому, кивнувъ мнѣ слегка головой, очень мило, лаконически отвѣтила: «ваша!».

По окончаніи польскаго, сдѣлавъ одинъ, два тура вальса съ другими дѣвицами, я выбралъ себѣ мѣсто, усѣлся на стулъ, приготовивъ другой для своей дамы. Вотъ трубачи заиграли ритуфель французской кадрили. Съ сильно бьющимся сердцемъ я подошелъ къ Вѣрочкѣ, взялъ ее за руку и привелъ на приготовленное мѣсто.

Торжественная минута наступила. Когда мы усѣлись, Вѣрочка первая начала говорить:

— Вамъ, я думаю, должно было показаться очень страннымъ, чтобы не сказать болѣе, и мое глупое, невольное вырвавшееся «ахъ!» и то, что я съ мамашей не могли первое время оторвать отъ васъ своихъ глазъ?

— Да! Не скрою отъ васъ. Вы сильно меня поразили.

Слово «сильно» я произнесъ съ особымъ удареніемъ голоса, какъ бы подчеркивая, давая тѣмъ понять сказанный мной экивокъ. Можно было понять двояко: былъ ли я сильно пораженъ ея невольно вырвавшимся восклицаніемъ, или ея пышной, красивой наружностью?.. Я желалъ, чтобы отвѣтъ мой поняли въ послѣднемъ смыслѣ, и, кажется, достигъ своего, потому что Вѣрочка улыбнулась самодовольно и очень мило; но при этомъ, увы, показала свои не совѣтъ ровные зубы. Полное совершенство не есть удѣлъ человѣка! Затѣмъ продолжала:

— Я вамъ объясню все. Вы поразили меня необыкновеннымъ сходствомъ съ моимъ старшимъ братомъ, Костей, который тоже служить юнкеромъ, только въ пѣхотномъ полку.

— Если природа была ко мнѣ такъ милостива, что наградила меня счастливымъ сходствомъ съ вашимъ братомъ, то позвольте мнѣ навсегда остаться имъ въ вашей памяти.

Вотъ что иногда значитъ лишне выпитый бокалъ вина; безъ его посредничества я никогда не имѣлъ бы смѣлости высказать подобную мысль! Вѣрочка, сдѣлавъ видъ, какъ будто не поняла моего намека, продолжала:

— Когда вы вошли, первой моей мыслью было, что Костя сюрпризомъ пріѣхалъ къ намъ, и потому бросилась было къ вамъ на встрѣчу; но, къ счастью, скоро опомнилась, сообразивъ, что только одно сходство ваше могло меня ввести въ такую ошибку. Сознайтесь, вы, я думаю, приняли меня за дурочку?

— Напротивъ,—за ангела!

— Да не только я одна, но и папа и мама тоже были поражены этимъ сходствомъ. Посмотрите! Они и теперь не спускаютъ съ васъ своихъ глазъ.

— Какое мнѣ дѣло до другихъ! Я желаю только въ однихъ вашихъ глазахъ сохранить это сходство, со всѣми преимуществами брата...

Шампанское, какъ видите, придало мнѣ и смѣлость и разговорчивость.

На этотъ разъ намекъ мой сдѣланъ былъ слишкомъ ясно, чтобы не понять его. Посмотрѣвъ на меня удивленными глазами, Вѣрочка, не знаю съ какой цѣлью, сдѣлала мнѣ вопросъ:

— Который вамъ годъ?

— Двадцать второй,—бухнулъ я, не задумавшись и не краснѣя отъ лжи, хотя, по правдѣ, мнѣ шелъ только двадцатый годъ. Но я прибавилъ себѣ лѣта съ цѣлью показать ей, что зародившееся во мнѣ чувство къ ней не есть порывъ юноши, но зрѣлое сознание молодого человѣка.

Вѣрочка продолжала:

— Не можетъ быть! Судя по вашему лицу, вы должны быть

очень еще молоды, при томъ у васъ усы начинаютъ только пробиваться.

— Въ этомъ я совершенно похожъ на вашего брата,—отвѣтилъ я наугадъ, не зная даже, есть ли усы у ея брата, и сколько ему лѣтъ. — Только съ сегодняшняго дня я начинаю благословлять судьбу за то, что она дала мнѣ мою наружность, и я могъ тѣмъ возбудить вниманіе такой прелестной особы, какъ вы!

Вѣрочка снова посмотрѣла на меня удивленными глазами и сказала:

— Странно, очень странно! А жаль, такъ молоды и такъ уже испорчены свѣтомъ!

— Какъ это?

— Видя меня въ первый разъ, вы знакомство наше начинаете тѣмъ, что говорите мнѣ такія пустыя фразы.

— О, вѣрьте! Всевозможныя фразы, обращенныя къ вамъ, будутъ лишь слабымъ изображеніемъ истины!

Покачавъ головой, Вѣрочка сказала:

— А меня еще увѣряютъ, что молодость искренна.

— И васъ не обманываютъ.

Въ такомъ родѣ продолжался разговоръ нашъ во время кадрили, прерываемый только фигурами танца. Находясь подъ вліяшемъ шампанскаго и обаятельной красоты Вѣрочки, я дѣлался все смѣлѣе и смѣлѣе, прямо намекая на возбужденное ею во мнѣ чувство, и вель живой разговоръ, подстрекаемый ея находчивымъ, гибкимъ умомъ.

Къ концу кадрили я просилъ ее на мазурку и котильонъ.

— Какъ? На оба танца?—отвѣтила она, лукаво улыбаясь.

— Брату, не выдавшему такъ давно своей любимой сестры, извинительно желать—быть вмѣстѣ съ нею сколько возможно дольше.

— Развѣ что такъ? Извольте! Оба танца я танцую съ вами!

На этомъ словѣ послѣдняя нота кадрили замерла въ воздухѣ, и я, счастливый и довольный, пожалъ ея руку и, положивъ ее на свою, просилъ представить меня матери.

Подойдя вмѣстѣ къ послѣдней, Вѣрочка сказала:

— Вотъ вамъ, мамаша, двойникъ Кости; онъ желаетъ познакомиться съ вами,—и, отнявъ свою руку, отошла къ другимъ дѣвицамъ.

Отрекомендовавшись ея матери, я усѣлся около нея. Начался обыкновенный въ такихъ случаяхъ разговоръ. Посыпались разспросы: откуда я? живы ли отецъ и мать? и т. п. Съ неба мечтаній и восторговъ я опустился на землю житейской дѣйствительности и заговорилъ обыкновеннымъ языкомъ гостинныхъ. Вскорѣ подошелъ къ намъ отецъ Вѣрочки, отставной, видный собой, кирасиръ, дѣлавшій кампанію 1812 года. Оба они подтвердили сходство мое съ ихъ сыномъ. Откланиваясь, я получилъ ласковое приглашеніе посѣщать ихъ, что я и обѣщалъ съ радостью исполнить при первой къ тому возможности.

Во время мазурки, еще болѣе котильона, Вѣрочка, видимо, подчинялась новому, неиспытанному ею еще, какъ въ послѣдствіи оказалось, чувству любви... Постепенно стряхивая съ себя осторожность, которой она видимо вооружилась противъ меня, сдѣлалась ласковѣе, доступнѣе моимъ изліяніямъ чувствъ... Я получилъ право называть ее «сестрицей», по праву сходства съ ея братомъ. Къ концу вечера отношенія наши еще болѣе выяснились; я видѣлъ, что на мою привязанность отвѣчаютъ взаимностью, но прикрытой родственнымъ чувствомъ, и мы другъ друга называли не иначе, какъ братъ и сестра; я, съ своей стороны, къ слову «сестра» всегда прилагалъ эпитетъ «милая». За ужиномъ мы сидѣли рядомъ и весело болтали, довольные другъ другомъ.

Такъ прошелъ для меня первый день моего знакомства съ Вѣрочкой, начатый такъ оригинально и кончившійся счастливой взаимностью.

Почти всѣ гости остались ночевать у Крюкова. Для насъ, мужчинъ, очистили флигель дома, настлали на полу сѣна, покрыли его коврами, изъ экипажей снесли всѣ, какія нашлись, подушки, и мы, вповалку расположившись на нашемъ импровизованномъ ложѣ, уснули крѣпкимъ, безмятежнымъ сномъ счастливой молодости...

На другой день послѣ завтрака всѣ разѣхались. Передъ разставаньемъ я улучилъ минуту переговорить съ Вѣрочкой и спросить, когда же братъ увидитъ свою милую сестру, которую онъ такъ сильно любитъ. Мы весело улыбнулись и общали переѣхать изъ деревни въ Коломну на время танцевальныхъ собраній, устраиваемыхъ офицерами по подпискѣ, и которыя продолжались, впрочемъ, недолго, окончившись скандальной исторіей для полка, какъ о томъ сказано будетъ въ своемъ мѣстѣ.

Наши танцевальные вечера устроились; Вѣрочка переѣхала въ городъ. Въ свободное отъ службы время я часто посѣщалъ ея семейство. Тутъ я открылъ въ Вѣрочкѣ новыя достоинства: она была хорошая музыкантша, играла на фортепіано и обладала пріятнымъ голосомъ меццо-сопрано, которому недоставало только обработанности.

Семейство ея состояло изъ отца, матери и двухъ меньшихъ братьевъ: Владимира и Николая. Старшій—Константинъ, мой двойникъ, служилъ въ какомъ-то пѣхотномъ полку нашего же корпуса и находился въ Тульской губерніи. Отецъ, ветеранъ 1812 года, былъ еще бодрый, видный собой мужчина. Служилъ въ кирасирахъ и, женившись, вышелъ въ отставку и поселился въ своемъ коломенскомъ имѣніи «Юренево», предавшись всецѣло сельскому хозяйству.

Мать была женщина бойкая, сохранившая еще слѣды своей красоты, но сварливая и желчная. Въ послѣдствіи, сдѣлавшись короткимъ въ ихъ семействѣ, я понялъ эту женщину и возненави-

дѣлъ ее за пустякъ, мелочныя придирки къ своей дочери, вина которой состояла въ томъ, что она была молода и красивѣе ея лицомъ.

На нашихъ танцевальныхъ вечерахъ первую кадрили и мазурку, эти альфы и омеги танцевъ, я всегда танцевалъ съ Вѣрочкой. Взаимность наша была замѣчена всѣми и дала поводъ, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, разнымъ предположеніямъ на нашъ счетъ. Мы же, оба молодые, счастливые своей любовью, блаженствовали, не обращая вниманія ни на міръ, насъ окружающій, ни на пустые толки праздныхъ людей. Слово «люблю» давно было произнесено между нами, и мы, продолжая называть другъ друга братомъ и сестрой, очень хорошо понимали, что узы, насъ связывающія, были не родственныя.

Такъ мы блаженствовали, какъ вдругъ и неожиданно послѣдовалъ ударъ грома, отъ котораго собранія наши распались... Въ нашемъ полку былъ поручикъ Н. П. Колюбакинъ, молодой человѣкъ съ прекраснымъ образованіемъ, обширнымъ умомъ, но горячаго, вспыльчиваго характера и неблагоразумнаго въ минуты своей «вспышки». Онъ служилъ въ лейбъ-уланахъ, но за дуэль, которой, впрочемъ, не допустили совершиться, изъ гвардіи былъ переведенъ въ нашъ полкъ тѣмъ же чиномъ. Этотъ-то Колюбакинъ и произвелъ громъ, разрушившій наши танцевальныя собранія.

Въ бытность свою въ Москвѣ, Колюбакинъ въ театрѣ за что-то повздорилъ съ гвардіи конно-артиллеристомъ-ремонтномъ Ватковскимъ. Условились о мѣстѣ свиданія, но плацъ-майоръ, присутствовавшій въ театрѣ, развелъ «нашихъ пѣтуховъ». Оба они, арестованные, были разведены по своимъ полкамъ. Вслѣдствіе этой исторіи Колюбакинъ содержался на нашей гауптвахтѣ въ Коломиѣ подъ арестомъ.

Жена Крюкова, о которомъ я говорилъ прежде, была женщина разбитная. Проѣзжая мимо гауптвахты и видя Колюбакина, рассказывающаго по платформѣ, она приказала остановить свой экипажъ и рукой подозвала его къ себѣ.

Въ разговорѣ она, между прочимъ, сказала:

— Какъ жаль, что васъ сегодня не будетъ въ собраніи!

— Почему вы такъ думаете?

— Вы арестованы, вамъ нельзя!

— А вы желали бы видѣть меня въ собраніи?

— Да!

— Въ такомъ случаѣ я докажу вамъ, что для Колюбакина нѣтъ ничего невозможнаго. Я буду въ собраніи и заранѣе прошу васъ на мазурку.

Вмѣсто того, чтобы постараться отговорить Колюбакина отъ его столь безразсуднаго намѣренія, новая сирена съ очаровательной улыбкой, пожимая руку на прощанье, сказала:

— Съ удовольствіемъ. Смотрите же, не обманите. Я всёмъ буду отказывать.

Этихъ такъ легко, такъ безразсудно сказанныхъ словъ было слишкомъ достаточно, чтобы погубить Колюбакина. Никто ничего не зналъ тогда объ этомъ разговорѣ: онъ происходилъ въ присутствіи единственнаго свидѣтеля—часового и на французскомъ языкѣ.

Насталъ вечеръ. Ничего не предчувствуя, мы весело танцуемъ. Передъ началомъ мазурки дверь въ залъ отворилась... вошелъ Колюбакинъ. Всѣ переполошились. Дамы, знавшія его горячій характеръ и предчувствуя «скандалъ», бросились разѣзжаться, и первая Крюкова, виновница всего происшедшаго.

Полковой адъютантъ Бурковъ, при видѣ вошедшаго Колюбакина, отправился въ другую комнату, гдѣ игралъ въ карты полковой командиръ, и шепнулъ ему на ухо о случившемся. Кюреиновъ, оставивъ игру и войдя въ залу, гдѣ офицеры тщетно упрасивали Колюбакина возвратиться на гауптваху, остановился противъ него и строгимъ голосомъ спросилъ:

— Вы какъ сюда попали?

— Очень просто, полковникъ: пришелъ ногами и вошелъ въ дверь.

Полковникъ, въ свою очередь, тоже не послѣдній «горячка», взбѣшенный такимъ неуважительно-насмѣшливымъ отвѣтомъ, произнесеннымъ при томъ весьма хладнокровнымъ тономъ, потерялъ чувство самосознанія. Обратившись къ музыкантамъ, онъ закричалъ:

— Трубачи! Взять его!

Военная дисциплина въ то время соблюдалась очень строго и была развита до степени, не допускающей никакихъ разсужденій. Если бы полковой командиръ приказалъ изрубить офицера, и тогда солдаты ни на минуту не поколебались бы исполнить отданное приказаніе, несмотря на все его безразсудство.

Трубачи, окруживъ Колюбакина, взяли его за руки. Полковникъ, подойдя къ Колюбакину, сорвалъ съ него эполеты, говоря:

— Вы остѣмили мундигъ пгикосновеніемъ къ нему солдатскихъ гукъ! Вы недостойны носить эполеты!

Колюбакинъ, мужчина высокаго роста и сильный, однимъ движеніемъ плечъ высвободился изъ рукъ трубачей и, прежде чѣмъ тѣ вновь успѣли схватить его, взялъ полковника за лацканы и, прижавъ къ стѣнѣ, задыхающимся отъ злобы голосомъ, проговорилъ:

— Мерзавецъ! Ты не стоишь того, чтобы я ударилъ тебя. Не хочу марать рукъ о такую гадину!

Вся эта прискорбная сцена происходила такъ быстро, такъ неожиданно, что всѣ окружающіе, ошеломленные ею, стояли какъ бы окаменѣлые, не двигаясь и не стараясь оказать помощи тому или другому, и молча смотрѣли на происходившее...

Полковникъ «подалъ рапортъ» по командѣ о случившемся.

Началось слѣдствіе. Колюбакинъ былъ отправленъ въ Москву, гдѣ при ордонансъ-гаузѣ наряжена надъ нимъ военно-судная комиссія. Всѣ мы были въ тревожномъ ожиданіи послѣдствій, которыя, во всякомъ случаѣ, должны были имѣть печальный исходъ. Въ такомъ настроеніи духа, конечно, намъ было не до вечернихъ собраний, и они прекратились. По тогдашней строгости, съ какою смотрѣли на всякое нарушеніе дисциплины, думали, что вина одного падетъ на всѣхъ, тѣмъ болѣе, что большинство офицеровъ полка явно выказывали свое сочувствіе Колюбакину. Думали даже, что раскassiруютъ весь полкъ. Но туча пронеслась мимо и разразилась въ слѣдующемъ году надъ корпуснымъ командиромъ, княземъ Хилковымъ. Державный юпитеръ удержалъ на этотъ разъ свои громы, чтобы тѣмъ сильнѣе направить ихъ на князя.

По тогдашнимъ порядкамъ, судъ надъ Колюбакинымъ былъ продолжителенъ. Находясь подъ арестомъ, Колюбакинъ написалъ письмо государю, въ которомъ, чистосердечно сознавая всю важность своей вины, умолялъ, какъ о милости, назначить его на Кавказъ, чтобы кровью смыть съ себя позоръ, нанесенный ему рукою полкового командира... Письмо это въ спискахъ ходило по рукамъ московской публики. По силѣ выраженій и прекрасному слогу, оно извлекало невольныя слезы... Наконецъ послѣдовала конфирмація: Колюбакинъ разжалованъ въ солдаты, но безъ лишенія дворянскаго достоинства, въ уваженіе заслугъ и ранъ отца его, генерала, тогда уже умершаго, и назначенъ на Кавказъ, кажется, въ Кабардинскій полкъ, а полковникъ Евреиновъ за самовольный поступокъ—срываніе эполета, дарованнаго высочайшей властью, лишается полка и переводится въ Мариупольскій гусарскій полкъ, подъ команду младшаго. Помню, тогда говорили, что такое легкое наказаніе Евреинову послѣдовало вслѣдствіе ходатайства о немъ фельдмаршала князя Паскевича, которому онъ какъ-то приходился сродни. Евреиновъ вышелъ въ отставку, а Колюбакинъ на Кавказѣ дослужился до чина генералъ-лейтенанта и умеръ въ 1868 году въ Москвѣ, въ званіи сенатора межевого департамента.

Такъ разыгралась драма, началомъ которой послужили пустыя слова пустой женщины...

XIV.

Полковникъ Я. Я. Воробьевъ. — Столика на «травѣ» въ Бронницкомъ уѣздѣ. — Юнкерь Вараксинъ. — Новыя правила построения полка. — Первые книжки «Библиотеки для Чтенія». — Полковыя квартиры въ с. Хорошевѣ. — Общій смотръ. — Полковой адъютантъ Альбертъ. — Князь Хилковъ. — Представленіе меня къ производству въ офицеры. — Свиданіе съ моимъ товарищемъ по университету М. Г. Никольскимъ. — Отъѣздъ брата въ Павловскъ. — Мой двоюродный дѣдъ И. Н. Рославлевъ. — Его дочь Е. И. Наумова. — Дворянъ Рославлева. — Путь Николка.

Къ намъ назначенъ былъ полковымъ командиромъ флигель-адъютантъ, полковникъ, свѣтлѣйшій князь А. К. Ливенъ, до прибытія котораго командовалъ старшій въ полку, полковникъ Я. Я. Воробьевъ.

Служба наша, между тѣмъ, шла обычнымъ порядкомъ. По окончаніи ученія всѣмъ полкомъ въ сборѣ, въ которомъ и я участвовалъ, но только на казенной лошади «Муромецъ», — мой «Грильянтъ» не былъ еще вполне обѣзженъ, — въ концѣ мая насъ распустили на «траву».

Эскадронные командиры заблаговременно рассылаютъ расторопныхъ и довѣренныхъ солдатъ пріискать и нанять сѣнокосные луга, съ правомъ квартировать въ тѣхъ селеніяхъ, коимъ тѣ луга принадлежатъ. По приходѣ въ такія селенія, тотчасъ же расковыываютъ лошадей, прекращаютъ дачу овса, а довольствуютъ ихъ одной скошенной травой. Это-то и называется «стоять на травѣ». Отъ корма одной травой лошади поправляются въ тѣлѣ, но теряютъ силу.

Нашъ эскадронъ нанялъ луга Бронницкаго уѣзда, въ селеніи «Старая Деревня», принадлежащемъ г-жѣ Наумовой. Сама помѣщица, вдова, съ тремя взрослыми дочерьми, довольно красивыми наружностью (въ особенности средняя), жила въ имѣніи. Мы нашли у нея радушный пріемъ и весело проводили время. Юнкерь нашего эскадрона, Вараксинъ, поступившій въ нашъ полкъ изъ пажескаго корпуса, влюбился въ старшую дочь Наумовой и сдѣлалъ предложеніе. Мать приняла, и нашъ Вараксинъ катался, какъ «сыръ въ маслѣ», только что не ночуетъ у своей невѣсты. Въ коляскѣ будущей тещи, запряженной четверней лошадей, пріѣзжаетъ на ученье и т. п.

Съ уходомъ нашимъ изъ имѣнія и свадьба разстроилась. Причины тому — не знаю. Можетъ быть, родители Вараксина не дали на то своего согласія, или самъ женихъ разочаровался въ своей невѣстѣ.

Во время стоянки на «травѣ» получены были правила новыхъ построений полка, называемыхъ: первый, второй и третій боевые порядки, и фланкерскаго ученія, при чемъ вся команда вообще

на словахъ замѣнялась «сигналами» на трубахъ. Расскажу оригинальный и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самый дѣйствительный случай изученія солдатами сигналовъ. На каждый сигналъ отдѣльно были подобраны слова, иногда въ риѹму, на складъ пѣсни. При утренней и вечерней уборкахъ лошадей, когда всѣ люди бывають въ сборѣ, трубачъ игралъ «сигналы»; всѣ словами соотвѣтствующей пѣсни хоромъ повторяли за звукомъ трубы.

Такимъ образомъ, солдаты прекрасно заучивали значеніе всѣхъ сигналовъ, и часто случалось, что на ученьяхъ подсказывали своимъ офицерамъ, что какой сигналъ означаетъ.

Въ то же время мнѣ доставлены были первыя пять книжекъ только что начавшагося тогда извѣстнаго журнала «Библіотека для Чтенія», на который я подписался въ бытность мою, въ послѣдній разъ, въ Москвѣ, у книгопродавца А. С. Ширяева. Съ жадностью я бросился на чтеніе книжекъ: мнѣ уже стала надоедать пустая, бездѣятельная для ума жизнь, которую я велъ до толѣ. Въ то время «Библіотека для Чтенія» была единственный журналъ, по обилію и достоинству своихъ статей, обращавшій на себя вниманіе чловѣка, мало-мальски получившаго образованіе и развитаго.

Такимъ образомъ, я получилъ возможность коротать свое однообразное время: службой, чтеніемъ и воспоминаніями «о Богомъ мнѣ данной сестрѣ», Вѣрочкѣ, которая, казалось, крѣпко застѣла въ моемъ сердцѣ. Тогда разлука дѣйствовала на меня въ обратномъ порядкѣ, т.-е. не ослабляла, а, напротивъ, усиливала во мнѣ память объ обожаемомъ предметѣ.

Прошло шесть недѣль—терминъ, опредѣленный для продовольствія лошадей травой.

Какъ кочующіе цыганы, мы сложили свои пожитки и въ половинѣ іюля выступили въ Москву, на общіе маневры всего корпуса. Шли обыкновеннымъ порядкомъ, какъ я уже описалъ, при переходѣ нашего полка въ Коломну.

Москвой мы не шли, а, подойдя къ ней, по Рязанской дорогѣ, къ Рогожской заставѣ, повернули налѣво и вышли на Смоленскій трактъ. Квартиры намъ были назначены въ селеніи «Хорошево», верстѣ двѣнадцать отъ Москвы, а полемъ нашего военного поприща—извѣстная «Ходынка»,—большая ровная мѣстность, начинавшаяся отъ Тверской и Дорогомиловской заставъ и оканчивающаяся «Хорошевскимъ» лѣсомъ. Съ одной стороны окаймляла ее лента шоссеиной дороги, ведущей къ Петербургу, съ противоположной—большой Смоленскій трактъ. Теперь «Ходынка» значительно сузилась по направленію отъ Москвы загородными всякаго рода постройками.

Нѣсколько дней спустя по нашемъ приходѣ, назначенъ былъ общій смотръ и церемоніальный маршъ всему корпусу. Въ то

время личный составъ нашихъ начальниковъ измѣнился: дивизіей командовалъ генералъ-лейтенантъ Олферьевъ, бригадой—генералъ-майоръ Щуцкій.

Послѣ смотра, нѣсколько дней спустя, для насъ начались ученья отдѣльно отъ пѣхоты. Собственно маневровъ, по крайней мѣрѣ, для кавалеріи не было.

Въ началѣ августа, по окончаніи одного изъ ученій цѣлой дивизіей, на которомъ присутствовалъ и корпусный командиръ, когда полки были уже распущены, и я съ эскадрономъ возвращался домой, нашъ полковой адъютантъ, И. И. Альбертъ, поступившій къ намъ изъ конныхъ егерей и заступившій мѣсто Буркова, вышедшаго въ отставку, подскакалъ къ нашему эскадронному и, завидя меня, сказалъ:

— Мамаевъ! Тебя требуетъ къ себѣ корпусный командиръ. Слѣдуй за мной!

И съ этимъ вмѣстѣ, повернувъ свою лошадь, поскакалъ назадъ.

Ему легко было сказать «слѣдуй за мной», но мнѣ трудно было выполнить. Извѣстно, что лошадь, привыкшая къ фронту, неохотно отдѣляется отъ прочихъ своихъ товарокъ. Сила привычки къ строю такъ велика, что случалось: если лошадь собьетъ съ себя всадника, то непременно сама собой станетъ въ свой рядъ.

Послѣ многихъ усилій я совладѣлъ съ своимъ конемъ. Отдѣливъ его отъ эскадрона, я «далъ шпоры» и стремглавъ погнался за Альбертомъ. Замѣтивъ, что я отсталъ, Альбертъ придержалъ свою лошадь, и мы вмѣстѣ подъѣхали къ князю Хилкову. Тутъ я въ первый разъ на такомъ близкомъ разстояніи могъ рассмотреть черты лица этого истинно благороднаго и честнаго человѣка.

Между тѣмъ, лошадь моя, видя, что эскадронъ отдѣляется все болѣе и болѣе, несмотря на всѣ мои старанія, безпрестанно вертѣлась на мѣстѣ.

Князь своимъ густымъ, нѣсколько басистымъ голосомъ сказалъ мнѣ:

— Ай, да, молодецъ! Стоять, такъ стоять, а скакать, такъ скакать! Вотъ я тебѣ дамъ! Пошелъ въ свое мѣсто!

Повернувъ свою лошадь налѣво кругомъ, я далъ ей полную волю догонять свой эскадронъ. Между тѣмъ, самъ все время думалъ: зачѣмъ меня требовалъ князь? Неужели только для того, чтобы сказать то, что я слышалъ? Не можетъ быть! Тутъ кроется что-то другое. Неужели въ эту минуту рѣшается моя служебная карьера? Съ такими мыслями я догналъ эскадронъ. Офицеры, съ Кондратенкомъ во главѣ, окружили меня съ вопросами, что случилось, зачѣмъ меня требовалъ князь.

Я имъ передалъ, что происходило.

Послѣдствія показали, что я не ошибся въ своемъ предположеніи. При первомъ свиданіи съ Альбертомъ онъ объяснилъ мнѣ,

о чемъ я только догадывался. Когда кончилось то памятное для меня ученіе, князь Хилковъ, подзвавъ къ себѣ командующаго нашимъ полкомъ, въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ благодарилъ за то отличное состояніе, въ которомъ онъ постоянно видитъ полкъ; любовь эта шла съ давняго времени, когда полкъ былъ еще въ составѣ 1-й уланской дивизіи, и Хилковъ, командуя ею, дѣлалъ съ ней Польскій походъ 1830—1831 годовъ.

Воробьевъ, воспользовавшись такимъ добрымъ расположеніемъ князя Хилкова, сказалъ ему:

— Ваше сіятельство! По случаю того, что полкъ заслужилъ вашу лестную похвалу, осчастливьте вашимъ вниманіемъ одного изъ юнкеровъ. Онъ имѣетъ университетскій аттестатъ; ему кончился шестимѣсячный срокъ. Удостоьте его къ представленію производства въ офицеры.

— А знаетъ онъ службу?

— Онъ постоянно участвовалъ во всѣхъ смотрахъ и ученіяхъ, которыми ваше сіятельство оставались довольны. И въ настоящемъ ученіи онъ былъ въ строю.

— Позвать его ко мнѣ.

Что дальше происходило, я уже рассказалъ.

Когда я вернулся къ своему эскадрону, князь Хилковъ, обратившись къ Воробьеву, спросилъ:

— Вѣрно, подъ юнкеромъ казенная лошадь?

— Точно такъ, ваше сіятельство!

— Я такъ и думалъ, онъ не виноватъ, что лошадь не стояла спокойно на мѣстѣ. По опыту знаю, какъ трудно удержать фронтую лошадь: она видитъ, что прочія удаляются. Представьте!

И съ этими словами, раскланявшись со всѣми, уѣхалъ.

По правиламъ, прежде представленія моего въ корнеты, мнѣ слѣдовало сдѣлать испытанія въ верховой ѣздѣ и знаніи службы, на каждой изъ ступеней военно-іерархической лѣстницы, начиная командиромъ полка и кончая начальникомъ дивизіи.

Но я нѣсколько опередилъ событія, возвращаясь назадъ.

Недѣли за двѣ до этого навѣстилъ меня товарищъ по университету и другъ М. Г. Никольскій. Окончивъ вмѣстѣ со мной курсъ наукъ, но по «восточной словесности», онъ получилъ назначеніе въ Астрахань состоять переводчикомъ при тамошнемъ губернскомъ правленіи и, отправляясь къ мѣсту своего служенія, чтобы видѣться со мной, избралъ изъ Казани въ Астрахань кратчайшій путь—«черезъ Москву»! Знающіе географію, конечно, подивятся такому «кратчайшему пути», но испытавшіе наслажденія истинной дружбы легко поймутъ причину такого длиннаго объѣзда...

Старикъ Никольскій состоялъ профессоромъ математики при Казанскомъ университетѣ и отличался своей оригинальностью и откровенностью, доходившей до цинизма.

Молодой Никольскій былъ единственный сынъ отца, но не имѣлъ въ себѣ ничего «оригинальнаго», напротивъ, былъ прекрасный молодой чедовѣкъ съ хорошими познаніями, которыя онъ обогащалъ и по выходѣ изъ университета, постоянно занимаясь изученіемъ наукъ.

Съ нимъ я былъ очень друженъ; вмѣстѣ дѣлили радость и горе; у насъ другъ для друга не было ничего завѣтнаго. Сознаюсь, что я часто злоупотреблялъ его дружбой и позволялъ себѣ выходки противъ него, не всегда благородныя. Такъ, напримѣръ, я выдумалъ и пустилъ слухъ, что, когда онъ разъ пришелъ къ отцу, то послѣдній сказалъ ему:

— Маркелъ! Ты сегодня именинникъ! На тебѣ пятакъ! Цѣлуй руку!

Другой могъ бы обидѣться, но Никольскій нисколько не сердился на мою глупую выходку и первый больше всѣхъ ей смѣялся. Такъ онъ много любилъ меня.

Никольскій часто во время каникулъ гостилъ въ нашемъ имѣніи. Я, кажется, говорилъ уже, что Соловцово было окружено татарскими селеніями, и путь сообщеній ихъ лежалъ черезъ наше село, мимо церкви.

Зная хорошо татарскій языкъ, Никольскій часто устраивалъ сюрпризы проѣзжающимъ татарамъ, вначалѣ сильно ихъ поражавшіе своимъ таинственнымъ происхожденіемъ, пока они не узнали, въ чемъ дѣло.

Завидя издали ѣдущаго татарина, Никольскій бѣгомъ отправлялся на колокольню церкви и выжидалъ время, когда тотъ съ нимъ поровняется. Улучивъ такую минуту, онъ, спрятавшись за прорѣзъ колокольни, звучнымъ голосомъ, на распѣвъ, въ совершенствѣ подражая манерѣ муэззина, громко произносилъ обычную молитву, призывающую «правовѣрныхъ» въ мечеть. Татаринъ, слышавъ знакомые ему звуки, останавливался, въ недоумѣніи озирался по сторонамъ, снималъ шапку, смотрѣлъ по верхамъ, дивился: откуда слышится ему голосъ? не съ неба ли? не самъ ли Магометъ призываетъ его къ молитвѣ? Въ его бритой башкѣ никакъ не могла совмѣститься мысль, что изъ христіанскаго храма могла раздаться татарская молитва!.. Такъ продолжалось довольно долго, но разъ Никольскій своей неосторожностью выдалъ себя. Желая видѣть, какой эффектъ онъ производитъ своей мистификаціей, онъ неосторожно выглянулъ въ прорѣзъ колокольни. Въ это самое время татаринъ, все еще стоявшій на одномъ мѣстѣ, какъ разъ взглянулъ на колокольню. Увидавъ Никольскаго, онъ сразу понялъ, откуда лились на него небесные звуки, и первый расхохотался надъ своимъ прежнимъ удивленіемъ. Никольскій, шатаясь по окрестностямъ съ ружьемъ, любилъ вступать въ разговоры съ татарами на ихъ языкѣ, отчего онъ многимъ былъ извѣстенъ

лично. Случилось такъ, что проѣзжающій татаринъ былъ одинъ изъ знавшихъ его. Съ того времени весь эффектъ выходокъ Никольскаго былъ потерянъ. Татаринъ, примѣтившій его, вѣроятно, рассказалъ прочимъ о своемъ открытіи «тайнаго голоса»; и въ послѣдствіи, когда случалось проѣзжать татарамъ, а Никольскому—возобновлять свои попытки ихъ дурачить, они смѣялись, говоря своимъ ломанымъ русскимъ языкомъ:

— И-и, бачка! Больша не надуваешь! Знай, знай! Таперъ мой все зналъ!

Этого случая достаточно, чтобы обрисовать его веселый характеръ.

Никольскій привезъ намъ письмо «отъ своихъ» и дополнилъ его «живыми» рассказами. Съ нимъ вспомнили наше недавнее прошлое. Онъ много смѣялся надъ моимъ мундиромъ изъ толстаго солдатскаго сукна, но уважилъ причины, побудившія меня промѣнить мою штатскую карьеру на военную. Пробывъ у насъ нѣсколько дней, онъ отправился въ Астрахань.

Вслѣдъ за нимъ уѣхалъ братъ въ городъ Павловскъ, назначенный въ образцовый кавалерійскій полкъ; и я остался одинъ вести свое несложное хозяйство.

Вскорѣ по отъѣздѣ брата, на одномъ изъ полковыхъ учений, подѣхалъ ко мнѣ нашъ майоръ Гропеско и сказалъ, что надняхъ въ Москвѣ онъ видѣлся съ моимъ двоюроднымъ дѣдомъ, по матери, И. Н. Рославлевымъ, который желаетъ меня видѣть, при чемъ сообщилъ мнѣ адресъ, гдѣ его найти.

Въ первое же за тѣмъ воскресенье я отправился въ Москву, разумѣется, съ дозволенія Кондратенка и доѣхалъ въ телѣгѣ до Прѣсенскаго моста, далѣе ѣхать побоялся, юнкерамъ строго было запрещено ѣздить въ экипажахъ. Отъ Прѣсенскаго моста, Кудринымъ, я вышелъ на большую Никитскую улицу и противъ церкви Никиты мученика, въ которой вѣнчалась бабка моя, С. А. Мельгунова, повернулъ въ Скатертный переулочъ и на углу перваго перекрестка нашелъ домъ дѣда. Кто знаетъ Москву, тотъ пойметъ, какое громадное разстояніе прошелъ я пѣшкомъ, подъ палящимъ іюльскимъ солнцемъ, въ одеждѣ изъ солдатскаго сукна и въ полной амуниціи...

Въ домѣ дѣда встрѣтили меня двѣ дамы: одна—пожилыхъ лѣтъ, другая—молодая, красивая брюнетка, слегка набѣленная и подрумяненная. Старшая была побочная дочь дѣда, вдова Наумова, и слѣдовательно моя «побочная тетка», вторая—моя бабушка, да—бабушка, несмотря на то, что она была немногимъ старше меня!..

Дѣдъ мой опередилъ свой вѣкъ; онъ въ жизни своей вступалъ нѣсколько разъ въ «гражданскіе браки», о которыхъ такъ много толкуютъ нынѣ. Во время нашихъ разговоровъ пріѣхалъ и мой дѣдъ. То былъ мужчина довольно полный, высокаго роста,

съ русыми волосами, но безъ сѣдины, несмотря на свои 70 лѣтъ,— съ лысиной, усами и съ этими чудными глазами, наслѣдственными въ родѣ Рославлевыхъ. Глаза эти тотчасъ же напомнили мнѣ мою родную бабу, С. А. Мельгунову, доводившуюся И. Н. Рославлеву двоюродной сестрой.

Дѣдъ началъ выговоромъ, что я ранѣе не навѣстилъ его; я оправдывался недосугомъ за ученіями и службой и лгалъ немилосердно. Мнѣ не хотѣлось признаться, что дотолѣ я и не зналъ о его существованіи. На самомъ дѣлѣ, не знаю почему, но ни отецъ, ни мать, никогда не говорили, что есть у насъ родственникъ, живущій въ Москвѣ, хотя не существовало къ тому ни семейной вражды, никакихъ другихъ препятствій.

Дѣдъ мой, Иванъ Николаевичъ Рославлевъ, былъ человѣкъ замѣчательный, въ свое время, по своей разгульной жизни и тѣмъ «шалостямъ», которыя онъ дѣлалъ. Имѣя большое состояніе, онъ началъ службу при Екатеринѣ II въ одномъ изъ гвардейскихъ конныхъ полковъ; дѣлалъ турецкую кампанію съ знаменитымъ княземъ Потемкинымъ, при которомъ состоялъ, какъ тогда называлось, флигель-адъютантомъ. Подъ Кинбурномъ, когда Суворовъ, какъ извѣстно, замѣтивъ слабость гарнизона непріятельской крѣпости и не дождавшись разрѣшенія Потемкина, бросился съ своимъ отрядомъ на штурмъ и взялъ крѣпость,—Потемкинъ послалъ дѣда поздравить Суворова съ побѣдой и, вмѣстѣ съ тѣмъ, арестовать его за самовольное нападеніе на непріятеля. Дѣдъ засталъ Суворова въ палаткѣ, когда ему перевязывали на ногѣ рану, полученную во время этого приступа, и передалъ приказаніе главнокомандующаго. Дѣдъ мой очень гордился тѣмъ, что удостоился принять изъ рукъ героя шпагу его, повитую лаврами столькихъ славныхъ, изумительныхъ побѣдъ.

Дѣдъ близко зналъ своеобразную жизнь Суворова; много рассказывалъ о его разныхъ оригинальныхъ выходкахъ, но постоянно отвергалъ распространившійся слухъ, будто Суворовъ по утрамъ, на зарѣ, кричалъ пѣтухомъ и тѣмъ будилъ лагерь.

По окончаніи войны съ Турціей, дѣдъ вышелъ въ отставку и поселился въ Москвѣ. Молодой, красивый, образованный (по тогдашнему времени), съ большимъ независимымъ состояніемъ, онъ, при легкости тогдашнихъ нравовъ, не замедлилъ сдѣлаться любимцемъ и баловнемъ великосвѣтскихъ женщинъ... Дѣдъ былъ корифеемъ моды: ничто ему не сопротивлялось. Такая легкость побѣдъ въ свѣтѣ окончательно испортила его отъ природы страстную натуру... Тогда между московской молодежью много было шалуновъ и кутиль; между ними особенно выдѣлялись Архаровъ и Измайловъ,—съ большимъ состояніемъ. Дѣдъ сошелся, подружился съ ними, и начались попойки и разнаго рода «развлеченія». При

разсказахъ дѣда о жизни, которую они вели тогда: какъ они по цѣлымъ недѣлямъ бывали «безъ просыпа» пьяны, — волосы отъ ужаса подымались дыбомъ. Скоро все значительное состояніе дѣда ушло на удовлетвореніе прихотей, — онъ попризадумался, но неожиданное богатое наслѣдство послѣ дальняго родственника дало ему вновь возможность продолжать прежнюю жизнь. Онъ промоталъ и его. Наконецъ, получивъ третье наслѣдство и такъ же неожиданно, какъ и второе, дѣдъ остановился на немъ и зажилъ расчетливо. Въ числѣ послѣдне-полученнаго имъ наслѣдства было знаменитое село Никитское, на старой большой Московской дорогѣ въ Коломну.

Привыкнувъ къ легкимъ побѣдамъ надъ женщинами высшаго круга, дѣдъ встрѣтилъ энергическій отпоръ своимъ стремленіямъ — и въ комъ же? — въ молодой вдовѣ священника своего имѣнія, села Никитскаго. Несмотря ни на какія ухищренія и соблазны, попадья не поддавалась его желаніямъ. Извѣстно, что ничто такъ не раздражаетъ мужчину, въ особенности баловней счастья, привыкшихъ къ удачамъ во всемъ, какъ встрѣченное серьезное сопротивленіе. Молодая, красивая попадья не на шутку заняла собой дѣда, и онъ рѣшился на важный шагъ: женился на ней. Но скоро прискучила ему семейная жизнь. Онъ никогда не любилъ своей жены, и чувство оскорбленнаго самолюбія принялъ за привязанность къ ней, и потому, добившись своего желанія, онъ, какъ и всѣ люди его зачала, охладѣлъ къ предмету своей страсти. Проживя съ молодой женой не болѣе трехъ мѣсяцевъ, отпустилъ ее къ роднымъ, производя до самой ея смерти ежегодно пенсію.

Такимъ образомъ, дѣдъ мой, во всю свою жизнь былъ одинъ только разъ въ законномъ бракѣ, всѣ прочіе, а ихъ было немало, были «гражданскіе». И въ настоящее время у него жила, какъ я говорилъ, моя «бабушка», лѣтъ 24-хъ. Говоря о своей законной женѣ, дѣдъ всегда прибавлялъ, что онъ состоитъ въ родствѣ съ московскимъ митрополитомъ Филаретомъ, которому жена его доводилась двоюродной сестрой.

Вся «тройка», какъ дѣдъ называлъ себя, Архарова и Измайлова, дорого поплатилась за свою всѣми возможными излишествами преисполненную жизнь. Архаровъ не выдержалъ: послѣ мучительной операціи сошелъ съ ума и отправился *ad patres*; у Измайлова, жившаго еще въ то время въ своемъ рязанскомъ имѣніи, селѣ Дѣдновѣ, распалась связь въ костяхъ, и онъ болтались въ его высохшемъ тѣлѣ, какъ въ мѣшкѣ. Онъ не могъ двигать ни однимъ членомъ и остатокъ своей жизни проводилъ, или лежа въ постели, или сидя въ креслѣ, и то съ помощью другихъ.

Счастливейе ихъ всѣхъ отдѣлался мой дѣдъ, благодаря своей крѣпкой натурѣ. Всѣ слѣды его безпорядочной жизни проявлялись ранами на ногахъ, да и тѣ служили для него спасеніемъ, въ родѣ

фонтанелей; онъ поддерживалъ ихъ перевязками и мазями каждое утро. Доктора объявили ему, что съ закрытіемъ ранъ прекратится его существованіе. Вслѣдствіе этихъ ранъ и перевязокъ дѣдъ на ходу волочилъ ногами. Несмотря на строгій запретъ докторовъ— не позволять себѣ ни въ чемъ никакихъ «излишествъ» и вести правильную жизнь, дѣдъ не выдерживалъ: время отъ времени, вспоминая старинку, предавался неумѣренному «веселью и оргіямъ».

Все счастливо сходило ему съ рукъ, но въ 1841 году пришелъ роковой для него день. Узнавъ, что къ знаменитому тогда содержанию цыганъ, Илюшкѣ, прибылъ новый таборъ, въ которомъ находится много молодыхъ и красивыхъ цыганокъ, дѣдъ поѣхалъ ихъ смотрѣть и слушать. Несмотря на просьбы и слезы «моей молодой бабушки», ни на настоянія моего брата, бывшего тогда въ Москвѣ, дѣдъ покатилъ «на Патріаршіе пруды»—этотъ московскій притонъ всѣхъ цыганъ, пригласилъ съ собой и брата, общая ему воздерживаться отъ всякихъ излишествъ и довольствоваться только услажденіемъ слуха, то-есть пѣснями: но когда окружили его цыганки и съ приговорами: «хорошій ты нашъ, щедрый ты нашъ», и начали къ нему ласкаться,—дѣдъ не выдержалъ. Вся прежняя удалая жизнь пришла ему на память, и закинула оргія. Шампанское полилось, ассигнаціи полетѣли изъ его кармана, и дѣдъ самъ, притопывая и прищелкивая, съ крикомъ: гай! гай! предавался вполне, со всѣмъ пыломъ юности, бѣшенному разгулу; въ брата, старавшагося остановить его, пустилъ бутылкой, словомъ, несмотря на свои 77 лѣтъ, дошелъ до полного безобразія. На разсвѣтъ дѣда привезли домой въ безчувственномъ состояніи и уложили въ постель.

Проснувшись, дѣдъ увидѣлъ, что раны на ногахъ закрылись. Призваны были доктора, но всѣ усилія ихъ помочь ему оказались напрасными. На третій день у дѣда лопнулъ мочевоѣ пузырь, и онъ скончался въ страшныхъ мученіяхъ...

Таковъ былъ мой двоюродный дѣдъ до самой своей смерти...

Знаменитая «тройка» позволяла себѣ поступки, выходящіе изъ ряда обыкновенныхъ, часто нарушавшіе благочиніе и порядокъ общества. Такъ, напимѣръ, катаясь по городу, съ своими неизмѣнными товарищами, дѣдъ замѣтилъ, что въ окно совершенно незнакомаго ему дома глядѣла на нихъ дѣвушка красивой наружности. Дѣдъ тотчасъ же вызвался поцѣловать ее. На изъявленное въ томъ сомнѣніе дѣдъ отвѣчалъ тѣмъ, что приказалъ кучеру повернуть назадъ, остановиться у замѣченнаго имъ дома. Вся ватага вошла въ него, и дѣдъ, несмотря на сопротивленіе и крикъ дѣвушки, поцѣловалъ ее. Ни отецъ, именитый гражданинъ, ни мать оскорбленной дѣвушки ничего не могли сдѣлать, потому что всѣ подобныя продѣлки, также и всѣ столкновенія съ полиціей и шумъ

ныя выходки, прикрывались могучимъ покровительствомъ и защитой родной сестры дѣда, Анны Николаевны Рославлевой, бывшей любимой фрейлины императрицы Маріи Ѳеодоровны. Сестра его имѣла «большую силу» при дворѣ и часто великаго князя Константина Павловича бивала по рукамъ, когда тотъ давалъ имъ «слишкомъ большую волю».

Дѣдъ часто говаривалъ, что нынѣшняя молодежь—какіе-то «выродки»; нѣтъ въ нихъ ни прежней удали, ни отваги, и что, смотря на насъ, жиденькихъ и слабыхъ тѣломъ, заболѣвающихъ отъ излишне выпитой рюмки вина, можно перешибить насъ «соплей». Въ разговорахъ часто употреблялъ придуманную имъ пословицу: «Эхъ, братъ, кабы—да не кабы, я бы Ивана Великаго ¹⁾ въ карманъ спряталъ».

Этотъ-то дѣдъ принялъ и обласкалъ меня по-родственному, какъ умѣли только принимать въ старые годы. Я, по возможности, навѣщалъ его, любилъ слушать его рассказы про былыя времена, въ особенности вѣкъ Екатерины.

Дѣдъ близко зналъ сильныхъ тогда вельможъ, графовъ Орловыхъ, Потемкина, Зубова, Левашева и другихъ любимцевъ двора, великаго Суворова. Говорилъ кратко, но въ сильныхъ выраженіяхъ и зналъ много случаевъ изъ ихъ частной жизни, какъ очевидецъ и современникъ, и самъ, по связямъ своимъ, былъ въ близкихъ, съ ними отношеніяхъ. Сожалѣю очень, что не записывалъ тогда его рассказовъ. Вышла бы живая любопытная біографія всѣхъ этихъ лицъ, которую нельзя бы найти въ печати...

Въ своей домашней жизни дѣдъ вполне сохранялъ традицію, порядокъ, заведенный нашими прадѣдами; имѣлъ огромную, совершенно ненужную дворню, эту толпу тунеядцевъ, ничего не дѣлающую, но составлявшую необходимую принадлежность всякаго мало-мальски «порядочнаго» тогда дома.

Одни лакеи дѣда наполняли собой его весьма обширную прихожую дома и занимались больше игрой въ карты, «въ носки или горку». Кого, кого не было между ними? И камердинеры, и подкамердинеры, и буфетчики, и официанты, и мальчики «на побѣгушкахъ», и неизмѣнный шутъ и т. п.

Мальчики «на побѣгушкахъ» одѣты были въ короткіе темнаго сукна казакины съ нашитыми на груди красными «патронами». Обязанность ихъ была посмѣнно и попарно стоять у притолки дверей той комнаты, гдѣ находился дѣдъ, и на свистъ его подбѣгать за полученіемъ приказаній.

Шутъ назывался «Николка», хотя этому Николкѣ было за 30 лѣтъ, и онъ былъ умнѣе дѣда. Какъ часто подъ шутовскими его разсказами скрывалась злая иронія, и онъ въ глаза дѣду высказывалъ

¹⁾ Известная колокольня въ Москвѣ.

горькія истины. Дѣдъ только смѣялся. Покусись кто другой изъ двора на нѣчто подобное,—поплатился бы своей шкурой.

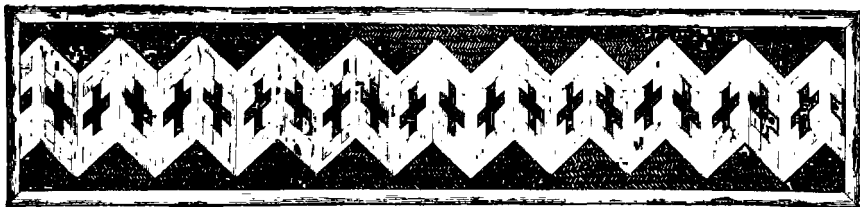
Во время обѣда, каждому изъ присутствующихъ, обыкновенно, прислуживало по два лакея. Непріятно, тяжело было видѣть ихъ глаза, устремленные вамъ прямо въ ротъ...

Въ домѣ дѣда моего началась драма моей жизни, едва не измѣнившая всей моей будущности...

Н. И. Мамаевъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

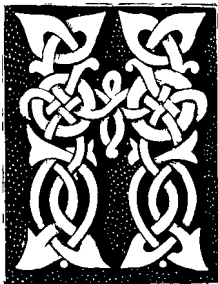

ЗАПИСКИ Н. И. МАМАЕВА ¹⁾.

XV.

Мое производство въ офицеры.—Обѣды въ Москвѣ, въ ресторанѣ Печкина.—Поездка въ деревню П—выхъ.—Подарокъ вахмистру Ильину за выѣзду «Брильянта». — Помѣщица Н. И. Курманалеева. — Семейство Карновичъ. — Иеромонахъ Пименъ. — Препровожденіе времени въ деревнѣ Н. И. Курманалеевой, гдѣ стоялъ мой эскадронъ.

СТАЛЪ сентябрь мѣсяцъ. Въ ночь съ 4-го на 5-е число, мой слуга, разбудивъ меня, подалъ записку, присланную отъ полкового адъютанта съ нарочнымъ и съ надписью «весьма нужное».

Записка была лаконична, но очень знаменательна. Альбертъ писалъ: «Поздравляю корнетомъ. Сейчасъ полученъ приказъ».

Съ производствомъ въ офицеры, начался для меня новый періодъ жизни. «Возрастъ зрѣлости» и начало этой зрѣлости были ознаменованы «малодушіемъ и школьнической выходкой», какъ о томъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

Получивъ записку Альберта, я, понятно, не могъ сомкнуть глазъ остальную часть ночи и съ нетерпѣніемъ ждалъ утра. Объявивъ Кондратенкѣ свою радость, я отправился въ Москву экипироваться.

Тогда же кончились маневры, и полкъ возвратился въ Коломенскій уѣздъ на зимнія квартиры. Отпустивъ съ эскадрономъ людей своихъ и лошадей съ ненужными вещами, я переѣхалъ къ моему доброму дѣду въ Москву.

¹⁾ Продолженіе. См. «Историч. Вѣстн.», т. LXXXIV, стр. 480.

Въ Москвѣ я безпрестанно ѣздилъ къ портному, торопя его скорѣе кончить заказы. Наконецъ, все было готово, и я, облекшись въ офицерскую форму, поѣхалъ къ начальнику дивизіи, сколько по обязанности службы, столько же и по чувству благодарности за его содѣйствіе къ моему производству безъ тѣхъ формальностей, которыя налагали установленныя для того правила.

Впопыхахъ отъ радости я забылъ привязать темлякъ на саблю. Олферьевъ, съ снисходительной улыбкой замѣтилъ мнѣ такое отступленіе отъ формы, понимая очень хорошо причину, оное породившую. Отъ начальника дивизіи я въ экипажѣ моего дѣда, коляскѣ, съ четверней саврасыхъ лошадей, бывшихъ тогда въ большой модѣ, запряженныхъ съ уносными и съ фореиторомъ, велѣлъ кучеру ѣхать по тѣмъ улицамъ, гдѣ зналъ, что найду больше «часовыхъ», и зорко слѣдилъ за ними, чтобы мнѣ была отдаваема «честь». На мое счастье былъ ясный, солнечный день, и я, небрежно развалясь въ коляскѣ, поднявъ плечи, любовался своей тѣнью. Эполеты, прикрытые шинелью, на тѣни казались «густыми». Я мечталъ видѣть себя фельдмаршаломъ... Вечеромъ въ первый разъ посѣтилъ большой театръ. Давали оперу «Аскольдова могила», привлекая значительную часть лучшей публики. Мнѣ въ моемъ ослѣпленіи казалось, что всѣ зрители, всѣ актрисы, только и смотрѣли на меня одного, любовались мной. Дѣйствительно я могъ обратить на себя вниманіе: головой, остриженной подъ гребенку, какъ требовалось отъ юнкеровъ, всей своей одеждой и эполетами, всѣмъ, что называется, «съ иголочки», еще болѣе своимъ вертлявымъ положеніемъ; я ни минуты не оставался спокойнымъ въ креслѣ, при чемъ какъ бы нечаянно опускалъ саблю и тѣмъ стучалъ немилосердно. Какое тогда мнѣ было дѣло, что развлекалъ собой вниманіе публики? Меня замѣтили, и довольно.

Да, тогда я переживалъ счастливые часы моей жизни. Довольство собой выражалось во всемъ на мнѣ яркими чертами. Въ тѣ блаженныя минуты я кованные, мишурные эполеты свои съ одной звѣздочкой не промѣнялъ бы ни на какія блага, богатства жизни... Мое малодушіе было мнѣ извинительно; прошло еще много такихъ дней, пока я отрезвился отъ своей радости, могъ остановиться отъ школьныхъ выходокъ, находясь подъ вліяніемъ обаянія «первыхъ эполетъ».

Одна изъ школьныхъ выходокъ между прочими проявилась за обѣдомъ въ трактирѣ Печкина. Тогда Печкинъ въ Москвѣ былъ то же, что Палкинъ въ Петербургѣ. Вмѣстѣ со мной былъ произведенъ въ офицеры юнкеръ Барщевъ въ Одесскій уланскій полкъ. Передъ отъѣздомъ его изъ Москвы мы уговорились свидѣться въ послѣдній разъ, за обѣдомъ, у Печкина и тамъ проститься. Въ назначенный день мы не преминули явиться на условленное свиданіе и, занявъ особый столикъ, спросили обѣдъ. Рядомъ стоящій

съ нами столикъ былъ занятъ незнакомымъ намъ пѣхотнымъ офицеромъ, казначеемъ полка, оставшимся въ Москвѣ, какъ мы узнали изъ его разговоровъ, для приѣма вещей изъ комиссіи. Пѣхотинецъ потребовалъ бутылку шампанскаго и предложилъ намъ выпить налитые бокалы. Чтобы понять дальнѣйшую сцену, надо сказать, что какъ въ гвардіи, такъ и въ арміи существовалъ въ то время (да, кажется, и теперь) какой-то антагонизмъ между кавалеристами и пѣхотинцами; антагонизмъ этотъ поддерживался и между солдатами. То не была вражда, но какое-то недоброжелательство, порождаемое завистью со стороны пѣхотинца и какъ бы пренебреженіемъ къ послѣднему кавалериста.

Сколько разъ бывало въ дождливое время, возвращаясь съ общихъ маневровъ и обгоняя пѣхоту, кричали: «пѣхота, не пылить!» — тогда какъ пѣхота вязла въ грязи, съ трудомъ вытаскивая изъ нея ноги. На это всегда получали въ отвѣтъ какое-то татарское прозвище: «Талагая».

Предложеніе пѣхотинца распить съ нимъ бутылку шампанскаго задѣло насъ «за живое». Переглянувшись съ Барцевымъ и подмигнувъ ему, я отвѣтилъ:

— Благодарю васъ! Мы не пьемъ шампанскаго.

— Ну, такъ водочки!

— И того менѣе.

— Какъ не пьете? Какіе же вы послѣ того кавалеристы?

Вмѣсто отвѣта я, обратясь къ прислуживавшему намъ «половому», потребовалъ бутылку шампанскаго.

При моемъ требованіи пѣхотинецъ продолжалъ:

— Если не пьете шампанскаго, зачѣмъ же его требуете?

— Повторяю вамъ, мы не пьемъ шампанскаго, — при чемъ на словѣ «не пьемъ» сдѣлалъ удареніе, какъ бы подчеркнулъ его.

Офицеръ продолжалъ:

— На кой же чортъ вамъ оно?

— Имѣйте терпѣнье, и вы увидите.

— Ничего не понимаю, — бормоталъ пѣхотинецъ, не совѣмъ свободно владея языкомъ, и смотрѣлъ на насъ осоловѣлыми отъ вина глазами.

Когда мы кончили нашъ обѣдъ, я засучилъ обшлагъ у сюртука и, держа руки надъ тарелкой, приказалъ половому лить на нихъ принесенное шампанское, при чемъ дѣлалъ движеніе, какъ бы мылъ руки. Барцевъ послѣдовалъ моему примѣру; оставшееся вино отдалъ прислужавшему намъ человѣку.

Окончивъ «умовеніе», я обратился къ пѣхотинцу, вытаращившему глаза и съ изумленіемъ смотрѣвшему на нашу продѣлку, и сказалъ:

— Теперь вы видите, что я не обманулъ васъ. Мы не пьемъ шампанскаго, а моемъ имъ руки.

— Мо-лодцы!—гаркнулъ мнѣ въ отвѣтъ пѣхотинецъ и, вставъ изъ-за стола, нетвердой поступью вышелъ изъ комнаты. По уходѣ его, мы отъ души хохотали по поводу урока, данного пѣхотинцу, за его дерзкое, по нашему мнѣнію, предложеніе. Въ нашемъ смѣхѣ принялъ участіе и половой, понявъ, кажется, причину нашей выходки, которая намъ стоила правда лишнихъ десять рублей (ассигнаціями по догдашнему счету); но что для насъ значили десять рублей, когда мы такъ блестяще поддерживали достоинство кавалериста?..

Пробывъ еще нѣсколько дней въ Москвѣ, я въ глубокую осень, подъ мелкимъ дождемъ, на почтовой перекладной телѣжкѣ, отправился въ Коломну, гдѣ по пріѣздѣ остановился у Альберта, которому обязанъ былъ благодарностью за его извѣщеніе о производствѣ меня въ офицеры. У него я нашелъ объявленіе о полученіи на мое имя на почтѣ денегъ изъ Казани. Отецъ предвидя, что «молодому» офицеру потребуются лишніе расходы, прислалъ мнѣ не взычетъ полную треть (500 р. ассигнаціями) опредѣленнаго мнѣ содержанія. Присылка денегъ пришлась какъ нельзя кстати; изъ данныхъ на обмундировку 200 р. ассигнаціями оставалось у меня очень немного. Кромѣ нужнаго, я много истратилъ на пустыя прихоти и лакомства. Отъ Альберта я узналъ, что назначенъ въ тотъ же 8-й эскадронъ командиромъ 2-го взвода, въ которомъ состоятъ юнкеромъ. Явившись къ полковнику, я въ тотъ же день послѣ обѣда отправился въ первый разъ къ Вѣрочкѣ II—ой, въ имѣніе ея отца, село Юренево, отстоявшее въ 18-ти верстахъ отъ Коломны.

Вѣрочка мнѣ очень обрадовалась. Зная о моемъ производствѣ въ офицеры, нетерпѣливо желала меня видѣть, пеняла, что такъ долго оставался въ Москвѣ. Когда мы остались одни, она сказала, что теперь, офицеромъ, я сталъ менѣе походить на ея брата. На мой спросъ: «не проигралъ ли я въ ея глазахъ отъ потери сходства?»—она, потупивъ глаза и вся вспыхнувъ, молча протянула мнѣ свою руку, которую я поцѣловалъ въ первый еще разъ. Такое движеніе съ обѣихъ сторонъ было краснорѣчивѣе всякихъ словъ!..

Узнавъ, что я буду квартировать отъ ихъ деревни верстахъ въ сорока, она было пригорюнилась, но, получивъ мое обѣщаніе посѣщать ихъ какъ можно чаще, повеселѣла, наградивъ меня пріятной улыбкой. Прогостивъ у нихъ три дня, я получилъ отъ нея обѣщаніе на всѣхъ танцевальныхъ вечерахъ, гдѣ бы мы ни встрѣтились, первую кадрили и мазурку танцевать со мной.

Возвратясь въ Коломну, я неожиданно встрѣтилъ вахмистра Ильина. Узнавъ, что онъ получилъ «чистую» отставку, пригласилъ его къ себѣ на квартиру, гдѣ, поблагодаривъ за выѣздку «Бри-

льянта», далъ ему 150 р. ассигнаціями, не считая полученныхъ имъ прежде въ разное время. Ильинъ остался очень доволенъ, не разсчитывая, повидимому, на такое щедрое вознагражденіе.

На другой день рано утромъ я отправился въ мѣсто расположенія моего взвода, село Кривякино, въ 22-хъ верстахъ отъ Коломны. По приѣздѣ на мѣсто расположился въ отведенной мнѣ крестьянской избѣ. Отдохнувъ немного, я переодѣлся и отправился къ владѣлицѣ имѣнія, вдовѣ генерала Курманалеева, Надеждѣ Ивановнѣ. Старушка приняла меня очень ласково; тотчасъ же предложила мнѣ занять комнату внизу своего двухъэтажнаго дома и сама распорядилась, пока я оставался у нихъ, чтобы вещи мои и люди были переведены въ мое новое помѣщеніе.

Съ старушкой жило семейство ея племянника, Гаврилы Степановича Карновича. Самъ Карновичъ былъ въ то время въ Москвѣ, гдѣ хлопоталъ объ отдѣлкѣ дома, близъ Сухаревой башни, а жена его, два сына и три дочери, всѣ еще малолѣтніе, оставались въ деревнѣ. Жена Карновича, Любовь Алексѣевна, урожденная Горяинова, была женщина въ цвѣтѣ лѣтъ, замѣчательной красоты, врожденной впрочемъ въ ихъ родѣ. Братъ ея Борисъ, проживая въ Парижѣ, наружностью своею далъ французамъ поводъ изъ своего имени сдѣлать каламбуръ. Они его прозвали: Beau russe! Старшая сестра, Вѣра, была замужемъ за извѣстнымъ декабристомъ, полковникомъ Муравьевымъ.

При дѣтяхъ Карновича находились гувернантки: нѣмка и англичанка. Кромѣ того, въ домѣ жили: іеромонахъ, отецъ Пименъ, такъ какъ Курманалеева имѣла свою домовую церковь, и какой-то полу-идіотъ семинаристъ, призрѣнный изъ сожалѣнія къ его немощному состоянію. Онъ былъ извѣстенъ по своему отчеству «Кирилычъ», настоящаго имени его я никогда не зналъ.

Такое семейство для меня было счастливой находкой. Болѣе восьми мѣсяцевъ прошло съ того времени, какъ я оставилъ родительскій домъ и проживалъ или съ военной молодежью, или одинъ въ крестьянской избѣ. Теперь я нашелъ семью изъ лучшаго московскаго круга, состоящую изъ людей добрыхъ, образованныхъ, молодыхъ, которые могли служить мнѣ образцомъ хорошаго, приличнаго тона и спасти меня отъ той «грязной» сферы, въ которой прочіе офицеры, менѣе меня счастливые въ выборѣ людей, должны были поневолѣ вращаться.

Старушка Курманалеева, видя меня такимъ молоденькимъ, — по наружности, казалось, мнѣ не болѣе 15-ти лѣтъ, — обращалась со мной, какъ бы со своимъ любимымъ внукомъ, лаской и вниманіемъ предупреждала мои желанія, окружила меня родственной заботой, самымъ нѣжнымъ вниманіемъ. Глубоко цѣня такую къ себѣ любовь, я съ своей стороны старался угождать ея вкусамъ и привычкамъ и поведеніемъ своимъ быть достойнымъ ея расположе-

нія. Старушка, религіозная въ душѣ, не пропускала ни одной Божественной службы, посѣщала каждую всенощную и обѣдню. Я всегда провожалъ ее въ церковь, ведя подъ руку; тѣмъ же порядкомъ мы возвращались въ ея комнату. Вначалѣ усердіе мое простиралось до того, что я «отстаивалъ» всю всенощную, но скоро, каюсь, потерялъ терпѣнье и уходилъ изъ церкви, лишь только доводилъ Надежду Ивановну до ея мѣста. Къ концу службы являлся къ исполненію своей обязанности «проводника» и, какъ ни въ чемъ не бывало, важно велъ ее подъ руку обратно въ домъ. Добрая старушка, всегда усердно и не оглядываясь молившаяся, видя меня на своемъ мѣстѣ, и не подозрѣвала, что я оставлялъ церковь, хвалила въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ мое благочестіе, столь рѣдкое въ моихъ молодыхъ лѣтахъ. Я краснѣлъ и молча выслушивалъ незаслуженныя себѣ похвалы. Въ ослѣпленіи своемъ къ моимъ достоинствамъ, она мою краску «стыда» принимала за краску «скромности», и похваламъ ея не было конца. Никто изъ семьи ея, по добротѣ своей, не старался разочаровывать ее на мой счетъ, хотя очень хорошо всѣ видѣли и знали мои проделки. Конецъ концовъ былъ тотъ, что старушка сильно привязалась ко мнѣ и не чаяла, во мнѣ, что называется, души. Такая привязанность послужила отцу Пимену поводомъ къ весьма грубой выходкѣ.

За обѣденнымъ столомъ отецъ Пименъ всегда помѣщался рядомъ съ Надеждой Ивановной, по лѣвую сторону. При появленіи моемъ въ домъ, старушка скоро предложила мнѣ занять это мѣсто, и Пименъ долженъ былъ избрать себѣ другое, на дальнемъ концѣ стола. Полагая, что преимущество это мнѣ оказано только на первое время, отецъ Пименъ молчалъ; но видя, что я окончательно завладѣлъ его мѣстомъ, началъ злиться и досадовать и на Надежду Ивановну и на меня. Чувство зависти — смертный грѣхъ, и, казалось бы, менѣе всего должно быть присуще монаху. Вышло наоборотъ.

Однажды мы всѣ сидѣли за обѣдомъ.

Разговоръ, всегда оживленный, какъ-то оборвался. Отецъ Пименъ, давно, повидимому, сторожившій подобную минуту, чтобы слова его не были заглушены какимъ постороннимъ звукомъ, своимъ твердымъ голосомъ, съ разстановкой, какъ бы отчеканивая каждое слово, съ своего дальняго конца стола, обратившись къ Надеждѣ Ивановнѣ, сказалъ:

— Матушка, Надежда Ивановна!

— Что, отецъ Пименъ?

— Что я тѣ-сѣ скажу!

— Скажи.

— Смотрю я на тебя, да и думаю: вотъ была ты «твое превосходительство», а теперь будешь «твое благородіе», — намекая тѣмъ, что старушка какъ бы намѣревается выйти за меня замужъ.

Всѣ поняли намекъ и громко разсмѣялись, но почтенная старушка обидѣлась не на шутку: крестя Пимена по воздуху рукой, она своимъ тихимъ, обычнымъ голосомъ проговорила:

— Что ты, что ты, отецъ Пименъ! Перекрестись! На тебѣ дьявольское навожденіе! Христосъ съ тобой!

Въ тотъ же вечеръ Пименъ получилъ достойное наказаніе за свою неумѣстную выходку.

Чтобы понять все неприличіе его выраженія и безтактность, надо сказать, что отецъ Пименъ служилъ типомъ большинства нашихъ монаховъ, т. е., не получилъ никакого образованія, былъ грубъ и не стѣснялся въ своихъ словахъ, и имѣлъ одно достоинство, впрочемъ рѣдкое въ монастырскомъ быту, — велъ трезвую жизнь.

Дни мои въ Кривякинѣ обыкновенно я проводилъ такъ: утромъ, за чаемъ, принималъ словесный рапортъ вахмистра Вещева, заступившаго мѣсто Ильина, который, говоря обычную фразу: «господинъ корнетъ, при взводѣ все обстоитъ благополучно!» иногда добавлялъ: или лошадь въ стойлѣ зашибла ногу, или солдаты, напившись пьянъ, упалъ и расшибся и т. п. А между тѣмъ, во всѣхъ неблагопріятныхъ случаяхъ, начиналъ рапортъ свой неизмѣнными словами: «все обстоитъ благополучно!» Такова была «рутина» военной службы, и никто не замѣчалъ всей несообразности подобныхъ донесеній, гдѣ слова явно противорѣчили событію.

Вмѣстѣ съ вахмистромъ я отправлялся на конюшню, обходилъ лошадей, иногда смотрѣлъ «одиночную» ѣзду уланъ. Между тѣмъ, мнѣ сѣдлали «Брильянта» или казенную лошадь, по моему указанію, приходилъ въ манежъ, садился на подведенную лошадь и ѣздилъ верхомъ. Проѣздивъ часъ, иногда и болѣе, приходилъ наверхъ, къ моимъ добрымъ хозяевамъ, гдѣ ожидалъ меня сытый завтракъ, и оставался у нихъ до обѣда, проводя время или въ разговорахъ, или въ чтеніи старушкѣ назидательныхъ книгъ, болѣе духовнаго содержанія. Послѣ обѣда старушка уходила въ свою спальню на отдыхъ, а я спускался къ себѣ внизъ и принимался за свою «Библіотеку для Чтенія» или бралъ книги у Карновича. Къ вечернему чаю снова являлся наверхъ; тамъ уже заставлялъ всю семью въ полномъ сборѣ: дѣти кончали свои уроки и сходились къ общему столу. Напившись чаю, вечеръ оканчивали играми, преимущественно, «жмурками».

Игра «въ жмурки» слишкомъ извѣстна, чтобы ее описывать. Одному изъ играющихъ, по жребію, завязывали платкомъ глаза такъ, чтобы онъ ничего не могъ видѣть, и онъ долженъ ловить другихъ. Пойманный имъ замѣнялъ его мѣсто. Но мы придумали новый способъ, варьировавшій обыкновенныя жмурки.

Въ вечеръ того дня, когда отецъ Пименъ отпустилъ «свою пошлость», что Надежда Ивановна собирается выйти за меня за-

мужъ, я предложилъ къ игрѣ въ жмурки присоединить еще жгуты, т. е., до ловящаго другихъ прикасаться не пальцами, какъ было до того, но легкимъ ударомъ свитаго изъ полотенца жгута. Всѣ съ радостью согласились, въ томъ числѣ и самъ отецъ Пименъ, никакъ не подозрѣвая, что цѣлью моей выдумки долженъ былъ служить самъ. Передъ началомъ игры всѣ мы, мужчины, сняли, по обыкновенію, сапоги, чтобы не слышно было нашихъ шаговъ, и остались въ однихъ носкахъ. Отецъ Пименъ тоже бѣгалъ съ нами, въ шерстяныхъ чулкахъ. Жребій выпалъ на его долю ловить другихъ. Завязавъ ему крѣпко глаза и поставивъ на средину залы, мы отошли къ стѣнѣ, и игра началась! Жгутъ свой я приготовилъ изъ личного полотенца, предварительно смочивъ его водой. Подкраившись неслышно къ отцу Пимену, я со всего размаха ударилъ его по крыльцамъ своимъ жгутомъ. Ударъ пришелся плотно и очень чувствительно, такъ какъ монахъ былъ въ одномъ только нанковомъ подрясникѣ. Мой отецъ Пименъ на этотъ разъ только крикнулъ отъ боли. Но когда я вторично изловчился нанести ему ударъ чувствительнѣе прежняго, онъ не выдержалъ: скинувъ повязку съ глазъ и разсердившись, пересталъ играть и ушелъ въ свою комнату. Прочіе участвующіе поняли, что въ поступкѣ моемъ заключался урокъ и наказаніе за оскорбленіе Надежды Ивановны глупымъ предположеніемъ. Отецъ Пименъ дулся на меня, догадавшись, что удары мои были не случайные, и долго не соглашался принимать участія въ нашихъ вечернихъ играхъ, но скука взяла свое, и онъ согласился на жмурки, но съ однимъ непрѣмнымъ условіемъ не сопровождать этой игры ударами жгута. Мы охотно согласились, такъ какъ цѣль жгутовъ была вполне достигнута, и онъ понесъ чувствительное наказаніе за свою глупость.

Живя въ домѣ Н. И. Курманалеевой, я испыталъ на себѣ все благотворное вліяніе доброй, благочестивой семьи.

По первому санному пути я отправился къ Вѣрочкѣ въ Юринево. Меня давно ожидали и весело встрѣтили. Между тѣмъ въ Коломну прибылъ новый командиръ полка, флигель-адъютантъ, полковникъ, свѣтлѣйшій князь А. К. Ливень; снова устроились танцевальные вечера, и мы подъ звуки трубъ весело выплясывали! Молодость брала свое! Вѣрочка переѣхала съ матерью въ городъ, постоянно была окружена толпой поклонниковъ своей красоты; но я былъ совершенно покоенъ, зная, что сердце ея нераздѣльно принадлежитъ мнѣ, и что никакія ухаживанья не помогутъ затмить меня въ ея привязанности. Но она ревновала меня къ другимъ и часто горько жаловалась на мою мнимую вѣтреность...

Такъ шло для меня время въ разъѣздахъ изъ Кривякина въ Коломну и обратно до весны.

Съ наступленіемъ весны эскадронъ, по обычному порядку, вступилъ на «кампаментъ», и я простился съ доброй, почтенной На-

деждой Ивановной и ея уважаемой семьей. Благодарность къ нимъ вѣчно останется въ душѣ моей.

По приходѣ въ Коломну, случилось со мной происшествіе, едва не стоившее мнѣ всей моей будущности, какъ о томъ будетъ сказано въ слѣдующей главѣ.

XVI.

Ротмистръ Носовичъ. — Его ухаживанія за Вѣрочкой П—ой. — Моя ссора съ Носовичемъ и вызовъ его на дуэль. — Мои мысли о дуэляхъ. — Секунданты: Лесли и Ганкевичъ. — Докторъ Краснопольскій. — Дуэль и ея благополучный исходъ. — Дружба ко мнѣ Лесли.

Ротмистръ Носовичъ, котораго судьба какъ бы съ намѣреніемъ показала мнѣ первымъ въ облакахъ табачнаго дыма, на квартирѣ Стойделя, въ с. Красная-Пахра, тоже влюбленъ былъ въ Вѣрочку и, вѣроятно, имѣлъ на нее, что называется, «серьезные виды», т. е. думалъ на ней жениться. Предположеніе мое основываю на томъ понятіи, что въ его лѣта и положеніи (онъ былъ уже ротмистромъ и командовалъ эскадрономъ) не довольствуются только тѣмъ, чтобы любоваться прекраснымъ цвѣткомъ, подобно мнѣ, но желаютъ сорвать его и обладать имъ.

Носовичъ, страшно самолюбивый, думавшій, что ему только стоитъ бросить ласковый взглядъ на женщину, чтобы ее совершенно покорить себѣ, былъ уязвленъ въ самое чувствительное мѣсто, когда видѣлъ, что всѣ его старанія и ухаживанія за Вѣрочкой остаются напрасными, и что счастливый его соперникъ—я.

Впослѣдствіи я почти каялся, что привязанностью своей мѣшалъ ему. Вѣрочка, не видя отъ меня взаимности, можетъ быть, вышла бы за него замужъ и была бы ему хорошей женой, почему знать: можетъ быть, оба были бы счастливы своей супружеской жизнью, скрѣпили бы себя дѣтьми и изжили бы свой вѣкъ, какъ живутъ многіе. Но медаль эта имѣетъ и оборотную сторону. По природѣ фаталистъ, я вѣрю убѣжденію: «что ни дѣлается, все къ лучшему!» я могу думать, что прозорливое Провидѣніе, для котораго наше будущее не составляетъ тайны, можетъ быть, не безъ умысла, поставило меня препятствіемъ на дорогѣ Носовича, чтобы разстроить его планы и тѣмъ обоимъ ихъ сохранить отъ тѣхъ несчастій, которыя готовила имъ ихъ супружеская жизнь! Естественно, что такая философія не могла умѣститься въ моей беззаботной, 19-ти лѣтней головѣ, еще не искусившейся въ опытѣ жизни, не усвоившей себѣ никакихъ положительныхъ убѣжденій. Я дѣйствовалъ безсознательно, что называется, «очертя голову», слѣдуя влеченію своего любящаго сердца.

При той обстановкѣ, которая окружала меня, при тѣхъ средствахъ, которыми обладалъ я, конечно, мнѣ было не до разсуждений и изысканій истинъ и философской оцѣнки моихъ поступковъ и дѣйствій. Вообще, въ то время не я одинъ, а вся молодежь, по-побно мнѣ, жила только жизнію настоящаго, довольствовалась тѣмъ, что попадалось подъ руку, и сперва дѣйствовала, а потомъ уже разсуждала! Правило—прескверное, ведущее къ большимъ иногда ничѣмъ неисправимымъ опибкамъ. Мы и дѣлали опибки! Часто получали отъ судьбы уроки за наше неблагоразуміе, но все скоро забывали въ наплывѣ новыхъ ощущеній и новыхъ ударовъ...

Вѣрочка П—ва, кокетливая по природѣ, обладала притомъ насмѣшливо-колкимъ умомъ.

Видя ухаживанье за собой Носовича, она часто дѣлала его смѣшнымъ въ глазахъ прочихъ офицеровъ, дурачила его, вызывала на разные поступки, несообразные съ его лѣтами и положеніемъ, и все это для того, чтобы послѣ надъ нимъ же надсмѣяться, и Носовичъ дѣлался на нѣкоторое время предметомъ посмѣшища и глумленія прочихъ офицеровъ. Признаюсь, я много содѣйствовалъ Вѣрочкѣ въ ея обращеніи съ Носовичемъ.

Носовичъ долго крѣпился, долго не оставлялъ своими преслѣдованіями Вѣрочки. Можетъ быть, онъ дѣйствительно такъ былъ въ нее влюбленъ, что не замѣчалъ ея насмѣшекъ; а, можетъ быть, и то, что по свойству всѣхъ излишне самолюбивыхъ людей былъ настолько нравственно слѣпъ, что не видалъ ничего около него происходящаго. Наконецъ, послѣ одной, очень злой съ нимъ выходки Вѣрочки повязка спала съ его глазъ. Онъ увидѣлъ наконецъ и понялъ, что былъ только игрушкой въ рукахъ молоденькой дѣвушки и, какъ всѣ самолюбивые люди, уязвленные въ своей чрезмѣрной увѣренности, впалъ въ противоположную крайность, т. е. возненавидѣлъ П—ву. Конечно, такая реакція не обошлась ему даромъ, но стоила большихъ усилій и борьбы съ самимъ собой. Ненависть его была недостойна благороднаго человѣка: она была обращена противъ существа, которое, кромѣ красоты, не могло противопоставить ему никакого отпора; но онъ расчитывалъ безъ моего вмѣшательства...

Местъ его начала проявляться тѣмъ, что онъ позволилъ себѣ дурно отзываться о П—вой, при чемъ, какъ умный человѣкъ, не щадя ея, въ своихъ насмѣшкахъ не щадилъ и себя.

Давно доходили до меня слухи о его невыгодныхъ отзывахъ о Вѣрочкѣ и обо мнѣ; но я принималъ ихъ легко, первый смѣялся надъ слабостью своего противника. По странному свойству нашихъ впечатлѣній въ молодые годы, всякая злая шутка, всякое неосторожное слово, сказанныя въ наше отсутствіе, принимаются легко, не такъ сильно задѣваютъ наше самолюбіе, какъ высказанныя прямо въ глаза; въ первомъ случаѣ иногда посмѣешься и только въ по-

слѣднемъ часто оплачиваешь кровью, иногда жизнію. Такъ было и со мной.

Однажды, въ началѣ мая, когда полкъ былъ собранъ на «кампанентъ»; я зашелъ по какому-то дѣлу къ полковому адъютанту, И. И. Альберту. Почти вслѣдъ за мной явился туда же и Носовичъ, по изворотливости своего ума весьма тонко и издалека напелъ разговоръ на П—ву, къ которому онъ, вѣроятно, давно готовился, и, завладѣвъ своей желанной темой, началъ острить и подтрунивать надо мной, желая тѣмъ задѣть меня, вывести изъ терпѣнія и вызвать на какую нибудь дерзость. Я тотчасъ понялъ цѣль его нападокъ, принялъ свои мѣры, и пока рѣчь шла только обо мнѣ, отшучивался, сколько могъ и насколько хватало во мнѣ и умѣнья и хладнокровія. Владѣя собою, я имѣлъ видимое преимущество надъ своимъ противникомъ. Носовичъ горячился, путался въ словахъ, онъ, говорившій всегда такъ краснорѣчиво, что было пріятно его слушать, умѣвшій самое пустое, повидимому, ничтожное обстоятельство или случай рассказать такъ увлекательно, что при сознаніи пустоты содержанія разсказа слушаешь его съ удовольствіемъ, отъ умѣнья его хорошо излагать. На этотъ разъ Носовичъ совершенно растерялся, былъ неузнаваемъ. Плотина хладнокровія, сдержанная дотолѣ приличіемъ и обдуманностью въ словахъ, прорвалась. Видя, что я владѣю собою и ловко отбиваюсь его же оружіемъ, онъ принялъ другую систему: началъ дурно отзываться о П—вой. Потокъ самыхъ пошлыхъ, самыхъ циническихъ насмѣшекъ полился на Вѣрочку. Тогда я не выдержалъ болѣе, разгорячился въ свою очередь и тѣмъ потерялъ почву, на которой подвизался доселѣ и съ такимъ успѣховъ. Врагъ получилъ перевѣсъ надо мной... Кончилось тѣмъ, что П—ва отошла на второй планъ, и мы остались оба бойца лицомъ къ лицу; я наговорилъ дерзостей Носовичу. Оба мы не скупились на крупныя слова. Вмѣшательство Альберта, желавшаго примирить насъ, еще болѣе прищипривало насъ, и мы разстались съ душевными желаніями, какъ можно скорѣе разожжить другъ другу черенъ, положившись въ томъ на судьбу! Кому-то жребій въ томъ поможетъ?

Я стоялъ на квартирѣ вмѣстѣ съ поручикомъ Н. С. Лесли, съ которымъ былъ очень друженъ.

Возвратившись домой, я разсказалъ ему обо всемъ, происшедшемъ между мной и Носовичемъ. Лесли, осудивъ во мнѣ неумѣстную, по его мнѣнію, горячность, не менѣе того, весьма охотно вызвался быть моимъ секундантомъ.

Съ свойственнымъ ему хладнокровіемъ,— онъ былъ среднихъ лѣтъ, лѣтъ 30-ти, если не болѣе,—онъ сказалъ:

— Ну, теперь дѣло не въ томъ, чтобы читать морали, да ты ихъ и слушать не будешь, а въ томъ, чтобы уладить все безъ малѣйшей огласки.

— Да. Надо дѣйствовать скорѣе, чтобы слухъ не дошелъ до полковника. Тогда выйдетъ скверно! Впрочемъ, съ этой стороны я себя обезпечилъ сколько могъ! Альбертъ далъ честное слово: никому не говорить о происшедшемъ, только чтобы его не вмѣшивали въ эту исторію. Альберта я считаю честнымъ человѣкомъ!

— Какія же твои условія дуэли?

— Полагаюсь совершенно на тебя. Дѣйствуй по полному моему уполномочію! Какъ уговоришься, такъ и будетъ. Надо за дѣло приниматься скорѣе, чтобы не вышло шума изъ-за пустяковъ, чтобы не сдѣлаться посмѣшищемъ. Не надо было начинать, а разъ начавъ—смѣшно не кончить.

— Сейчасъ иду къ Носовичу и узнаю, кто его секундантъ.

Лесли ушелъ, и я остался одинъ съ своими думами... съ своими невеселыми ожиданіями будущаго!!!!

Приступая къ составленію моихъ записокъ, я далъ слово не скрывать въ себѣ ни дурныхъ, ни хорошихъ своихъ качествъ, ни дѣйствій, ни помысловъ. Записки мои предназначаются моему ближайшему потомству, т. е. людямъ, мнѣ не чуждымъ, которыхъ я люблю душевно, а «кто много любитъ, тому многое и прощается». Надѣюсь на ихъ снисходительный судъ и потому не вижу причины скрывать отъ нихъ моихъ душевныхъ волненій въ эту тяжелую минуту моей жизни. При томъ, записки мои будутъ прочитаны послѣ смерти, а «мертвые срама не имутъ».

Въ этомъ убѣжденіи, расскажу откровенно, какія мысли волновали меня по уходѣ Лесли.

Первый взрывъ горячности и негодованія во мнѣ миновалъ; я сталъ хладнокровнѣе обсуждать свой поступокъ, смотрѣть на свое положеніе, вглядываться въ свое будущее, если оно будетъ принадлежать мнѣ.

Постараюсь припомнить до малѣйшихъ подробностей, какія мысли толпились тогда въ головѣ моей, какія ощущенія волновали мою душу. Хотя послѣ этого глупаго событія прошло почти 37 лѣтъ, но я воображеніемъ перенесусь къ тому времени, а моя добрая память не оставитъ помочь мнѣ воспроизвести событія такъ, какъ онѣ происходили!

Понятія мои о щекотливости чести вообще и о дуэляхъ въ особенности я составилъ изъ разныхъ прочитанныхъ мною романовъ, но болѣе изъ рассказовъ лицъ современныхъ. Такими путями я составилъ себѣ убѣжденіе, что никакое оскорбленіе не можетъ быть иначе заглажено, какъ съ оружіемъ въ рукахъ и грудь съ грудью противника. Такой тѣсный взглядъ я усвоилъ себѣ вслѣдствіе современныхъ тогда стремленій къ охраненію чести всѣхъ «военныхъ». Убѣжденіе это такъ крѣпко засѣло во мнѣ, такъ сильно впиталось въ мою кровь и плоть, что никакія чело-вѣческія усилія не заставили бы отказаться отъ него. Но, что

не могло тогда сдѣлать благоразуміе, то сдѣлало время. Теперь я смотрю на дуэль совсѣмъ другими глазами и вижу въ ней только одно заблужденіе!!! На самомъ дѣлѣ: какое право мы имѣемъ располагать своей или ближняго жизнью? И всегда ли это средство служить къ удовлетворенію нашей чести? Неужели человѣкъ, подлый въ душѣ, будетъ честнѣе, если выдержитъ дуэль? Какая жалкая, смѣшная мысль — представить случаю или искусству снять съ себя оскорбленіе. Да и всегда ли можно достигнуть такимъ путемъ? Развѣ мы не видимъ примѣровъ, что обиженный, думая найти себѣ удовлетвореніе, часто падалъ въ крови, а обидѣвшій, оставляя его на мѣстѣ, прехладнокровно отправлялся обѣдать съ пріятелями въ гостиницу, разсуждая объ искусствѣ нанесеннаго удара и готовясь на новые подобные подвиги!!! Но такова сила предразсудка! На обиженнаго, не требующаго кроваваго удовлетворенія, общество военныхъ смотрѣло, какъ на труса, отворачивалось отъ него съ презрѣніемъ, клеймило позоромъ и т. п., забывая, что человѣка должно судить не по обидѣ, ему нанесенной, но насколько онъ заслуживалъ ту обиду! Неужели отъявленный мерзавецъ, утратившій вѣру во все чистое, высокое, обладающій искусствомъ цѣльной стрѣльбы или вѣрнымъ разсчитаннымъ ударомъ холоднаго оружія, имѣющій при этомъ немного природнаго или напускнаго мужества и большой запасъ дерзости и наглости оскорбить скромнаго, вполне благороднаго человѣка и, воспользовавшись его неумѣньемъ владѣть, въ одинаковой съ нимъ степени, искусствомъ въ стрѣльбѣ или ударѣ оружія, положить его на мѣстѣ или нанести рану? Неужели, спрашиваю, первый сдѣлается отъ того честнѣе и лучше, а послѣдній — утратитъ свое благородство, имѣя для того всѣ данныя, если отклонить отъ себя дуэль и рѣшится лучше снести оскорбленіе, чѣмъ требовать кроваваго возмездія? Конечно, нѣтъ! Но военный людъ судитъ иначе!

Утописты говорятъ, что дуэли поддерживаютъ мужество и военный духъ молодежи. Жалка та молодежь, въ которой мужество должно возбуждаться искусственно, и которая храбро дерется съ врагомъ отечества не по убѣжденію своего чувства долга, но по подстрекательству другихъ!!!

Этимъ я не хочу сказать, чтобы вовсе отказываться отъ дуэли. Если вѣрованіе въ необходимость ея такъ глубоко вошло въ жизнь общества, что нельзя совершенно отрѣшиться отъ такого убѣжденія, то, по крайней мѣрѣ, только въ рѣдкихъ случаяхъ должно прибѣгать къ кровавой расправѣ, а не злоупотреблять ею, и видѣть въ дуэли долгъ, хотя и тяжкій, но неизбѣжный, налагаемый на насъ необходимостью, а не понятіемъ только того общества и времени, въ сферѣ которыхъ мы живемъ. Есть случаи, когда дуэль должна замѣнить собой «судъ Божій»! Такъ: въ обидѣ, нанесенной лично, дѣйствіемъ, или когда затронутъ честь людей, намъ близкихъ,

тогда собственноручная расправа может и должна имѣть мѣсто, и распря происходитъ по внутреннему убѣжденію въ справедливости повода, а не по рутиннымъ понятіямъ старыхъ предразсудковъ!...

Въ молодыхъ нашихъ лѣтахъ мы разсуждаемъ не такъ! Малѣйшій намекъ или неосторожно сказанное слово почиталось оскорбленіемъ и давало поводъ къ кровавой расправѣ. Въ тридцатыхъ годахъ, несмотря на всю строгость наказанія за дуэль, смотрѣли на нее, не какъ на средство, но какъ на право возстановить мнимо-оскорбленную честь, и потому злоупотребляли дуэлью. Намъ казалось, что собственноручная расправа дѣлала насъ въ понятіяхъ другихъ героями, полубогами! Такое убѣжденіе выказывалось у насъ во взглядѣ на человѣка, выдержавшаго дуэль. Число такихъ дуэлей прибавляло ему и больше степеней нашего уваженія. Въ глазахъ нашихъ онъ выросталъ нравственно до недостижимой высоты величія и славы. А если, притомъ, онъ получалъ раны, то поклоненію нашему не было и конца. Извѣстно, что на молодежь, не разсуждающую, не анализирующую того или другого явленія, внѣшность дѣйствуетъ сильно. Ореолъ славы, который въ глазахъ нашихъ лежалъ на челѣ дуэлиста, имѣлъ для насъ чарующую, притягательную силу, подчиняющую себѣ все, что ни войдетъ въ его кругъ. Около такого счастливаго смертнаго мы тѣснились, какъ пчелы около своей матки, старались изучать его, подражать ему во всемъ, считали себя счастливыми, если удостоивались получить отъ него малѣйшій знакъ вниманія, служили ему, преклонялись передъ нимъ... Если такой человѣкъ не былъ только глупъ, то съ тѣмъ огромнымъ вліяніемъ, которое онъ имѣлъ надъ нами, могъ сдѣлать все невозможное. Молодежь готова была идти за него, что называется, «въ огонь и воду», дѣлалась фанатиками; готова принять на себя всѣ муки, всѣ казни, чтобы только заслужить его улыбку одобренія... Такова сила предразсудка!..

Проникнутый такими въ то время понятіями, я въ дуэли съ Носовичемъ готовилъ себѣ блестящую роль защитника «дамы моего сердца», т. е., по теперешнему измѣнившемуся во мнѣ взгляду, просто-напросто «донкихотствовалъ» — видѣлъ возможность подняться на ходули тщеславія, лестнаго вниманія и похвалъ, и тѣмъ сравниться съ прочими бретѣрами, коихъ часто встрѣчалъ въ Москвѣ: слава о нихъ, какъ о герояхъ, далеко имъ предшествовала. Разумѣется, все это, при непремѣнномъ условіи, если я выйду живой изъ кровавой борьбы.

Но всякая медаль, какъ бы она блестяща ни была, имѣетъ двѣ стороны. Такъ и къ моему тогдашнему положенію была и обратная сторона, не грѣзъ и мечтаній, но практическая, реализованная.

Послѣ перваго впечатлѣнія дуэли, о которой я говорилъ выше,

тщеславіе, отуманившее меня, начало рѣдѣть... сквозь него стали проглядывать другія мысли, болѣе здравыя... я началъ вдумываться: что затѣмъ меня ожидало?... А ожидала меня весьма незавидная будущность, отъ воспоминанія о которой я невольно поморщился, какъ будто что-то стѣснило въ груди!.. кольнуло въ бокъ... «мурашки» пробѣжали по спинѣ... мнѣ стало неловко... и я глубоко, глубоко вздохнулъ! Сначала мысли мои являлись въ головѣ моей безъ всякой послѣдовательности, незванные, непрошенные... Богъ знаетъ откуда... толпились, путались... но, мало-по-малу, тоже безъ малѣйшаго усилія съ моей стороны, установился въ нихъ порядокъ... я могъ дать себѣ отчетъ: что меня ожидало?

Убить или быть убитымъ!!!

Другого выхода не было. Въ обоихъ случаяхъ — будущность незавидная, скажу болѣе, скверная...

Если я буду убитъ?... Жизнь моя, — тогда мнѣ не было еще 19-ти лѣтъ, — только что открывалась передо мной, со всѣми ея заманчивыми сторонами въ будущемъ... Широкой дорогой она стлалась вперед; я только что вступалъ въ нее, полный свѣжихъ еще не початыхъ силъ для борьбы съ невзгодами и препятствіями, съ запасомъ надеждъ и ожиданій, съ ношей легкой, состоящей болѣе изъ радужныхъ красокъ, въ которыя облекалъ мои юношескія мечты, мои желанія, всѣ первообразы моихъ стремленій!.. И все это, не сегодня, завтра, должно для меня кончиться однимъ роковымъ выстрѣломъ, сомкнуться въ темную, тѣсную могилу!!!

Если я убью? Тогда было время тяжелаго царствованія «незабвеннаго» Николая, когда онъ все втягивалъ въ желѣзные тиски, по своей мѣркѣ, и кто не поддавался или не умѣщался въ мѣрку, летѣлъ или на рудники, или на Кавказъ. Дуэли строго были воспрещены; самымъ маловажнымъ наказаніемъ было, что и правый и виноватый одѣвался въ сѣрую солдатскую шинель и служилъ рядовымъ до особеннаго, какого либо чрезвычайнаго случая, возвращавшаго офицерское званіе; обыкновенно же выслуживались въ могилѣ.

Немногіе счастливыцы сумѣли скрыть послѣдствія дуэли и избѣжать немилосердной кары!

Конечно, служба рядовымъ и въ особенности на Кавказѣ не очень еще пугала меня; въ мои лѣта и при моемъ здоровьи я могъ еще рассчитывать на перенесеніе трудовъ и лишеній, сопряженныхъ съ боевой жизнью, и вновь дослужиться; но, во-первыхъ, терялся весь эффектъ моей славы, какъ дуэлиста, на Кавказѣ некого было удивлять своимъ подвигомъ, развѣ — горцевъ?... а, во-вторыхъ, и самое главное, какъ перенесутъ это извѣстіе отецъ и мать?

Воспоминаніе объ отцѣ и матери дало другое направленіе моимъ мыслямъ, я отрезвился и сталъ хладнокровнѣе вдумываться въ

причины, вызвавшія дуэль. Не было между нами ни на словахъ, ни на дѣлѣ такого тяжкаго оскорбленія, чтобы выкупомъ ихъ поставить жизнь или будущность! Мы посчитались только крупными словами; но въ словахъ этихъ заключалась не кровная обида, но оскорбленіе самолюбія; они ограничивались однѣми колкостями, наставленіями, совѣтами другъ другу. Мотивами къ тому были: въ одномъ замѣшалось задѣтое самообольщеніе, утраченная надежда на взаимность любимой дѣвушки, видимое предпочтеніе себя другому, который, разумѣется, не стоитъ такого предпочтенія, потому что очень легко цѣнилъ привязанность сердца и т. п. Въ другомъ: преобладало, какъ я говорилъ выше, одностороннее понятіе обязанностей благороднаго человѣка, замѣшалась любимая дѣвушка, т. е., совершенство, въ которомъ, казалось, тогда заключалась вся жизнь влюбленнаго... и многое еще, что теперь припомнить не могу. Въ сущности итогъ всего былъ вздоръ, долженствовавшій кончиться взаимнымъ извиненіемъ, и, конечно, я первый долженъ былъ подать къ тому примѣръ, какъ болѣе невоздержный и рѣзкій въ выраженіяхъ, чѣмъ мой противникъ, и никакъ не ставить на карту случая или свою жизнь, или будущность! Жизнь для насъ слишкомъ дорога, чтобы располагать ею такъ легко, такъ безразсудно! Такія мысли могли прійти мнѣ въ лѣтахъ болѣе зрѣлыхъ, но тогда могъ ли я рѣшиться просить извиненія, не повредивъ себѣ въ мнѣніи товарищей? Не спорю, такое понятіе составляетъ ложный стыдъ; но, повторяю, въ тѣ мои лѣта я не могъ еще такъ разсуждать, и мнѣ оставалось покориться силѣ влекущаго меня потока современныхъ идей и понятій. Вслѣдствіе всего этого я смотрѣлъ только на исходъ дѣла, но нисколько не думалъ о томъ, какъ его поправить.

Въ такихъ думахъ засталъ меня Лесли, возвратившійся по исполненіи своего щекотливаго порученія. Лицо его, обыкновенно, веселое, добродушное (какимъ онъ былъ въ дѣйствительности), на этотъ разъ поражало какой-то серіозностью, строгостью, чтобы не сказать, суровостью!

По всему видно было, что и онъ много передумалъ, переработалъ въ себѣ въ этотъ краткій промежутокъ времени.

Не глядя на меня и бросивъ свою фуражку на первый попавшійся стулъ, Лесли началъ говорить какимъ-то торжественнымъ голосомъ, котораго прежде я даже не подозрѣвалъ въ немъ. Видно было, что онъ глубоко проникнутъ важностью дѣла, которое принялъ на себя, и серіозно отнесся къ данному ему порученію.

Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ, онъ остановился противъ меня и сказалъ:

— У Носовича секундантомъ Ганкевичъ (офицеръ нашего же полка). Мы съ нимъ покончили.

— Какъ же рѣшили?

— Завтра, въ 5 часовъ утра, стрѣляться на пистолетахъ на квартирѣ Носовича. Разстояніе—восемь шаговъ. Бросить жребій: кому достанется № 1-й, тотъ и стрѣляетъ первый. Осѣчка или вспышка не въ счетъ! Второй, если пожелаетъ и, прибавлю, останется живъ, можетъ выстрѣлъ оставить за собой до другого раза.

— Какими пистолетами стрѣляться будемъ?

Такой вопросъ въ то время былъ умѣстенъ и имѣлъ свое значеніе. Револьверы еще изобрѣтены не были, форменные пистолеты, по своей величинѣ и неуклюжести, скорѣе походили на ручныя пушки, съ кремневыми замками, пригодныя только развѣ пугать воронъ въ огородѣ, но никакъ не для прицѣла и вѣрности выстрѣла. Оставались пистолеты партикулярныя, съ пистонными замками.

Лесли отвѣчалъ:

— Ганкевичъ даетъ свои. Я видѣлъ ихъ. Ничего, стрѣлять можно! Ты согласенъ?

— Для меня все равно. Ты знаешь, что я не искусенъ въ стрѣльбѣ изъ пистолетовъ. Я такъ только спросилъ, полагаясь совершенно на слѣпой случай.

— Вотъ наши условія! Не имѣешь ли что сказать противъ нихъ?

— Ничего, кромѣ сердечной благодарности за все, что ты дѣлаешь и жертвуешь для меня.

При этомъ я съ чувствомъ пожалъ ему руку.

— Ну, благодарность твою можешь оставить при себѣ: она къ дѣлу не идетъ. Отъ Ганкевича я зашелъ къ Краснопольскому (Дмитрій Григорьевичъ) полковой докторъ, онъ обѣщалъ пріѣхать на мѣсто поединка съ нужными инструментами. Кажется, все придумано. Теперь поздно, ложись спать и готовься къ завтрашнему утру. Прощай!

И онъ ушелъ въ свою комнату.

Бѣдный Лесли! Онъ умеръ, но я всегда съ благодарностью буду вспоминать о немъ за его истинную дружбу и преданность. Какъ онъ ни старался, подъ маской равнодушія, скрыть отъ меня мысли, его волновавшія, но по всему видно было, что онъ очень страдалъ за меня. Ему было жаль меня, жаль моихъ молодыхъ лѣтъ, моей будущности! Случай этотъ вполне выказалъ мнѣ всю его доброту и пріязнь!

Оставшись одинъ, я принялся за письма: одно, въ Казань, къ отцу и матери, другое въ Павловскъ, къ брату, по случаю нахожденія его въ образцовомъ кавалерійскомъ полку. Отца я просилъ простить меня за огорченіе, которое причинилъ имъ своей смертью; но думалъ, что изъ принципа чести для нихъ легче видѣть своего сына мертвымъ или пострадавшимъ за правое дѣло, чѣмъ обезчещеннымъ, и т. д. что-то въ родѣ этого, теперь не припомню; просилъ, во всякомъ случаѣ, молиться за меня, умолялъ благословить

меня. Брату я описывалъ подробно причину дуэли и прощался съ нимъ. Письма эти заняли у меня много времени и предназначались къ отправкѣ на случай моей смерти!..

Письма я писалъ въ тревожномъ состояніи духа; мнѣ было жаль своей молодости, погибающихъ надеждъ на радужное будущее... Сердце жалось... Слезы брызнули изъ глазъ... Предстоящая роковая минута пугала меня своею неизвѣстностью... Я боялся смерти!..

Окончивъ письма, я запечаталъ ихъ, надписалъ адреса и легъ въ постель: полагаю, былъ часъ 12-й ночи. Долго не могъ я заснуть, долго ворочался въ постели, подъ напоромъ тяжелыхъ, грустныхъ мыслей. Припоминалъ малѣйшія подробности своей прошлой жизни, такъ еще бѣдной событіями, мысленно прощался со всѣмъ, что было дорого сердцу, что волновало и радовало... Вдругъ я вздрогнулъ невольно! Мнѣ пришла мысль: а если я буду только изувѣченъ; если пуля противника причинитъ мнѣ тяжкія, продолжительныя страданія? Нѣтъ, нѣтъ! Лучше смерть! Лучше всему одинъ конецъ!.. Тогда я только опомнися, что еще не приготовилъ себя молитвой къ развязкѣ завтрашняго утра. Вскочивъ съ постели, я палъ на колѣна предъ образомъ: молился долго, горячо, молился со слезами!.. Молитва утомила меня и, вмѣстѣ съ тѣмъ, успокоила, я легъ на постель. Мысли стали путаться въ головѣ, уходить куда-то въ глубь... я заснулъ...

Долго ли спалъ,—не знаю; я былъ пробужденъ Лесли, который сказалъ, что онъ съ трудомъ расголкалъ меня. Открывъ глаза, я безсознательно смотрѣлъ на него, какъ бы не понимая, чего онъ хочетъ отъ меня.

— Пора!—сказалъ Лесли.—Пять часовъ! Въ дуэли первое правило—не опаздывать къ назначенному времени. Это строго соблюдается!

Тогда только я вернулся къ дѣйствительности и припомнилъ, что ожидаетъ меня.

Лесли продолжалъ:

— Одѣвайся скорѣе и пойдемъ. Совѣтую тебѣ не пить чай.

— А что?

— На тощій желудокъ раны бываютъ легче и лучше вынимать пули, если онѣ засядутъ.

— Откуда легче?

— Да, хоть изъ тебя, беззаботная голова,—сказалъ съ сердцемъ Лесли.

— А я думалъ, ты скажешь: легче всего вынимать пули изъ дула пистолета.

Лесли какъ-то странно посмотрѣлъ на меня. Видимо, ему непріятна была моя шутка, сорвавшаяся у меня невольно съ языка; а, можетъ быть, онъ пожалѣлъ меня за мою безпечность въ такую

важную минуту. Какъ бы то ни было, но онъ отвѣтилъ мнѣ тономъ нравоученія.

— Шути, шути! Ты еще не знаешь «Кузькину-то мать», а мнѣ она знакома, я видѣлъ ее.

Лесли дѣлалъ Польскую кампанію и подъ Кузькиною матерью разумѣлъ тревожное состояніе духа, подъ пулями.

— Но пора! Идемъ!

Дорогой Лесли говорилъ мнѣ что-то о вѣрномъ прицѣлѣ, твердости руки, о томъ, какъ надо стать, что-то все въ этомъ родѣ; но я ничего не понималъ и едва слушалъ.

Въ свою очередь, я просилъ его только, въ случаѣ, если буду убитъ, отправить письма по назначенію, а имущество мое сохранить у себя до пріѣзда брата моего изъ образцоваго полка. На счетъ точнаго исполненія моихъ порученій я былъ вполне спокоенъ. Ихъ я ввѣрялъ Лесли, въ благородствѣ и добросовѣстности котораго никогда не сомнѣвался!

По замѣчанію Лесли, я былъ нѣсколько блѣденъ, не той блѣдностью, нѣжной, прозрачной, которую получаетъ больной послѣ тяжелой, продолжительной болѣзни; но блѣдностью изжелта, какъ человѣкъ, страдавшій душевными тревогами, измученный нравственно происходившей въ немъ утомительной борьбой съ самимъ собою.

Когда мы вошли въ квартиру Носовича, то застали тамъ уже Ганкевича; но я не замѣтилъ никакихъ приготовленій къ дуэли; только одинъ самоваръ шипѣлъ на столѣ и какъ бы приглашалъ дружески распить чай. Все скорѣе походило на простое посѣщеніе, чѣмъ на кровавую развязку. Раскланявшись сухо, но вѣжливо, я сѣлъ на лавку.

Носовичъ тотчасъ же распорядился выслать своего денщика, подъ благовиднымъ предлогомъ, что ему время итти на базаръ, закупить провизію, а вѣстового отпустилъ въ свое мѣсто. По выходѣ людей, приступили къ приготовленіямъ. Все нужное, чего прежде и подозрѣвать было нельзя, явилось, какъ бы по мановенію волшебства. Ганкевичъ изъ кармановъ широкихъ своихъ шароваръ вынулъ пистолеты, пули, порохъ, пистоны, пыжи; Носовичъ снялъ съ полки и подаль Лесли мѣлъ. Отмѣрили на полу восемь шаговъ и отмѣтили ихъ чертами; потомъ Лесли и Ганкевичъ начали заряжать, каждый по пистолету. На всѣ эти приготовленія я смотрѣлъ какъ-то тупо, бессмысленно, точно, что ни дѣлалось, не касалось меня, не принимая никакого участія въ разговорѣ, который не вязался, происходилъ отрывочно, натянуто. Въ этихъ занятіяхъ засталъ насъ докторъ, добрый малый, довольно веселаго характера.

— Здравствуйте! Не опоздалъ ли?—на что Носовичъ любезно замѣтилъ:

— Такой гость, какъ вы, докторъ, всегда будетъ во время!

Краснопольскій, между тѣмъ, вынулъ изъ бокового кармана своего сюртука кожаный портфель съ хирургическими инструментами, положилъ его на столъ, медленно развернулъ, еще медленнѣе началъ вынимать изъ него каждый инструментъ, разсматривать, пробовать пальцами, какъ бы удостовѣряясь въ ихъ прочности и остринѣ. Впослѣдствіи онъ сознался мнѣ, что всѣ эти приемы дѣлалъ съ умысломъ, въ томъ предположеніи, что видъ всѣхъ этихъ кривыхъ и прямыхъ ножей, пилочекъ, иглъ и т. п. подѣйствуетъ на наше воображеніе всѣми ужасами мучительныхъ операций и вложить въ насъ желаніе кончить ссору примиреніемъ. Но онъ не достигъ своей цѣли. Инструменты его не были употреблены въ дѣло совершенно по другой причинѣ, хотя, признаюсь, видъ ихъ подѣйствовалъ на меня болѣзненно, сердце во мнѣ сжалось... Во мнѣ опять проявилось вчерашнее желаніе: лучше смерть, чѣмъ мучительная рана или увѣчья!..

Секунданты окончили свое дѣло; я все время сидѣлъ неподвижно на лавкѣ. Носовичъ, насвистывая какую-то арію, молча ходилъ ровными шагами по комнатѣ, изъ угла въ уголъ.

Заряженные пистолеты Ганкевичъ положилъ на столъ и покрылъ ихъ совершенно темнымъ, носовымъ платкомъ. Лесли вырѣзалъ изъ бумаги два совершенно одинаковой величины билетика, на одномъ изъ нихъ поставилъ № 1-й, на другомъ № 2-й, скаталъ въ трубочки, положилъ въ свою фуражку и, встряхнувъ ее, подаль Носовичу. Тотъ, молча, указалъ на меня, давая тѣмъ знать, что онъ мнѣ первому желаетъ предоставить право жребія. Лесли подошелъ ко мнѣ. Я опустилъ въ фуражку руку, взялъ первый попавшійся билетикъ и передалъ его Ганкевичу. Ганкевичъ развернулъ его и громко сказалъ: № 2-й; затѣмъ, оборотивъ билетикъ, показалъ его намъ всѣмъ.

Итакъ, первый выстрѣлъ по жребію достался Носовичу!

Носовичъ подошелъ къ столу и, не снимая платка, а только подсунувъ подъ него руку, взялъ одинъ пистолетъ; секундантъ его снялъ платокъ и оставшійся пистолетъ подаль мнѣ.

Я, между тѣмъ, снялъ съ себя сюртукъ, что сдѣлалъ по совету Лесли, который увѣрилъ меня, что если кусокъ сукна войдетъ въ тѣло вмѣстѣ съ пулей, то рана будетъ мучительнѣе, а съ тѣмъ вмѣстѣ и самая операція, потому что, вынувъ пулю, останется еще выбирать изъ раны куски сукна, одинъ за другимъ. То же самое подтвердилъ и докторъ.

Взявъ пистолетъ отъ Ганкевича, я всталъ на проведенную мѣломъ, въ моей сторонѣ, черту. Докторъ и Лесли, съ полными слезъ глазами, подошли ко мнѣ и молча пожали руку, какъ бы на прощанье. Лесли жалъ руку медленно, но значительно, желая придать тѣмъ болѣе мнѣ бодрости.

Лѣвую руку съ пистолетомъ я закинулъ назадъ, за спину, а правую—заложилъ за воротъ рубашки и всталъ въ полъ-оборота къ Носовичу, лѣвой ногой на самой чертѣ, а правой — нѣсколько выступя.

Настала страшная, роковая минута!..

И теперь, спустя почти 37 лѣтъ, мнѣ живо представляется вся эта сцена и ея послѣдствія. Воображеніе мое усвоило всѣ мелочи совершающагося событія, а память—всѣ ощущенія, какія я испыталъ тогда, и я могу описать ихъ, какъ бы случившіяся часть тому назадъ, несмотря на продолжительное время, протекшее послѣ того, и на другія пережитыя мной сильныя ощущенія. Такія минуты не забываются!..

Носовичъ всталъ противъ меня на своей чертѣ. Секунданты и докторъ всѣ вмѣстѣ, группой, помѣстились влѣво отъ меня, нѣсколько поодаль.

Я взглянулъ на Лесли; онъ молча поклонился мнѣ. Было что-то торжественное и вмѣстѣ ужасное въ эту минуту.

Носовичъ держалъ свой пистолетъ опущеннымъ дуломъ къ полу. Извѣривъ меня глазами, онъ медленно сталъ поднимать его, сгибая вмѣстѣ съ тѣмъ кисть правой руки. Глаза его, со злобой, были устремлены на меня; въ нихъ я могъ видѣть себѣ — мѣсть! Доведа свой пистолетъ до высоты полгруды моей, онъ остановился, какъ бы въ нерѣшимости: стрѣлять ли ему, или выбрать другую цѣль? Потомъ снова началъ подымать все выше и выше, пока дула не остановилъ прямо противъ моихъ глазъ!..

Что я чувствовалъ въ то время? Положа руку на сердце, отвѣчу: ничего! Да, ничего! Во мнѣ какъ бы сдѣлалось все пусто, въ полномъ значеніи этого слова. Весь я сдѣлался какъ бы формой, оболочкой; все человѣческое исчезло во мнѣ. Глазами я только видѣлъ прямо передъ собой темный кругъ дула пистолета...

Такое состояніе духа я объясняю не особымъ мужествомъ, но рѣшимостью характера. Разъ признавъ неизбежность участи, я сдѣлался нечувствительнымъ къ ея послѣдствіямъ. Смѣло повторяю: приготовленія къ дуэли сжимали мнѣ сердце, но въ рѣшительную минуту я былъ похожъ на статую изъ гипса, съ пустогой внутри...

Поднявъ дуло пистолета на высоту головы моей, Носовичъ видимо, рассчитывалъ разомъ, однимъ выстрѣломъ, положить меня на мѣстѣ, но эта-то увѣренность въ немъ и спасла меня...

Ицѣлкнулъ курокъ, раздался выстрѣлъ, и пуля, жужжа и свистя, пролетѣла въ близкомъ разстояніи, прямо надъ моей головой, и ударилась въ стѣну, гдѣ и засѣла. Я невольно присѣлъ, и ноги мои задрожали... Но я былъ спасенъ! Выстрѣли Носовичъ въ то время, когда держалъ свой пистолетъ противъ моей груди, пуля непремѣнно попала бы въ меня. Высота ея полета надъ моей го-

ловой и направлѣніе размѣромъ какъ разъ приходились въ мой черепъ, еслибъ выстрѣлъ послѣдовалъ при первомъ движеніи Носовича, то-есть, въ мою грудь. Но благое Провидѣніе, видимо, охраняло меня, сберегая на другіе подвиги въ жизни!..

Свиста пули я никогда не забуду: то былъ какой-то особый, своеобразный звукъ. Порванная струна можетъ еще дать, но не исполнѣ, понятіе о немъ... Звукъ былъ сухой, короткій, звенящій...

Выстрѣломъ я былъ совершенно покрытъ пороховымъ дымомъ... Прошло нѣсколько мгновеній!.. Когда разсѣялся дымъ настолько, что я могъ отличать окружающіе меня предметы, я увидѣлъ, что Носовичъ положилъ свой теперь уже бесполезный пистолетъ на столъ и сталъ на свое прежнее мѣсто, скрестивъ на груди руки.

Признаюсь, при видѣ обезоруженнаго врага, злорадство промелькнуло во мнѣ. Я взглянулъ на Лесли: веселая улыбка играла на лицѣ его. Корпусомъ своимъ онъ покачнулся впередъ и вперилъ въ меня свои глаза.

Взявъ пистолетъ изъ лѣвой руки въ правую, я, въ свою очередь, такъ же медленно сталъ наводить на Носовича, думая подмѣтитъ въ немъ какое либо проявленіе чувства страха или боязни. Но долженъ отдать ему справедливость: онъ мастерски сумѣлъ владѣть собой. Ни одинъ мускулъ лица не дрогнулъ; выраженіе его было совершенно спокойно. Мнѣ только показалось, какъ будто уловилъ минутное содроганіе оконечности губъ, но я не увѣренъ, было ли то въ дѣйствительности. Сознаюсь въ жестокости: я нарочно медлилъ прицѣломъ, чтобы продлить его минуты тревоги; но—все напрасно!

Хладнокровіе его начинало обезоруживать, протрезвлять меня. Замѣтъ я въ немъ хотя малѣйшее проявленіе трусости, можетъ быть, я бы и рѣшился послать ему свой выстрѣлъ, но при томъ положеніи, какъ онъ стоялъ передо мной въ ту минуту, я колебался!..

Въ то же время, какъ я раздумывалъ, стрѣлять ли мнѣ, или нѣтъ,—раздался первый благовѣстъ къ ранней обѣднѣ. Въ первый разъ въ жизни звукъ церковнаго колокола подѣйствовалъ на меня сильно, примирительно. Ни прежде, ни послѣ я не испытывалъ ничего подобнаго. Какъ часто, иногда, повидимому, ничтожное, обыденное обстоятельство, въ извѣстную минуту нашего душевнаго настроенія, дѣйствуетъ на насъ обаятельно. Тогда звонъ колокола мгновенно уничтожилъ во мнѣ всякую ненависть къ Носовичу, и безъ того уже значительно смягченную, ослабленную его видимымъ хладнокровіемъ и умѣньемъ сладить съ собой, въ минуту опасности его жизни.

Не колеблясь болѣе, я опустилъ свой пистолетъ и сказалъ:

— Г. Носовичъ! Я не расположенъ стрѣлять теперь. По праву условія нашей дуэли, выстрѣлъ оставляю за собой!

— Вездѣ, во всякое время, къ вашимъ услугамъ, — отвѣтилъ Носовичъ съ поклономъ.

Такъ кончилась моя первая дуэль! На выстрѣлъ противъ Носовича и теперь имѣю право, но, конечно, имъ не воспользуюсь.

Всѣ участники этого незавиднаго дѣла обязались честнымъ словомъ хранить его въ тайнѣ и сдержали свое слово. Никто изъ постороннихъ лицъ и теперь не знаетъ этой исторіи.

Въ мое время въ полкахъ сохранялись рыцарскія понятія о силѣ даннаго слова.

Когда я и Лесли вышли на улицу, онъ съ чувствомъ пожалъ мнѣ руку и глубоко, глубоко вздохнулъ, какъ бы освободившись отъ слишкомъ сильной тяжести, или, можетъ быть, желая разомъ набраться болѣе свѣжаго воздуха и тѣмъ пополнить все удерживаемое имъ дыханіе въ минуты, для меня, а по сочувствію и для него, тяжкія.

Обращаясь ко мнѣ, Лесли сказалъ:

— А надо сказать правду: ты стоилъ молодцомъ подъ выстрѣломъ Носовича. Изъ тебя будетъ прокъ! Только, ради Бога, не злоупотребляй этой нравственной силой, этимъ умѣньемъ владѣть собой въ минуты опасности, не трать себя на пустяки, а побереги для болѣе лучшаго случая.

— Ты напрасно такъ выхваляешь меня. Видимой храбростью своей я обязанъ дыму выстрѣла; онъ закрылъ меня отъ вашихъ глазъ; иначе вы бы увидѣли, какъ я присѣлъ, и задрожали у меня ноги.

— Ну, любезный другъ, стойкость и неподвижность въ подобныхъ случаяхъ приобрѣтаются навыкомъ, отъ долговременной практики. Повѣрь мнѣ: нѣтъ человѣка въ мірѣ, который бы на первыхъ порахъ не кланялся встрѣчной пулѣ и ядру. Говорю это по опыту!

Когда мы пришли домой, Лесли бросился ко мнѣ на грудь и зарыдалъ, какъ ребенокъ. Слезы, давно душившія его и удерживаемыя приличіемъ, полились изъ глазъ его. Теперь онъ могъ плакать на просторѣ и непредосудительно. Я тоже плакалъ, тронутый до глубины души такой нѣжной дружбой.

Слезы облегчили насъ обоихъ.

Лесли сказалъ:

— Ну, теперь давай пить чай. Ей! Петрушка! живо, самоваръ! Добрый Лесли! Здѣсь кстати будетъ помянуть тебя не многими, но искренними словами. Тебя уже нѣтъ, добрый другъ! Пусть же мои строки послужатъ тебѣ привѣтомъ, моимъ предсмертнымъ прощаніемъ! Не удалось мнѣ закрыть тебѣ глазъ и проводить до могилы! Ты умеръ вдали отъ меня! Теплая слеза воспоминанія да падетъ на твою могилу!..

XVII.

Неожиданный вызовъ полка въ Москву.—Смущеніе полкового начальства.—Царскій смотръ на Ходынскомъ полѣ.—Полковой командиръ князь Ливень.—Корпусный командиръ князь Хилковъ.—Неудовлетворительное состояніе полка.—Юнкоръ Боролевскій и штандартъ.—Моя неудачная верховая ѣзда.—Поручикъ Гервартъ.—Начальникъ дивизіи Олферьевъ.—Выходъ въ отставку князя Хилкова.—Причина царскаго смотра.—Сестра князя Хилкова.—Ея замужество съ Безобразовымъ.—Ссылка Безобразова на Кавказъ.—Жизнь въ Москвѣ молодой Безобразовой.—Письмо князя Хилкова къ императору Николаю Павловичу.

Въ день моей дуэли, около вечеренъ, прискакалъ въ Коломну фельдъегерь съ повелѣніемъ выступить полку, въ 24 часа, въ боевомъ порядкѣ и слѣдовать въ Москву, усиленнымъ маршемъ, безъ дневки.

Тотчасъ же закипѣла дѣятельность. Полкъ, какъ я сказалъ, уже былъ въ сборѣ, на кампаментѣ, т. е., сосредоточенъ вмѣстѣ, и потому легко и скоро можно бы выполнить полученное распоряженіе. Поскакали въ эскадроны верховые съ приказаніемъ—быть немедленно готовыми къ выступленію. Въ ночь отправлены квартиреры, а на другой день, около обѣда, весь полкъ двинулся въ Москву.

Такая неожиданность и поспѣшность нашего выступленія, конечно, породили много разныхъ толковъ, предположеній, догадокъ. Одни говорили, что, вѣроятно, открыли обширный заговоръ противъ царя, бывшаго тогда въ Москвѣ, съ цѣлью измѣнить весь государственный строй; другіе увѣряли, что открыли только общество поляковъ, желавшихъ взорвать Кремль и поджечь съ разныхъ концовъ Москву; третьи, болѣе благоразумные, предполагали, что изъ Москвы пойдемъ далѣе, можетъ быть, опять въ самую средину Варшавы!.... словомъ, догадкамъ не было конца; но вѣрнаго никто не зналъ. Относились съ вопросами къ полковому командиру; но и тотъ зналъ столько же, сколько и мы, замѣтивъ только, и весьма серьезно, что загадку, вѣроятно, разгадаемъ, когда придемъ въ Москву.

Толки о необычайномъ призывѣ занимали насъ всю дорогу. Но вотъ показалась и Москва! Повидимому, въ ней все спокойно. Съ напряженнымъ вниманіемъ мы устремили на нее пытливый взоръ, подстрекаемый любопытствомъ, какъ бы сомнѣваясь, та ли же Москва, какой мы ее знали, и не сдвинулась ли она съ своего мѣста! Но нѣтъ! Москва все та же, какъ мы оставили ее въ послѣдній разъ. Что же все это значитъ?..

Въ Москву насъ не впустили; полкъ, подойдя къ заставѣ, повернулъ влѣво и, обойдя городъ, по его окраинамъ, вышелъ на Ходынку и размѣстился по близлежащимъ селеніямъ. Такое распо-

ряженіе сильно озадачило въ особенности жаркихъ защитниковъ того мнѣнія, что открыто существованіе общества, грозившаго Москвѣ и царю. Если бы предположенія ихъ были вѣрны, то мы должны занять самую Москву, а не обходить ее и размѣститься по деревнямъ, изъ которыхъ инья находились верстахъ въ 6-ти и болѣе отъ столицы.

По приходѣ на мѣсто и занятіи своихъ квартиръ, многіе изъ офицеровъ отправились въ Москву, чтобы отъ родныхъ своихъ или знакомыхъ узнать что либо повѣрнѣе нашихъ предположеній о причинѣ нашего призыва; но узнали только, что никакого тайнаго общества не существуетъ, и ни о какихъ заговорщикахъ и слуха нѣтъ, и что всѣ опасенія наши за царя или за цѣлость Москвы есть сущій вздоръ, придуманный нашимъ празднымъ воображеніемъ. Одно оставалось, пока, для насъ не понятнымъ: отчего одинъ нашъ полкъ вызванъ въ Москву? Если бы были собраны и прочіе полки нашей дивизіи, то приходъ насъ всѣхъ можно бы было объяснить извѣстной страстью царя къ военнымъ смотрамъ и парадамъ. Одинъ нашъ полкъ не могъ удовлетворить его притихи; безъ артиллеріи мы представляли только возможность производить одно полковое ученье. Неужели для этихъ учений насъ вытребовали за 90 верстъ и такъ поспѣшно? Извѣстно, что всѣ передвиженія полковъ сопряжены съ большимъ разстройствомъ для внутренняго хозяйства и съ значительными расходами для казны. Повторяю, приходъ одного нашего полка оставался для всѣхъ тайной. Эта-то таинственность и волновала всѣхъ своими объясненіями... Наконецъ, она разрѣшилась и самымъ неожиданнымъ, самымъ прискорбнымъ для насъ образомъ.

На третій день нашего прихода подъ Москву, вечеромъ объявленъ былъ приказъ, что завтрашній день, въ 9 часовъ утра, на Ходынскомъ полѣ назначается смотръ въ присутствіи государя, для чего всему полку собраться въ назначенное мѣсто и время и имѣть полные 12-ть рядовъ въ каждомъ взводѣ. Последнее распоряженіе всѣхъ удивило, а эскадронныхъ командировъ просто испугало.

Для незнакомыхъ съ кавалерійской службой поясню значеніе выраженія «полныхъ» 12-ть рядовъ.

Всякій кавалерійскій полкъ, построенный развернутымъ фронтомъ, имѣетъ два ряда: передній и задній. (Въ пѣхотныхъ полкахъ ряды эти называются шеренги, и въ мое время строились въ три шеренги). Человѣкъ передняго ряда и человѣкъ задняго, сами по себѣ, составляли рядъ. Такихъ-то рядовъ, или, вѣрнѣе сказать, паръ и было приказано имѣть по 12-ти въ каждомъ взводѣ.

Теперь объясню, почему эскадронные командиры, а вмѣстѣ съ ними и полковой командиръ, испугались такого распоряженія.

Полкъ, по комплекту людей, имѣлъ ихъ достаточно, чтобы со-

ставлять взводы въ 12-ть рядовъ; но часть изъ нихъ состояла: изъ портныхъ, сапожниковъ, шорниковъ, кузнецовъ и т. п., безъ которыхъ не можетъ обойтись ни одинъ полкъ, потому что они необходимы въ хозяйствѣ полка. Всѣ эти мастеровые никогда не выѣзжаютъ ни на смотръ, ни на полковыя ученья, а занимаются каждый своимъ дѣломъ. Отъ такого уменьшенія состава людей въ полку взводы набираются, самое большое, въ 8 рядовъ, обыкновенно же въ 7 или въ 6-ть, да и то въ заднихъ рядахъ остается иногда одинъ или два такъ называемыхъ глухихъ рядовъ; т. е., чело-вѣкъ передняго ряда не имѣетъ себѣ соотвѣтствующаго въ заднемъ ряду, который слѣдовательно остается пустымъ, т. е., никѣмъ не занятымъ. Это-то пустое мѣсто и называется глухой рядъ.

Отданный приказъ заключалъ въ себѣ положительное требованіе—имѣть въ каждомъ взводѣ по 12-ти полныхъ рядовъ, т. е., не допуская даже возможности глухого ряда. Чтобы выполнить въ точности приказъ, вынуждены были посадить на лошадей и поставить въ фронтъ всѣхъ мастеровъ, т. е., людей, которые, забыли, «съ которой стороны слѣдуетъ садиться на лошадь»,—и все это вывести на «царскій смотръ». Было отчего «затрястись поджилкамъ» у начальниковъ частей полка! На этотъ разъ и русское все-сильное: «авось, авось, сойдетъ какъ нибудь!» — не помогло имъ, какъ увидимъ ниже. Непредвидимость и неожиданность порядка смотра разстроили всѣ ихъ предположенія и надежды.

На другой день, къ 9-ти часамъ утра, весь полкъ, и съ мастеровыми въ заднихъ рядахъ, былъ въ сборѣ на Ходынкѣ и ожидалъ приѣзда царя. День былъ ясный, но на горизонтѣ бродили тучки. Толпа народа, всѣхъ сословій, какъ и всегда на смотрахъ, окружила насъ. Вотъ показалось густое облако пыли, по направленію отъ Тверскихъ воротъ... ближе, ближе... разступилось... показался царь въ коляскѣ, запряженной четверкой лошадей въ рядъ. Народъ снялъ шапки, кричалъ: «ура!»

Полкъ сидѣлъ уже на лошадяхъ, въ развернутомъ фронтѣ, выровненный «по ниткѣ». Коляска остановилась. Царь махнулъ рукой, по направленію къ народу. Все смолкло, только новые флюгера на пикахъ потрескивали отъ легкаго вѣтерка. Царю подвели осѣдланную лошадь. Онъ сѣлъ и на курцгалопѣ подѣхалъ къ полку, остановился у праваго фланга и своимъ звучнымъ голосомъ сказалъ:

— «Здорово, ребята!»

Въ отвѣтъ ему полкъ гаркнулъ: «Здравія желаемъ, ваше императорское величество!» Трубаچی заиграли «тушъ» и вслѣдъ за нимъ «Боже, царя храни!»

Звуки гимна, слившись съ крикомъ «ура!», понеслись по всему полку. Царь поѣхалъ по фронту, вперивъ свой орлиный взглядъ преимущественно на офицеровъ, когда проѣзжалъ мимо нихъ. Про-

ѣхавъ до лѣваго фланга, онъ снова махнулъ рукой, — трубы и крики «ура» смолкли.

Повернувъ лошадь направо назадъ и отскакавъ шаговъ 150, онъ остановился, не передъ серединой полка, какъ это бывало всегда, но противъ его праваго фланга. Подозвавъ къ себѣ полкового командира, отдать ему приказаніе и повернулъ свою лошадь налѣво такъ, что сталъ лицомъ вдоль фронта полка. Между тѣмъ, князь Ливенъ (командиръ полка), выскакавъ на средину полка, скомандовалъ: «Полкъ! справа по одному, на три лошади дистанціи, шагомъ, первый человекъ, маршъ!» и какъ первый человекъ полка, поскакалъ на правый флангъ и первый поѣхалъ по линіи, мимо царя. За нимъ, на опредѣленной дистанціи, потянулись гуськомъ командиры: 1-го дивизіона, 1-го эскадрона, 1-го взвода, вахмистръ, и затѣмъ — рядовые, по порядку строя. Пока шли шагомъ, все еще было сносно. Образовавъ карре, весь полкъ прошелъ по одиночкѣ мимо царя и, придя каждый въ свое мѣсто, вновь выстроился въ прежній порядокъ. Князь Ливенъ, по новому знаку царя, скомандовалъ: «Полкъ! справа по одному, на три лошади дистанціи, рысью-маршъ!» Тогда пошло уже не то! — Все смѣшалось, спуталось, порядокъ совершенно былъ нарушенъ. Всѣ мастеровые, державшіеся въ сѣдлѣ на шагу, вполнѣ выказали свое неумѣнье ѣзды на рыси! Нѣкоторые изъ нихъ подпрыгивали на лошади, другіе, подогнувъ колѣна, потеряли стремяна, третьи совершенно прильнули къ передней лукѣ и, думая только о томъ, чтобы имъ не свалиться съ сѣдла, — держались, кто за что могъ, и управленіе лошадью предоставляли произволу. Лошади почувствовали свободу, сошли съ линіи и потянули своихъ всадниковъ, кого направо, а кого налѣво! — Тогда царь, обратясь къ корпусному командиру, князю Хилкову, своимъ звучнымъ голосомъ, сказалъ:

— Такъ этотъ-то, князь, твой любимый, твой хваленый полкъ? Посмотри! Гдѣ онъ? Всѣ люди, какъ вши (sic), по полю распозлились! Что же должны быть остальные полки дивизіи?

Полкъ, собравшись кое-какъ, вновь выстроился въ прежнемъ порядкѣ. Князь Ливенъ, вновь по приказанію царя, далъ ту же команду, только съ измѣненнымъ аллюромъ: вмѣсто рыси назначенъ галопъ! Полкъ пошелъ лучше, потому что на «галопѣ» сидѣть на лошади такъ же легко, какъ и на «шагу». Но тутъ явилась новая бѣда: чтобы поднять лошадь «въ галопъ», нужно извѣстное движеніе поводьями. Наши мастеровые не сумѣли этого сдѣлать, и лошади видя, что предыдущая идетъ въ галопъ, сами собой подымались галопомъ, но не всегда съ той ноги, то-есть, не съ правой какъ бы слѣдовало, а съ лѣвой, и во всѣхъ случаяхъ не держали дистанціи.

Царь снова сдѣлалъ замѣчаніе князю Хилкову, но вотъ раздается команда «маршъ, маршъ!» Всѣ понеслись, какъ бы по-

терявъ головы!.. Многихъ солдатиковъ не досчитались въ рядахъ! Смѣшно было смотрѣть, какъ лошади однѣ, безъ сѣдокъ, приходили на свои мѣста, а люди, подымаясь съ земли, въ разныхъ мѣстахъ, бѣгомъ, собственнымъ своимъ маршъ-маршемъ, старались догонять своихъ лошадей. Безпорядокъ былъ всеобщій! Всѣ командиры частей растерялись совершенно!..

Во время «маршъ-марша»—этой скачки съ препятствіями, случилось происшествіе, доставившее одному юнкеру офицерскій чинъ. Штандартъ 1-го эскадрона везъ юнкеръ Боролевскій. На «маршъ-маршѣ» передовой ассистентъ его, старый унтеръ-офицеръ, не далеко отъ того мѣста, на которомъ стоялъ царь, упалъ вмѣстѣ съ лошадыю. За нимъ, на опредѣленной дистанціи, неся Боролевскій съ штандартомъ. Минута критическая! Присутствіе духа и находчивость спасли Боролевскаго! Послѣ онъ рассказывалъ, что, видя прямо передъ собой, на лишіи пути, сквозь поднявшуюся пыль, какую-то темную массу на землѣ, онъ въ первую минуту никакъ не могъ сообразить: откуда взялось такое препятствіе, котораго передъ тѣмъ не было? Но вспомнивъ, что онъ везетъ штандартъ, который ни въ какомъ случаѣ не можетъ останавливаться безъ команды, тѣмъ менѣе — падать: въ первомъ случаѣ, къ остановившемуся знамени (въ пѣхотѣ) или штандарту (въ кавалеріи), по военному уставу, и всѣ части войскъ, ему принадлежащихъ, должны остановиться и къ нему пристроиться, но въ послѣднемъ — уронившій знамя или штандартъ, разжаловывается въ солдаты, вѣчно безъ выслуги; во избѣжаніе такихъ случайностей, къ знамени или штандарту и назначаются по нѣскольку человѣкъ, въ помощь знаменосцу, называемыхъ ассистентами. Боролевскій, повторяю, не растерялся, прямо наскочилъ на двигающуюся передъ нимъ на землѣ массу, далъ шпоры и волю своему доброму коню, — и мгновенно и счастливо перескочилъ черезъ массу, въ которой барахтались унтеръ-офицеръ и лошадь. Отъ зоркаго глаза царя не укрылось ничего изъ происшедшей сцены. Когда Боролевскій поровнялся съ нимъ, Николай, отдавая честь штандарту, сказалъ:

— Молодецъ! Поздравляю корнетомъ!

Когда люди, падавшіе въ разныхъ мѣстахъ, кое-какъ собрались, и полкъ выстроился, царь выѣхалъ передъ середину онаго и скомандовалъ:

— Гг. офицеры! Ко мнѣ!

Всѣ офицеры, каждый съ своего мѣста, понеслись къ нему безпорядочной толпой и окружили его.

— Становитесь по старшинству службы,—сказалъ царь и, потомъ обратясь къ полковому командиру, прибавилъ:

— Князь! Встань около меня и командуй «манежную ѣзду» на всѣхъ аллюрахъ!

Я, какъ младшій корнетъ, сталъ послѣднимъ человѣкомъ.

Здѣсь я долженъ сознаться, что обратилъ на себя вниманіе царя весьма нелестнымъ образомъ, какъ говорится, по причинамъ, отъ меня не зависящимъ.

Въ то время меня, какъ нарочно, замучили «чирья»,—болѣзнь здоровая, но, не менѣе того, весьма мучительная: едва я освобождался отъ одного, какъ являлись нѣсколько новыхъ. Чирья сидѣли на мягкихъ мѣстахъ моихъ ляжекъ, именно на тѣхъ мѣстахъ, которыми я долженъ былъ, сидя на лошади, придерживаться къ ея бокамъ.

Въ виду такого неудобства, какъ бы предчувствуя для себя нѣчто не доброе, я вовсе не хотѣлъ ѣхать на царскій смотръ, но меня упросилъ Кондратенко, говоря, что и безъ того у него не достаетъ субалтернъ-офицера, и если я не поѣду, то вся его середина эскадрона останется безъ офицеровъ. Не ожидая никакъ, что на смотру предстоить мнѣ одиночная манежная ѣзда, я согласился, предполагая, что въ общей массѣ мнѣ можно будетъ кое-какъ проѣхать незамѣченнымъ. Распоряженіе царя разомъ уничтожило все мои предположенія! «Шагомъ» я еще кое-какъ проѣхалъ; но на «рыси» не могъ выдержать одолѣвшей меня боли. Я уже говорилъ, что «Брильянтъ» мой былъ и трясокъ и горячъ. Вереда мои отъ предшествовавшей ѣзды страшно разбередились, я чувствовалъ, какъ у меня по тѣлу текла кровь. И потому на «рыси», чтобы по возможности отстранить отъ себя мученія, я вывернулъ ноги такъ, чтобы наболѣвшими мѣстами не прикасаться къ подпругѣ сѣдла, при этомъ, естественно, держался нагнувшись корпусомъ тѣла напередъ. Такая «посадка» совершенно нарушала правила верховой ѣзды и не могла не обратить на себя вниманія.

Когда я въ такомъ видѣ проѣзжалъ мимо царя, онъ своимъ державнымъ перстомъ указалъ на меня.

По окончаніи манежной ѣзды произнесена была команда: «По своимъ мѣстамъ, маршъ-маршъ!».

Тутъ опять случилось происшествіе.

Поручикъ, баронъ Гервартъ, переведенный въ нашъ полкъ изъ гвардейской конной артиллеріи, хорошій «ѣздокъ», желая щегольнуть своимъ искусствомъ, полатился за самоувѣренность самымъ плачевнымъ образомъ.

При поворотѣ налѣво-кругомъ, Гервартъ приподнялъ свою лошадь на дыбы, чтобы лучше повернуть ее назадъ, на однѣхъ заднихъ ногахъ; при такомъ маневрѣ, онъ, естественно, долженъ былъ нагнуться впередъ, чтобы не сползти съ сѣдла. Въ тотъ самый моментъ лошадь его, приподымаясь для оборота, вскинула головой и своей цѣпочкой отъ налобника мундштука, ударила Герварта прямо въ лобъ. Ударъ былъ такъ силенъ, что разсѣкъ металлическій ободокъ козырька шапки; конецъ ободка врѣзался въ лобъ,

и Гервартъ безъ чувствъ покатился на землю. Нѣкоторые изъ офицеровъ, скакавшіе около Герварта и видя его паденіе, приостановили было своихъ лошадей, желая подать ему помощь, но царь закричалъ:

— Оставьте! Какъ упалъ, такъ и встанетъ!

Немного погодя, Гервартъ приподнялся съ земли, сначала на одну руку, потомъ на другую, съ большимъ усиліемъ всталъ на ноги и шатаясь побрелъ за фронтъ полка. По лбу и изъ носа текла у него кровь; концы разсѣченнаго ободочка на козырькѣ ссадили кожу на его лбѣ.

Тѣмъ и кончился нашъ смотръ, и насъ отпустили по квартирамъ. Давно было пора! Былъ пятый часъ дня, люди и лошади, бывшіе въ движеніи съ ранняго утра, очень утомились.

Когда мы возвращались со смотра, ко мнѣ подъѣхалъ начальникъ дивизіи, Олферьевъ, и, не спрашивая о причинѣ моего «скрюченія» на сѣдлѣ, своимъ тонкимъ фальцетомъ пропищалъ:

— Я васъ, г. корнетъ, за дурную верховую ѣзду переведу въ пѣхоту.

— Если на то будетъ мое согласіе, ваше превосходительство,— отвѣчалъ я съ сердцемъ.

Такъ кончился этотъ знаменитый смотръ, памятный для всѣхъ въ немъ участвовавшихъ. Ротмистръ Кондратенко сознавался мнѣ, что въ 1807 году, когда полкъ, въ которомъ онъ служилъ, французы, подъ Фридландомъ, прижали къ рѣкѣ, и казалось, не было другого спасенія, какъ или броситься въ воду и утонуть, или броситься впередъ и умереть отъ штыковъ и пуль непріятеля, онъ въ ту критическую минуту, въ виду двухъ смертей, менѣе боялся, чѣмъ, когда эскадронъ его, по одиночкѣ, поѣхалъ рысью мимо царя...

На другой день мы узнали, что князь Хилковъ подалъ въ отставку. Извѣстіе это сильно огорчило офицеровъ и солдатъ, въ особенности послѣднихъ. Я видѣлъ многихъ изъ нихъ, плакавшихъ навзрыдь. Князь Хилковъ умѣлъ привязать къ себѣ добраго по природѣ солдата. Будь съ нимъ строгъ, взыскателенъ, но справедливъ, заботливъ объ его хорошемъ содержаніи, солдатъ не будетъ помнить зла и душой привяжется къ начальнику. Хилковъ въ высшей степени обладалъ знаніемъ сердца солдата. Требуя строго службу, онъ едва ли не съ большой строгостью требовалъ отъ начальниковъ частей, чтобы солдатъ былъ обезпеченъ во всемъ, чтобы получалъ все ему положенное. Нерѣдко случалось видѣть князя Хилкова въ одномъ сюртукѣ, безъ всякихъ видимыхъ знаковъ отличія, украдкой, гдѣ нибудь съ задовъ селенія, въ которомъ расположены войска его корпуса, пробирающагося прямо къ баракамъ, гдѣ готовилась ѣда для солдатъ. Всѣ подобныя посѣщенія совпадали со временемъ, когда солдаты принима-

лись за свою незатѣйливую пищу. Поздоровавшись, князь обыкновенно садился съ ними за столъ, бралъ у сосѣда деревянную ложку и ѣлъ съ ними щи и кашу. Сохрани Боже! Если онъ находилъ дурно испеченный хлѣбъ, или «пустыя» щи, или сырую кашу, или несвѣжую говядину, или у людей не было кваса,— тогда шибко доставалось начальникамъ. Бывали даже случаи, что за нерадѣніе о пищѣ и содержаніи солдата отнимались части отъ старшихъ по чину и вѣрялись другимъ, младшимъ. За все это начальники, конечно, не долюбливали Хилкова, и потому при извѣстіи объ его отставкѣ въ душѣ порадовались, не осмѣливаясь высказаться гласно, изъ боязни общаго осужденія.

Приведу одинъ случай, показывающій, какъ солдаты были привязаны къ князю Хилкову. Разъ, замѣтивъ, что взводный вахмистръ Павловъ съ шевронами на рукахъ и георгіевскимъ крестомъ сильно плакалъ, я подошелъ къ нему и спросилъ:

— О чемъ плачешь?

— Больно жалъ нашего батюшку-командира! Такого намъ ужъ не нажить!

— Отчего же? Другой, можетъ быть, будетъ такъ же заботиться о васъ?

— Нѣтъ, ваше благородіе! Вотъ вы не дѣлали польской кампаніи, а спросите-ка вашего братца! Онъ вамъ поразскажетъ, какъ, бывало, князь, тогда командовавшій нашей 1-й уланской дивизіей, вечерами, придетъ къ намъ на бивакъ, сядетъ съ нами у разведеннаго костра да и заведетъ разговоръ: «А что, скажетъ, молодцы, тутъ дѣлаете?».—«Да, вотъ, ваше сіятельство,—скажемъ,—вши заѣли; такъ — просушиваемся у огня да ихъ ловимъ».

— Хорошее дѣло,— скажетъ. — А, ну-ка, я посмотрю: нѣтъ ли у меня?

— И, вѣрите ли, ваше благородіе, тутъ же сниметъ съ себя рубашку, да ну давить вшей; похрустываетъ не хуже нашего.

При этомъ воспоминаніи Павловъ залился снова горькими слезами.

— Ну, что же, старикъ! Не потому ли и самъ царь назвалъ васъ вшами? Помнишь, на послѣднемъ смотрѣ?

Павловъ угрюмо посмотрѣлъ на меня. Видно было, что онъ хотѣлъ высказать какую-то душевную мысль, но воздержался и проговорилъ только:

— Царь-то бранился, а князь любилъ насъ!

Черезъ нѣсколько дней послѣ описаннаго смотра приказано было полку возвратиться въ Коломну, къ своимъ занятіямъ.

Впослѣдствіи мы узнали причину и нашего поспѣшнаго призыва въ Москву, и нашего единственнаго смотра, единственнаго, какъ по числу, такъ еще болѣе по своей необычности!

Князь Хилковъ имѣлъ несчастіе навлечь на себя неудовольствіе императора Николая.

Командуя 1-й уланской дивизіей, онъ квартировалъ въ г. Твери, лично былъ извѣстенъ государю, какъ одинъ изъ дѣльныхъ, практическихъ генераловъ, почему не было ни одного вопроса по военнымъ дѣламъ въ Петербургѣ, для разрѣшенія котораго не былъ бы приглашенъ князь Хилковъ.

Часто мнѣніе его, высказанное всегда со свойственными ему прямою и лаконизмомъ, преобладало надъ мнѣніями прочихъ генераловъ, искусныхъ только въ шагистикѣ и ловкой пригонкѣ ремешковъ и пряжекъ. Такое превосходство умственныхъ способностей князя Хилкова, конечно, не могло не нажить ему много завистниковъ и враговъ, во главѣ которыхъ стоялъ тогдашній военный министръ, князь Чернышевъ, съ которымъ, кромѣ того, у князя Хилкова были старые счеты по л.-гв. Гусарскому полку. Полкъ этотъ князь Хилковъ принималъ отъ князя Чернышева, и послѣдній долженъ былъ приплатиться и довольно значительной суммой за разныя упущенія по полку. Извѣстно, что князь Чернышевъ славился своей скупостью, и потому потеря большихъ денегъ породила въ немъ личную месть къ князю Хилкову. Но всѣ эти недовольные и оскорбленные Хилковымъ должны были молчать до времени, затаивъ въ себѣ злобу и зависть, видя къ нему расположеніе царя. Молча, съ большимъ терпѣніемъ, они выжидали благоприятной себѣ минуты броситься на безоружнаго врага—и дождались!

Князь Хилковъ, получивъ извѣстіе о кончинѣ своего отца, приѣхалъ въ Петербургъ и, по установившемся порядку, явился въ Зимній дворецъ. На вопросъ царя о причинѣ его приѣзда онъ отвѣчалъ:

— Государь! Я приѣхалъ просить васъ уволить меня отъ службы.

— Что это значить?

— Я имѣлъ несчастіе потерять отца. Послѣ него осталось небольшое имѣніе и много долговъ. Мнѣ нужно самому заняться нашими разстроенными домашними дѣлами, чтобы уплатить долги и тѣмъ снять съ памяти уважаемаго отца даже тѣнь сомнѣнія въ неисправномъ возмездіи за довѣріе, дѣлаемое ему кредиторами, людьми благородными.

— Вздоръ! Я тебя не выпущу изъ службы. Ты мнѣ нуженъ. Надъ имѣніемъ твоимъ я самъ буду опекуномъ, прикажу выплатить всѣ долги твоего отца. Доволенъ ли?

— Мнѣ, государь, ничего болѣе не остается сказать, какъ только, что всей моей жизни мало, чтобы заслужить такіа благодѣянія. Но...

— Какъ? Ты упорствуешь въ своемъ намѣреніи оставить службу?

— Государь! Я имѣю единственную сестру, 20-лѣтнюю дѣвушку. По сію пору она жила на попеченіи и подѣ надзоромъ отца. Со смертію послѣдняго она лишается опоры. Я долженъ замѣнить его. Продолжая военную службу, я не могу такъ заняться сестрой, не могу выполнить въ отношеніи ея всѣхъ обязанностей, налагаемыхъ на меня моею добросовѣстностью, почтительностью сына къ памяти отца и привязанностью брата. Государь, изъ всего нашего семейства въ живыхъ остались только сестра да я.

— Для сестры твоей я замѣню мѣсто отца. Представь ее ко двору, я назначу ее фрейлиной къ императрицѣ.

Хилкову оставалось только благодарить и повиноваться.

Вскорѣ послѣ того открылась польская кампанія въ 1830 году, въ которой принялъ дѣятельное участіе кн. Хилковъ, съ своей 1-й уланской дивизіей. По окончаніи кампаніи князь былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты и получилъ въ командованіе 6-й пѣхотный корпусъ, въ новомъ составѣ переформированной тогда арміи. По счастливому стеченію обстоятельствъ, бригада уланъ, входившая прежде въ составъ 1-й уланской дивизіи, назначена въ 6-й пѣхотный корпусъ, и князь Хилковъ не безъ удовольствія видѣлъ у себя подѣ командой нашъ Оренбургскій уланскій полкъ, который онъ всегда любилъ и особенно отличалъ.

Между тѣмъ, въ красавицу-сестру кн. Хилкова, фрейлину императрицы, влюбился флигель-адъютантъ Безобразовъ. Удовольствіемъ во взаимности, Безобразовъ обратился къ князю Хилкову съ просьбой согласиться на бракъ его сестры съ нимъ. Князь Хилковъ отвѣтилъ, что онъ самъ лично ничего не имѣетъ противъ этого брака, тѣмъ болѣе, что и сестра его изъявила свое согласіе, но не можетъ ни на что рѣшиться безъ воли государя, заступившаго ей мѣсто отца, и обѣщалъ только о желаніи Безобразова написать царю.

Безобразовъ съ письмомъ князя Хилкова обратился къ императору Николаю I, получилъ отъ него согласіе и обѣщаніе благословить на предстоящій бракъ въ качествѣ посаженнаго отца. Безобразовъ зажилъ счастливою жизнью жениха; и онъ, и княжна Хилкова оба были молоды, необыкновенно хороши собой и страстно любили другъ друга.

Николай пожелалъ отпраздновать свадьбу по-царски. Вѣнчаніе было назначено въ придворной церкви. Императрица сама надѣла серьги невѣстѣ. При такой блистательной обстановкѣ, при такихъ счастливыхъ зачаткахъ ихъ супружеской жизни, казалось, можно было разсчитывать на ясную, безоблачную будущность. Случилось иначе...

Вслѣдъ за вѣнчаніемъ «молодые» разошлись. Императоръ Николай вмѣшался въ это семейное недоразумѣніе. Безобразовъ былъ посланъ на Кавказъ командовать Нижегородскимъ драгунскимъ

полкомъ, а жена его, облекшись въ глубокий трауръ, переѣхала на житье въ Москву къ брату своему князю А. С. Хилкову. Въ Москвѣ я часто встрѣчалъ ее въ церкви — единственномъ мѣстѣ, которое она посѣщала — всю въ черномъ, горячо и сосредоточенно молящуюся. Ея замѣчательная красота, блѣдное, выразительное лицо, съ оттѣнкомъ грусти, стройный, высокій станъ, постоянно черный ея костюмъ, ея набожность, наконецъ, «слухи» о причинѣ «невольнаго» отъѣзда ея мужа на Кавказъ — все это не могло не производить сильнаго впечатлѣнія на молодежь! Мы восторгались ею... Князь А. С. Хилковъ, какъ говорили, написалъ какое-то рѣзкое письмо императору Николаю Павловичу, который послѣ того вознегодовалъ на нашего корпуснаго командира. Императорскій гнѣвъ и былъ причиной смотра, о которомъ я говорилъ выше...

XVIII.

Моя поѣздка къ П—вымъ. — Змѣи и первый поцѣлуй. — Мое исновидѣніе. — Поѣздка въ отпускъ въ Казань. — Радость свиданія съ родными. — Возвращеніе въ Москву. — Знакомство съ Alexandrine. — Предупрежденія Лесли. — Мое послѣднее свиданіе съ П—выми.

По возвращеніи въ Коломну я при первой возможности поѣхалъ къ П—вымъ.

Домъ ихъ стоялъ на обрывѣ неглубокаго оврага, на противоположномъ берегу котораго была раскинута роща, замѣнявшая садъ. Въ рощѣ была раскинута палатка съ низкимъ турецкимъ диваномъ.

Послѣ обѣда старикъ П—въ ушелъ на полевые работы, мать, по обыкновенію, удалилась въ свою комнату на отдыхъ, а я и Вѣрочка отправились гулять въ рощу. Находившись, мы зашли въ палатку и усѣлись на диванъ. Во все время нашей прогулки я былъ задумчивъ, очень разсѣянъ, говорилъ и отвѣчалъ не «впопадъ». Такое необычайное состояніе моего духа, конечно, не могло не обратить на себя вниманія Вѣрочки, и она нѣсколько разъ спрашивала меня:

— Что съ вами?

А со мной было вотъ что.

Смотря на ея красивыя черты лица, на ея черные «бархатные» глазки, на ея пухленькія вишнеобразныя губки, я думалъ: «за выстраданныя мной душевныя волненія, во время приготовленія къ дуэли, изъ-за тебя же, неужели я не въ правѣ получить отъ тебя высшую награду — поцѣлуй!». Но, какъ я уже говорилъ, по собственной мнѣ робости въ обращеніи съ любимой женщиной, я не рѣшался исполнить моего намѣренія. Нужно было: или чтобы

женщина первая чѣмъ нибудь подала поводъ къ возбужденію во мнѣ рѣшимости, или случай.

На этотъ разъ помогъ мнѣ случай!

Въ палатку вползла змѣя. При видѣ ея Вѣрочка отъ испуга бросилась въ мою сторону и прижалась ко мнѣ, ища защиты. Обнявъ одной рукой ея тонкую гибкую талію, другой я держалъ ея руку. Въ такомъ положеніи я могъ легко поцѣловать ее; но меня удержало то соображеніе, что, находясь подъ обаяніемъ красоты Вѣрочки, я, можетъ быть, и рѣшусь выполнить свое намѣреніе, но то будетъ поцѣлуй насильственный, взятый воровскимъ образомъ, а мнѣ хотѣлось получить поцѣлуй, добровольно данный, съ полнымъ сознаниемъ и свободной воли.

По удаленіи змѣи, Вѣрочка высвободилась изъ моихъ объятій, но удержала свою руку въ моей. Это, повидимому, ничтожное обстоятельство и придадо мнѣ смѣлость.

Смотря въ упоръ въ ея покрытые влагой глаза, я спросилъ:

— Вѣрочка! Вы любите меня?

— Вы давно это знаете!

— Докажите!

— Чѣмъ?

— Поцѣлуйте меня!

Она вырвала свою руку изъ моей, отшатнулась отъ меня, вперила въ меня свои удивленные глаза, какъ бы испугавшись моихъ словъ... Видимо, желаніе мое поразило ее своей неожиданностью... Въ ней происходила внутренняя борьба!

— Не смотрите на меня такъ!—сказалъ я.—Если бы вы знали, что я выстрадалъ за васъ, вы не отказали бы мнѣ?

— Злой вы человѣкъ!..

И съ этими словами обвила мою шею своими руками, впилась въ меня долгимъ влажнымъ поцѣлуемъ, но, вскорѣ очнувшись, закрыла свое лицо руками. Крупныя капли слезъ закапали промежъ пальцевъ, и она надорваннымъ отъ рыданія голосомъ говорила:

— Уйдите! Ради Бога, уйдите! Я умру отъ стыда!..

То былъ первый и послѣдній нашъ поцѣлуй! Змѣя, невинная причина моего минутнаго блаженства, вѣроятно, приходилась, по прямой линіи, сродни тому змѣю, который искусилъ нашу прародительницу Еву, потерявшую за то рай! Новѣйшая змѣя, если не искусила, то подала поводъ къ искушенію, но точно также стояла мнѣ рая. Ровно черезъ годъ послѣ поцѣлуя мы поссорились, и я навсегда потерялъ изъ виду Вѣрочку...

Остатокъ дня Вѣрочка видимо избѣгала не только меня, но даже моего взгляда...

По окончаніи «кампаментъ» полкъ обычнымъ порядкомъ былъ распущенъ «на травку» и потомъ вновь собрался на «маневры», въ Москву.

Тутъ представился случай, вполне подтвердившій присутствіе во мнѣ способности «ясновидѣнія».

Посѣтивъ дѣда, я встрѣтилъ у него даму немолодыхъ лѣтъ, совершенно для меня незнакомую и о которой я дотолѣ ничего не слыхалъ.

По ея отъѣздѣ дѣдъ, обращаясь ко мнѣ, сказалъ:

— Вотъ ты хвалишься своей способностью узнавать незнакомыхъ тебѣ людей! Скажи, что ты думаешь объ этой дамѣ?

Чтобы понять такой вопросъ, я долженъ пояснить, что природа надѣлила меня необыкновенной способностью — узнавать свойства и характеръ личностей, при первомъ взглядѣ на ихъ движенія, при первыхъ звукахъ ихъ голоса, но съ непремѣннымъ условіемъ: чтобы я ничего не слыхалъ о такихъ личностяхъ прежде, чѣмъ самъ не увижу ихъ. Иначе мнѣніе о нихъ, высказанное другими, вредило первому моему личному воззрѣнію, мѣшало моей прозорливости. Много было случаевъ въ моей жизни, когда я при первомъ взглядѣ на человѣка, совершенно мнѣ незнакомаго, по его походкѣ, манерамъ, интонаціи голоса, опредѣлялъ его качества или недостатки, и всегда вѣрно. Способность эту я называю своимъ ангеломъ-хранителемъ, или добрымъ геніемъ, которымъ, какъ я, смѣясь, увѣрялъ всѣхъ, какая нибудь добродѣтельная фея наградила меня при моемъ рожденіи.

Незнакомая дама вполне соединяла въ себѣ всѣ условія, требуемыя для вѣрности моего ясновидѣнія: я никогда не видалъ ея и ничего не слыхалъ о ней, и потому, не задумавшись, смѣло, отвѣчалъ дѣду:

— Фальшивая, лукавая женщина!

Дѣдъ расхохотался, сказавъ:

— А вотъ и совралъ! Я знаю ее нѣсколько уже лѣтъ. Она — испытанной вѣрности, и я считаю ее за женщину, вполне мнѣ преданную.

— Вы можете почитать ее, какъ вамъ угодно, но мой добрый геній подсказалъ мнѣ то, что я передалъ вамъ.

Что же вышло? Не прошло и двухъ лѣтъ послѣ нашего разговора, какъ однажды дѣдъ сказалъ мнѣ:

— Николай! А вѣдь ты былъ правъ, когда, помнишь, сказалъ, что Розова — фальшивая женщина. Недавно только я имѣлъ случай убѣдиться, что вся ея преданность ко мнѣ была основана на интересѣ. Убѣдившись, что не получить отъ меня ничего, она показала всю гнусность своей души и теперь чернить и бранить меня вездѣ гдѣ можетъ.

Въ первыхъ числахъ сентября полкъ вернулся въ Коломенскій уѣздъ, на зимнія квартиры. На этотъ разъ судьба благопріятствовала мнѣ; безъ всякихъ съ своей стороны стараній я «стоялъ» съ взводомъ въ деревнѣ, въ 6-ти верстахъ отъ Юрьева, т. е., отъ Вѣрочки, но недолго могъ пользоваться такимъ близкимъ сосѣдствомъ. Получивъ четырехмѣсячный отпускъ, я въ половинѣ ноября, по первому зимнему пути, отправился въ Казань.

Дорогой, ради «поспѣшности ѣзды», поколачивалъ ямщиковъ, побранивалъ станціонныхъ смотрителей.

Приближаясь къ Казани, я переживалъ тѣ же ощущенія, какъ и шесть лѣтъ назадъ, когда мальчикомъ возвращался изъ Петербурга. Но настоящія ощущенія были сдержаннѣе; я не восторгался ребячески видимыми предметами, но сосредоточивалъ ихъ въ себѣ болѣе осмысленными, болѣе перечувствованными, какъ молодой человѣкъ, искушившійся въ опытѣ жизни и узнавшій цѣну сердечныхъ влеченій.

Въ городъ я вѣхалъ вечеромъ. Отъ волновавшихъ меня чувствъ радости скорого свиданія съ дорогими сердцу людьми мнѣ сдѣлалось жарко, несмотря на довольно сильный морозъ, душно, и я, обыкновенно столь чувствительный къ холоду, распустилъ окутывавшій мою шею шерстяной шарфъ. Чѣмъ ближе подѣзжалъ къ дому, тѣмъ болѣе я развертывалъ мой шарфъ, такъ что когда подѣхалъ къ крыльцу, то его не было уже на моей шеѣ, и онъ валялся гдѣ-то въ саняхъ; самая шинель была распахнута.

Родныхъ я никого не засталъ дома; всѣ они были въ театрѣ, послали дать имъ знать о моемъ пріѣздѣ. Между тѣмъ, вся наша добрая дворня наполнила комнату, окружила меня, любовалась своимъ «молодымъ бариномъ», въ военномъ сюртукѣ, безъ эполетъ. Изъ всѣхъ дверей выглядывали любопытные глаза новой прислуги, поступившей въ мое отсутствіе и потому чуждавшейся еще меня, какъ не привыкшей къ своему барину.

Послышался скрипъ подѣхавшаго возка. Я въ одномъ сюртукѣ выбѣжалъ на крыльцо принять отца, мать, сестру. Изъявленіямъ радости встрѣчи, казалось, не будетъ конца. Мать безпокоилась за послѣдствія выхода моего на холодъ. Тотчасъ же явился на столь шипящій самоваръ, и мы, распивая чай и разговаривая, незамѣтно просидѣли далеко за полночь. Отецъ положилъ конецъ нашей бесѣдѣ, напомнивъ, что пора спать. Надо быдо разстаться.

На другой день, облекшись во всю парадную форму, я отправился являться коменданту и военному губернатору. Отъ нихъ пустился дѣлать обычные визиты, по составленному отцомъ списку. Утромъ, пока я еще спалъ, старикъ трудился составить мнѣ расписание моихъ посѣщеній родныхъ и знакомыхъ, въ порядкѣ слѣдовавшаго пути. Списокъ вышелъ предлинный, и я, сокращая по возможности время моихъ визитовъ, едва-едва могъ объѣхать всѣхъ въ три дня.

Увидѣлъ я и Надю Колбецкую; но, увы, образъ ея совершенно вытѣснился изъ моего сердца другими привязанностями, и я встрѣтился съ ней очень равнодушно.

Покончивъ со всѣми свѣтскими церемоніями, я снова зажилъ прежней семейной жизнью, прерываемой только приглашеніями на обѣды и танцевальныя вечера. Тогда въ Казани принимали очень радушно, жили весело.

Нашъ прежній большой каменный домъ былъ проданъ. Послѣ тяжелой болѣзни, перенесенной матерью въ 1832-мъ году, доктора нашли, что для ея здоровья жить въ каменныхъ стѣнахъ вредно. Мы тогда помѣстались на Лядской улицѣ, въ небольшомъ деревянномъ флигелѣ, принадлежащемъ теткѣ, графинѣ Апраксиной. Впослѣдствіи онъ былъ купленъ Горемыкинымъ и сгорѣлъ въ пожаръ 1848 года. Флигель имѣлъ мезонинъ, на который вела отдѣльная лѣстница, прямо со двора. Мезонинъ состоялъ изъ двухъ комнатъ, отданныхъ въ мое распоряженіе на все время моего отпуска. Напротивъ флигеля, черезъ улицу, стоялъ большой деревянный домъ, принадлежавшій тогда той же теткѣ, графинѣ Апраксиной. Домъ этотъ впослѣдствіи купилъ отецъ и отдалъ въ приданое сестрѣ моей при выходѣ ея замужъ за Чемодурова. Въ то время въ домѣ квартировалъ П. А. Дурасовъ, мой будущій тесть.

Во все время пребыванія моего въ Казани я ничего не дѣлалъ, ничего не читалъ, но былъ въ средѣ отца, матери, сестры, которыхъ я любилъ такъ сильно. Въ мартѣ 1836-го года я съ горькими слезами простился съ ними и отправился въ Москву. Тамъ, въ домѣ дѣда, я встрѣтилъ въ гостяхъ у «побочной» тетки, какъ я называлъ, разумѣется, за глаза его незаконную дочь Лизавету Ивановну, въ первый разъ, незнакомую мнѣ совершенно даму, поразившую меня и своей необыкновенной красивой наружностью, и изяществомъ одѣянія, и аристократическими манерами. Было что-то во всей ея особѣ очаровательное: поступь, движеніе, складъ рѣчи,—все говорило въ пользу ея ума и образованія! Обаяніе Вѣрочки, которую я не видалъ болѣе четырехъ мѣсяцевъ, много во мнѣ ослабло, и я любовался и большими, влажными голубыми глазами гостыи, и бѣлизной ея лица, съ синими жилками на лбу и вискахъ, и ея свѣжимъ румянцемъ, безпрестанно то вспыхивавшимъ карминомъ, то слабѣвшимъ до нѣжнаго цвѣта розы, и ея роскошными, прекрасно развитыми формами, и ея гибкимъ, тонкимъ станомъ.

По отъѣздѣ ея, Лизавета Ивановна рассказала, что она недавно познакомилась съ ней, случайно встрѣтившись у общей ихъ знакомой, m-me Забѣльской, и скоро «сошлась». При этомъ, вѣроятно, замѣтивъ впечатлѣніе, которое произвела на меня ея посѣтительница, лукаво прибавила:

— Впрочемъ, нельзя и не полюбить ея съ перваго же взгляда? Она такая хорошенькая и добрая! Не правда ли?

Я вполне съ ней согласился.

Лизавета Ивановна въ немногихъ словахъ рассказала мнѣ завидную ея участь: Alexandrine N. осталась послѣ смерти матери очень еще молоденькой дѣвочкой на рукахъ своего отца, старика—сухого сердцемъ, черстваго, понимающаго одни только выгодныя положенія въ свѣтѣ и ставившаго счастье жизни въ богатствѣ. Семнадцати лѣтъ, отецъ, не спрося ея желанія, выдалъ ее замужъ за старика, но сенатора, князя, занимавшаго видное мѣсто и по своимъ связямъ, и по своему огромному богатству, хотя отецъ Alexandrine и самъ имѣлъ хорошее независимое состояніе. Такой бракъ, по понятіямъ отца Alexandrine, былъ блестящій, вполне отвѣчающій завидной участи быть богатой и знатной. Когда дочь, со слезами на глазахъ, припавъ къ колѣнямъ отца, умоляла не губить ея, что она не можетъ любить назначеннаго ей мужа, отецъ, поднимая ее съ колѣнъ, съ усмѣшкой сказалъ:

— Я очень хорошо и самъ понимаю, что тебѣ такого стараго и некрасиваго мужа любить нельзя! Но пойми же и ты, дурочка, что отъ тебя не требуется любви, а только приличія! А тамъ, послѣ, когда сердце твое развернется для любви и потребуетъ привязанности, кто помѣшаетъ тебѣ «запасться другомъ дома»? Ужъ, конечно, не я!—закончилъ онъ со смѣхомъ.

Что было сказать на такой отвратительный цинизмъ отца? Что оставалось дѣлать бѣдной Alexandrine? Покориться своей участи? Она такъ и сдѣлала и ринулась въ свѣтъ, наполненный соблазнами для женщинъ въ ея положеніи.

Такимъ образомъ Alexandrine сдѣлалась жертвой гнусной сдѣлки своего отца,—сдѣлки, весьма схожей съ торгомъ невольницъ. Красивая, молодая, полная жизни, она была привязана, и навсегда, чуть-чуть не къ трупу, но въ золотѣ и подъ княжеской короной. И зажила она въ довольствѣ, въ богатомъ домѣ, роскошно обставленномъ цѣнными предметами; малѣйшія ея желанія, прихоти исполнялись немедленно. Всѣ удовольствія свѣта она черпала широкой рукой, была царицей общества, имѣла толпу поклонниковъ; но вопреки совѣта отца не запаслась еще между ними «другомъ дома»! Судьба берегла ее для отдаленнаго будущаго...

Судьба и мнѣ готовила высокое наслажденіе любви, только въ близкомъ будущемъ!..

Наша кавалерійская дивизія содержала караулы въ Москвѣ, для чего по одному эскадрону изъ cadaго полка смѣнялись поочередно.

Возвратясь изъ отпуска, я засталъ нашъ 8-й эскадронъ только что пришедшимъ въ Москву, для содержанія разъѣздовъ смѣнивъ 7-й. Намъ для постоя отведенъ былъ такъ называемый «Колымажный дворъ», весьма удобное помѣщеніе во всѣхъ отношеніяхъ. Дворъ имѣлъ прекрасныя конюшни, обширный крытый манежъ. Въ номерахъ комнатъ помѣщались офицеры; кромѣ того, Колымаж-

ный дворъ имѣлъ центральное положеніе въ городѣ, чего другія казармы не имѣли, будучи расположены въ отдаленныхъ по окраинамъ частяхъ Москвы. Тамъ я встрѣтилъ добраго Лесли, который, между прочимъ, разсказалъ мнѣ, что П—ва, мать Вѣрочки, распускаетъ слухъ о моей женитьбѣ на ея дочери, и что будто я и въ отпускъ поѣхалъ для того, чтобы испросить у родныхъ согласіе на этотъ бракъ. Къ этому прибавилъ:

— Совѣтую тебѣ бросить свою Вѣрочку. Она надѣлала тебѣ уже много хлопотъ и навязала дуэль. Смотри, чтобы не было чего еще хуже! Мать ея больная «пройдоха»; пожалуй, подведетъ такую «штучку», что тебя женятъ насильно.

Я былъ влюбленъ въ Вѣрочку, но безъ всякой сознательной, серіозной предвзятой мысли, просто по влеченію своего сердца, «жаждущаго любви», и никогда въ самыя упоительныя для меня минуты не мечталъ о женитьбѣ. Молодому человѣку въ 20-ть лѣтъ и на умъ не приходитъ прелесть супружеской жизни. Слова Лесли, которому я вполне довѣрялъ, еще болѣе, чѣмъ четырехмѣсячная разлука, охладили мою привязанность къ Вѣрочкѣ.

Вскорѣ я могъ вполне убѣдиться въ справедливости предположенія Лесли, что мать изыскиваетъ всевозможныя средства, только чтобы женить меня на своей дочери.

Дня три, четыре спустя послѣ нашего разговора съ Лесли, мнѣ въ домѣ дѣда, у котораго я тогда остановился, подали записку. Изъ нея я узналъ, что Вѣрочка съ матерью пріѣхали въ Москву, и послѣдняя писала мнѣ, что желаетъ поговорить со мной о серіозномъ дѣлѣ, для чего и назначаетъ на завтрашній день свиданіе въ Петровскомъ паркѣ въ 5 часовъ, послѣ обѣда.

Изъ разговора Лесли я догадался, въ чемъ заключается «серіозное дѣло», о которомъ писала мнѣ П—ва. Въ первое время я рѣшился было вовсе не ѣхать на назначенное свиданіе, но подумавъ, что такой поступокъ мой можетъ быть истолкованъ трусостью предстоящаго объясненія, которое при томъ рано или поздно, но неизбежно, и потому рѣшился разомъ покончить всѣ виды и надежды на меня самой П—вой.

Дѣдъ, узнавъ, что меня приглашаютъ на свиданіе, вызвался самъ проводить меня. Его очень интересовало видѣть Вѣрочку, о которой я такъ много говорилъ ему.

Въ назначенное время, въ коляскѣ, запряженной четверкой лошадей саврасой масти, мы покатали въ паркъ. Еще издали въ главной аллеѣ я замѣтилъ П—ву съ дочерью сидящими на скамьѣ и показалъ ихъ дѣду.

Дѣдъ сохранилъ еще хорошее зрѣніе. Прищурясь и всмотрѣвшись, онъ прицелкнулъ языкомъ и присвистнулъ, что означало въ немъ выраженіе полного довольства.

— Я буду въ нѣмецкомъ клубѣ,—сказалъ дѣдъ.—Когда кон-

чишь свои любезности, приходи туда. Я буду ждать тебя, чтобы вмѣстѣ вернуться въ Москву.

Между тѣмъ коляска подъѣхала къ моимъ дамамъ, остановилась, и я вышелъ къ нимъ на встрѣчу.

Вѣрочка видимо обрадовалась мнѣ, но я велъ себя сдержанно, заранѣе приготовясь выдержать напоръ ея матери.

Послѣ обычныхъ привѣтствій мы пошли по боковой аллеѣ, при чемъ мать приказала дочери одной идти впередъ, а сама, предложивъ мнѣ руку, пошла со мной, позади, на довольно большомъ разстояніи, чтобы Вѣрочка не могла слышать нашего разговора.

Весь этотъ маневръ ясно доказывалъ, что готовится наступить торжественная минута, и я не ошибся.

П—ва издавѣка завела разговоръ, что всякая добрая мать обязана заботиться устроить судьбу своей дочери, еще лучше, если есть къ тому взаимная склонность.

Я вполне съ ней согласился въ этомъ взглядѣ на обязанности матери. Тогда П—ва сказала, что къ ея Вѣрочкѣ сватаются женихи, но что она всеѣмъ имъ отказывается, и, обратясь прямо ко мнѣ, рѣзко спросила:

— Не знаете ли вы, какая можетъ быть тому причина?

— Полагаю, что не нравятся.

П—ва, вскинувъ на меня глазами, продолжала:

— Но почему же не нравятся?

— Я не могу отвѣчать за Вѣру Павловну. Спросите ее сами!

— Я, какъ мать, все вижу и все понимаю. Игру эту въ неизвѣстность между нами надо оставить. Скажу вамъ прямо: Вѣра любить васъ!

— Сердечно благодарю Вѣру Павловну за ея лестную для меня привязанность. Вполнѣ цѣню ее и самъ раздѣляю то же чувство.

— А если раздѣляете, то какія ваши намѣренія?

— Быть довольнымъ настоящимъ.

— А въ будущемъ?

— Въ будущемъ? Мое будущее такъ велико, что я еще не заглядывалъ въ него.

— Но понимаете ли вы, что это безчестно съ вашей стороны?

Я вспыхнулъ. Сердце мое «закипѣло». Дерзость готова была сорваться съ языка, но я превозмогъ себя и сколько возможно хладнокровно отвѣтилъ:

— Что же безчестнаго я сдѣлалъ?

— Вы завлекли дѣвушку. Разсчитывая на васъ, Вѣра отказывается отъ блестящихъ для нея партій.

— Вы не понимаете, что говорите, и клеймите позорнымъ названіемъ меня, человѣка, не причастнаго никакому предосудительному поступку. Безчестно завлекать дѣвушку обѣщаніемъ на ней жениться и потомъ не сдержатъ своего обѣщанія. Вѣра Павловна такъ же свободна располагать собой, какъ и я.

— Зачѣмъ же вы завѣряли ее въ любви своей?

— И, Боже мой! Неужели же каждый молодой человѣкъ обязанъ жениться на дѣвушкѣ, которой говорилъ, что любить ее? Вспомните вашу молодость. Вѣроятно, до выхода вашего въ замужество, вы сами и не одинъ разъ выслушивали признанія въ любви, а вышли же за вашего Павла Артемьича.

— Такъ вы никогда не думали жениться на Вѣрочкѣ?

— Никогда!

— Повторяю вамъ: вы поступаете безчестно, и мужъ мой этого дѣла такъ не оставитъ.

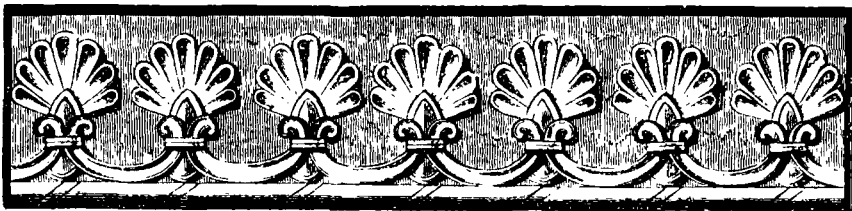
Я приподнялъ фуражку, поклонился и, повернувшись, пошелъ назадъ.

Сцена эта происходила въ тотъ самый день, быть можетъ, въ тотъ же самый часъ, когда ровно годъ тому назадъ я и Вѣрочка гуляли въ роцѣ въ Юреневѣ, зашли въ палатку, и змѣя, бросившая въ мои объятія Вѣрочку, дала члѣвъ ея поцѣлуй...

Н. И. Мамаевъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ЗАПИСКИ Н. И. МАМАЕВА ¹⁾.

XIX.

Мой первый визитъ къ Alexandrine и знакомство съ ея мужемъ.—Обѣдъ у нея и напѣвъ tête-à-tête.—Исповѣдь Alexandrine.—Дальнѣйшія свиданія и горничная Катя.—Моя глубокая любовь къ Alexandrine.

О ВОЗВРАЩЕНІИ въ домъ дѣда, мы застали у Лизаветы Ивановны Alexandrine,—еще красивѣе, еще «пышнѣе», чѣмъ я видѣлъ ее въ первый разъ. Лизавета Ивановна меня «представила» ей, и я въ миломъ, умномъ, очаровательномъ ея разговорѣ скоро забылъ и недавнее мое свиданіе съ П—ой и всю свою на нее досаду.

Alexandrine на прощанье, подавая мнѣ свою руку, сказала:

— Надѣюсь, знакомство наше не прекратится однимъ свиданьемъ. Вы посѣтите меня!

Я, молча, поклонился. Захлебнувшись отъ удовольствія, не нашелъ словъ благодарить ее.

Минута эта рѣшила мою участь, а женщина эта измѣнила совершенно мою будущность.

Въ первое, затѣмъ, воскресенье я отправился къ Alexandrine. Въ сѣняхъ швейцаръ, отворяя мнѣ дверь, отдалъ «честь» своей булавой; въ официантской высокій, красивый лакей въ кафтанѣ съ аксельбантомъ, красномъ жилетѣ, обшитомъ тонкимъ позумент-

¹⁾ Продолженіе. См. «Историч. Вѣстн.», LXXXIV, стр. 864.

томъ, и въ штанахъ горохового цвѣта, съ такими же нитиблетами на ногахъ, снявъ съ меня шинель, дернулъ одинъ разъ за ручку колокольчика. Впослѣдствіи, познакомившись короче въ домѣ, я узналъ и порядки, въ немъ заведенные. Одинъ ударъ колокольчика означалъ пріѣздъ мужчины, и тогда хозяинъ дома не удостоивалъ подыматься съ мѣста для пріема посѣтителя; два удара возвѣщали визитъ дамы: хозяинъ выходилъ къ дверямъ залы и тамъ встрѣчалъ пріѣзжую гостью.

Съ сильнымъ замираніемъ сердца я подымался по широкой, чугунной лѣстницѣ, устланной ковромъ и уставленной экзотическими растеніями со статуями но угламъ. Вся эта роскошная обстановка сильно мнѣ не нравилась. Мнѣ казалось, что за нею я не могу найти простого любящаго сердца, а встрѣчу женщину, напыщенную своимъ богатствомъ, положеніемъ въ свѣтѣ, утонченную въ свѣтскихъ приличіяхъ. . . . и что далѣе черты, опредѣленной этимъ приличіемъ, хозяйка дома не переступитъ... Съ такими мыслями я вошелъ въ обширный залъ въ два свѣта и хорами для музыкантовъ. Вездѣ бросались мнѣ въ глаза хрусталь и бронза; въ огромныхъ, цѣльныхъ зеркалахъ я поминутно встрѣчалъ свое отраженіе, пока по мягкому половику подходилъ къ гостиной, откуда на встрѣчу мнѣ неслись голоса разговаривающихъ.

Въ гостиной я нашелъ, кромѣ хозяйки дома, какихъ-то двухъ дамъ и троихъ мужчинъ. При моемъ появленіи Alexandrine, привставъ съ дивана, подала мнѣ руку, затѣмъ позвала мужа. На зовъ ея, одинъ изъ трехъ мужчинъ, отдѣлившись отъ прочихъ, подошелъ ко мнѣ: то былъ невысокаго роста, лысый старичокъ съ морщинами на лицѣ и двумя звѣздами на обоихъ бортахъ фрака.

Подавъ мнѣ въ свою очередь руку, старичокъ съ сладенькой улыбкой сказалъ:

— Очень радъ съ вами познакомиться. Жена мнѣ говорила о васъ. Я самъ старый уланъ и люблю всѣхъ молодыхъ уланъ.

Затѣмъ, усадивъ меня около себя, онъ почти все время исключительно занимался только мною, какъ бы стараясь короче узнать меня. Черезъ полчаса откланявшись, я отправился къ двери. Князь, провожая меня, на прощанье еще разъ пожалъ мнѣ руку, прибавивъ:

— Надѣюсь скоро увидѣть васъ!

Такимъ образомъ, совершенно «не думано и не гадало», сдѣлалъ я входъ въ одинъ изъ лучшихъ аристократическихъ домовъ въ Москвѣ.

На другой день угромъ, когда я возвратился съ манежной ѣзды, мнѣ подали визитную карточку князя, при чемъ передали, что князь самъ пріѣзжалъ и велѣлъ передать мнѣ свое желаніе видѣть меня какъ можно чаще.

Дѣдъ, не знавшій дотолѣ князя и по желанію послѣдняго принявшій его, познакомился съ нимъ, найдя въ немъ милого, любезнаго старика своего времени.

Въ послѣдующій затѣмъ мой пріѣздъ къ Alexandrine я не засталъ мужа ея дома, но отъ этого мнѣ было не легче; она была не одна, ее окружали несносные гости, и я едва успѣлъ перекинуться къ ней нѣсколькими ничего незначащими словами. Въ третій мой пріѣздъ повторилось то же самое. Я началъ приходить въ отчаяніе, думалъ, что никогда не удастся мнѣ остаться съ ней вдвоемъ. По свойственному мнѣ «чутью», о которомъ я уже говорилъ, для меня было ясно, что нравлюсь ей; сердце мое давно ей принадлежало. Но судьба за мое терпѣнье готовила мнѣ награду. Однажды рано утромъ я получилъ отъ князя прелюбезную записку, которой онъ приглашалъ меня въ тотъ же день къ 7-ми часамъ вечера на обѣдъ «запросто».

Я не могъ скрыть своей радости и въ напыщенныхъ выраженіяхъ благодарилъ князя за приглашеніе.

Само собою разумѣется, что я не преминулъ имъ воспользоваться и въ 6^{1/2} часовъ отправился на обѣдъ. Предчувствіе не обмануло меня: у нихъ не было никого изъ постороннихъ, и мы троимъ сѣли за столъ. Разговоръ не умолкалъ ни на минуту. Какъ легко ведется онъ въ присутствіи любимой женщины и когда легко на сердцѣ! Подали шампанское, и мы пили за здоровье другъ друга. По окончаніи обѣда князь, отирая салфеткой свои жирныя губы, обратился ко мнѣ и сказалъ:

— Я съ вами безъ церемоніи, молодой человѣкъ! Прошу васъ, останьтесь побесѣдовать съ женою, а я тѣмъ временемъ часокъ, другой сосну.

По его уходѣ, Alexandrine, взявъ меня за руку, сказала:

— Пойдемте въ мой будуаръ. Тамъ намъ будетъ свободнѣе. Въ немъ я принимаю только друзей,—и свела меня въ нижній этажъ дома.

Будуаръ этотъ отдѣланъ былъ, какъ игрушка, но съ большимъ вкусомъ. Чего-чего не было въ немъ: и мебель разныхъ фасоновъ, и письменный столъ, и этажерки стоящія и висячія, и шкафъ съ книгами. Вездѣ были разставлены и разложены разныя бездѣлушки, столъ цѣнный и столъ необходимыя для каждой свѣтской женщины. Все это освѣщалось мягкимъ полусвѣтомъ китайскаго фонарика, висящаго на потолокѣ.

Разговоръ, столь оживленный наверху, теперь какъ-то не вязался... мы оба чувствовали какую-то неловкость. Я всталъ, чтобъ взять шапку и уйти, но Alexandrine, какъ бы очнувшись, схватила меня за руку и, усаживая около себя на отоманкѣ, проговорила:

— Куда? Не отпускаю! Мужъ, по своему обыкновенію, поѣдетъ вечеромъ въ англійскій клубъ, и мнѣ одной будетъ скучно. Пропу васъ, оставайтесь.

Все это она проговорила прерывающимся голосомъ, торопясь, какъ бы робѣя. Я понялъ, что настала минута, о которой мечталъ, которую ожидалъ такъ давно; понялъ, что слѣдуетъ высказаться или теперь или никогда. При томъ выпитое мною шампанское вторично сослужило мнѣ службу, придавъ мнѣ смѣлости.

Усаживаясь около Alexandrine и не выпуская ея руки, которой она удержала меня, я началъ:

— Зачѣмъ вы удерживаете меня, княгиня? Какое удовольствіе или развлеченіе я могу доставить вамъ собою?

— Ну! это предоставьте рѣшить мнѣ самой.

— Да. А между тѣмъ рѣшеніе ваше,—продолжалъ я, скромно потупивъ глаза,—дорого мнѣ обходится. Пощадите меня!

— Это почему?

— Вы не разсердитесь?

— Нѣтъ! Только говорите правду, одну правду.

— Вы очень хорошо должны знать, что видѣть васъ часто и подолгу нельзя безъ того, чтобъ не увлечься вами, не полюбить васъ, не привязаться къ вамъ всей силой души.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Не притворяйтесь! Не играйте мной! Вы не можете не понимать, какое обаяніе производите на меня. Вашимъ любезнымъ, ласковымъ обращеніемъ, если только оно не притворно, можете свести меня съ ума... Повторяю, не губите меня и, пока еще время, позвольте мнѣ удалиться.

Alexandrine пристально уставила на меня свои большіе глаза, обыкновенно голубые, но въ ту минуту сдѣлавшіеся синими, какъ бы желая заглянуть ими въ самую глубь души моей и прочесть, что тамъ происходитъ.

Промолчавъ съ минуту въ видимой борьбѣ сама съ собою, она съ грустью въ голосѣ произнесла навсегда памятные для меня слова:

— Милый ребенокъ! Но кто сказалъ тебѣ, что я сама п давно не погубила себя, полюбивъ тебя... И съ этимъ вмѣстѣ руки ея обвились около моей шеи... слезы брызнули изъ ея глазъ... и нашъ общій вздохъ слился въ одинъ долгій, долгій поцѣлуй!.. Я онѣмѣлъ отъ радости и нечаянности такого полного счастья... Alexandrine, какъ женщина, первая совлала съ собой. Отшатнувшись отъ меня, чтобъ выйти изъ очарованнаго круга, въ который я втягивалъ ее своими объятіями, она сказала:

— Теперь ты знаешь мою тайну. Дорого она обошлась мнѣ за то, что хранила ее! Не ты, а я умоляю тебя, не погуби меня.

Я бросился цѣловать ея руки, плечи, голову, уши... клялся любить ее вѣчно. Остановивъ мои порывы, она продолжала:

— Не клянись! Останься честнымъ человѣкомъ, и ты поймешь, чего стоитъ мнѣ мое настоящее признаніе! Поймешь и оцѣнишь его.

Что далѣе происходило, не помню. Есть минуты въ жизни, которыя можно чувствовать, но не описать... Душа моя плавала въ восторгѣ; самъ я былъ въ какомъ-то чаду, забытьи...

Вдругъ раздавшійся гдѣ-то вблизи колокольчикъ рѣзкимъ звукомъ отрезвилъ меня. Удивленными глазами я посмотрѣлъ на Alexandrine, какъ бы требуя поясненія. Она поняла мой взглядъ и сказала:

— Не тревожься! Мужъ проснулся и звонить камердинера. Сейчасъ онъ придетъ сюда. Будь благоразуменъ! Сядь вонъ тамъ,— и она указала на дальнее кресло.

Нѣсколько минутъ спустя, вошелъ князь. Вслѣдъ за нимъ внесли чайный приборъ, и Alexandrine принялась хозяйничать. Разговоръ шелъ самый обыкновенный: я болталъ безъ умолку, смѣшилъ старика до слезъ своими разсказами и не понималъ самъ, откуда во мнѣ явилась такая словоохотливость.

Вошедшій слуга доложилъ, что экипажъ стоитъ у подъѣзда. Старикъ всталъ, почтительно поцѣловалъ руку у жены, потомъ подошелъ ко мнѣ и съ чувствомъ сказалъ:

— Всей душой я полюбилъ васъ, молодой человѣкъ. Прошу навѣщать насъ какъ можно чаще.—И затѣмъ вышелъ изъ комнаты.

Для него во все время нашего знакомства я остался «молодымъ человѣкомъ». Онъ, кажется, не помнилъ ни имени моего, ни отчества.

По отѣздѣ князя, я было хотѣлъ подѣсть къ Alexandrine, но она, уклоняясь отъ моихъ объятій, сказала:

— Нѣтъ, милый мой! Сядь противъ меня. Я буду смотрѣть на тебя и въ глазахъ твоихъ искать спокойствія и силы передать исповѣдь моего сердца.

Облокотясь на столъ и подперевъ рукой свою чудную головку, она молчала нѣсколько минутъ, углубившись въ себя и приготовляясь къ предстоящему разсказу. Потомъ начала исторію своей любви.

— Ты, можетъ быть, знаешь уже, что я выдана была замужъ противъ своего желанія, и потому я перейду прямо къ моей семейной жизни. Обыкновенно на лѣто мы уѣзжаемъ въ наши саратовскія имѣнія. Прошлымъ лѣтомъ какая-то невѣдомая сила удержала меня въ Москвѣ. Мнѣ очень не хотѣлось ѣхать въ деревню, между тѣмъ какъ прежде я всегда стремилась туда, чтобы отдохнуть на свободѣ отъ этой свѣтской суеты, которую я ненавижу, подышать чистымъ воздухомъ полей и роцъ, которыя я такъ люблю. Когда я сказала мужу о своемъ нежеланіи оставить Москву, онъ очень обрадовался. Не любя сельскихъ занятій, онъ постоянно скучалъ въ деревнѣ и жилъ въ ней только въ угоду мнѣ, предпочитая го-

родъ. Въ Москвѣ у него свои родина, англійскій клубъ, который онъ посѣщаетъ каждый вечеръ, если только свободенъ отъ занятій.

Потомъ спросила меня:

— Ты вѣришь въ предопредѣленіе?

— Смотря потому, кто представляетъ это предопредѣленіе, и я вѣрю ему съ тѣхъ поръ, какъ узналъ тебя.

— Не смѣйся, милый ребенокъ, и не шути! Я серіозно вѣрю и говорю, что есть предопредѣленіе, иначе чѣмъ объяснить мой послѣдующій рассказъ?

Затѣмъ продолжала:

— Это-то предопредѣленіе и остановило меня, безъ моего вѣдома, въ Москвѣ и указало мнѣ тебя, не знаю, какъ будущее ли мое счастье, котораго я до 24-хъ лѣтъ не испытала еще, или...—но я не далъ договорить ей и жаркимъ поцѣлуемъ остановилъ слова на ея губахъ.

Улыбнувшись какъ-то грустно, она продолжала:

— Говорятъ, полное счастье не подъ силу человѣку, оно убиваетъ его... Неужели и мнѣ готовится такая же участь? Неужели я, только что узнавшая, извѣдавшая все наслажденіе любви, должна пасть подъ ея ударами?

Я бросился къ ней, умолилъ отогнать отъ себя такіа черныя мысли, просилъ не тревожить ни себя ни меня такими грустными предчувствіями, и когда же? Когда мы только что начинаемъ жить!

Приласкавъ меня рукой, Alexandrine сказала:

— Ну, хорошо! Только не прерывай меня, а то я никогда не кончу своей исповѣди. Мнѣ хочется высказать тебѣ все, что я перенесла и испытала, полюбивъ тебя. Слушай.

— Какъ-то въ концѣ іюля мужъ сказалъ мнѣ, что у него сейчасъ былъ Нейдгартъ, вашъ корпусный командиръ, и сказалъ, что завтра назначенъ на Ходынкѣ какой-то смотръ,—какъ у васъ тамъ это называется? церемонный маршъ, что ли?—и предлагаетъ намъ пріѣхать посмотреть на войска. Я охотно согласилась, чтобы чѣмъ нибудь поразнообразить лѣтнюю монотонную жизнь города, при томъ же я никогда не видала конницы въ парадѣ. Наступилъ и счастливый и несчастный вмѣстѣ для меня день, который я и благоговлю за то, что увидѣла тебя, и клянусь, что узнала тебя!

Замѣтивъ мое движеніе прервать ее, она жестомъ руки остановила меня, сказавъ:

— Хорошо, хорошо, молчи! Знаю, что ты хочешь сказать. Я сама себѣ тысячу разъ повторяла то же.

— Нейдгартъ заѣхалъ за нами, и мы вмѣстѣ отправились на Ходынку. Стройность и красивость кавалеріи пріятно поразила глаза мои, въ особенности мнѣ понравились ваши пики съ флюгерами. Нейдгартъ приказалъ своему адъютанту поставить коляску нашу на самомъ лучшемъ мѣстѣ, чтобы мы могли васъ видѣть, а самъ

поѣхалъ къ полкамъ. Адъютантъ указалъ намъ мѣсто, которымъ я сначала осталась не довольна: мнѣ показалось, что оно очень отдалено отъ васъ; но вы сдѣлали какое-то движеніе и очутились вблизи нашей коляски. Нейдгартъ подѣхалъ и сталъ около насъ. Раздалась команда, вы тронулись стройными рядами подъ звуки роговой музыки, которую я такъ люблю. Первымъ шелъ вашъ полкъ; за нимъ послѣднимъ ѣхалъ ты одинъ. Въ первый разъ я мелькомъ взглянула на тебя, залюбовавшись твоею красивою лошадью, которая какъ-то плясала подъ тобой. Но когда вы проходили во второй разъ, я пристально всмотрѣлась въ тебя... Тогда совершилось со мною что-то странное, непонятное... Мнѣ казалось, что гдѣ-то, когда-то еще въ дѣтствѣ моемъ я видѣла тебя, конечно, въ мечтахъ. Ты взглянулъ на меня, и взглядъ твой какъ будто прожогъ меня насквозь. Какое-то чувство сказало мнѣ: вотъ человѣкъ, котораго ты полюбишь!.. Но, скоро очнувшись, я размѣялась такому ребяческому, какъ я думала, ощущенію; я рѣшилась бравировать собою, и если ты еще разъ проѣдешь мимо меня, прямо и дерзко взглянуть тебѣ въ глаза, какъ дѣлаетъ смѣлый мужчина съ призракомъ, его испугавшимъ. Ты проѣхалъ третій разъ, пронесся мимо меня и въ четвертый во весь духъ, какъ метеоръ. Съ каждымъ появленіемъ твоимъ я чувствовала, какъ вся моя сила волн, которую я призывала на помощь себѣ, постепенно оставляла меня, и я подчинялась какому-то невѣдомому страху. Во всемъ этомъ строю я видѣла только тебя одного, и когда ты пронесся мимо меня въ послѣдній разъ, сердце во мнѣ сжалось, я встревожилась за тебя. Моему испуганному воображенію представилось, что ты въ этой бѣшеной скачкѣ упалъ и, раздавленный, окровавленный, умираешь. Отъ страха я была близка къ обмороку... Зажмуривъ глаза, мысленно обратилась къ Богу и шептала: «Господи! спаси его! Спаси моего милаго незнакомца!» Изъ моего тревожнаго забытья вывелъ меня голосъ Нейдгарта, спросившаго: «хорошо ли вамъ было видно?» Не отчѣвая на его вопросъ и находясь подъ вліяніемъ тяготившей меня мысли, я спросила:

— Никто не упалъ? Никто не ушибся?

— Никто. А что?

— Такъ, я спросила. Видя эту скачку, я думала... что... можетъ быть, кто нибудь упалъ!

Нейдгартъ, размѣявшись, сказалъ:

— Вы — жена кавалериста, а не знаете, что скачки нѣтъ на смотрехъ, а есть аллюръ, называемый: карьеръ или маршъ-маршъ.

— Благодарю васъ, я запомню.

— Довольны ли вы остались смотромъ?

— О! очень, очень, генералъ! — отвѣтила я съ поспѣшностью, которая не могла бы укрыться отъ болѣе зоркаго вниманія. — Мнѣ такъ понравилось, что я попрошу васъ доставить мнѣ подобное удовольствіе еще разъ.

— Для васъ собственно на-дняхъ назначу новый смотръ и не премину извѣстить васъ о томъ.

Послѣ этого мы разстались.

Остановившись въ своемъ разсказѣ, Alexandrine спросила меня:

— Ну, а ты, злой ребенокъ, скажи: чувствовалъ ли ты, что среди тысячи людей, смотрѣвшихъ на васъ, было одно сердце, которое билось только для тебя и за тебя?

Взявъ ее за руку и съ чувствомъ поцѣловавъ ее, я отвѣтилъ:

— Обманывать не хочу. Я не только ничего не предчувствовалъ, но даже не замѣтилъ тебя.

Такой откровенный отвѣтъ заслужилъ мнѣ горячій долгій поцѣлуй отъ Alexandrine.

Затѣмъ, опустившись на колѣни и сложивъ пальцы рукъ, какъ на молитвѣ, она съ чувствомъ сказала:

— Одной милости прошу у тебя! Умоляю всѣмъ священнымъ для тебя: никогда ни въ чемъ не обманывай меня. У меня такой характеръ: мнѣ легче выслушать правду, какъ бы она горька ни была, чѣмъ прикрашенную ложь; ее я ненавижу.

Получивъ мое обѣщаніе свято выполнить ея волю, она усѣлась около меня и продолжала:

— Съ того времени образъ твой неотступно преслѣдовалъ меня. Была ли я одна, или въ обществѣ, днемъ или ночью, — ты, какъ живой, стоялъ передъ моими глазами. Я потеряла сонъ и аппетитъ, стала худѣть, оставила всѣ свои привычки, не заглядывала въ свои любимыя книги. И мужъ и знакомые замѣтили происшедшую во мнѣ перемѣну, тревожились, терялись въ догадкахъ... Во мнѣ самой происходила страшная борьба чувства долга съ сильной привязанностью, которая всецѣло овладѣла мною—къ кому? и сама не знала, не зная еще тогда, кто ты мой милый незнакомецъ... Нейдгартъ далъ знать о днѣ назначеннаго имъ второго смотра и обѣщалъ заѣхать за мной. Сначала я рѣшилась было не ѣхать, думая ослабить тѣмъ впечатлѣніе, тобой на меня произведенное, и придумала благовидный къ отказу предлогъ; но, промучившись цѣлую ночь, утромъ назначеннаго дня я сама торопила мужа, чтобъ намъ не опоздать и не заставить дожидать себя Нейдгарта. На этотъ разъ тебя ужъ не было на прежнемъ мѣстѣ — позади всѣхъ. Сначала я было огорчилась, думая, что ты не присуствуешь на смотру; но вскорѣ отыскала тебя впереди солдатъ. Все съ такой же гордой, красивой осанкой ты сидѣлъ на своей красивой лошади. Сердце мое упало. Каждый разъ, какъ ты проѣзжалъ мимо меня, я сильно напрягала зрѣніе, думая магнетизмомъ привлечь на себя твой взоръ. Все напрасно. Ты, неблагодарный, и на этотъ разъ не обратилъ на меня никакого вниманія!.. Послѣ смотра Нейдгартъ сказалъ, что болѣе подобныхъ не будетъ, а будутъ производиться только одни полковныя ученья, нѣкоторыя изъ нихъ

съ пальбой, и если я желаю на нихъ присутствовать, то онъ доставить мнѣ расписаніе, когда и въ какіе часы они будутъ производиться. Я поблагодарила и не отказалась отъ его любезнаго предложенія. Получивъ расписаніе, я положила его на свой письменный столъ и заглядывала въ него чаще, чѣмъ въ свой молитвенникъ. Расписаніе дней и часовъ вашихъ ученій служило и мнѣ порядкомъ моей жизни, по немъ бился пульсъ моего сердца. Разъ въ одно утро я съ мужемъ отправилась на Ходынку, но сильно была разочарована... Тебя я не видала, да и трудно было видѣть. Вы то свертывались въ массу, то развертывались; скакали вправо, влево; опять собирались, опять разсыпались, то исчезали изъ глазъ, то вновь появлялись. На мой вопросъ, что вы дѣлаете,—мужъ отвѣчалъ: «фланкируютъ». Съ досадой я вернулась домой. Нейдгартъ не понялъ меня; онъ думалъ, что я желала видѣть всѣхъ васъ, тогда какъ мнѣ нуженъ былъ одинъ—ты.

Помолчавъ съ минуту, Alexandrine продолжала:

— Измучившись въ напрасной борьбѣ сама съ собой, я, чтобъ заглушить впечатлѣніе, тобою сдѣланное, прибѣгла къ молитвѣ, думая въ ней найти и защиту себѣ и помощь. Не смѣйся надо мной! Мать моя была женщина благочестивая, набожная. Она научила меня, во всѣхъ тяжкихъ случаяхъ, въ борьбѣ съ невзгодами жизни, обращаться за помощью къ Богу, искать утѣшенія въ молитвѣ. Я давно хотѣла посѣтить Троице-Сергіевскую лавру. Мужъ зналъ это и потому нисколько не удивился, когда я сказала ему, что желаю исполнить свое намѣреніе. Но прежде я предполагала ѣхать въ лавру; теперь наложила на себя добровольно искусь и отправилась пѣшкомъ. Для виду экипажъ слѣдовалъ за мной. Со слезами на глазахъ и въ сердцѣ, припавъ къ рактъ св. Сергія, молилась я о своемъ спасеніи; служила молебны объ избавленіи меня отъ искушенія и соблазна... все было напрасно! Въ самую горячую минуту моей молитвы, глядя на ликъ Святителя, я видѣла въ немъ изображеніе тебя... Страсть моя къ тебѣ была сильнѣе всѣхъ убѣжденій, всѣхъ вѣрованій, всѣхъ укоровъ совѣсти... Тогда въ своемъ безсиліи я поняла, что любовь моя есть предопредѣленіе свыше, и что въ борьбѣ съ ней не помогутъ никакія человѣческія усилія. Я рѣшилась болѣе не сопротивляться ей и предоставить жизнь мою теченію потока, се увлекающаго!.. Но кто же былъ ты, мой милый незнакомецъ? Напрасно я искала тебя въ собраніяхъ и театрахъ; искала на всѣхъ общественныхъ удовольствіяхъ. Ты нигдѣ не показывался!.. Впослѣдствіи я узнала, что тебя не было въ Москвѣ. Итакъ мнѣ оставалось самое главное: узнать, кто ты? и имѣешь ли здѣсь кого родныхъ или знакомыхъ? Первое мнѣ было легко, доступно; второе—труднѣе. Въ числѣ моихъ знакомыхъ были и родственники офицеровъ твоего полка. Къ нимъ первымъ я обратилась съ своими разспросами. Мнѣ легко было указать на тебя

по твоему отличительному признаку: ты одинъ въ полку, какъ я замѣтила еще прежде, носить очки, и я узнала не только фамилію, но и имя моего искуителя! Посмотри на кіотъ, образъ твоего Святителя занимаетъ въ немъ первое мѣсто. Ему я молюсь за тебя!.. Оставалось узнать: есть ли у тебя здѣсь родные или знакомые? Эту вторую часть моей программы было, какъ я сказала, выполнить труднѣе; но чего не сдѣлаетъ любящая женщина, когда она того пожелаетъ? Послѣ разныхъ разспросовъ, весьма осторожныхъ, чтобъ не возбудить преждевременно разныхъ предположеній и догадокъ, я узнала, что ты имѣешь дѣда, который, къ несчастію, тогда еще не былъ знакомъ съ мужемъ; узнала, что онъ имѣетъ дочь; какого она происхожденія?—для меня это было все равно. Узнала, что я и она имѣемъ одну общую знакомую Catherine Забѣлину. Къ послѣдней я прибѣгла съ просьбой познакомить меня съ Лизаветой Ивановной и дать мнѣ знать, когда та посѣтитъ ее. Все случилось, какъ я желала, и я увидала тебя. Благословляю судьбу, вложившую въ твое сердце взаимность ко мнѣ. Что будетъ далѣе? Не знаю, да и знать не желаю... Я живу, я счастлива! Болѣе мнѣ ничего не нужно... Теперь ты знаешь все! я твоя!.. Дѣлай со мной, что хочешь!

И, разведя свои руки, Alexandrine обвила ихъ около моей шеи... Такія минуты блаженства два раза не переживаются!..

.
Успокоившись, Alexandrine сказала:

— Не сердись на меня за то, что я еще скажу тебѣ,—не волнуйся. Ты самъ видишь: довольна ли я? счастлива ли я?.. Но повторю, что я упомянула тебѣ. Въ самую лучшую минуту жизни, когда я узнала, что любишь меня, — меня не покидала мысль, что полное счастье не подъ силу мнѣ, что оно убьетъ меня...

— Если такъ, то и я не вынесу его! Что же? Поживемъ... а тамъ... отвѣчалъ я съ жаромъ.

Alexandrine прервала меня:

— Нѣтъ, милушка. Ты—мужчина; тебѣ не въ первый разъ любить женщину!.. Полное счастье можетъ, такъ сказать, помять тебя, но не убить. Для меня же, какъ женщины, въ первый разъ узнавшей всю сладость—любить и быть любимой, съ моей восторженной душой, моимъ впечатлительнымъ характеромъ... я боюсь за себя! Мнѣ не выдержать напора этой любви, этого блаженства!..

Несмотря на всѣ мои увѣренія въ противномъ и на ласки, лицо Alexandrine сохранило на себѣ печать грусти; она смѣялась, но смѣхъ ея былъ подавленъ слезами!.. Увы! предчувствіе не обмануло ея.

.
Въ слѣдующій пріѣздъ мой къ Alexandrine мы условились, какъ устроить наши тайныя свиданія, не возбуждая ни въ комъ подо-

зрѣній. Моя «счастливая звѣзда любви» и въ этомъ мнѣ помогла. Домъ Alexandrine устройствомъ своимъ и расположеніемъ, какъ нельзя лучше, способствовалъ нашимъ намѣреніямъ. Задній «черный дворъ», всегда заставленный запасомъ дровъ, выходилъ въ глухой переулокъ и имѣлъ въ задней стѣнѣ калитку, постоянно запертую на замокъ, ключъ отъ котораго хранился у управителя дома. Далѣе шелъ «чистый» дворъ, на которомъ были выстроены жилыя и холодныя помѣщенія. Съ лѣвой стороны отъ входа высокій брандмауеръ отдѣлялъ отъ сосѣдей. Отъ брандмауера, отступя сажени на двѣ, шли вдоль стѣны конюшни и погреба, входными дверями своими смотрѣвшіе на «чистый» дворъ. Всѣ эти строенія немного не доходили до лѣваго крыла самаго дома, въ которомъ устроены были сѣни и «черная» лѣстница ведущая на женскую половину въ верхній этажъ. Но особенное счастье заключалось въ томъ, что выходная дверь изъ будуарной прямо вела въ сѣни, о которыхъ я говорилъ выше. Въ дверь эту никто не входилъ, и она изнутри была заставлена шкафомъ. Съ моимъ появленіемъ въ домъ шкафъ переставили на другое мѣсто, а дверь скрыли портьерой.

Alexandrine нисколько не задумалась сдѣлать повѣренной нашихъ тайныхъ свиданій свою любимую горничную — Катю. Катя эта была «двойникъ» Полинки моей матери: также безпредѣльно была предана свой барынѣ, да и судьба ихъ была сходна. Какъ и Полинка, Катя съ малолѣтства была назначена въ горничныя къ Alexandrine, вмѣстѣ играли въ куклы, вмѣстѣ и выросли. Эта-то Катя и служила мнѣ путеводителемъ въ моихъ тайныхъ посѣщеніяхъ...

Подъ благовиднымъ предлогомъ былъ вытребованъ отъ управителя ключъ отъ калитки; по немъ слесарь сдѣлалъ такой же. Настоящій былъ возвращенъ по принадлежности, а поддѣльный остался въ рукахъ Кати. Временемъ моихъ тайныхъ пріѣздовъ было назначено 9-ть часовъ вечера, когда вся дворня вмѣстѣ садилась за ужинъ. Знакомъ же, что ничто не препятствуетъ нашему свиданію, служило освѣщеніе. Если по главному фасаду дома окна 2-го этажа горѣли огнями, значило собраніе гостей, и слѣдовательно свиданіе наше откладывалось до другого болѣе удобнаго времени; если же напротивъ въ домѣ царилъ мракъ, и свѣтъ мерцалъ лишь въ окнѣ будуара сквозь спущенныя изъ толстой, густой матеріи занавѣски, это означало, что меня ждутъ. На наши свиданія я всегда ѣздилъ на извозчикѣ, изъ предосторожности, чтобы и свои люди не знали мѣста моихъ вечернихъ посѣщеній. Переодѣтый въ штатское платье, я останавливался на углу улицы, отпускалъ извозчика и далѣе шелъ пѣшкомъ. Увидя, что въ верхнемъ этажѣ дома нѣтъ освѣщенія, и слѣдовательно нѣтъ препятствія къ нашему свиданію, я повертывалъ въ переулокъ и слегка стучалъ три

раза въ калитку. Она тотчасъ же отворялась, и Катя вела меня между сложенными дровами. Потомъ мы входили въ простѣнокъ, образуемый брандмауеромъ и холодными строеніями, круто поворачивали за уголъ и поспѣшно пробѣгали небольшое открытое пространство до сѣней. Изъ сѣней я прямо входилъ въ будуаръ и бросался въ объятія ожидавшей меня Alexandrine.

Изъ этого описанія видно, что опасное мѣсто, которое мнѣ предстояло проходить, было только отъ угла холоднаго строенія до сѣней; весь же прочій путь былъ совершенно закрытъ отъ постороннихъ глазъ. Во всѣ мои посѣщенія мы только одинъ разъ попались на встрѣчу высокому, красивому лакею, который снялъ съ меня шинель въ первый мой пріѣздъ къ князю, и попались на переходѣ отъ угла строенія къ дому. Но вся опасность ограничилась подозрѣніемъ въ безукоризненной репутаціи Кати. Случай этотъ былъ зимою. На мнѣ была надѣта партикулярная шуба и теплая шапка. Завидя лакея, я поднялъ воротникъ шубы и, закрывшись имъ, прошелъ незамеченнымъ. Лакей принялъ меня за любовника Кати, котораго она ведетъ къ себѣ въ свое помѣщеніе, совершенно отдѣльное отъ другихъ. Лакей ухаживалъ за Катей, но безуспѣшно. Завидя ее съ мужчиной, онъ принялъ меня за счастливаго себѣ соперника, но не смѣлъ явно укорять Катю, зная, какъ любить ее барыня, и что ему «крѣпко» достанется, если на него «пожалуются».

Я и Alexandrine много смѣялись надъ Катей и сожалѣли о ея погибшей репутаціи честной дѣвушки.

Въ началѣ мая эскадронъ ушелъ въ Коломну, но я, благодаря протекціи князя, получилъ дозволеніе начальника дивизіи остаться въ Москвѣ до прихода полка на маневры, т. е. до половины іюля. Бѣдный слѣпой мужъ! Онъ привязался ко мнѣ душой и скучалъ, если долго не видалъ меня.

Я зажилъ новой, вполне счастливой жизнью, черпалъ въ ней наслажденіе полной рукой. Ни одно облачко не затѣняло свѣтлаго, яснаго горизонта нашей любви! Я «катался, какъ сыръ въ маслѣ».

Въ обществѣ Alexandrine держала себя превосходно; со всѣми была одинаково ровна въ обращеніи, при другихъ мнѣ не оказывала никакого предпочтенія. Смотря на эту красивую, гордую женщину, съ такимъ достоинствомъ поддерживающую свое видное положеніе въ свѣтѣ, нельзя было и заподозрѣть, что есть счастливый обладатель такого неоцѣннаго сокровища!.. Часто я наединѣ высказывалъ ей свое удивленіе къ такому необыкновенному такту. Смѣясь она всегда отвѣчала мнѣ:

— Милый ребенокъ! Ты еще не знаешь, на что способна женщина, которая любитъ такъ сильно, какъ я. Трудное для другихъ — для меня игрушка!

Вся жизнь моя сосредоточилась въ этой сферѣ, свѣтиломъ которой была Alexandrine. Въ этой сферы я прозябалъ, жилъ какъ-то вяло, лѣнливо! Весь я былъ проникнутъ однимъ желаніемъ, однимъ стремленіемъ быть достойнымъ блаженства, мнѣ даруемаго. Ни одна продолжительная мысль, ни одинъ дурной помыселъ не волновали меня, не имѣли во мнѣ мѣста; и я, очищенный, освященный любовью, жилъ только воспоминаніями отъ одного свиданія до другого...

Чѣмъ далѣе мы подвигались по пути нашей любви, тѣмъ болѣе Alexandrine теряла свое благоразуміе, бывшее предметомъ моего удивленія. Она начала тяготиться свѣтскими приличіями, мѣшающими нашимъ частымъ свиданьямъ наединѣ; тяготиться маской равнодушія, которую она должно была носить при другихъ въ отношеніи ко мнѣ. Стала вести жизнь болѣе уединенную; пренебрегать своимъ многочисленнымъ знакомствомъ. Я видѣлъ, что воспріимчивое воображеніе ея наэкзальтировано прочитанными французскими романами, которые подъ блестящимъ лоскомъ занимательности слога скрываютъ въ себѣ тонкій ядъ, незамѣтно вливающийся въ душу и развращающій воображеніе, видѣлъ, что изъ сильной привязанности ко мнѣ, она готова на всѣ безразсудства, готова пренебречь спокойствіемъ семейной жизни, мнѣніемъ свѣта, что при ея видномъ положеніи въ обществѣ не могло не отразиться съ полнымъ для нея вредомъ, и потому на мнѣ лежала обязанность оберегать ея доброе имя, отстранить и самую тѣнь сомнѣнія въ чистотѣ ея ноступковъ; и я дѣлалъ все, что могъ, чтобъ охранить мое сокровище отъ неблагоразумія и рѣшительныхъ дѣйствій, которыя могли бы заслужить ей укоръ отъ другихъ.

XX.

Гулянье въ Петровскомъ паркѣ. — Моя поѣздка туда съ дѣдомъ. — Alexandrine амазонкой. — Корпусный командиръ. Нейдгартъ. — Московскій оберъ-полицеймейстеръ. Цинскій. — Полковникъ Вережагинъ. — Приказаніе Цинскаго арестовать меня, отмѣна этого приказанія и жалоба на меня корпусному командиру. — Мой разговоръ съ начальникомъ дивизіи. — Домашній арестъ, посѣщеніе меня мужемъ Alexandrine и его заступничество. — Отправленіе полка на маневры. — Смотръ и присутствіе на немъ Alexandrine.

Наступило 1-е іюля, — день, стоившій Alexandrine слезъ, пролитыхъ въ первый разъ изъ-за меня; но такія слезы пріятны для любимаго человѣка.

1-го іюля Москва праздновала тезоименитство императрицы Александры Ѳеодоровны и собиралась для вечерняго гулянья въ Петровскій паркъ.

Дѣдъ мой имѣлъ близъ парка дачу, въ то время еще не вполне отстроенную. Отправляясь на гулянье не столько для развлечения, сколько для осмотра работъ на дачѣ, онъ и меня пригласилъ съ собой. Я тоже собирался въ паркъ, но собственно для гулянья, зная, что на немъ будетъ Alexandrine, и потому съ благодарностью принялъ предложеніе дѣда; вмѣстѣ съ тѣмъ распорядился, чтобы туда же пріѣхалъ мой экипажъ, и привели моего «Брильянта», такъ какъ на загородныхъ прогулкахъ дозволено было ѣздить верхомъ.

Пріѣхали мы въ паркъ довольно рано; была толпа народа, но лучшее высшее московское общество еще не собралось. Пока я съ дѣдомъ ходилъ по постройкамъ, привели «Брильянта». Напившись чаю, я верхомъ отправился въ паркъ. Былъ часъ 9-й вечера. Солнце садилось. Изъ рощи вѣяло сырой прохладой, смѣшанной съ запахомъ скошенной травы. Наступила настоящая пора аристократическаго гулянья. По пути къ парку мнѣ стали попадаться блестящіе экипажи съ не менѣе блестящими въ нихъ дамами. Но между ними не было Alexandrine. Вѣхавъ въ главную аллею, я издали еще увидѣлъ группу всадниковъ, состоящую изъ амазонокъ и ихъ кавалеровъ. Ничего не предчувствуя и отыскивая только свою Alexandrine, я не обратилъ вниманія на эту кавалькаду и ѣхалъ прерывисто, шагомъ, осматриваясь направо и налево и ища въ гуляющихъ пѣшеходахъ мое сокровище. Приблизившись къ кавалькадѣ, я былъ пораженъ, услыша слишкомъ знакомый мнѣ голосъ, произнесшій:

— Здравствуйте!

Поднявъ глаза, я остолбенѣлъ. Передо мной на лошади была Alexandrine, одѣтая въ костюмъ амазонки. Никогда, ни прежде, ни послѣ, я не видалъ ее, обыкновенно столь красивую, — прелестнѣе тогдашняго... Амазонка, изъ какой-то матеріи стального цвѣта, ловко и красиво обтягивала ея граціозную, гибкую талію, отчетливо обозначая всѣ ея роскошные контуры. На головѣ сѣрая, пуховая мункетерка, съ откиднымъ вуалемъ и длиннымъ страусовымъ перомъ: все подъ цвѣтъ амазонки, — надѣта была нѣсколько на бокъ. Ея мягкіе свѣтлорусые волосы спереди были заплетены въ косички и окаймляли ея розовое личико. Миндалевидные глаза ея какъ-то пріятно въ оконечностяхъ своихъ сузились, образуя мягкія складки на вискахъ. Маленькій ротикъ сложился въ улыбку, подсмотрѣнную и перенятую ею у Психеи; блеснули ея ровные, жемчужные зубы. Розовыя ноздри правильнаго греческаго профиля ея носика нѣсколько раздулись отъ скорой верховой ѣзды. Ея маленькая ручка въ перчаткѣ граціозно держала поводья, и самая ея лошадь, какъ бы понимая всю цѣну своей всадницы, гордо загнула шею и была отъ нетерпѣнья, что стоитъ на мѣстѣ, копытомъ о землю. Вся фигура Alexandrine была

такъ изящна, такъ воздушна, что при видѣ ея я едва-едва не измѣнилъ себѣ, у меня готово было вырваться восклицаніе: «Прелесть моя! Божество мое! Преклоняюсь передъ тобой!» Но, вмѣсто этого поэтическаго восторга, вышла изъ меня пресмѣшная фигура, пораженная ея красотой и сдержанная въ границахъ приличія окружающей ея толпой. Вмѣсто колѣнопреклоненія передъ моимъ идоломъ я весьма прозаично поклонился ей по-военному, т.-е. приложилъ руку къ козырьку своей шапки...

Alexandrine приготовила мнѣ этотъ сюрпризъ. Наканунѣ сказавъ, что увидить меня на гуляньѣ, она не сказала, что будетъ одѣта амазонкой; я же и не подозревалъ, что она ѣздитъ верхомъ: въ разговорахъ нашихъ никогда и помину не было о томъ. Какъ женщина, Alexandrine не могла не знать, какъ она очаровательна въ этомъ костюмѣ! Какъ кокетка, но, спѣшу оговориться, какъ кокетка въ благородномъ смыслѣ этого слова: кокетство для женщины то же, что самолюбіе мужчины,—она скрыла отъ меня свое намѣреніе, чтобы поразить нечаянностью, и вполне достигла своей цѣли. Въ глазахъ ея, выраженіе которыхъ я изучилъ до мельчайшихъ подробностей, прочелъ и радость встрѣчи, и довольство произведеннымъ на меня впечатлѣніемъ, и завѣреніе, что все это предпринято было для меня, только для одного меня...

Отрезвившись нѣсколько отъ обаянія красоты Alexandrine, я увидѣлъ, что въ числѣ всадниковъ, ее окружающихъ, находился нашъ корпусный командиръ, Нейдгартъ. Присутствіе его въ такую минуту сильно меня стѣсняло, сдерживая въ почтительномъ отдаленіи отъ существа, столь мнѣ дорогого. Въ то время военная дисциплина была развита до величайшихъ размѣровъ. Уваженіе къ начальству должно было оказываться не только во фронтѣ или вообще по службѣ, но вносилось и въ общество. При входѣ, на примѣръ, начальника въ гостиную офицеръ долженъ былъ встать съ мѣста и садился не иначе, какъ съ его разрѣшенія.

Князь, бывший тоже верхомъ, но стоявшій нѣсколько поодаль, не вмѣшиваясь въ толпу, окружавшую его жену, подѣхалъ ко мнѣ и со своей сладенькой, старческой улыбкой пожалъ мою руку. Вся кавалькада, между тѣмъ, тронулась; вслѣдъ за нею и я съ княземъ. Милая, дорогая Alexandrine безпрестанно оборачивалась къ мужу, чтобы сказать ему что нибудь; но я очень хорошо понималъ, что все это дѣлалось съ единственной цѣлью — выказать мнѣ все ея вниманіе. То говорили мнѣ ея глаза, вскользь устремлявшіеся на меня.

Опасаясь, съ одной стороны, чтобы такое необыкновенное «вниманіе» къ мужу не возбудило въ немъ подозрѣній; съ другой — наскучивъ упрямымъ присутствіемъ Нейдгарта, котораго я думалъ переждать; и видя, что нѣтъ никакой возможности приблизиться къ Alexandrine, я съ скрытой досадой распростился съ обществомъ.

Такъ какъ на гулянье меня привело только присутствіе Alexandrine, то, потерпѣвъ неудачу въ своихъ ожиданіяхъ, я повернулъ свою лошадь по направленію къ дачѣ дѣда, гдѣ и просидѣлъ съ нимъ до 11-ти часовъ ночи.

Дѣдъ, отъѣзжая въ Москву, просилъ меня остаться — посмотреть за людьми, чтобы при укладкѣ чайнаго прибора не заронили огня въ валявшіяся вездѣ и еще не убранныя стружки отъ постройки.

Уложивъ при себѣ всѣ вещи и отпустивъ людей, я и самъ поѣхалъ въ Москву. Было 12 часовъ ночи. Гулянье хотя еще и не прекратилось вполне, но горѣвшія площадки мѣстами уже погасли; жандармы, смотрѣвшіе за порядкомъ, стягивались изъ всѣхъ мѣстъ и строились, чтобы слѣдовать въ свои казармы. Видимо было, что гулянье приходило къ концу.

Путь мой лежалъ по главной аллеѣ, гдѣ еще кружились запоздалые экипажи съ публикой. Въѣхавъ въ «веревку», то-есть, кругъ, образуемый экипажами, я потянулся за ними шагомъ и на поворотѣ, ведущемъ въ Москву, сказалъ своему кучеру:

— Налѣво!

— Не смѣть! — отозвался начальническимъ тономъ голосъ изъ группы всадниковъ, которыхъ за темнотой я сначала и не примѣтилъ.

Не обращая вниманія на произнесенныя слова, я повторилъ кучеру громко приказаніе:

— Возьми налѣво.

И когда онъ, исполняя мой приказъ, свернулъ налѣво, изъ темноты послышался вновь голосъ:

— Стой!

Вмѣстѣ съ тѣмъ передъ моими дрожками очутились два жандарма и преградили мнѣ путь. Послышался скокъ лошадей, и вскорѣ я очутился лицомъ къ лицу съ московскимъ оберъ-полицеймейстеромъ, свиты его императорскаго величества генералъ-майоромъ Цинскимъ.

Съ крикомъ онъ спросилъ меня:

— Какъ ваша фамилія?

Въ то время у военныхъ существовало недоброжелательство, какая-то непріязнь къ полиціи вообще. Непріязнь эта высказывалась при малѣйшемъ столкновеніи съ послѣдней.

Оскорбленный громкимъ голосомъ Цинскаго, я отвѣтилъ:

— Генералъ! Если вы спросите меня, я скажу вамъ мою фамилію, не видя причины скрывать ее; но если вы будете кричать на меня, то ничего не узнаете.

— Какъ вы смѣете нарушать полицейскій порядокъ?

— Чѣмъ?

— Вы выѣхали самовольно изъ «веревки».

— Да, я выѣхалъ изъ веревки, только «не самовольно», какъ вы выразились, но съ полнымъ сознаниемъ моего права. Возвращаясь домой, я попалъ въ «веревку», слѣдовалъ ей, пока не доѣхалъ до поворота. Видя, что путь открытъ, я свернулъ на него, когда вы остановили меня. Изъ этого вы видите, что дѣло происходило довольно просто, безъ всякаго своевольства съ моей стороны.

— Вы еще разсуждаете?

— Да. Вы сами вызвали меня на то. Я только отвѣчаю на ваши вопросы.

Тогда Цинскій, обратившись къ одному изъ полицеймейстеровъ, его окружавшихъ, сказалъ:

— Полковникъ Верещагинъ! Отвезите офицера въ комендантскую и скажите, что вслѣдъ за вами и я прибуду.

Верещагинъ, добрый старикъ, какимъ мы всѣ знали его, слѣзъ съ лошади и, сядя съ своей экипажъ, пригласилъ меня сѣсть съ собой, а моимъ дрожкамъ приказалъ слѣдовать за нами.

Я, молча, повиновался. Когда мы тронулись, Верещагинъ сказалъ:

— И-ихъ, молодой человѣкъ! Цинскій нашъ «горячка», напрасно вы раздражили его вашими отвѣтами. Сказали бы свою фамилію, — тѣмъ бы дѣло и кончилось! А теперь завязалась исторія, за которую вамъ, навѣрно, достанется отъ начальства.

— Спроси меня, я бы сказалъ ему мою фамилію, — отвѣчалъ я. — Но кричать на себя кому бы то ни было я не позволю. Что же касается до моего начальства, то я вполнѣ спокоенъ: оно разсудитъ насъ. А вотъ вы лучше объясните мнѣ: по какому праву вашъ Цинскій арестовалъ меня? Я не квартальный, въ полиціи не служу и ему никакъ не подчиненъ. Что онъ носитъ генеральскіе эполеты и состоитъ въ свитѣ государя? Но это самое и налагало на него обязанность — знать порядокъ службы, и если находилъ меня въ чемъ либо виновнымъ, то о взысканіи съ меня долженъ былъ отнестись къ моему начальству, а не самому распоряжаться моимъ наказаніемъ. Вы сами человѣкъ военный, понимаете меня!

Не знаю, что готовился отвѣтить мнѣ Верещагинъ, но послышавшійся торопливый скокъ лошадей остановилъ его слова. Насъ догналъ жандармскій офицеръ и передалъ Верещагину приказаніе Цинскаго отпустить меня, такъ какъ онъ узналъ мою фамилію. Сохраняя доселѣ хладнокровіе, я болѣе не выдержалъ. Моя горячая натура взяла верхъ надъ самообладаніемъ. Обращаясь къ Верещагину, я сказалъ:

— Нѣтъ, полковникъ! Дѣла этого такъ оставить нельзя! Везите меня или въ комендантскую, или назадъ къ Цинскому.

Верещагинъ, покачавъ головой, приказалъ кучеру своему повернуть назадъ. Вскорѣ мы очутились передъ Цинскимъ, все еще сидѣвшимъ на лошади и окруженнымъ своими клевретами.

Выйдя изъ экипажа и приблизясь къ Цинскому, я сильно взволнованнымъ голосомъ сказалъ:

— Зачѣмъ, генералъ, вы перемѣнили ваше распоряженіе? Не думали ли вы только напугать меня? Не приняли ли меня за мальчика, или, что еще хуже, за игрушку? Ошибаетесь! Офицеръ русской арміи никому не позволить играть собою безнаказанно.

При этомъ я сдѣлалъ невольное движеніе впередъ, безъ всякой задней мысли или злого умысла.

Цинскій, битый нѣсколько разъ и студентами, и своими квартальными, въ моемъ движеніи, вѣроятно, видѣлъ для себя нѣчто угрожающее. Не говоря ни слова, онъ быстро повернулъ свою лошадь и ускакалъ.

Утро слѣдующаго дня готовило мнѣ большую непріятность.

Отъ сладкихъ грезъ, навѣянныхъ на меня вчерашнимъ очаровательнымъ свиданіемъ, я былъ пробужденъ моимъ слугой, подавшимъ мнѣ конвертъ. Въ немъ заключалось приказаніе явиться въ 11 часовъ утра къ начальнику дивизіи. Такой необыкновенный приказъ удивилъ меня. Я догадался, что тутъ есть Цинскій, и не ошибся.

Начальникъ дивизіи всегда ко мнѣ ласковый, встрѣтилъ меня съ строгимъ выраженіемъ въ лицѣ и спросилъ:

— Что вы тамъ надѣлали на гуляньѣ 1-го іюля? Я получилъ отъ корпуснаго командира рапортъ къ нему Цинскаго, въ которомъ послѣдній доноситъ, что вы нарушили полицейскій порядокъ, были одѣты не по формѣ и въ нетрезвомъ видѣ наговорили ему дерзостей.

Отъ послѣднихъ словъ я вспыхнулъ: такая наглая ложъ возмутила меня. Объяснивъ, въ чемъ, по мнѣнію Цинскаго, заключалось нарушеніе мной порядка, я прибавилъ:

— Отступленіе отъ формы состояло въ томъ, что я возвращался съ гулянья въ фуражкѣ, на что я имѣлъ право, такъ какъ торжество дня уже кончилось, и офицерамъ за городомъ дозволено носить фуражки. Что же касается до моего нетрезваго состоянія, то это чистая ложъ. Удивляюсь, какъ не стыдно генералу Цинскому прибѣгать къ такой низкой клеветѣ? Ссылаюсь на васъ самихъ, ваше превосходительство! Видѣли ли, или слышали ли вы что нибудь обо мнѣ подобное! Я имѣю много недостатковъ, но и самый злѣйшій мой врагъ не скажетъ, чтобъ я предавался пьянству. Ссылаюсь и на свидѣтельство моего полкового командира: онъ навѣрно не покроетъ моей слабости, если я имѣю ее. Г. Цинскій, понимая всю неправоту своего со мной поступка и сознавая неумѣстность своего первоначальнаго распоряженія относительно отправки въ комендантскую, думаетъ, вѣроятно, что ваше превосходительство признаете справедливымъ не вступаться за офицера, уронившаго достоинство свое пьянствомъ.

— Ну, а въ чемъ состояла ваша грубость? Скажите мнѣ всю правду.

Я передалъ весь происшедшій разговоръ.

Гельфрейхъ продолжалъ:

— Больше ничего не было?

— Ничего, ваше превосходительство!

— Честное слово?

— Честное слово!

— Я такъ и думалъ. Корпусный командиръ предписываетъ васъ отправить подъ арестъ на главную гауптвахту, но я беру на себя отмѣнить такое распоряженіе и назначаю состоять вамъ подъ «домашнимъ арестомъ», впредь до особаго приказанія. Вотъ возьмите рапортъ Цинскаго, напишите скорѣе противъ него объясненіе. Отправляйтесь въ казармы.

Я забылъ сказать, что въ началѣ моихъ свиданій съ Alexandrine я оставилъ домъ дѣда подъ тѣмъ предлогомъ, что ученія наши производятся рано утромъ, и выѣздами моими на нихъ я буду беспокоить его, въ сущности же для того, чтобы скрыть мои почти ежедневныя вечернія свиданія. Отъ прозорливости дѣда, какъ опытнаго «ходока» въ подобныхъ дѣлахъ, трудно было бы утаить причину моихъ ночныхъ отлучекъ; при томъ одного моего переодѣванья въ штатское платье было слишкомъ достаточно, чтобы возбудить въ немъ подозрѣнія. А мнѣ всячески хотѣлось скрыть отъ нескромнаго взгляда постороннихъ мои походы.

Возвратясь въ казармы, я нашелъ у себя посланнаго князя съ приглашеніемъ отобѣдать у него въ тотъ же день. Написавъ въ отвѣтъ, что по рапорту на меня Цинскаго я арестованъ и потому, къ сожалѣнію, не могу воспользоваться его любезнымъ приглашеніемъ, и, отправивъ посланнаго, принялся за свое объясненіе. Переписавъ набѣло, я послалъ его начальнику дивизіи и сталъ ожидать окончанія дальнѣйшей своей участи.

Вечеромъ передъ поѣздкой въ клубъ князь заѣхалъ ко мнѣ, чтобы узнать въ подробности мое столкновеніе съ Цинскимъ, о которомъ я слегка упомянулъ въ моей къ нему утренней запискѣ. Узнавъ, въ чемъ дѣло, и выругавъ Цинскаго непечатными словами, князь на прощанье, пожимая мнѣ руку, сказалъ:

— Ты, mon cher, не тревожься! какъ нибудь да отстоимъ тебя!

Вслѣдъ за его отъѣздомъ явилась ко мнѣ вѣрная Катя съ запиской отъ Alexandrine и, передавая ее, объявила, что барыня «заливается слезами».

Читая записку, я не узнавалъ своей Alexandrine. Она, обыкновенно выражавшая свои мысли такъ ясно, такъ краснорѣчиво, писала безъ всякой связи, сбивчиво. Замѣтно было, что въ каждомъ ея словѣ проглядывали: сильная душевная тревога, опасеніе и страхъ за меня. На нѣкоторыхъ мѣстахъ записки виднѣлись слѣды ея

слезъ. Она умоляла позволить ей самой прїѣхать ко мнѣ, и что она сдѣлала бы это и сама, но боится такимъ рѣшительнымъ поступкомъ «разсердить» меня. Въ этомъ словѣ она вполне высказала свое любящее сердце! Она не побоялась своимъ прїѣздомъ навсегда погубить себя въ мнѣніи свѣта, потерять значеніе и вѣсь, которые она имѣла въ обществѣ, и остановилась только изъ «боязни разсердить меня».

Успокоивая ее въ своемъ отвѣтѣ, насколько могъ, я писалъ, что вѣрю въ свою «счастливую звѣзду», надѣюсь на благопріятный исходъ своего поступка, и настоящее наказаніе мое несу терпѣливо, крѣпкій ея привязанностью. Но умолялъ оставить свое безразсудное намѣреніе навѣститъ меня, какъ слишкомъ рискованное; въ противномъ случаѣ, грозилъ не только разсердиться, но и не принять ея.

Прошелъ еще день моего ареста, и вечеромъ вѣрный посланный Катя подала мнѣ новую записку. Называя меня жестокимъ, укоряя меня въ холодности и какомъ-то, по ея мнѣнію, разсчитанномъ эгоизмѣ за то, что я не согласился на ея прїѣздъ ко мнѣ, Alexandrine писала, что болѣе не въ силахъ переносить такихъ мученій, что она близка къ сумасшествію... Катя съ своей стороны добавила, что барыня ея слегла въ постель, съ ней начинался жаръ и бредъ, въ которомъ она безпрестанно призываетъ меня. Положеніе становилось опаснымъ. Неосторожныя слова, сказанныя въ забытіи и подслушанныя посторонними, могли открыть то, что доселѣ сохранялось съ такимъ искусствомъ и стараніемъ, могли и навсегда лишить насъ обоюднаго счастья. Не менѣе того, во мнѣ было сильное желаніе взглянуть на Alexandrine.

Я рѣшился!

Два дня спустя, начальникъ дивизіи прїѣхалъ на Колымажный дворъ. Потребовавъ меня въ манежъ, онъ объяснилъ, что арестъ мой конченъ, а самое дѣло обо мнѣ «предано забвенію, во вниманіе сильнаго за васъ ходатайства»,—прибавилъ онъ съ улыбкой.

Впослѣдствіи я узналъ, что Alexandrine пристала къ мужу, посылая его къ корпусному командиру просить за меня, на что князь согласился тѣмъ охотнѣе, что самъ принималъ во мнѣ горячее участіе, за что и получилъ поцѣлуй отъ жены прямо въ свои толстыя губы, чего не случалось ни разу съ тѣхъ поръ, какъ Alexandrine полюбила меня.

Нейдгартъ, выслушавъ энергическое заступничество за меня князя, отвѣчалъ, что еще прежде ходатайствовалъ обо мнѣ Гельфрейхъ, и что, вполне понимая придирку ко мнѣ Цинскаго, онъ ради приличія и только для виду оставить меня подъ домашнимъ арестомъ, который, впрочемъ, окончится завтра же, и дѣло мое дальше не пойдетъ.

Въ половинѣ іюля полкъ нашъ пришелъ на «маневры», и я долженъ былъ уѣхать въ свой 8-й эскадронъ, расположенный въ селеніи верстахъ въ 10-ти отъ Москвы. Напи «тайныя» свиданія прекратились до болѣе благопріятнаго времени.

Наканунѣ смотра, вѣрный своему обѣщанію, я отправился къ Alexandrine съ «официальнымъ», какъ я называю, визитомъ, т.-е. днемъ я входилъ въ домъ не украдкой и прикрытый полумракомъ ночи, но смѣло, явно. По приглашенію князя я остался у нихъ обѣдать. За столомъ я, какъ бы мимоходомъ, вскользь, упомянулъ въ разговорѣ, что назавтра назначенъ намъ смотръ.

Князь сказалъ, что Нейдгартъ предупредилъ уже ихъ о томъ, при чемъ, запивая виномъ пулярдку, начиненную трюфелями, прибавилъ:

— Я вѣдь старая военная косточка; люблю парады. Молодѣю, когда посмотрю на кавалерію. Но я чему радъ? Alexandrine тоже находитъ съ нѣкотораго времени удовольствіе въ смотрахъ. Завтра мы непременно поѣдемъ. Не правда ли, Alexandrine?

Та въ отвѣтъ только кивнула головой. Я взглянулъ на нее: при добродушномъ замѣчаніи мужа, на концахъ ея маленькаго ротика съ сжатыми губами играла коварная улыбка.

Мужъ, ничего не примѣчая и обращаясь ко мнѣ, продолжалъ:

— Но я радъ еще болѣе, что въ ней пропала охота къ деревенской жизни. А то посудите сами! По нашимъ сквернѣйшимъ дорогамъ, грязнымъ, дурно устроеннымъ гостиницамъ, въ которыхъ и поѣсть порядочно нельзя, тащимся въ дальнія Саратовскія степи. «Въ глушь, Саратовъ!»—по мѣткому выраженію Грибоѣдова! Вѣдь это подвигъ! Въ нѣкоторомъ смыслѣ значить «походъ сломать».

Я вполне съ нимъ согласился.

Послѣ обѣда князь, по обыкновенію, ушелъ къ себѣ отдыхать. Я, тоже по обыкновенію, спустился съ Alexandrine внизъ, въ ея всегда уютный, свѣтлый, уставленный рѣдкими цвѣтами будуаръ.

На другой день, къ назначенному времени, полки дивизіи собрались на Ходынкѣ. Время было ясное, прохладное; шедшій цѣлую ночь дождь прибилъ пыль, освѣжилъ воздухъ. Казалось, сама природа приумыслась и принарядилась къ предстоящему смотру. Передъ началомъ смотра нашъ полковой командиръ, князь Ливенъ, какъ бы отгадавъ мое тайное желаніе, назначилъ меня въ «замокъ» полка, или, какъ говорила Alexandrine, на своемъ оригинальномъ языкѣ, «поставилъ меня послѣднимъ человекомъ». Для незнающихъ кавалерійской службы поясню, что въ «замокъ полка» всегда ставятъ лучшихъ офицеровъ, чтобы послѣднее впечатлѣніе, производимое полкомъ, было для него благопріятно. Такого почета я часто удо-

стоивался не столько за свое искусство верховой ѣзды, сколько благодаря моему «Брильянту». По своему «высокому» красивому ходу онъ дѣйствительно бросался въ глаза, какъ брильянтъ!

Глаза мои вперились на дорогу, ведущую изъ Москвы. Вотъ показалась знакомая мнѣ коляска... подъѣхала... остановилась... Но что за чудо? Изъ нея вышелъ корпусный командиръ. Раздалась команда: «смирно!». Но гдѣ же князь? и кто эта дама, оставшаяся въ экипажѣ, черты лица которой, за дальностью разстоянія, я не могъ разсмотрѣть? Неужели Alexandrine приѣхала одна?.. Дальнѣйшія мои размышленія и догадки были прерваны движеніями построения полка.

Начался церемоніальный маршъ.

Приближаясь къ коляскѣ, около которой сталъ Нейдгартъ... всматриваюсь... да, дѣйствительно, то — Alexandrine? Но гдѣ же князь?

Поровнявшись съ Alexandrine, я слегка поклонился ей. При видѣ меня, она своими маленькими рученками въ перчаткахъ захлопала въ ладоши. Милое ея личико просіяло улыбкой...

Я проѣхалъ.

Аллюры въ церемоніальныхъ маршахъ при проходѣ полка передъ начальникомъ обыкновенно слѣдуютъ въ такомъ порядкѣ: шагомъ, рысью, иногда удвоенной рысью, галопомъ и въ карьеръ, т.-е. маршъ-маршъ.

На настоящемъ смотру начальникомъ моимъ была Alexandrine, и я парадировалъ, проходя мимо нея, на всѣхъ аллюрахъ. При движеніи рысью и въ галопъ взоры наши каждый разъ встрѣчались, и мы обмѣнивались улыбкой; но когда я пронесся мимо нея на карьерѣ, она закрыла глаза обѣими руками.

По окончаніи смотра подбѣжалъ ко мнѣ знакомый красивый лакей ея, Василій, и проговорилъ:

— Ея сіятельство приказали просить васъ подъѣхать къ нимъ верхомъ на лошади.

Испросивъ позволеніе полкового командира отлучиться отъ своего мѣста, я, подобравъ своего коня, на курцъ-галопѣ подъѣхалъ къ коляскѣ. Словами Alexandrine выразила мнѣ свое удовольствіе, доставленное ей смотромъ, болѣе ничего она не могла сказать мнѣ въ присутствіи кучера и подошедшаго лакея, но взгляды ея говорилъ мнѣ много... Высунувшись изъ коляски, она своей маленькой рученкой гладила и трепала по шеѣ «Брильянта», а онъ, негодяй, видя ея сѣрыхъ въ яблокахъ лошадей, по своей скверной привычкѣ, такъ и рвался, чтобы вцѣпиться въ нихъ.

На прощанье, подавая мнѣ руку, Alexandrine сказала по-французски:

— Ce soir, viens me voir inmanquablement; j'ai à te parler.

Возвратясь къ полку, я былъ окруженъ офицерами съ разспросами: кто эта дама?

Москвичи, знавшие Alexandrine, ее назвали.

Послышались возгласы: какая хорошенькая! какой ты счастливчик! и т. п. Самъ князь Ливенъ, прислушавшись къ говору, не смотря на свою обычную важность, улыбаясь, сказалъ мнѣ:

— Я не зналъ, что вы знакомы съ княгиней. Въ первый разъ, какъ ее увижу, передамъ ей, что она бросила между офицерами яблоко раздора.

Сердце во мнѣ прыгало отъ радости.

.....

XXI.

Мои столкновѣнія съ московской полиціей.—И и мой товарищъ Забѣльскій на купеческомъ свадебномъ балѣ.—Картежный вечеръ.—Непріятное происшествіе.—Адъютантство у полковника Воробьева.—Царскій смотръ.—Простуда.—Внимательность мужа Alexandrine.—Видѣніе.—Мое безпокойство о здоровьѣ Alexandrine.

1836 годъ былъ «очень удаченъ» для пріобрѣтенія моей, своего рода, популярности въ средѣ московской полиціи. Началомъ тому, съ легкой руки, послужила моя исторія съ Цинскимъ.

У меня была «тройка» гнѣдыхъ «казанокъ». Извѣстно свойство этихъ «степныхъ» лошадей. Бѣгутъ онѣ спокойно 10—15 верстъ, а потомъ вдругъ безъ всякой, повидимому, причины начинаютъ «бить». Такъ было и со мной. По праву ѣздить по Москвѣ на «тройкѣ», предоставленному офицерамъ, квартирующимъ за городомъ, я въ концѣ іюля пріѣхалъ въ Москву на дрожкахъ, запряженныхъ «тройкой» моихъ казанокъ. Побывавъ во многихъ мѣстахъ города, гдѣ мнѣ было нужно, я направился къ дѣду. Лошадки все время бѣжали очень смирно; но на поворотѣ изъ Леонтьевского переулка на Большую Никитскую, вѣрныя своей природѣ, понесли. Остановить ихъ могли только тѣмъ, что пристяжные, вскочивъ на тротуаръ, повлекли за собой дрожки, и передняя ось уперлась въ чугунную тумбу. Пока кучеръ оправлялъ сбрую, явилась по обыкновенію толпа любопытныхъ, остановившихся «поглазѣть» на даровое зрѣлище. Между ними очутился квартальный, какъ бы выросшій изъ земли.

Подойдя ко мнѣ, онъ очень вѣжливо спросилъ:

— Позвольте узнать вашу фамилію?

— Зачѣмъ вамъ?

— А какъ же-съ! Случилось съ вами происшествіе: разбили лошади. Я обязанъ донести начальству, для свѣдѣнія оберъ-полицеймейстера.

— Нечего вамъ дѣлать, если вы занимаетесь такими пустяками.

— Что дѣлать-съ! Наше дѣло подначальное! Что прикажутъ, то и исполняемъ.

— Фамилія моя Мамаевъ.

— Ахъ! Такъ это вы будете господинъ Мамаевъ! Мы васъ знаемъ.

— Чему я обязанъ такой честью?—спросилъ я съ усмѣшкой.

— А вашей исторіи съ Цинскимъ!—затѣмъ внушительно прибавилъ:—напрасно вы его тогда не поколотили!

— Вотъ какъ!

— Онъ намъ всѣмъ больно солонъ. Самъ беретъ «тысячами», а если нашъ братъ-бѣднякъ сорветъ съ кого рубль, онъ его душить.

Все это было сказано въ присутствіи любопытныхъ зрителей, изъ толпы которыхъ раздался дружный смѣхъ на послѣднія слова квартальнаго.

Раскланявшись вѣжливо, мы разстались.

Не прошло послѣ этого событія недѣли, какъ опять новое столкновение съ полиціей, на этотъ разъ болѣе серьезное, но кончившееся очень комично.

Ожидали царя въ Москву 1-го августа. На «Царской площади», что въ Кремлѣ, противъ стараго (нынѣ) дворца производилась «репетиція развода», въ которомъ «парадировать» былъ назначенъ я. Пока происходила репетиція, обѣдня въ Успенскомъ соборѣ кончилась, и народъ, высыпавъ и изъ другихъ церквей, наводнилъ собой Кремль. Привлеченный зрѣлищемъ нашего «развода», онъ составилъ изъ себя «живую стѣну» Царской площади, запрудивъ всѣ изъ нея выходы.

По окончаніи «репетиціи», я приказалъ старшему унтеръ-офицеру вести команду въ казармы, а самъ остался на площади поглядѣться съ знакомыми офицерами другихъ полковъ нашей дивизіи. Казармы наши (какъ я уже сказалъ) помѣщались на Колымажномъ дворѣ, что на Моховой, слѣдовательно, путь моему взводу съ площади лежалъ не черезъ главный выходъ, а боковой къ Боровицкимъ воротамъ Кремля. Замѣтивъ, что выходъ этотъ заставленъ народомъ, и что мои солдатики по одиночкѣ съ трудомъ пробираются между людьми, несмотря на присутствіе тутъ же квартальнаго, я остановилъ команду и, обращаясь къ послѣднему, дерзко сказалъ:

— Вы что тутъ дѣлаете? Развѣ не видите, что народъ мѣшаетъ итти командѣ? Извольте сейчасъ же очистить дорогу!

Квартальный бросился исполнять мое приказаніе, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, у меня за спиной раздался слова:

— Кто смѣетъ распоряжаться?

Обернувшись на голосъ, я встрѣтился «нось съ носомъ» съ частнымъ приставомъ, котораго прежде и не замѣтилъ. Достоин-

ство его обозначалось «шитымъ» воротникомъ, котораго простые квартальные надзиратели не имѣли.

Его грубые слова взорвали меня, и я спросилъ:

— А ты что за фигура?

— А такая фигура, что не позволю тебѣ здѣсь распоряжаться,— отвѣчалъ частный приставъ.

— Да знаешь ли ты, что я безнаказанно могу выпустить кишки изъ твоего толстаго брюха?—вспылилъ я.

Дѣйствительно, существуетъ регламентъ Петра Великаго: если воинская команда встрѣтитъ на пути своего слѣдованія препятствіе, какого бы то рода ни было, можетъ проложить себѣ дорогу оружіемъ.

При этихъ словахъ подошелъ вовсе мнѣ незнакомый офицеръ нашей конной артиллеріи и, шепнувъ мнѣ на ухо: «Займите его, чтобы выиграть время! Мы его отдѣлаемъ по-своему»,—скрылся.

Пока у меня съ приставомъ происходили «пререканія», въ родѣ приведеннаго разговора, я замѣтилъ, что команда моя вернувшись заходитъ и справа и слѣва, подъ предводительствомъ артиллерійскаго офицера, шепнувшего мнѣ свои слова. Я тотчасъ смекнулъ его планъ. Видимо, онъ хотѣлъ окружить, отдѣлить отъ народа меня и пристава и дать послѣднему «встрепку». Какъ я ни былъ «разгоряченъ», но понялъ, что «самоуправство» не поведетъ къ добру. Доселѣ въ дѣйствіяхъ моихъ все право было на моей сторонѣ; но если мы поколотимъ частнаго пристава, то я останусь виноватымъ и могу дорого за то поплатиться. Вмѣстѣ съ тѣмъ вспомнилъ объ Alexandrine, вспомнилъ, чего стоила ей моя исторія съ Цинскимъ... Я плюнулъ на сапогъ пристава и, пожавъ молча руку моему неожиданному помощнику, артиллерійскому офицеру, выстроилъ свою команду и самъ повелъ ее по совершенно на этотъ разъ очищенному пути, между «шпалеръ», образуемыхъ народомъ.

Исторія эта не пошла далѣе: вѣроятно, частный приставъ понялъ, что онъ былъ не правъ, и потому не принесъ жалобы,—но кончилась очень комично. Чтобы описать ея конецъ, я опережу событія.

Въ ту зиму я нанималъ квартиру вмѣстѣ съ офицеромъ нашего полка, А. И. Забѣльскимъ, на Моховой, во флигелѣ Иванчина-Писарева. Забѣльскій постоянно покупалъ офицерскія вещи въ магазинѣ Алексѣева. Такое постоянство доставило ему особое уваженіе со стороны хозяина магазина.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ является къ намъ Алексѣевъ, объявляетъ, что онъ женить своего меньшого брата, и съ низкими поклонами проситъ насъ своимъ пріѣздомъ «осчастливить» ихъ свадебный балъ.

Я видалъ купцовъ и ихъ дочекъ въ купеческомъ клубѣ, но совершенно не былъ знакомъ съ ихъ семейнымъ бытомъ. Заинтере-

сованные любезнымъ приглашеніемъ Алексѣева, я и Забѣльскій дали слово непремѣнно посѣтить ихъ свадьбу.

Въ назначенный вечеръ мы отправились на Басманную, въ домъ Алексѣева, стоящій противъ церкви «Старого Пимена». Церковь эта замѣчательна историческимъ событіемъ, кромѣ того, она одна изъ числа «сорока-сороковъ» имѣетъ на главѣ своей подъ крестомъ «царскую корону».

Преданіе говоритъ, что императрица Елисавета Петровна вѣнчалась въ ней съ графомъ Разумовскимъ и въ память этого событія приказала помѣстить корону на главѣ церкви.

Домъ Разумовскаго принадлежалъ въ настоящее время Алексѣеву, куда мы и пріѣхали. Поднявшись по широкой лѣстницѣ, уставленной плодовыми деревьями, мы были встрѣчены въ дверяхъ при входѣ въ залъ отцемъ и матерью новобрачнаго. Отецъ, съ умнымъ, выразительнымъ лицомъ, окладистой бородой, въ длинномъ сюртукѣ и лакированныхъ сапогахъ, надѣтыхъ сверхъ панталонъ, держалъ въ рукѣ откупоренную бутылку съ шампанскимъ. Мать — полная женщина, съ «двойнымъ» подбородкомъ, отдувшимися щеками, маленькими, узкими, заплавленными отъ жира глазами, съ повязаннымъ на головѣ платкомъ; но вся въ дорогихъ кружевахъ, богатой, роскошной шали, унизанная брильянтами, держала въ рукахъ серебряный, массивный подносъ съ бокалами. При нашемъ приближеніи отецъ, наливая бокалы, проговорилъ:

— Прошу покорно!

А мать, низко кланяясь, повторяла за нимъ:

— Откушайте! На побрезгуйте!

Таково было первое намъ привѣтствіе: оно замѣнило наше представленіе хозяевамъ дома.

Выпивъ за здоровье молодыхъ, мы отправились далѣе, ведомые новобрачнымъ, а старики остались на своихъ мѣстахъ встрѣчать тѣмъ же порядкомъ слѣдующихъ гостей. Войдя въ залъ, мы нашли многочисленное общество мужчинъ, повидимому, изъ купеческаго званія и ни одной женщины. Такое отсутствіе «прекраснаго пола» на балу крайне меня удивило, но, когда я прошелъ въ гостиную, загадка объяснилась. Всѣ дочери съ своими маменьками чинно и молча сидѣли полукругомъ около дивана, на которомъ помѣщалась «молодая». Подойдя къ ней, мы привѣтствовали ее поздравленіями. Поднявшись съ мѣста и вспыхнувъ вся, «какъ уголекъ», она, опустивъ глаза, не проронила ни слова, только кланялась намъ и потомъ опять усѣлась на свое мѣсто, не смотря ни на кого. «Молодая» была не дурна собой, лѣтъ 22-хъ, вся, буквально, залитая брильянтами. Когда она кланялась, то при каждомъ ея движеніи свѣтъ огней, переливаясь въ ея брильянтахъ, освѣщалъ ее всю блескомъ разныхъ цвѣтовъ.

Въ гостиной царило глубокое молчаніе. Постоявъ немного и видя неподвижность и молчаливость всѣхъ этихъ «живыхъ» существъ, сходныхъ болѣе съ изящными куклами, я вернулся въ залъ и занялся разсматриваніемъ всего меня окружающаго. Изъ военныхъ мы были только двое,—всѣ остальные статскіе. Между ними было много «чиновнаго люда»; но преобладающее число составляли купцы. Тятеньки, одѣтые, по большей части, какъ и хозяинъ дома, въ длиннополыхъ сюртукахъ, разсѣвшиись группами по разнымъ угламъ, вели разговоры о своихъ коммерческихъ дѣлахъ. Сынки ихъ, одѣтые по послѣдней модѣ, во фракахъ, бѣлыхъ жилетахъ, нѣкоторые даже въ башмакахъ, отдѣльными группами расхаживали по залу, толкуя больше о рыскахъ и скаковыхъ лошадяхъ. Въ нѣкоторыхъ кучкахъ слышался даже боязливый шепотъ объ актерахъ, но такъ, чтобы «тятенька не услышалъ».

Потолкавшись между ними и не видя для себя возможности къ кому либо «примкнуться», я занялся разсматриваніемъ убранства комнатъ. Вездѣ было богатство, даже много богатства, но нигдѣ я не встрѣтилъ роскоши. Я дѣлаю различіе между богатствомъ и роскошью. Богатство доказываетъ капиталиста — и только; роскошь — челоѣка развитаго. Богатствомъ можно блеснуть, броситься въ глаза; роскошь доставляетъ удобства жизни, комфортъ.

Всѣ, что видѣлъ я, были очень цѣнныя вещи, но выбранныя безъ всякаго вкуса и выставленныя, какъ бы въ магазинѣ, на показъ, въ строгомъ симметрическомъ порядкѣ. Не было той небрежности въ ихъ разстановкѣ, того кажущагося безпорядка, которые доказываютъ утонченный вкусъ просвѣщеннаго хозяина и его умѣнье жить. Какая громадная разница съ убранствомъ дома *Alexandrine*! Тамъ тоже куча цѣнныхъ вещей; но все это размѣщено просто, безъ всякой разсчитанности на аффектацію; глазъ пріятно скользить по нимъ, видя довольство хозяевъ и комфортъ для посѣтителей.

Потомъ мысли мои приняли другое направленіе; отъ настоящаго перенеслись къ недавнему прошлому. Я думалъ о странной судьбѣ этого дома. Въ стѣнахъ своихъ онъ видѣлъ императрицу, Разумовскаго, вельможъ, дворъ, а теперь... нить моихъ размышленій была прервана бальной музыкой. При первыхъ ея звукахъ, изъ гостиной посыпались маменьки съ своими дочками и усѣлись по стѣнамъ на стульяхъ, такъ же молча и чинно. Онѣ только пемѣнили мѣста.

Балъ открылся неизбѣжнымъ польскимъ. Глядя на проходившія мимо меня пары, я могъ разсмотрѣть костюмы дамъ. Всѣ они были безукоризненно сшиты по послѣдней модной картинкѣ; но вездѣ то же богатство: кружева, брильянты и полное отсутствіе вкуса.

За польскимъ слѣдовалъ вальсъ. Сдѣлавъ нѣсколько туровъ,

я могъ убѣдиться, что дамы мои танцуютъ легко; впрочемъ, я это зналъ и прежде, танцуя въ купеческомъ клубѣ.

Ангажированная мной на кадрили дама или дѣвица — не знаю, оказалась очень молчаливой. На всѣ мои слова она, потупивъ взоръ, отвѣчала только: да, нѣтъ, не знаю, съ неизбѣжнымъ прибавленіемъ къ каждому слову частицы съ и больше ничего. Видя, что нѣтъ возможности одушевить мою Галатею, я отказался отъ попытки продолжать разговоръ, и мы молча доканчивали танецъ. Къ довершенію моего мученія, дама моя сильно надушилась «пачули», — духами, бывшими тогда въ большой модѣ, но отъ которыхъ всегда меня тошнило. Вообще я не люблю никакихъ духовъ, а пачули — въ особенности. Радъ, несказанно былъ радъ, когда кончилась эта несносная кадрили.

Старшій братъ, Алексѣевъ, подойдя ко мнѣ, пригласилъ «покурить». Мы отправились на верхъ, въ мезонинъ. Комната, въ которую мы вошли, была полна табачнаго дыма, и люди въ густотѣ его мелькали, какъ тѣни. Никого нельзя было разсмотрѣть въ лицо. При входѣ нашемъ я замѣтилъ, что какая-то тѣнь, отдѣлившись отъ прочихъ, быстро скользнула мимо меня въ дверь. Покуривши, я вернулся въ залъ, гдѣ и напелъ разгадку мелькнувшей тѣни.

Въ залѣ я встрѣтился лицомъ къ лицу съ моимъ частнымъ приставомъ Царской площади. Передъ тѣмъ временемъ много было исторій, заключавшихся въ томъ, что и офицеры, и студенты, гдѣ то было возможно, вездѣ «колотили полицію». Мой частный приставъ, увидя меня входящимъ въ курительную комнату, гдѣ онъ до толѣ расположился, и, вѣроятно, предположивъ, что я пришелъ туда съ враждебнымъ противъ него умысломъ, бѣжалъ въ залъ.

Подойдя къ нему, я сказалъ:

— Ва! Старый знакомый!

Поклонившись мнѣ вѣжливо, но сухо, онъ молча отошелъ отъ меня.

Такъ разыгралась моя исторія, начатая подъ такими грозными предзнаменованіями на Царской площади, въ Кремлѣ.

Соскучившись на этомъ, буквально блестящемъ, но неимоვნю монотонномъ балѣ и видѣвъ все, что меня могло интересовать, я незамѣтно отъ хозяевъ уѣхалъ домой.

На первомъ затѣмъ свиданіи съ Alexandrine я въ живыхъ краскахъ передалъ ей впечатлѣнія этого бала и роль Пигмаліона, которую я принялъ на себя, для одушевленія моей Галатеи. Alexandrine много смѣялась комичности моего разсказа, но вдругъ, сдѣлавъ «серьезное» лицо, спросила;

— А много было хорошихъ?

— Не знаю, не замѣтилъ! — отвѣтилъ я совершенно правдиво.

— То-то!

И, грозя мнѣ пальчикомъ, прибавила:

— Смотри, не заглядывайся на другихъ! Глаза выцарапаю!

Въ первый еще разъ она выказала свою ревность.

На замѣчаніе мое о неумѣстности и смѣшной сторонѣ ея подозрѣнія она отвѣтила памятной мнѣ съ того времени французской фразой: «*La jalousie c'est le baromètre de l'amour: plus on aime, plus on est jaloux!*»

Моя счастливая, вполне спокойная жизнь была нарушена очень непріятнымъ происшествіемъ, послѣдствія котораго могли быть для меня пагубны.

Въ нашу дивизію много и заразъ произвели въ офицеры изъ юнкеровъ кирасирскаго его императорскаго высочества наслѣдника цесаревича полка. Одинъ изъ нихъ, Штемпель, назначенный въ Кіевскій (что нынѣ герцога Лейхтенбергскаго) полкъ, устроилъ пирушку, на которую пригласилъ и меня. Въ тотъ вечеръ я не могъ видѣться съ Alexandrine: у нея были гости, и потому, отъ нечего дѣлать и чтобы какъ нибудь убить время, я поѣхалъ къ Штемпелю.

Въ залѣ его квартиры я нашелъ хоръ цыганъ, поющихъ свои пѣсни съ свойственной имъ только манерой. Въ гостиной самъ хозяинъ металъ банкъ, окруженный понтерами. Вездѣ стояли недопитые стаканы съ виномъ, опорожненныя бутылки, на полу—разорванныя карты, пепелъ изъ трубокъ; словомъ, царствовалъ безпорядокъ холостой офицерской вечеринки. Подавали чай. Взявъ свой стаканъ чая, я отправился въ залъ слушать дикіе взвизги, притопываніе, приплясываніе этой орды дикихъ демоновъ, стоившихъ не одному молодому человѣку не только всего его состоянія, но иногда и жизни. Вдругъ пѣніе цыганъ было нарушено громкой бранью, раздавшейся въ гостиной, затѣмъ послышались ударъ чего-то металлическаго и паденіе тѣла на полъ. Войдя на шумъ, я увидалъ Ингерманландскаго (что нынѣ герцога Саксенъ-Веймарскаго) гусарскаго полка поручика Телепнева, блѣднаго, съ включенными волосами и серебрянымъ подсвѣчникомъ въ рукѣ, стоящимъ надъ Штемпелемъ, распростертымъ на полу, съ раной на головѣ, изъ которой сочилась кровь.

Оказалось, что нашъ «милый» хозяинъ былъ «шуллеръ» и мастерски передергивалъ карты. Къ кому при метаніи банка въ одномъ «пассѣ» искусство какъ-то измѣнилось, и Телепневъ, подмѣтивъ его продѣлку, схватилъ стоявшаго на столѣ подсвѣчникъ и ударилъ имъ со всего размаху Штемпеля.

Сначала думали, что Штемпель убитъ наповалъ, но при оказаніи надлежащей помощи привели его въ чувство. Всѣ мы, не участвовавшіе въ катастрофѣ и съ цыганами вмѣстѣ, разлетѣлись, какъ испуганныя вороны, въ разныя мѣста. Къ счастью, что Штемпель остался живъ; въ противномъ случаѣ были бы: смерто-

убійство, попойка, цыганы, карты... произведенное слѣдствіе открыло бы присутствіе другихъ, въ томъ числѣ и меня. Какъ увѣрить, что я не принималъ никакого участія въ происшеднемъ, а былъ только простымъ зрителемъ? Моему оправданію, конечно, не дали бы вѣры, и репутація моя, доселѣ чистая отъ всякихъ нареканій, много бы пострадала...

Когда случай этотъ я рассказалъ Alexandrine, она осталась вполне увѣрена, что судьба послала мнѣ за нее наказаніе. По ея мнѣнію, я не долженъ былъ посѣщать холостыхъ пирушекъ, тѣмъ менѣе, на которыхъ присутствуютъ цыганки. Последнее обстоятельство мнѣ было вѣщено еще въ большее преступленіе.

Кончились наши смотры и ученья. Полки потянулись на свои зимнія квартиры. Въ Москвѣ осталось только по эскадрону каждаго полка дивизіи для содержанія карауловъ. Командиромъ этихъ сводныхъ эскадроновъ былъ назначенъ нашего полка полковникъ Я. Я. Воробьевъ. Воробьевъ предложилъ мнѣ состоять при немъ за адъютанта. Можно представить, съ какой радостью я ухватился за его предложеніе! Оно давало мнѣ полную возможность остаться въ Москвѣ еще на нѣкоторое время и слѣдовательно обезпечивало мои свиданія съ Alexandrine. Дѣйствительно, есть божекъ для влюбленныхъ!

Въ октябрѣ пріѣхалъ въ Москву царь. Начались разводы, смотры. На первый разводъ я былъ назначенъ парадировать со взводомъ. Съ нами вмѣстѣ участвовалъ баталіонъ Рязскаго пѣхотнаго полка. Оставшись недоволенъ выправкой и маршировкой пѣхоты, царь сказалъ, что онъ пошлетъ ее учиться маршировкѣ къ намъ, въ кавалерію. Намъ же благодарилъ. Такимъ образомъ день этотъ для службы прошелъ благополучно; но не такимъ онъ былъ для моего здоровья. Время было ясное, но холодное. На «Царской площади», какъ на мѣстности возвышенной и открытой, былъ полный просторъ рѣзкому вѣтру. Онъ прохватилъ меня, бывшего въ одномъ мундирѣ, и я, по возвращеніи на квартиру, почувствовалъ себя не совсѣмъ хорошо.

На слѣдующій затѣмъ день назначенъ былъ «церемоніальный маршъ» въ экзерциргаузѣ. Моя легкая простуда не помѣшала мнѣ ѣхать на смотръ, хотя былъ холодъ съ сильнымъ вѣтромъ. Я понадеялся на свою крѣпкую натуру и на то, что намъ дозволено было накинуть шинели. Подойдя къ экзерциргаузу, мы на открытомъ воздухѣ, подъ вѣтромъ, дожидались нашей очереди, такъ какъ царь смотрѣлъ пѣхоту. Тутъ я былъ свидѣтелемъ, до чего въ нашемъ простомъ народѣ простирается обожаніе царя. Какой-то, повидимому, мѣщанинъ, подойдя къ коляскѣ, въ которой пріѣхалъ царь, полой своей чуйки отеръ верхній конецъ обода ко-

леса и подѣловаль его, предварительно перекрестясь, какъ бы прикладываясь къ святынь...

Но вотъ растворились обѣ противоположныя двери экзерциргауза: въ однѣ выходила пѣхота, въ другія вступали мы. Начальство нехотѣло поусердствовало: истопило печи, да и пѣхота понагрѣла собой; все это вмѣстѣ съ нашими движеніями на рысяхъ произвело во мнѣ сильную испарину. По окончаніи смотра, когда мы вышли изъ манежа, рѣзкій переходъ отъ тепла на холодный вѣтеръ съ мелкимъ дождемъ, въ однихъ мундирахъ (шинели были убраны), сломилъ меня окончательно. Придя на квартиру, я долженъ былъ лечь въ постель. Къ вечеру у меня открылась горячка... На счастье, первое и самое опасное время моей болѣзни легко можно было скрыть отъ Alexandrine. Императоръ Николай пріѣхалъ въ Москву съ императрицей и наслѣдникомъ (нынѣшній государь) ¹⁾. Начались непрерывные балы: во дворцѣ, въ Дворянскомъ собраніи, у вельможъ, театры и т. п. На всѣхъ этихъ вечерахъ должна была участвовать Alexandrine по тому высокому мѣсту, которое занималъ мужъ ея въ обществѣ. Тайныя свиданія наши и безъ моей болѣзни не могли болѣе имѣть мѣста. Но, съ отъѣздомъ царской фамиліи, Alexandrine, прождавъ меня напрасно и не видя меня, догадалась, что со мной случилось что нибудь необыкновенное. За справками она обратилась къ дочери дѣда; та, не подозрѣвая нашихъ сношеній и думая, что отвѣчаетъ на простой, изъ свѣтскаго приличія сдѣланный вопросъ, «брякнула», что я серьезно боленъ. На слѣдующій же день навѣститъ меня князь, привезъ съ собой своего домашняго доктора, окружилъ меня возможными удобствами. Еще до посѣщенія его я началъ поправляться отъ болѣзни; послѣ его вниманія выздоровленіе приближалось ко мнѣ быстро. Но меня мучила мысль объ Alexandrine. Я вполне понималъ ея безпокойство, которое еще усиливалось невозможностью нашихъ прямыхъ сношеній. Зная, что я квартирую не одинъ, а съ Забѣльскимъ, она не могла даже посылать ко мнѣ своей вѣрной Кати.

Получивъ значительное облегченіе, я началъ вставать съ постели и бродить по комнатѣ, когда явился мнѣ призракъ.

Однажды вечеромъ, съ думой объ Alexandrine и ея тревогѣ, я заснулъ. Кровать моя стояла около окна, выходившаго на дворъ. У изголовья моего стоялъ стулъ, далѣе помѣщался столъ. Ночью разбудилъ меня необыкновенный визгъ моей лягавой собаки, спавшей всегда со мной на постели, въ ногахъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, собака спрыгнула на полъ и спряталась подъ кровать. Открывъ глаза, я увидѣлъ, что луна полнымъ свѣтомъ врывается ко мнѣ въ окно, а на стулѣ у моего изголовья ясно, отчетливо обозначалась жен-

¹⁾ Императоръ Александръ II-й.

ская фигура въ сидячемъ положеніи, съ наклоненной головой, вся покрытая чѣмъ-то бѣлымъ... Первымъ моимъ движеніемъ было удостовѣриться: не обманываетъ ли меня зрѣніе? Приподнявшись на локоть, я правой рукой дотронулся до призрака, но рука моя не встрѣтила никакого препятствія, а только по воздуху разрѣзала бѣлую фигуру на-двое. Обѣ части, заволновавшись какъ дымъ, начали отдѣляться одна отъ другой, свиваться въ клубы пара и расходиться по комнатѣ... Я разбудилъ Забѣльскаго, спрашивая: не видалъ ли онъ чего подобнаго; но онъ, съ досадой прерваннаго сна отвѣтивъ, что я брежу, перевернулся на другой бокъ и вновь заснулъ.

Забѣльскій сказалъ, что я брежу! Но былъ ли то бредъ? Положимъ: визгъ собаки и потомъ прятаніе ея подъ кровать можно еще объяснить тѣмъ, что во снѣ я могъ толкнуть ее ногой. Но отъ чего же ни прежде, ни послѣ ничего подобнаго не было съ собакой? Если допустить, что это былъ единственный случай, то почему же случай этотъ совпадалъ именно съ моимъ видѣніемъ? Явленіе это нельзя приписать и воображенію, ослабленному болѣзью. Присутствіе во мнѣ всѣхъ способностей доказывается тѣмъ, что при видѣ призрака въ моей головѣ сейчасъ явилось соображеніе испытать или удостовѣриться въ его существованіи осязаніемъ. Нѣтъ, я не бредилъ!..

Есть міръ, для насъ еще невѣдомый, есть состояніе человѣка, еще не изслѣдованное, когда для души нашей не существуетъ ни преградъ, ни времени, ни пространства, когда она, встрѣчая другую сочувственную ей душу и вступая съ ней въ сообщеніе, является глазамъ человѣка въ тѣхъ матеріальныхъ формахъ, которыя онъ видитъ въ окружающей его природѣ... Я заснулъ съ мыслью объ Alexandrine, и вотъ явился мнѣ призракъ не въ какой иной формѣ, а въ видѣ женщины. Я думалъ о ея душевной тревогѣ, и душа ея какъ бы явленіемъ своимъ приготовляла меня къ страшной потерѣ, которую готовило мнѣ близкое будущее...

Въ подтвержденіе моихъ предположеній передамъ еще нѣкоторые случаи, изъ которыхъ объ иныхъ я упоминалъ уже выше. Отецъ мой видѣлъ тѣнь, предвѣстницу ожидавшей его потери. Съ первой же почтой послѣ этого онъ получилъ извѣстіе о кончинѣ своей матери, а моей бабки... Тѣнь дѣвушки, заколотой Есиповымъ, постоянно являлась людямъ, прося отъ нихъ честнаго себѣ погребенія. Выискалась мужественная женщина, въ лицѣ А. Ѳ. Каховской, которая похоронила ее, и тѣнь убитой успокоилась, перестала являться людямъ.

Приведу еще примѣръ. Мой двоюродный братъ С. П. Мамаевъ служилъ въ лейбъ-гвардіи Семеновскомъ полку. Командуя ротой и стоя въ лагерѣ, онъ въ одинъ вечеръ занимался составленіемъ рапортички. Вдругъ отпахивается пола его палатки, и во входѣ

обрисовывается фигура его отца. Поклонившись три раза, видѣніе исчезло. Взглянувъ на часы, братъ записалъ часть и минуту явленія призрака. Вскорѣ онъ получилъ извѣстіе о смерти своего отца, жившаго въ своемъ имѣніи, въ Костромской губерніи, и именно въ то самое время, когда являлся ему призракъ; онъ узналъ въ послѣдствіи, что послѣднія слова его отца были: «Прощай, Сергѣй!», при чемъ три раза киннулъ головой, что такъ вѣрно повторила явившаяся ему тѣнь...

Ограничусь этими случаями.

Горячка оставила меня, но съ того времени я началъ страдать ревматизмомъ.

Окрѣпнувъ нѣсколько силами, я «полетѣлъ» на наше свиданіе. Но, Боже мой, что случилось съ моей Alexandrine? Она была неузнаваема! Куда дѣлась эта легкая, пріятная для глазъ, полнота тѣла?.. Эта завидная дѣвственная бѣлизна лица?.. Она похудѣла болѣе, чѣмъ я. Подъ глазами—темные круги. Румянецъ лица смѣнился желтизной. Кашель ея, прекратившійся было, усилился съ какимъ-то глухимъ рокотаніемъ въ груди... Видно было, что она изстрадалась моей болѣзью, съ тою только разницею, что болѣзнь ея была душевная, и слѣдовательно несравненно сильнѣе моей...

Завидя меня, Alexandrine со слезами бросилась ко мнѣ и, повиснувъ на шеѣ, долго не могла отъ рыданій, душившихъ ее, произнести ни одного слова. Успокоившись нѣсколько, первымъ ея движеніемъ было опуститься на колѣни передъ кіотомъ и въ горячей молитвѣ благодарить Бога за мое исцѣленіе...

Тогда я понялъ всю силу, всю глубину любви ко мнѣ этой несравненной женщины...

Окончивъ свою молитву, она видимо успокоилась, отерла слезы и, взявъ меня за обѣ руки, усадила противъ себя, устремила на меня все еще чуждые глаза свои, казавшіеся еще болѣе отъ худобы ея лица. Мнѣ было страшно видѣть эти глаза: они блестѣли какимъ-то зеленоватымъ, фосфорическимъ свѣтомъ... Увы, сквозь нихъ смотрѣла на меня ея смерть...

Прочтя на лицѣ моемъ испугъ и удивленіе, она, лаская меня, слабымъ голосомъ говорила:

— Ничего, мой милый ребенокъ! Не тревожься за меня! Я видѣла тебя. Теперь я скоро поправлюсь!

И дѣйствительно замѣтно начала поправляться.

Обязанный вниманіемъ князя во время моей болѣзни, я сталъ чаще дѣлать мои «офиціальныя» визиты въ его домъ. Часто случалось, что я видѣлъ Alexandrine по два раза въ день: утромъ въ гостиной, вечеромъ въ будуарѣ...

6-е декабря, день тезоименитства государя, праздновался баломъ въ Дворянскомъ собраніи. На балу этомъ я увидѣлъ свою Alexandrine, снова блистающую свѣжестью и красотой. Увы, то

былъ послѣдній расцвѣтъ нѣжнаго, роскошнаго растенія... Я сдѣлалъ съ Alexandrine нѣсколько туровъ вальса; какъ я гордился, несясь по залѣ съ такой милой, легкой ношей. Съ ней же танцовалъ одну кадрили и мазурку.

Наступилъ роковой для меня 1837 годъ. Ослѣпленный своимъ счастьемъ, убаюканный наслажденіемъ, ласками этой чудной женщины, я и въ мысляхъ не допускалъ какой либо потери, а между тѣмъ смерть неслышными стопами приближалась къ намѣченной заранѣ своей жертвѣ.

Январь, февраль и до послѣднихъ чиселъ марта я оставался въ Москвѣ и блаженствовалъ въ полномъ значеніи этого слова. Alexandrine, повидимому, совершенно оправилась, даже кашель ее оставилъ.

Ко всякому продолжительному счастью можно привыкнуть, и повтореніе одного и того же теряетъ для насъ обаяніе первой новизны. По крайней мѣрѣ, я все это перечувствовалъ въ жизни, любя другихъ женщинъ. Но въ отношеніи волшебницы Alexandrine со мной было не то! Въ каждое тайное наше свиданіе я всегда открывалъ въ ней что либо новое, дотолѣ мнѣ невѣдомое. Не знаю, приписать ли это ея игривому обширному уму? Или неистощимой любезности? Или чарующей ея красотѣ? Или умѣнію разнообразить жизнь нашу до безконечности? Или же тайному, неисповѣдимому въ цѣляхъ своихъ Провидѣнію, давшему мнѣ возможность оцѣнить Alexandrine въ виду скорой ея потери?.. Знаю только, что чѣмъ чаще видѣлъ ее, тѣмъ все болѣе и болѣе привязывался къ ней. Во мнѣ не было ни одной мысли, которая не была бы посвящена ей!

.

XXII.

Отъѣздъ въ Коломну. — Встрѣча на почтовой станціи съ семействомъ Курофдовъ. — Мое столкновеніе съ комиссаріатскимъ чиновникомъ. — Снисходительное отношеніе ко мнѣ кн. Ливена. — Письма Alexandrine. — Прекращеніе переписки. — Кончина Alexandrine. — Мое душевное состояніе. — Мой отъѣздъ на предстоящій смотръ въ городѣ Вознесенскѣ, Херсонской губ. — Мой выходка на почтовой станціи въ Харьковѣ. — Губернаторъ кн. Трубецкой. — Жизнь въ молдаванскомъ селеніи «Александровская слобода» и молдаванская «хата». — Великій кн. Михаилъ Павловичъ вызываетъ меня. — Разговоръ со мной генерала Философова. — Пріѣздъ въ Вознесенскъ государя Николая Павловича, августѣйшаго семейства и иностранныхъ принцевъ. — Царскій смотръ. — Корпусный командиръ Никитинъ.

Въ то время отъ Москвы до Коломны не только не было желѣзной дороги, но даже простого шоссе. На перекладной почтовой телѣжкѣ, гдѣ по грязи, гдѣ по черепу (т. е. остаткамъ облещеннаго снѣга), часу въ 7-мъ вечера, я дотащился до первой

станции, села Островцы, принадлежащаго графу Шереметеву. Здѣсь я остановлюсь, чтобы занести въ свою лѣтопись оригинальный отвѣтъ крестьянъ, принадлежащихъ графу Шереметеву. На спросъ: чьи вы? они отвѣчали коротко: «графскіе!» какъ будто существуетъ только одинъ графъ Шереметевъ, и каждый долженъ о томъ знать.

Подѣхавъ къ станціи, я увидѣлъ у подѣзда распряженными дорожный дормезъ и двѣ почтовыхъ телѣги.

Вышедшій знакомый мнѣ смотритель объявилъ, что ледъ, тронувшійся на рѣкѣ Москвѣ, у Боровскаго перевоза, прекратилъ всякое сообщеніе, и что комиссаріатскій чиновникъ и какія-то дамы, экипажи которыхъ я вижу, вернулись отъ перевоза за невозможностью ѣхать далѣе. Поворчавъ на такое неожиданное препятствіе, я вошелъ въ отдѣльную комнату верхняго этажа почтовой станціи и спросилъ себѣ самоваръ.

Усѣвшись на лавку, я закурилъ трубку, какъ отворилась дверь, и вошелъ ко мнѣ незнакомый молодой человекъ, лѣтъ 18-ти, пріятной наружности. Въ весьма любезныхъ и вѣжливыхъ выраженіяхъ онъ передалъ мнѣ, что его мать проситъ меня въ свою комнату напиться вмѣстѣ чаю. Я съ радостью ухватился за предстоящій мнѣ случай: не быть одному. Тоска по разлукѣ съ Alexandrine грызла меня, и я послѣдовалъ за молодымъ человекомъ.

Меня встрѣтила не старая еще женщина, съ двумя молоденькими дѣвушками. То была г-жа Куроѣдова, мать одной изъ дѣвушекъ, и тетка—другой. Послѣ обмѣна свѣтскихъ приличій Куроѣдова объяснила, что ѣдетъ въ Коломну опредѣлять своего сына къ намъ въ полкъ, но, не зная тамъ никого и, какъ женщина, не имѣя понятія о порядкѣ поступленія на службу, она благословляетъ судьбу, доставившую ей мое знакомство; въ заключеніе просила меня не оставить ея сына совѣтами и устроить такъ, чтобы онъ поступилъ въ мой взводъ.

Такая просьба очень льстила моему самолюбію. Принявъ на себя важный видъ, я обѣщалъ «свое покровительство» ея сыну. Да простится мнѣ такая самонадѣянность! Мнѣ шелъ 22-й годъ, слѣдовательно я самъ былъ не многимъ старѣе ея сына, а меня уже просятъ о покровительствѣ, спрашиваютъ моихъ совѣтовъ. Кто устоитъ противъ такого искушенія, чтобы не порисоваться?.. И я обѣщалъ все, что отъ меня зависѣть будетъ. Затѣмъ разговоръ перешелъ на другіе предметы; такимъ образомъ время прошло для меня незамѣтно. Разставаясь, мы условились путь нашъ продолжать вмѣстѣ.

На другой день, часу въ 6-мъ утра, смотритель разбудилъ меня извѣстіемъ, что если я желаю ѣхать, то чтобы поспѣшилъ: ему дали знать, что рѣка отъ льда очистилась и не препятствуетъ перевозу. Собравшись наскоро, я пошелъ предупредить о томъ же

своихъ дамъ. Онѣ были уже готовы; къ намъ присоединился комиссіонеръ, везшій въ нашъ полкъ деньги на жалованье и другія потребности, и мы всѣ отправились въ путь.

Подѣхавъ къ перевозу, мы увидѣли, что рѣка дѣйствительно очистилась, но вдали виднѣлась густая масса льда, грозившая вновь прервать сообщеніе. Надо было спѣшить переѣздомъ. Вода начала уже выливаться изъ береговъ, паромъ не могъ подойти къ сухому мѣсту. Черезъ воду были положены мостики, и мы начали перебираться по нимъ на паромъ. Первымъ всталъ комиссіонеръ, за нимъ — я; тогда онъ закричалъ, чтобы отчаливали паромъ. Тогда я подошелъ къ нему и очень вѣжливо сказалъ:

— Вы видите, милостивый государь, что съ нами ѣдутъ дамы? Надо ихъ подождать.

Но комиссіонеръ дерзко отвѣтилъ:

— Я не могу дожидаться. Я везу казну.

Такой отвѣтъ началъ уже «кипятить» меня, но присутствіе дамъ удерживало меня отъ «вспышки», и я, сохраняя наружное спокойствіе, продолжалъ:

— Это ровно ничего не значить. Вы видите вдали ледъ? Пока я съ вами переѣду на ту сторону, онъ можетъ вновь запрудить рѣку, и тогда дамамъ придется ждать неопредѣленное время.

Но мой комиссіонеръ, не внимая ничему, только одно и кричалъ:

— Знать ничего не хочу. Отчаливай! — и съ тѣмъ вмѣстѣ всталъ на мостики, желая помѣшать дормезу, который начали уже надвигать на паромъ.

Доселѣ я сохранялъ еще наружное хладнокровіе, но, видя такую грубую выходку комиссіонера, болѣе не выдержалъ. Вспыхнувъ, я сказалъ ему:

— Я тебя, комиссіонерская крыса, заставлю быть вѣжливымъ.

Схвативъ его за воротникъ шинели, я сильно дернулъ, отчего онъ spryгнулъ въ воду, приказавъ въ то же время ставить дормезъ на паромъ. Я сказалъ уже, что вода только что начала выливаться изъ береговъ, и потому глубина ея въ этомъ мѣстѣ была не болѣе четверти аршина. Мой комиссіонеръ, соскочившій какъ для себя неожиданно въ воду, замочилъ только сапоги. Влѣзая на паромъ и отряхиваясь, онъ ворчалъ что-то подъ носъ, видимо озадаченный всѣмъ, съ нимъ случившимся.

Дормезъ былъ поставленъ на паромъ; я предложилъ руку Куроѣдовой, чтобы перевести ее черезъ мостики, и мы всѣ вмѣстѣ отчалили отъ берега. Дамы мои не находили словъ, какъ благодарить меня. Отклоняя отъ себя всякую личную заслугу происшедшаго, я скромно увѣрялъ, что каждый на моемъ мѣстѣ сдѣлалъ бы то же самое, просилъ ихъ извинить невѣжливость комиссіонера, ради его невѣжества, при чемъ покосился на него. Комис-

сiонеръ, видимо сердитый, мрачный, насупившись стоялъ въ углу парома и смотрѣлъ на воду.

Только что мы успѣли пристать къ противоположному берегу, какъ ледъ, какъ бы остановившійся дотолѣ, чтобы пропустить насъ, вновь тронулся массой и въ одно мгновеніе покрылъ собой рѣку.

Посадивъ своихъ дамъ въ дормезъ, я подошелъ къ комиссіонеру и, указывая ему на рѣку, сказалъ:

— Теперь вы видите, что я былъ правъ, говоря, что ледъ вновь прекратить сообщеніе.

На что тотъ сквозъ зубы процѣдилъ мнѣ:

— Кто изъ насъ правъ, разберетъ начальство.

По приѣздѣ въ Коломну я поспѣшилъ явиться къ командиру полка; у него я засталъ своего полкового адъютанта Альберга. Зная благородное качество характера князя Ливена извинять шалости молодости, когда шалости эти не заключаютъ въ себѣ ничего унижительнаго или подлаго, и когда сознаніе въ нихъ сопровождалось чистосердечнымъ, откровеннымъ разсказомъ, и напротивъ — всякое отпирательство, извороты, желаніе оправдать себя возмущали рыцарскія понятія его о чести и правдѣ, и тогда, горе виновному, онъ преслѣдовалъ его, и какъ начальникъ, и какъ честный человѣкъ, — я разсказалъ ему мою продѣлку съ комиссіонеромъ и обстоятельства, вызвавшія меня на такой поступокъ.

Ливенъ, выслушавъ меня, улыбнувшись сказалъ:

— Ну, такъ, такъ! Узнаю вашъ характеръ! Нельзя безъ того, чтобы не понумѣть, не сдѣлать скандала. Который это разъ? — спросилъ онъ, намекая тѣмъ на мои столкновенія съ полиціей.

— Ваша свѣтлость! Я вступился за дамъ, онѣ меня прошили...

— Знаю, знаю. Вы — славный защитникъ «угнетенной невинности». — Потомъ прибавилъ: — ну, хорошо, ступайте!

Спускаясь отъ него съ лѣстницы, я столкнулся съ своей жертвой, съ комиссіонеромъ.

Альбертъ разсказалъ мнѣ сцену, происшедшую у полкового командира послѣ моего ухода.

Явившійся комиссіонеръ, сдавъ отчетъ и деньги князю Ливену, обратился къ нему со словами:

— Ваша свѣтлость! Я имѣю жалобу на вашего офицера.

Князь, не моргнувъ глазами, какъ бы ничего не зная о происшедшемъ, спросилъ:

— На кого?

— На Мамаева.

— У меня ихъ два. На котораго же?

— Онъ уходилъ отъ васъ, когда я явился къ вамъ.

— А! Ну, что-жъ онъ сдѣлалъ?

— Онъ ѣхалъ съ какими-то дамами и на перевозѣ черезъ рѣку Москву столкнулъ меня въ воду.

— Гм!.. А за что?

— Боясь запоздать съ деньгами, я приказалъ отчаливать парому, но Мамаевъ воспрепятствовалъ этому, пока не поставили экипажа дамъ. Когда я настаивалъ на своемъ намѣреніи, онъ столкнулъ меня въ воду.

— И только?

— Только, ваша свѣтлость!

— Ну-съ, я вамъ вотъ что скажу. Мамаевъ столкнулъ только въ воду, а я бы утопилъ васъ! Прощайте!—и съ этими словами повернулся къ нему спиной.

Тѣмъ и кончилось мое донъ-кихотское похождение.

Имѣя въ виду скорый сборъ полка «на кампаментъ», я испросилъ себѣ позволеніе ожидать прибытія своего эскадрона въ Коломнѣ; при этомъ я имѣлъ другую цѣль: скорѣе получать письма моей несравненной Alexandrine. Каждую почту, т. е., два раза въ недѣлю, я получалъ отъ нея полные два листа почтовой бумаги, исписанные ея красивымъ почеркомъ, иногда даже «въ клѣтку», т. е. въ перекрещенныхъ строчкахъ. Всѣ они были наполнены теплыми душевными изліяніями ея сильной любви ко мнѣ, завѣреніями въ скоромъ свиданіи. Такъ какъ она письма свои писала въ родѣ дневника, то я имѣлъ возможность всегда слѣдить за ней и знать, что въ какое время она думала и дѣлала. Изъ предосторожности, я не отвѣчалъ ей. Такъ продолжалось недѣли три! Вдругъ прекратились ея письма. Пришла почта... другая... третья—нѣтъ никакихъ извѣстій отъ Alexandrine. Я началъ сильно беспокоиться! Меня не радовало и производство мое въ поручики... Наконецъ, на четвертой почтѣ я получилъ письмо отъ дочери дѣда, она писала, что по порученію Alexandrine извѣщаетъ меня о ея легкой простудѣ, что у нея лихорадка, и присовокупляла, чтобы я не тревожился, опасности никакой нѣтъ и т. п. Мое безпокойство было такъ сильно, что я и не подумалъ тогда, какимъ образомъ тетка могла узнать о сношеніяхъ моихъ съ Alexandrine... На слѣдующихъ двухъ почтахъ Лизавета Ивановна писала мнѣ тоже, обнадеживая, что Alexandrine сама скоро напишетъ мнѣ. Затѣмъ вдругъ прекратились и эти извѣстія! Прошла недѣля, другая—ни отъ кого нѣтъ ни вѣсточки о томъ, что меня такъ сильно занимало... Тоска и тайный мучительный страхъ обуяли меня. Я не выдержалъ долѣе, пожелалъ во что бы то ни стало узнать причину такого продолжительнаго молчанія и рѣшился самъ ѣхать въ Москву, хотя бы и не получилъ отпуска.

На другой день, утромъ, когда я пристегивалъ саблю, вошелъ ко мнѣ братъ и спросилъ:

— Ты куда?

- Къ полковнику.
 - Зачѣмъ?
 - Проситься въ Москву.
 - Ты знаешь, что отпуски теперь невозможны?
 - Я имѣю уважительную причину и поѣду, несмотря на за-
прещеніе!
 - Какая это причина?
 - Мнѣ нужно!
 - Это не отвѣтъ.
 - Можетъ быть, но повторяю, мнѣ крайняя надобность побы-
вать въ Москвѣ, хотя на нѣсколько часовъ.
 - Не ѣзди.
 - А что?—спросилъ я, въ свою очередь, трепещущимъ голо-
сомъ. Сердце мое какъ-то болѣзненно сжалось отъ темнаго пред-
чувствія.
 - Такъ! Не ѣзди!
 - Да отъ чего же не ѣхать? Скажи.
 - Такъ. Напрасно проѣдешься!
 - Какъ напрасно?—приставалъ я.—Ты что нибудь да знаешь?
- Говори.

— Будь мужчиной!—и съ тѣмъ вмѣстѣ нодаль мнѣ письмо къ нему Лизаветы Ивановны.

Развернувъ дрожащими руками, я быстро пробѣжалъ письмо, читая черезъ 3—4 строчки, но и этихъ скачковъ было слишкомъ достаточно, чтобы понять, что моя милая, дорогая Alexandrine бо-
лѣе не существуетъ...

Письмо выпало изъ рукъ, я какъ бы окаменѣлъ. Вся кровь во мнѣ прилилась къ сердцу. Схватившись за грудь, гдѣ меня кольнуло что-то, я помутившіеся глаза свои устремилъ на брата, не говоря ни слова... Тотъ страшно испугался. Впослѣдствіи онъ говорилъ мнѣ, что, видя меня блѣднаго, трепещущаго, главное, при видѣ моихъ мутныхъ глазъ, безжизненно устремленныхъ на него, онъ подумалъ, что я сошелъ съ ума...

Уложивъ меня въ постель, братъ послалъ за докторомъ. Тотъ нашелъ во мнѣ сильное сотрясеніе всей нервной системы; прика-
залъ мои окоченѣвшія ноги и руки растирать щетками. Возстано-
вивъ естественную теплоту тѣла, далъ мнѣ успокоительныхъ ка-
пель. Я смотрѣлъ «во всѣ глаза», но ничего не чувствовалъ, не
понималъ, что дѣлали со мной, безсознательно повинуюсь всѣмъ
распоряженіямъ.

Судьба, такъ баловавшая меня дотолѣ, поразивъ меня, послала
мнѣ и на этотъ разъ новую, скорую помощь, чтобы ослабить силу
удара, меня постигшаго: я получилъ командировку ѣхать въ го-
родъ Вознесенскъ, Херсонской губерніи, для представленія на высо-
чайшій смотръ безсрочно-отпускныхъ нижнихъ чиновъ.

Приготовленія къ поѣздкѣ, новый край, новые люди, ихъ жизнь, обычаи—все это должно было занять меня и отрывать отъ постоянной мысли о постигшемъ меня горѣ.

Въ концѣ іюня я отправился къ мѣсту назначенія и проѣздомъ остановился на нѣсколько дней въ Москвѣ. Тамъ отъ дочери моего дѣда я узналъ всѣ подробности кончины моего ангела!

Убитый горемъ, ошеломленный постигшимъ меня несчастьемъ, я съ растерзаннымъ сердцемъ, въ какомъ-то забытіи отправился въ дальнѣйшій путь.

Во всѣхъ сильныхъ душевныхъ потрясеніяхъ лучшимъ облегченіемъ страданій служатъ намъ или слезы, или какой нибудь нравственный ударъ, внѣ насъ самихъ, который бы возбудилъ въ насъ чувство самосознанія. Такъ и въ моемъ тогдашнемъ положеніи. Слезы, душившія меня, подступали къ глазамъ, снова падали всей своей тяжестью внутрь меня. Мнѣ нуженъ былъ сильный нравственный толчекъ, который бы пробудилъ меня изъ усыпленія, вывелъ бы изъ пассивнаго состоянія, придалъ бы мнѣ энергію для проявленія жизненной силы. Такой толчекъ я получилъ въ Харьковѣ.

Поздно ночью пріѣхавъ въ городъ, я, по обыкновенію, на почтовой станціи тотчасъ же потребовалъ себѣ лошадей, чтобы отправиться далѣе. Станція помѣщалась въ большой комнатѣ; въ переднемъ углу стоялъ столъ, на которомъ горѣвшая сальная свѣча едва освѣщала ближнее пространство, оставляя въ совершенной темнотѣ прочія мѣста комнаты.

Смотритель очень вѣжливо объявилъ мнѣ, что путь до слѣдующей станціи довольно длиненъ и при томъ дорога песчаная; въ виду этихъ неудобствъ, онъ прикажетъ мнѣ запрячь тройку лонядей, тѣмъ болѣе, что насъ ѣдетъ двое: я и мой слуга, несмотря на то, что по подорожной мнѣ слѣдуетъ давать только пару, при чемъ прибавилъ:

— Не будетъ ли милости прибавить прогоновъ, хотя на поль- лошади.

— Ни на хвостъ!—отвѣчалъ я грубо.

— Дѣлать нечего, — продолжалъ смотритель, — третью лошадь придется вамъ такъ дать.

— А я не дамъ!—раздался голосъ изъ противоположнаго темнаго угла.

Обернувшись на голосъ, я увидѣлъ въ нѣсколькихъ отъ себя шагахъ приближающагося человѣка, котораго прежде за темнотой я и не замѣтилъ. Отъ его дерзкихъ словъ убитая горемъ душа моя встрепенулась, потребовала проявленія энергіи, обычная вспыльчивость моя вернулась ко мнѣ, и я, подойдя къ незнакомцу,

со всего размаха руки ударилъ его по щекѣ, желая какъ бы тѣмъ возстановить нарушенное равновѣсіе.

Незнакомецъ, съ крикомъ: «какъ? драться»? подбѣжалъ къ столу, схватилъ лежавшую на немъ мою дорожную и быстро скрылся въ дверь.

На мой вопросъ: что это за фигура? смотритель отвѣтилъ: почетный купеческій сынъ Котляровъ, содержатель почтовыхъ лошадей.

Быль часть 3-й ночи. Мою дорожную искать было негдѣ. Узнавъ, что во второмъ этажѣ дома, занимаемаго почтовой станціей, помѣщается гостиница для прїѣзжающихъ, я поднялся наверхъ и, занявъ номеръ, залегъ спать. Отъ Москвы до самаго Харькова я нигдѣ не останавливался, почти не вылѣзалъ изъ тележки. Физическая усталость взяла свое, и я въ первый еще разъ послѣ потери Alexandrine спалъ такъ долго и такъ крѣпко. Нужно было сильное сотрясеніе всего моего организма, парализованнаго дотолѣ горемъ, чтобы получить возможность вернуться къ своему нормальному состоянію и житейской потребности.

Проснувшись довольно поздно, я сидѣлъ у окна и пилъ чай, когда за дверью моего номера послышался звонъ шпоръ и звяканье сабли. Вошедшій жандармъ объявилъ, что меня требуетъ къ себѣ военный губернаторъ, князь Трубецкой.

Начинался первый актъ драмы, затѣянной моими побоями содержателя почтовыхъ лошадей. Надѣвъ эполеты на сюртукъ и прицѣпивъ саблю, я въ фуражкѣ отправился въ сопровожденіи жандарма на квартиру губернатора, совершенно равнодушный къ предстоящей мнѣ встрѣчѣ съ лицомъ административнымъ, не потому, чтобы я былъ спокоенъ за послѣдствія своего поступка, но потому, что, идя дорогой, я обдумалъ свое положеніе и приготовился къ отвѣтамъ. Въ залѣ начальника губерніи я нашелъ просителей, между ними стоялъ и Котляровъ.

Дежурный адъютантъ, при моемъ входѣ, не спрашивая меня,— видно было, что причина моего появленія была ему извѣстна,— пошелъ съ докладомъ въ кабинетъ губернатора. Вскорѣ появился и самъ князь Трубецкой. Не обращая ни на кого вниманія, онъ прямо подошелъ ко мнѣ, и громкимъ голосомъ сказалъ:

— Вы зачѣмъ сюда пожаловали? Буянить? Я разбойничать вамъ не позволю. Я представлю о васъ рапортомъ!

На это я отвѣчалъ:

— Рапортомъ представить меня, ваше сіятельство, можете, но задерживать меня не имѣете права. Я слѣдую по высочайшему повелѣнію.

Слова мои, сказанныя спокойнымъ тономъ, имѣли на него дѣйствіе вылитого ушата холодной воды. Значительно понизивъ голосъ, князь продолжалъ:

— Какъ по высочайшему повелѣнію?—удивился онъ. Затѣмъ, обратясь къ адъютанту, приказалъ взять изъ канцеляріи и принести мою подорожную.

Пока ходили за ней, губернаторъ занялся прочими просителями.

Между тѣмъ, принесли и подали ему мою подорожную. Прочитавъ и подавая ее, князь Трубецкой прибавилъ:

— Можете ѣхать. Но о вашемъ поступкѣ я донесу вашему начальству.

— Благодарю ваше сіятельство за позволеніе ѣхать,—отвѣчалъ я съ ироніей.—Я, съ своей стороны, тоже донесу своему начальству, что былъ задержанъ болѣе полсутокъ въ Харьковѣ безъ всякой причины.

— Какъ безъ причины? А вашъ поступокъ съ Котляровымъ?

— Мой поступокъ, если онъ и былъ, требовалъ изслѣдованія, но не давалъ никому права задерживать меня, какъ посланнаго по повелѣнію государя императора.

— Я не зналъ этого.

Этихъ неосторожно сказанныхъ словъ и тона, какимъ они были произнесены, достаточно было, чтобы показать, что роли наши перемѣнились: я изъ обвиняемаго самъ становился на почву обвинителя, и что сила на моей сторонѣ. Столь гордый и грозный за минуту, князь снизошелъ какъ бы до оправданія въ своемъ поступкѣ. Все это придало мнѣ смѣлости, и я продолжалъ:

— Ваше сіятельство могли не знать, кѣмъ я былъ посланъ, хотя одного мимолетнаго взгляда на мою подорожную было бы для того достаточно, и—смѣю думать—это должно было быть вашимъ первымъ движеніемъ, прежде чѣмъ рѣшиться принять противъ меня какія либо мѣры. Но ваше сіятельство, сами человекъ военный, еще болѣе образованный, не могли не знать, что на офицеровъ русской арміи нельзя кричать, какъ на лакеевъ, какъ поступили вы въ отношеніи меня, тѣмъ еще менѣе—обзывать ихъ разбойниками.

— Я васъ не называлъ разбойникомъ.

— Извините меня, ваше сіятельство. Я не возьму на себя обязанности доказывать, что употребленное вами выраженіе «не позволю разбойничать», по формѣ глагола, предполагаетъ существительное: разбойникъ. При возвращеніи моемъ въ Москву и явкѣ къ корпусному командиру, А. И. Нейдарту, я доложу его высокопревосходительству, что въ его корпусѣ служатъ, по мнѣнію вашего сіятельства, офицеры-разбойники.

Прочитавъ эту мораль, выслушанную безъ малѣйшаго возраженія, я поклонился князю и вышелъ изъ залы.

Вернувшись въ гостиницу, я, не заходя въ свой номеръ, прямо отправился на почтовую станцію и потребовалъ книгу для записи жалобъ проѣзжающихъ. Въ нее я вписалъ, что, слѣдуя по высо-

чайшему повелѣнію въ г. Вознесенскъ для представленія на смотръ государя безсрочно-отпускныхъ нижнихъ чиновъ, я прибылъ такого-то мѣсяца и числа, въ такомъ-то часу, въ городъ Харьковъ, гдѣ и былъ задержанъ начальствомъ, по неизвѣстной мнѣ причинѣ, до такого-то часа другого дня, т. е., болѣе 14-ти часовъ, о чемъ считаю обязанностью заявить, дабы не подвергнуться взысканію на случай моего замедленія въ прибытіи къ мѣсту назначенія. Затѣмъ подписался названіемъ полка, чина, фамиліи.

Этихъ немногихъ словъ было слишкомъ достаточно, чтобы поднять ту бурю, которая разразилась впослѣдствіи,—и не на мнѣ одномъ,—и послужила окончаніемъ моей драмы.

По прибытіи въ г. Вознесенскъ, всѣмъ офицерамъ нашего полка: штабсъ-ротмистру Повало-Швейковскому и поручикамъ Дубровину, Насѣкину и мнѣ, отвели одну общую хату, стоявшую съ края молдаванскаго селенія «Александровская слобода»,—первую отъ выѣзда изъ Вознесенска, верстахъ въ 10-ти отъ послѣдняго.

Хозяевъ наніихъ квартиръ, молдаванъ, мы почти совсѣмъ не видали. Отъ большого накопленія войскъ на незначительномъ пространствѣ они были вытѣснены изъ своихъ жилищъ. Уйдя въ степь со всѣми своими домашними и даже скотомъ, обыватели совершенно покинули свои дома въ полное наше распоряженіе и изрѣдка только появлялись, чтобы взять провизію изъ своихъ запасовъ, и снова уходили въ степь, гдѣ жили въ устроенныхъ землянкахъ.

Наша обыденная жизнь дѣлилась: на служебную, частную и домашнюю. Девятымъ, или резервнымъ эскадрономъ нашего полка, постоянно квартировавшимъ въ военныхъ поселеніяхъ Харьковскаго округа и состоящимъ въ составѣ резервнаго кавалерійскаго корпуса, командовалъ ротмистръ Пистолькорсъ, очень любезный, обходительный господинъ. Нашимъ же эскадрономъ, составленнымъ изъ безсрочно-отпускныхъ нижнихъ чиновъ, командовалъ старшій изъ насъ, штабсъ-ротмистръ Повало-Швейковскій. Лошадей подъ офицеровъ и рядовыхъ набрали залишнихъ изъ всѣхъ полковъ поселенной кавалеріи и разсортировали ихъ по мастямъ. Разумѣется, полковые командиры не дали въ чужія руки хорошихъ лошадей, а отпустили «бракъ». Мнѣ досталась лошадь довольно красивая на видъ и доброй выѣздки, но разбитая на всѣ четыре ноги. Какъ часто, сидя на ней и видя ее, спотыкающуюся почти на каждомъ шагѣ, я вспоминалъ моего «Брильянта».

Разъ или два въ недѣлю производились репетиціи ученій и смотровъ, въ ожиданіи пріѣзда государя. Полки сходились на огромное пространство, находящееся подъ самымъ городомъ Вознесенскомъ. Чтобы прійти на сборное мѣсто, мы дѣлали болѣе 7-ми верстъ. Общая картина нашихъ движеній была очень красива. Тутъ были и гусары, и кирасиры, и драгуны, и конная артилле-

рія. Было и нѣсколько частей пѣхоты, но онѣ съ нами не участвовали.

Немало было хлопотъ и возни съ безсрочными нижними чинами, чтобы хотя нѣсколько приучить ихъ къ фронту. Многіе изъ нихъ за плугомъ и другими полевыми работами не только совершенно отстали отъ военной службы и порядковъ, но утратили даже и самый видъ солдата. Надо было ихъ «подтягивать», наѣзжать, чтобы сдѣлать мало-мальски годными къ фронтовой службѣ и правильной ѣздѣ.

Погода почти все время стояла жаркая, удушливая. Утро нашего дня начиналось тѣмъ, что Пистолькорсъ рано заѣзжалъ за нами въ своей плетушкѣ, какъ мы ее называли, и мы всѣ отправлялись купаться. Плетушка состояла изъ четырехугольнаго продолговатаго глухого ящика, изъ ивовыхъ прутьевъ, сплетеннаго на манеръ корзинки и стоявшаго на дрогахъ, запряженныхъ парой лошадей, въ дышло. Плетушка на одной изъ своихъ продольныхъ стѣнъ имѣла дверцы, въ которыя мы и влѣзали внутрь, размѣщаясь кто какъ могъ, такъ какъ экипажъ, кромѣ плетенаго дна, не имѣлъ никакихъ лавокъ для сидѣнья; и мы въ халатахъ, но въ форменныхъ фуражкахъ отправлялись на рукавъ р. Буга, называемый Мертвоводъ. Берега Мертвовода состояли изъ каменныхъ скалъ, въ расщелинахъ которыхъ мы часто видали змѣй, называемыхъ «мѣдяницами», вѣроятно, по своему изжелта-зеленоватому цвѣту кожи. Любуясь ихъ медленными движеніями на солнцѣ, мы были очень осмотрительны въ водѣ, чтобы не имѣть ихъ вблизи себя. Говорили, что укушеніе ихъ смертельно.

По возвращеніи съ купанья пили чай, занимались охотой на тарантуловъ, обильно населявшихъ нашу хату. Послѣ обѣда, когда палящій жаръ нѣсколько «спадалъ», производились конныя или пѣшія ученья, изрѣдка—офицерская ѣзда, и тѣмъ заканчивался нашъ день. Книгъ никакихъ не было, да и достать ихъ невозможно, и потому офицеры въ свободное время «дулись» въ карты.

Иногда офицеры разнообразили свое препровожденіе времени охотой за дрофами. Дрофа, птица, очень схожая видомъ своимъ съ индѣйскими курами, по своему ли природному свойству, или но ожирѣнію отъ привольнаго корма, не знаю, не могла прямо подняться съ мѣста, а должна прежде разбѣжаться, чтобы летѣть. Офицеры, возвращаясь съ ученья, завидя дрофу въ степи, прижавшуюся въ высокой травѣ, вскачь пускались на нее. Дрофа при видѣ своего врага подымалась съ мѣста и, распустивъ крылья, пускалась въ бѣгъ; при этомъ, къ довершенію ея несчастья, довольно длинными своими ногами путалась въ травѣ, называемой ковыль, или «перекати поле». Офицеры скоро догоняли ее и зарубали саблями. Нерѣдко можно было видѣть всадника, возвращающагося домой съ притороченной къ сѣдлу птицей.

Наша поѣздка на купанье однажды стоила намъ небольшой непріятности. Въ нашемъ экипажѣ и въ халатахъ мы попались на глаза пробѣжавшему начальнику дивизіи, барону Дмитрію Ероѣичу Остенъ-Сакену. Разсмотрѣвъ сквозь плетушку ѣдущихъ офицеровъ въ такихъ татарскихъ костюмахъ, онъ всѣхъ насъ, не исключая и обоихъ эскадронныхъ командировъ, отправилъ прямо подъ арестъ на гауптвахту. Къ счастью нашему, на другой день назначенъ былъ высочайшій смотръ, на который нельзя было вывести эскадроны безъ начальниковъ и офицеровъ, поэтому вскорѣ освободили изъ-подъ ареста сначала Пистолькорса и Повало-Швейковского, а затѣмъ и насъ, прочую мелюзгу.

Начало съѣзжаться высшее начальство и иностранные принцы, приглашенные на маневры; пріѣхалъ и великій князь Михаилъ Павловичъ.

Однажды, вечеромъ, сидя на заваленкѣ своей хаты, со стаканомъ чая въ рукѣ, я смотрѣлъ вдаль, прямо передъ собой, ничего не видя. На меня напала какая-то грусть, тоскливо припомнилось пережитое мной счастье, потеря навсегда милой Alexandrine, другое время, другія мѣста... Слезы готовы были закапать изъ глазъ... Вдругъ окружавшую меня тишину нарушилъ звонъ почтового колокольчика и вмѣстѣ съ тѣмъ пробудилъ меня отъ моихъ мечтаній. Осмотрѣвшись, я увидѣлъ, что прямо передо мной, по дорогѣ изъ Вознесенска, мчится въ облакахъ пыли тройка лошадей. Когда телѣжка подѣхала ближе, я увидѣлъ сидящаго въ ней фельдъегеря, но не обратилъ на то особаго вниманія, такъ какъ черезъ нашу слободу проходила большая почтовая дорога, и нерѣдко случалось видѣть мчавшихся по ней курьеровъ. На этотъ разъ случилось иначе. Фельдъегерь, завидя меня, приказалъ остановиться, вылѣзъ изъ телѣжки, подошелъ ко мнѣ и, вынувъ изъ своей сумки лоскутъ бумаги, прочелъ ее и, обратясь ко мнѣ, вѣжливо спросилъ:

— Позвольте узнать, гдѣ здѣсь квартируетъ Оренбургскаго уланскаго полка поручикъ Мамаевъ?

— Я Мамаевъ, котораго вы отыскиваете! Что вамъ угодно?

— Пожалуйста сейчасъ же вмѣстѣ со мной къ великому князю.

— Дайте мнѣ время надѣть форму.

— Приказано васъ привезти въ сюртукѣ.

Я очень спокойно принялъ это извѣстіе, вернулся въ хату, поставилъ на столъ свой не допитый чай, пристегнулъ саблю и, накинувъ на себя шинель, отправился съ фельдъегеремъ, ничего не подозревая о томъ, что меня ожидало.

Мое спокойствіе духа происходило отъ того, что передъ тѣмъ между офицерами распространился слухъ, что великій князь желаетъ видѣть офицеровъ, бывшихъ въ образцовомъ полку. Братъ мой, въ чинѣ поручика, былъ прикомандированъ къ образцовому

полку, и я предположилъ, что меня приняли, вѣроятно, за брата, и мнѣ предстоитъ объяснить недоразумѣніе. Не тутъ-то было!

Фельдъегерь прямо подвезъ меня къ крыльцу дома, занимаемаго великимъ княземъ. Войдя въ пріемный залъ, я увидѣлъ толпу людей, состоящихъ изъ генераловъ, полковыхъ командировъ, дежурныхъ по карауламъ и другихъ должностныхъ лицъ—всѣхъ одѣтыми въ приличную форму.

Вечерняя заря была уже «пробита», и потому всѣ эти лица явились кто за полученіемъ приказаній, кто съ вечернимъ рапортомъ. Мое появленіе между ними одного въ простомъ сюртукѣ и фуражкѣ, въ сопровожденіи фельдъегеря, произвело видимое изумленіе. Всѣ они обратили на меня глаза, рассматривая меня съ любопытствомъ.

Одинъ генералъ въ артиллерійской формѣ, отдѣлившись отъ прочихъ, подошелъ ко мнѣ и спросилъ:

— Ваша фамилія Мамаевъ?

— Точно такъ, ваше превосходительство!

Въ спрашивающемъ меня генералѣ я узналъ Философова, часто видѣннаго мной, въ бытность мою въ Петербургѣ, девять лѣтъ тому назадъ.

Всматриваясь пристально въ меня, Философовъ продолжалъ:

— Лицо ваше мнѣ какъ будто знакомо. Гдѣ я могъ прежде васъ видѣть?

— Въ Петербургѣ, у Анны Сергѣевны Телепневой.

— А! Теперь припоминаю! Вы были кадетомъ горнаго корпуса.

Взявъ меня за руку и отведя къ дальнему отъ присутствующихъ окну, онъ вполголоса продолжалъ:

— Расскажите мнѣ, но ничего не скрывая, какъ честный человѣкъ, что у васъ за исторія была въ Харьковѣ?

Теперь я только понялъ настоящую причину призыва меня къ великому князю. Оторопѣвъ отъ нечаянности такого вопроса, я скоро, однакожъ, оправился и рассказалъ все, какъ было, не утаивъ и двухъ пощечинъ, данныхъ мною содержателю почтовыхъ лошадей, и причины, ихъ породившей.

Философовъ, выслушавъ меня внимательно до конца, сказалъ:

— Извините меня! Я долженъ вамъ сдѣлать еще одинъ довольно щекотливый вопросъ! Тогда вы... вы... вы не были пьяны?

Несмотря на затруднительность своего положенія, я улыбнулся и отвѣчалъ:

— Если-бъ я имѣлъ этотъ недостатокъ, то, конечно, не находился бы здѣсь въ Вознесенскѣ, не проѣзжалъ бы Харьковъ и не имѣлъ бы на отвѣтственности этой глупой исторіи. Вашему превосходительству лучше, чѣмъ кому либо, извѣстно, что было приказано командировать на предстоящій смотръ лучшихъ офицеровъ

изъ полковъ. Неужели въ нашемъ полку при полномъ комплектѣ офицеровъ не нашлось бы другихъ, болѣе меня достойныхъ?

— Великому князю донесли, что вы были въ нетрезвомъ видѣ.

— Не знаю, кто могъ донести его высочеству такую нелѣпицу. Если князь Трубецкой, то онъ видѣлъ меня, спустя полсутки послѣ происшедшаго, а въ такой промежутокъ времени, если-бъ я былъ и дѣйствительно пьянъ, то успѣлъ бы отрезвиться.

— Вѣрю вамъ, вѣрю вашему благородному слову. Дождитесь меня здѣсь; я пойду и предупрежду великаго князя. Затѣмъ Философовъ скрылся за дверь, находившуюся прямо передо мной. Оставшись одинъ, я нисколько не боялся предстоящей мнѣ встрѣчи съ Михаиломъ Павловичемъ, хотя и зналъ, что онъ строго взыскиваетъ за упущенія по службѣ. Наглая клевета, взведенная на меня, меня сильно возмутила, подавивъ во мнѣ всякое другое чувство страха, и я, крѣпкій своей невинностью, ожидалъ спокойно конца.

Появился Философовъ и сказалъ мнѣ громко:

— Пожалуйте къ великому князю.

И когда я поравнялся съ нимъ, то шепнулъ мнѣ:

— Ничего! Не робѣйте! Все обойдется благополучно.

Войдя въ слѣдующую комнату, которая, повидимому, служила кабинетомъ, я остановился у двери. Прямо предо мной посреди комнаты стоялъ письменный столъ, за которымъ великій князь, сидя, что-то писалъ, не подымая головы; такъ продолжалось минуты три. Въ это время я пристально разсматривалъ Михаила Павловича, котораго дотолѣ видалъ только издали. Наружность его извѣстна: его клинообразная голова, широкій затылокъ, прочія принадлежности лица воспроизведены вѣрно на всѣхъ современныхъ его портретахъ. Одѣтъ онъ былъ въ сюртукъ лейбъ-гвардіи Московскаго полка, безъ эполетъ и безъ всякихъ видимыхъ знаковъ отличій его достоинства.

Докончивъ писать, великій князь поднялъ голову и, окинувъ меня взглядомъ съ ногъ до головы, устремилъ пристально на меня свои голубые изсѣра глаза. Нѣсколько нахмуривъ брови, онъ строгимъ голосомъ сказалъ:

— Ты что тамъ набуянилъ въ Харьковѣ?

— Виноватъ, ваше императорское высочество, погорячился.

— То-то, погорячился. А вотъ, какъ я тебя засажу въ крѣпость мѣсяца на четыре, такъ остынешь! Ступай на свое мѣсто!

Повернувшись по-военному налѣво кругомъ, я вышелъ изъ кабинета. Завидя Философова, я подошелъ къ нему и горячо благодарилъ его за заступничество. Пожавъ мнѣ руку, онъ сказалъ, что очень былъ радъ услужить мнѣ, вполне довѣряя моему правдивому разсказу, радъ тѣмъ болѣе, что могъ вывести наружу обманъ и гнусную клевету.

Когда я возвращался съ тѣмъ же фельдъегеремъ въ свою хату, мнѣ дорогой невольно припомнилась другая моя исторія съ московскимъ оберъ-полицеймейстеромъ, Цинскимъ; припомнились и обстоятельства этой встрѣчи. При этомъ, сопоставляя прежній случай съ настоящимъ, я думалъ: два генерала и оба желали повредить мнѣ ложью, и обоимъ не удалось достигъ своихъ намѣреній. Видимо, есть Богъ правды, не допускающій низкой клеветѣ вредить мнѣ!.. Въ оба раза онъ послалъ мнѣ заступничество за меня: въ первомъ случаѣ въ лицѣ мужа Alexandrine, во второмъ—въ лицѣ Философова.

Въ Вознесенскъ пріѣхалъ царь съ своимъ семействомъ и въ сопровожденіи многихъ иностранныхъ принцевъ, между которыми выдѣлялся своею красивою наружностью и молодцеватостью герцогъ Максимилианъ Лейхтенбергскій, будущій мужъ великой княжны Маріи Николаевны.

Назначенъ первый день смотра. На обширномъ полѣ, вблизи Вознесенска, собрались войска резервнаго кавалерійскаго корпуса: гусары, уланы, кирасиры, драгуны, отрядъ, составленный изъ безсрочно-отпускныхъ нижнихъ чиновъ, конная артиллерія; всего, я думаю, до 80.000 человекъ. Войска заняли свои мѣста, по заранѣе составленному расписанію, на ровной мѣстности, простиравшейся на далекое пространство. День былъ ясный, жаркій, солнце палило немилосердно, хотя то былъ конецъ августа. Войска представляли собою величественный видъ; русскому царю можно было ими гордиться. Начали съѣзжаться начальники; пріѣхалъ и великій князь Михаилъ Павловичъ; собралъ около себя кучку офицеровъ и, находясь въ веселомъ настроеніи духа, сыпалъ каламбурами и смѣшилъ разсказами. Въ памяти у меня остался одинъ изъ его разсказовъ. Онъ говорилъ, что прямо къ смотру вернулся изъ Берлина, гдѣ прусскій король сдѣлалъ его шефомъ какого-то изъ своихъ кирасирскихъ полковъ. Нужно было представляться съ полкомъ королю и для этого надѣвать латы. Во всемъ Берлинѣ не могли отыскать латъ по талии великаго князя: всѣ были малы. При этомъ Михаилъ Павловичъ смѣясь прибавилъ:

— Это оттого, что пруссаки не ѣдятъ русской гречневой каши.

Завидя меня въ толпѣ окружавшихъ его офицеровъ, онъ угрозилъ мнѣ пальцемъ и сказалъ:

— А! дружище, здорово!

Наконецъ, подъѣхалъ царь, сѣлъ на подведенную верховую лошадь; но все еще не раздается обычная команда, предшествующая всякому смотру. Мы терялись въ догадкахъ, но скоро разъяснилось наше недоумѣніе. Отъ Вознесенска показались придворные экипажи (линейки). Въ первомъ сидѣли императрица съ великой княжной Маріей Николаевной, около которой у колеса вѣтелся принцъ Лейхтенбергскій.

При приближеніи Александры Ѳеодоровны раздалась команда «смирно!». Царь сталъ на правый флангъ колонны и, вынувъ шпагу, привѣтствовалъ императрицу. Весь кортежъ тронулся по рядамъ войскъ и проѣзжалъ очень тихо. Тутъ я имѣлъ случай поочереди разсмотрѣть близко всѣхъ членовъ царской семьи и ихъ свиту. Въ линейкѣ, слѣдующей за императрицей, сидѣли великая княгиня Елена Павловна съ дочерьми. Она обращала на себя вниманіе своимъ непрерывнымъ смѣхомъ. Далѣе, за нею слѣдовали линейки съ придворными дамами. Въ одной изъ такихъ линейекъ помѣщались фрейлины, штукъ шесть; но, Боже мой! что это были за лица! На подборъ одна хуже другой: длинноносыя, худыя, плоскогрудыя, что еще болѣе было замѣтно, такъ какъ всѣ онѣ были одѣты *decoltée*.

Начался церемоніальный смотръ. Войска проходили мимо императрицы, около которой царь стоялъ все время съ опущенной шпагой, какъ бы представляя ей движущіяся войска. На этомъ смотру мнѣ въ первый разъ удалось видѣть понтоны. Забавно было видѣть, какъ лодки и прочія принадлежности, везомыя на поддѣланныхъ колесахъ, проходили церемоніальнымъ маршемъ, равняясь, какъ люди!

Въ слѣдующіе за тѣмъ дни началось ученіе, маневры.

Вознесенскъ, дотолѣ дрянной городишко, украсился построенными къ смотру нарочно дворцами и домами, представляя собой необыкновенное оживленіе. Были обѣды и балы при дворѣ, породившіе много анекдотовъ, ходившихъ тогда въ разсказахъ между офицерами. Говорили, что корпусный командиръ, генералъ Никитинъ, не получившій свѣтскаго образованія, но «ломавшій» походы съ Суворовымъ, отъ котораго много позаимствовалъ въ оригинальности, отличался своей наивностью и простотой въ отѣтахъ. Такъ онъ, между прочимъ, всѣмъ молодымъ офицерамъ ставилъ въ вину ихъ свѣтское воспитаніе и называлъ ихъ не иначе, какъ «бонжурчиками». Но онъ не понималъ: что было извиняемо Суворову, какъ гению, то казалось смѣшнымъ въ немъ, его подражателѣ. Къ этому-то Никитину однажды за большимъ придворнымъ столомъ государь обратился съ вопросомъ:

— Какъ правильнѣе сказать: Пиллеръ - фонъ - Пильхау, или Пильшау?

Пиллеръ - фонъ - Пильхау командовалъ какой-то кирасирской бригадой.

Никитинъ, не задумавшись, отвѣчалъ:

— Это, ваше величество, все равно, какъ бы сказать, что Донъ-Кихоть, что Донъ-Кишоть! Какъ ни назовите, а все останется одинъ и тотъ же человѣкъ.

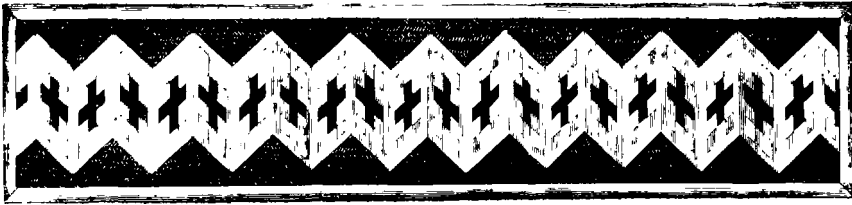
Царь остался очень недоволенъ такой, болѣе чѣмъ неумѣлой шуткой; дѣло шло объ одномъ изъ его генераловъ, при томъ, по происхожденію, изъ нѣмцевъ. Извѣстно, что нѣмцы при Николаѣ были въ большомъ фаворѣ и занимали видныя мѣста, имѣя во всемъ преимущество передъ русскими.

Пиллеръ-фонъ-Пильхау, присутствовавшій на обѣдѣ, длинная и сухая фигура, со злости, услыша отвѣтъ Никитина, вытянулся еще длиннѣе.

Н. И. Мамаевъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ЗАПИСКИ Н. И. МАМАЕВА ¹⁾.

XXIII.

Офицеръ Хелминскій и я на придворномъ балѣ. — Разговоръ императрицы Александры Θεодоровны съ Хелминскимъ во время кадрили. — Артиллерійскіе маневры. — Офицеръ Полозовъ и я на гауптвахтѣ. — Общіе маневры. — Начальники отрядовъ. — Царь и графъ Виттъ. — Излишнее усердіе Блока. — Выходка Гана. — Благополучное окончаніе маневровъ.

В ВОЗНЕСЕНСКѢ на придворные балы наряжались по очереди, какъ на службу, и нашъ братъ, армейскій офицеръ. На одномъ изъ такихъ баловъ досталось быть и мнѣ, вмѣстѣ съ поручикомъ Ингерманландскаго (что нынѣ герцога Саксенъ-Веймарнскаго) гусарскаго полка, Хелминскимъ, командированнымъ, какъ и я, для представленія на смотръ безсрочно-отпускныхъ нижнихъ чиновъ.

Въ пріемной комнатѣ дворца встрѣтилъ насъ дежурный флигель-адъютантъ и ввелъ въ залъ, залитый свѣтомъ отъ свѣчъ, несмотря на то, что на дворѣ было еще довольно свѣтло. По сторонамъ залы, на недалеомъ разстояніи отъ стѣнъ, шли колонны, поддерживающія потолокъ. Въ одинъ изъ свободныхъ пролетовъ, между колоннъ, поставили насъ. Мы осмотрѣлись; зала была полна людей обоего пола, разодѣтыхъ, разряженныхъ. Между мужчинами было довольно иностранцевъ, выделяющихся отъ прочихъ своими національными мундирами. Все это двигалось неслышно, разговаривало очень тихо. Ожидалось появленіе царственныхъ хозяевъ... Я и Хелминскій стояли на

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXXV, стр. 26.

своихъ мѣстахъ, боясь пошевелиться. Глядя на насъ, стоящихъ неподвижно, можно было принять насъ скорѣе за каріатидъ или за другія украшенія столбовъ, чѣмъ за живыхъ людей... Вдругъ все засуетилось, задвигалось, поспѣшило занять свои мѣста... Растворилась дверь изъ внутреннихъ покоевъ... въ предшествіи министра двора появилась императрица, ведомая подъ руку государемъ; за ними многочисленная блестящая свита обоего пола людей. Раскланиваясь на обѣ стороны, царственная чета дошла до противоположнаго конца залы, по пространству, окаймленному шпалерой изъ живыхъ людей, стоявшихъ въ наклонно-согнутомъ положеніи. По знаку камергера, раздались звуки польскаго, исполняемаго военнымъ оркестромъ, помѣщеннымъ снаружи за однимъ изъ оконъ залы. Мимо, насъ плавно, чинно потянулись въ парахъ: мундиры, брильянты, звѣзды, ленты, все это извивалось, какъ змѣй, своими ярко-блестящими концами чешуи... Въ моихъ непривычныхъ къ такому зрѣлищу глазахъ потемнѣло отъ сочетанія блеска!.. Огни свѣтъ, отражаясь на шитьѣ мундировъ и эполетъ и въ брильянтахъ, по мѣрѣ приближенія ко мнѣ, вспыхивали разноцвѣтнымъ свѣтомъ и потомъ опять потухали до слѣдующей пары. Въ глазахъ сильно рябило отъ такого искусственнаго сочетанія огня, и все остальное, казалось, тонуло во мракѣ... За польскимъ послѣдовалъ вальсъ. Императрица, сдѣлавъ нѣсколько туровъ, усѣлась въ кресло прямо противъ меня. Обводя глазами всѣхъ предстоящихъ, она, прищурясь, остановила ихъ на насъ, обоихъ; потомъ пальцемъ подзвала къ себѣ буквально расшитаго въ золото, какъ въ окладѣ, камергера и, указывая, какъ казалось, на меня, что-то сказала ему. Я страшно испугался, мурашки пробѣжали по спинѣ, и задрожали ноги... Камергеръ, низко поклонясь, направился къ намъ... Сердце во мнѣ упало... Подойдя къ Хелминскому, золотой «окладъ» проговорилъ официальнымъ тономъ:

— Государыня дѣлаетъ вамъ честь, — танцуетъ съ вами слѣдующую кадрили. Обязанностью считаю предупредить васъ: вы не должны сами вступать въ разговоръ, но отвѣчать только на вопросы, которыми васъ удостоятъ.

Затѣмъ, гордо поклонясь, онъ отошелъ. Я вздохнулъ свободно, какъ бы облегчившись отъ тяжести. Испугъ мой не имѣлъ основанія.

За вальсомъ послѣдовалъ промежутокъ. Разносили фрукты, конфеты, разные прохладительные напитки, мороженое въ формѣ плодовъ. Обносили и насъ обоихъ, но мы не смѣли ни къ чему прикоснуться, хотя все пожирали глазами.

Часто мимо проходилъ государь, окидывая насъ съ ногъ до головы своимъ орлинымъ взглядомъ, вѣроятно, отыскивая какое либо отступленіе отъ формы. Проходилъ и великій князь Михаилъ Павловичъ, но не обращалъ вниманія на своего «дружища».

Раздался ритурнель кадрили. Хелминскій, отстегнувъ саблю и оставя ее и свой киверъ на мѣстѣ, гдѣ стоялъ, нетвердыми шагами подошелъ къ императрицѣ. Она, поднявшись съ кресла, подала руку, и они заняли мѣста въ кадрили. *Vis-à-vis* всталъ герцогъ Лейхтенбергскій съ великой княжной Маріей Николаевной. Я не спускалъ глазъ съ Хелминскаго. Въ первыя три фигуры онъ, повидимому, спокойно и развязно отвѣчалъ на слова своей царственной дамы; но въ четвертой—съ ними обоими произошла быстрая перемѣна. Хелминскій измѣнился въ лицѣ, а императрица отвернулась отъ него, при чемъ стало замѣтно трясеніе ея головы. Въ такомъ положеніи, не говоря болѣе ни слова, они кончили кадрили. На низкій почтительный поклонъ Хелминскаго императрица отвѣчала едва замѣтнымъ кивкомъ головы и величественно удалилась къ своему креслу, на которое и сѣла.

Когда Хелминскій вернулся на свое мѣсто, я шопотомъ спросилъ его:

— Что случилось съ вами?

— Не спрашивайте! Послѣ скажу!

Положеніе его и такой неудовлетворительный отвѣтъ меня сильно заинтересовали; но мѣсто, гдѣ мы находились, и люди, насъ окружающіе, не давали мнѣ возможности пускаться въ дальнѣйшія объясненія.

Между тѣмъ, продолжались слѣдующіе танцы. Государыня болѣе не смотрѣла въ нашу сторону, а мы оба попрежнему стояли неподвижно, въ образѣ каріатидъ... Насмотрѣвшись на все, что меня интересовало, еще болѣе сильно уставъ, стоя на одномъ мѣстѣ, я подумывалъ какъ бы «улизнуть» изъ залы; но меня удерживало незнаніе этикета, какъ поступить въ подобномъ случаѣ. Инстинктъ говорилъ во мнѣ, что такъ, просто, по собственному своему желанію, нельзя оставить мѣста, на которое насъ поставили, какъ на выставку.

На счастье, близко проходилъ какой-то флигель-адъютантъ, и я рѣшился обратиться къ нему съ вопросомъ:

— Можно мнѣ оставить залъ?

Тотъ гордо отвѣчалъ:

— Теперь нельзя. Но передъ мазуркой царскія особы удалятся, на время, во внутреннія комнаты; тогда я выведу васъ.

Дѣлать было нечего; оставалось покориться своей участи, или, правильнѣе сказать, тягости придворнаго этикета. Прошелъ еще одинъ мучительный часъ; ноги мои, отъ продолжительнаго стоянія, начали нѣмѣть; я, какъ журавль, переминалъ ими.

Наконецъ настала вождедѣнная минута. Императрица удалась изъ залы; вмѣстѣ съ тѣмъ флигель-адъютантъ обязательно вспомнилъ свое обѣщаніе и, подойдя къ намъ, вывелъ меня и Хелминскаго, желавшаго того же не менѣе, чѣмъ я.

Отыскавъ, не безъ труда, привезшую насъ придворную линейку, мы на ней отправились въ свой домъ. Дорогой Хелминскій на французскомъ языкѣ, чтобы не могли понять ни лакей, ни кучеръ, везшіе насъ, рассказалъ мнѣ случившееся съ нимъ.

Разговоръ его съ императрицей начался тѣмъ, что она ломанымъ русскимъ языкомъ спросила его: говоритъ ли онъ по-нѣмецки, или по-французски, и дальнѣйшій разговоръ продолжался на этомъ языкѣ. Императрица расспрашивала, любитъ ли онъ танцы, видалъ ли прежде придворные балы, какое впечатлѣніе произвелъ на него настоящий. Переходя затѣмъ къ службѣ, милостиво замѣтила, что при той удушливой жарѣ, которая стоитъ, ученія должны сильно утомлять насъ. Пока разговоръ вертѣлся на такихъ предметахъ, все шло хорошо. Императрица, видимо, благоволила къ Хелминскому. Вдругъ пришла ей несчастная мысль спросить:

— Ваши отецъ и мать живы?

— Слава Богу, живы, ваше императорское величество.

— Гдѣ они?

— Въ Варшавѣ.

Государыня, пристально взглянувъ на него, продолжала:

— Вы—русскій?

— Нѣтъ, ваше величество, я полякъ.

Государыню, видимо, передернуло.

— А гдѣ вы воспитывались?

— Въ школѣ юнкеровъ.

— Въ Петербургской?

— Нѣтъ, въ Варшавской.

— Гдѣ вы были во время послѣдняго варшавскаго возмущенія?

— Въ школѣ.

Этихъ немногихъ словъ было слишкомъ достаточно, чтобы встревожить государыню; голова ея затряслась. Отвернувшись съ явнымъ неудовольствіемъ отъ Хелминскаго, она не сказала съ нимъ болѣе ни одного слова. Въ эту-то минуту я и видѣлъ Хелминскаго такъ сильно измѣнившимся въ лицѣ. Онъ понялъ всю неловкость, всю неосмотрительность своего отвѣта; но что же было ему дѣлать? Не лгать же!

Извѣстно, что императрица получила трясеніе головы въ самый день возмущенія 14 декабря 1825 года, когда она смотрѣла изъ окна на Дворцовую площадь, полную народа и войскъ, и, прислушиваясь къ крикамъ и выстрѣламъ, страшилась за жизнь государя. Трясеніе ея головы дѣлалось замѣтнымъ каждый разъ при малѣйшемъ намекѣ на бунтъ. Извѣстно такъ же, что начало возстанія въ Варшавѣ, въ 1830 году, положили юнкера... Все это припомнила императрица и въ избранномъ ею самой кавалерѣ на танцы видѣла, можетъ быть, одного изъ участниковъ этого ско-

пища молодыхъ людей... Хелминскій, оканчивая свой разсказъ, прибавилъ, что, замѣтивъ непріятное впечатлѣніе, произведенное его отвѣтами на императрицу, онъ въ первую минуту подумалъ было объяснить, что не принималъ никакого участія въ возстаніи своихъ соотчичей; доказательство,—его настоящая служба государю; но, вспомнивъ предостереженіе камергера отвѣчать только на дѣлаемые вопросы, остановился. Такимъ образомъ, придворный этикетъ наложилъ на него печать молчанія, и онъ долженъ былъ вынести на себѣ всю тяжесть несправедливаго подозрѣнія, которое, можетъ быть, лишило его блестящей карьеры по службѣ. Заслуживъ, въ началѣ, благосклонное вниманіе императрицы, Хелминскій могъ разсчитывать на свое прекрасное будущее.

Вскорѣ послѣ описаннаго мной бала устроено было на полѣ, гдѣ обыкновенно происходили наши смотры и ученья,—«театральное» зрѣлище. Въ дальнемъ концѣ поля были поставлены деревянные щиты, красиво и отчетливо изображавшіе собой турецкую крѣпость со всѣми ея принадлежностями: минаретами, башнями, воротами, зубчатыми башнями. Крѣпость эту должна была разбивать артиллерія, и для большаго эффекта, чтобы огонь каждаго выстрѣла былъ виднѣе, бомбардированіе было назначено вечеромъ.

Въ день, назначенный для уничтоженія крѣпости, я обѣдалъ въ баракахъ, у кирасирскаго ротмистра Полозова, моего знакомаго по Коломнѣ.

Для незнающихъ объясню, что баракъ называется вырытая довольно просторная землянка, съ потолкомъ, поддерживаемымъ деревянными стойками, и освѣщаемая окномъ со стеклянной рамой. На потолокъ насыпанная земля служить вмѣсто крыши. Такой баракъ въ сухое время служилъ вмѣстилищемъ милліона земляныхъ блохъ, но во время дождей вода, вливаясь въ него по спуску, устроенному для входной двери, образовывала на полу лужи грязи, въ которыхъ нерѣдко случалось видѣть прыгающихъ лягушекъ. Баракъ отличается отъ блиндажа тѣмъ, что послѣдній имѣетъ на потолокъ гораздо толще насыпанный слой земли, могущій выдерживать удары бомбъ.

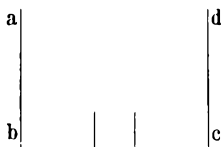
Полозовъ предложилъ мнѣ ѣхать вмѣстѣ смотрѣть на артиллерійскую стрѣлбу, при чемъ ради шутки вызвался сдѣлать обмѣнъ лошадьми. Свою, засѣдланную кирасирскимъ сѣдломъ, далъ мнѣ, а на мою, въ уланскомъ сѣдлѣ, на которой я пріѣхалъ къ нему, сѣлъ самъ. Извѣстно, что сѣдловка лошадей, кирасирскихъ и уланскихъ, имѣетъ большую разницу, какъ по формѣ самыхъ сѣделъ, такъ и по покрою и цвѣту сукна: первый употребляется въ легкой кавалеріи, послѣдній въ тяжелой, къ которой принадлежатъ кирасиры.

Прибывъ на мѣсто, мы стали подальше отъ начальства, чтобы не замѣтили нашихъ не форменныхъ, или, вѣрнѣе сказать, обмѣненныхъ сѣделъ; но мы рассчитывали безъ неожиданнаго артиллерійскаго маневра.

Крѣпость имѣла форму:

три стороны которой были закрыты стѣнами, съ воротами посрединѣ и башнями по угламъ; четвертая—была совершенно открыта. Для ясности разсказа стѣны означу буквами:

При нашемъ пріѣздѣ, артиллерія въ одну линію, съ интервалами, выстроена была противъ лицевой стѣны *b c*.

Прибылъ царь, по обыкновенію, окруженный многочисленной свитой, со всѣми своими иностранными гостями, въ числѣ которыхъ находился и турецкій посланникъ.

Изъ предположенія, что пушки, поставленныя на заранѣе приготовленныхъ мѣстахъ, наведены на цѣль, или, можетъ быть, изъ желанія блеснуть передъ иностранцами быстротой движеній и вѣрностью выстрѣловъ, государь скомандовалъ перемѣну фронта. Пушки, снявшись съ позиціи, понеслись по указанному направленію и стали противъ угла крѣпости *b*, такъ что могли обстрѣливать оба ея фасада *ab* и *dc*. При этомъ передвиженіи орудій, я и Полозовъ совершенно неожиданно попали на путь слѣдованія артиллеріи, во главѣ которой несся самъ царь. Застигнутые врасплохъ, мы не имѣли времени ускакать съ своихъ мѣстъ, и потому, по русскому всесильному «авось», рѣшились ожидать, что будетъ. Царь пронесся около насъ въ близкомъ разстояніи и кивнулъ головой, когда мы взялись «подъ козырекъ», не замѣтивъ нашихъ не подлежащихъ сѣделъ; но отъ зоркаго глаза скакавшего въ его свитѣ начальника дивизіи, барона Остенъ-Сакена, не укрылось наше нарушеніе формы. Остановивъ свою лошадь и спросивъ наши фамиліи, онъ приказалъ мнѣ, по окончаніи предстоящаго маневра, отправиться на гауптвахту, а Полозову, какъ не состоящему въ его вѣдѣніи, объявилъ, что о немъ будетъ доведено до свѣдѣнія его начальства. Но мы не очень горевали о постигшей насъ участи, радуясь, что не царь замѣтилъ нашу про-

дѣлку, и что намъ дозволено присутствовать при артиллерійскомъ огнѣ. Для меня спать было все равно, на гауптвахтѣ или дома, и мы устремили глаза на предстоящее зрѣлище.

Между тѣмъ, артиллерія донеслась до своихъ мѣстъ; пушки живо были сняты съ передковъ и наведены на цѣль. По командѣ началась стрѣльба по орудіямъ, съ ровными промежутками. Первое же ядро попало въ цѣль, и часть деревянной стѣны съ трескомъ повалилась на землю. Слѣдующіе затѣмъ выстрѣлы окончательно разбили крѣпость; но оставшіеся еще кое-гдѣ рѣдкіе щиты стояли нетронутыми. Приказано было зажечь ихъ гранатами. Зрѣлище представилось великолѣпное. Стемнѣло, и можно было видѣть каждую искорку огня. Выстрѣлы все болѣе и болѣе учащались, слились въ одинъ общій залпъ. Артиллерія въ послѣдній разъ выпустила свои заряды и смолкла. Пороховой дымъ, клубясь вверхъ, держался въ воздухѣ темнымъ облакомъ. Въ то же время скрытые въ крѣпости фугасы взлетѣли на воздухъ, что должно было изобразить собой окончательный взрывъ крѣпости. Говорили послѣ, будто люди были скрыты за стѣнами деревянной крѣпости и въ данную минуту подожгли фугасы. Если это справедливо, то незавидна была участь сидящихъ подъ выстрѣлами ядеръ и гранатъ.

Начались маневры. Первый продолжался цѣлый день. Съ разсвѣтомъ мы пришли на «позицію», а вернулись домой поздно ночью усталые, голодные. Все войско было раздѣлено на двѣ половины: одной — непріятельской, командовалъ начальникъ всей поселенной кавалеріи, графъ Виттъ; другой, въ составѣ которой находились наши безсрочно-отпускные, — самъ царь. Мы тѣснили непріятеля до города Вознесенска, гдѣ онъ и прикрывся рогатками и тѣмъ преградилъ наступленіе кавалеріи. Тутъ я въ первый разъ видѣлъ въ дѣйствіи драгунъ. По сигналу вызвана была впередъ цѣлая ихъ дивизія; по другому сигналу, всѣ они живо спѣшились, образовали изъ себя батальонъ пѣхоты и съ примкнутыми къ рукамъ штыками, съ барабаннымъ боемъ, двинулись на приступъ города. Для насъ это было презанимательное зрѣлище; люди, за минуту дотолѣ сидѣвшіе на лошадахъ, какъ бы по мановенію волшебства превратились въ стройные ряды пѣхоты, между тѣмъ какъ лошадей ихъ отвели назадъ. Подойдя къ городу, часть драгунъ бросилась, подъ выстрѣлами непріятеля, опрокидывать рогатки; другая — полѣзла на крыши невысокихъ хатъ, окружавшихъ предмѣстье, и спрыгивала съ нихъ въ средину города. Подсаживая другъ другу и потомъ спускаясь, драгуны употребили въ дѣло и свои штыки, только, разумѣется, не кололи ими непріятеля, а втыкали ихъ въ стѣны хатъ, что дѣлать было легко, такъ какъ стѣны были изъ глины; такимъ образомъ, дѣлая изъ штыковъ какъ бы ступеньки лѣстницы, лѣзли по нимъ наверхъ, на крыши.

Когда откинута была рогатка, и путь намъ былъ открытъ, мы всей массой, имѣя во главѣ государя, вступили въ городъ. На первой же площади встрѣтилъ насъ гр. Виттъ, со шляпой въ рукѣ, что означало, что онъ признаетъ себя побѣжденнымъ и отдается въ плѣнъ, поручая себя и свои войска великодушію непріятеля...

Государь былъ въ восторгѣ.

Но эта игра въ войну многимъ не прошла даромъ!

И прежде ни одного ученія не проходило безъ того, чтобы не было человѣкъ 4—6 убитыми, еще болѣе искалѣченными и ранеными.

Государь не довольствовался ровной плоскостью, избранной для нашихъ ученій, а водилъ полки и съ ними артиллерію по мѣстностямъ, пересѣченнымъ оврагами или «балками» (по мѣстному выраженію). Въ такіе-то овраги, иногда довольно глубокіе, съ крутыми берегами, должны были спускаться, на рысяхъ, кавалерія и артиллерія. И лошади, и пушки, и люди часто легли кувыркомъ внизъ, на дно оврага, при чемъ страшно калѣчились или убивались до смерти. На описанномъ мной маневрѣ случай этотъ повторился, но въ значительномъ размѣрѣ. Въ моихъ глазахъ одно артиллерійское орудіе, запряженное въ шесть лошадей, при спускѣ въ оврагъ не удержалось, перевернулось, покатилося внизъ, увлекая за собой и людей и лошадей. Когда привели все въ порядокъ, то не досчитались восьми человѣкъ изъ прислуги и нѣсколькихъ лошадей; всѣ они были или раздавлены, или убиты, или изувѣчены такъ, что не могли продолжать далѣе службы. Говорили, что всѣхъ убитыхъ въ тотъ день было болѣе 40 человѣкъ, а раненыхъ—за сотню. Лазаретные фургоны, гремя своими цѣпами вмѣсто рессоръ, то и дѣло сновали взадъ и впередъ, подбирая убитыхъ и раненыхъ. Полковые доктора верхомъ, сидя на лошади «калачикомъ» (кавалеристы поймутъ меня), въ треуголкахъ, съ надѣтыми на нихъ изъ глянцевиной кленки чехлами, суетились со своими аколитами-фельдшерами и тамъ и сямъ подавали нуждающимся необходимую помощь.

Описанный мною маневръ не обошелся и безъ другихъ приключеній: одного—грустнаго, другого—смѣшнаго.

Государь требовалъ, чтобы артиллерія, какъ только выскакивала на позицію, тотчасъ же открывала огонь и поддерживала бы его съ живою скоростью. Поручикъ Блокъ, поставивъ свое орудіе на определенное мѣсто, открылъ пальбу. Поднявшаяся отъ движенія кавалеріи пыль, смѣшавшись вмѣстѣ съ пороховымъ дымомъ отъ выстрѣловъ, залѣпляла глаза. Блокъ, верхомъ на лошади, стоя близъ самага орудія, не могъ видѣть его дула. Помня приказаніе начальства стрѣлять какъ можно чаще, онъ скомандовалъ обычное «пли», не замѣтивъ, что бомбардиръ, пославъ зарядъ въ дуло, прибавлялъ его банникомъ. Фейерверкеръ, услыша команду офицера и по нерасторопности, а, можетъ быть, за дымомъ и пылью, не видя, что

бомбардиръ не успѣлъ еще вынуть изъ жерла пушки банникъ, нанесъ горящій фитиль на скоропалительную трубку; грянулъ выстрѣлъ... Силою заряда банникъ сломился на двое, оторвалъ обѣ руки по локоть у бомбардира и ранилъ двухъ лошадей въ близъ стоявшемъ эскадронѣ гусаръ. Послѣдствіемъ такого несчастнаго случая было: Блокъ арестованъ на два мѣсяца, съ приказаніемъ обойти его чиномъ, что въ артиллеріи, гдѣ въ тѣ времена чины вообще давались туго, было равносильно вѣчному служенію въ одномъ чинѣ. Жертва излишняго усердія Блока—искалѣченный бомбардиръ поступилъ на попеченіе великаго князя Михаила Павловича, который приказалъ помѣстить его, по выздоровленіи, инвалидомъ въ свой дворецъ въ Петербургѣ, а между тѣмъ разузнать, не осталось ли семейство раненаго, чтобы дать ему денежное вознагражденіе.

Другое происшествіе, имѣвшее своимъ исходомъ смѣхъ, заключалось въ слѣдующемъ.

Узкая полоса земли отдѣляла р. Бугъ отъ рукава ея, рѣки Мертводѣ. Мѣстность эта, по расписанію маневровъ, должна была быть занята драгунами. Отрядъ Александрійскаго гусарскаго полка, подъ командой майора Ганъ, затесался на эту мѣстность въ то время, когда драгуны входили въ нее съ противоположной стороны и, такимъ образомъ, столкнулись на этомъ узкомъ пространствѣ. Командиръ драгунъ, вполнѣ увѣренный, что мѣсто должно остаться за нимъ, вѣжливо обратился къ Гану съ просьбой—попятиться назадъ, такъ какъ мѣстность не позволяетъ иначе разойтись. Ганъ, достаточно подпившій, съ киверомъ на затылкѣ, «вломился въ амбицію»; со словами: «александрійцы никогда не уступаютъ», скомандовалъ своему отряду «впередъ!» и ринулся на драгунъ. Тѣ, въ свою очередь, тоже подвинулись, и началась свалка... посыпались сабельные удары... Государь, стоявшій на небольшомъ возвышеніи въ недалекомъ разстояніи отъ мѣста столкновенія, подскочилъ къ побоищу и своимъ звонкимъ, серебристымъ голосомъ спросилъ:

— Это что такое?

Выслушавъ объясненіе командира драгунъ, царь обратился къ Гану и тѣмъ же звучнымъ голосомъ, раздавшимся на далекое разстояніе, закричалъ:

— Какой ты майоръ? ты...

И, съ тѣмъ вмѣстѣ, приказалъ ему отступить.

Дѣло это могло кончиться очень дурно для Гана; но его спасла веселая минута царя. Оставшись очень доволенъ вообще всѣми маневрами, государь, во время непродолжительнаго отдыха, даннаго войскамъ, по сигналу вызвалъ къ себѣ гусаръ и драгунъ, бывшихъ недавнихъ враговъ, и, выстроивъ ихъ попарно, т. е. одинъ гусаръ и одинъ драгунъ, приказалъ пройти имъ мимо себя церемоніальнымъ маршемъ подъ звуки музыки. Этимъ царь желалъ какъ бы

возстановить между ними согласіе; но майоръ Ганъ, несмотря на то, все-таки высидѣлъ цѣлую недѣлю на гауптвахтѣ арестованнымъ.

На этихъ же маневрахъ мнѣ удалось видѣть въ первый еще разъ, какъ наводятъ понтонный мостъ; но, увы, мы не могли имъ воспользоваться. При наведеніи черезъ р. Бугъ, число понтонныхъ лодокъ оказалось недостаточнымъ, чтобы перехватить всю рѣку. Государъ страшно разсердился. Командиръ понтонновъ, кажется, полковникъ Дощельмейеръ, былъ за то арестованъ.

Наступилъ сентябрь, начали перепадать частые дожди; къ голоду и усталости маневровъ присоединились невольныя души. Возвращались домой промоченными насквозь.

Назначены были послѣдніе заключительные маневры, долженствовавшіе продолжаться нѣсколько дней; такъ, по крайней мѣрѣ, можно было судить по отданному приказанію: запасть и взять съ собой провіанта и фуража на шесть дней. Войска уходили верстъ за 30 отъ мѣста своихъ стоянокъ...

Сказавшись больнымъ, я не поѣхалъ на послѣдніе маневры, въ виду предстоящихъ лишеній и трудностей, въ томъ полномъ убѣжденіи, что самопожертвованіе тутъ ни къ чему не послужитъ.

По окончаніи послѣдняго маневра, сокращеннаго по случаю дождливаго времени на пять дней, насъ, командированныхъ, выпустили по полкамъ, при чемъ всѣмъ офицерамъ было объявлено монаршее благоволеніе. Офицеры, въ видѣ награды, просили дозволенія возвратиться въ свои полки черезъ Одессу. Насъ интересовало видѣть этотъ приморскій, торговый городъ ради близкаго его разстоянія отъ Вознесенска. Начальство отказало въ нашемъ желаніи изъ боязни, чтобы больной наплывъ молодежи послѣ невольнаго двухмѣсячнаго монастырскаго воздержанія не произвелъ какихъ либо скандаловъ въ присутствіи царской фамиліи, которая изъ Вознесенска прямо направилась въ Одессу. Нечего было дѣлать, и мы, «поджавъ хвосты» своихъ преждевременныхъ ожиданій, отправились восвояси.

XXIV.

Обратный путь.—Поѣздка на волахъ.—Остановка въ Кременчугѣ.—Тамошній городничій.—Разказы про корпуснаго командира Рота.—Полтава.—Диканька.—Остановка въ Харьковѣ.—Я выслушиваю собственную мою исторію изъ устъ лавки гостиницы.—Мое возвращеніе въ Москву и намѣреніе поступить въ военную академію.—Мнѣ представляется возможность попасть въ адъютанты къ волынскому военному губернатору А. П. Маслову.—Осенній смотръ въ Москвѣ.—Я ординарцемъ у царя.—Начальникъ дивизіи Гельфрейхъ.—Скачка черезъ барьеръ.—Отпускъ и отѣздъ въ Казань.—Свиданіе съ родителями.—Грустное настроеніе.—Возвращеніе въ Коломну.—Мое назначеніе въ адъютанты къ генералу Маслову.

Обратный путь мой лежалъ тѣми же мѣстами, которыя я уже пробѣждалъ, но на этотъ разъ сопряженъ былъ съ большими препятствіями и остановками. Огромная масса разныхъ генераловъ и другихъ начальниковъ, отхлынувшая вся разомъ изъ Вознесенска, забирала всѣхъ лошадей на станціяхъ, несмотря на то, что положенный ихъ комплектъ былъ болѣе чѣмъ удесятеренъ. Вслѣдствіе этого мы, мелочь въ военной іерархіи, на каждой почти станціи встрѣчали остановку въ лошадяхъ. Кто испыталъ «удовольствіе» переждать на почтовой станціи, да еще въ степи, тотъ пойметъ, почему я рѣшился цѣлыхъ двѣ станціи ѣхать въ телѣжкѣ, запряженной парой воловъ; хотя и медленно, а все-таки подвигаешься впередъ, не испытываешь тоски неподвижности. Тутъ я имѣлъ случай всмотрѣться въ этихъ умныхъ животныхъ, хотя они страшно мнѣ надоѣли своей ничѣмъ невозмутимой поступью шагомъ. Никакими средствами нельзя принудить вола, хотя небольшое пространство, не говорю пробѣжать,—пройти ускореннымъ шагомъ, и я часто, соскучившись тащиться, соскакивалъ съ телѣжки и далеко опережалъ ее. Зайдя впередъ и потерявъ воловъ изъ вида, садился на край дороги и дожидался ихъ приближенія... Послышится возгласъ возничаго: «цобъ! цобэ!», что означало направо, налѣво,—являются рога и морды животныхъ, помахивающихъ своими хвостами и двигающихся все тѣмъ же степеннымъ шагомъ... Сядешь въ подѣхавшую телѣжку, потянешься далѣе... опять возьметъ тоска отъ медленной ѣзды... снова соскочишь и уйдешь впередъ, и такъ продолжается во весь путь, до слѣдующей станціи.

Но, слава Богу, добрались до Полтавской губерніи; пошли мѣста населенныя, стали чаще встрѣчаться поселенія и люди; глаза, утомившіеся отъ единообразія степи, отдыхали на проявленіи жизни. Приѣхалъ въ Кременчугъ, первый порядочный городъ, въ которомъ можно было остановиться и найти сносную гостиницу, чтобы переждать пробѣзда всѣхъ генераловъ и другихъ лицъ, тормозившихъ ѣзду на почтовыхъ.

Въ Кременчугѣ я отдыхалъ двое сутокъ. Случай познакомилъ меня съ тамошнимъ городничимъ, раненымъ ветераномъ 1812 года. Привѣтливый, словоохотливый старикъ съ увлеченіемъ рассказывалъ

мнѣ много эпизодовъ изъ отечественной войны, въ которыхъ былъ ихъ свидѣтелемъ или принималъ дѣятельное участіе. Разсказывалъ мнѣ и позднѣйшія событія. Напримѣръ, повѣдалъ мнѣ, какъ корпусный командиръ Ротъ, возвращаясь въ 1829 году изъ турецкаго похода и остановившись въ Кременчугѣ, остался недоволенъ отведенной ему квартирой. Пославъ за городничимъ и расшумѣвшись и раскричавшись, какъ это было тогда въ употребленіи между генералами, Ротъ закончилъ бранью:

— Ты дуракъ!

На это старикъ-ветеранъ почтительно, но твердо отвѣтилъ:

— Ваше превосходительство, во уваженіе моихъ лѣтъ, еще болѣе моихъ ранъ, самъ государь не сказалъ бы: «ты дуракъ», а «вы дуракъ!»

Не знаю, понялъ ли Ротъ смыслъ и намекъ умнаго отвѣта, но болѣе городничаго не тревожилъ.

Анекдотъ этотъ привелъ мнѣ на память другой подобный, и съ тѣмъ же Ротомъ. Подъ Вознесенскомъ онъ выслушалъ тоже отвѣтъ, намекавшій на его глупую дерзость, отъ кирасирскаго офицера, назначеннаго ему на ординарцы. Извѣстно, что на ординарцы всегда назначаются лучшіе офицеры, твердые въ ѣздѣ и службѣ, и если случаются какія неудачи, то онѣ происходятъ помимо воли ординарца, или, какъ тогда говорилось, «по обстоятельствамъ, отъ него не зависящимъ». Ротъ иначе понималъ эти вещи и, придравшись къ чему-то, началъ «распекать» ординарца и между прочимъ спросилъ:

— Отчего лошадь ваша не слушается мундштука?

Взбѣшенный кирасиръ не останавливаясь отвѣчалъ:

— Отъ того, что ротъ скверенъ, ваше высокопревосходительство.

Чтобы понять соль такого отвѣта, я долженъ для неслужившихъ въ кавалеріи пояснить, что иногда выдается въ ѣздѣ такая лошадь, у которой ротъ какъ бы онѣмѣлъ, дѣлается нечувствительнымъ для душики мундштука. Такая нечувствительность на языкѣ кавалеристовъ и называется «скверный ротъ» лошади.

Ротъ понялъ очень хорошо игру словъ: «Ротъ» и «ротъ», и что эпитетъ «скверный» приложенъ къ нему лично, но, не имѣя прямого предлога взыскать съ офицера за такой экивокъ, продолжалъ придираться:

— Я васъ, сударь мой, за дурное управленіе лошади сошлю туда, куда Макаръ телятъ не гонялъ.

Но тотчасъ же получилъ отвѣтъ:

— Я знаю, что участь кавалерійскаго офицера зависитъ отъ скотины, ваше высокопревосходительство.

Этотъ новый остроумный отвѣтъ: отъ какой скотины? отъ лошади, или отъ Рота, окончательно взбѣсилъ послѣдняго, и онъ не выдержалъ, отправилъ своего ординарца подъ арестъ. Впрочемъ, на этомъ и кончилось дальнѣйшее преслѣдованіе офицера.

Ветеранъ-городничій разсказалъ мнѣ между прочимъ любопытный для меня случай изъ житейскаго быта въ тамошней мѣстности. Мы, жители сѣверной и средней полосы Россіи, не знаемъ, и славу Богу, что такое за насѣкомое саранча; въ Южной Россіи она, составляя обыденное явленіе, — бичъ на хлѣбныя произрастенія. Появляясь въ видѣ несмѣтнаго числа, она заслоняетъ собой солнце, пожираетъ всю растительность, встрѣчаемую на своемъ пути; въ одинъ часъ уничтожаетъ годовой трудъ земледѣльца. Извѣстно, что рѣка Днѣпръ раздѣляетъ городъ Кременчугъ на двѣ части. Однажды страшная, громаднѣйшая туча саранчи показалась надъ южной частью города, буквально затмивъ собой на нѣсколько часовъ солнце. Спустившись на землю, саранча въ нѣсколько минутъ пожрала листья плодовыхъ и фруктовыхъ деревьевъ, потомъ по мосту начала перебираться на противоположный берегъ рѣки. Чтобы прекратить саранчѣ дальнѣйшій путь, городничій распорядился развести мостъ. Но такое препятствіе не остановило нашествія своего рода варваровъ. Саранча, свернувшись въ нѣсколько клубковъ, спустилась въ рѣку и смѣло поплыла по водѣ. Столпившійся на берегу народъ, чѣмъ попало, уничтожалъ вытѣзавшую изъ рѣки саранчу, но могъ бить только ту, крылья которой обмокли въ водѣ; остальная, поднявшись на воздухъ, скрылась изъ глазъ изумленныхъ ея нашествіемъ жителей. Въ это лѣто вся жатва въ окрестностяхъ города была истреблена саранчей.

Въ Полтавѣ ѣздилъ смотрѣть поле знаменитой битвы Петра съ Карломъ XII; видѣлъ памятникъ, поставленный въ воспоминаніе побѣды, одержанной надъ шведами. Затѣмъ, Полтава осталась у меня въ памяти по тѣмъ отличнымъ «бубликамъ», которые мнѣ подавали къ чаю. Пекутся они изъ крупчатой муки съ примѣсью кукурузной, отъ чего дѣлаются рассыпчатыми и очень пріятными на вкусъ.

На первой станціи отъ Полтавы, знаменитой Диканькѣ, я тоже остановился. Диканька мнѣ и прежде была знакома по сочиненію Н. В. Гоголя: «Вечера на хуторѣ близъ Диканьки», — и историческимъ воспоминаніямъ. Здѣсь могучій славный Кочубей по навѣстамъ измѣнника Мазепы сложилъ на плахѣ свою неповинную сѣдую голову. Къ счастью, въ мѣстечкѣ я нашелъ въ молодомъ мѣстномъ священникѣ любознательнаго изслѣдователя старины, насколько онъ былъ подготовленъ къ тому своимъ семинарскимъ образованіемъ того времени. Не вдаваясь въ историческія изысканія, онъ не менѣе того не оставлялъ безъ вниманія встрѣчаемыхъ имъ памятниковъ старины и изучалъ мѣстные нравы и обычаи жителей. Священникъ указалъ мнѣ мѣсто, гдѣ по преданію была отрублена голова Кочубея, и камень, подъ которымъ лежало его тѣло. Гуляя съ нимъ по саду господскаго дома, я жадно слушалъ его, впрочемъ, необширныхъ свѣдѣній о быломъ времени; онъ былъ болѣе знакомъ съ житейскимъ бытомъ современныхъ ему малороссіянъ.

Въ Харьковѣ я пріѣхалъ днемъ и остановился въ знакомой мнѣ гостиницѣ. Слуга, подававшій мнѣ обѣдъ, былъ не тотъ, который прислуживалъ мнѣ въ первый мой пріѣздъ. Не боясь быть узнаннымъ, я смѣло приступилъ къ разспросамъ о своей собственной исторіи, желая уяснить себѣ то, что происходило въ Харьковѣ послѣ моего отъѣзда, и почему выходка моя относительно содержателя почтовыхъ лошадей дошла до свѣдѣнія великаго князя Михаила Павловича.

Обратясь къ слугѣ, я сказалъ:

— Скажи, пожалуйста, что такое надѣлалъ у васъ здѣсь уланскій офицеръ?

— И, сударь, и не говорите!.. Надѣлалъ онъ такую сумятицу, что всѣмъ досталось на орѣхи.

— Да что же такое?

— А вотъ, изволите видѣть! Пріѣхалъ онъ, этта, ночью прямо на станцію. Содержатель почтовыхъ лошадей, Котляровъ, ему что-то и нагрубил; офицеръ, не думая долго, извѣстно, военная косточка, возьми, да и хвать его въ ухо, да и въ другое. Котляровъ схватилъ подорожную, значитъ, да въ бѣжки. Утромъ пошелъ, да и нажаловался губернатору: вотъ, молъ, такъ и такъ, ваше сіятельство, офицеръ меня прибилъ. А нашъ князь, и-и, какая горячка; хоть кого оборветъ. Но, видно, нашла коса на камень. Онъ напустился на офицера, а офицеръ и самъ зубастъ, говоритъ: вы не можете мнѣ ничего сдѣлать, а я вамъ не подчиненъ, не можете меня и задерживать. Князь видитъ, что съ офицеромъ ничего не подѣлаешь, взялъ да и отпустилъ его съ Богомъ! Офицеръ, не будь малый промахъ, возьми да и запиши въ жалобную книгу, что вотъ, дескать, такъ и такъ; пріѣхалъ я въ Харьковъ тогда-то, и меня тамъ задержали, не знаю почему, столько-то времени; такъ я, дескать, заявляю о семъ, чтобы мнѣ не быть въ отвѣтѣ передъ своимъ начальствомъ. Потомъ взялъ почтовыхъ лошадей, да и былъ таковъ. Вотъ долго-ль, скоро-ль, долженъ былъ проѣзжать нашимъ городомъ великій князь Михаилъ Павловичъ. По расписанію, ему назначено было здѣсь завтракать. Губернаторъ и все начальство ожидало великаго князя на отведенной ему квартирѣ, куда были отведены и приготовленныя для него почтовыя лошади; а великій-то князь приказалъ везти себя прямо на почтовую станцію. Говоритъ: «не хочу я ни минуты оставаться въ Харьковѣ». Это намъ передалъ ямщикъ, что привезъ его. Великій князь чѣмъ-то разсердился, вѣзжая въ губернію; какая-то, видно, была неисправность. Вотъ онъ и не захотѣлъ останавливаться, чтобы, значитъ, позавтракать. Тутъ-то, сударь, поднялась суматоха! Дали знать начальству, что великій князь прямо проѣхалъ на станцію. Всѣ бросились, сломя голову, сюда и стали съѣзжаться. Великій князь зашелъ на станцію. Подойдя къ столу, возьми да

разверни жалобную книгу, да и прочти заявленіе уланскаго офицера. Въ то самое время поспѣлъ и нашъ губернаторъ. Онъ было сунулся къ великому князю съ своимъ, знаете, лепортомъ, а тотъ останови его на первыхъ же словахъ, да и говоритъ: «я знаю, что у васъ въ губерніи все благополучно; только,—указываетъ пальцемъ на книгу,—это что такое? Кто смѣлъ остановить офицера, когда онъ ѣхалъ по высочайшему повелѣнію?» Нашъ губернаторъ измѣнился въ лицѣ и, заикаясь, отвѣтилъ: «офицера, ваше высочество, никто не останавливалъ; онъ самъ остановился». А великій князь говоритъ: «какъ самъ остановился? Прочитайте, что онъ тутъ пишетъ?» А нашъ губернаторъ говоритъ: «Это, дѣйствительно, что такъ, но вотъ, изволите видѣть, ваше высочество, офицеръ этотъ сильно былъ пьянъ; прибилъ почтосодержателя, потомъ отправился въ гостиницу, завалился спать, да и проспалъ все это время, а чтобы не отвѣчать начальству за то, что промѣшкалъ, возьми и напиши, что его задержали. Я какъ только узналъ о происшедшемъ, тотчасъ же выпроводилъ его изъ города!» А великій князь говоритъ: «Что-то странно! Какъ офицеръ рѣшился написать облыжно въ книгу, когда зналъ, что жалобу его будетъ разсматривать почтовое начальство?» Потомъ, обратившись къ сопровождавшему его генералу Философову, сказалъ: «запиши, братецъ, фамилію офицера, а какъ пріѣдемъ въ Вознесенскъ, напомнимъ, чтобы разобрать дѣло!»

— И только?

— Только, сударь!

— Что же, офицеръ въ самомъ дѣлѣ былъ пьянъ?

— Какое, сударь, пьянъ! Онъ былъ, говорятъ, такой молоденькій, какъ вы, сударь; чай, и вина-то вовсе не пьетъ. Да спроси насъ подъ присягой, мы всѣ показали бы, что у него во рту маковой росинки не было, не только чтобы былъ пьянъ. Это все губернаторъ нахвасталъ, чтобы, знаете, защитить себя. Небось по отъѣздѣ великаго князя отправился къ себѣ домой, повѣся носъ, какъ не солоно хлебавши.

— А что губернаторъ?

— Да что губернаторъ? Въ городѣ говорятъ, что онъ не долго усидитъ на своемъ мѣстѣ.

Такимъ образомъ я узналъ собственную свою исторію во всѣхъ ея частяхъ; узналъ и «махинацію», подведенную княземъ Трубецкимъ. Не правда ли, какая «высокая» добродѣтель въ генералѣ, желающемъ прикрыть свою ошибку ложью и чернить доброе имя офицера такимъ порокомъ, который въ то строгое время могъ мнѣ стоить всей моей будущности?..

Нужно было, чтобы въ дѣло это былъ замѣшанъ Философовъ, припомнившій, что зналъ меня еще кадетомъ, и принявшій во мнѣ такое теплое участіе!.. Безъ его заступничества ложь князя Тру-

бецкаго, быть можетъ, взяла бы верхъ, и я пострадалъ бы невинно!.. Какъ часто въ жизни обстоятельства помимо нашей воли складываются такъ, что приводятъ къ заранѣ опредѣленной цѣли невидимыми или непонятными для насъ путями!..

Дальнѣйшій путь до Москвы я совершилъ безъ всякихъ приключеній, нигдѣ не останавливаясь, и, перемѣнивъ лошадей, тотчасъ же отправился въ Коломну. Остановиться въ Москвѣ я не могъ. При взглядѣ на мѣста, свидѣтелей моего недавняго счастья, навѣки утраченнаго, растравлялись мои заживающія раны сердца; память объ Alexandrine была еще во мнѣ слишкомъ свѣжа, и я поспѣшилъ вырваться изъ Москвы.

По пріѣздѣ въ Коломну, явился къ полковому командиру и рассказалъ ему свою харьковскую исторію со всѣми ея послѣдствіями. Князь Ливень, выслушавъ меня и разсмѣявшись, сказалъ:

— Да что вы? Прямой потомокъ Мамая, что сохранили всѣ его наѣздническія привычки и никому не даете спуска? Или—на ловца и звѣрь бѣжитъ. Берегитесь, чтобы и для васъ не настала вторая куликовская битва! Князя Трубецкого я знаю,—порядочная скотина!

Потомъ снисходительно прибавилъ:

— Въ наказаніе прикомандировываю васъ къ 1-му эскадрону, слѣдующему въ Москву для содержанія карауловъ. Приготовьтесь. Думаю, что вы не будете тяготиться такимъ наказаніемъ. Вы — такой любитель Москвы или того, что въ ней находится.

Послѣднія слова онъ произнесъ, коварно улыбаясь.

Внимательный князь! Онъ и не подозрѣвалъ, что причина, влекшая меня въ Москву, болѣе не существуетъ, и что въ моемъ положеніи настоящая командировка дѣйствительно служила для меня нравственнымъ наказаніемъ.

Между тѣмъ я серіозно задумывался, какъ бы мнѣ избавиться отъ фронтовой службы. Всѣ эти ученья, маневры, игра въ солдаты мнѣ страшно наѣзли. При этомъ припомнились и кроваво-смертельныя сцены, коихъ я былъ очевидцемъ. Вотъ, напримѣръ, лошадь нашего офицера, В. И. Бутлерова, имѣла привычку «опрокидываться». Вахмистръ, желая отучить ее отъ этой привычки, сдѣлался жертвой своего желанія. Разъ въ моемъ присутствіи, вахмистръ, объѣзжавшій лошадь въ манежѣ, какъ-то не остерегся; лошадь опрокинулась назадъ и придавила его всей своей тяжестью. Когда она встала, мы увидали, что вахмистръ неподвижно лежалъ распростертымъ на землѣ и только стоналъ. Оказалось, что передняя лука сѣдла проткнула ему животъ, изъ котораго вывалились наружу кишки. Пока ходили за священникомъ и подымали на шинели, онъ умеръ. Другой случай былъ еще ужаснѣе. На маневрахъ всей дивизіей подъ Москвой гусары были разсыпаны въ цѣпь фланкеромъ и наступали на рошу, въ которой, предполагалось, засѣлъ непріятель. Одинъ карабинеръ, повернувъ свою лошадь

направо, прицѣлился, чтобы выстрѣлить; въ это самое мгновеніе лошадь, чего-то испугавшись, бросилась въ сторону; гусаръ, не предвидя такого движенія, потерялъ равновѣсіе и упалъ на землю, но лѣвая нога его запуталась въ стремени. Въ такомъ положеніи лошадь пронесла его нѣсколько сажень, пока нога не освободилась. Мѣстность была неровная, кочковатая, покрытая пнями отъ срубленныхъ деревьевъ. Мы видѣли, какъ голова несчастнаго гусара, удаляясь о пенъ или кочку, припрыгивала или отскакивала, какъ мячъ. Когда подѣхали къ нему, онъ былъ уже безъ дыханія. Нога, остававшаяся въ стремени, вытянулась болѣе, чѣмъ на вершокъ, а черепъ на затылкѣ сорвантъ, и изъ раны вытекалъ мозгъ...

Къ освобожденію моему отъ фронтальной службы представлялось три способа. Первый и самый, повидимому, простой — выйти въ отставку, второй — проситься на Кавказъ, третій — поступить въ военную академію. Въ исполненіи перваго намѣренія я боялся встрѣтить препятствіе со стороны отца. Онъ не позволилъ бы въ мои молодые еще лѣта оставаться безъ службы. Проситься о переводѣ на Кавказъ было легко; незадолго передъ тѣмъ было объявлено въ приказѣ по корпусу высочайшее распоряженіе о прикомандированіи офицеровъ къ войскамъ, дѣйствующимъ на Кавказѣ, для узнанія на дѣлѣ военной службы; но такая командировка нисколько не избавляла меня отъ фронта, хотя и не въ такой степени, какъ въ нашихъ полкахъ; притомъ походы, всякаго рода лишенія, непогода и т. п. представляли много неудобствъ, и я остановился на послѣднемъ способѣ — поступить въ академію. Но судьба указала мнѣ четвертый способъ, о которомъ я и не мечталъ, и который вполне удовлетворялъ моему желанію продолжать военную службу, нисколько не неся ея тягости, какъ о томъ будетъ сказано ниже.

Придя съ первымъ эскадрономъ въ Москву, я занялся приведеніемъ въ исполненіе моего намѣренія — поступить въ военную академію. Досталъ программу предварительныхъ испытаній въ наукахъ, требуемыхъ для поступленія. Изъ программы я видѣлъ, что скоро и легко можно мнѣ приготовить себя; требовалось менѣе научныхъ свѣдѣній, чѣмъ для поступленія въ университетъ, и у меня еще въ свѣжей памяти было то, чему я учился. Затрудненіе для меня и то незначительное встрѣтилось въ математикѣ, и я сталъ приискивать себѣ преподавателя. Въ этихъ приготовленіяхъ я получилъ письмо отъ отца, который спрашивалъ меня, что я набуянилъ въ Харьковѣ. Сначала удивилъ меня такой вопросъ. Я ни слова не писалъ о происшедшемъ со мной; откуда отецъ могъ узнать объ этой исторіи? Впослѣдствіи недоразумѣніе мое объяснилось очень просто. Въ то время Харьковъ по корпусу жандармовъ принадлежалъ къ Казанскому округу, начальникомъ котораго былъ графъ П. И. Апраксинъ, нашъ родственникъ. Харьковъ

скій жандармскій штабъ-офицеръ, не находя, вѣроятно, ничего важнѣе, какъ мой поступокъ въ Харьковѣ, или сочтя его за «государственное дѣло, нарушающее равновѣсіе Европы», донесъ о немъ графу, а тотъ, смѣясь, рассказалъ отцу. Вотъ какимъ путемъ отецъ узналъ о моемъ «заушеніи» Котлярова. Другая часть письма тоже поразила меня своей нечаянностью; въ ней заключалось рѣшеніе моей участи. Судьба, пославшая мнѣ ударъ въ смерти Alexandrine, какъ бы сжалилась надо мной, явилась мнѣ на помощь освободиться отъ фронтовой службы, создавъ комбинацію, на которую я никакъ не рассчитывалъ. Хорошій знакомый отца, генераль-майоръ А. П. Масловъ, получилъ назначеніе быть военнымъ губернаторомъ въ г. Житомирѣ, что на Волыни, и по этому случаю написалъ отцу, не желаетъ ли онъ кого либо изъ своихъ сыновей отдать ему въ адъютанты. Отецъ, зная, что старшій братъ любитъ службу и неохотно разстанется съ нею, писалъ мнѣ, что если я желаю воспользоваться предложеніемъ Маслова, то чтобы поспѣшилъ своимъ отвѣтомъ. Получивъ такое извѣстіе, я и программу для поступленія въ военную академію и учебныя книги бросилъ къ чорту и отвѣтилъ отцу, что почту себя счастливымъ, если буду назначенъ адъютантомъ, такъ какъ фронтовая служба во всѣхъ ея видахъ мнѣ страшно надоѣла.

Чтобы сократить время моей службы въ полку и, вмѣстѣ съ тѣмъ, занять чѣмъ нибудь свое нетерпѣливое желаніе—скорѣе вырваться въ адъютанты, я подалъ рапортъ объ увольненіи меня въ отпускъ; но корпусный командиръ приостановилъ его до окончанія смотровъ, имѣющихъ быть по случаю неожиданнаго пріѣзда государя въ Москву.

Дѣлать было нечего: скрѣпя сердце, сталъ ждать, утѣшая себя мыслью, что то будетъ моимъ послѣднимъ служеніемъ въ полку.

Въ октябрѣ прибылъ царь. Начались разводы, смотры. На первую очередь «ординарца» былъ назначенъ я. Такой чести я удостоился собственно не за свое искусство въ верховой ѣздѣ, но за отличную «выѣздку» моего «Брильянта». Но онъ едва не былъ причиной непріятной исторіи. Полагаясь вполне на доброкачественность моей лошади, я не мучилъ ее напрасной ѣздой въ манежѣ. Отъ такой «холи» «Брильянтъ» сталъ рѣзовъ и выкинулъ «штучку». Послѣ развода, когда я подъѣхалъ къ царю и, остановивъ коня, поднималъ саблю «на подвысь», чтобы «отсалютовать», я почувствовалъ, что онъ правой ногой началъ «рыть землю». Ткнувъ его замѣтно носкомъ праваго сапога въ ногу, я думалъ, что «Брильянтъ» будетъ стоять смирно, но онъ на этотъ разъ выказалъ свое упрямство: поставивъ правую ногу, онъ то же самое сталъ дѣлать лѣвой. Я сильно встревожился! Чтобы понять причину моей тревоги, надо сказать, что незадолго передъ тѣмъ Сибирскаго уланскаго полка поручикъ баронъ Штакельбергъ былъ арестованъ ца-

ремъ за то, что, когда онъ подѣхалъ, какъ и я, на ординарцы, то лошадь его не стояла смирно на мѣстѣ. Я думалъ, что и меня за продѣлки моего «Брильянта» постигнетъ та же участь. Отъ зоркаго глаза Николая не укрылась тревога, вѣроятно, выразившаяся на моемъ лицѣ, потому что онъ милостиво сказалъ:

— Ничего, ничего! Я не допускаю, чтобы лошадь на мѣстѣ суежилась! А движеніе твоей лошади показываетъ, что она «съ огнемъ».

Зайдя съ боку, чтобы лучше видѣть мою «посадку», государь сдѣлалъ мнѣ вопросы: какъ моя фамилія, гдѣ воспитывался и давно ли въ службѣ? Получивъ надлежащіе отвѣты, обратился къ Нейдгарту и сказалъ по-нѣмецки: «представь всѣхъ къ награждѣ!» Я забылъ сказать, что на ординарцы наряжались обыкновенно по одному офицеру изъ каждаго полка дивизіи и при нихъ по одному унтеръ-офицеру и одному рядовому.

Послѣ явки на ординарцы царь пожелалъ видѣть нашу ѣзду на всѣхъ аллюрахъ. Пришла очередь «прыгать черезъ барьеръ». Обыкновенно барьеръ подымался отъ пола немного болѣе аршина. Къ такой высотѣ и наши лошади были приучены прыгать. На этотъ разъ, когда барьеръ положили на обычную высоту, царь сказалъ:

— Выше! Легкая кавалерія должна перелетать черезъ заборы!

Подняли барьеръ на высоту двухъ аршинъ. Затѣмъ раздалась обычная команда: «справа, по одному, на три лошади дистанціи, первый чловѣкъ, шагомъ маршъ!»

Чтобы понять слѣдующую за тѣмъ мою продѣлку, я вернусь назадъ и опишу утреннюю того дня сцену съ нашимъ начальникомъ дивизіи, Гельфрейхомъ, очень добрымъ нѣмцемъ, но «нечисто» говорившимъ по-русски. Передъ тѣмъ, какъ идти намъ къ разводу, за которымъ слѣдовала «явка» на ординарцы къ государю, Гельфрейхъ пріѣхалъ на Колымажный дворъ и, собравъ насъ, ординарцевъ, въ манежѣ, держалъ такую рѣчь, исключительно обращенную ко мнѣ:

— Любезній Мамаевъ! Ви должны помнить, что ви первіи шловѣкъ нашъ первіи полка. Ви пойдетъ корошо, вси пойдетъ корошо. Гельфрейхъ—спасибъ! Ви пойдетъ дурнъ, вси пойдетъ дурнъ: вамъ—крештъ!

Чтобы понять, почему я «первіи шловѣкъ полка», и что, если я проѣду хорошо, то и все пойдетъ хорошо, надо сказать, что нашъ Оренбургскій уланскій полкъ, по своему номеру, стоитъ первымъ въ дивизіи, и слѣдовательно я первый долженъ явиться на ординарцы. Далѣе извѣстно, что лошади имѣютъ свойство барановъ: гдѣ первая лошадь пройдетъ или перескочитъ, тамъ и всѣ остальные перескочатъ; но гдѣ первая замнется, тамъ и остальные, несмотря ни на какія усилія, сдѣлаютъ то же.

Объяснивъ слова Гельфрейха, обращусь къ своему разсказу.

Когда я увидѣлъ, что барьеръ подняли выше, чѣмъ обыкновенно, меня взяло раздумье: перескочить ли мой «Брильянтъ»? не замнется ли онъ?—и тогда все дѣло будетъ испорчено. Вотъ почему, выслушавъ команду «шагомъ», я смѣнялся. Припомнились мнѣ слова Гельфрейха. Не надѣясь, что «Брильянтъ» перескочить «съ шагу», я рѣшился на отчаянную выходку—измѣнить назначенный аллюръ. Не доходя за нѣсколько шаговъ до барьера, я поднялъ свою лошадь «въ галопъ» и, живо перескочивъ барьеръ, тотчасъ же пошелъ далѣе опять «шагомъ». Вся эта продѣлка происходила въ глазахъ царя. Я думалъ: ну, теперь-то достанется мнѣ за самовольный аллюръ! Каково же было мое удивленіе, когда Николай удостоилъ изречь слово: «молодцемъ!».

За мной, безъ всякаго препятствія и замѣшательства, перескочили и всѣ прочія лошади.

Тѣмъ кончилось наше представленіе царю, къ общему всѣхъ удовольствію, и насъ, ординарцевъ, отпустили въ казармы.

На другой день въ приказѣ по корпусу объявлена была намъ, ординарцамъ, награда: не въ зачетъ третное жалованье!.. Мы не того ожидали. Мы ласкали себя надеждой, что за «царское спасибо» намъ дадутъ по кресту. Въ наши молодые годы свойственно было желать получить «по игрушкѣ» на грудь. Скрѣпя сердце, мы проглотили нашу досаду, негодуя, и весьма справедливо, на корпуснаго командира, отъ котораго, по вызову самого царя, зависѣлъ выборъ нашей награды.

Отбывъ всѣ парады и смотры, я наконецъ получилъ столь нетерпѣливо ожидаемый отпускъ на 2^{1/2} мѣсяца и отправился въ Казань. Такъ какъ это было въ концѣ декабря, то я спѣшилъ пріѣхать на мѣсто къ новому году, чтобы встрѣтить его въ своемъ семействѣ. Я успѣлъ въ своемъ желаніи, но поспѣшность моя не обошлась мнѣ даромъ.

Пріѣхалъ я въ Казань наканунѣ новаго года, часу въ 10-мъ вечера, и засталъ всѣхъ родныхъ въ обширномъ домѣ, купленномъ у тетки, графини В. В. Апраксиной. Въ полночь распили бутылку съ шампанскимъ, поздравили другъ друга съ пожеланіемъ «новаго счастья» и разошлись спать. Мнѣ были приготовлены комнаты въ отдѣльномъ флигелѣ, очень небольшомъ, но уютномъ, красиво и комфортабельно убранномъ. Всѣмъ этимъ занялась мать; а извѣстно: за что возьмется женщина, да еще любящая, тамъ явятся и удобство и изящество, и все выйдетъ просто, но мило.

На другой день я всталъ совершенно здоровымъ, ничего не чувствуя, облекся въ полную парадную форму и отправился являться коменданту и военному губернатору и затѣмъ съ поздравительными визитами къ роднымъ и знакомымъ. Спускаясь съ лѣстницы отъ губернатора, я почувствовалъ, что сапогъ, надѣтый

утромъ на лѣвую ногу свободно, началъ жать ее; но когда я пріѣхалъ къ В. Ѳ. Желтухину, жившему наискось губернатора, я не могъ высидѣть у него и 10-ти минутъ; боль въ лѣвой ногѣ сдѣлалась нестерпимой. Оставляя всѣ прочіе визиты, я поспѣшилъ домой, чтобы узнать причину внезапной боли въ ногѣ. Оказалось, что ступень ноги опухла такъ, что невозможно было снять сапогъ, надо было его разрѣзать. Вмѣстѣ съ тѣмъ, я почувствовалъ такую же жгучую боль и въ ступнѣ правой ноги. Приглашенный докторъ нашелъ, что обѣ ноги у меня отморожены. Тогда я вспомнилъ, что, спѣша въ Казань, въ сильно морозную ночь пріѣхалъ на станцію въ Муромъ, страшно иззябъ, въ особенности ноги, и, обрадовавшись горячо натопленной печи, влѣзъ на нее, не думая о послѣдствіяхъ. Когда почтовые лошади были запряжены, я прямо съ печи сѣлъ въ сани и поѣхалъ далѣе. Такой быстрый переходъ отъ тепла къ холоду сдѣлалъ то, что я отморозилъ себѣ обѣ ноги; но при этомъ странно, что опухоль и боль въ ногахъ явились только на другой день по моемъ пріѣздѣ въ Казань.

Приняты нужныя медицинскія мѣры; но за всѣмъ тѣмъ ноги на лѣвой ногѣ, какъ болѣе пораженной, сошли, и я болѣе мѣсяца могъ ходить только въ мягкихъ и свободныхъ туфляхъ. Такое, повидимому, несчастье радовало меня! Въ отмороженныхъ ногахъ я видѣлъ судьбу, принедающую мнѣ на помощь, чтобы лучше замаскировать отъ людей тайное мое желаніе—избѣгать общества.

Пока я велъ жизнь дѣятельную: поѣздка въ Вознесенскъ, смотры, ученія, разныя испытываемыя мной ощущенія и тому подобное поддерживали во мнѣ возбужденное состояніе, и воспоминаніе объ Alexandrine какъ будто ослабло; но теперь, когда я вернулся къ спокойной домашней жизни, будучи окруженъ заботой и вниманіемъ, умъ мой оставался празднымъ, внѣшнія впечатлѣнія поглощены ежедневнымъ, одинаковымъ порядкомъ жизни, самъ я оставался въ полномъ бездѣйствіи, и потому память съ новой силой вступила въ свои права и жгучей болью представляла мнѣ пережитое мной счастье. Оставаясь иногда одинъ, я переносился мыслями въ недавнее прошлое, и думалъ: давно ли, кажется, я былъ въ Казани? Не прошло и двухъ лѣтъ? А сколько событій, страданій!.. какую потерю пережилъ я! Не было тѣхъ ощущеній, какія я испытывалъ, когда въ первый разъ подѣлжалъ къ родительскому дому! Сила утраты сердца заглушила во мнѣ даже радость свиданія съ родителями!.. При такомъ настроеніи духа, естественно, что я удалялся людей, рѣдко посѣщалъ общественныя развлеченія: театръ, собранія, балы и тому подобное. Такое отчужденіе отъ общества, конечно, не могло укрыться отъ посторонняго вниманія. На разспросы о причинѣ такой во мнѣ перемѣны я оправдывалъ себя, сначала, болѣзнію ногъ, а послѣ, когда и эта причина была отстранена, кратковременностью отпуска, который я желалъ про-

вести безраздѣльно въ своемъ семействѣ. А между тѣмъ, когда прочая молодежь веселилась и прыгала подъ звуки бальной музыки, я украдкой перечитывалъ всегда новыя, всегда милыя для меня письма Alexandrine; цѣловалъ прядь волосъ, эти единственные вещественные знаки, оставшіеся мнѣ въ залогъ моей глубокой, счастливой любви!..

Такъ я проводилъ время, находясь въ отпуску. Ни ласки отца и матери, ни искушенія веселой общественной жизни не могли заглушить во мнѣ тоску сердца, ослабить до забвенія впечатлѣніе понесенной мной потери!.. Все это могло сдѣлать только время, залѣчивающее самыя глубокія, чувствительныя раны.

Отпускъ мой окончился, и я, простившись съ родителями не безъ сожалѣнія, отправился въ полкъ. По приѣздѣ въ Коломну узналъ, что состоялся высочайшій приказъ о назначеніи меня адъютантомъ къ генералу Маслову. Разставшись съ своими товарищами по полку, поѣхалъ въ Москву и остановился въ домѣ дѣда, И. Н. Рославлева, чтобы имѣть возможность какъ можно чаще и больше наговориться съ Лизаветой Ивановной о моей незабвенной Alexandrine, любовь которой ко мнѣ не была для нея тайной.

Дальнѣйшія мои походы случились со мной, когда я носилъ уже адъютантскую форму, и будутъ описаны въ слѣдующихъ главахъ. Здѣсь я только скажу, что, затерявшись дотолѣ въ толпѣ, въ ничтожествѣ другихъ, я ничѣмъ не могъ проявить своего существованія. Съ назначеніемъ въ адъютанты, судьба вдругъ выдвинула меня впередъ, сдѣлавъ орудіемъ исполненія своихъ вѣдѣній!.. Я получилъ громадное значеніе въ общественной жизни; въ моихъ рукахъ, несмотря на мои молодые годы и незначительный чинъ, я имѣлъ участь многихъ людей...

Н. И. Мамаевъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ЗАПИСКИ Н. И. МАМАЕВА ¹⁾.

XXV.

Отъездъ изъ Москвы.—Ки. Хованская и ея имѣніе близъ Серпухова.—Кіевъ.—Посѣщеніе пещеръ.—Историческія мѣстности по дорогѣ отъ Кіова до Житомира.—Внѣшній видъ Житомира и первыя впечатлѣнія отъ него.—Жидовскій постоялый дворъ.—Губернаторъ Масловъ и переездъ въ губернаторскій домъ.—Семья губернатора и его экономка черкешенка.—Внутреннее убранство дома и одинъ изъ предметовъ Маслова, генераль Комбурлей.—Различіе адъютантской службы отъ фронтовой.—Польская помѣщичья свадьба Подгородинскаго съ Корженевской и брачный пиръ.—Имѣніе Корженевскаго, мѣстечко Кодля.—Фамиліальный музей.—Бочки венгерскаго вина.

ФОРМА армейскихъ кавалерійскихъ адъютантовъ была очень проста, но красива: рейтузы темно-сѣраго сукна съ краснымъ кантомъ, однобортный мундиръ общаго покроя темно-зеленаго сукна съ краснымъ воротникомъ и двумя, по сторонамъ, шитыми петлицами; на рукавахъ разрѣзные обшлага, тоже съ тремя петличками, бѣлыя съ гранатами пуговицы, аксельбантъ на правомъ плечѣ, кованые эполеты и трехугольная шляпа съ бѣлымъ султаномъ, ко всему этому—сабля и шпоры.

Облекшись въ новую форму, я поѣхалъ къ бывшему своему начальнику дивизіи, доброму Е. И. Гельфрейху, поблагодарить за постоянныя ласки и вниманіе, которыми онъ щедро награждалъ меня. Гельфрейха я засталъ готовымъ къ выѣзду на разводъ, куда онъ пригласилъ и меня. По окончаніи развода, онъ представилъ

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXXV, стр. 417.

меня корпусному командиру, А. И. Нейдгарту. Потрепавъ меня по плечу, А. И. удостоилъ сказать:

— Жаль, жаль, что теряю такого офицера.

Я внутренне разсмѣялся такому сожалѣнію, которое, кромѣ любезныхъ словъ, ничего болѣе не стоило, или словъ, сказанныхъ, можетъ быть, по пословицѣ: «что имѣемъ, не хранимъ, потерявши—плачемъ». Сколько разъ я встрѣчался съ Нейдгартомъ въ домѣ его шурина, князя Черкаскаго, и наконецъ въ домѣ Alexandrine, и никогда онъ не только не удостоилъ меня ни однимъ словомъ, даже не обращалъ никакого вниманія, а тутъ вдругъ явилось сожалѣніе!

Остаться долѣе въ Москвѣ для меня было просто тошно. Грустные воспоминанія преслѣдовали меня на каждомъ шагѣ. Я не имѣлъ духу навѣстить князя, мужа Alexandrine, несмотря на высказанное имъ дѣду желаніе—видѣть меня. Въ первыхъ числахъ апрѣля, по мерзѣйшей дорогѣ, гдѣ по грязи, а гдѣ и по черепу льда, въ перекладной тряской телѣгѣ, отправился въ Житомиръ за 1.000 слишкомъ верстъ отъ Москвы, имѣя въ виду, что съ приближеніемъ къ юго-западу я встрѣчу и теплое время, и сухую погоду.

Въ городѣ Подольскѣ, проѣзжая по мосту, кажется, черезъ рѣку Пахру, я видѣлъ огромныя глыбы льда, нагромодившіяся одна на другую и упершіяся въ сваи моста. Едва я стѣхалъ съ послѣдней половицы моста, какъ страшный трескъ и шумъ заставили меня обернуться назадъ. Масса льду напоромъ своимъ разломала мгновенно мостъ, и остатки его вмѣстѣ съ льдинами шумно понеслись въ прорванный проходъ. Буквально, говорю, случись это минутой раньше, вѣроятно, я бы не писалъ этихъ записокъ. Ямщикъ, снявъ шапку и перекрестясь, сказалъ мнѣ:

— Ну, баринъ, чьи нибудь молитвы спасли насъ!

Опасность, которой мы избѣжали, понялъ и ямщикъ, хотя нашъ простой народъ на подобные случаи смотритъ очень равнодушно.

Въ Серпуховѣ я засталъ Оку въ полномъ разливѣ. Былъ довольно сильный вѣтеръ, и меня не хотѣли было перевозить на паромѣ, но я показалъ свою подорожную, въ которой были написаны магическія слова: «по высочайшему повелѣнію», и всѣ препятствія исчезли. Душа моя рвалась вынести сильныя ощущенія, и я безтрепетно помѣстился на паромѣ, сильно качаемомъ разгулявшими волнами рѣки.

Пока мы плыли около берега, еще можно было кое-какъ держаться на веслахъ, но когда круто повернули, чтобы перерѣзать средину рѣки, напоръ волнъ и сила вѣтра сдѣлали всѣ усилія перевозчиковъ тщетными. Насъ понесло по теченію рѣки; къ счастью, верстахъ въ 4-хъ ниже Серпухова она дѣлаетъ колѣно, круто поворачивая влѣво. Паромъ, разбѣжавшись, ткнулся въ этотъ

загибъ рѣки; соскочившіе на берегъ люди канатами удержали паромъ, такимъ образомъ мы очутились на томъ же берегу, отъ котораго и отчалили, только, къ утѣшенію, версты 4 далѣ лежащаго намъ пути. Предусмотрительный ямщикъ, запасшись овсомъ, отпрягъ лошадей и задалъ имъ кормъ, а самъ, вынувъ изъ-за пазухи ломоть чернаго хлѣба, принялся закусывать вмѣстѣ съ паромщиками. Оставаясь въ телѣжкѣ и закуривъ трубку, я принялся разсматривать окрестность.

Прямо противъ меня, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ берега, была раскинута господская усадьба, за нею виднѣлась деревня. Небольшой деревянный домъ съ мезониномъ уютно выглядывалъ на меня изъ-за палисадника. Отворилась калитка, вышла, повидимому, горничная. Подойдя ко мнѣ, она проговорила, что барыня ея, княгиня Хованская, проситъ меня пожаловать къ ней откушать чай. Фамилія показалась мнѣ знакомой, но некогда было разспрашивать, я слѣзъ съ телѣги и весьма охотно послѣдовалъ за своимъ смазливенькимъ проводникомъ. Меня встрѣтила старушка почтенныхъ лѣтъ, просто, но опрятно одѣтая, и, введя въ гостиную, просила сѣсть. Пошли обыкновенные въ подобныхъ случаяхъ разспросы: кто я, откуда и куда?

Узнавъ мою фамилію, старушка съ любопытствомъ спросила:

— Не служите ли вы въ Коломнѣ?

— Служилъ, а теперь ѣду въ Польшу.

— Ахъ, Боже мой! такъ я васъ давно знаю. Внучка моя, Вѣрочка П—ва, мнѣ всѣ уши прожужжала объ васъ.

Тутъ я вспомнилъ, что мать Вѣрочки — урожденная княжна Хованская, и слѣдовательно я вижу предъ собой мать Варвары Ивановны.

Я было нахмурился, приготовившись къ отпору, если бабушка поведетъ на меня атаку за внучку, но изъ слѣдующаго за тѣмъ разговора я убѣдился, что старушка ничего не знаетъ о послѣднемъ нашемъ разговорѣ и размолвкѣ съ ея дочерью.

Подали чай. Радужная, внимательная старушка продолжала занимать меня рассказами. Журила за отвагу, что я пустился въ такой сильный вѣтеръ на переѣздъ черезъ Оку, и т. п.

Между тѣмъ солнце начало садиться, вѣтеръ, по обыкновенію всегда стихающій передъ закатомъ, и на этотъ разъ не измѣнилъ своему характеру. Распростившись съ добродушной старушкой и напутствуемый ея благословеніемъ и добрыми пожеланіями, я слѣзъ на паромъ, мы отчалили и, безъ всякихъ дальнѣйшихъ приключеній, поздно ночью пристали къ противоположному берегу, гдѣ надлежало, и я отправился въ дальнѣйшій путь.

Дорога до Орла мнѣ была знакома, по ней я пріѣхалъ въ прошломъ году въ Вознесенскъ. За Орломъ я свернулъ въ Черниговскую губернію, поѣхалъ все историческими мѣстами: Глухо-

вымъ, Батуринымъ, Нѣжинымъ. Казачество и гайдамачина возставали въ моей памяти. Здѣсь я встрѣтилъ весну въ полномъ ея развитіи. Трава зеленѣла, деревья одѣлись полнымъ листомъ, теплый воздухъ пропитанъ благоухающими травами. Какая рѣзкая разница съ тѣмъ, что я оставилъ за собой дня 3—4 тому назадъ.

Вотъ и послѣдняя станція къ Кіеву—Бровары. Дорога пошла довольно густымъ лѣсомъ, по сыпучему песку. Въ прорѣзѣ лѣса мелькнулъ предо мной Кіевъ съ своими позлащенными главами церквей и вновь исчезъ. Мы выѣхали изъ лѣса, и глазамъ моимъ представилась картина, которой я никогда не забуду. Передо мной песчаный берегъ Днѣпра, далѣе самый Днѣпръ въ полномъ разливѣ широко раскинулся передо мной. Все это замыкалось горой, на которой стоялъ Кіевъ. Время было тихое, ни малѣйшій вѣтерокъ не рябилъ волнъ рѣки, и она съ шумомъ плескалась о крайины берега.

Когда я помѣстился на паромѣ, солнце садилось, позлащая своими лучами поверхность воды. Казалось, золотой мостъ перекинулся на западъ. По мѣрѣ того, какъ мы отплывали отъ берега, тѣни дѣлались все длиннѣе и длиннѣе. Когда мы вышли на средину рѣки, вдругъ наступила ночь. Въ теплыхъ странахъ, извѣстно, нѣтъ промежутка между дневнымъ свѣтомъ и ночнымъ мракомъ, что мы называемъ сумерками; тамъ прямо наступаетъ мракъ, но мракъ, если можно такъ выразиться, мягкій, прозрачный. Я не спускалъ глазъ съ Кіева, видѣлъ, какъ онъ погружался въ темноту; по горѣ, въ хаткахъ, замелькали огоньки, а наверху ихъ городъ силуэтами своихъ башенъ и колоколенъ вырѣзался на темно-голубомъ небѣ. Чувство благочестія проникло въ мою душу. Наслышавшись съ малолѣтства разсказовъ различныхъ богомолокъ о святости и величіи Кіева, цѣли всѣхъ ихъ стремлений, я съ невольнымъ трепетомъ приближался теперь къ этой святынѣ. Мысли мои, по необъяснимому сцѣпленію идей, перенесли меня къ земному. Я вспомнилъ объ Alexandrine, вспомнилъ, что завтра годъ ея кончины, и тихія слезы, помимо моей воли, заструились изъ глазъ моихъ. Я далъ имъ полную волю, чувствуя, какъ мнѣ дѣлалось легче на душѣ. вмѣстѣ со слезами какъ бы выходила изъ меня горечь, боль воспоминаній. Тихое спокойствіе легло мнѣ на сердце, я вострепнулся, лучъ благодати осѣнилъ меня, во мнѣ произошла полная, полная реакція, гнѣздившаяся дотолѣ злоба на судьбу и людей исчезла, я почувствовалъ новыя силы, новую жизнь!

Поздно ночью я вѣхалъ въ Кіевъ и остановился въ «Зеленой» гостиницѣ, противъ лавры. Утромъ, проснувшись, я былъ пораженъ, встрѣтивъ въ гостиницѣ женскую прислугу и польскій языкъ. Все говорило, что я оставилъ Русь за собой.

Одѣвшись, я отправился въ лавру, послѣ обѣдни попросилъ отслужить панихиду по усопшей рабѣ Божіей Александрѣ. Тихія

слезы струились изъ глазъ моихъ, но въ душѣ воцарилось спокойствіе. Воспоминаніе потеряло для меня свою жгучую силу. По окончаніи панихиды я обратился къ монаху съ вопросомъ:

— Нельзя ли посѣтить пещеры?

— Можно-то, можно, только теперь вы встрѣтите тамъ много народа.

— Когда же будетъ свободнѣе?

— Послѣ вечеренъ мы пускаемъ только лицъ значительныхъ. Тогда пожалуйста и вы.

Я поблагодарилъ его за причтеніе меня къ сонму лицъ «значительныхъ», но впослѣдствіи узналъ, что монахъ дѣйствительно думалъ то, что говорилъ. Моя адъютантская форма ввела его въ заблужденіе. Онъ полагалъ, что я состою при генералъ-губернаторѣ, а въ тамошнихъ мѣстахъ, какъ я имѣлъ случай убѣдиться, адъютанты генералъ-губернаторскіе играли значительную роль.

Возвратясь въ гостиницу, утомленный душевными волненіями и тряскостью почтовой телѣжки, на которой я ѣхалъ день и ночь отъ самой Москвы, я легъ на диванъ и тотчасъ же заснулъ. Лаврскій колоколъ, призывающій къ вечернѣ, разбудилъ меня. Наскоро закусивъ, отправился въ церковь. Вечерняя служба еще продолжалась. Тутъ я еще болѣе могъ убѣдиться въ томъ, что слегка поразило меня за обѣдней,—въ особенномъ напѣвѣ, называемомъ «Кіевскимъ». По окончаніи службы я наскоро отыскалъ своего утренняго монаха, и онъ обязательно вызвался самъ указать мнѣ ходъ въ пещеры. На пути ко мнѣ и къ моему человѣку присоединились отставной солдатъ и богомолка и усердно просили взять ихъ съ собой. Съ согласія монаха мы всѣ четверо пошли далѣе. Доведа насъ до деревянной галлерей и указывая на дверь, монахъ сказалъ:

— Ступайте по этой галлерей, она приведетъ васъ въ пещеры, тамъ вы найдете дежурнаго монаха, а меня извините, я долженъ итти на «стояніе».

Мы вступили въ галлерей и, спустившись по нѣсколькимъ, впрочемъ, короткимъ лѣстницамъ, дошли до двери. Отворивъ, мы очутились въ небольшой комнатѣ, не имѣющей оконъ и освѣщаемой зажженной свѣчей, стоявшей передъ Распятіемъ. Къ стѣнѣ, налѣво при входѣ стояла конторка; монахъ, сидя на табуретѣ съ локтями рукъ, сложенными на конторкѣ, и упершись въ нихъ внизъ лицомъ, крѣпко спалъ, такъ что приходъ нашъ не могъ разбудить его. Выждавъ нѣсколько минутъ, я подошелъ къ монаху и, слегка прислонясь къ его плечу, старался разбудить его. Напрасно,—монахъ мой спалъ сномъ праведника, тогда я началъ сильнѣе и сильнѣе толкать его. Монахъ, не перемѣняя своего положенія, приподнялъ голову съ краснымъ отекившимъ лицомъ и, посмотрѣвъ на меня помутившимися глазами; охриплымъ голосомъ произнесъ:

— А!

Съ тѣмъ вмѣстѣ разнесся сильный запахъ водки.

Тогда я понялъ причину его «праведнаго» сна.

Между тѣмъ монахъ, разглядѣвъ мою адъютантскую форму и считая меня, какъ и первый монахъ, за лицо «значительное», всталъ съ мѣста и спросилъ:

— Вамъ въ пещеры?

— Да!

— Надо запасться свѣчами. И съ этимъ вмѣстѣ подалъ каждому изъ насъ по зажженной свѣчкѣ и, взявъ самъ, повелъ насъ къ двери. Отворивъ ее, мы вступили въ темный коридоръ, или галерею, довольно узкую, такъ что можно было идти не болѣе, какъ двоимъ въ рядъ. Стѣны и круглый потолокъ были изъ земли и держались сами собой безъ всякихъ поддержекъ или подставокъ. По потолку виднѣлись извивавшіеся корни деревьевъ, растущихъ снаружй, надъ пещерами. По обѣимъ сторонамъ коридора въ стѣнахъ были устроены ниши, въ которыхъ стояли гробы съ мощами святыхъ угодниковъ. Крышки на гробахъ были устроены на шалнерахъ и свободно открывались. Насъ обуялъ священный ужасъ и благоговѣніе, но нашъ монахъ-проводникъ безъ всякаго уваженія къ мѣсту подходилъ отъ одной ниши къ другой и, подымая гробовыя крыши, равнодушнымъ голосомъ называлъ ими усопшаго, точно, какъ купецъ, показывающій свой товаръ покупателю и произносящій названіе матеріи. Сила привычки такъ велика въ человѣкѣ, что обращающійся часто со святыней теряетъ къ ней всякое уваженіе. Стоитъ посмотрѣть на нашихъ священнослужителей, какъ они свободно расхаживаютъ въ алтарѣ и съ какимъ пренебреженіемъ подходятъ къ престолу или къ жертвеннику, точно, какъ у себя въ избѣ—къ обѣденному столу. По осмотрѣ онъ опускалъ крыши съ какимъ-то пренебреженіемъ, отчего, падая и ударяясь о край гроба, онѣ производили стукъ, далекимъ гуломъ расходившійся по галлереймъ. Въ ужасѣ я думалъ, что Богъ долѣе не потерпитъ подобнаго беззаконія, и мы останемся погребенными въ пещерахъ, подъ завалами земли; такое опасеніе было тѣмъ болѣе правдоподобно, что я замѣтилъ многіе боковые ходы въ галлерей, задѣланные досками, потому что, какъ объяснилъ нашъ проводникъ, въ нихъ обрушилась земля.

Между тѣмъ монахъ велъ насъ все далѣе и далѣе, указавъ первыхъ христіанскихъ временъ церковь, подвелъ къ блюду, на которомъ подъ стекляннымъ колпакомъ лежала отсѣченная глава какого-то святого, при чемъ докторальнымъ тономъ объяснилъ, что въ прежнія времена глава источала изъ себя миро, но что нынѣ за грѣхи людскіе чудо это не повторяется. Затѣмъ указалъ намъ пещеру съ заложеннымъ входомъ и рассказалъ легенду. Одинъ отшельникъ былъ искушаемъ бѣсомъ. Не имѣя силъ самъ сопро-

тивляться ему, онъ просилъ братію заложить его въ пещерѣ, оставя лишь небольшое отверстіе для подачи ему хлѣба и воды.

Просунувъ въ отверстіе руку съ зажженной свѣчей, монахъ показалъ намъ и самого угодника, сидящаго на обрубкѣ дерева, склоненнаго на руки, упершіяся въ колѣни, и съ опущенной главой, такъ что лица его невозможно разсмотрѣть, а виднѣлась только тулья его шапочки; одѣтъ онъ былъ въ обыкновенную монашескую рясу, сильно порыжѣвшую отъ времени.

До сихъ поръ мы видѣли пещеры, такъ называемыя «ближнія». Есть еще «дальнія», идущія подъ Днѣпромъ. Монахъ-проводникъ предложилъ свои услуги указать намъ и дальнія пещеры, но я отклонилъ отъ себя такое предложеніе и вздохнулъ свободно, когда вышелъ на открытый воздухъ.

Дальнѣйшее обозрѣніе Кіева и его святынь я отложилъ до другого, болѣе удобнаго времени и поспѣшилъ въ тотъ же вечеръ отправиться далѣе въ Житомиръ.

Мнѣ подали почтовую телѣжку, запряженную парой лошадей въ дышло, а третьей—на пристяжкѣ. Не было уже ни нашихъ дугъ съ колокольчиками, ни нашей упряжи, на лошадахъ вмѣсто хомутовъ были накинута «шлейки» съ постромками. Ямщикомъ былъ малороссіянинъ, въ своей «свиткѣ» и бараньей шапкѣ.

Чѣмъ далѣе я подвигался на своемъ пути, тѣмъ болѣе, такъ сказать, вдавался въ область исторіи нашей древней Руси. На первой станціи отъ Кіева, Бѣлогородкѣ, мнѣ показывали остатки рва и крѣпости ¹⁾. Въ недалекомъ разстояніи отъ Бѣлогородка лежитъ древнее село Предславино, или Предиславино, въ садахъ котораго Рогнѣда, прозванная потомствомъ Гориславою за ея горести, намѣревалась ножомъ умертвить великаго князя Владимира Святого въ 985 г. по Р. Х. Какая почтенная старина! Дальнѣйшія мѣста я проѣхалъ ночью и ничего не могъ видѣть. Но меня поразилъ какой-то неопредѣленный гулъ, стоявшій въ воздухѣ. На спросъ мой ямщикъ-хохолъ, видимо не понявшій меня, отвѣчалъ что-то на своемъ языкѣ, котораго я не могъ понять въ свою очередь. Смотритель станціи, говорящій по-русски, объяснилъ, что это крикъ жабъ, которыя не квакаютъ, какъ наши лягушки, но какъ-то гудятъ.

Утромъ показался Житомиръ, раскинутый на плоской мѣстности. Миновавъ довольно значительную рощу, я вѣхалъ въ кривую улицу. По обѣимъ сторонамъ стояли хаты и домики, тонувшіе въ зелени садовъ. Мерзѣйшая мостовая заставляла меня безпрестанно подпрыгивать на телѣжкѣ. Стали попадаться евреи.

¹⁾ По свидѣтельству Нестора, Бѣлогородъ построенъ великимъ княземъ Владимиромъ въ 990-хъ годахъ, и онъ «отмѣнно любилъ его и часто жила въ тамъ». См. прим. 420 въ I-мъ томѣ «Исторіи государства Россійскаго» Карамзина.

Снимая шапку, кланялись и уставляли на меня свои лукавые глаза. Они тотчасъ же смекнули, что я пріѣзжій, новичекъ.

Поравнявшись съ какимъ-то длиннымъ деревяннымъ зданіемъ, выкрашеннымъ желтой краской и передъ которымъ расхаживалъ часовой съ ружьемъ, я спросилъ своего ямщика:

— Что это? Госпиталь?

— Ни, панэ! то палаць пана губернатора.

— Какъ, домъ губернатора? Стало быть, я уже въѣхалъ въ самый городъ?

А я, привыкшій къ русскимъ городамъ, воображалъ, что ѣду все еще только предмѣстьемъ, такъ Житомиръ бѣденъ своими постройками.

Я приказалъ ямщику везти меня въ лучшую гостиницу, и онъ остановился передъ еврейскимъ постоялымъ дворомъ. Часть отъ часу не легче! Впослѣдствіи я узналъ, что дѣйствительно лучше этой гостиницы въ городѣ не было. Первое впечатлѣніе, произведенное на меня Житомиромъ, было не въ пользу его; Что-то будетъ дальше?

Въ сопровожденіи встрѣтившаго меня хозяина, еврея, я вошелъ въ комнату черезъ дверь прямо со двора; не было ни сѣней, ни передней. Опять для меня новость. Комната оказалась довольно опрятная. Пока вносили мои вещи, меня окружила толпа евреевъ съ предложеніемъ своихъ услугъ и покупки разныхъ товаровъ. Прикрикнувъ на нихъ и пославъ ихъ къ чорту, я ожидалъ, что они разойдутся, но не тутъ-то было. Они еще смѣлѣе начали наступать на меня. Я было подумалъ пустить въ ходъ кулаки, но меня остановила мысль: хорошимъ же дѣломъ я начинаю службу адъютанта при губернаторѣ! Дракой! Между тѣмъ хозяинъ, узнавъ, вѣроятно, отъ привезшаго меня ямщика, кто я, что-то залепеталъ на своемъ языкѣ, употребляя слово: «губернаторъ». Тогда вся толпа мигомъ исчезла за дверь, и я остался одинъ.

Спросивъ себѣ воды и раздѣвшись до рубашки, я принялся лицо и шею отмывать отъ насѣвшей на нихъ густой пыли, когда отворилась дверь и вошелъ самъ Масловъ, т. е. мой генералъ. Обнявши и поцѣловавъ меня радушно, онъ сказалъ, чтобы я скорѣе переѣзжалъ къ нему въ домъ, гдѣ для меня уже приготовлено помѣщеніе, и что люди его сейчасъ пріѣдутъ за моей поклажей, и отправился въ губернское правленіе.

Я перемѣстился въ видѣнный уже мною «госпиталь». Дверь рядомъ съ «параднымъ» подъѣздомъ вела въ отведенное мнѣ помѣщеніе, состоявшее изъ входныхъ сѣней, лакейской, большой комнаты, служившей пріемной и гостиной вмѣстѣ, и рядомъ другой—поменьше, гдѣ была наша спальня. Говорю—наша, потому что я долженъ былъ жить вмѣстѣ съ чиновникомъ при губернаторѣ, Каминскимъ. Мебели, очень порядочной, было вездѣ достаточно.

Семью генерала составляли жена, слабая, больная женщина, сынъ и дочь—малолѣтніе, гувернантка, чиновникъ губернаторской канцеляріи Тюдѣръ, занимавшійся репетиціей уроковъ съ сыномъ, который ходилъ въ гимназію, и экономки-черкешенки. Черкешенка была очень недурна собой, въ особенности имѣла чудные черные глаза и брови, но—страшно худа. Совершенно плоская ея грудь, какъ у мужчины, и шейныя кости лишали ее всякой пластической красоты. При разореніи одного аула на Кавказѣ русскими, лѣтъ 18 тому назадъ, она, еще маленькая, была спасена отъ общаго истребленія однимъ офицеромъ, но не избѣжала удара казацкой пики, шрамъ котораго виднѣлся у нея на лбу, недалеко отъ лѣваго виска. Переходя съ рукъ на руки, она попала въ домъ Маслова и занимала мѣсто экономки.

Домъ былъ обширный, удобно расположенный, имѣлъ двѣ залы: одну въ два свѣта, съ колоннами и хорами, другую—нашу столовую. Изъ всего множества комнатъ лучшими были: гостиная и рядомъ съ ней диванная. Стѣны гостиной были оклеены Гобеленовыми обоями, представлявшими виды Индіи съ пагодами и жилищами людей, а въ диванной сцены изъ «Психеи и Амура» (нашей «Душеньки» Богдановича), на послѣдней люди были нарисованы во весь ростъ. Обои эти, по данному размѣру, были заказаны бывшимъ губернаторомъ Комбурлеемъ на свой счетъ въ Парижѣ на Гобеленовой фабрикѣ. Другую память о богатствѣ и роскоши Комбурлея составляло цѣльное въ золотой рамѣ зеркало, аршинъ 5 вышины и аршина 4 ширины. Оно стояло въ гостиной и занимало мѣсто отъ пола до карниза потолка, но, къ сожалѣнію, было расколото въ одномъ углу. Комбурлей, бывший губернаторъ въ началѣ двадцатыхъ годовъ, оставилъ послѣ себя много разсказовъ о своей роскошной жизни. Напримѣръ, когда онъ отправлялся на ревизію губерніи, за нимъ слѣдовалъ длинный обозъ съ музыкантами, поварами, прислугой, палатками, даже мебелью. Проѣзжая какой нибудь живописной мѣстностью, а ихъ на Волыни немало, Комбурлей останавливался, ставились палатки, посылались вершники къ окружнымъ помѣщикамъ съ приглашеніемъ на обѣды и балы. Такъ продолжалось иногда недѣли двѣ, потомъ лагерь снимался опять до новаго мѣста, тамъ возобновлялось то же самое и такъ продолжалось цѣлое лѣто, пока дожди не загоняли Комбурлея домой.

Участь его была плачевная. Великій князь Константинъ Павловичъ, слѣдуя изъ Варшавы въ Кіевъ на смотръ войска, проѣзжалъ Волынской губерніей. Разсердившись за что-то на Комбурлея, встрѣтившаго его на границѣ губерніи, и разругавши, онъ въ довершеніе униженія приказалъ ему сѣсть на козлы и занять мѣсто своего кучера.

Комбурлей не имѣлъ столько гражданскаго мужества, чтобы не исполнить приказа, скинулъ съ себя ленту св. Анны 1-й степени и, бросивъ ее въ коляску великаго князя, усѣлся рядомъ съ кучеромъ. Выйдя самъ или уволенный въ отставку—не помню хорошо—послѣ этого пассажа, Комбурлей, бросавшій десятками тысячъ, умеръ въ Петербургѣ въ богадѣльнѣ и былъ похороненъ на общественный счетъ.

При губернаторскомъ домѣ былъ небольшой садъ, прекрасно расположенный, съ деревьями, о которыхъ въ нашихъ мѣстахъ и понятія не имѣютъ, и вырытымъ прудкомъ.

На другой день началась моя новая служба; какъ она показалась мнѣ легка, вполне благородна послѣ фронтовой! Вся обязанность моя состояла въ томъ, чтобы являться въ 9 часовъ утра въ дежурную комнату, докладывать губернатору о просителяхъ и лицахъ, желающихъ его видѣть. Такъ продолжалось до 12 часовъ, когда мы завтракали, и послѣ генералъ отправлялся въ губернское правленіе, а я былъ свободенъ на весь остальной день.

Такой порядокъ прерывался иногда командировками, но эта «маленькая» непріятность съ лихвой выкупалась общественными развлечениями и удовольствіями.

Но главное, я болѣе не видалъ истязанія солдатъ, не слышалъ той крупной непечатной брани, которой угощали насъ отцы-командиры, ни къ кому собственно не обращаясь, такъ что на волю каждаго предоставлялось принимать ее на свой счетъ.

Первое развлечение для меня вскорѣ по моемъ приѣздѣ было присутствовать на католической богатой свадьбѣ. Корженевскій выдавалъ дочь свою за Подгородинскаго. Въ первый еще разъ я видѣлъ католическій костелъ. Въ немъ меня занялъ расхаживающій неслышными шагами швейцаръ съ булавой. Обязанность его, какъ я узналъ, наблюдать за благочиніемъ во время службы. Если онъ замѣчалъ когонибудь разговаривающимъ, то, подходя и становясь передъ нимъ, объ полъ ударялъ своей булавой два раза, въ пустоту головки которой были вложены металлическія погремушки, отчего булава издавала рѣзкій звукъ, при удареніи въ полъ. Если разговаривающій вновь возобновлялъ разговоры, то швейцаръ вторично подходилъ къ нему и ударялъ булавою два раза; если и за такимъ предупрежденіемъ не прекращался разговоръ, то швейцаръ выводилъ виновнаго изъ костела.

Не зная еще этого порядка, я, какъ человекъ новый въ костелѣ, обращался постоянно съ разспросами и просилъ объяснить то и то, мной видѣнное, и имѣлъ удовольствіе заслужить вниманіе швейцара. Подкравшись ко мнѣ такъ, что я и не замѣтилъ—съ которой стороны, онъ прямо передъ моимъ носомъ стукнулъ объ полъ своей булавой. Многіе любопытные обернулись на меня, а я сильно сконфузился.

Другой порядокъ очень удивилъ меня. По окончаніи церемоніи, органъ заигралъ польскій, подъ звуки котораго всѣ мы вышли изъ костела. Какъ-то странно въ церкви слышать бальную музыку!

Я узналъ, что молодая принесла въ приданое своему мужу, между прочимъ, бочку съ венгерскимъ виномъ, и былъ очень удивленъ, что венгерскому вину придаютъ поляки такое значеніе, но удивленіе мое скоро для меня разъяснилось.

Отецъ молодой, Корженевскій, веселый, смѣшной старикъ, въ имѣніи своемъ, мѣстечкѣ Кодня, верстахъ въ 20 отъ Житомира, въ честь «молодыхъ» устроилъ обѣдъ и балъ, на которые пригласилъ губернатора, а вмѣстѣ съ нимъ и меня. Когда мы подъѣхали къ крыльцу дома (или палаца, какъ тамъ называютъ), и генералъ только что ступилъ на землю, какъ музыканты, заранѣе стоявшіе въ сѣняхъ, заиграли сперва «тушъ», а потомъ польскій и потянулись вверхъ по лѣстницѣ, за ними и мы. Въ комнатахъ мы нашли огромное собраніе родственниковъ и гостей хозяина. Были даже пріѣхавшіе къ этому дню изъ губерній: Кіевской и Волынской, но, увы, никто изъ нихъ не былъ одѣтъ въ свой національный костюмъ, а всѣ были во фракахъ. Кунтуши, жупаны и чупы я видѣлъ только на портретахъ предковъ Корженевского. Здѣсь я не могу не остановиться, чтобы не упомянуть о похвальномъ обычаѣ поляковъ—имѣть у себя портретныя галлерей и хранить, какъ святыню, оружіе и другіе знаки достоинства, какъ-то: булавы, бунчуки, знамена своихъ предковъ. У Корженевского и тѣмъ и другимъ были заняты цѣлыя двѣ большія комнаты. На стѣнахъ были развѣшены портреты, изъ которыхъ первый—родоначальника его дома,—былъ написанъ лѣтъ 200 тому назадъ; на столахъ и витринахъ лежали вооруженія всѣхъ возможныхъ видовъ—цѣлый арсеналъ. Тутъ же стояли и почтенныхъ размѣровъ турьи рога, оправленные въ золото, серебро, осыпанные драгоценными камнями; изъ нихъ были и такіе, что вмѣщали въ себѣ два штофа вина.

За обѣдомъ, великолѣпно сервированнымъ, гости усердно ѣли изысканныя кушанья, еще болѣе—пили. Шампанскаго сравнительно подавали мало, зато венгерское лилось въ изобиліи. Наконецъ налили одинъ общій бокалъ, который каждый долженъ былъ выпить и передать своему сосѣду, при чемъ подгулявшіе гости пѣли хоромъ:

Отъ Куба до Якуба,
Отъ Якуба до Михалка
Пія я,
Пія ты,
Пія компанія цала.
А кто не выпіе,
Того въ два кія ¹⁾!

¹⁾ Польскія фразы и отдѣльныя слова въ подлинникѣ записокъ вездѣ написаны русскими буквами.

Вскорѣ послѣ обѣда начался балъ. Въ антрактѣ, между танцами, кромѣ обыкновенныхъ сластей, фруктовъ, прохладительныхъ напитковъ и мороженаго, подавали еще и венгерское. Хозяинъ смѣшилъ насъ. Сильно подгулявши, онъ всякій разъ показывался въ залъ первымъ, за нимъ дворецкій, не менѣе его подпившій, несъ въ рукахъ подносъ, уставленный рюмками особой формы съ налитымъ въ нихъ венгерскимъ виномъ. Корженевскій, маня дворецкаго рукою, твердилъ: «Ходъ зе мно! ходъ зе мно!»—и направлялся въ одну сторону, а дворецкій, сильно покачивающійся, такъ что звенѣли рюмки, и плескалось венгерское, увлекаемый виномъ, направлялся въ другую, противоположную. Отъ этого выходило, что, показавшись вмѣстѣ въ дверяхъ, и хозяинъ и дворецкій тотчасъ же расходились въ разныя стороны. Одинъ продолжалъ угощать, думая, что за нимъ слѣдомъ несутъ вино, а другой обливалъ гостей венгерскимъ.

Балъ продолжался до разсвѣта; тогда всѣ отправились въ отведенныя комнаты. Домъ, по величинѣ своей, всѣхъ пріютилъ.

Не зная почему, но провалявшись часа три на своей постели, я не могъ уснуть. Думаю, что это было слѣдствіе выпитаго мной венгерскаго вина, дотолѣ мнѣ неизвѣстнаго.

Было чудное, ясное, свѣжее утро. Выйдя въ садъ, я къ удивленію встрѣтилъ тамъ прогуливающагося «молодого мужа», Подгородинскаго. Мы отправились ходить по аллеямъ вмѣстѣ. Въ немъ я нашелъ прекрасно воспитаннаго, съ большими научными свѣдѣніями человѣка. Онъ взялся быть моимъ чичероне. Рассказывая, какую кровавую роль играло мѣстечко Кодня во время борьбы за независимость Украйны, и рисуя подвиги и рѣзню казачества и гайдамаковъ, онъ показалъ мнѣ и самое поле, на которомъ происходили эти событія. По возвращеніи, проходя садомъ, я замѣтилъ входъ въ подземелье. Чтобы удовлетворить моему любопытству, Подгородинскій былъ такъ обязателенъ, что самъ пошелъ отыскать ключи отъ двери. Вскорѣ онъ возвратился въ сопровожденіи дворецкаго, успѣвшаго уже отрезвиться. Когда была отворена дверь, мы вошли въ коридоръ, выложенный камнемъ. Къ сводамъ были прикрѣплены цѣпами дубовыя бочки, на которыхъ выжжены годы въ первый разъ налитаго въ нихъ венгерскаго. Я читалъ 1625, 1658 и т. д.; самая послѣдняя бочка имѣла на себѣ 1705 г. Тогда я понялъ, какую цѣну имѣла бочка вина, принесенная въ приданое. Каждая бочка имѣла съ боку дна кранъ. Подгородинскій началъ объяснять, что количество вина, выпитаго изъ боченка, тотчасъ же пополняютъ новымъ, и такъ какъ эти столѣтнія вина подаются только въ рѣдкихъ торжественныхъ случаяхъ, то вино остается постоянно въ одинаковой степени своего достоинства, получаемого имъ давностью лѣтъ. Я припомнилъ, что за вчерашнимъ обѣдомъ пилъ венгерское, густотою своею схожее

съ масломъ (такое венгерское и называется: «Масличъ»). Это венгерское было налито изъ самой «старшей» бочки, 1625 г.

По осмотрѣ такихъ «дикинонокъ», Подгородинскій повелъ меня въ костелъ, выстроенный съ большимъ вкусомъ, въ родѣ Пантеона. На поясѣ фронтона, поддерживаемаго колоннами, вызолоченными выпуклыми буквами, была составлена надпись на польскомъ языкѣ: «Съ твоихъ дарувъ тоби офіара», слово въ слово значило: «Отъ твоихъ даровъ тебѣ приношеніе», что составляло переводъ нашего: «Твоя отъ Твоихъ Тебѣ приносяще».

Недалеко отъ костела стояла маленькая, деревянная, покрывшаяся отъ времени, уніатская церковь. Это было въ началѣ 1838 г., когда унія еще не была уничтожена.

Съ прогулки мы вернулись въ домъ, или «палацъ», владѣльца. Всѣ еще спали, несмотря на поздній часъ утра. Когда мы вошли въ портретную галерею, Подгородинскій, указывая мнѣ на самый «старшій» портретъ и постепенно переходя къ послѣдующимъ, не только называлъ каждое изображенное лицо по имени, но и рассказывалъ подробно жизнь и дѣянія cadaго. Я не могъ воздержаться, чтобы не высказать ему своего удивленія его такой изумительной памяти. Подгородинскій отвѣчалъ мнѣ:

— У насъ ребенокъ, только что научившійся первому лепету, подводится къ фамилнымъ портретамъ и заучиваетъ ихъ біографіи. Что же мудренаго въ томъ, что я рассказалъ вамъ?

— Но это не ваши предки, а вашей жены?

Подгородинскій улыбувшись отвѣчалъ:

— А что вы скажете, если цѣной изученія жизни и подвиговъ предковъ моего тестя я только могъ жениться на его дочери?

Я молча поклонился.

Мы перешли къ доспѣхамъ и оружію, расположеннымъ на столахъ и въ витринахъ. Тутъ были знамена и хоругви, подъ которыми Корженевскіе водили сформированные на свой коштъ полки, перначи, гетманскія булавы, сѣкиры, шлемы съ забралами, кольчуги, латы, самопалы, луки и колчаны стрѣлъ, сабли, кривыя и слегка вогнутыя—полный арсеналъ. Тутъ же лежали и трофеи, добытые отъ непріятеля: знамена, штандарты, конскіе хвосты, разное оружіе и т. п. Все это было разложено въ строгомъ порядкѣ и по годамъ, словомъ—живая лѣтопись прошлаго. Тяжесть и размѣры нѣкоторыхъ кольчугъ удивили меня. Какіе нужно было имѣть ростъ и силу, чтобы носить ихъ и держать трехпудовыя копыя, тутъ же стоящія!

Потомъ мы перешли въ комнату, въ которой останавливался императоръ Александръ I, когда дѣлалъ подъ Кодней смотръ войскамъ въ 1825 г. Мебель осталась нетронутой въ томъ порядкѣ, какъ она стояла при государѣ. Подгородинскій рассказалъ мнѣ, что во время маневровъ отъ пушечной пальбы сильно дрожали

стекла въ окнахъ. Должны были поставить на подоконники стаканы съ водой, и дребезжаніе стеколъ прекратилось.

Между тѣмъ комнаты стали наполняться проснувшимися гостями; всталъ и мой генералъ. Тотчасъ же явилось вновь венгерское. Послѣ завтрака мы отправились въ городъ. Насъ сопровождала музыка, но въ обратномъ порядкѣ. Музыканты, играя польскій, спускались съ лѣстницы, за ними всѣ мы. Выйдя въ сѣни, они помѣстились по обѣимъ сторонамъ и очистили намъ проходъ. Только что мы успѣли въ экипажъ и тронулись съ мѣста, какъ польскій смѣнился «тушемъ», и всѣ присутствующіе три раза прокричали: «вивать».

XXVI.

Дворянскіе выборы въ Житомирѣ.—Православныя церкви и католическіе костелы.—Особенности въ постройкѣ домовъ.—Населеніе Житомира.—Начало смуты на Волыни.—Польскій патріотъ Симонъ Конарскій.—Встрѣча виленскаго исправника Дорошенка съ помѣщикомъ Радзевичемъ и случайная поимка Конарскаго.—Военно-судная комиссія въ Кіевѣ.—Моя поѣздка въ Варшаву съ бумагами отъ губернатора Маслова.—Намѣстникъ царства Польскаго кн. Паскевичъ-Эриванскій.—Возвращеніе въ Житомиръ.

Въ концѣ апрѣля помѣщики съѣхались на дворянскіе выборы. За неимѣніемъ дома дворянскаго собранія, губернаторъ открылъ выборы въ залѣ думы рѣчью, по окончаніи которой пригласилъ дворянъ принять обычную присягу. Тутъ мнѣ, видѣвшему дворянскіе выборы въ великороссійскихъ губерніяхъ, представилось оригинальное зрѣлище. Изъ толпы дворянъ—болѣе ста человекъ—отдѣлились двое и направились въ соборъ, какъ православнаго исповѣданія, всѣ же прочіе пошли въ костелъ, въ которомъ и были устроены самые выборы, т. е. разставлены были столы по уѣздамъ и одинъ общій губернский.

Здѣсь кстати скажу, что въ Житомирѣ были двѣ православныя церкви и два костела. Изъ православныхъ—соборъ былъ довольно обширный, но недоконченный, не имѣлъ колокольни. Церковная утварь, иконостасъ и образа вообще были довольно бѣдны. Боковой придѣлъ устроенъ былъ изъ походной полковой церкви, бывшей въ рукахъ французовъ въ 1812 году и вновь отбитой. Другая церковь, на краѣ города, была еще бѣднѣе. Зато костелы отличались своимъ наружнымъ видомъ и внутренними украшеніями. Оба зданія были построены иезуитами и на своихъ фронтонахъ имѣли неизбѣжный вензель, означавшій слова «*Jesum habemus societ*», т. е. «Исуса имѣемъ товарищемъ». У католиковъ веревка привязана не къ языку колокола, какъ у насъ, а къ уху, и колоколъ качается на оси. Дергая за веревку, приводятъ въ движеніе самый колоколъ, а тотъ уже заставляетъ биться языкъ о свои стѣнки.

Заговоривъ о Житомирѣ, расскажу и объ этнографическихъ и общественныхъ особенностяхъ города.

Житомиръ, начиная съ построекъ и оканчивая своими жителями, имѣлъ своеобразный характеръ, не имѣющій ничего общаго съ городами великороссійскихъ губерній.

Дома большей частью были небольшіе, очень невзрачной архитектуры, были и каменные, но болѣе мазанки; постройка послѣднихъ была преоригинальная. По угламъ возводимаго дома врывали въ землю столбы; въ промежуткахъ, по назначенію хозяина, ставились косяки дверей и оконъ; на всемъ этомъ утверждалась крыша. Пустыя пространства, оставшіяся между дверей и оконъ, по кольямъ заплетали ивовыми прутьями или камышомъ, мѣсили глину и размятыми комьями съ силой бросали на плетень. Закидавши всѣ скважины, разравнивали глину, втыкали въ нее камешки или даже небольшіе деревянные колышки и вновь начинали забрасывать мятой глиной, потомъ стѣну ровняли «соколомъ», употребляемымъ штукатурами. Когда стѣна просыхала, то образовавшіяся трещины смазывали жидкой глиной и снова заравнивали. По окончательной просушкѣ стѣны, ее бѣлили мѣломъ. Затѣмъ приступали къ внутренней отдѣлкѣ дома: ставили перегородки, стлали полы, навѣшивали двери и оконныя рамы, клали печи и каминны, стѣны изнутри штукатурили той же размятой глиной, бѣлили, и домъ готовъ. Расположеніе дома было совершенно отлично отъ строящихся въ Россіи. Кромѣ губернаторскаго дома, я не помню, чтобы хотя одинъ домъ имѣлъ прихожую, или «лакейскую»; обыкновенно изъ сѣней прямо входили въ залъ. Даже были дома, не имѣвшіе сѣней. Дверь изъ жилой комнаты прямо отворялась или на улицу или во дворъ. Такое расположеніе, конечно, обусловливалось «мягкостью» климата. Во всѣ четыре года, что я прожилъ на Волыни, не знаю, было ли четыре мороза, доходившіе до 10°. Обыкновенно холодъ держался между 6—8° ниже 0.

Другую особенность представляли собой такъ называемые «биржевые извозчики». Городъ, какъ я сказалъ уже, былъ небольшою, лежалъ на ровной мѣстности и имѣлъ только одинъ спускъ къ рѣкѣ Тетереву, на которомъ онъ стоитъ, но тамъ никто не жилъ. Несмотря на это извозчики, и въ дрожкахъ и въ саняхъ, выѣзжали не иначе, какъ на парѣ лошадей, изъ которыхъ одна, коренная, закладывалась въ оглобли съ дугой, обыкновенной упряжи, а другая, пристяжная, на отлетъ. Поэтому и самыхъ извозчиковъ звали не иначе, какъ «парщиками». Ремесломъ извозчика, или парщика занимались исключительно жившіе тамъ раскольники какого-то Филиппова толка, отчего и назывались филлипонами. Всѣ они населяли одну улицу, называемую «Филлипонскою», и довольно чисто говорили по-русски. Звали ихъ еще «кацапами»,

отъ польскаго слова «кацапъ», что означаетъ козелъ, потому что они носили бороды.

Улицы были кривыя, нѣкоторыя изъ нихъ мощеныя камнемъ. Но что это была за мостовая? Казалось, прошелъ каменный дождь, и только. Были въ городѣ двѣ площади, публичный садъ, называемый Звѣгинцувка, въ память устроившаго его, бывшаго губернатора, Звѣгинцева. Садъ имѣлъ весьма жидкую растительность. Мѣсто для него, по живописному виду, было выбрано на гранитной скалѣ, составляющей берегъ Тетерева, и потому садъ выигрывалъ въ видѣ, но терялъ въ растительности. Слой земли на гранитѣ былъ очень незначителенъ, и посаженные деревья, дойдя корнями до камня, гибли.

Большая и главная часть жителей, населявшихъ городъ, были евреи, вѣчно суетящіеся, вѣчно движущіеся. Видя еврея, бѣгущаго по улицѣ съ развѣвающимися полами кафтана и пейсиками, можно подумать, что онъ спѣшитъ по какому нибудь важному дѣлу. Ничуть не бывало, онъ спѣшитъ потому, что у него такая привычка. Не видя никакой значительной торговли, я не понималъ, чѣмъ они могутъ существовать. Правда и то, что они въ пищу употребляли преимущественно однѣ цибули (лукъ) съ хлѣбомъ, и только зажиточные ѣли мясо.

Отъ ѣды цибули евреи проникались какимъ-то ѣдкимъ потомъ, оставлявшимъ долго послѣ себя непріятный запахъ въ воздухѣ. Мнѣ случалось, придя въ свою квартиру, по запаху узнавать, что приходилъ безъ меня мой факторъ, хотя бы то лѣтомъ и при растворенныхъ окнахъ. Нѣкоторыя изъ евреекъ были замѣчательно хороши собой, сохранивъ въ лицѣ типъ восточныхъ народовъ. Дѣвушки носили косы, а замужнія брили голову, что ихъ очень портило. Какъ мужчины, такъ и женщины носили свой оригинальный костюмъ. Нечистота въ жизни и неопрятность тѣла составляли ихъ присущую принадлежность. На тѣлѣ, если не на всемъ, то на части его были какія-то крапинки, какъ бы слѣды укушенія блохъ. Неужели то было послѣдствіе сказанныхъ слишкомъ за тысячу лѣтъ словъ: «кровь его на насъ и на чадахъ нашихъ»? Нечистота въ жизни проявлялась и въ быту самыхъ богатыхъ евреевъ. Такъ извѣстный банкиръ въ Бердичевѣ, Гельперингъ, задавалъ намъ Лукулловскіе обѣды, не только подавалъ кушанья на серебряныхъ блюдахъ, но и столъ былъ накрытъ серебряными глубокими и мелкими тарелками, а непремѣнно гдѣ нибудь на окраинахъ есть сальное пятно. На столахъ — бронза и золото, и все это покрыто густымъ слоемъ пыли, мебель обита бархатомъ или дорогимъ штофомъ, а служить гнѣздомъ милліоновъ блохъ, занавѣсы у оконъ и дверей изъ тонкой индѣйской ткани, а непремѣнно гдѣ нибудь разорвано и виситъ лохмотье.

За евреями по численности своей шли обыватели — чиновники

и адвокаты (тогда еще дѣйствовалъ «Литовскій статутъ»), всѣ польскаго происхожденія, очень мало было служащихъ изъ русскихъ. Прислугу составляли мѣстные малороссіяне—хохлы, но ополяченные, т. е. забывшіе свой природный языкъ, а бойко говорящіе по-польски, нѣкоторые изъ нихъ изъ униатовъ перешли въ католицизмъ.

Затѣмъ меньшинство, какъ я уже сказалъ, составляли филиппоны.

Былъ еще классъ людей, такъ называемая «шляхта». Хотя шляхта официально, вслѣдствіе указа Николая, и была уничтожена, но это нисколько не мѣшало существовать ей *de facto*. Но это было какъ бы племя кочевное, то появлявшееся въ городѣ, то исчезающее. Впрочемъ между ними были и осѣдлые, имѣвшіе свои домики, но по окраинамъ города. Шляхтянки, несмотря на свое ничтожное происхожденіе, были большею частію образованныя, въ особенности дочери экономовъ и управляющихъ имѣніями богатыхъ помѣщиковъ. Между ними нерѣдко можно встрѣтить прекрасно владѣющихъ нѣсколькими иностранными языками, замѣчательныхъ музыкантъ и рисовальщицъ.

Въ городѣ водилось много длинныхъ черныхъ змѣй и небольшихъ земляныхъ черепахъ. Случалось ѣхать по немощеной улицѣ и вдругъ получать толчекъ. Осмотрѣвшись увидишь, что переѣхалъ черепаху безъ всякаго для нея вреда; высунувъ головку и выправивъ лапки изъ-подъ своей брони, она шла далѣе. Присутствіе же змѣй объясняется скалистымъ берегомъ Тетерева, въ расщелинахъ котораго онѣ обыкновенно имѣли свои убѣжища.

Бѣдность строенія и вообще жалкое состояніе Житомира извинялись до нѣкоторой степени тѣмъ, что тогда онъ не былъ еще утвержденъ губернскимъ городомъ. Думали избрать мѣстечко Боремль, какъ болѣе центральное. Боремль принадлежалъ Чапкому, но конфискованъ въ казну за участіе владѣльца въ польскомъ мятежѣ 1830 г. О Боремлѣ я поговорю особо, въ своемъ мѣстѣ.

Въ административномъ отношеніи Житомиръ зависѣлъ отъ кievскаго генералъ-губернатора Д. Г. Бибикова, такъ какъ губерніи Кіевская, Подольская и Волынская составляли одно генералъ-губернаторство.

Вмѣстѣ съ выборами начались пиры, но баловъ не было. Въ Житомирѣ, кромѣ служащихъ, никто не жилъ, а съѣхавшіеся помѣщики оставили свои семейства дома, да и трудно бы было дамамъ удобно помѣститься въ тѣхъ жалкихъ гостиницахъ и строеніяхъ, которыя тогда существовали. Я участвовалъ на всѣхъ объѣздахъ, всѣ они были болѣе или менѣе схожи съ описаннымъ мною объѣдомъ въ Коднѣ, смотря по средствамъ хозяина.

Въ Житомирѣ былъ и театръ, но, Боже мой, что это за театръ! Деревянное полуразвалившееся зданіе; въ ясную ночь можно было

видѣть, сквозь потолокъ и крышу, звѣзды на небѣ, а въ ненастную погоду дождь, какъ сквозь сито, лилъ въ партеръ и ложи. Во вниманіе такихъ «невзгодъ» губернаторъ дозволилъ быть въ театрѣ со шляпами на головахъ. Занавѣсъ весь въ дырахъ, кулисы въ лохмотьяхъ. Актрисы или старыя или уроды... Пьесы игрались на русскомъ и польскомъ языкахъ, на послѣднемъ преимущественнѣе.

Между тѣмъ, какъ я предавался жизни съ полной безпечностью моихъ молодыхъ лѣтъ, на политическомъ горизонтѣ западной Россіи надвинулась грозная туча, разразившаяся и надъ Волынью и доставившая мнѣ немало дѣла, показавъ въ то же время все серьезное значеніе занимаемой мною должности.

Въ остальной Россіи не знали и не понимали всей важности происшествій 1838 и 1839 гг., вызванныхъ попытками заграничныхъ революціонеровъ польскаго возстанія 1830 года.

Въ то время, какъ въ великороссійскихъ губерніяхъ спокойно предавались своимъ ежедневнымъ мирнымъ занятіямъ, на Волыни люди, служившіе правительству, или исчезали безслѣдно, или сгорали въ пожарѣ. Исчезла всякая увѣренность въ самосохраненіи; ложась спать, мы не были увѣрены, что къ утру останемся въ живыхъ, сядя за обѣдъ,—что встанемъ не отравленными. Времена были тѣмъ болѣе трудныя, что приходилось бороться съ невидимымъ врагомъ, поражающимъ исподтишка, когда менѣе всего приготовленъ къ тому; удары наносились, Богъ знаетъ откуда, но вѣрно достигали заранѣе намѣченной жертвы.

Въ подтвержденіе моихъ словъ приведу факты, которые можно найти въ архивахъ тамошнихъ присутственныхъ мѣстъ. Становой приставъ, ѣхавшій открыть одно тайное скопище, былъ схваченъ неизвѣстно кѣмъ, и онъ самъ, его кучеръ и тройка лошадей съ экипажемъ исчезли, такъ что, несмотря на всѣ самые тщательные розыски и большую награду, обѣщанную тому, кто откроетъ виновныхъ, ни виновные, ни жертва ихъ не были найдены.

Другой случай.

Стряпчій вмѣстѣ съ становымъ приставомъ ѣхали на слѣдствіе, которое могло навести на слѣдъ существованія тайнаго общества. Ночью въ лѣсу путниковъ застала сильная гроза, и они поспѣшили укрыться въ еврейской корчмѣ, неподалеку стоявшей. Ночью корчма загорѣлась. Вмѣстѣ съ строеніемъ сгорѣли и становой со стряпчимъ. По заявленіямъ, корчма сгорѣла отъ молніи, но слѣдствіе открыло, что хозяинъ еврей успѣлъ спасти все свое имущество, а обгорѣлые остатки стряпчаго и становаго найдены у дверей комнаты. Легко можно было догадаться, что, пробужденные пожаромъ, они бросились къ двери, но дверь была заперта снаружи. При этомъ у одного изъ труповъ найдены растопившіеся червонцы въ сжатой рукѣ...

Всю эту кутерьму надблалъ эmissаръ Симонъ Конарскій.

Чтобы мои дальнѣйшіе рассказы сдѣлать понятными, я долженъ войти въ нѣкоторыя подробности предшествовавшихъ событій.

Въ 1831 году, когда съ такими усиліями и такой значительной потерей въ людяхъ было наконецъ подавлено польское возстаніе, поляки, участвовавшіе въ возмущеніи, видя, что дѣло ихъ независимости проиграно, удалились за границу. Немногіе изъ нихъ воспользовались амнистіей (условнымъ прощеніемъ), объявленной русскимъ царемъ; большая же часть разбрелась по странамъ Западной Европы и болѣе всего сосредоточилась въ Парижѣ и Лондонѣ. Тамъ эти остатки піонеровъ свободы учредили изъ себя политическіе клубы, или комитеты, имѣвшіе двоякую цѣль: одну чисто филантропическую, для пріисканія средствъ къ безбѣдному существованію эмигрантовъ (выходцевъ), оставившихъ въ своемъ отечествѣ свои имѣнія и тѣмъ лишившихъ себя возможности ежедневнаго пропитанія. Другая цѣль была — чисто политическая: она обнимала собой стремленія и надежды рано или поздно возстановить самостоятельность націи. Для выполненія этой цѣли комитету нужно было поддерживать тайныя сношенія съ Польшей, возбуждать въ оставшихся тамъ своихъ собратьяхъ-соучастникахъ упавшій духъ и манить ихъ надеждой, ободрять ожиданіями лучшей будущности. Сношенія эти должны были сопровождаться большою осторожностью и тактомъ, потому что русское правительство зорко слѣдило за всѣми дѣйствіями, какъ польскихъ выходцевъ за границей, такъ и въ самой Польшѣ. Много надо было имѣть любви къ отчизнѣ, самоотверженія и гражданскаго мужества, чтобы принять на себя подобное посредничество. Но что можетъ остановить смѣлыхъ? Комитеты время отъ времени высылали отъ себя въ Польшу такъ называемыхъ эмиссаровъ, которые пробирались тайкомъ черезъ русскую границу, встрѣчая, разумѣется, вездѣ между своими соумышленниками радушный пріемъ и безопасность отъ преслѣдованій полиціи.

Одинъ изъ такихъ эмиссаровъ, нѣкто Симонъ Конарскій, самый горячій патріотъ и самый ревностный распространитель польской пропаганды, въ 1834 году, тайно перешелъ русскую границу. Австрійское правительство, всегда подлое въ своихъ дѣйствіяхъ, всегда услужливое передъ нашимъ дворомъ, когда дѣло касалось собственныхъ его интересовъ, провѣдавъ о проходѣ въ Россію Конарскаго, тотчасъ же сообщило о томъ нашему правительству. Въ усердіи своемъ услужить намъ Австрія зашла такъ далеко, что представила даже литографированный портретъ Конарскаго съ подробнымъ описаніемъ его мельчайшихъ примѣтъ.

Сдѣлано было распоряженіе оттиснуть сотни портретовъ Конарскаго и вмѣстѣ съ описаніемъ его примѣтъ разослать во всѣ пограничныя губерніи и раздать городскимъ и уѣзднымъ полицейскимъ начальствамъ съ строгимъ, разумѣется, предписаніемъ разы-

скать Конарскаго и его соумышленниковъ и представить ближайшему губернатору. Но всѣ старанія, всѣ розыски этой своры полицейскихъ служителей были напрасны: они не могли напасть на слѣдъ Конарскаго. Но чего не могли сдѣлать люди, то доставилъ случай.

Весною, 1838 года, виленскій исправникъ, капитанъ Дорошенко, вѣчно пьяный, но терпимый на службѣ за свою расторопность и распорядительность, возвращался съ какого-то слѣдствія изъ уѣзда въ Вильно. Съ нимъ ѣхали его письмоводитель и нѣсколько чело-вѣкъ сотскихъ. Не доѣзжая нѣсколькихъ верстъ до города, въ лѣсу настигъ ихъ сильный проливной дождь и принудилъ Дорошенка искать защиты въ находившейся тутъ еврейской корчмѣ. Въѣхавъ въ крытый дворъ, Дорошенко увидѣлъ тамъ коляску проѣзжаго, подобно ему искавшаго убѣжища отъ дождя. Войдя въ комнату, Дорошенко увидѣлъ сидящаго на лавкѣ, знакомаго ему помѣщика Радзевича, а у притолки дверей стоящаго, повидимому, его слугу.

Поздоровавшись съ Радзевичемъ, послѣ обыкновенныхъ привѣтствій, Дорошенко, протягивая руку съ трубкой и кисетомъ съ табаконъ къ слугѣ Радзевича, грубо сказалъ:

— Эй ты, галганъ, набей трубку!

Замѣтивъ, что тотъ какъ-то нехотя и нескоро исполняетъ его приказаніе, Дорошенко закричалъ:

— Да ну же, проворнѣе поворачивайся, галганъ (бранное польское слово)! Я научу тебя живѣе исполнять мои приказанія.—И вмѣстѣ съ тѣмъ ударилъ его чубукомъ.

Слуга въ отвѣтъ далъ ему пощечину. Ударъ, полученный такъ неожиданно и, какъ казалось, отъ простого слуги, совершенно отрезвилъ Дорошенка. Вскочивъ съ лавки, чтобы учинить расправу съ дерзкимъ лакеемъ по-своему, исправникъ вдругъ остановился. Въ чертахъ мнимаго слуги онъ нашелъ какъ будто что-то знакомое. Всматриваясь ближе, увидѣлъ, что мнимый слуга очень походилъ на примѣты и портретъ Конарскаго. Убѣдившись въ этомъ сходствѣ, еще болѣе пощечиной, которую простой слуга, конечно, никогда не позволилъ бы себѣ дать исправнику, что передъ нимъ стоитъ личность, которую такъ долго и такъ напрасно отыскивали, Дорошенко закричалъ:

— Эй, люди, сотскіе! сюда! Вяжите обоихъ!

И прежде чѣмъ Радзевичъ и Конарскій успѣли опомниться отъ нечаянности всей происшедшей сцены, какъ оба были связаны.

Исправникъ Конарскаго взялъ въ свой экипажъ, а Радзевича вмѣстѣ съ письмоводителемъ посадилъ въ собственную его коляску и въ сопровожденіи сотскихъ доставилъ въ Вильно.

На первомъ допросѣ преступниковъ обнаружилось, что Конарскій, подъ прозваніемъ Чуланчикъ, получалъ ежегодно паспорта отъ нашего правительства на свободное проживаніе и все это время

жить въ разныхъ мѣстахъ нашихъ западныхъ пограничныхъ польскихъ губерній. Въ послѣднее время онъ находился у Радзевича подъ видомъ наемнаго камердинера. Ни Конарскій, ни Радзевичъ не назвали никого изъ своихъ сообщниковъ и упорно стояли въ томъ, что одни виноваты въ желаніи возмутить край, но такой ихъ благородный поступокъ былъ испорченъ ихъ же собственной неосторожностью. Въ имѣніи Радзевича, въ его домѣ, сдѣлали строгій розыскъ и нашли въ сокровенномъ мѣстѣ обширную переписку съ членами тайнаго общества, ими уже организованнаго; эта-то переписка и погубила ихъ и прочихъ соумышленниковъ. Наше правительство, поймавъ нить заговора, добралось по ней и до клубка—обширнаго тайнаго общества, раскрыло всѣ намѣренія и средства его членовъ. По письмамъ, найденнымъ въ домѣ Радзевича, арестовали всѣхъ бывшихъ съ нимъ въ перепискѣ, по найденнымъ письмамъ у послѣднихъ арестовывали другихъ, тѣмъ же способомъ добивались до слѣдующихъ, и такимъ образомъ ударъ пощечины, такъ неосторожно данный въ ничтожной еврейской корчмѣ, отразился на губерніяхъ: Виленской, Ковенской, Гродненской, Минской, Кіевской, Подольской и Волынской.

Ревнуя къ неприкосновенности своей власти, Бибиковъ испросилъ у государя разрѣшеніе открыть въ Кіевѣ военно-судную комиссію, независимо отъ Виленской, надъ тѣми преступниками, которые окажутся уроженцами губерній, составляющихъ его генералъ-губернаторство. Разумѣется, Бибиковъ легко получилъ такое разрѣшеніе, потому что императору Николаю, глубоко ненавидѣвшему поляковъ, ничѣмъ нельзя было лучше угодить, какъ устраивать мѣста судилищъ для ихъ истребленія.

Начались розыски, аресты, ссылки на рудники въ Сибирь и въ солдаты на Кавказъ. Въ одной Волынской губерніи болѣе 150 семействъ облеклись въ трауръ, потерявъ людей близкихъ. Такое натянутое положеніе естественно должно было ожесточить противъ насъ поляковъ, и они употребляли всевозможныя и невозможныя средства, чтобы уничтожить насъ. Вотъ почему происходили и исчезновеніе людей, и сжиганіе ихъ въ огнѣ пожара, и та неувѣренность въ самосохраненіи, о которыхъ я говорилъ выше.

Участіе мое въ общемъ дѣлѣ по розысканію и арестованію лицъ, прикосновенныхъ къ заговору Конарскаго, началось посылкой меня курьеромъ въ Варшаву къ фельдмаршалу князю Паскевичу.

Хотя Паскевичъ не имѣлъ никакого непосредственнаго вліянія на Волынскую губернію, но, такъ какъ она служила райономъ расположенія войскъ, подчиненныхъ фельдмаршалу, и могла встрѣтиться надобность въ требованіи вооруженной силы, то Масловъ счелъ нужнымъ донести Паскевичу, какъ объ открытіи тайнаго заговора, такъ и о сдѣланномъ имъ распоряженіи относительно начальниковъ командъ, квартирующихъ въ губерніи.

Получивъ нужныя бумаги и инструкціи, я шелъ къ себѣ, когда встрѣтилъ скачущаго въ почтовой телѣжкѣ адъютанта Бибикова, Лермонтова. Остановивъ его, я узналъ, что и онъ посланъ въ Варшаву съ тѣмъ же порученіемъ, какъ и данное мнѣ.

У меня родилась неблагоразумная мысль во что бы то ни стало перегнать Лермонтова и пріѣхать въ Варшаву прежде него.

Собравшись наскоро, я поскакалъ въ свою очередь. Между отѣздомъ Лермонтова и моимъ промежуткомъ времени былъ болѣе, чѣмъ полчаса, но промежутокъ этотъ все болѣе и болѣе сокращался по мѣрѣ величины пространства, которое я проѣзжалъ. Наконецъ въ Люблинѣ я догналъ Лермонтова. Узнавъ, что онъ обѣдаетъ въ гостиницѣ, я, самъ мучимый голодомъ, купилъ хлѣбъ и, жуя его, не останавливаясь пустился дальше, и добился своего: пріѣхалъ въ Варшаву первымъ. Но тутъ на дѣлѣ узналъ, что излишнее усердіе въ своемъ дѣлѣ не всегда служить намъ въ пользу. Прежде чѣмъ буду продолжать дальнѣйшій рассказъ о послѣдствіяхъ моей поспѣшной ѣзды, упомяну о тѣхъ ощущеніяхъ, которыя ѣзда эта произвела во мнѣ. Первую ночь въ дорогѣ я выдержалъ довольно бодро, но вторая совершенно утомила меня. Держась за кушакъ своего ямщика и покачиваясь въ телѣжкѣ изъ стороны въ сторону, я дремалъ съ закрытыми глазами, дремота эта производила во мнѣ иллюзіи... Проѣзжая открытой мѣстностью, я, при одномъ сильномъ толчкѣ, открывъ глаза, увидѣлъ, что мы ѣдемъ городомъ съ большими домами, въ окнахъ которыхъ свѣтился огонь. Я спросилъ ямщика:

— Что это за городъ?

— Гдѣ?

— Да вотъ, которымъ мы ѣдемъ.

— Тутъ нѣтъ никакого города, тутъ чистое поле.

— Что ты врешь! Вотъ дома, вотъ освѣщенныя окна!

Ямщикъ, обернувшись, съ удивленіемъ посмотрѣлъ на меня. Покачавъ головой, онъ погналъ лошадей еще скорѣе, при чемъ, вѣроятно, подумалъ, что я пьянъ.

Быстрота ѣзды и свѣжесть воздуха заставили меня очнуться. Иллюзія исчезла, и тамъ, гдѣ я за минуту видѣлъ стѣны домовъ, стояли деревья, а огонь, разложенный не вдалекѣ отъ дороги чумаками, показался мнѣ за освѣщеніе въ окнахъ.

Возвращаясь къ своему разсказу.

Пріѣхавъ въ Варшаву около обѣда, я приказалъ везти себя къ намѣстнику, жившему въ загородномъ дворцѣ, называемомъ «Лазенки». Тамъ меня встрѣтилъ, кажется, полковникъ Ушаковъ и, узнавъ цѣль моего пріѣзда, тотчасъ же ввелъ въ кабинетъ къ Паскевичу. Пока тотъ читалъ поданныя мной бумаги, я имѣлъ случай подробно рассмотреть невзрачную фигуру фельдмаршала, въ первый разъ еще мной видѣннаго. Прочитавъ донесеніе Ма-

слова и взглянувъ на число и часъ моего отправленія, онъ, обратясь ко мнѣ, сказалъ:

— О-о-о! Скоро ѣхалъ! Молодецъ! Усталъ?

— Очень, ваша свѣтлость.

— Ну, поди, отдохни.

Въ сопровожденіи Ушакова я вышелъ. Лакей провелъ меня въ нижній этажъ въ комнату. Едва сдернувъ съ себя сюртукъ, я бросился на диванъ и тотчасъ же заснулъ, какъ спитъ молодость съ небольшимъ въ 20 лѣтъ.

Проснувшись на другой день часовъ въ 9 утра, я сидѣлъ у окна и пилъ поданный мнѣ чай. Погода, дотолѣ мнѣ благопріятствовавшая, измѣнилась: шелъ дождь. Я мечталъ, что увижу Варшаву, которую я зналъ только по рассказамъ офицеровъ полка, участвовавшихъ въ польской кампаніи 1830 г. Мои пріятныя мечты были прерваны приходомъ дежурнаго адъютанта, объявившаго, что меня требуетъ къ себѣ Паскевичъ. Я послѣдовалъ за нимъ. По комнатамъ, наполненнымъ разнымъ военнымъ людомъ, адъютантъ ввелъ меня въ знакомый уже мнѣ кабинетъ.

Намѣстникъ, вручая мнѣ довольно толстый конвертъ, сказалъ:

— Поѣзжай сейчасъ же назадъ! Вотъ тебѣ бумаги—отвѣтъ на донесеніе губернатора.

Нечего было дѣлать. Я поскакалъ назадъ, несмотря на проливной дождь, но уже такъ не спѣшилъ, какъ въ первый разъ. Останавливался для обѣдовъ и вторую ночь соснулъ на станціи нѣсколько часовъ.

Спустя дней пять по приѣздѣ моемъ въ Житомиръ, я вновь встрѣтилъ Лермонтова, возвращающагося въ Кіевъ. Онъ рассказалъ мнѣ, что приѣхалъ въ Варшаву послѣ меня, часа два спустя, по случаю сломавшейся его телѣжки, былъ принятъ Паскевичемъ, который объявилъ, что онъ уже получилъ донесеніе и сдѣлалъ по немъ распоряженіе, а Лермонтову дозволилъ остаться на нѣкоторое время въ Варшавѣ.

Къ чему же послужило мое рвеніе? Посланный послѣ Лермонтова, я имѣлъ полное право и въ Варшаву приѣхать послѣ него. Тогда бы я воспользовался отдохновеніемъ, предоставленнымъ Лермонтову, и могъ бы осмотрѣть Варшаву. Въ утѣшеніе мнѣ осталась память необыкновенно быстрой ѣзды и ощущенія фельдъегеря!

XXVII.

Бердичевъ и князь Николай Радзивиллъ.—Поѣздка въ Пряжево, имѣніе А. И. Схабицкаго.—Балъ у него.—Эмилія Шаливска.—Особенность воспитанія полекъ—Доносъ на помѣщика Бобра и поѣздка въ его имѣніе, село Загайцы.—Безуспѣшный розыскъ оружія въ клумбахъ съ цвѣтами.—Исторія гр. Олизара: заключеніе его въ 1832 г. въ тюрьму, бѣгство, поимка, освобожденіе и исчезновеніе изъ Россіи.—Моя поѣздка въ Кременецъ для ареста Бопрэ и Фелинской.—Разборъ ихъ бумагъ.

15-го іюня я отправился съ генераломъ на знаменитую Ануфріевскую ярмарку въ Бердичевъ. Главный торгъ на ярмаркѣ производится рогатымъ скотомъ и заводскими лошадьми; за послѣдними пріѣзжаютъ ремонтеры и наши и австрійскіе. Мѣстечко Бердичевъ принадлежало тогда князю Николаю Радзивиллу и входило въ составъ Волынской губерніи. Впослѣдствіи мѣстечко было отчислено къ Кіевской. Бердичевъ—это новый Іерусалимъ для евреевъ; въ немъ они кишатъ, какъ лягушки въ дальнемъ болотѣ. И въ обыкновенное время нельзя сдѣлать шагу, чтобы не наткнуться на еврея, тѣмъ болѣе во время ярмарки. Они сумѣли сдѣлаться столь необходимыми въ краѣ, что ни одной сдѣлки въ торговлѣ нельзя было заключить безъ ихъ участія.

Мы остановились въ пространномъ «палацѣ» князя Радзивилла, гдѣ нашли много помѣщиковъ, съѣхавшихся изъ разныхъ губерній.

Обѣдъ и угощенія были тѣ же, какъ и у Корженевскаго въ Коднѣ. Надо отдать справедливость полякамъ богачамъ: они умѣли устраивать пиры. Послѣ обѣда губернаторъ пошелъ «отдыхать», а я, по приглашенію хозяина, спустился въ нижній этажъ. Тамъ я видѣлъ, какъ поляки мечутъ банкъ. У cadaго играющаго стоялъ рядомъ стулъ или табуретъ, на которыхъ лежали мѣшечки съ червонцами, и они ставили на карту не монетой, а мѣшками. Такіе же мѣшки лежали и передъ банкометомъ, и смотря по тому, выигрывали ли карты, или проигрывали, и кучки мѣшковъ увеличивались или уменьшались. Довѣріе было такъ велико, что никто и не думалъ повѣрять число червонцевъ въ мѣшкахъ.

Послѣ отдыха губернаторъ и всѣ мы гурьбой отправились на ярмарку, которая помѣщалась на обширной равнинѣ, сейчасть же за мѣстечкомъ. Въ построенныхъ нарочно для случая деревянныхъ балаганахъ продавался «красный» товаръ. Рогатый скотъ и лошади помѣщались на открытомъ воздухѣ въ загороженныхъ мѣстахъ (левадахъ). Лошади были всѣ чистокровныя съ заводовъ, которыхъ въ то время было много въ губерніяхъ Подольской и Волынской. Лучшими считались лошади завода князя Сангушки, о которомъ буду говорить ниже, въ своемъ мѣстѣ. Между лошадьми сновали евреи, цыганы, переодѣтые ремонтеры. Все было для меня

ново!.. Насмотрѣвшись, мы вернулись домой и заключили день роскошнымъ ужиномъ, за которымъ гремѣла музыка, и лилось венгерское. На другой день князь Радзивиллъ былъ такъ любезенъ, что самъ вызвался быть моимъ чичероне и показать достопримѣчательности мѣстечка. Болѣе всего вниманіе мое и любознательность обратилъ на себя костель своимъ роскошнымъ убранствомъ, несмотря на всю простоту католическихъ храмовъ. Подъ костеломъ устроенъ обширный фамильный склепъ. Стѣны склепа обтянуты чернымъ сукномъ съ блестками. Изъ череповъ сложены пирамиды и составлены кресты; въ промежуткахъ стояли гробы съ останками предковъ князя Радзивилла. Послѣдній гробъ, открытый, вмѣщалъ въ себѣ тѣло жены моего путевода, умершей нѣсколько лѣтъ тому назадъ гдѣ-то за границей и бальзамированной, отчего она прекрасно сохранилась. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ висѣли зажженные лампадки. Все было рассчитано на эффектъ и поражаало воображеніе печальной обстановкой, наводя мысли на память о нашей ничтожности... Тутъ же я узналъ, что предки не только князя Радзивилла, но и другихъ знатнѣйшихъ польскихъ фамилій (магнатовъ) были православнаго исповѣданія. Нѣкоторые изъ нихъ и умерли въ своей вѣрѣ, другіе перешли въ католичество, которое исповѣдуютъ теперь ихъ потомки.

Послѣ завтрака мы вернулись въ Житомиръ, гдѣ получили приглашеніе А. И. Схабицкаго посѣтить его имѣніе.

Помѣщикъ Адамъ Ивановичъ Схабицкій въ имѣніи своемъ, Пряжевѣ, въ 12 верстахъ отъ Житомира, устроилъ обѣдъ и балъ.

Имѣніе его было небольшое, но прекрасно устроенное. Все было мишюрно, но изящно; вездѣ видны слѣды заботъ и стараній. Самый домъ по наружности ничѣмъ не отличался отъ крестьянскихъ хатъ и былъ только немного болѣе. Также снаружи обмазанъ глиной и выбѣленъ, крыша крыта соломой, а внутри дома вездѣ ковры, зеркала, бронза, очень изящная мебель, но лучше украшеній—радушіе хозяина. Къ его дому вполнѣ шла русская пословица: «не красна изба углами, а красна пирогами». За домомъ сейчасъ начинался лѣсъ; онъ изъ него устроилъ паркъ, содержимый очень чисто. Не было ни чищеныхъ дорожекъ, ни подстриженныхъ деревьевъ, но все натурально, вездѣ луга, трава, зелень, зато нигдѣ не увидишь ни сучка, ни вѣтки, ни суши—все это подобрано. Не далеко отъ дома, и слѣдовательно въ паркѣ, была довольно большая лужайка, прорѣзываемая ручейкомъ. Заботливый хозяинъ устроилъ запруду, отчего образовалось небольшое озеро, что придавало мѣстности еще болѣе привлекательности. Въ запрудѣ или плотинѣ устроенъ былъ небольшой гротъ, выложенный камнемъ и мхомъ. Въ гротѣ—диванъ, надъ нимъ зеркало, нѣсколько стульевъ, все это въ простомъ деревенскомъ вкусѣ. Особенность грота заключалась въ устройствѣ его входа. Надъ гротомъ во всю его ширину вдѣланъ

былъ скрытый желобъ, или, лучше сказать, каузь. Когда поднимали вершникъ, то вода широкой стѣной стремилась въ каузь и падала у самаго входа въ гротъ, закрывая его, какъ хрустальной дверью. Часто, ради шутки, хозяинъ приглашалъ гостей своихъ, въ особенности дамъ, въ гротъ и пускалъ воду; тогда не было никакой возможности выйти оттуда, иначе какъ черезъ водяной столбъ. Видъ изъ грота черезъ это движущееся стекло былъ необыкновенный. Все, казалось, шевелилось, переливалось; но чудный эффектъ происходилъ вечеромъ, когда въ гротѣ зажигались огни. Стоя нѣсколько вдали и смотря въ гротъ черезъ его водяную дверь, можно было наблюдать восхитительный видъ. Отблескъ огня, отражаясь въ движущейся водѣ, принималъ всѣ радужные цвѣта, и гротъ дѣйствительно казался какъ бы очарованнымъ... Мы его звали гротомъ фей, а хозяинъ обыкновенно поправлялъ насъ, говоря: «лѣсныхъ нимфъ, потому что гротъ въ рощѣ, а я уже, конечно, сатиръ». Схабицкій былъ немолодыхъ лѣтъ, съ лысиной и холостой.

Передъ гротомъ билъ фонтанъ. Не было мѣста, сколько нибудь замѣчательнаго или красотой мѣстоположенія, или, наоборотъ, дикостью впа, которое бы не было подмѣчено хозяиномъ и не обдѣлано, но обдѣлано съ большимъ вкусомъ, безъ нарушенія гармоніи общей мѣстности или характера представляющей картины. На лужайкѣ, о которой я говорилъ выше, была устроена довольно большая деревянная, въ два этажа, галлерей. Весь нижній этажъ составлялъ одинъ обширный залъ съ эстрадой для музыкантовъ и съ боку буфетъ. Верхній этажъ состоялъ изъ нѣсколькихъ комнатъ, помѣщений для посѣтителей, желавшихъ или остаться только ночевать или, пользуясь радушіемъ хозяина, провести нѣсколько дней въ его имѣніи. У Схабицкаго была своя музыка, небольшая, но довольно порядочно исполнявшая танцы, даже иногда разыгрывавшая во время обѣда увертюры и оперетки.

Залъ, въ которомъ мы танцевали, весь былъ убранъ гирляндами цвѣтовъ и зеленью. Сочетаніе освѣщенія съ яркою свѣжею зеленью производило большой эффектъ. Музыка играла, я танцевалъ съ Эмилией.

Здѣсь я долженъ вернуться назадъ.

Священный огонь чистой, глубокой любви угасъ во мнѣ навсегда со смертью Alexandrine. Я не могъ болѣе любить такъ сильно! Были привязанности, но онѣ слегка задѣвали сердце, не проникая вглубь его, и я переходилъ отъ одной привязанности къ другой легко, теряя ихъ безъ всякой горечи или промежуточныхъ страданій. Я вполне убѣдился, что любить можно въ жизни только одинъ разъ, влюбляться безъ счета.

Многіе изъ служащихъ въ Житомирѣ имѣли красивыхъ дочерей. Между ними болѣе всѣхъ мнѣ понравилась Эмилиа Шаливска. Высокая ростомъ, стройно сложенная, съ пластическими формами,

такъ много говорящими молодому воображенію, Эмилиа могла остановить на себѣ вниманіе любителя изящнаго. Встрѣчая ее въ обществѣ, я скоро познакомился и въ ихъ домѣ. Воспитаніе полекъ очень разнится отъ воспитанія русскихъ. Во-первыхъ, нѣтъ этой напускной искусственной скромности, заставляющей краснѣть нашихъ барышень при первомъ разговорѣ съ мужчиной. У полекъ допущено вполне свободное обращеніе, но при всей видимой свободѣ обращеніе это никогда не перейдетъ за предѣлы приличія и достоинства чести дѣвушки. Малѣйшее посягательство на доброе имя бываетъ наказываемо насмѣшками и униженіемъ. Свобода обращенія доходитъ до того, что, напримѣръ, гулянье не только въ саду, но и за городомъ, въ рощѣ, вдвоемъ, въ глубокія сумерки нисколько не считается предосудительнымъ. Гуляя самъ, встрѣчаешь другія пары, также уединенно прохаживающіяся, и не обращаешь на это по-нашему криминальное явленіе никакого вниманія, точно такъ же, какъ и самъ охраненъ отъ всякихъ нескромныхъ взглядовъ. Отцы и матери смѣло оставляютъ своихъ дочерей на попеченіе молодыхъ людей въ полной увѣренности, что дочери ихъ при самой сильной привязанности самое большее, что позволяютъ себѣ, это поцѣловать избранника своего сердца и никакъ не болѣе. Такіе нравы присущи всѣмъ полякамъ, на какой бы ступени онѣ ни стояли въ обществѣ, начиная съ чистыхъ аристократокъ и оканчивая дворянками «средней руки». Извѣстно, что великій князь Константинъ Павловичъ, возбужденный свободой обращенія съ нимъ графини Ловичъ, позволилъ было себѣ посягнуть на ея честь, но получилъ лаконическій отвѣтъ: «пршешъ кощіолъ», и, чтобы обладать ею, долженъ былъ на ней жениться, отказавшись отъ престолонаслѣдія... Встрѣчаемая мной польки барышни всѣ были графини Ловичъ. Замужнія не то...

Я не забуду, какъ Эмилиа меня сильно сконфузила одной своей выходкой, на которую никто не обратилъ вниманія, какъ на поступокъ весьма обыкновенный, но который меня, какъ новичка, привыкшаго къ нашимъ пуританскимъ правиламъ приличія, поразилъ. На одномъ балу я танцевалъ съ Эмилией мазурку. У нея развязалась лента на башмакѣ. Наша барышня, смѣшавшись и сконфузившись, тотчасъ побѣжала бы въ уборную исправить свой туалетъ; Эмилиа же въ залѣ, въ присутствіи всѣхъ, поставила свою маленькую ножку на стулъ и, приподнявъ свое бальное платье, такъ что видна была часть икры, смѣясь и смотря мнѣ прямо въ глаза, просила завязать ей ленту.

У меня потемнѣло въ глазахъ, руки тряслись, я не только не могъ завязать ленту, но даже держать ее. Замѣтивъ впечатлѣніе, на меня произведенное, Эмилиа, лукаво улыбаясь, проговорила:

— Какой вы неловкій!—и сама завязала ленту.

Мазурка, начатая при такомъ немыслимомъ для нашихъ рус-

скихъ барышень поступкѣ, кончилась тѣмъ, чѣмъ кончаются часто и наши мазурки: полнымъ обоюднымъ признаніемъ въ любви.

Мое сильно распаленное воображеніе видомъ образцовой ножки сдѣлало меня смѣлымъ. На мой вопросъ Эмилиа своимъ маленькимъ ротикомъ и губками, полными, какъ зрѣлая вишня, страстно прошептала:

— Я те кохамъ (люблю тебя)!

Я обрадовался, но радость моя была болѣе слѣдствіе удовлетвореннаго самолюбія, чѣмъ радость взаимно любящаго сердца. Въ ту минуту у меня мелькнула мысль объ Alexandrine. Я спрашивалъ себя: не грѣшу ли противъ ея памяти? но совѣсть моя осталась спокойна.

Эмилиа, замѣтивъ во мнѣ внутреннюю борьбу и не понимая, разумѣется, ея причины, спросила:

— Что вы задумались?

— Отъ избытка счастья!

Переступивъ первый трудный шагъ любви, я пошелъ по знакомой уже мнѣ дорогѣ и наслаждался моею взаимной привязанностью, насколько то позволяла свобода обращенія.

Одно мнѣ не нравилось въ Эмилиі: она была очень ревнива и часто дѣлала мнѣ сцены.

Обращаясь къ своему разсказу.

Утопая въ блаженствѣ, я съ нетерпѣніемъ ожидалъ конца кадрили, чтобы пойти освѣжиться въ рощу, гдѣ мнѣ было обѣщано нѣсколько подѣлуевъ... но вся эта поэзія ожиданій и наслажденій разбилась о прозу дѣйствительности, мнѣ предстоявшей. Танцуя съ Эмилией, разумѣется, я весь былъ поглощенъ только ею и не замѣчалъ ничего, что дѣлалось около меня; поэтому не видалъ, какъ пріѣхалъ изъ Житомира чиновникъ къ губернатору съ бумагами, и генераль ушелъ въ домъ, чтобы на досугѣ и безъ помѣхи заняться ими.

Обстоятельство это въ другое время, не въ минуты восторговъ для меня, конечно, обратило бы мое вниманіе, потому что, по введенному порядку, на случай выѣзда губернатора изъ города, только бумаги, на которыхъ написано весьма нужное или чрезвычайно секретныя, тотчасъ по полученіи отправлялись въ то мѣсто, гдѣ находился губернаторъ, всѣ остальные, хотя и секретныя, оставлялись до его возвращенія. Но, какъ я сказалъ, ничего этого я не замѣтилъ... И вдругъ, въ моемъ упоеніи, когда я былъ далеко отъ всякихъ служебныхъ мыслей, далеко отъ земли, является предо мной пріѣхавшій чиновникъ и говоритъ казенную, стереотипную фразу: «Пожалуйте къ генералу». Дѣлать было нечего. Передавъ ему мою даму для окончанія танца, я, скрѣпя сердце и унося съ собой въ утѣшеніе взглядъ сожалѣнія Эмилиі и тайное ея пожатіе руки, долженъ былъ уйти...

Генерала я засталъ одного въ кабинетѣ хозяина, расхаживающаго по комнатѣ.

Увидя меня, онъ сказалъ:

— Жаль мнѣ тебя, а дѣлать нечего. Я получилъ важный доносъ: у помѣщика Кременецкаго уѣзда, Бобра, скрытъ большой запасъ оружія. Поѣзжай сейчасъ и узнай на мѣстѣ, до какой степени справедливо все это.

— Нельзя ли, ваше превосходительство, отложить поѣздку до утра?

Генералъ улыбнулся.

— Знаю, что тебѣ не до того. Знаю, что всѣ возможныя тайныя и явныя оружія, весь міръ скрываются для тебя въ глазкахъ Эмилии, но ѣхать надо сейчасъ же. Въ доносѣ извѣщаютъ, что съ часу на часъ ожидаются подводы для развозки этого склада въ разныя мѣста. Я уже приказалъ готовить тебѣ лошадей и даю время только проститься съ Эмилией.

Я зналъ характеръ генерала: когда онъ скажетъ «нельзя», такъ уже ничто не можетъ измѣнить его рѣшенія. Наскоро простившись съ хозяиномъ и Эмилией, я поскакалъ въ Житомиръ, а оттуда въ Кременецъ.

Въ Кременцѣ взялъ съ собою исправника и нѣсколько человѣкъ инвалидной команды; мы поѣхали въ имѣніе Бобра, село Загайцы, въ 25, верстахъ отъ города. Дорогой я объявилъ исправнику цѣль нашей поѣздки и еще разъ прочелъ съ нимъ доносъ, чтобы не сдѣлать какой промашки. Въ то горячее время, когда длилась еще исторія Конарскаго, показанія доносчика, если они вѣрны, имѣли большое значеніе. Обдумавъ и рѣшивъ сообщать планъ нашихъ дѣйствій, мы, пріѣхавъ въ Загайцы, остановились въ корчмѣ и тотчасъ послали за доносчикомъ, который былъ крѣпостной человѣкъ Бобра, находившійся у него въ услуженіи.

Явился малый, очень видный собою, лѣтъ 25-ти и вновь подтвердилъ все написанное имъ въ доносѣ, объяснивъ, что складъ значительнаго оружія зарытъ въ саду, передъ домомъ, а чтобы скрыть слѣды взрыхленной и поднятой земли, то на томъ мѣстѣ разбита клумба съ цвѣтами. Говорилъ онъ такъ утвердительно, что, казалось, не могло быть никакого сомнѣнія въ справедливости доноса. Взявъ его съ собою и нашихъ инвалидовъ съ ружьями, мы отправились къ господскому дому. Бобръ съ нѣсколькими сосѣдями своими былъ въ молотильномъ сараѣ, гдѣ осматривали машину, только что имъ полученную изъ Бельгіи. Чтобы итти въ сарай, мы должны были проходить мимо конюшни. Доносчикъ остановилъ насъ и, показывая на слуховое окно, сказалъ:

— Смотрите! Вонъ оружіе!

Поднявъ глаза по направленію, указанному доносчикомъ, мы дѣйствительно увидали въ окно эфесъ сабли. Я тотчасъ распорядился

дился поставить часового со строгимъ приказомъ никого ни впускать, ни выпускать на сѣноваль, а сами пошли далѣе. До сего времени, казалось, доносчикъ былъ правъ.

Между тѣмъ Бобру дали знать о нашемъ приѣздѣ, и онъ шелъ къ намъ навстрѣчу. Съ Бобромъ я еще прежде былъ знакомъ и потому, подойдя къ нему, послѣ обмѣна обычныхъ привѣтствій, не имѣя надобности долѣе скрывать цѣль моего приѣзда, прямо и громко сказалъ ему, указывая на доносчика:

— Онъ донесъ губернатору, что у васъ въ саду зарытъ складъ оружія. Я прошу васъ приказать созвать людей и рыть указанное мѣсто, а васъ присутствовать при томъ, вмѣстѣ съ нами.

Бобръ поблѣднѣлъ. Я отнесъ это къ страху, что еще болѣе заставило меня увѣриться въ справедливости доноса и удвоить мои предосторожности.

Тотчасъ было собрано нѣсколько человѣкъ дворни, и мы отправились въ садъ, предшествуемые доносчикомъ. Тотъ привелъ насъ къ клумбѣ, прямо противъ балкона дома, и сказалъ:

— Тутъ!

Клумба была обширна, насыпана горкой и вся обсажена цвѣтами, между которыми красовались георгины, составлявшія въ то время еще рѣдкость. Садовникъ, голландецъ, увидя, что мы готовимся копать землю, пришелъ въ отчаяніе и началъ умолять, чтобы пощадили его цвѣты. Бобръ очень строго замѣтилъ ему, что дѣло идетъ поважнѣе, чѣмъ его цвѣты, и бѣдный голландецъ ушелъ, чтобы не видать разрушенія. На самомъ дѣлѣ жаль было смотрѣть, какъ выкапывали и бросали всѣ эти цвѣты, стоявшіе такихъ стараній, но дѣлать было нечего.

Я слѣдилъ за выраженіемъ лица Бобра, но, кромѣ небольшой блѣдности и тупого холоднаго взгляда, устремленнаго на работу, ничего не могъ подмѣтить. Меня удивили такая стойкость и сила владѣть собой. Мнѣ казалось, что въ виду улики преступленія сохранять такое наружное хладнокровіе—выше человѣческихъ силъ.

Разбросавъ всю клумбу, мы тронули материкъ. Обстоятельство это меня удивило. Я очень хорошо понималъ, что гдѣ разъ вскопана земля, тамъ материка болѣе быть не можетъ, а если сохранился материкъ нетронутымъ, то не можетъ быть подъ нимъ никакаго склада оружія. Передавъ мое замѣчаніе исправнику, я обратился съ тѣмъ же къ доносчику. Тотъ, подумавъ нѣсколько, объявилъ, что онъ ошибся мѣстностью, что это не та клумба, а далѣе... Прекративъ работу, мы пошли на указанное мѣсто, гдѣ нашли такую же клумбу и приступили къ уничтоженію ея, какъ и первой.

День стоялъ ясный, безвѣтренный, жаръ былъ невыносимый; несмотря на то, что стояли въ тѣни деревь, мы буквально обливались потомъ; жаль было рабочихъ, однако надо было выпол-

нить до конца наши незавидныя роли. Къ тому-же и голодъ давалъ себя чувствовать. Мы не ѣли съ ранняго утра, а былъ уже часъ шестой вечера. Я еще крѣпился тѣмъ, что безпрестанно пилъ, а исправникъ легъ на траву въ изнеможеніи. Солдатики мои часто схватывались за животъ.

Со второй клумбой встрѣтилось то же обстоятельство, что и съ первой, т. е., разбросавъ насыпь, составляющую собственно клумбу, встрѣтили опять нетронутый материкъ. На мое замѣчаніе доносчикъ объявилъ, что онъ снова ошибся, и надо искать далѣе. Но я потерялъ всякое терпѣніе, побуждаемый къ тому еще болѣе голодомъ, начинавшимъ меня порядочно мучить, приказалъ людямъ прекратить работу, отдохнуть, но не расходиться, а къ доносчику приставилъ двухъ часовыхъ съ строгимъ наказомъ не позволять ему ни сѣсть, ни лечь. Цѣль такого моего распоряженія была двоякая: понимая, что доносъ несправедливъ, я хотѣлъ скорѣе заставить доносчика сознаться въ томъ, измучивъ его физически, а съ другой стороны—какъ мѣра предохранительная, чтобы лишить доносчика всякой возможности впослѣдствіи сказать, что онъ отлучился, или заснулъ, и что въ это время было вынуто оружіе изъ указаннаго имъ мѣста и отнесено въ другое, для него неизвѣстное. Конечно, такая отговорка не могла бы имѣть мѣста, потому что трудно, даже невозможно допустить, чтобы большой складъ оружія, если онъ дѣйствительно существовалъ, можно было въ короткое время весь выбрать и перетаскать въ другое мѣсто, но при системѣ шпіонства, устроенной Бибиковымъ, и которой онъ опуталъ всѣ свои три губерніи, всякое обстоятельство, какъ бы оно невѣроятно ни было, принималось во вниманіе и влекло за собой объясненіе, даже аресты, пока не разъяснялось само собой. При такомъ положеніи вещей, надо было быть очень осторожнымъ въ своихъ дѣйствіяхъ и отклонять отъ себя даже самую тѣнь подозрѣнія.

Мѣры, мной принятыя, оправдались въ своихъ послѣдствіяхъ.

Попросивъ Бобра приказать накормить мою команду въ саду, гдѣ она оставалась, самъ я съ исправникомъ пошелъ въ домъ, куда Бобръ давно приглашалъ насъ обѣдать.

Послѣ обѣда мы уѣхали на балконъ, ведущемъ въ садъ, въ виду разрытой первой куртины. Намъ подали кофе и трубки. Разговоръ какъ-то не вязался; всѣ мы чувствовали, что положеніе наше неловко... Мнѣ дали знать, что доносчикъ желаетъ меня видѣть. Мы всѣ пошли къ тому мѣсту, гдѣ его оставили. Увидѣвъ меня, мерзавецъ упалъ на колѣни и воскликнулъ:

— Простите! Виновать! Весь мой доносъ выдуманъ. Никакого оружія нигдѣ не спрятано.

— Зачѣмъ же ты выдумалъ?

— Послушался жены. Она научила меня выдумать всю эту исторію о скрытомъ оружіи.

— Съ какою пѣлюю?

— Мы думали, что въ настоящее смутное время, когда, по слухамъ, многихъ господъ арестовываютъ за Конарскаго, достаточно одного доноса. Исслѣдованій дѣлать не будутъ, и за мое усердіе и преданность русскому правительству меня сдѣлаютъ свободнымъ.

Тутъ я не выдержалъ, — давно кипѣвшая во мнѣ досада вырвалась наружу. Я сильно ударилъ его въ щеку; ударъ этотъ въ послѣдствіи отозвался для меня въ непріятномъ объясненіи съ генералъ-губернаторомъ. Негодяй, отданный въ военную службу, придя въ Житомиръ, объявилъ претензію командиру гарнизоннаго батальона, что онъ во время слѣдствія по его доносу былъ битъ, — по закону же строго воспрещается употреблять противъ обвиняемаго какія бы то ни было насильственныя мѣры. Не видя никакого себѣ удовлетворенія (командиръ батальона былъ такъ деликатенъ, что даже не сказалъ мнѣ объ его жалобѣ), гнусный доносчикъ, отправленный въ Черниговскую губернію, проходя черезъ Кіевъ, вновь объявилъ ту же претензію. Она дошла до свѣдѣнія генералъ-губернатора, и я долженъ былъ выслушать длинный выговоръ отъ Бибикова съ прибавленіемъ, что, не желая дѣлать непріятность губернатору, онъ на первый разъ оставляетъ поступокъ мой безъ послѣдствій, но на будущее время, въ случаѣ чего либо подобнаго, меня самого предать суду.

Снявъ показаніе съ доносчика, утвержденное его подписомъ, и передавъ его самого исправнику для содержанія подъ арестомъ, впредь до распоряженія о немъ губернатора, я обратился къ Бобру, прося у него извиненія за непріятности, лично ему сдѣланныя, и за опустошенія, причиненныя его саду. Бобръ, какъ умный человекъ, понималъ, что на моемъ мѣстѣ нельзя было иначе поступить. Отъ него же я узналъ, что палашъ, такъ встревожившій насъ въ слуховомъ окнѣ на сѣновалѣ, и къ которому я приставилъ часового, принадлежалъ его брату, служившему въ кавалергардахъ, и что этотъ палашъ — единственное оружіе, находящееся въ его домѣ, кромѣ, разумѣется, наслѣдственного отъ его предковъ, развѣшаннаго въ его кабинетѣ.

Распростившись съ Бобромъ и принеся вновь мои извиненія во всѣхъ этихъ дразгахъ, ночью, чтобъ избѣжать жара, мы всѣ, наѣзники, отправились въ обратный путь.

По возвращеніи въ Житомиръ, только что я сдалъ генералу отчетъ въ моемъ порученіи, какъ получилъ отъ него новое приказаніе ѣхать назадъ въ Кременецъ и арестовать проживавшихъ тамъ вольно практикующаго врача Бопрэ и г-жу Фелинскую¹⁾,

¹⁾ Мать прелата Фелинскаго, сосланиаго въ Ярославль за дѣятельное участіе и подстрекательство, въ духѣ религіи, мятежа въ Польшѣ въ 1863 году. Фелинскаго, при арестованіи его матери, я видѣлъ еще мальчикомъ.

разобрать ихъ бумаги и переписку, болѣе важныя изъ нихъ задержать п Фелинскую съ квартальнымъ житомирской полиціи Сташевскимъ, командированнымъ въ мое распоряженіе, отправить въ г. Вильну, къ тамошнему генералъ-губернатору, а Бопрэ доставить въ Кіевъ. Порученіе свое я долженъ былъ выполнить какъ можно секретнѣе, не возбуждая никакихъ преждевременныхъ слуховъ или толковъ. Опасались, что Бопрэ, игравшій видную, значительную роль въ заговорѣ Конарскаго, имѣетъ много соумышленниковъ, ему преданныхъ, и что явное его арестованіе можетъ повлечь за собой явное же сопротивленіе и увозъ Бопрэ за границу, такъ какъ пограничное положеніе самого города Кременца много тому способствовало.

Здѣсь я снова прерву свой разсказъ и вернусь за нѣсколько лѣтъ назадъ, чтобы показать, что правительство не безъ основанія опасалось скрытія Бопрэ.

Въ 1831 году, послѣ подавленія возстанія въ Польшѣ, въ Житомирѣ была устроена военно-судная комиссія для разбора степени виновности участниковъ возмущенія. Всѣ тюрьмы были переполнены арестованными лицами, число которыхъ безпрестанно увеличивалось. Для вновь прибывающихъ должны были очистить одинъ изъ обширныхъ корпусовъ зданія костела, воздвигнутаго іезуитами. Устройство монашескихъ келій, не имѣющихъ между собою никакого сообщенія, а только одну дверь, выходившую въ коридоръ, какъ нельзя лучше, соотвѣтствовало своему назначенію—служить временными тюрьмами для государственныхъ преступниковъ. Однимъ изъ послѣднихъ былъ графъ Олизаръ, человекъ очень богатый и имѣвшій большія связи въ краѣ, какъ по родству, такъ и по знакомству. Олизара помѣстили въ одну изъ келій костела и дозволили, какъ и другимъ, слугѣ его приносить ему собственную пищу.

Въ 1832 году, въ самую заутреню св. Пасхи, слуга Олизара по обыкновенію впущенъ былъ къ своему господину съ подносомъ, уставленнымъ разными закусками. При смѣнѣ часового человекъ съ тѣмъ же подносомъ, но плотно закутанный, вышелъ изъ кельи. Часовой, предупрежденный прежнимъ, пропустилъ безпрепятственно вышедшаго лакея, котораго онъ прежде не видалъ. На утро комендантъ, старый израненный полковникъ Пяткинъ, по обыкновенію обходилъ кельи арестантовъ. Придя къ Олизару и видя его, лежащаго на постели, обернувшись лицомъ къ стѣнѣ, Пяткинъ подошелъ къ нему, думая, что онъ заболѣлъ. Каково же было его удивленіе, когда онъ вмѣсто Олизара увидѣлъ совершенно незнакомое для себя лицо! Оказалось, что въ кельѣ былъ слуга Олизара, а самъ Олизаръ, переодѣтый, скрылся. Поднялась тревога, посланные поскакали во всѣ концы губерніи для отысканія бѣжавшаго преступника. Олизара захватили въ Кременецкомъ уѣздѣ,

переодѣтаго въ крестьянское платье и пробиравапгося за границу. Изъ Кременца его, скованнаго по рукамъ и по ногамъ, пѣшкомъ отправили въ Житомиръ подѣ конвоемъ унтеръ-офицера и двухъ рядовыхъ съ заряженными ружьями и съ приказаніемъ при малѣйшей попыткѣ къ побѣгу или сопротивленію застрѣлить его и мертваго доставить въ комиссію.

Отъ Кременца верстахъ въ 18-ти есть небольшая лощинка въ довольно пустынной мѣстности. Здѣсь Олизара и его конвой догнала запряженная коляска въ 6 лошадей; за коляской слѣдовала бричка въ 4 лошади. Дама, сидѣвшая въ коляскѣ, поравнявшись съ Олизаромъ, какъ будто теперь только узнала преступника. Приказавъ остановиться коляскѣ, она подозвала къ себѣ конвой и арестанта и, поздоровавшись съ послѣднимъ, обратилась къ унтеръ-офицеру, умоляя его, ради чрезмѣрнаго утомленія Олизара, позволить ему сѣсть въ коляску и доѣхать до перваго этапа, а чтобы унтеръ-офицеръ не сомнѣвался въ искренности ея просьбы и былъ бы совершенно покоенъ на счетъ вѣрности доставки преступника, ея родственника, предложила ему самому сѣсть на козлы, а солдатъ посадить въ бричку къ ея людямъ. Унтеръ-офицеръ, не подозрѣвая никакого умысла и не видя отступленія отъ даннаго ему приказанія доставить арестанта пѣшкомъ, или въ экипажѣ, все равно, а главное соблазнившись горстью червонцевъ, предложенныхъ ему дамой,—согласился. Усадивъ своего арестанта рядомъ съ дамой, самъ полѣзъ на козлы, а рядовые, не выпуская изъ рукъ ружей, усѣлись въ бричкѣ, радуясь, что они избавлены отъ ходьбы пѣшкомъ, и что преступникъ находится подѣ ихъ надзоромъ. Не отѣхали они и двадцати шаговъ, какъ выстрѣлъ изъ пистолета въ спину унтеръ-офицера заставилъ его свалиться съ козелъ, и въ то же самое время, вѣроятно, по заранѣе условленному знаку, люди, сидѣвшіе въ бричкѣ, бросились на солдатъ, завладѣли ихъ ружьями и закололи ихъ собственными же штыками. Съ того времени Олизаръ пропалъ и уже болѣе найденъ не былъ. Впослѣдствіи за границей онъ издалъ свои записки, въ которыхъ однако-жъ не называетъ своей соучастницы. Унтеръ-офицеръ былъ только смертельно раненъ. Доставленный въ госпиталь, онъ передъ смертью успѣлъ разсказать все происшествіе, при чемъ, отдавая искусившіе его червонцы, просилъ служить на нихъ заупокойныя по себѣ обѣдни и панихиды.

Такъ кончилъ унтеръ-офицеръ. Посмотримъ, чѣмъ кончилась судьба Пяткина? Разжалованный по суду въ солдаты, онъ былъ помилованъ Николаемъ во вниманіе прежнихъ его заслугъ и ранъ, еще болѣе примѣрнаго самоотверженія дѣтей его. Пяткинъ имѣлъ двухъ сыновей офицерами, кажется, въ Ольвіопольскомъ уланскомъ полку. Узнавъ о карѣ, постигшей ихъ отца, они умоляли государя

избавить отца ихъ, преклоннаго лѣтами и израненнаго, отъ опредѣленнаго наказанія, перенеся оное на нихъ самихъ.

Затѣмъ возвращаюсь къ моему разсказу.

Вслѣдствіе опасенія, чтобы съ Бопрэ не случилось нѣчто подобное, что было съ графомъ Олизаромъ, такъ какъ и все послѣдующее должно было происходить въ той же мѣстности, т.-е. въ Кременецкомъ уѣздѣ, въ мое распоряженіе, кромѣ квартальнаго, были еще командированы четверо расторопныхъ жандармовъ.

Разочтя время такъ, чтобы мнѣ пріѣхать въ Кременецъ въ сумерки и тотчасъ приступить къ аресту указанныхъ лицъ, я приказалъ моимъ «голубымъ архангеламъ» лечь въ телѣги и закрыться такъ, чтобы не могли догадаться о ихъ профессіи. Вѣхавъ въ городъ, отправился прямо къ городничему, отставному капитану Архирову (изъ грековъ), и въ сопровожденіи его и моей команды, арестовавъ Бопрэ, тотчасъ же отправилъ его въ Житомиръ въ сопровожденіи всѣхъ моихъ жандармовъ, съ строгимъ наказомъ нигдѣ не останавливаться и ничѣмъ не искушаться. Затѣмъ, опечатавъ квартиру Бопрэ, я съ остальными своими спутниками направился къ дому Фелинской. Нани движенія и ѣзда не могли укрыться отъ любопытныхъ ушей и глазъ проснувшихся евреевъ. На пути къ Фелинской мы замѣтили, что во многихъ домахъ замелькали огоньки въ окнахъ, и нѣкоторые хозяева стояли на порогахъ своихъ дверей. Мы палками прогнали ихъ назадъ въ хаты съ строгимъ наказомъ не смѣть показываться на улицѣ до утра. Евреи очень боялись Архирова, который обращался съ ними «по-военному», и потому мы оставались совершенно спокойны, что распоряженіе наше будетъ въ точности исполнено.

Придя къ Фелинской, застали ее спящей въ постели. Нечего дѣлать, пришлось разбудить очень непріятнымъ для нея образомъ. Фелинская была вдова, лѣтъ подъ сорокъ, но еще прекрасно сохранившаяся, съ правильными, красивыми чертами лица; имѣла шестерыхъ дѣтей, изъ которыхъ старшей дочери не было еще 17 лѣтъ. Поднялся плачъ, вой!.. Мнѣ было очень жаль ихъ, но мое порученіе было такого рода, что не допускало даже самаго проявленія участія. Поручивъ городничему увести дѣтей къ себѣ на квартиру, я въ присутствіи самой Фелинской и квартальнаго занялся разборомъ ея бумагъ и писемъ, но, скоро наскучивъ чтеніемъ еще непонятнаго для меня польскаго языка, за объясненіемъ котораго обращался постоянно къ квартальному, всѣ бумаги по описи сдать послѣднему и, запечатавъ всѣ двери и самую квартиру печатами, своей и Фелинской, отправилъ послѣднюю въ Вильну, въ сопровожденіи Сташевскаго.

На утро занялся съ городничимъ разборкой бумагъ и переписки Бопрэ. Между ними я нашелъ много очень важныхъ, совершенно компрометирующихъ ихъ хозяина, и потому не могъ съ ними по-

ступать такъ, какъ съ бумагами Фелинской. Провозившись съ ними болѣе двухъ дней, я малозначащимъ сдѣлалъ опись, сдалъ ихъ подъ расписку городничему, а съ остальными отправился въ Житомиръ, куда и прибылъ безъ всякихъ приключеній и узнать, что Бопрѣ доставленъ былъ благополучно въ Кіевъ.

XXVIII.

Губернаторская ревизія.—Дер. Шатрица.—Г. Овручъ и его достопримѣчательности.—Письмо Маслова къ кіевскому, подольскому и волынскому генералъ-губернатору Д. Г. Бибикову.—Новоградъ-Волынской.—Мѣстечко Корецъ, принадлежавшее кн. Чарторижскому.—Г. Острогъ, принадлежавшій Яблоновскому.—Г. Дубно.—Кременецъ.—Почаевская лавра и преданіе объ основаніи ея.—Чудотворная икона Почаевской Божіей Матери.—Возвращеніе въ Житомиръ.—Поездка въ Кіевъ съ губернаторомъ Масловымъ.—Борьба Маслова съ Бибиковымъ.—Церковная унія и такъ называемое «возсоединеніе униатовъ».

Нѣсколько дней спустя, губернаторъ поѣхалъ на ревизію губерніи, взявъ и меня съ собой. Начались для меня историческія экскурсіи. Я посѣщалъ, и неоднократно, мѣста, откуда началась наша Русь; видѣлъ страны, запечатлѣнные событіями, отъ которыхъ дрожитъ и бьется сердце любящаго свое отечество. Не преувеличивая скажу, если бы въ Волынской губерніи на каждомъ мѣстѣ, ознаменованномъ историческимъ событіемъ, поставить по камню, то негдѣ было бы проѣхать пахарю съ плугомъ. Какъ я сожалѣю теперь, что видѣлъ всѣ эти мѣста въ очень молодыхъ еще лѣтахъ, когда умъ мой не сложился для серіозныхъ изученій всего исторически любопытнаго; я касался всего поверхностно, не вдаваясь въ изслѣдованіи и розыски, и останавливался только на томъ, что само, такъ сказать, бросалось въ глаза.

Первый путь нашъ былъ направленъ въ Овручскій уѣздъ, самый бѣдный, самый неплодородный во всей губерніи. Большая часть его покрыта лѣсами и болотами, изъ которыхъ извлекаютъ желѣзную руду. Какъ часто мнѣ удавалось, проѣзжая вечеромъ или ночью, видѣть вдали сильные огни и слышать удары молота, выковывающего желѣзо. Молоты имѣли нѣсколько десятковъ пудовъ вѣса и приводились въ движеніе большею частью силою воды. По дикости своей мѣстности и бѣдности своей почвы Овручскій уѣздъ поляки называли «своей Сибирью». Добываніе руды дѣлало сходство еще вѣрнѣе. Мы пріѣхали въ мѣстечко Искорость, древній Коростень, столицу обитавшихъ здѣсь, почти 1.000 лѣтъ тому назадъ, древлянъ. Теперь это господское селеніе¹⁾, въ которомъ помѣщалась квартира становаго. *Sic transit gloria mundi!* За мѣстечкомъ я видѣлъ лѣсъ—отпрыскъ тѣхъ дубовъ, которые разорвали

¹⁾ Любовицкихъ (1838 г.).

привязаннаго къ ихъ сближеннымъ вершинамъ и потомъ выпущеннымъ въ свое естественное положеніе великаго князя Игоря въ 945 году по Р. Х.

Не въ дальнемъ разстояніи отъ Искорости находится деревня Шатрица, названная въ память шатровъ Ольги, которая по преданію остановилась на этомъ мѣстѣ и выпустила отсюда голубей и воробьевъ съ привязаннымъ къ нимъ зажженнымъ трупомъ. Птицы, возвратясь въ Коростень, сожгли его. Шатрица лежитъ на рѣкѣ, названной по своему извилистому теченію Ужъ. На днѣ рѣки лежитъ большой камень съ углубленіемъ въ срединѣ. Камень этотъ и донинѣ называется «Ольгина ванна». Преданіе говоритъ, что Ольга, стоя подъ Коростенемъ, купалась въ ней.

Обѣжавъ всѣ эти мѣста, пока губернаторъ производилъ ревизію дѣлъ становаго пристава, я возвратился какъ разъ ко времени отъѣзда въ городъ Овручъ.

Въ городѣ новыя историческія воспоминанія: развалины Васильевской златоверхой церкви и Олегова могила.

Церковь по преданію построена великимъ княземъ Владимиромъ, названнымъ въ крещеніи Василиемъ. Въ мое время отъ церкви остались только три столба отъ свода. На одномъ изъ столбовъ въ выгнутой его вершинѣ ясно было видно изображеніе какого-то святого. Овручъ окруженъ древнимъ валомъ, мѣстами осыпавшимся, но вездѣ ясно сохранившимъ свои слѣды. Въ лѣвой сторонѣ отъ вѣзда въ городъ, за валомъ, находится курганъ довольно значительной величины, называемый «Олегова могила». По исторіи мы знаемъ, что князь древлянскій Олегъ, тѣснимый братомъ своимъ Ярополкомъ, на мосту черезъ ровъ провалился и былъ задавленъ своими войсками и лошадьми, упавшими за нимъ съ мосту въ 977 году.

Разумѣется, я не преминулъ осмотрѣть и эту могилу. Курганъ, несмотря на дожди, смывающіе его, былъ еще довольно высокъ, обрытъ небольшимъ рвомъ, въ которомъ я замѣтилъ много осколковъ стекла отъ бутылокъ, вдавшихся въ землю. Мнѣ пояснили, что офицеры нашей гвардіи, возвращаясь въ 1829 году изъ турецкаго похода, праздновали на курганѣ «тризну» по князю Олегу и, разбивая выпитыя бутылки съ виномъ, бросали ихъ въ ровъ. Судя по количеству стеклянныхъ остатковъ, тризна была совершена на славу, по-гомеровски.

Поѣздка въ Овручъ для Маслова была пагубна, — она послужила поводомъ его отставки. Незадолго передъ поѣздкой, городничій Овруча, находившійся по дѣламъ службы въ Житомирѣ, являлся губернатору. Масловъ очень хорошо запомнилъ его. Когда мы пріѣхали въ Овручъ, встрѣтило губернатора совершенно незнакомое лицо. На спросъ Маслова личность эта отвѣтила, что онъ только что вновь прибывшій городничій, назначенный въ эту должность гене-

ралъ-губернаторомъ. Масловъ страшно оскорбился и по прїѣздѣ въ Житомиръ написалъ Бибикову письмо, въ которомъ, не отвергая нисколько за нимъ права назначать полицейскихъ чиновниковъ въ губерніяхъ, подвѣдомственныхъ его генералъ-губернаторству, замѣтилъ, что «простая вѣжливость» должна бы была подсказать Бибикову извѣстить о своемъ назначеніи губернатора и тѣмъ избавить его отъ сюрприза встрѣчать вмѣсто одного лица другое.

Отправивъ письмо, Масловъ и я съ нимъ поѣхали въ другіе уѣзды.

Первый лежащій на нашемъ пути уѣздный городъ былъ Новоградъ-Волинскъ, или, какъ называютъ его мѣстные жители, Звягель.

Городъ стоитъ при рѣкѣ Случь, построенъ въ XVI столѣтіи княземъ Любомирскимъ и имѣлъ деревянный замокъ. Въ 1657 году, во время Збаражской конфедераціи былъ разоренъ украинскими казаками, а въ 1796 году городъ былъ купленъ въ казну и названъ Новоградъ-Волинскимъ. Въ городѣ нѣтъ ничего исторически-замѣчательнаго. Мое вниманіе было только остановлено на пловучихъ мукомольныхъ мельницахъ, возможности существованія которыхъ я и не подозрѣвалъ. Мельница эта состоитъ изъ двухъ лодокъ, между которыми движется колесо съ лопатами. Колесо приводитъ въ движеніе шестерню, а та въ свою очередь—мукомольный жерновъ. Такія мельницы могутъ существовать на быстро текущихъ рѣкахъ, какъ Случь. Обѣ лодки стоятъ на якорѣ, и сильнымъ теченіемъ приводится въ движеніе колесо. Перемоловъ весь хлѣбъ у прибрежныхъ жителей, вынимаютъ якорь, и мельница внизъ по теченію подходитъ къ слѣдующему прибрежному селенію и останавливается на якорѣ. Дойдя такимъ образомъ до послѣдняго селенія или до невозможности почему либо плыть далѣе, отнимаютъ колесо, разобщаютъ лодки и, уложивъ на нихъ всѣ мельничныя разобранныя части, на веслахъ или бичевой поднимаются вверхъ по теченію рѣки и, остановившись у перваго селенія, вновь собираютъ мельницу и мелютъ зерно... И не затѣйливо и полезно.

На другое утро мы прїѣхали въ мѣстечко Корець, принадлежавшее князю Чарторижскому и взятое въ казну за участіе владѣльца въ польскомъ возстаніи 1830 года и бѣжавшаго за границу. Въ Корцѣ находится господскій каменный палацъ, разрушенный пожаромъ, и костелъ, отъ котораго остались однѣ стѣны. Въ костелѣ въ 1830 году засѣли мятежники и всѣ были погребены подъ сводами, разрушенными нашими ядрами. Въ подземельѣ костела, не тронутымъ разрушеніемъ и служившемъ усыпальницей фамиліи князей Чарторижскихъ, прекрасно сохранилась одна изъ княгинь, похороненная лѣтъ сто тому назадъ (писано въ 1871 г.); набальзамированная, она сохранила способность перегибаться. Кожа на

лицѣ высохла, какъ у муміи, высокій чепецъ прикрывалъ ея волосы; на ней были надѣты: робронда изъ бѣлаго атласа, на рукахъ длинныя лайковыя перчатки, достигающія почти до плеча, ноги обуты въ шелковые съ красными стрѣлками чулки; башмаки исчезли. Стоявшіе въ Корцѣ въ то время артиллерійскіе офицеры, вызвавшіеся мнѣ сопутствовать въ фамилійный склепъ, показали на дѣлѣ гибкость тѣла княгини. Одинъ изъ нихъ, подойдя къ гробу, подсунулъ руку подъ спину умершей и приподнялъ ее, придавъ ей сидячее положеніе. Продержавъ такъ нѣкоторое время, онъ вдругъ отнялъ руку, и тѣло, лишенное поддержки, упало на свое мѣсто съ какимъ-то хрустомъ. Такая продѣлка съ умершей мнѣ очень не понравилась, и я просилъ своего генерала приказать запереть входъ въ склепъ и ключъ хранить у становаго пристава, о чемъ Масловъ тотчасъ же распорядился. Гробы прочихъ усопшихъ изъ фамиліи Чарторижскихъ были ветхіе, развалившіеся, источенные сыростью и червями. Сквозь отверстія виднѣлись скелеты. Зрѣлище было вообще грустное.

Изъ Корца мы пріѣхали въ уѣздный городъ Острогъ, принадлежащій князю Яблоновскому. Меня удивило, что уѣздный городъ, имѣющій присутственныя мѣста и находящійся подъ начальствомъ городничаго,—принадлежитъ частному лицу.

Такое сочетаніе права казны или правительства съ правомъ владѣльца представлялъ, впрочемъ, не одинъ Острогъ, въ губерніи были и другіе уѣздные города на тѣхъ же основаніяхъ.

Земля «подъ городомъ» принадлежала владѣльцу, но строенія, на ней возведенныя, составляли собственность домохозяевъ, которые за право пользованія землей платили владѣльцу оной опредѣленную ежегодную плату, называемую чиншъ; отсюда происходило чиншевое право. Управление городомъ, наружный его порядокъ, зависѣлъ отъ городничаго, а при распредѣленіи квартиръ на случай размѣщенія войскъ въ квартирной комиссіи присутствовалъ депутатъ отъ владѣльца съ правомъ «голоса».

Мои частыя наѣзды по дѣламъ службы въ городъ Острогъ дали мнѣ возможность изучить исторію и достопримѣчательности его съ большею подробностью, чѣмъ въ прочихъ городахъ губерніи. Кромѣ того, въ тамошнемъ исправникѣ, г. Война, я нашелъ просвѣщеннаго любителя старины. Его содѣйствію и свѣдѣніямъ я обязанъ изученіемъ и изслѣдованіемъ всего замѣчательнаго, какъ въ самомъ городѣ, такъ и его уѣздѣ.

Изъ Острога мы пріѣхали въ городъ Дубно, принадлежащій князю Любомирскому. Въ городѣ замѣчательны замокъ князя Радзивилла и церковь Преображенія.

Въ Дубенскомъ уѣздѣ находится мѣстечко Олыка, замѣчательное по магдебургскому праву своей ратуши во время владычества польскихъ королей. Ратуня, состоящая изъ членовъ, избираемыхъ

жителями, имѣла право жизни и смерти. Съ присоединеніемъ Волынской губерніи къ Россіи, право это было уничтожено, и теперь ратуша въ Олыкѣ, какъ и всѣ прочія ратуши, не пользуется никакими особыми правами. Въ мѣстечкѣ замѣчательны каменный св. Петра костелъ и замокъ князя Радзивилла, окруженный крѣпостными стѣнами.

Далѣе пріѣхали въ г. Кременецъ, въ которомъ я былъ уже два раза, но могъ видѣть его вскользь. Въ настоящую поѣздку имѣлъ случай осмотрѣть его подробно и собрать о немъ историческія свѣдѣнія.

Расположенный въ одномъ изъ ущелій Карпатскихъ горъ, Кременецъ совершенно закрытъ ими и дѣлается видимымъ только при вѣздѣ въ его предмѣстье. Горы, окружающія Кременецъ, получившій свое имя, вѣроятно, отъ кремней, во множествѣ находящихся на поверхности земли, въ его окрестностяхъ,—довольно высоки и носятъ разныя названія: Замывая, Черга, Каменная, Воловица, Острая и проч. Однѣ изъ нихъ увѣнчаны лѣсомъ, другія покрыты рѣдкимъ кустарникомъ, иныя изъ-подъ густой зелени выставляютъ свои каменные ребра.

Изъ Кременца мы прибыли въ близлежащую Почаевскую лавру, имѣющую чудотворную икону и стѣпу, или слѣдъ, ноги Божіей Матери.

Монастырь въ томъ видѣ, какъ онъ теперь представляется, выстроенъ Николаемъ Потоцкимъ. Преданіе говоритъ, что Потоцкій въ 1770 году, разсердясь на своего кучера, опрокинувшаго экипажъ, выхватилъ изъ-за пояса пистолетъ съ намѣреніемъ убить его. Кучеръ, павъ на колѣни и воздвѣвъ руки къ небу, воскликнулъ:

— Почаевская Божія Матерь, спаси меня!

Пистолетъ далъ осѣчку. Възбѣшенный Потоцкій вторично взвелъ курокъ, насыпалъ на полку свѣжаго пороха и вторично выстрѣлилъ въ испуганнаго, стоящаго на колѣняхъ своего кучера, не перестававшаго умолять Божію Матерь о спасеніи. Послѣдовала вторая осѣчка, тогда Потоцкій сказалъ:

— Слушай! Если дѣйствительно спасла тебя твоя Божія Матерь (Потоцкій былъ католикъ), то пусть она явитъ новое чудо. Я выстрѣлю въ пень дерева, не присыпая пороха на затравку. Если послѣдуетъ выстрѣлъ, то я повѣрю чуду; если же, напротивъ, повторится осѣчка, то это будетъ просто доказывать, что пистолетъ засорился, и тогда я тебя повѣшу на деревѣ.

Затѣмъ выстрѣлилъ, и пуля расщепала пенекъ. Тогда Потоцкій увѣровалъ въ чудо, принялъ православіе и все свое богатое имущество употребилъ на постройку монастыря. Преданіе прибавляетъ, что строили его 70 архитекторовъ и употребили 70 милліоновъ злотыхъ. Дѣйствительно видъ монастыря поражаетъ своимъ величіемъ!

Постройка его составляет верхъ архитектурнаго искусства. Основаніемъ монастыря служитъ конусообразная гора, къ ней поддѣланы контрфорсы въ такихъ обширныхъ размѣрахъ, что на площади, образуемой ихъ вершинами, помѣщаются обширная церковь, монастырскія службы и дворъ.

Происхожденіе чудотворной иконы Почаевской Божіей Матери, какъ видно изъ имѣющейся у меня рукописи, приписываютъ слѣдующему обстоятельству.

Въ замкѣ близлежащаго селенія Орли, развалины котораго и понынѣ видны, проживала г-жа Гойская, католическаго исповѣданія. Узнавъ, что черезъ ея владѣнія проѣзжаетъ греческій митрополитъ Неофитъ въ 1559 г., Гойская пригласила его остановиться для отдыха въ ея домѣ. Неофитъ принялъ предложеніе и передъ отъѣздомъ въ дальнѣйшій путь за оказанное ему гостепріимство принесъ въ даръ Гойской икону Божіей Матери. Гойская, какъ католичка, икону эту отдала своимъ служанкамъ, какъ исповѣдующимъ греко-россійскую вѣру. Повѣшенная на стѣнѣ, икона дала отъ себя яркое сіяніе. Гойская, чтобы убѣдиться въ чудотворномъ дѣйствіи иконы, подвела къ ней своего брата Филиппа Козинскаго, лишеннаго отъ роду зрѣнія, и тотъ тотчасъ же прозрѣлъ. Тогда Гойская сама приняла православное исповѣданіе и икону съ благоговѣніемъ перенесла на Почаевскую гору, въ пещерахъ которой обитали греческіе монахи.

Та же рукопись явленіе на скалѣ слѣда Божіей Матери объясняетъ такъ.

Близъ скалы пасъ стадо овецъ мѣстный житель Іоаннъ Босый; увидавъ на вершинѣ скалы Божію Матерь, стоящую въ огненномъ сіяніи, онъ побѣждалъ сообщить о томъ монахамъ, молившимся въ пещерѣ. Монахи, выйдя, могли удостовѣриться въ справедливости разсказа Босаго. Видѣніе продолжалось еще нѣсколько времени и исчезло. Съ трудомъ поднявшись на вершину скалы, монахи увидѣли на ней слѣдъ, какъ бы вдавленный человѣческой ногою и наполненный водой.

Въ настоящее время контрфорсы устроены иждивеніемъ Потоцкаго такъ, что вершина скалы приходится наравнѣ съ поломъ церкви и находится на южной сторонѣ храма, близъ стѣны.

Стопа представляетъ правильную форму слѣда человѣческой ноги и имѣетъ углубленіе вершка полтора. Чудесное ея свойство заключается въ томъ, что вода, наполняющая стопу, не уменьшается и не увеличивается; сколько бы ни черпали ее вѣрующіе, вода постоянно стоитъ въ уровень съ краями углубленія. Другая замѣчательность представляетъ сама скала: контрфорсы идутъ въ три яруса и поддѣланы такъ, что оставляютъ совершенно свободный проходъ около скалы. Скала состоитъ изъ цѣльнаго ноздреватаго, какъ каменная губка, камня известковаго свойства. Вода

сочится изъ скалы на всемъ ея возвышеніи въ видѣ крупнаго потока, и каплями падаетъ на подставленные жестяные желоба, проведенные въ одинъ общій резервуаръ, водой котораго, чистой, холодной, мягкой на вкусъ, довольствуется весь монастырь. Капли, падая на желоба, производятъ очень пріятный, металлическій звукъ, разнообразящійся въ своихъ тонахъ, смотря по тому, выше или ниже падаетъ капля. Все это вмѣстѣ производитъ гармонію, весьма пріятную для слуха. Въ основаніи горы покоятся въ открытомъ гробѣ еще не признанныя мощи Іова, одного изъ тѣхъ монаховъ, которые были свидѣтелями явленія на скалѣ Божіей Матери. Рядомъ съ гробомъ находится пещера, вырытая руками Іова. Пещера очень небольшая, позволяющая встать на колѣняхъ челоуѣку молящемуся, и входъ въ нее такъ узокъ, что съ трудомъ можно пролѣзть въ него.

Чтобы избѣжать повтореній, здѣсь я скажу, что вездѣ принимали насъ съ почетомъ, какъ царственныхъ особъ, — таково значеніе въ тѣхъ мѣстахъ губернаторовъ, — вездѣ помѣщики угощали на славу, венгерское лилось въ изобиліи. Пробоваль я и медъ, знаменитый напитокъ, приготовляемый специально католическими монахами. Достоинство его, какъ и венгерскаго, состоитъ въ давности времени. Но, выпивъ его рюмку и опьянѣвъ, отчего у меня сильно разболѣлась голова, я не влюбилъ его.

Изъ Почаева Масловъ возвратился, не останавливаясь нигдѣ, въ Житомирѣ. Тамъ ждала его большая непріятность. Въ отвѣтъ на частное письмо къ Бибикову объ извѣщеніи перемѣны чиновниковъ въ губерніи, генераль-губернаторъ въ официальной бумагѣ писалъ Маслову: «Предписываю вашему превосходительству съ полученіемъ сего немедленно прибыть въ г. Кіевъ для объясненій по дѣламъ службы». Такой грубый, не употребляемый между генералами, тонъ сношеній взорвалъ Маслова, и онъ тотчасъ же, не задумавшись, написалъ отвѣтъ — тоже официально — что онъ «пріѣдетъ въ Кіевъ, когда ему то дозволитъ свободное отъ занятій время». Этотъ-то отвѣтъ и погубилъ его.

Нѣсколько дней спустя, губернаторъ поѣхалъ ревизовать остальные уѣзды въ губерніи, а меня оставилъ въ Житомирѣ.

Масловъ вернулся съ ревизіи и, спустя нѣсколько дней, поѣхалъ въ Кіевъ, взявъ меня съ собой. Бибиковъ не принялъ его, отговариваясь «неимѣніемъ свободнаго времени» — ясный намекъ на отвѣтъ Маслова, и тѣмъ выказалъ съ нимъ явный разрывъ. Когда Масловъ съ горечью рассказывалъ мнѣ о такомъ новомъ оскорбленіи для себя, я умаливалъ его ходатайствовать о назначеніи себя губернаторомъ въ одну изъ великороссійскихъ губерній, но Масловъ предпочелъ открытую борьбу съ Бибиковымъ, надѣясь на защиту Бенкендорфа, тогдашняго шефа корпуса жандармовъ и доставившаго ему мѣсто губернатора на Волыни. Бенкендорфъ, подъ на-

чальствомъ котораго служилъ прежде Масловъ, имѣлъ большую силу при дворѣ. Связи его отуманили Маслова, а искреннее, казалось, расположеніе его вложило послѣднему несчастную мысль свергнуть Бибикова. Извѣстно, что въ дѣлѣ оскорбленнаго самолюбія голосъ здраваго разсудка молчитъ.

Между тѣмъ аресты и обыски лицъ, прикосновенныхъ къ дѣлу Конарскаго, пріостановились, все притихло, но то было затишье передъ новой бурей: получено было распоряженіе правительства о воссоединеніи уніи; вѣрнѣе бы было сказать—объ уничтоженіи уніи. На этотъ случай даже были выбиты медали трехъ родовъ: золотыя, серебряныя и бронзовыя. Медали эти были величиной гораздо болѣе талера, имѣли на одной сторонѣ изображеніе двухъ женщинъ, подающихъ другъ другу руки, съ надписью вокругъ: «Расторгнутыя силою воссоединены любовью», на оборотѣ годъ, мѣсяцъ и число такого соединенія.

Происхожденіе уніи относится ко временамъ отдаленнымъ, когда Польша, владѣя Малороссіей, желала окатоличить жителей Украйны, исповѣдывавшихъ православную вѣру. Здѣсь не мѣсто писать исторію уніи и говорить о тѣхъ ужасныхъ, кровавыхъ преслѣдованіяхъ жителей, не соглашавшихся оставить вѣру отцовъ своихъ, когда пожары заливались кровью несчастныхъ мучениковъ, когда вездѣ пылали костры, люди жарились въ раскаленныхъ мѣдныхъ быкахъ (sic), скажу только, что католики, не бывши въ силахъ сломить твердость вѣры украинцевъ и утомившись одни отъ преслѣдованій, другіе—отъ борьбы, пришли къ соглашенію: ввести въ православное богослуженіе нѣкоторые католическіе обряды. Смѣшанная такимъ образомъ новая вѣра и названа унія, отъ латинскаго слова unio — союзъ.

Въ бытность мою въ Кременцѣ я два раза присутствовалъ на уніатскомъ богослуженіи: за вечерней и обѣдной. Церковь отдѣлялась отъ алтаря иконостасомъ, облаченіе священника состояло изъ ризы нашего покроя, служба происходила на древне-славянскомъ языкѣ, на клиросѣ пѣли кievскимъ напѣвомъ, то-есть протяжно и въ носъ. Выѣшнее измѣненіе противъ православныхъ церквей заключалось, сколько я могъ замѣтить, не зная правилъ нашей службы, въ томъ, что престолъ помѣщался не по срединѣ алтаря, а у стѣны, противъ царскихъ дверей, такъ что около него ходить было невозможно. На стѣнѣ висѣло изображеніе «Спасителя на крестѣ». На большомъ выносѣ и вездѣ во время службы вмѣсто святѣйшаго синода упоминался папа. Въ церкви стояли лавки, такъ что молящіеся могли сидѣть, вставая со своихъ мѣстъ во время нѣкоторыхъ молитвъ. Въ одеждѣ священниковъ мѣсто подрясниковъ замѣнилось сутаномъ ксендза. Всѣ они лучше говорили по-польски, чѣмъ по-русски. Вотъ и все различіе, сколь-

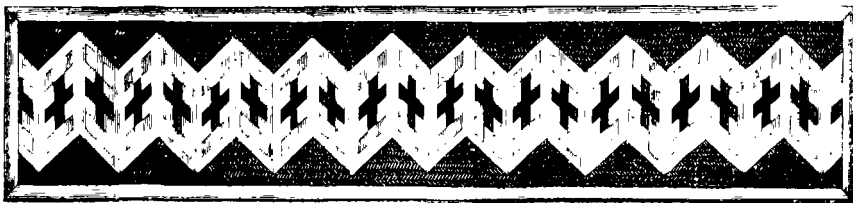
ко могу припомнить, существующее между унией и православіемъ.

Правительство и духовное, и свѣтское, вездѣ, во всей Волынской губерніи, встрѣчало явное себѣ сопротивленіе со стороны униатовъ, но «сила соломѣ ломить» — отодвинули престолы на середину алтаря, вынесли лавки, перестали поминать папу, и православіе водворилось.

Н. И. Мамаевъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

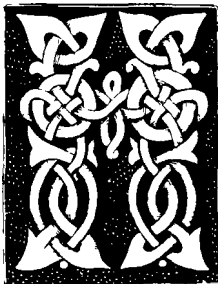

ЗАПИСКИ Н. И. МАМАЕВА ¹⁾

XXIX.

Осень и зима на Воыни.—Отставка Маслова и его отъездъ.—Моя поѣздка въ Кіевъ и аудіенція у генераль-губернатора Бибикова.—Мое поступленіе въ адъютанты къ новому воынскому губернатору Лашкареву.—Житомирскій вице-губернаторъ И. И. Фундуклей.—Нерасположеніе ко мнѣ Лашкарева.—Улучшеніе отношеній.—Неудачная попытка станового пристава арестовать Прушинскаго.

АСТАЛА зима, первая встрѣченная мной въ той полосѣ климата, зима поздняя. 8-го ноября на улицахъ стояла еще пыль, вмѣсто нашего снѣга, а въ воздухѣ такъ тепло, что мы въ одной полной формѣ, по случаю именинъ великаго князя Михаила Павловича, даже не накидывая шинелей, отправились въ соборъ на молебствіе. Первый снѣжокъ началъ попархивать въ концѣ ноября, въ срединѣ декабря установился было санный путь, но скоро «сошелъ». Въ новый годъ мы дѣлали визиты на колесахъ. Настоящая санная дорога установилась не ранѣ половины января и продолжалась до конца февраля. Не было нашихъ русскихъ морозовъ въ 30⁰/₁₀ и болѣе, но мятели дули порядочныя. Вообще въ тотъ 1838-й годъ холодъ не превышалъ 8° ниже 0 по Реомюру.

Кончился 1838-й годъ, столь богатый для меня разными ощущеніями, при видѣ столь многого новаго въ нравахъ, обычаяхъ, вѣрованіи жителей, въ измѣненіяхъ самой природы, въ памятни-

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXXV, стр. 784.

кахъ старины... Новый 1839 годъ принесъ мнѣ переѣзду въ начальникѣ.

6-го января я веселился со всѣмъ одушевленіемъ молодости и танцевалъ на балу, устроенномъ въ залѣ градской думы, нисколько не предчувствуя той грозной тучи, которая должна была разразиться на другой день.

Утромъ я всталъ поздно и пилъ чай, когда вошелъ ко мнѣ правитель губернаторской канцеляріи, Тобіасъ.

Замѣтивъ его встревоженное лицо, я спросилъ:

— Что съ вами?

— Непріятная новость.

— Что такое?

— Нашъ Александръ Петровичъ отставленъ.

— Что-о?

— Вотъ № «Сѣверной Пчелы». Онъ былъ полученъ вчера вечеромъ, но я задержалъ его и не отнесъ къ Александру Петровичу съ тѣмъ, чтобы вы взялись предупредить его.

— Нѣтъ, пожалуйста, избавьте меня отъ такого порученія. Сами скажите.

— Вы ближе всѣхъ къ нему. Отъ васъ ему легче будетъ узнать неперіятность, чѣмъ отъ посторонняго.

Подумавъ немного, я согласился взять на себя такое щекотливое порученіе. Отправившись въ кабинетъ Маслова, я засталъ его за письменнымъ столомъ и что-то пишущаго. Услыхавъ мой приходъ, онъ, не подымая отъ стола головы, сказалъ:

— Здравствуй! Ну, что? Хорошо веселился вчера? Я видѣлъ, какъ ты лавировалъ между Шаливской и Новицкой.

Не получивъ отъ меня отвѣта, онъ взглянулъ на меня и, прочтя тревогу на моемъ лицѣ, спросилъ:

— Что ты? Какъ ошпаренный!

— Непріятное извѣстіе, ваше превосходительство.

— Что такое? Ужъ не отставка ли мнѣ?

Тогда я молча подаль ему листокъ «Сѣверной Пчелы».

Прочтя свое увольненіе, онъ скомкалъ ее въ рукахъ и бросилъ подъ столъ. Потомъ, вставъ со стула, началъ быстрыми шагами ходить по кабинету изъ угла въ уголъ, громко проклиная и судьбу и людей, въ особенности досталось Бенкендорфу.

— А этотъ лысый «голубой» чортъ,—говорилъ Масловъ, забывая, что самъ тоже лысый и носилъ голубой мундиръ,—завѣрялъ меня, что въ немъ я всегда найду защиту противъ всякой интриги, направленной на меня. Гдѣ же его обѣщаніе. Вѣрно только на словахъ! Вѣрно онъ умѣлъ: «мягко стлать, да жестко спать».

Успокоившись немного, онъ подошелъ ко мнѣ и, обнявъ меня, сказалъ:

— Глупъ я былъ, что не послушался тебя. Тогда ты былъ умнѣ меня, когда упрасивалъ перейти въ другую великороссійскую губернію. А теперь и самъ потерялъ мѣсто и тебя «посадилъ на мель».

Черезъ нѣсколько дней Масловъ собрался и уѣхалъ въ свое тамбовское имѣніе.

Распродавъ свои кой-какія лишнія вещи, я съ грустью простился съ Житомиромъ и отправился въ свой полкъ, но прежде мнѣ хотѣлось видѣть въ Кіевѣ открывшіеся тогда, такъ называемые «кіевскіе контракты», на которые съѣзжаются помѣщики изъ всѣхъ западныхъ губерній для совершенія своихъ домашнихъ и хозяйственныхъ сдѣлокъ, какъ-то: отдача имѣній въ посессию, т. е. на аренду, продажа и покупка имѣній, уплата долговъ и т. п. Ко времени открытія «контрактовъ» учреждается въ Кіевѣ ярмарка, привлекающая купцовъ даже изъ великороссійскихъ губерній, съѣзжаются лучшіе актеры и даются театральныя представленія, пріѣзжаютъ и разныя пѣвицы, даже изъ-за границы; такъ въ то время была въ Кіевѣ Мезъ-Мази, примадонна съ Миланскаго театра; являются и разные фокусники и шарлатаны. Между ними болѣе всѣхъ привлекалъ вниманіе одинъ французъ, показывающій «ученыхъ блохъ», т. е. блохъ, возившихъ маленькія пушки, экипажи и т. п., пока не догадались, что блохи оттого не прыгали, а ползали, что заднія ихъ ноги, дающія имъ возможность прыгать, обрѣзаны. Но пока дошли до такого простого открытія, шарлатанъ много собралъ денегъ и, опасаясь, вѣроятно, «русской» раздѣлки за свой обманъ, убрался восвояси, насмѣхаясь надъ простотой русскихъ.

Все это было для меня ново, притомъ не хотѣлось спѣшить въ полкъ, почему я и отправился къ Бибикову, какъ къ военному генералъ-губернатору, просить позволенія остаться на нѣсколько дней въ Кіевѣ.

Выслушавъ мою просьбу и узнавъ, что я собрался возвратиться въ полкъ, онъ мнѣ сказалъ:

— На мѣсто Маслова я представилъ подольскаго губернатора, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Ланкарева, съ переименованіемъ его въ генералъ-майоры. Надѣюсь, что представленіе мое будетъ уважено. Тогда Лашкаревъ получитъ право имѣть адъютанта. Если вы желаете занять это мѣсто, то я попрошу о томъ Лашкарева.

Я съ благодарностью принялъ предложеніе Бибикова и ухватился за него, какъ за «якорь спасенія». Привыкнувъ къ спокойной, благородной службѣ адъютанта, мнѣ очень не хотѣлось возвращаться къ ненавистной для меня фронтовой службѣ. Объ отставкѣ я, по молодости лѣтъ, не могъ и думать. Правда, мнѣ оставался еще одинъ исходъ изъ моего стѣсненнаго положенія—

вернуться къ прежнему намѣренію—поступить въ военную академію, но нужно было время для приготовленія себя, а это время я долженъ былъ употреблять на ученіе и смотры. Слѣдовательно, я никакъ не избѣгалъ, чего боялся, и только могъ утѣшать себя мыслью, что служба моя во фронтѣ будетъ временная. Предложеніе Бибикова разомъ отстраняло всѣ эти неудовольствія, и мнѣ оставалось только ждать, что скажетъ Лашкаревъ.

Вскорѣ пріѣхалъ въ Кіевъ Лашкаревъ и остановился въ той же гостиницѣ, гдѣ стоялъ и я.

Считая себя не въ правѣ итти къ нему, пока я не получу обѣщаннаго Бибиковымъ извѣщенія, я ожидалъ его съ нетерпѣніемъ. Извѣщеніе не замедлило явиться ко мнѣ въ видѣ жандарма съ запиской отъ дежурнаго адъютанта, извѣщавшаго меня, что Лашкаревъ ожидаетъ моего посѣщенія. Тогда я отправился въ номеръ, занимаемый послѣднимъ. Меня приняла маленькая, черненькая фигурка, съ грузинскимъ красивымъ лицомъ, въ формѣ съ звѣздой, и очень сухо сказавшая мнѣ:

— Мнѣ говорилъ объ васъ Дмитрій Гаврилычъ! Я не прочь взять васъ къ себѣ въ адъютанты. Приготовьте нужныя для того бумаги и принесите сегодня же вечеромъ. Завтра, рано утромъ, я уѣзжаю въ Петербургъ.

Не понравилась мнѣ такая встрѣча, но дѣлать было нечего. Выбора мнѣ предоставлено не было, и я долженъ былъ довольствоваться тѣмъ, что послала мнѣ судьба.

Вечеромъ, когда я принесъ бумаги, Лашкаревъ, отпуская меня, сказалъ:

— Можете дожидаться моего возвращенія или въ Кіевѣ, или въ Житомирѣ, оставляю на вашъ произволъ.

Я рѣшился ѣхать назадъ въ Житомиръ, какъ мѣсто, болѣе мнѣ знакомое, и началъ собирать извѣстія о Лашкаревѣ, интересуясь знать, у кого и какъ я буду служить. Свѣдѣнія, мной получаемыя, были одно другого неутѣнительнѣе: говорили, что Лашкаревъ строго-взыскателенъ по службѣ, съ подчиненными не останавливается въ жестокости выраженій, дерзокъ въ рѣчахъ и т. п. Ко всему этому я припомнилъ сухой его приемъ, и «опустилъ носъ». Но скоро, по безопасности, свойственной молодости, махнувъ рукой, проговорилъ самъ себѣ: «что будетъ, то и будетъ», и жилъ припѣваячи.

Въ то время въ Житомирѣ былъ вице-губернаторомъ И. И. Фундуклей, человѣкъ замѣчательный по своему богатству и судьбѣ. Отецъ его былъ грекъ и въ Нѣжинѣ (Черниговской губерніи), этой греческой колоніи, торговалъ курительнымъ табакомъ, сперва въ лавочкѣ, а впослѣдствіи, когда денежные дѣла его поправились, открылъ магазинъ. Вскорѣ ему удалось нажить состояніе, дозволившее ему вступить въ число трехъ, въ товарищество по

виннымъ откупамъ, и взять, между прочимъ, Одессу. Тамъ товарищи отца Фундуклея лопнули, а онъ самъ не только «вышелъ сухой изъ воды», но нажилъ огромный капиталъ и снялъ откупъ уже на одного себя. Дѣла его по откупу доставили ему сношенія съ княземъ М. С. Воронцовымъ, генералъ-губернаторомъ Новороссійскаго края. Воронцовъ полюбилъ молодого Фундуклея, сына откупщика, опредѣлили его къ себѣ въ канцелярію и, доставляя ему постепенно чины, доставили и мѣсто вице-губернатора въ Житомирѣ, еще при Масловѣ. Фундуклей былъ холостъ, жизнь велъ, ни въ чемъ себѣ не отказывая, на что имѣлъ полную возможность, употребляя то огромное состояніе, которое оставилъ ему отецъ послѣ своей смерти. Упоминаю здѣсь о Фундуклеѣ потому, что онъ, можетъ быть, безсознательно способствовалъ тому, что Лашкаревъ оцѣнилъ меня и полюбилъ, и по одной его оригинальной со мной выходкѣ, о чемъ я скажу въ своемъ мѣстѣ.

Пріѣхалъ въ Житомиръ Лашкаревъ уже въ генеральскомъ мундирѣ и привезъ приказъ о моемъ назначеніи къ нему въ адъютанты, но, не принимая губерніи, отправился въ Каменецъ-Подольскій для распоряженій о своемъ переѣздѣ, меня же оставилъ въ Житомирѣ его дожидаться.

Върунувшись одинъ, недѣли черезъ двѣ, Лашкаревъ вступилъ въ управленіе губерніей и началъ все «ломать» по-своему. Распоряженія его относительно меня заключались въ томъ, что приказалъ отвести мнѣ квартиру, но обязательно предложилъ у себя столъ и вечерній чай, а помѣщеніе мое въ губернаторскомъ домѣ занялъ своей канцеляріей по секретной перепискѣ. Къ Маслову я, во всякое время, ходилъ просто въ сюртукѣ, Лашкаревъ объявилъ, что я утромъ, по службѣ, могу къ нему являться въ сюртукѣ, но при саблѣ. Всѣ эти распоряженія, конечно, не были, для меня еще отяготительны, но меня смущало его ледяное обращеніе со мной: во всѣхъ его словахъ проглядывало какое-то нерасположеніе ко мнѣ. Такое натянутое положеніе, въ особенности послѣ дружескаго обращенія со мной Маслова, мнѣ сильно не нравилось. Но вскорѣ оно начало измѣняться къ лучшему, и я узналъ причину этой напускной холодности.

Весной по просухѣ пріѣхала и моя мать-командирша. То была женщина лѣтъ сорока, съ роскошно развитыми формами тѣла, но съ лицомъ, сильно поматымъ страстями, хотя имѣла правильныя черты и пріятный разрѣзъ глазъ. При вечернемъ освѣщеніи она могла еще нравиться, особливо когда слегка подбѣлится и подрумянится, что она и дѣлала.

Однажды за вечернимъ чаемъ Надежда Николаевна въ присутствіи генерала сказала мнѣ:

— Отчего вы держите такъ себя въ отношеніи насъ, какъ будто чуждаетесь насъ, тогда какъ вы по положенію своему должны быть нашимъ домашнимъ человѣкомъ.

— Я самъ тягочусь такимъ отношеніемъ, но холодность генерала отталкиваетъ меня отъ всякаго сближенія.

Тогда Лашкаревъ всталъ съ своего мѣста, подошелъ ко мнѣ и съ чувствомъ сказалъ, взявъ меня за руку:

— Люблю за откровенность. Ты (онъ въ первый разъ употребилъ это мѣстоименіе, говоря доселѣ всегда «вы») ничѣмъ не могъ привязать такъ къ себѣ, какъ этими словами. За твою откровенность я заплачу такой же откровенностью. Ты знаешь, что Бибиловъ окружаетъ губернаторовъ своими шпионами. Когда онъ предложилъ тебя мнѣ въ адъютанты, я—извини меня—подумалъ, что ты состоялъ шпиономъ его при Масловѣ и въ этой же похвальной должности предназначаешься и для меня. Чтобы доказать Бибилову, что я не боюсь никого за свои поступки, я согласился взять тебя въ адъютанты, но въ то время далъ себѣ слово — чуть замѣчу съ твоей стороны какой либо двусмысленный поступокъ, тотчасъ тебя отправить въ полкъ. Вотъ причина моей къ тебѣ холодности. Но я совершенно измѣнилъ о тебѣ мое, сознаюсь, обидное мнѣніе, когда Фундуклей разсказалъ мнѣ твою схватку съ домашнимъ секретаремъ, въ которой ты такъ горячо защищалъ Маслова. Такая преданность къ лицу, уже сошедшему со служебнаго поприща, показала мнѣ все благородство твоего сердца, и я душевно прошу извинить меня за то черное подозрѣніе, которое я питалъ къ тебѣ, мнѣ же остается раскаяніе, что я ранѣе не понялъ и не оцѣнилъ тебя.

Съ той минуты отношенія его ко мнѣ совершенно измѣнились. Правда, онъ «распекалъ» меня за упущенія по службѣ, но никогда въ выговорахъ своихъ не позволялъ ни малѣйшаго посягательства на оскорбленіе моего самолюбія. Я самъ сознавалъ свою вину, и мое «я» всегда было пощажено, между тѣмъ какъ другихъ чиновниковъ онъ «ругалъ», какъ лакеевъ.

Первое время, пока я еще не привыкъ къ перемѣнѣ обращенія со мной Лашкарева, случалось, что, получивъ «нагонку» утромъ, я совѣстился приходить къ обѣду. Лашкаревъ понималъ такую деликатность и всегда присылалъ за мной звать къ обѣду. При моемъ появленіи, видя меня сконфуженнымъ, онъ подходилъ ко мнѣ и, трепля по плечу, начиналъ подшучивать... Объ утренней «распеканціи» ни полслова, ни намека, какъ бы ничего не происходило. Онъ вполне выполнялъ собой поговорку: «служба—службой, а дружба—дружбой».

Вскорѣ представился мнѣ случай доказать Лашкареву мои способности въ исполненіи серіозныхъ порученій.

Въ раскрытіи сообщниковъ Конарскаго Бибиловъ дѣйствовалъ еще ревностнѣе, чѣмъ виленскій генералъ-губернаторъ; достаточно было хотя лоскутка оторванной бумажки съ самымъ незначительнымъ намекомъ, чтобы произвести обыски и аресты. Такое горячее

усердіе Бибикова къ раскрытію тайнаго общества, основанное на разныхъ мелочахъ, я испыталъ и на себѣ, какъ о томъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

Арестованіе лицъ, прикосновенныхъ къ дѣлу Конарскаго, обыкновенно производилось такимъ образомъ.

При обыскѣ соучастниковъ Конарскаго находили письма, служившія уликой преступленія. По письмамъ этимъ добирались до писавшихъ ихъ. Бибиковъ предлагалъ мѣстному губернатору арестовать назначенное лицо и доставить въ комиссію въ Кіевъ. Губернаторъ предписывалъ о томъ мѣстному исправнику, а тотъ или самъ арестовывалъ помѣщика или, за исполненіемъ другихъ важныхъ дѣлъ, поручалъ это мѣстному становому приставу, и арестованный всегда въ кандалахъ сопровождался жандармами въ Кіевъ.

Такимъ обычнымъ путемъ сдѣлано было распоряженіе объ арестованіи новоградъ-волынскаго помѣщика Сигизмунда Прушинскаго, но послѣдствія были не одинаковыя съ предыдущими арестами. Исправникъ донесъ губернатору, что за производимымъ имъ слѣдствіемъ по какому-то важному дѣлу онъ поручилъ мѣстному становому приставу арестовать Прушинскаго, но приставъ явился весь избитый и окровавленный и донесъ, что, желая выполнить данное порученіе, отправился въ имѣніе Прушинскаго, который не только не дался себя взять, но приказалъ его, станового пристава, отодрать на конюшнѣ арапниками и объявилъ, что живой не дастся въ руки правительства. Исправникъ, донося объ этомъ происшествіи, почтительнѣйше испрашивалъ разрѣшенія взять роту пѣхотнаго полка, квартирующаго близъ имѣнія Прушинскаго, и употребить въ дѣло огнестрѣльное оружіе, если того потребуютъ обстоятельства.

Генералъ, получивъ такое донесеніе, послалъ за мной. Я засталъ его въ кабинетѣ, ходящаго быстрыми шагами изъ угла въ уголъ.

— На, прочти донесеніе. Исправникъ—дуракъ. Онъ могъ самъ взять команду и употребить ее въ дѣло, по своему усмотрѣнію. Такое необычайное распоряженіе можно было прикрыть силою обстоятельствъ и необыкновеннымъ случаемъ, и онъ былъ бы правъ, а не просить на то разрѣшенія. Какое я имѣю право формально дозволить употребить выстрѣлы въ мирное время, когда край не находится на военномъ положеніи.

Потомъ, перемѣнивъ тонъ, которымъ онъ всегда со мной говорилъ, когда дѣло касалось службы, онъ прибавилъ:

— Извольте заготовить себѣ предписаніе арестовать Прушинскаго и живаго или мертваго доставить ко мнѣ. Поѣзжайте съ Богомъ и дѣйствуйте, какъ вамъ скажетъ ваше благоразуміе. Полагаюсь на васъ.

Такое порученіе мнѣ было очень не по сердцу, но въ тѣ времена нельзя было разсуждать,—иначе отправишься изучать на дѣлѣ,

какъ добываются изъ земли металлы,—и потому я, получивъ предписание арестовать Прушинскаго, отправился по назначенію. Для предосторожности я взялъ съ собою пару карманныхъ пистолетовъ, въ тѣхъ видахъ, что если Прушинскому придетъ мысль повторить надо мной пріемъ, сдѣланный имъ становому приставу, то я одну пулю пошлю ему, а другой раскрою себѣ черепъ, но не дамъ обезчестить себя. Въмѣсто всякой команды и войска за мной поѣхали два жандарма на случай благопріятнаго исхода дѣла.

Дорогой я обдумалъ и составилъ планъ моихъ дѣйствій, который послѣдствіями совершенно оправдался.

XXX.

Мой пріѣздъ къ Прушинскому. — Добровольная его сдача. — Сцена съ женой. — Выговоръ мнѣ со стороны Лашкарева въ «дежурной» и горячая благодарность въ кабинетѣ. — Представленію меня къ наградѣ. — Отказъ Бибикова. — Правитель канцеляріи генералъ-губернатора Писаревъ и его дальнѣйшая судьба. — Мой разговоръ съ подполковникомъ Э. И. Стоговымъ. — Назначеніе мнѣ Бибиковымъ денежной награды изъ «секретныхъ суммъ» и мой отказъ отъ этой награды. — Мое объясненіе съ Лашкаревымъ. — Мщеніе Бибикова. — Ссылка Прушинскаго на Кавказъ.

Подѣхавъ къ имѣнію Прушинскаго, я остановился у околицы, приказалъ жандармамъ за мной не слѣдовать, а оставаться тутъ и дожидаться меня два часа. Если по истеченіи этого времени я къ нимъ не выйду, или не пошлю за ними, то это будетъ значить, что со мной случилось что нибудь, что насильно меня удерживаетъ. Тогда они должны скакать въ уѣздный городъ и объявить тамъ о происшедшемъ, и пусть тогда губернаторъ поступаетъ, какъ онъ знаетъ.

Въ улицу я вошелъ совершенно одинъ. Въ планъ, мной составленный, входило, что я долженъ явиться одинъ передъ Прушинскимъ, основываясь на томъ расчетѣ, что въ предстоящемъ мнѣ дѣлѣ нужно дѣйствовать убѣжденіемъ, а не силой и, конечно, не двумя жандармами противъ человѣка, который, судя по поступку его съ становымъ приставомъ, долженъ имѣть рѣшительный, ничѣмъ не сдерживаемый характеръ, и потому видъ моихъ двухъ голубыхъ мундировъ, ненавидимыхъ и русскими, не только поляками, могъ только больше раздражить Прушинскаго, но никакъ не пособить дѣлу.

Спросивъ у попавшаго мнѣ на встрѣчу крестьянина, дома ли его панъ, и получивъ утвердительный отвѣтъ, я по указанію его пошелъ по дорогѣ, ведущей къ господскому дому, который дотолѣ скрытъ былъ отъ меня крестьянскими строеніями.

Селеніе было большое, строенія мазанковыя, какъ и вездѣ въ Волынской губерніи, но вездѣ замѣтно какое-то довольство, чѣмъ многія имѣнія могли похвалиться, потому что большая часть крестьянъ была сильно угнетаема.

Пройдя большую часть селенія, я влѣво отъ себя увидалъ довольно большое озеро, а на противоположномъ отъ меня нѣсколько возвышенномъ берегу раскинутое въ живописномъ порядкѣ господское строеніе. Заднюю часть картины составлялъ старинный густой садъ. Естественно, что въ моемъ неопредѣленномъ положеніи мнѣ было не до красоты мѣстоположенія. Подходя къ одноэтажному деревянному и длинному господскому дому, я удивленъ былъ тѣмъ, что всѣ окна по фасаду строенія были заколочены досками, между тѣмъ какъ замѣтно было движеніе на дворѣ, и видно было, что въ этомъ домѣ живутъ.

Я подошелъ къ калиткѣ, торкнулся — заперта. Я началъ стучать въ нее сильнѣе и сильнѣе. Раздался громкій лай собаки, судя по голосу, должно быть, большой, крупной породы. Спустя нѣсколько времени раздались шаги, приближавшіеся ко мнѣ, щелкнулъ внутренній запоръ, и въ полуразтворенную передо мной калитку сперва показалась высокая баранья шапка, а за ней и козакъ.

Здѣсь я долженъ отступить отъ моего разсказа и объяснить, что такое значить козакъ.

Богатые польскіе помѣщики въ услуженіе себѣ въ видѣ почетной стражи, или своихъ тѣлохранителей, окружали себя людьми изъ своихъ имѣній. Люди эти избирались самые рослые, сильные и назывались козаками.

Такихъ козаковъ было у нѣкоторыхъ помѣщиковъ человекъ по сту и болѣе. Всѣ они отличались необыкновенной преданностью и слѣпымъ послушаніемъ своимъ господамъ. До польской революціи они были вооружены, а въ настоящее время имъ оставленъ былъ только ихъ прежній костюмъ, который состоялъ въ высокой, черной шерсти, бараньей шапкѣ съ цвѣтной тульей по гербу господина, суконной курткѣ, ловко сшитой и перетянутой въ талии широкимъ глянцевитымъ ремнемъ съ металлической спереди пряжкой, въ очень широкихъ шароварахъ одинаковаго цвѣта сукна съ курткой, со множествомъ сборокъ около пояса. И куртка и шаровары были опушены сукномъ, по цвѣту гербовладѣльца.

Такая-то шапка съ козакомъ предстала передо мной и, не впуская меня въ калитку, а напротивъ заставивъ все отверстіе въ ней своимъ громаднымъ корпусомъ, съ лицомъ суровымъ и длинными усами, грубо спросила меня:

— Цо тшеба?

— Мнѣ нужно видѣть пана.

— По-цо?

— Я ему самъ скажу.

— Почекай ту! — и съ этимъ словомъ кòзакъ захлопнулъ калитку передъ самымъ моимъ носомъ.

Такой первой грубый приѣмъ общалъ немного хорошаго въ будущемъ.

Опять я остался одинъ. Мрачныя думы налетѣли на меня, охватили меня. Меня била лихорадка. Долго ли козакъ ходилъ съ докладомъ, — опредѣлить не могу. Каждая секунда казалась мнѣ часомъ.

Я думалъ: что ждетъ меня за порогомъ этого дома? Можетъ быть, безчестіе, то-есть смерть, потому что живой я имъ въ руки не дамся. При этомъ украдкой ощупалъ мои пистолеты въ карманѣ сюртука. А умирать мнѣ очень, очень не хотѣлось. Мнѣ шелъ 24-й годъ, жизнь мнѣ такъ весело, такъ пріятно улыбалась, сулила такъ много наслажденій въ будущемъ, я вспомнилъ эти чудныя глазки, этотъ пухленькій ротикъ, который мнѣ еще такъ недавно сказалъ: «я те кохамъ!». Послѣдніе звуки словъ слились съ жаркимъ страстнымъ поцѣлуемъ... и все это можетъ быть уничтожено одной скверной минутой!.. Да, умирать, повторяю, очень не хотѣлось... Но есть конецъ всему, пришелъ конецъ и моей моральной пытки. Гдѣ-то щелкнулъ замокъ, и та же баранья шапка отворила мнѣ подъѣздъ у самага дома и пригласила слѣдовать за собой, говоря:

— Прѣшу!

Сохранивъ, насколько было въ моей власти, наружное спокойствіе, но съ замираніемъ сердца, я вступилъ въ роковой для меня домъ, выходомъ изъ котораго могла быть моя могила. Я увѣренъ, что каждый укротитель съ большей самоувѣренностью входитъ въ клѣтку льва или тигра, чѣмъ я—въ этотъ домъ. Пройдя сѣни, я вошелъ прямо въ залъ. Я уже говорилъ, что въ Волынской губерніи, а, можетъ быть, и въ прочихъ западныхъ губерніяхъ дома большей частью строятся безъ лакейскихъ, или прихожихъ.

Изъ зала въ боковую дверь мой проводникъ ввелъ меня въ кабинетъ. Я очутился въ большой свѣтлой комнатѣ, убранной съ изяществомъ и большимъ вкусомъ. Прямо противъ меня на стѣнѣ былъ прибитъ очень цѣнный коверъ, на которомъ въ симметрическомъ порядкѣ было развѣшено древнее оружіе всѣхъ возможныхъ формъ и эпохъ: сабли, ятаганы, ружья, пистолеты, внизу серебряная булава и шестоперъ. Извѣстно, что поляки, какъ и горцы, дорожатъ оружіемъ своихъ предковъ, тѣмъ болѣе, что въ рѣдкомъ родѣ изъ нихъ не было воеводъ или командировъ полковъ, ими же самими сформированныхъ и на свой счетъ содержимыхъ, поэтому у нихъ въ семействахъ и сохранялись булавы, какъ достоинство военачальника, и знамена или штандарты. Но между всѣми этими кривыми саблями и ятаганами и длинными и короткими ружьями висѣла нагайка, изящно отдѣланная. Нагайка эта преимущественно обратила на себя все мое вниманіе. Скверныя мысли

вновь зашевелились въ головѣ моей. Я невольно подумалъ: что ему за польза убить меня, я одинъ, совершенно въ его власти, но приказать отдѣлать меня этой нагайкой ничего не стоитъ, хотя ради потѣхи!.. Тогда смерть намъ обоимъ... Посреди комнаты помѣщался письменный столъ, на передній уголъ котораго опершись одной рукой стоялъ самъ Прушинскій, другая рука была заложена за бортъ сюртука, наглухо, по-военному застегнутаго до самаго верха. Правая нога была накинута на лѣвую. Взглянувъ на Прушинскаго, я увидѣлъ молодого человѣка лѣтъ 28, съ пріятной открытой фizioноміей, но смотрящаго на меня строго.

На мой поклонъ онъ мнѣ отвѣтилъ тѣмъ же.

— Адъютантъ военнаго губернатора.

— Какому случаю я обязанъ видѣть васъ у себя?

— Я присланъ арестовать васъ.

— Гм... и вы думаете... это такъ легко сдѣлать?

— Знаю. Мнѣ извѣстенъ поступокъ вашъ съ становымъ приставомъ. Но я обращаюсь къ вашему благородію, къ вашей совѣстливости. Не возьму васъ я, васъ возьметъ другой, третій, пятый... наконецъ возьмутъ же васъ. Вамъ нѣтъ никакихъ средствъ укрыться отъ преслѣдовающаго правительства. Граница далеко, а вы окружены со всѣхъ сторонъ. Подумайте! Съ каждымъ сопротивленіемъ вашимъ вы только увеличиваете мѣру вашего наказанія, и все это напрасно, не имѣя въ виду никакого спасенія,

Прушинскій сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе, видно было, что онъ скучалъ моимъ наставительнымъ тономъ рѣчи, и отрывисто спросилъ:

— Далѣе что?

— Далѣе, я обращаюсь къ вашему благородству, къ вашему великодушію. Я получилъ предписаніе доставить васъ въ Житомиръ, въ противномъ случаѣ буду преданъ военному суду. Вы знаете, какъ строги наши военные законы. Самое легкое наказаніе, которому могу быть подвергнутъ,—это я буду разжалованъ въ солдаты. Конечно, солдатская шинель не обезчеститъ меня, напротивъ, всѣ, узнавшіе причину, будутъ имѣть ко мнѣ сожалѣніе, не откажутъ въ своемъ участіи. Я еще молодъ, могу вновь выслужить эполеты, все это такъ; но у меня есть отецъ и мать, люди уже въ преклонныхъ лѣтахъ, для нихъ я составляю наслажденіе, радость жизни. Извѣстіе о несчастіи (здѣсь я съ умысломъ налегъ на слово несчастіе, потому что оно для меня заключало смерть), меня постигшемъ, можетъ убить ихъ; тогда вы, не избѣгая нисколько своей участи, а только отсрочивая ее, прибавите на душѣ новую тяжкую отвѣтственность въ смерти людей, вамъ ничего дурного не сдѣлавшихъ. ... Вотъ все, что я имѣлъ сказать вамъ. Жду отъ васъ рѣшенія моей участи!..

Прушинскій замѣтно былъ тронутъ. Помолчавъ съ минуту, онъ протянулъ мнѣ руку и сказалъ:

— Вы поступаете со мной благородно. Я їду съ вами.

Въ эту минуту у меня какъ будто гора свалилась съ плечъ. Я готовъ былъ броситься къ нему на шею и обнять его, какъ брата.

Не успѣлъ я еще хорошенько опомниться или понять всю великость моего счастья, какъ произошла новая сцена, совершенно поразившая меня и своею нечаянностью и своимъ исходомъ.

Съ послѣднимъ словомъ Прушинскаго, дверь, которой я до того времени и не замѣтилъ, быстро отворилась, и женщина еще молодая, красоты поразительной, бросилась предо мной на колѣни и, ломая въ отчаяніи руки, проговорила:

— Золото, брильянты, все, что мы имѣемъ, возьмите, возьмите! Только ради Бога, умоляю всѣмъ для васъ священнымъ, умоляю именемъ вашего отца и матери, дайте средство спастись моему мужу.

Я бросился подымать ее. Прушинскій съ злобнымъ выраженіемъ въ лицѣ подошелъ къ ней.

— Женщина, которая валялась въ ногахъ москаля, недостойна быть моей женой,—и съ этимъ словомъ толкнулъ ее съ презрѣніемъ ногой. Прушинская безъ чувствъ покатилась на полъ. Тогда мужъ подошелъ къ столу, сильно позвонилъ въ колокольчикъ и сбѣжавшейся на зовъ прислугѣ, указывая на жену, все еще лежавшую въ обморокѣ, сказалъ:

— Возьмите ее и вынесите отсюда.

Потомъ, оборачиваясь ко мнѣ, прибавилъ:

— Пойдемте.

Когда мы вышли въ залу, Прушинскій сказалъ:

— Я видѣлъ, вы шли пѣшкомъ и одни, какъ же мы поѣдемъ?

— У околицы вашей меня ожидаютъ телѣга и жандармы.

Прошу васъ послать за ними.

Прушинскій поморщился и прибавилъ:

— Дѣлать нечего. Обѣщалъ и сдержу свое слово. Везите меня, какъ хотите и съ кѣмъ хотите.

Пока ходили за жандармами, комната и сѣни начали наполняться людьми, большею частію, все козаками. Всѣ они съ плачемъ и воемъ бросились къ Прушинскому и, прощаясь съ нимъ, какъ звѣри, съ страшной злобой, смотрѣли на меня.

Мнѣ казалось, что Прушинскому стоило только мигнуть, и вся эта толпа бросилась бы на меня и въ минуту растерзала бы меня, разобрала бы по суставчикамъ. Прушинскій и самъ хорошо понималъ всю свою силу, потому что, прощаясь съ ними и благодаря ихъ за усердную и вѣрную службу и знаки преданности, прибавилъ:

— Никто не виноватъ. Я самъ добровольно їду.

Когда жандармы подѣхали, и одинъ изъ нихъ, вынимая изъ телѣги кандалы, загремѣлъ цѣпями, Прушинскій поблѣднѣлъ:

— Неужели меня скуютъ? Прошу васъ, впрочемъ, если это возможно, не куйте меня!

— Извольте, если вы дадите мнѣ честное слово не предпринимать никакихъ средствъ къ побѣгу.

— Вы его уже имѣете съ той минуты, какъ я согласился ѣхать съ вами.

Накинувъ плащъ и надѣвъ на себя фуражку, Прушинскій сѣлъ со мной въ телѣгу, на другую мои жандармы, и мы шибко помчались въ Житомиръ.

Дорогой я спросилъ Прушинскаго:

— Какая была цѣль вашего поступка съ становымъ приставомъ?

— Онъ, негодяй, пріѣхалъ ко мнѣ пьяный. Закричалъ, заоралъ, какъ въ шинкѣ, чтобы я скорѣе съ нимъ ѣхалъ... Я хотѣлъ дать ему маленькій урокъ вѣжливости и приличнаго обращенія, хотѣлъ доказать ему, что не я въ его власти, а онъ въ моей. Поступи онъ со мной благородно, деликатно, какъ вы, разумѣется, я бы поѣхалъ съ нимъ. Я очень хорошо знаю, что отъ агентовъ вашего правительства нигдѣ не укрыться.

— Зачѣмъ у васъ въ домѣ по переднему фасаду всѣ окна были забиты досками?

— Выпровожая становаго пристава, я въ первую минуту рѣшилъ не даваться, по крайней мѣрѣ, живымъ въ руки правительства, а защищаться до послѣдней крайности. Поэтому я и велѣлъ забить окна, чтобы быть безопаснѣе въ осадномъ положеніи, съ преданностью моихъ людей я надѣялся недешево продать вамъ мою жизнь.

— Да, я видѣлъ вашихъ людей. Это звѣри. Скажите слово, и они растерзали бы меня.

— А вы это замѣтили?

— Еще бы.

. ¹⁾.

Когда мы пріѣхали въ Житомиръ, я привелъ Прушинскаго прямо въ губернаторскій домъ и, оставивъ его въ дежурной комнатѣ, пошелъ въ кабинетъ доложить генералу объ успѣхѣ моего предпріятія.

Лашкаревъ обрадовался, увидя меня, и, узнавъ, что Прушинскій прибылъ, вышелъ къ нему, но увидя, что онъ безъ кандаловъ, обратился ко мнѣ и строго спросилъ:

— Это что значитъ? Почему онъ не скованъ?

— Виноватъ, ваше превосходительство, имѣя честное слово г. Прушинскаго, я позволилъ себѣ не надѣвать на него кандалы.

— Но какое же вы имѣли право поставить себя выше закона? Одинъ только государь можетъ смягчать наказаніе, а вы должны были буквально исполнить данную вамъ инструкцію и не разсуждать

¹⁾ Точки принадлежать автору. Д. К.

тамъ, гдѣ требуется отъ васъ одно только исполненіе. Сейчасъ надѣтъ на него кандалы, а вы извольте отправляться подѣ арестъ.

Тогда Прушинскій подошелъ ко мнѣ и съ чувствомъ просилъ извинить, что онъ былъ причиной моей непріятности, прибавивъ:

— Если бы я могъ предвидѣть такія для васъ послѣдствія, то никогда не просилъ бы васъ освободить меня отъ оковъ.

Когда надѣли на Прушинскаго кандалы и сдали его полицеймейстеру для отправки съ одними только жандармами въ Кіевъ, Лашкаревъ пошелъ въ кабинетъ, пригласивъ меня слѣдовать за собой. Я подумалъ: мало мнѣ еще было здѣсь, головомойка ждетъ меня въ кабинетѣ, и все это въ ту минуту, когда я мѣнялъ жизнь на смерть, но каково было мое удивленіе, когда генераль, затворивъ за мной дверь кабинета, бросился ко мнѣ на шею и, бурквально обливая меня слезами, сказалъ, указывая на дежурную комнату: «Тамъ, какъ губернаторъ, я не могъ поступить иначе. Здѣсь, какъ человѣкъ, любящій тебя, я благодарю, благодарю и благодарю. Скажу лучше, на твоёмъ мѣстѣ я и самъ бы сдѣлалъ то же. Теперь садись и расскажи, какъ Богъ помогъ совершить это дѣло. Признаюсь, я сильно тревожился за тебя».

Тогда я рассказалъ все, какъ было, не скрывая и намѣренія моего не даваться на безчестіе живымъ. Во время моего разсказа генераль нѣсколько разъ отиралъ слезы и, когда я кончилъ, сказалъ:

— Еще разъ благодарю тебя. Всѣ твои дѣйствія изложи мнѣ въ рапортѣ объ исполненіи порученія, а теперь иди съ Богомъ, тебѣ нужно отдохнуть отъ всего того, что ты перенесъ.

Вставая съ мѣста, я съ улыбкой спросилъ:

— Куда прикажете итти отдыхать? на гауптвахту?—спросилъ я, намекая на то, что онъ хотѣлъ арестовать меня.

— Шалунъ. За этотъ вопросъ дѣйствительно слѣдовало бы отправить тебя на гауптвахту. Нѣтъ, иди домой и помни, что я благословляю тебя на отдыхъ, а не наказываю арестомъ.

На другой день я подалъ рапортъ губернатору объ исполненіи даннаго мнѣ порученія, прописавъ въ немъ дѣйствія мои по арестованію Прушинскаго, т.-е. изложивъ вкратцѣ, что по убѣжденію моему, безъ употребленія какой либо силы, Прушинскій безъ всякаго сопротивленія отдался мнѣ.

Генераль, прочитавъ мой рапортъ, вынулъ изъ ящика своего письменнаго стола черновое представленіе, все писанное его рукой къ генераль-губернатору Бибикову, и приказалъ переписать его набѣло.

Въ представленіи этомъ добрый Лашкаревъ, описывая всѣ обстоятельства, предшествовавшія моему порученію, т.-е. плети, полученныя становымъ приставомъ, какъ достойное награжденіе за свой грубый поступокъ, и отзывъ Прушинскаго не даваться живымъ въ руки правительства, объяснялъ, что во вниманіе важности случая,

еще не бывало до того времени, и зная мое благоразуміе, поручилъ мнѣ арестовать преступника, что я вполнѣ и оправдалъ, дѣйствуя вполнѣ съ самоотверженіемъ, такъ какъ рѣшился лучше лишиться себя жизни, чѣмъ позволить оскорбить себя,—это были, какъ я помню, подлинныя слова представленія,—почему во вниманіе, какъ настоящаго моего дѣйствія, такъ и многихъ предшествовавшихъ, въ которыхъ я постоянно заслуживалъ благодарность начальства, онъ ходатайствуетъ о награжденіи меня Станиславомъ 3-й степени, вполнѣ и по совѣсти мной заслуженнымъ.

Нѣсколько дней спустя, получается отзывъ Бибикова, въ которомъ прописано, что въ исполненіи даннаго мнѣ порученія генераль-губернаторъ не видитъ никакой особой заслуги, которая давала бы мнѣ право на исключеніе (тогда сдѣлано было распоряженіе, чтобы офицеровъ въ мирное время представлять къ кресту только за чрезвычайныя, особенно важныя заслуги, выходящія изъ ряда обыкновенныхъ), и потому онъ предлагаетъ изъяснить признательность начальства, а въ поощреніе меня на будущее время наградить 1.000 рублями ассигнаціями изъ секретныхъ суммъ, находящихся въ безотчетномъ распоряженіи губернатора.

Здѣсь я долженъ остановиться и объяснить дѣйствительную причину отказа въ Станиславѣ, и что составляло секретныя суммы, изъ которыхъ мнѣ велѣли выдать награду.

При Бибиковѣ состоялъ правителемъ канцеляріи нѣкто П—въ, человекъ весьма умный, необыкновенно дѣльный, къ которому Бибиковъ имѣлъ полную, слѣпую довѣренность. Пользуясь своимъ положеніемъ, онъ управлялъ губерніями и въ дѣйствительности былъ настоящимъ генераль-губернаторомъ, а Бибиковъ носилъ только одно званіе. Злые языки прибавляли, что Бибиковъ имѣлъ связь съ женой П—ва, урожденной Г., славившейся своей красотой. Даже ходили въ то время анекдоты. П—въ не былъ безкорыстенъ, а позволялъ себѣ брать взятки. Когда онъ слишкомъ уже неосторожно предался взяточничеству, и Бибиковъ узналъ о томъ, то сказалъ П—ву:

— Послушай, о тебѣ дошли до меня гадкіе слухи.

— Какіе, ваше высокопревосходительство?

— Говорятъ, ты взятки берешь.

— Это все выдумки людей, мнѣ завидующихъ. Мало ли что говорятъ, — всему вѣрить нельзя. Напримѣръ, мнѣ говорятъ, что ваше высокопревосходительство находитесь въ преступной связи съ моей женой. Я этому не вѣрю. И вы прекрасно сдѣлаете, если подобно мнѣ не будете вѣрить слухамъ, распространяемымъ на мой счетъ.

Бибиковъ долженъ былъ замолчать, а П—въ попрежнему сталъ думать о своемъ обогащеніи всѣми не позволительными средствами. Впрочемъ П—въ получилъ славное возмездіе за свои гнус-

ные поступки. Впослѣдствіи, сдѣланный по протекціи Бибикова губернаторомъ Н—ской губерніи, онъ въ губернскомъ городѣ во время божественной литургіи, совершаемой архіереемъ въ какой-то царскій день, въ самой церкви, въ присутствіи всѣхъ, получилъ пощечину отъ какого-то отставного чиновника казенной палаты. Послѣ такого оскорбленія онъ былъ уволенъ отъ службы.

Этотъ-то П—въ въ то время, о которомъ я рассказываю, былъ самовластнымъ распорядителемъ во всѣхъ трехъ губерніяхъ, составлявшихъ Кіевское генераль-губернаторство, и, какъ и всѣ ему подобные, былъ очень самолюбивъ, гордъ, требовалъ отъ всѣхъ угодничества, болѣе—раболюпства. Меня природа тоже надѣлила большой дозой самолюбія, самоуваженія, и потому я былъ холодно вѣжливъ съ П—вымъ, но никакъ не искателенъ въ немъ. Такая рѣзкая самостоятельность во всемъ окружающемъ П—ва не могла не обратить его вниманія на меня, и онъ, не имѣя возможности мстить мнѣ явно, жалилъ исподтишка. Къ такому убѣжденію привелъ меня однажды разговоръ съ дежурнымъ штабъ-офицеромъ кіевского военнаго губернатора, подполковникомъ Стоговымъ.

— Скажите, пожалуйста, Эразмъ Ивановичъ, отчего Дмитрію Гавриловичу (Бибиковъ) не угодно было представить меня къ Станиславу?

— Оттого, молодой человѣкъ, что вы слишкомъ... слишкомъ... какъ бы вамъ это выразить... держите себя слишкомъ далеко отъ П—ва.

— Но что же тутъ значить П—въ? Онъ правитель канцеляріи гражданскаго генераль-губернатора, и я нисколько не подчиненъ ему. Я военный, и представленіе мое должно было итти черезъ васъ.

— Оно такъ, да не такъ. Мы всѣ подчинены П—ву, если не по службѣ, то по тому вліянію и довѣрію, которымъ онъ пользуется у Дмитрія Гавриловича. А вы желали бы получить крестикъ?

— Конечно, въ мои лѣта не отказываются отъ такихъ игрушекъ.

— Такъ я вамъ дамъ дружескій откровенный совѣтъ. Поѣзжайте къ П—ву, попросите его, да поубѣдительноѣ, тогда навѣрное завтра же пойдетъ о васъ представленіе.

— Благодарю васъ за совѣтъ, но на откровенность вашу тоже отвѣчу вамъ откровенностью. Если бы мнѣ дали по ходатайству моего генерала Станислава 3-й степени, я бы гордился имъ, сознавая вполнѣ, что онъ заслуженъ мной справедливо, по совѣсти. Но если бы я увѣренъ былъ, что просьбой моей у П—ва по его снисхожденію мнѣ бы дали Станислава черезъ плечо, то и тогда я не поѣду къ нему. Лента эта жгла бы меня, потому что была бы куплена униженіемъ и лестью.

Стоговъ покачалъ головой:

— Охъ, горячая голова, не одобровать тебѣ!

Вотъ настоящая, дѣйствительная причина, почему генераль-гу

бернаторъ въ арестованіи мной Прушинскаго видѣлъ только одно исполненіе своей обязанности, а не особенную заслугу, требующую и особой награды, а между тѣмъ его адъютантъ, гвардейскій поручикъ Бибииковъ, получилъ Анну 2-й степени на шею за то только, что отвезъ въ Петербургъ конфирмацію военно-судной комиссіи, учрежденной по дѣлу Конарскаго, на утвержденіе государя. Заслуга его, конечно, была необыкновенная: онъ скакалъ день и ночь на курьерскихъ, могъ вывалиться изъ телѣжки и свернуть себѣ шею или разбить голову. Его заслуга выше, опаснѣе моей!..

Теперь объясню, что такое значить секретная сумма.

Въ губерніяхъ Подольской и Волынской, какъ пограничныхъ, каждому губернатору отпускалось 30 тысячъ рублей ассигнаціями въ безотчетное распоряженіе. Изъ этихъ суммъ содержались и получали плату шпіоны, награждались всѣ вѣрные, хорошіе доносы, выдавались награды за поимку бѣглыхъ, въ особенности государственныхъ преступниковъ, открытіе контрабанды и т. п. все благородныя заслуги... Къ разряду этихъ-то заслугъ Бибииковъ отнесъ и мои дѣйствія по арестованію Прушинскаго. Награда эта равнялась оскорбленію.

Лашкаревъ, получивъ такой отвѣтъ Бибиикова, страшно взбѣсился и глубоко оскорбился за меня. Призвавъ меня къ себѣ, онъ съ злой усмѣшкой сказалъ:

— Поздравляю. Тебѣ вышла награда: 1.000 рублей изъ секретныхъ суммъ. И ты возьмешь?

У меня тотчасъ же родился планъ въ головѣ.

— Отчего же, ваше превосходительство, всякая награда начальства—даваніе благое.

У Лашкарева все лицо перекошилось отъ моего отвѣта; онъ весь вспыхнулъ, глаза засверкали. Пристально и съ пренебреженіемъ посмотрѣвъ на меня, онъ сказалъ:

— Я не зналъ, что вы останетесь довольны подобной наградой. Секретная сумма въ вашемъ вѣдѣніи. Заготовьте ордеръ о выдачѣ вамъ этихъ денегъ,—и тотчасъ повернулся ко мнѣ спиной.

Я смѣялся въ душѣ негодованію генерала и думалъ: ты не знаешь моего плана, потому такъ и горячишься.

Въ Кіевѣ учрежденъ былъ комитетъ бѣдныхъ, подъ предѣтельствомъ жены Бибиикова, Софьи Сергѣевны, урожденной Кушниковой.

Придя въ канцелярію, я написалъ ордеръ о выдачѣ мнѣ 1.000 рублей и рапортъ генералу, въ которомъ изложилъ, что, съ признательностью принимая награду, которую угодно было начальству дать мнѣ, я не менѣе того имѣю честь объяснить, что, по обезпеченному моему состоянію, желаю деньгами этими наградить моихъ меньшихъ братій, нуждающихся въ ежедневномъ пропитаніи, почему покорнѣйше прошу препроводить ихъ въ Кіевскій комитетъ

бѣдныхъ, предсѣдательницѣ онаго С. С. Бибиковой, въ ея полное и безотчетное распоряженіе.

Придя къ генералу, я правой рукой подалъ ему подписать ордеръ о выдачѣ мнѣ денегъ, а въ лѣвой рукѣ, за спиной держу наготовѣ мой рапортъ.

Генераль, не глядя на меня, грубо вырвалъ у меня ордеръ и судорожно и скоро подписалъ его. Я видѣлъ, какъ у него дрожала рука. Получивъ бумагу, я подалъ ему другую.

— Это что еще?

— Мой рапортъ, ваше превосходительство.

Рапортъ мой съ умысломъ былъ свернутъ. Признаюсь, мнѣ нравилось мучить Лапкарева.

По мѣрѣ того, какъ генераль читалъ мой рапортъ, лицо его прояснялось, на глазахъ и у рта образовались складки отъ улыбки. Дочитавъ рапортъ, онъ бросилъ его на столъ и, глубоко вздохнувъ, сказалъ:

— Уфъ! Теперь только вздохнулъ свободно. Славно! Ихъ же орудіемъ ихъ и побѣдилъ. Зачѣмъ же ты прежде не сказалъ мнѣ твоего намѣренія? Зачѣмъ ты заставилъ меня усомниться въ тебѣ, заподозрѣть гнусную черту, усомниться въ твоемъ благородствѣ, въ твоемъ достоинствѣ? Злой ты человѣкъ!

— Простите, ваше превосходительство. Мысль переслать эти деньги С. С. Бибиковой родилась въ ту же минуту, когда вы объявили о наградѣ, но я съ умысломъ умолчалъ о ней. Мнѣ хотѣлось приготовить вамъ маленькое мщеніе за то, что вы усомнились во мнѣ. Зная меня лучше, вы не сдѣлали бы мнѣ вопроса, возьму ли я эти деньги. Конечно, нѣтъ! Тѣмъ болѣе, что онѣ шли изъ такого грязнаго источника!

Генераль мой расхохотался.

— Да ты еще говоришь двусмысленности! Что ты называешь грязнымъ источникомъ: распоряженіе ли генераль-губернатора, или секретную сумму?

— Понимайте, какъ знаете, ваше превосходительство.

— Поди же ко мнѣ, поцѣлуй меня. Только прошу на будущее время подобныхъ штукъ со мной не выкидывать, не оставлять меня въ обидномъ сомнѣніи на твой счетъ!

— Охотно, если ваше превосходительство не будете ни на минуту сомнѣваться во мнѣ.

— А иначе что будетъ?

— Буду всегда беречь про себя маленькое мщеніе для васъ.

— Поди, злой человѣкъ. Не хочу тебя видѣть.

Этимъ онъ отпустилъ меня, чтобы заняться дѣлами.

Нѣсколько времени спустя, я поѣхалъ въ Кіевъ. Когда являлся генераль-губернатору, то Бибиковъ съ неудовольствіемъ сказалъ мнѣ:

— А вы пренебрегаете наградами вашихъ начальниковъ?

— Чѣмъ я могъ доказать это вашему высокопревосходительству? Если тѣми 1.000 р., которые я представилъ въ комитетъ бѣдныхъ, то позвольте мнѣ, ваше высокопревосходительство, повторить то, что я писалъ въ рапортѣ: я желалъ подѣлиться ими съ болѣе нуждающимися меня.

— Кого вы хотите этимъ обмануть? Смотрите только, не раскайтесь послѣ.

Но въ ту минуту я былъ въ восторгѣ. Я видѣлъ, что расчетъ мой былъ вѣренъ, что попалъ прямо въ цѣль, что понято было мое пренебреженіе къ подобной наградѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ я узналъ и всю дѣйствительность предсказаній Бибикова о томъ, чтобы я не раскаялся впоследствии.

Меня два раза послѣ того представлялъ Лашкаревъ къ кресту, и на оба представленія не послѣдовало никакого отвѣта. Я выигралъ только то, что мнѣ уже болѣе не назначали обидныхъ наградъ, подобно первой, и этого было для меня довольно. Я сумѣлъ внушить въ этихъ черствыхъ душахъ къ себѣ уваженіе и заставилъ ихъ невольно понимать меня, потому что болѣе они не осмѣливались оскорблять меня. По справкамъ оказалось, что на обоихъ представленіяхъ обо мнѣ рукою Бибикова было отмѣчено: «оставить». При личномъ объясненіи съ Лашкаревымъ Бибиковъ прямо сказалъ ему, что онъ не видитъ никакихъ моихъ особенныхъ заслугъ, но удерживается отъ изъявленія своей благодарности, потому что я доказалъ, что не умѣю дорожить ею.

Такъ кончилось для меня дѣло Прушинскаго. Выйдя живъ изъ опаснаго порученія, я вышелъ чистъ и изъ грязнаго искушенія, подготовленнаго мнѣ Бибиковымъ.

Прушинскій, за участіе въ тайномъ обществѣ, еще болѣе за сопротивленіе власти, подлежавшій тяжкому наказанію, былъ, однако, только сосланъ на Кавказъ унтеръ-офицеромъ до отличной выслуги. Смягченіемъ наказанія онъ обязанъ былъ ходатайству своей жены...

Говорили, что Прушинскій узнавъ, чему онъ обязанъ сравнительно легкимъ наказаніемъ за свое преступленіе, былъ тѣмъ глубоко оскорбленъ, искалъ смерти... и нашелъ ее. Въ первой горячей схваткѣ пуля горца положила его на мѣстѣ, примиривъ съ жизнью и людьми.

XXXI.

Обвиненіе меня въ участіи въ тайномъ обществѣ Конарскаго. — Письмо Лашкарева къ Бибикову. — Военно-судная комиссія въ Кіевѣ. — Допросъ въ моемъ присутствіи молодой польки. — Причина моего ареста — дружеская записка Рущинскаго, одного изъ сторонниковъ Конарскаго. — Объясненіе мною смысла этой записки. — Прекращеніе дѣла.

По возвращеніи въ Житомиръ, генераль встрѣтилъ меня очень сухо и сверхъ обыкновенія молча выслушалъ мое донесеніе объ исполненіи порученій. Когда я кончилъ, онъ подошелъ къ своему письменному столу и, взявъ съ него какую-то бумагу, подаль мнѣ и строго сказалъ:

— Прочтите и объясните мнѣ, что это такое.

Читая бумагу, я не вѣрилъ своимъ глазамъ. Генераль-губернаторъ предлагалъ арестовать меня за участіе въ тайномъ обществѣ Конарскаго и арестованнымъ доставить въ Кіевскую цитадель.

Кончивъ чтеніе, я не скоро могъ прійти въ себя. Все это мнѣ казалось то какъ будто сномъ, то злой насмѣшкой. То происками людей, для меня неблагонамѣренныхъ. Вѣроятно, всѣ внутреннія мысли мои отражались ясно на моемъ лицѣ, и генераль, какъ хорошій фیزیогномистъ, читалъ ихъ, какъ по книгѣ, потому что, смягчивъ выраженіе своихъ глазъ, дотолѣ строго и зорко смотрѣвшихъ на меня, онъ болѣе мягкимъ голосомъ спросилъ меня:

— Что все это значить?

— Ничего не могу понять, ваше превосходительство. Тутъ есть какое нибудь недоразумѣніе.

— Я знаю, я увѣренъ, что вы не можете быть участникомъ въ этомъ дѣлѣ, но молодость бываетъ неосторожно откровенна: не говорили ли вы съ кѣмъ нибудь что либо противъ правительства, не осуждали ли вы строгихъ мѣръ, предпринятыхъ противъ сообщниковъ Конарскаго?

— Никогда и никому.

— Честное слово?

— Честное слово.

— Теперь я знаю, что мнѣ дѣлать. Не безпокойся. Собирайся съ Богомъ въ Кіевъ, черезъ полчаса зайди ко мнѣ, я дамъ тебѣ письмо къ Бибикову.

Когда я пришелъ въ назначенное время, то генераль прочелъ мнѣ письмо, въ которомъ сказано было, что онъ вполне и совершенно ручается въ моей невинности во взводимомъ на меня обвиненіи.... что онъ позволилъ себѣ не выполнить предложенія генераль-губернатора, т. е. арестовать меня, потому что я завѣдую, кромѣ секретнаго отдѣленія канцеляріи, еще его собственно кабинетной конфиденціальной перепиской, что я пользуюсь полнымъ

его довѣріемъ, что отъ меня не скрыта ни одна государственная тайна, что я, какъ адъютантъ его, слѣдовательно приближенное къ нему лицо,—являюсь первымъ исполнителемъ всѣхъ важныхъ порученій, требующихъ и глубокой тайны и благоразумія, что если подозрѣвать меня въ участіи тайнаго общества, то должно подозрѣвать и самого генерала, и что если арестовывать меня, то должно арестовать и его и т. п. Въ томъ тревожномъ состояніи духа, въ которомъ я тогда находился, я не могъ припомнить собственныхъ словъ письма,—помню только, что оно было написано въ сильныхъ и ясныхъ выраженіяхъ и все рукою самого генерала.

— Доволенъ ли ты?

Я молча поклонился, не найдясь, что сказать ему.

Запечатавъ письмо, генералъ перекрестилъ меня и сказалъ:

— Поѣзжай съ Богомъ! Я выполнѣ тебѣ вѣрю и потому остаюсь спокоенъ.

Приѣхавъ въ Кіевъ, я явился генералъ-губернатору. Бибиковъ какъ-то странно посмотрѣлъ на меня, какъ бы недоумѣвая, почему я приѣхалъ самъ собой и при саблѣ, а не арестованнымъ, какъ, вѣроятно, ожидалъ онъ, но, прочтя письмо Лашкарева, сказалъ:

— Не много ли беретъ на себя вашъ генералъ, такъ ручаясь за васъ?... Впрочемъ дѣло скоро объяснится. Извольте явиться въ 12 часовъ въ военно-судную комиссію, тамъ я самъ буду.

Военно-судная комиссія помѣщалась въ одной изъ залъ каземата Кіевской цитадели. Комната узкая, длинная, едва освѣщенная небольшими окнами, въ ней постоянно господствовали сумерки, такъ что во время засѣданій всегда горѣли свѣчи. У противоположной отъ входа стѣны стоялъ длинный столъ, покрытый чернымъ сукномъ. Около стола нѣсколько креселъ для присутствующихъ, на столѣ католическое распятіе: точеная изъ бѣлой кости фигура Іисуса Христа, на черномъ крестѣ какая-то книга. Передъ каждымъ кресломъ писчая бумага, чернильница, перья, карандаши; въ заднемъ углу залы небольшой столъ со всѣми письменными принадлежностями для дѣлопроизводителя. Нѣсколько въ сторонѣ около стола присутствующихъ стоялъ пюпитръ для доклада дѣлъ. Ближе ко входу нѣсколько простыхъ деревянныхъ окрашенныхъ въ черный цвѣтъ скамеекъ. Стѣны залы были совершенно голы безъ всякихъ украшеній, если не считать, что сырость и плѣсень вывели на нихъ свои непрошенные узоры. Въ залу надо было итти длиннымъ темнымъ коридоромъ, постоянно освѣщеннымъ горящими фонарями. По обѣимъ сторонамъ коридора были двери съ прорѣзанными въ нихъ окошками; двери эти вели въ камеры арестантовъ, у каждой изъ нихъ стояло по часовому съ примкнутымъ штыкомъ къ заряженному ружью.

Войдя со свѣта въ этотъ коридоръ, я не скоро могъ оглядѣться въ его темнотѣ. Огни въ фонаряхъ, висѣвшихъ по потолку

по прямой линіи въ равномъ между собой разстояніи, издали казались какими-то ярко-красными точками, прыгавшими въ воздухѣ. Весь свѣтъ отъ фонарей падалъ внизъ и на окошечки въ дверяхъ. Вездѣ безмолвствовала сжимающая сердце тишина, прерываемая изрѣдка ударомъ часового прикладомъ ружья о каменный полъ. Послѣ я узналъ, что шелъ путемъ преступниковъ, но что есть другой ходъ—прямо въ залу, ходъ, открытый для присутствующихъ комиссіи. Когда вошелъ въ залу, то всѣ присутствующіе были въ сборѣ, и открылось засѣданіе. Меня поразили прежде всего тяжелый удушливый воздухъ, какой бываетъ въ нежилыхъ строе-ніяхъ. Зала до половины была совершенно темна, окна чуть свѣтились въ толстыхъ стѣнахъ, хотя былъ полдень и солнечный день. Дальній конецъ залы напротивъ ярко освѣщенъ былъ свѣчами, стоявшими на столѣ присутствующихъ, пюпитрѣ и у письмоводителя. Это сочетаніе свѣта и мрака дѣлало поразительный эффектъ; я даже думаю, что на это рассчитывали, думая тѣмъ дѣйствовать на воображеніе преступниковъ. Мнѣ видны были лица всѣхъ присутствующихъ,—всѣ военные въ полныхъ мундирахъ; на предсѣдательскомъ мѣстѣ сидѣлъ Бибиковъ. На пюпитрѣ лежало довольно толстое дѣло, у котораго стоялъ писарь, какъ докладчикъ комиссіи. У стола спиной ко мнѣ стояла фигура, ясно обрисовывавшаяся на свѣтломъ кругѣ свѣта; по очертаніямъ и голосу я узналъ женщину и молодую. По обѣимъ сторонамъ ея, нѣсколько отступя, стояли два жандарма съ касками на головѣ и обнаженными пала-шами въ рукахъ. Но мнѣ, стоявшему въ темнотѣ, все это казалось какими-то тѣнями на свѣтломъ фонѣ. Тишина прерывалась вопро-сами Бибикова и отвѣтами подсудимой. Судя по звуку ея голоса, можно было заключить, что она еще молода, что впослѣдствіи и оправдалось. Допросъ и отвѣты происходили на французскомъ языкѣ. Не видя никого вблизи меня, къ кому я могъ бы обратиться съ просьбой доложить о моемъ приходѣ, и зная, что посторонній не можетъ присутствовать при допросѣ государственнаго преступ-ника, я выдвинулся впередъ за черту свѣта и съ умысломъ стук-нулъ саблей о каменный полъ. Расчетъ мой оказался вѣрнымъ. Всѣ обернулись въ мою сторону. Бибиковъ, прикрывъ глаза рукой въ видѣ козырька и всматриваясь въ пространство, гдѣ произошелъ звукъ, увидѣлъ меня, подозвалъ и поставилъ нѣсколько поодаль своего кресла. Когда я вошелъ въ полосу свѣта, первое, на что я бро-силъ глаза, была, конечно, подсудимая. Передо мной стояла дѣ-вушка лѣтъ 19 или 20, высокая, стройная, красоты восхититель-ной. Лицо ея было прекрасно, выразительно, нѣсколько блѣдно, глаза темные, красивыхъ разрѣзовъ, опушенные длинными черными рѣсницами. Темно-русые волосы просто, безъ всякаго старанія были подобраны вмѣстѣ съ густой косой подъ гребенку. Но эта безыс-кусственная прическа для меня казалась лучше всякаго chef

d'oeuvге'a парикмахера. На плечахъ накинутъ платокъ, перекрещивающійся на груди и концами связанный назади à la Марія-Антуанетта, на которую она была и похожа своимъ положеніемъ подсудимой. На изящныхъ рукахъ у нея была надѣта легкая цѣпь. Звукъ этой-то цѣпи и поразилъ меня при входѣ въ залу. Не видя другого арестанта, кромѣ нея, и слыша звукъ цѣпей, я думалъ, неужели и женщинъ сковываютъ..... Потомъ вырѣзались оба лица жандармовъ въ своихъ каскахъ, на мѣдныхъ бляхахъ которыхъ, сквозь конскій черный волосъ, отражались отблески свѣтъ,—говорю, вырѣзались, потому что за ними существовалъ совершенный мракъ, увеличивающійся еще горѣвшими свѣчами. Тогда я понялъ, почему Бибиковъ прикрылъ глаза руками и всматривался прежде, чѣмъ замѣтилъ меня.

Допросъ продолжался. Подсудимая съ удивительнымъ присутствіемъ духа и твердостью давала отвѣты ясные, положительные, прямо созналась въ участіи къ дѣлу Конарскаго, но рѣшительно отказалась назвать своихъ сообщниковъ.

Смотря на нее, мнѣ, не знаю почему, пришла странная идея въ голову. Я вообразилъ себѣ, что присутствую при осужденіи Жанны д'Аркъ. Вслушиваясь въ ея благородные твердые отвѣты, я думалъ: нашимъ декабристамъ не мѣшало бы поучиться у этой героини, какъ держать себя передъ судилищемъ, отвѣчать прямо, неуклончиво, терпѣливо сносить свое положеніе, а не прибѣгать къ низкому малодушію и изъ желанія подслужиться и облегчить свою участь не путать своихъ товарищей.... Но удивленіе, скажу болѣе, благоговѣніе мое къ ней ожидало меня еще впереди. По окончаніи допроса Бибиковъ обратился къ ней съ вопросомъ жестокимъ, неделикатнымъ, безъ всякаго уваженія къ полу и положенію подсудимой.

— Правда ли, что вы молодость свою, красоту, богатое состояніе, употребляли на то, чтобы привлекать молодыхъ людей и дѣлать ихъ адептами вашего общества?

— Вамъ не такъ передали, генералъ. Я поклялась принадлежать тому, кто приведетъ мнѣ русскаго полковника плѣннымъ, или принесетъ русское знамя, кто бы онъ ни былъ, хотя бы мой послѣдній слугитель, мой пастухъ!

Отвѣтъ, достойный лучшаго случая. Какой героизмъ! Каково самоотверженіе! Правда, она была полька! О, въ эту минуту я, не задумавшись, готовъ былъ отдать мою жизнь въ выкупъ за ея свободу. Жизнь молодую, полную силъ, еще не растраченныхъ на пути разочарованій и неудавшихся надеждъ, жизнь, какъ она была, со всей будущностью и ожиданіями!.. Но я только могъ сочувствовать ей, сердцемъ болѣть за нее, спасти не было въ моей власти. Дѣвушка эта, какъ послѣ я узналъ, еще въ малолѣтствѣ

лишилась своихъ родителей, воспитывалась у своего дяди, извѣстнаго своимъ свѣтлымъ умомъ, благородствомъ чувствъ, горячею преданностью дѣлу своей родины. Все это не могло не отразиться на впечатлительной натурѣ его племянницы. Съ малыхъ лѣтъ воспитанная въ роскоши, окруженная угодливостью и сосредоточеннымъ вниманіемъ всѣхъ, она, взятая по дѣлу Конарскаго и брошенная въ крѣпость, гдѣ въ продолженіе 4-хъ недѣль до того времени, какъ я видѣлъ ее, испытала всевозможныя нужды и лишенія, тѣмъ болѣе для нея тягостныя, что не была къ нимъ приготовлена, она, говорю, безъ всякой поддержки, силою одного своего героизма и преданности святому дѣлу своей родины, переносила свое несчастіе съ той твердостью, какую мы видѣли въ ней въ залѣ судилища, и это среди жандармовъ, съ цѣпами на рукахъ... Но, повторяю, она была полька... Отпущенная, она съ достоинствомъ поклонилась своимъ судьямъ,—въ поклонѣ ея была простая вѣжливость хорошо воспитанной дѣвушки, но отнюдь не раболѣпство или заискиваніе,—и медленно, въ сопровожденіи своихъ жандармовъ, сперва потонула во мракѣ залы, а потомъ вышла въ коридоръ, только что мной пройденный.

Впослѣдствіи я узналъ, что видѣнная мной дѣвушка была осуждена на временное заточеніе въ одинъ изъ женскихъ монастырей въ Москвѣ.

Бибиковъ обратился ко мнѣ.

— Теперь очередь до васъ. П—въ, подайте дѣло, которымъ Мамаевъ обвиняется въ соучастіи Конарскаго.

Немедленно было принесено довольно толстое дѣло и положено передъ Бибиковымъ.

Признаюсь, послѣ происшедшей сцены, которой былъ свидѣтелемъ, я совершенно равнодушно ожидалъ окончанія моей будущности. Въ отвѣтахъ дѣвушки я почерпнулъ силу мужества, чтобы перенести всѣ возможныя противъ меня обвиненія, тѣмъ болѣе, что въ настоящемъ дѣлѣ чувствовалъ себя совершенно невиннымъ, а ожидалъ какого нибудь гнуснаго доноса или тайнаго злонамѣренія... Между тѣмъ, Бибиковъ, перелистывая дѣло, остановился на одномъ мѣстѣ и, указывая на какой-то лоскутъ бумаги, вшитый въ дѣло, сказалъ:

— Подойдите и объясните намъ, что это за записка. Вами ли она писана, и что она означаетъ?

Бросивъ взглядъ на записку, я тотчасъ понялъ, въ чемъ дѣло. Вышло страшное недоразумѣніе.

Въ Житомирѣ я квартировалъ у адвоката Миллера. Старшая дочь его, Люція, была замужемъ за Руцинскимъ, молодымъ человекомъ свѣтлаго, блестящаго ума, милымъ, любезнымъ, прекрасно

образованнымъ, отличнымъ музыкантомъ, страстнымъ въ душѣ. Личность самая симпатичная. Равенство нашихъ лѣтъ (онъ былъ старше меня 2-мя годами), одинаковая жажда познаній, моя квартира въ домѣ его тестя — все это сблизило насъ, а превосходство его воспитанія, его начитанность, многосторонность свѣдѣній вынуждали меня искать и дорожить его сообществомъ. Все свободное время отъ моихъ занятій я посвящалъ бесѣдѣ съ нимъ, но никогда онъ не высказывалъ своихъ мыслей ни насчетъ нашего правительства, ни насчетъ возстановленія Польши, — для этого онъ былъ слишкомъ уменъ, а я въ моемъ тогдашнемъ положеніи молодого вѣтренаго чловѣка былъ слишкомъ далекъ отъ того, чтобы вдаваться въ политику. Миллеръ имѣлъ въ посессіи недалеко отъ Житомира имѣніе, въ которое Руцинскій на лѣто всегда уѣзжалъ, къ большому моему сожалѣнію. Празднуя свои именины въ какихъ-то числахъ мая мѣсяца, Руцинскій, отъѣзжая весной въ деревню, взялъ съ меня слово посѣтить его въ этотъ день и обѣщалъ наканунѣ прислать за мной лошадей. Дѣйствительно, однажды вечеромъ, когда я пришелъ къ себѣ на квартиру, я получилъ записку, въ которой Руцинскій извѣщалъ меня, что онъ исполнилъ свое обѣщаніе, — посылаетъ за мной лошадей и надѣется, что я съ тѣмъ же удовольствіемъ и охотою выполню свое, и къ нему приѣду.

На другой день утромъ я пошелъ къ генералу, чтобы проситься дня на два въ деревню къ Руцинскому, а онъ встрѣтилъ меня командировкой. Зная хорошо правило генерала: гдѣ служба, тамъ нѣтъ никакого снисхожденія къ частнымъ интересамъ или желаніямъ, — я даже не сказалъ ему, что шелъ проситься въ деревню, а, придя домой и отпуская лошадей Руцинскаго, написалъ ему записку, что по дѣламъ службы я поставленъ въ необходимость отказать себѣ участвовать въ настоящее время въ ихъ пріятномъ обществѣ, но оставляю за собой право воспользоваться его любезнымъ приглашеніемъ при первомъ удобномъ случаѣ, при чемъ прибавилъ, что отъ такого промедленія времени я теряю болѣе всего, тѣмъ болѣе, что не могу заранѣе опредѣлить пріятной для меня минуты нашего свиданія.

По возвращеніи изъ командировки, я узналъ, что Руцинскій былъ одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ общества Конарскаго, былъ даже чѣмъ-то въ родѣ секретаря и велъ дѣятельную переписку по этому дѣлу. Участіе его было открыто, онъ арестованъ и содержится въ крѣпости въ Кіевѣ. Я сожалѣлъ о немъ, потому что лишился пріятнаго, поучительнаго для себя собесѣдника, и высказалъ о томъ въ разговорѣ съ генераломъ.

Даже, помню, что на вопросъ генерала, имѣлъ ли бы я духу арестовать Руцинскаго, прямо и утвердительно отвѣтилъ «нѣтъ».

— Какъ? Получивъ предписаніе?

— Я бы сказался больнымъ.

— А если бы я не повѣрилъ и велѣлъ тебя освидѣтельствовать?

— Я бы сдѣлалъ на себѣ какую нибудь рану — и не поѣхалъ бы.

Генералъ молча пожалъ мою руку.

По обычному порядку, при арестованіи Руцинскаго запечатали всѣ его бумаги и доставили ихъ въ комиссію. Тамъ, разбирая, нашли и мою записку, о которой я говорилъ выше, и въ моей запискѣ прочли слово «общество» въ политическомъ значеніи и придали ему смыслъ общества тайнаго, преступнаго, а не простой бесѣды людей мирныхъ, собесѣдниковъ пріятныхъ...

Когда я объяснилъ настоящій простой смыслъ моей записки, то Бибииковъ, вырвавъ мою записку изъ дѣла и возвращая ее мнѣ, обратился къ П—ву и сказалъ:

— Уничтожьте всю переписку о Мамаевѣ по этому дѣлу.

Потомъ, обратясь ко мнѣ, прибавилъ:

— Руцинскій далъ то же объясненіе, что и вы. Я вѣрю вамъ, вѣрю еще болѣе заступничеству за васъ вашего генерала. Поѣзжайте назадъ, кланяйтесь ему и примите мой совѣтъ вести себя осторожно съ поляками и не имѣть къ нимъ дружбы: они народъ фальшивый.

— Смѣю ли просить ваше высокопревосходительство позволить мнѣ видѣться съ Руцинскимъ?

— Зачѣмъ это?

— Я бы желалъ проститься съ нимъ.

— Нечего прощаться. Молите Бога, что сами не поѣхали съ нимъ по одной дорогѣ. Ступайте!

Что было говорить противъ такого пониманія? Оставалось поклониться и уйти.

Возвратившись въ Житомиръ, я все видѣнное и слышанное мной передалъ Лашкареву и представилъ ему записку, надѣлавшую такъ много шума. Генералъ прочиталъ ее и улыбувшись разорвалъ въ мелкіе куски, но не сказалъ ни слова.

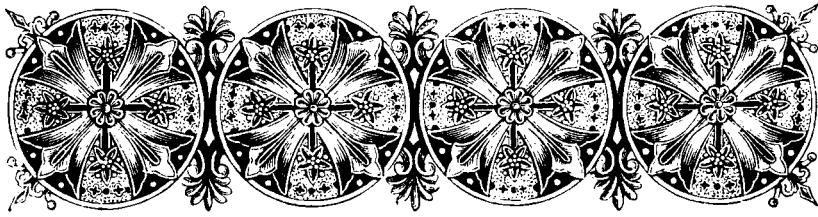
Такъ кончился рядъ многихъ дней, начатыхъ подъ самыми благоприятными обстоятельствами въ деревнѣ Схабицкаго и кончившихся чуть-чуть не заточеніемъ меня въ крѣпость. Въ этотъ краткій промежутокъ моей жизни я испыталъ: наслажденіе быть любимымъ, сладость ожиданій поцѣлуя, обѣщаннаго мнѣ въ рошѣ, низость людей, готовыхъ на всякій подлый доносъ, чтобы получить себѣ мнимую свободу, хотя бы для этого предстояло перешагнуть черезъ живой трупъ оклеветаннаго, обнесеннаго нами чело-вѣка; непріятное чувство, съ какимъ я всегда приступалъ къ арестованію, а тутъ я еще вынужденъ былъ употребить его противъ женщины-вдовы, у которой было довольно большое семейство и

старшая дочь, лѣтъ 16-ти, должна была принять на себя всѣ мелочныя хлопоты по домашнему хозяйству и обязанность пѣчься о прочихъ своихъ братьяхъ и сестрахъ, потомъ вынести величіе и высокое благородство дѣвушки, поставившей себѣ цѣлью жизни видѣть освобожденіе своей родины, наконецъ, мое собственное дѣло
. . . . Чудесныя совершаются дѣла велѣніемъ Тайнаго Промысла.

Н. И. Мамаевъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ЗАПИСКИ Н. И. МАМАЕВА ¹⁾.

XXXII.

Донось о путешествіи мертвѣго тѣла. — Порученіе разузнать о справедливости этого донося. — Ссылка исправника въ Сибирь. — Осужденіе сообщниковъ Конарскаго на смертную казнь. — Помилваніе ихъ. — Губернаторъ ввѣряетъ мнѣ управленію секретной канцеляріей. — Выдача заграничныхъ паспортовъ. — Попытка кн. Радзивилла подкупить меня.

СКОРѢ случилось грустное и вмѣстѣ съ тѣмъ смѣшное происшествіе, смѣшное по своему способу исполненія, грустное потому, что оно вполне показало, какъ поляки чуждаются нашего правительства и избѣгаютъ всякихъ сношеній съ лицами служащими, хотя бы лица эти были поставлены для охраненія ихъ же интересовъ.

Было получено секретное донесеніе о путешествіи мертвѣго тѣла. Да, мертвое тѣло путешествовало по уѣзду, и, что еще страннѣе, чудо это произвела мѣстная полиція.

Донось говорилъ, что въ Новоградъ-Волинскомъ уѣздѣ весной по вскрытіи земли оказалось мертвое тѣло, лежавшее поперекъ грани двухъ владѣльческихъ имѣній. Пріѣхавшій исправникъ, увидя тѣло человѣка, голова котораго лежала на землѣ одного помѣщика, а ноги — другого, пришелъ въ недоумѣніе: къ которому владѣльцу отнести смертный случай; но вспомнивъ, что голова человѣка есть главная часть тѣла, рѣшился отдать ей предпочтеніе; поднявъ мерт-

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXXVI, стр. 46.

вое тѣло, положилъ въ телѣгу и направился къ помѣщику, котораго назову № 1-й (я совершенно забылъ, какъ названіе селеній, такъ и фамиліи лицъ, съ которыми имѣлъ столкновеніе по этому дѣлу). Переговоривъ наединѣ съ владѣльцемъ, исправникъ отправился къ слѣдующему, на дачѣ котораго лежали ноги тѣла, и послѣ разговоровъ тоже съ глазу на глазъ поѣхалъ все въ сопровожденіи тѣла къ третьему владѣльцу, въ дачѣ котораго вовсе не было никакого мертваго тѣла. Видимо ему понравилось путешествіе съ такимъ страннымъ спутникомъ, а главное переговоры наединѣ. На третьемъ владѣльцѣ путешествіе мертваго тѣла остановилось. Исправникъ распорядился предать его погребенію, а самое о немъ дѣло «предать волѣ Божіей»—терминъ, употребляемый тогдашними судами, когда всѣ попытки къ раскрытію происшествія оставались напрасны. Къ этому доносъ пояснялъ, что исправникъ, вѣроятно, не остановился бы на своемъ третьемъ путешествіи, если бы тѣло не предалось сильному гніенію, что и вынудило его прекратить дальнѣйшіе свои тайные разговоры, въ которыхъ каждое слово исправника приносило ему червонецъ.

Доносъ не былъ никѣмъ подписанъ, что на языкѣ юридическомъ называется безыменнымъ. Такимъ доносамъ законъ предписываетъ «не имѣть вѣры и оставлять ихъ безъ всякихъ послѣдствій», но Вибиковъ, котораго вся система управленія краемъ была основана на шпіонствѣ и слѣдуя правилу жандармовъ, не отвѣчавшихъ за справедливость сообщаемыхъ ими слуховъ, сдѣлалъ распоряженіе, чтобы по всякому доносу дѣлались разслѣдованія, и разница была въ томъ, что по доносу подписанному слѣдствіе производилось явно, гласно, по безыменному изъ-подъ руки, секретно, и когда онъ оказывался справедливымъ, то переходилъ уже въ категорію общаго слѣдствія.

Въ дѣлѣ путешествія «мертваго тѣла» доносъ, какъ я сказалъ, былъ безыменнымъ, слѣдовательно нужно было дѣйствовать весьма осторожно, не возбуждая до времени ни въ комъ никакого подозрѣнія. Къ тому же имѣлись въ виду сношенія съ помѣщиками, все людьми богатыми, образованными, хорошихъ фамилій, которые могли оскорбиться, если дѣло повести явно. Правительство наше щадило самолюбіе поляковъ, пока они не были замѣшаны въ какое либо преступленіе.

Такое щекотливое порученіе генералъ далъ мнѣ.

Въ доносѣ весьма опредѣлительно были означены не только маршрутъ путешествія, но и время посѣщенія «мертваго тѣла»; по указанію этому я отправился къ помѣщику № 1-й. Пріѣхавъ къ нему какъ бы мимоѣздомъ, въ разговорѣ, между прочимъ, я спросилъ его:

— У васъ, кажется, новый исправникъ, — и совралъ: исправникъ нѣсколько лѣтъ какъ завѣдывалъ уѣздомъ.

— А, право, не знаю, дѣлѣ съ полиціей никакихъ не имѣю, въ уѣздномъ городѣ не былъ болѣе года и потому не могу отвѣтить вамъ.

— Неужели онъ ни разу не посѣтилъ васъ?

— Да что ему у меня дѣлать?

Все это было сказано съ невозмутимымъ спокойствіемъ на лицѣ.

Первая неудача меня сконфузила.

Отъ него я поѣхалъ къ помѣщику № 2-й. Тѣ же разспросы и тѣ же отвѣты.

Отъ помѣщика № 3-й я получилъ въ отвѣтъ нѣкоторые варианты. Я спросилъ его:

— Вы знаете исправника?

— Очень хорошо.

— Скажите, что онъ за человѣкъ?

— О! прекрасный, вѣжливый, услужливый!

— Что, онъ посѣщаетъ васъ?

— Очень рѣдко.

— Давно ли онъ былъ у васъ?

— Да, я думаю, съ полгода тому назадъ.

Такіе отрицательные отвѣты всѣхъ трехъ номеровъ совершенно сбили меня съ толку. Одно изъ двухъ: или доносъ несправедливъ или умышленное отиравительство. Какъ тутъ быть? Случай помогъ мнѣ.

Такъ какъ была уже поздняя ночь, то № 3-й предложилъ мнѣ переночевать у него, и я въ сопровожденіи слуги отправился въ отведенную мнѣ комнату.

Раздѣваясь, я больше по инстинктивному побужденію, чѣмъ сознательно, спросилъ у слуги:

— А что, давно былъ у васъ исправникъ?

— Нѣтъ, недавно!

Такой отвѣтъ, совершенно противорѣчившій полученному мной отъ его барина, заставилъ меня «наострить уши», и я продолжалъ:

— Зачѣмъ онъ пріѣзжалъ къ вамъ?

— А Богъ его знаетъ? Привозилъ съ собой что-то покрытое въ телѣгѣ.

— А что было въ телѣгѣ?

— Не знаемъ! Мы было сунулись посмотрѣть, да сотскіе отогнали насъ. Знаемъ только, что запахъ отъ телѣги былъ прескверный.

— Что же дѣлалъ у васъ исправникъ?

— Переговаривалъ о чемъ-то съ бариномъ въ кабинетѣ и потомъ, выходя отъ него, часто жалъ ему руку, повторяя: будьте покойны, будьте покойны!

Этихъ свѣдѣній мнѣ было достаточно, я напалъ на слѣдъ; дальнѣйшее раскрытіе дѣла, надѣюсь, не ускользнетъ отъ меня

Утромъ, напившись чая, я отправился къ хозяину и, къ счастью, нашелъ его одного въ кабинетѣ.

Притворивъ плотнѣе двери, я обратился къ нему съ вопросомъ:

— Такъ вы говорите, что болѣе полгода не видали исправника?

— Да.

— А если я навѣрное знаю, что онъ такого-то числа пріѣзжалъ къ вамъ? Еще лучше знаю, съ чѣмъ онъ пріѣзжалъ къ вамъ, и чѣмъ окончилось ваше свиданіе?

Помѣщикъ мой потупилъ глаза, видимо сконфузившись. Я продолжалъ:

— Что вы на это скажете?

— Что я могу сказать, когда вы все знаете?

— Зачѣмъ же вы вчера не открыли мнѣ всего? Цѣль правительства—качать людей, которые злоупотребляютъ своею должностью. Мнѣ поручено было удостовѣриться во взяточничествѣ вашего исправника. За провѣркою свѣдѣній къ кому же мнѣ было обратиться, какъ не къ вамъ, человѣку, независимому по своему положенію въ обществѣ? и что же я слышалъ отъ васъ?

— Я вамъ отвѣчу откровенно. Нашъ исправникъ—мошенникъ отъявленный, сидитъ на своемъ мѣстѣ болѣе 2-хъ лѣтъ, такъ сказать, «въѣлся въ свое мѣсто» и не такъ притязателенъ. Беретъ взятки только при случаѣ. Если правительство и смѣнитъ его, то дастъ на его мѣсто другого, который, какъ новичекъ, еще «начинающій», будетъ дѣйствовать еще хуже, будетъ домогаться всѣми силами нажитья, будетъ дѣлать намъ непріятности, которыя въ нашемъ положеніи, какъ полякамъ, причинить намъ очень легко. Состоя на дурномъ счету у правительства, мы всегда останемся виноваты. Вотъ почему я вчера ничего не сказалъ вамъ о нашемъ исправникѣ; какъ онъ ни дуренъ, но для насъ терпимъ.

Чтобы понять справедливость до нѣкоторой степени сказанныхъ словъ, должно пояснить одно распоряженіе Бибикова. Предполагая вездѣ и во всемъ заговоры и тайныя сходбища, онъ пришелъ къ убѣжденію, что слѣдуетъ всѣ полицейскія мѣста и въ городѣ и въ уѣздѣ замѣстить чиновниками «православнаго исповѣданія» на томъ основаніи, что они, какъ чуждые и по происхожденію и по вѣрѣ мѣстнымъ жителямъ, не будутъ изъ видовъ родства или дружбы прикрывать виноватыхъ. Поэтому испросилъ у государя высочайшее повелѣніе обнародовать въ Россіи, чтобы лица «православнаго вѣроисповѣданія», желающія занять полицейскія должности въ бывшихъ польскихъ губерніяхъ, являлись или въ Кіевъ къ генераль-губернатору, или въ губерніи къ мѣстнымъ губернаторамъ. Вслѣдствіе такого призыва нахлынули на губерніи всѣ подонки, вся грязь русскихъ чиновниковъ, преимущественно от-

ставныхъ военныхъ, которымъ дома было нечего ѣсть, и которые, какъ отличныя ищейки, чувствовали чутьемъ себѣ поживу. Правда, ихъ и душили, но они приобрѣтали себѣ порядочные капиталы, благодаря той легкости наживы, образчикъ которой я привелъ выше, т. е. всякій богатый помѣщикъ давалъ полицейскому чиновнику «сколько хочешь», только чтобы избавить себя отъ столкновенія съ полиціей.

Теперь понятно будетъ, отчего люди развитые и благородные прикрывали гнусные поступки лицъ полиціи.

Отъ № 3 я вернулся къ № 2 и скоро склонилъ его къ сознанию случившагося, то же самое было и съ № 1.

Прибывъ поздно вечеромъ въ Новоградъ-Волынской, я имѣлъ случай убѣдиться не только въ красотѣ пирамидальныхъ тополей, но и въ ихъ пользѣ. Сдѣлался пожаръ. При сильномъ вѣтрѣ и легкой возгораемости строеній, пожаръ угрожалъ всему городу, тополи остановили его. У одного изъ обывателей были насажены въ одинъ рядъ пирамидальные тополи около самаго дома. Огонь пожара, гонимый вѣтромъ, дошелъ до тополей, сжегъ ихъ встрѣчныя вѣтви, но не имѣлъ силы перейти далѣе.

Утромъ я пригласилъ исправника ѣхать со мной въ Житомиръ, ни слова не говоря о моихъ дознаніяхъ на его счетъ.

Въ присутствіи его я подтвердилъ губернатору справедливость доноса. Назначено было формальное слѣдствіе; ясныя улики принудили исправника сознаться въ своемъ преступленіи, и его сослали въ Сибирь на поселеніе. Но что значило для него лишеніе правъ состоянія, когда награбленное богатство дало ему возможность прожить вѣкъ не только безъ нужды, но и въ изобиліи? Для подобныхъ людей ни мѣсто родины, ни честь ничего не значать, когда въ карманѣ есть лишняя копейка.

Покончивъ съ исправникомъ, возвращусь къ себѣ. Пока я ѣздилъ по слѣдамъ «путешествія мертваго тѣла», мнѣ готовилась большая непріятность.

Прекратились, наконецъ аресты и розыски. Всѣ лица, прикосновенныя къ заговору Конарскаго, были въ рукахъ правительства. Кіевская военно-судная комиссія закрыла свои засѣданія и приговоръ осужденныхъ представила на разсмотрѣніе и утвержденіе государя. Конfirmaція не замедлила послѣдовать, и назначенъ былъ день для совершенія казни надъ преступниками. Случайно я былъ въ то время въ Кіевѣ и остался посмотреть невиданное дотогѣ для меня зрѣлище—обрядъ вѣшанія. Говорю—обрядъ, потому что смертная казнь, присужденная комиссіей четверемъ преступникамъ, была замѣнена государемъ императоромъ только однимъ обрядомъ вѣшанія и ссылкой въ Сибирь, въ каторжную работу на 20 лѣтъ. Но распоряженіе это держалось въ строгой тайнѣ до минуты исполненія. Я, какъ адъютантъ губернатора, былъ въ числѣ немногихъ лицъ, которыя знали о томъ.

На огромной площади, передъ лаврой, устроенъ былъ эшафотъ, состоящій изъ деревяннаго помоста, возвышеннаго отъ земли на человѣческій ростъ, такъ что виденъ былъ со всѣхъ сторонъ. По угламъ эшафота были утверждены столбы, соединенные между собой перекладинами, въ серединѣ которыхъ висѣли роковыя петли. На эшафотъ вела лѣстница. Все это было окрашено въ черный цвѣтъ. На каждой сторонѣ эшафота были вырыты ямы—могилы, долженствующія принять въ себя жертвъ правосудія. Для исполненія обряда въшпанія былъ нарочно выписанъ изъ Варшавы палачъ съ его помощниками, такъ какъ въ то время Россія не имѣла еще палачей для смертной казни.

Наканунѣ дня, назначеннаго для казни, жители города были извѣщены съ барабаннымъ боемъ, что назавтра, въ 7 часовъ утра, должна совершиться кара правосудія надъ преступниками.

Къ назначенному времени войска окружили эшафотъ, построясь въ карре. Мы встали въ середину, а за войскомъ помѣстилось несмѣтное число разнаго пола лицъ, между ними виднѣлись дамы, очень прилично одѣтыя.

Утро было пасмурное, какъ бы подстать къ готовящемуся зрѣлищу. Ровно въ 7 часовъ раздался первый ударъ колокола, нѣсколько времени спустя другой, тамъ третій и т. д. съ промежутками, какъ бы на похоронахъ. Растворились ворота крѣпости, показалась печальная процессія. Впереди ѣхали жандармы съ палашами наголо, за ними слѣдовали: церковный служитель, несшій въ рукахъ распятіе, за крестомъ—ксендзъ въ полномъ облаченіи, предшествуя четверемъ преступникамъ, по два въ рядъ, одѣтымъ въ длинные саваны. Шестіе замыкали снова верховые жандармы съ обнаженными палашами въ рукахъ. Когда процессія, двигаясь медленнымъ шагомъ, приблизилась къ намъ, всѣ мы невольно сняли шляпы. Войска взяли ружья «на караулъ», и преступникамъ, въ виду эшафота, аудиторъ прочелъ ихъ приговоръ. Осужденные, каждый по одиночкѣ, подходили къ распятію и, сдѣлавъ крестъ, цѣловали его. Потомъ помощники палача брали ихъ подъ руки и вводили на эшафотъ, гдѣ принималъ ихъ самъ палачъ, въ красной рубахѣ, съ засученными рукавами и въ фартукѣ. По мѣрѣ того какъ преступники подымались на эшафотъ, палачъ длинными рукавами ихъ савановъ связывалъ имъ руки назадъ, завязывалъ глаза и въ такомъ видѣ ставилъ ихъ на скамеечку и накидывалъ на шею петлю. Я зналъ очень хорошо, что за угломъ прилегающей къ площади улицы стоялъ верхомъ на лошади адъютантъ Бибикова, долженствовавшій въ данную минуту появиться съ отмѣной смертной казни; я былъ вполне увѣренъ, что она не совершится, но, признаюсь, при видѣ всѣхъ этихъ приготовленій, сильно жалось у меня сердце. «Мурашки» безпрестанно пробѣгали у меня по спинѣ, самъ я чего-то боялся, хотя взоръ, подстрекае-

мый любопытствомъ, ни на минуту не отрывался отъ предстоящаго зрѣлища. Наконецъ и на послѣдняго, четвертаго преступника была накинута петля, спустился палачъ, и оставалось только отдернуть изъ-подъ ногъ скамейки, и осужденные повисли бы на воздухѣ въ предсмертныхъ корчахъ... Въ эту страшную минуту показался скачущій адъютантъ и, махая въ рукахъ бумагой, издали кричалъ: «Остановитесь! Остановитесь!» Въѣхавъ въ карре, онъ подаль бумагу аудитору, который громко прочелъ ея содержаніе, выше мной приведенное. Я вздохнулъ какъ-то свободнѣе.

Одинъ изъ осужденныхъ именно мой пріятель—докторъ Бопрэ, котораго я арестовалъ въ Кременцѣ, выслушавъ новый приговоръ и стоя на скамейкѣ съ петлей на шеѣ, чистымъ русскимъ языкомъ, незнаніемъ котораго онъ дотолѣ постоянно отговаривался, закричалъ:

— Что жъ? Русскій царь комедіи вздумалъ съ нами играть?..

Но тотчасъ же было отдано приказаніе забить въ барабаны, и дальнѣйшихъ его словъ за шумомъ нельзя было разслышать.

Вскорѣ послѣ арестованія Прушинскаго губернаторъ поручилъ мнѣ управленіе своей секретной канцеляріей. Подъ моимъ вѣдѣніемъ были три отдѣленія или стола: секретный, духовныхъ исповѣданій и паспортный (заграничный) съ надлежащимъ числомъ чиновниковъ. Кромѣ того, я велъ личную переписку губернатора, такъ сказать, кабинетную, конфиденціальную, о существованіи которой никто изъ служащихъ въ канцеляріи не зналъ. Въ мое же распоряженіе отпускались ежегодно 30 тысячъ рублей ассигнаціями для платы вознагражденія шпионамъ и за другія услуги, требовавшія особой распорядительности и расторопности. Къ тому еще бывали командировки и разъѣзды съ губернаторомъ по губерніи. Все это много брало у меня времени, и я старался сколько могъ выѣзжать на моихъ столоначальникахъ. Но не всѣ дѣла можно было поручить имъ; много еще оставалось и на моихъ рукахъ. Болѣе всего мнѣ надоѣдала выдача паспортовъ на выѣздъ за границу. Тамошніе помѣщики считали для себя экономическимъ годомъ тотъ, который они могли прожить за границей, говоря, и весьма справедливо, что на Волини они должны поддерживать честь своей знатной фамилии и входить въ расходы, которыхъ не сдѣлаютъ за границей, проживая въ неизвѣстности. Поэтому они весьма часто обращались къ губернатору о выдачѣ имъ паспорта, но не всѣ могли пользоваться этимъ правомъ. Многіе изъ нихъ были записаны въ «книгѣ животныхъ», какъ я называлъ ее, то-есть состояли подъ тайнымъ надзоромъ полиціи или по неблагонадежности своихъ политическихъ убѣжденій въ видахъ русскаго правительства или по подозрѣнію въ сношеніи съ выходцами и эмиссарами и въ доставленіи имъ денежныхъ средствъ для существованія или поддержки пропаганды. Каждая просьба о выдачѣ паспорта посту-

пала ко мнѣ; по алфавиту «книги» я отыскивалъ фамилію просителя и, смотря по отмѣткѣ, какая сдѣлана, или выдавался паспортъ, или прошеніе оставалось безъ всякихъ послѣдствій.

Занимая такое мѣсто, я часто подвергался разнаго рода искушеніямъ, которыя бѣсили меня, но нисколько не избавляли отъ непріятностей. Такъ сильно вкоренилось убѣжденіе въ мѣстныхъ жителяхъ о продажности русскихъ чиновниковъ. Между многими случаями приведу здѣсь одинъ. Князь Радзивиллъ какъ-то «пронюхалъ», что ведется тайная переписка о переводѣ Ануфріевской ярмарки изъ его мѣстечка Бердичева въ Кіевъ. Такое предположеніе правительства окончательно его разоряло. Радзивиллъ обратился ко мнѣ съ просьбой показать ему эту переписку, при чемъ осмѣлился предложить значительную сумму вознагражденія. Отвергнутый съ презрѣніемъ, онъ хладнокровно сказалъ:

— Напрасно горячитесь, молодой человѣкъ. Мнѣ стоитъ только съѣздить въ Петербургъ, и я буду имѣть въ копіяхъ всю вашу переписку, которой вы придаете такое важное значеніе.

— Такъ поѣзжайте въ Петербургъ и ищите тамъ добрыхъ людей, а здѣсь я не позволю вамъ оскорблять меня подкупомъ и сегодня же расскажу губернатору о вашемъ гнусномъ предложеніи.

Затѣмъ, повернувшись къ нему спиной, вышелъ съ квартиры, хлопнувъ дверью.

Каково же было мое удивленіе, когда, нѣсколько времени спустя, князь Радзивиллъ, возвратившись изъ Петербурга, показалъ мнѣ дѣйствительно всю нашу секретную переписку въ вѣрныхъ копіяхъ! Какъ онъ добился этого,—его тайна.

XXXIII.

Ревизія Волынской губерніи губернаторомъ Лашкаревымъ.—Житомиръ.—Ровно.—Мѣстечко Мижирели и доминиканскій монастырь.—Луцкъ.—Заславъ.—Мѣстечко Славута.—Участіе молодого кн. Сангушки въ польскомъ повстаніи 1830 г.—Его служба на Кавказѣ.—Мое знакомство съ кн. Сангушками.—Мѣстечко Вишневецъ.—Мѣстечко Романово и его владѣлецъ гр. Иллиньскій.—Чудачества гр. Иллиньскаго.—Этимологія слова «Волынь».—Житомирскій уѣздный предводитель дворянства Прушинскій и охота на вепря въ его имѣніи.—Контрабанда въ Бордичевѣ.—Справедливость доноса на городничаго, подполковника Кильчевскаго.

Лашкаревъ приступилъ къ ревизіи губерніи и началъ съ присутственныхъ мѣстъ Житомира.

По принятому выше порядку описанія городовъ Волынской губерніи скажу въ очень немногихъ словахъ о самомъ Житомирѣ и дополню свѣдѣнія о немъ къ прежде сообщеннымъ.

Житомиръ названіемъ своимъ обязанъ когда-то бывшему здѣсь значительному складу хлѣбныхъ запасовъ. По-польски *zyto* означаетъ хлѣбъ, *miejsze młra*; все вмѣстѣ—Житомиръ.

Житомиръ стоитъ при впаденіи рѣки Каменки въ рѣку Тетевъ, берега которыхъ состоятъ изъ гранитныхъ скалъ, въ которыхъ находятся граниты иногда довольно значительной величины.

Въ Житомирѣ прекратилась для меня всякая связь съ Россіей. Нравы, обычаи, жизнь—все не походило на то, что я оставилъ въ великороссійскихъ губерніяхъ, даже самая администрація была не та: такъ въ здѣшнихъ присутственныхъ мѣстахъ дѣйствовалъ еще «Литовскій статутъ» вмѣсто нашего «свода законовъ». Русскій языкъ рѣдко можно было услышать. Высшее общество говорило или по-польски, или по-французски. Денежные расчеты производились на польскіе злоты (15 коп. сер.). Нашъ серебряный рубль назывался монета, золотой полуимперіаль, карбованецъ. На перекресткахъ дорогъ большихъ и малыхъ или вблизи селеній вмѣсто нашихъ часовенъ стояли деревянные кресты, нѣсколькихъ саженъ вышины. На крестахъ ниже къ подножью были прибиты миніатюрные рѣзные изъ дерева: молотокъ, клещи, гвозди, лѣстница, копьѣ, губка, дощечка съ 30-ю круглыми впадинками, изображавшими собой 30 сребрениковъ, полученныхъ Иудой за свое предательство. Работа этихъ предметовъ иногда замѣчательна была своей изящной отдѣлкой.

Кончивъ ревизію Житомира, Лашкаревъ поѣхалъ съ той же цѣлью по другимъ уѣздамъ губерніи, взявъ меня съ собой, и я могъ видѣть тѣ достопримѣчательные города и мѣстечки, въ которыхъ не былъ съ Масловымъ.

Первый незнакомый для меня уѣздный городъ былъ Ровно. Преданіе говоритъ, что король польскій, Станиславъ-Августъ, охотясь на звѣрей въ здѣшнихъ мѣстахъ, тогда еще покрытыхъ лѣсами, обратился съ вопросомъ къ сопровождавшему его, въ числѣ многочисленной свиты, князю Любомирскому:

— Много ли у тебя мѣстечекъ?

— Девяносто девять.

— Дарю тебѣ это мѣсто, съ тѣмъ чтобы ты устроилъ здѣсь еще городъ, тогда у тебя будетъ ровно сто.

Слово это послужило названіемъ города.

Ровно, какъ новый городъ, не представляетъ собой никакого историческаго значенія. Въ немъ помѣщались: Ровенская мужская гимназія и великолѣпно выстроенный палацъ (домъ владѣльца).

Въ Ровенскомъ уѣздѣ находится мѣстечко Мижирели, принадлежащее графу Менжинскому.

Въ мѣстечкѣ находится доминиканскій монастырь, построенный на мѣстности, состоящей изъ мѣлового грунта. Въ склепѣ монастыря покоится очень много неистлѣвшихъ тѣлъ. Между ними особенно замѣчательно тѣло одного монаха, въ жизни имѣвшего, какъ видно, тучность. Значительно выпучившійся животъ его представляетъ собой необыкновенное явленіе: онъ подается подъ давле-

ніемъ на него руки, а по отнятіи ея, волнуясь, приходитъ опять въ прежнѣе положеніе. Монахъ этотъ тогда (въ 1839 г.) былъ умершій лѣтъ 40 тому назадъ.

Городъ Луцкъ расположенъ на возвышенной мѣстности, оканчивающейся обрывомъ къ рѣкѣ Стырь. На самомъ обрывѣ построены замокъ, основаніемъ которому служить каменная стѣна, выведенная отъ самой рѣки. Въ образовавшемся подземельѣ были устроены конюшни, теперь пустыя, но въ которыхъ свободно можно помѣстить кавалерійскій полкъ въ полномъ его составѣ. Городъ и замокъ принадлежатъ князю Любомирскому. Въ Луцкѣ до 1840 года имѣлъ свое мѣстопробываніе католическій бискупъ—достоинство, равняющееся сану нашего архіерея—Михаилъ Пивницкій, очень почтенный старецъ.

Изъ Луцка переѣхали во Владимиръ. Здѣсь снова пахнуло на меня древней Русью.

Городъ Заславъ рѣчка раздѣляетъ на двѣ части, на противоположныхъ берегахъ которой построены палацы, принадлежавшіе во время владычества здѣсь Польши двумъ роднымъ братьямъ, князьямъ Сангушко, бывшимъ между собой во враждѣ. Распря между ними доходила до страшныхъ размѣровъ. Если одинъ братъ видѣлъ, что къ другому съѣхались гости, то, выждавъ время обѣда, когда все сидѣли за столомъ, изъ пушки, вкаченной въ окно, стрѣляли въ гостей брата картечью, посылая имъ вмѣсто десерта чугуныя яблоки. Другой братъ въ свою очередь не оставался въ долгу и платилъ тѣмъ же и при тѣхъ же условіяхъ. Стѣны палацовъ и по сіе время носятъ на себѣ слѣды ядеръ и картечи.

Въ Заславскомъ уѣздѣ замѣчательны: мѣстечко Славута, въ которомъ жилъ въ мое время старикъ князь Сангушко, владѣтель не только Заслава и всего уѣзда, но 150 тысячъ душъ, принадлежавшихъ ему трехъ государствахъ: Россіи, Австріи и Пруссіи, иначе говоря, на Вольни, въ Галиціи и Познани. Князь Сангушко имѣлъ у себя единственного сына и его дочь, свою внучку. Судьба его сына можетъ служить примѣромъ, что и въ желѣзное царствованіе Николая деньги дѣлали свое дѣло.

Князь Сангушко (молодой) служилъ въ нашихъ кавалергардахъ и передъ польскою революціей 1830 г., получивъ отпускъ, прибылъ къ отцу въ мѣстечко Славуту. Принявъ дѣятельное участіе въ возстаніи, онъ съ оружіемъ въ рукахъ былъ взятъ въ плѣнъ. Съ людьми подобнаго рода не церемонились; обыкновенно ихъ разстрѣливали черезъ 24 часа. Но князь Сангушко по состоянію своему выходилъ изъ ряда обыкновенныхъ людей, а потому и не подлежалъ обыкновенному порядку. Представили государю, что мятежникъ князь Сангушко принялъ участіе въ революціи безсознательно. Незадолго до того, потерявъ нѣжно любимую, молодую

свою жену, Сангушко пришелъ въ отчаяніе, желалъ себѣ смерти, но, какъ истинный христіанинъ, не рѣшался наложить самъ на себя руки. Въ такомъ растерянномъ положеніи ему поляки предложили принять участіе въ мятежѣ, и онъ не размышляя принялъ предложеніе, какъ онъ бы принялъ такое и отъ русскихъ. Въ томъ и другомъ предложеніи онъ видѣлъ возможность прекратить тягостные дни своей жизни, не имѣя въ виду и не понимая другой, политической, цѣли. Однако, такое невѣдѣніе не помѣшало ему сильно защищать свою жизнь и убить двухъ русскихъ, прежде чѣмъ онъ былъ обезоруженъ. Такой изворотъ дѣла, въ которомъ главную роль играло душевное и умственное разстройство, послужилъ спасеніемъ Сангушки отъ смерти, но не отъ солдатства. Разжалованный въ рядовые, онъ былъ посланъ на Кавказъ выслуживать свои эполеты. На Кавказѣ для желающаго найти смерть представляется тысяча случаевъ, но князь Сангушко, вѣроятно, какъ истинный христіанинъ, и въ самомъ намѣреніи находилъ грѣхъ. Какъ бы то ни было, только въ 1840 г. молодой князь Сангушко прибылъ въ Волынскую губернію офицеромъ какого-то пѣхотнаго полка и былъ уволенъ на минеральныя воды мѣстечка Шепетовки въ Заславскомъ уѣздѣ, до излѣченія болѣзней, полученныхъ имъ въ походахъ по кавказскимъ горамъ.

Замѣчательно, что все огромное состояніе князя Сангушки оказалось числящимся за его отцомъ, а самъ кавалергардскій офицеръ никакой собственности у себя не имѣлъ, почему оно и не было конфисковано въ казну, такъ какъ не было доказано, что старикъ Сангушко принималъ участіе въ возстаніи.

Я нѣсколько разъ бывалъ въ Славутѣ и видалъ обоихъ князей Сангушекъ. Сынъ съ очами, воздѣтыми къ небу, и рукой, прижатой къ сердцу, — со всѣми примѣтами іезуита, — рассказывалъ мнѣ «о неизреченной къ нему милости государя и о томъ глубокомъ раскаяніи, которому онъ постоянно преданъ за свой необдуманный поступокъ».

Въ Славутѣ замѣчательны по своимъ обширнымъ производствамъ фабрики: суконная и писчебумажная, но въ особенности — заводъ лошадей чистокровной арабской породы. Извѣстно, что арабъ скорѣе разстанется съ жизнію, чѣмъ съ лошадыю, и потому имѣть настоящихъ арабскихъ лошадей очень трудно. У Сангушки постоянно живетъ въ Аравіи довѣренное лицо, которое не щадитъ издержекъ, чтобы подкупать араба красть лошадей у другихъ племенъ; и такимъ способомъ, хотя и рѣдко, но Сангушко имѣетъ этихъ умныхъ животныхъ, рѣзвыхъ и быстрыхъ, какъ вѣтеръ.

Конюшни отдѣланы великолѣпно; вездѣ мраморъ и бронза; провѣтриваются особо устроеннымъ вентиляторомъ, вода для поила проведена тутъ же. Чистота необыкновенная; нигдѣ не увидишь ни сору, ни пылинки, — чище, чѣмъ въ домахъ другихъ богатыхъ помѣщиковъ.

Огромный двухэтажный палацъ отличается своимъ богатствомъ и изящной отдѣлкой. Вездѣ виденъ утонченный вкусъ просвѣщеннаго человѣка. Во второй этажъ ведутъ два хода: одинъ—обыкновенная лѣстница, другой — пологій помостъ, по которому вводятъ лошадей, такъ какъ старикъ князь отъ подагры лишился употребленія ногъ. Въ первый приѣздъ мой Сангушко, желая показать мнѣ только что приведенную изъ Аравіи лошадь, по его словамъ, «перлъ совершенства», приказалъ по этому помосту ввести ее въ залъ. Не знаю почему, не видя нигдѣ арабскихъ лошадей, я составилъ о нихъ понятіе, что всѣ онѣ должны быть вороной масти. Какъ же я удивился, когда ввели лошадь совершенно бѣлую, съ маленькой головкой, буквально розовыми ноздрями и черными глазами, умно смотрѣвшими. Небольшой корпусъ тѣла держался на тонкихъ, сухихъ ногахъ. Лошадь была дѣйствительно картинка. Я не любитель, но заглядѣлся на ея красивыя, пропорціональныя стати. Въ 1840 году, во время проѣзда императора Николая съ наслѣдникомъ черезъ Кіевъ, Бибиковъ, желая угодить наслѣднику, послалъ сказать князю Сангушкѣ, чтобъ онъ продалъ свой «перлъ совершенства». Сангушко съ достоинствомъ отвѣтилъ, что онъ лошадьми не торгуетъ, а почтетъ себя очень счастливымъ, если наслѣдникъ престола удостоитъ принять отъ него въ даръ лучшую изъ его лошадей. Такое предложеніе нашли неумѣстнымъ, и всякій остался при своемъ.

Къ палацу прилегалъ огромный паркъ, наполненный разными дикими животными: кабанами, лосями, газелями, волками, лисицами, зайцами и т. п. Старикъ князь иногда вспоминалъ свою молодость, охотился, но охота эта была преоригинальная; на одной изъ нихъ я участвовалъ. Кресла, на которыхъ спускали со второго этажа и ввозили въ паркъ подагрика, становились на опредѣленное мѣсто, куда ловчіе и доѣзжачіе должны были поставить звѣря. Сангушкѣ давали въ руки его любимое ружье, а за кресломъ становился отличный стрѣлокъ, не дающій промаха. При видѣ звѣря, Сангушко своими дрожащими руками прицѣливался и спускалъ курокъ: животное падало, и старикъ приходилъ въ восторгъ, хватаясь вѣрностью глаза и прицѣла. Изъ приличія всѣ восхищались его стрѣльбой, хотя видѣли, что егерь, стоявшій за кресломъ, сторожилъ мгновеніе выстрѣла своего барина и спускалъ курокъ въ одно съ нимъ время, такъ что два выстрѣла сливались въ одинъ, и когда пуля Сангушки терялась въ пространствѣ, пуля егеря поражала жертву. Старость, легко поддаваясь обману, имѣетъ тѣ же свои ребяческія заблужденія и радости!..

Въ мѣстечкѣ Вишневецѣ, принадлежащемъ князю Вишневецкому, находится старинный замокъ, хорошо сохранившійся со своими рвами, подъемными мостами и бойницами. Къ замку ведетъ длинная густо насаженная деревьями аллея. Внѣтри замка мы вѣхали

на такъ называемый «почетный» дворъ и вышли въ обширныя съ стрѣльчатыми сводами сѣни, вступивъ такимъ образомъ въ область старины и исторіи. Направо отъ лѣстницы, ведущей въ верхній этажъ, намъ показали небольшую комнату съ голыми стѣнами въ одно окно. Въ комнатѣ стояли деревянные, грубой работы, столъ, скамья и кровать, на которой по преданію Гришка Отрепьевъ, первый лже-Димитрій, служа конюхомъ у князя Вишневецкаго, прадѣда настоящаго владѣльца, притворившись умирающимъ, вручилъ исповѣдывающему его іезуиту рукопись. Въ этой рукописи конюхъ называлъ себя царевичемъ Димитріемъ, чудомъ спасшимся въ Угличѣ отъ ножа убійцы: Витяговскаго и Качалова.

Въ замкѣ, несмотря на продолжительное отсутствіе владѣльца, тщательно сохраняются: огромная бібліотека, значительное собраніе образцовыхъ картинъ и портретная галлерей съ изображеніями отдаленныхъ предковъ.

О городѣ Ковлѣ у меня не осталось никакихъ историческихъ воспоминаній, да едва ли онъ ихъ имѣетъ, какъ городъ новый.

Мѣстечко Романово, принадлежавшее графу Иллинскому, замѣчательно, какъ по своему владѣльцу, такъ и по постройкѣ его дома.

Графъ Иллинскій, высокій, сухой старикъ, долго служилъ при нашемъ дворѣ и былъ извѣстный любимецъ императора Павла. Отличался своимъ оригинальнымъ образомъ жизни. У него одинъ день принадлежалъ Богу, другой—людямъ. Въ день, посвященный Богу, онъ запирался въ своей комнатѣ, и его никто не могъ видѣть; слѣдующій день «отдавался» своему семейству, состоящему изъ двухъ сыновей, изъ которыхъ старшій, Янушъ (Иванъ), былъ въ мое время губернскимъ предводителемъ дворянства. Тогда онъ принималъ посѣтителей, велъ съ ними интересныя разговоры о старинѣ и всемъ имъ видѣннымъ и испытанномъ. И того и другого онъ много имѣлъ въ свою продолжительную жизнь, богатую разными приключеніями. На слѣдующій день вновь дѣлался невидимъ, тамъ опять «показывался», и такимъ порядкомъ онъ изжилъ свои дни до самой смерти. Самое названіе мѣстечка Романова, состоявшее изъ двухъ латинскихъ словъ: Roma—nova, показываетъ претензіи походить на Римъ. Дѣйствительно планъ и фасадъ палаца былъ расположенъ по образцу Ватикана въ Римѣ, только, разумѣется, въ мелкихъ размѣрахъ; въ немъ не было тѣхъ тысячи комнатъ, изъ которыхъ состоитъ настоящій Ватиканъ, но своимъ наружнымъ видомъ напоминаетъ его.

Въ срединѣ зданія помѣщалась домовая католическая церковь, богато украшенная; но особую его драгоцѣнность составляли мощи какой-то католической святой. Мощи эти были похищены графомъ Иллинскимъ во время одного изъ многочисленныхъ его путешествій по Италіи. За нимъ была послана погоня, но въ то время

не были еще устроены телеграфы, и Иллиньскій, благодаря щедро раздаваемому золоту, успѣлъ съ своей драгоцѣнной ношей благополучно добраться до мѣста, иначе онъ бы не миновалъ висѣлицы, какъ церковный тать... Мощи эти поразили меня своимъ наружнымъ видомъ: лицо облито тонкимъ слоемъ воска и раскрашено подъ цвѣтъ живого лица съ румянцемъ на щекахъ. Онѣ покоятся въ стеклянномъ ящикѣ, устроенномъ подъ престоломъ.

Другую замѣчательность представляетъ спальня хозяина. Императоръ Павелъ, при восшествіи своемъ на престолъ, подарилъ Иллиньскому мебель изъ своей гатчинской спальни. Въ Романовѣ Иллиньскій устроилъ свою спальню по образцу и размѣрамъ царственной спальни въ Гатчинѣ и подаренную мебель разставилъ въ томъ же порядкѣ, какъ она стояла у Павла. Всякая вещь привинчена къ полу, чтобы нельзя было не только переставить ее на другое мѣсто, но даже дать ей другое положеніе, чѣмъ то, которое она занимала. При домѣ богатая библіотека, картинная и портретная галлерей, собраніе древняго вооруженія и проч.

Само собой разумѣется, что всѣ эти достопримѣчательныя мѣста я осмотрѣлъ не въ одинъ разъ, но въ нѣсколько поѣздокъ.

Здѣсь, чтобы покончить съ историческимъ описаніемъ края, упомяну о самомъ названіи Волыни.

Названіе Волынь подало поводъ историкамъ и изслѣдователямъ старины ко многимъ предположеніямъ; такъ, Несторъ говоритъ, что древніе народы въ Россіи, бужане и дулебы, назывались волыняне, т. е., въ 1018 году, когда Болеславъ Храбрый разбилъ Ярослава I (см. Строева, Лѣтопись, I, 107, и Энциклоп. лекс. Плюшара). Польскій историкъ Стрыйковскій удостовѣряетъ, что первые обитатели здѣшняго края пришли сюда изъ-за Волги и, желая удержать названіе рѣки, назвали сторону Волгинію. Другой историкъ, Паньини, тоже подтверждаетъ, но оба они забыли, что рѣка Волга въ древности называлась Ра. Руссовъ, въ своихъ запискахъ, основываясь на иностранномъ правописаніи (по-польски: Volhyn, по-французски — Volhynie), названіе края производитъ отъ двухъ словъ: волъ и гинь (по-малороссійски означающее гонъ), потому что мѣстные жители всѣ свои продукты перевозятъ на волахъ.

Вѣроятно же всего, что край получилъ свое названіе отъ города Волыня, нынѣ не существующаго, который, по свидѣтельству Длугоша (I, 18), находился на мѣстѣ нынѣшняго селенія Грудекъ, при устьѣ рѣки Гучавы въ Люблинскомъ воеводствѣ.

Пришла осень теплая и сухая. На Волыни сентябрьскія ночи бываютъ такъ прозрачны, такъ свѣтлы, что на улицѣ при лунѣ можно читать письмо мелкаго почерка.

Житомирскій уѣздный предводитель дворянства устроилъ охоту на вепря или дикаго кабана. Но прежде чѣмъ буду говорить объ

охотѣ, скажу нѣсколько словъ о личности Прушинскаго. Въ молодыхъ своихъ лѣтахъ онъ долженъ былъ бѣжать за границу вслѣдствіе дуэли. Поводомъ къ дуэли послужило, что одинъ изъ помѣщиковъ оскорбилъ отца Прушинскаго. Старикъ, несмотря на свои преклонныя лѣта, вызвалъ на дуэль своего оскорбителя; сынъ изъ опасенія, что отецъ будетъ убитъ, такъ какъ не могъ уже твердо держать оружіе въ рукахъ, не допустилъ совершиться дуэли. Не говоря ни слова отцу, молодой Прушинскій, предупредивъ срокъ роковой встрѣчи, поѣхалъ къ противнику его отца, вызвалъ его въ свою очередь на дуэль и убилъ наповалъ. Царствомъ Польскимъ управлялъ въ то время великій князь Константинъ Павловичъ, не шутившій съ дуэлистами, особливо, когда исходъ дуэли былъ смертельный. Прушинскій, чтобы избѣжать рудниковъ Сибири, бѣжалъ въ Грецію, гдѣ въ то время былъ полный разгаръ инсуррекціоннаго движенія для освобожденія грековъ изъ-подъ власти турокъ. Имѣя рекомендательное письмо къ предводителю возстанія, Ипсиланти, Прушинскій явился къ нему, участвовалъ во всѣхъ битвахъ за независимость; при осадѣ Миссолунги дрался бокъ-о-бокъ съ извѣстнымъ англійскимъ поэтомъ, лордомъ Байрономъ, похоронилъ его, когда тотъ умеръ вслѣдствіе изнурительной лихорадки. За отличіе при Миссолунги Прушинскій получилъ крестъ Св. Спасителя. По окончаніи войны Ипсиланти, черезъ посредство графа Капо д'Истрія, испросилъ у императора Александра I полное прощеніе Прушинскому съ правомъ свободно возвратиться на родину. Эгожь-то герой и пригласилъ меня участвовать въ охотѣ, которая для меня въ особенности была занимательна по своей новизнѣ, такъ какъ я до того времени видѣлъ дикихъ кабановъ только на картинкахъ.

Охота эта не безопасна и иногда сопровождается печальными послѣдствіями.

Вепри, какъ извѣстно, живутъ семействами въ трупцахъ и мѣстахъ, трудно доступныхъ, имѣютъ обыкновеніе ходить на водопой одной и той же тропкой, которую они сами же пробиваютъ, такъ какъ имѣютъ обыкновеніе всегда ходить гуськомъ, одинъ за другимъ. Охотники, найдя тропку, спиливаютъ около нея всѣ деревья аршина на полтора отъ земли. При изобиліи лѣсовъ такое истребленіе лѣса и не замѣтно. На Волыни можно встрѣтить лѣса «дѣвственные», гдѣ не были ни топоръ, ни нога человѣка, есть лѣса столь частые, что дерево, сломанное бурей, гниетъ на корню по неимѣнію мѣста, куда упасть. Притомъ отпиленные для охоты на кабана деревья, если позволяетъ мѣстность, убираются и рубятся на дрова.

На такихъ спиленныхъ пенкахъ становятся охотники въ совершенной безопасности, потому что звѣрь, по устройству своего тѣла, не можетъ ни влѣзть на пенекъ, ни вспрыгнуть на него;

пока кабанъ клыками своими роетъ корень пня, чтобы свалить его, самый плохой стрѣлокъ на такомъ близкомъ разстояніи непременно убьетъ его. Но не такъ бываютъ обезпечены въ своей безопасности загонщики, которые съ собаками поднимаютъ звѣря съ его логовища. Я былъ свидѣтелемъ, какъ одинъ изъ загонщиковъ за свою отвагу заплатилъ смертью. Загонщикъ безъ всякой предосторожности шелъ мимо куста, за которымъ невидимо для него лежалъ кабанъ. Звѣрь, вскочивъ съ своего мѣста, въ одно мгновеніе свалилъ его подъ себя, такъ что тотъ не успѣлъ даже выхватить кинжалъ. Все это происходило въ виду всѣхъ насъ, но мы не могли стрѣлять по кабану, опасаясь убить лежащаго подъ нимъ человѣка. Прежде чѣмъ товарищи несчастнаго успѣли подбѣжать и сбить съ него разсвирѣпѣвшаго звѣря, онъ буквально вспахалъ ему спину своими клыками. Несчастный, послѣ краткихъ, но страшныхъ мученій, умеръ тутъ же на мѣстѣ.

Охота наша началась тѣмъ, что, пріѣхавъ на указанное мѣсто, мы съ заряженными ружьями и съ запасомъ пуль и пороху встали каждый на свой пенекъ.

Загонщики, вооруженные кинжалами и рогатинами, съ трещотками въ рукахъ и имѣя около себя по нѣсколько собакъ особой гончей породы, приспособленныхъ на травлю кабановъ, отправились къ мѣсту, гдѣ по признакамъ должны были находиться кабаны. Вскорѣ густой лѣсъ скрылъ ихъ отъ нашихъ глазъ. Въ ожиданіи появленія звѣря охотники, стоя на пенькахъ, вели между собой веселую бесѣду. Я одинъ молчалъ съ напряженіемъ всматриваясь въ даль, при чемъ сердце у меня стучало сильно въ груди; но вотъ раздались звуки трещотокъ, потомъ лай собакъ. Лай приближался къ намъ все ближе и ближе. Мой сосѣдъ по пеньку объяснилъ мнѣ, что «гонять звѣря», и надо изготавиться. Въ одно мгновеніе всѣ разговоры прекратились... лай все ближе и ближе. Стали различать визгъ собакъ; эти, слишкомъ смѣлые, наскочивъ на кабана, получали отъ него ударъ клыка... Наконецъ послышался трескъ сухого валежника, и вотъ два кабана съ двумя самками показались на тропинкѣ. Между ними, у ногъ, бѣжали двое или трое молодыхъ поросятъ. Ближайшій охотникъ выстрѣлилъ, за нимъ другой, тамъ слѣдующій, и лѣсъ огласился звуками выстрѣловъ. Иногда раненый кабанъ бѣжитъ далѣе по тропкѣ, но чаще бываетъ, что онъ вернется и непременно къ охотнику, его ранившему, какъ бы замѣтивъ своего врага. Пока кабанъ стучитъ клыками о корни пня, охотникъ прехладнокровно заряжаетъ свое ружье и посылаетъ новую пулю или въ лобъ, или въ ухо, или въ лѣвую переднюю лопатку. Только раны въ эти мѣста бываютъ смертельны для звѣря; пуля, задѣвшая другую часть тѣла, попадаетъ, какъ въ подушку, не причиняя звѣрю никакого вреда. Случалось въ убитомъ кабанѣ находить старыхъ

5—6 пуль, заплывшихъ въ его жирѣ. Я пропустилъ мимо себя двухъ кабановъ, не сдѣлавъ по нимъ ни одного выстрѣла. Все вниманіе мое было устремлено на происходившее вокругъ меня, и я смотрѣлъ, какъ убиваютъ другіе, а своихъ—пропустилъ; но они не ушли отъ ожидавшей ихъ участи. Слѣдующіе за мной охотники положили ихъ на мѣстѣ. Въ первый разъ я не стрѣлялъ, но зато послѣ, когда мы поѣхали на другое, открытое мѣсто, мнѣ удалось подстрѣлить дикую козу. Преслѣдуемая собаками, коза выскочила изъ кустовъ, припрыгивая всѣми четырьмя своими ногами. Я прицѣлился, выстрѣлилъ—и коза съ перешибленной ногой осталась на мѣстѣ. Съ восторгомъ я подбѣжалъ къ своей добычѣ, но радость моя смѣнилась на горе, когда я взглянулъ въ глаза лани; изъ ихъ чуднаго очертанія и красиваго, мягкаго взгляда текли слезы... у меня сжалось сердце отъ жалости. Съ тѣхъ поръ далъ себѣ слово никогда болѣе не стрѣлять по сернамъ и сдержалъ его. Мнѣ часто приходилось быть на охотѣ, стрѣлялъ и хладнокровно убивалъ вепря, но при видѣ скачущей серны опускалъ ружье. Записные охотники смѣялись надъ такой моей чувствительностью, но я находилъ и такихъ, которые мнѣ вполне сочувствовали и, пораженные, какъ и я, жалостливымъ взглядомъ и слезами раненой серны и прочтя въ немъ какъ бы укоръ, никогда не стрѣляли по нимъ.

Мои восторги первой охоты на вепря закончились самымъ прозаическимъ образомъ. Я получилъ отъ генерала порученіе—открыть въ Бердичевѣ контрабанду.

Контрабандистамъ часто съ товарами удавалось изъ-за границы прокрадываться черезъ три кордона таможенной стражи. Контрабанду преслѣдуютъ до Бердичева, гдѣ всѣ товары какъ бы таяли. Нѣсколько разъ пытались открыть складъ контрабанды, но все напрасно.

Губернаторъ получилъ безымянный доносъ, что будетъ открытъ секретъ исчезновенія контрабанды въ Бердичевѣ, но при непремѣнномъ условіи, чтобы онъ для этого прислалъ своего адъютанта, что только ему (т. е. мнѣ, не правда ли, какое лестное вниманіе?) укажутъ мѣсто склада товаровъ. Для этого я долженъ пріѣхать и остановиться въ Бердичевѣ въ такой-то корчмѣ, гдѣ явится доноситель и все мнѣ откроетъ.

Пріѣхавъ въ Бердичевъ поздно вечеромъ, я остановился въ указанной корчмѣ и только что расположился съ своими вещами, какъ раздался легкій стукъ въ дверь. На мое приглашеніе появилась знакомая фигура фактора самого князя Радзивилла, и, оглядываясь на всѣ стороны, пришедшій скороговоркой объяснилъ, что контрабанда скрывается у городничаго, подполковника Кильчевскаго, въ деревянномъ сараѣ, построенномъ на углу двора и имѣющемъ сзади двойную стѣнку. Въ передней части сарая помѣщались экипажи и всякій

хозяйственный хламъ, а задняя часть выходила на пустырь и имѣла небольшую дверь, искусно замаскированную кустомъ растенія. При этомъ потомокъ Авраама и Исаака просилъ не выдавать его и назначить ему денежную награду. Въ вѣрности его показаній нельзя было ни на минуту усомниться, иначе онъ не показался бы мнѣ. Итакъ, секретъ таянія контрабанды объяснился. Городничій, которому всегда предписывали наблюдать за ввезенной контрабандой, самъ занимался ею. Что же мудренаго, что всѣ старанія открыть ее были тщетны? Впослѣдствіи я узналъ и причину доноса: Кильчевскій за что-то поколотилъ доносчика, а тотъ «съ сердцовъ» все раскрылъ, тѣмъ болѣе, что въ дѣлѣ этомъ были замѣшаны австрійскіе евреи, съ которыми жившіе на Волыни вели непримиримую вражду. На своихъ онъ бы не донесъ.

Утромъ я пригласилъ къ себѣ гласныхъ думы, депутата со стороны владѣльца, нѣсколько человѣкъ понятыхъ и, въ сопровожденіи всего этого сброда, отправился на квартиру, занимаемую городничимъ. Никто еще не зналъ о цѣли моего прихода. Наше «тріумфальное» шествіе привлекло толпу любопытныхъ. Не входя въ комнаты, чтобы всѣ мои дѣйствія и слова были видимы и слышимы всѣми присутствующими, я послалъ позвать ко мнѣ городничаго; но онъ, завидя у себя толпу подъ предводительствомъ губернаторскаго адъютанта, вышелъ ко мнѣ, не дождавшись моего посланнаго.

Все еще не объясняя ему причины моего прихода, я просилъ его отворить мнѣ заднюю дверь сарая. Кильчевскаго замѣтно пере, дернуло въ лицѣ, но, скоро оправившись, онъ спокойно отвѣтилъ: что въ задней стѣнѣ нѣтъ никакой двери.

Тогда я двинулся съ толпой на пустырь и, раздвинувъ кустъ, указалъ городничему на скрытую дверь. Городничій прикинулся удивленнымъ и сталъ отговариваться, что онъ, какъ постоялецъ, и не знаетъ о существованіи этой двери, устроенной, вѣроятно, хозяиномъ дома. Но я, не слушая никакихъ его объясненій, просилъ отпереть дверь, и когда Кильчевскій вновь началъ отговариваться неимѣніемъ ключа, то я, наскучивъ всей этой комедіей, объявилъ, что даю ему четверть часа времени на пріисканіе ключа, и что по истеченіи срока я, въ присутствіи понятыхъ и свидѣтелей, велю выломать дверь. Тогда Кильчевскій, подъ видомъ, что идетъ спросить ключъ у хозяина, направился къ дому; моя свита, доселѣ хранившая глубокое молчаніе, вдругъ загалдѣла. Видно было, что теперь только они догадались, въ чемъ дѣло. Не обращая вниманія на шумъ, я терпѣливо дожидался появленія Кильчевскаго. Съ его приходомъ явился у него въ рукахъ ключъ, щелкнулъ замокъ, отворилась дверь, и мнѣ представился узкій простѣнокъ, отъ полу до потолка уставленный ящиками и тюками. Вскрывъ изъ нихъ 2—3, я удостовѣрился, что въ нихъ сложены разныя вещи и матеріи. Тогда я тутъ же на мѣстѣ составилъ протоколъ всему

происшедшему, счелъ число ящиковъ и тюковъ, заставилъ подписать протоколъ самого Кильчевскаго, потомъ утвердилъ подписью своей и моихъ официальныхъ спутниковъ, заперъ дверь, приложилъ къ ней свою печать, ключъ отдалъ гласному думы, а частному приставу объявилъ именемъ губернатора, что, на время отсутствія городничаго, онъ заступаетъ его мѣсто, при чемъ охраненіе амбара отъ всѣхъ случайностей лежитъ на его личной отвѣтственности; потомъ пригласилъ Кильчевскаго слѣдовать съ собой въ Житомиръ. Кильчевскій просилъ у меня позволенія войти къ себѣ на квартиру, чтобы собраться въ дорогу; въ этомъ я не видѣлъ причины отказать ему и пошелъ съ нимъ вмѣстѣ. Здѣсь я выдержалъ унижительную сцену. Когда мы вошли въ кабинетъ, то Кильчевскій, имѣвшій у себя Анну на шеѣ, упалъ передо мной на колѣни, прося себѣ пощады, при чемъ осмѣлился предложить мнѣ выкупъ. Такое наглое предложеніе взорвало меня окончательно, и я, вмѣсто всякаго отвѣта, позвалъ сотскаго и послалъ его за почтовыми лошадьми. Привезя Кильчевскаго въ Житомиръ и отдавая отчетъ губернатору, я сообщилъ и о предложеніи мнѣ выкупа. Надо было видѣть въ ту минуту Лашкарева. Казалось, глаза у него выпрыгнуть отъ злости. Обиду, нанесенную мнѣ, онъ счелъ за личное для себя оскорбленіе.

XXXIV.

Зима 1839—1840 гг.—Лашкаревъ предлагаетъ мнѣ ѣхать курьеромъ съ дипломатическими депешами въ Константинополь и Аѳины и мой легкомысленный отказъ отъ этого.—Флигель-адъютантъ гр. А. А. Ржевусскій и моя несостоявшаяся поѣздка въ Китай.—Пріѣздъ государя Николая Павловича съ наслѣдникомъ цесаревичемъ Александромъ Николаевичемъ въ Кіевъ и Житомиръ.—Житомирскій гимназистъ, разжалованный въ солдаты, и моя поѣздка въ Москву и Коломну лѣтомъ 1840 г.—Злоупотребленія въ Луцкомъ военномъ госпиталѣ и моя командировка въ Луцкъ по этому дѣлу.—Обѣдъ у луцкаго католическаго «бискупа».—Моя поѣздка въ мѣстечко Боремя, принадлежавшее гр. Чацкому.—Отпускъ въ Казань.

Наступившая зима прошла для меня спокойно; я не имѣлъ ни командировокъ, ни порученій и потому все свободное время отъ занятій по секретной канцеляріи могъ посвятить ухаживанью за своими тремя «граціями».

4-е декабря, день именинъ моей матери, во все время пребыванія моего въ Житомирѣ, я проводилъ въ Кіевѣ. Обыкновенно я пріѣзжалъ туда наканунѣ, стоялъ всю ночь въ Михайловскомъ монастырѣ, гдѣ хранятся мощи св. великомученицы Варвары, на другой день слушалъ тамъ же обѣдню, молебень, и послѣ обѣда возвращался домой. Мощи почиваютъ безъ головы, которая, какъ извѣстно, осталась въ Краковѣ. Вѣрующіе надѣваются на себя вѣнецъ мученицы и исцѣляются отъ головныхъ болей. Раздаютъ

также серебряныя кольца, которыя предварительно лежатъ въ гробу святой.

Наступившій 1840 годъ ознаменовался событіемъ, оставившимъ во мнѣ раскаяніе на всю жизнь.

Въ концѣ февраля я провелъ вечеръ у генерала очень пріятно. Въ 11-омъ часу по обыкновенію разошлись. Придя на квартиру, я раздѣлся и, лежа въ постели, читалъ книгу, какъ вдругъ раздались въ сѣняхъ звонъ шпоръ, звяканье сабли, и явившійся вѣстовой-жандармъ возвѣстилъ, что меня требуетъ къ себѣ генералъ сейчасъ же.

Я очень удивился такому позднему зову, тѣмъ болѣе, что не прошло и часа, какъ я оставилъ генерала. Что же важное могло случиться въ такой промежутокъ времени? Не было еще примѣра, чтобы меня подымали съ постели для командировокъ. Всѣ эти мысли занимали меня, пока я одѣвался и шелъ къ генералу.

Войдя въ кабинетъ, я увидѣлъ Лашкарева съ зеленымъ зонтомъ на глазахъ, сидящаго за кипой бумагъ. Здѣсь кстати скажу, что въ цѣлой губерніи не было такого усерднаго работника-служаки, какъ Лашкаревъ; никто болѣе его не занимался.

Лашкаревъ встрѣтилъ меня вопросомъ:

— Хочешь ѣхать въ Аѣины и Константинополь?

Я вытаращилъ глаза. Въ головѣ у меня мелькнула мысль: «не помѣшался ли мой генералъ?» Какія онъ можетъ имѣть сношенія съ Греціей и Турціей? Усидчивыя занятія нашими офиціальными бумагами, писанными казеннымъ слогомъ, могутъ высушить хоть какіе мозги!

Замѣтивъ мое замѣшательство, Лашкаревъ сказалъ:

— Ты думаешь я съ ума сошелъ? Нѣтъ! Слушай!

И онъ мнѣ рассказалъ.

Только что мы разстались, какъ привезли къ нему изъ Овруча заболѣвшаго фельдъ егеря поручика Сигизмунда. Не дождая Овруча, темной ночью, Сигизмундъ выпрокинулся изъ своей телѣжки и головой ударился о мерзлую кочку; ударъ былъ такъ силенъ, что повредилъ мозгъ, по крайней мѣрѣ, такъ можно было заключить по его несвязнымъ словамъ и дѣйствіямъ: онъ началъ выкидывать депеши и выбрасывать деньги. Овручскій городничій прислалъ его съ квартальнымъ къ губернатору. Фельдъегеря отправили въ военный госпиталь, а изъ бумагъ его увидали, что онъ посланъ былъ къ греческому королю Отгону и къ турецкому султану съ собственноручнымъ письмомъ государя. Нужно было замѣнить кѣмъ нибудь фельдъегеря, и Лашкаревъ, зная мою любознательность, хотѣлъ мнѣ доставить случай побывать въ Аѣинахъ и Константинополѣ.

Объяснивъ все это, генералъ продолжалъ:

— Посланникомъ въ Константинополь мой родственникъ и хорошій пріятель Бутеневъ. Я напишу ему, что, если бы для вру-

ченія султану письма государя потребовалась торжественная аудіенція, то чтобы онъ и тебя помѣстилъ въ свою свиту, тогда ты будешь видѣть всѣ азіатскіе обычаи и пышность тамошнихъ властелиновъ. Но предваряю, ты долженъ будешь ѣхать черезъ Балканы, слѣдовательно сухимъ путемъ.

— Позвольте, ваше превосходительство, подумать до утра.

— Не могу! Даю тебѣ часъ времени: пораздумай и приди сказать.

Возвратившись къ себѣ на квартиру, я началъ ходить изъ угла въ уголъ; мои мозги сильно работали. Меня прельщала и новость предстоящей поѣздки и пугала необыкновенность случая; я думалъ: у насъ въ Россіи случается сбиваться съ дороги, ну, что, если то же случится со мной въ Турціи? Не зная языка, какъ я растолкую этимъ бритымъ башкамъ, что я русскій курьеръ и ѣду въ Константинополь? Конечно, я зналъ, что Константинополь по-турецки называется Стамбуль, но этимъ только и ограничивалось мое знаніе турецкаго языка, а этого было слишкомъ недостаточно! Съ другой стороны—видѣть Грецію, Мараѳонское поле, Термопилы, попирать землю, прославленную въ древности столькими героями: Алкивіадомъ, Леонидомъ и др. Наконецъ небезынтересно взглянуть и на нынѣшнія Аѣны... А тамъ далѣе—Константинополь съ своимъ «Золотымъ Рогомъ», восточными дворцами, кіосками; всмотрѣться въ новую для меня жизнь, нравы, обычаи... Боже мой! сколько соблазна! А теперь, какъ нарочно, ночь! Всѣ спятъ! Не къ кому обратиться, не у кого спросить совѣта!.. Послѣ долгаго, мучительнаго колебанія я рѣшился предоставить судьбѣ, т. е. моему генералу. Войдя къ нему, я сказалъ:

— Ваше превосходительство! Если прикажете, я готовъ ѣхать! Если оставляете на мой произволъ, позвольте остаться!—И съ замيرانіемъ сердца ждалъ его отвѣта, какъ отъ оракула.

Генераль отвѣтилъ:

— Смотри! Не раскайся послѣ! —и отпустилъ меня домой, пославъ съ депешами жандармскаго унтеръ-офицера, но только до Яссы. Тамъ консулъ долженъ былъ распорядиться о доставленіи депешъ по назначенію.

Утромъ я всталъ радостный, веселый, утѣшая себя мыслью, что вышелъ твердымъ изъ сильнаго искушенія. Вскорѣ затѣмъ фельдъегерь Сигизмундъ, получивъ облегченіе, явился къ генералу для выдачи ему свидѣтельства о болѣзни и обратной отправки въ Петербургъ.

Я бросился къ нему съ разспросами, полагая, что въ отвѣтахъ его найду оправданіе моего отказа, но здѣсь я разочаровался еще болѣе. Всѣ мои сомнѣнія и опасенія оказались не существующими, и дѣйствительность показала мнѣ всю неосновательность моихъ разсужденій.

Приведу нашъ разговоръ. Я спрашивалъ Сигизмунда:

— Вы знаете турецкій языкъ?

— Нѣтъ.

— Какъ же вы могли бы проѣхать по Турціи, не зная языка?

— Нѣтъ никакой надобности. Я не въ первый разъ ѣхалъ въ Константинополь. Обыкновенно, переправившись черезъ Дунай, я въ турецкой крѣпости Рушукъ являлся коменданту, или пашѣ, при которомъ состоитъ переводчикъ для русскаго языка. Паша даетъ мнѣ двухъ арнаутовъ: одного въ проводники, другого—продовольствовать меня до самаго Константинополя. Такъ какъ я посланъ къ султану, то всѣ мои путевыя издержки принимаются на счетъ султана, и я, ни о чемъ не заботясь, въ сопровожденіи двухъ арнаутовъ, являюсь въ наше посольство; тамъ я дома, тамъ русскій языкъ.

Меня покорило отъ его словъ, но осталье еще слабая надежда на Грецію.

— Ну, а какъ въ Аѣины?

— О, эта поѣздка еще легче! Въ Константинополѣ я сажусь на русскій фрегатъ, находящійся въ распоряженіи нашего посланника, и прямо отправляюсь, какъ бы въ своей семьѣ, въ Аѣины.

Послѣднее мое недоразумѣніе было уничтожено, разбито. Осталось сожалѣніе на всю жизнь о моемъ малодушномъ отказѣ видѣть страны, о которыхъ я и во снѣ не могъ мечтать. Я могъ бы видѣть два государства, совершенно противоположныя одно другому во всѣхъ отношеніяхъ: въ своей политической и соціальной жизни, исторіи, этнографіи... Сколько было бы пріятныхъ воспоминаній!.. И всего этого я лишилъ себя по малодушію. Но кто изъ насъ не дѣлалъ ошибокъ въ жизни?

Ко всему этому Сигизмундъ прибавилъ, что онъ лишился, по крайней мѣрѣ, 2.000 червонцевъ. Онъ везъ греческому королю орденъ Андрея Первозваннаго, а турецкому султану собственноручное письмо государя съ поздравленіемъ рожденія сына. При оттоманскомъ дворѣ заведенъ обычай: всѣмъ русскимъ курьерамъ, привозившимъ какія либо депеши, относящіяся прямо до султана, выдавалось по тысячѣ червонцевъ, вѣроятно, и Оттонъ не оставилъ бы безъ денежной награды, но мнѣ, какъ офицеру, не предложили бы червонцевъ, а навѣрное наградили бы греческимъ орденомъ Св. Спасителя и турецкимъ Меджидіе.

Такое извѣстіе еще прибавило горечи въ мою чашу, и безъ того уже переполненную досадою.

Но скоро представился новый случай, до нѣкоторой степени загладить мой глупый отказъ. Мнѣ предстала возможность ѣхать въ Китай. Я ухватился крѣпко за эту надежду, обѣщая самъ себѣ быть на этотъ разъ умнѣе. Но судьба рѣшила иначе.

На бывшій въ то время рекрутскій наборъ пріѣхалъ въ Житомиръ флигель-адъютантъ, полковникъ графъ А. А. Ржевусскій, красавецъ, какихъ рѣдко можно встрѣтить, къ тому же прекрасно

образованный, знавшій основательно, кромѣ европейскихъ языковъ, и восточные, такъ что, посланный въ Константинополь съ поздравленіемъ на вступленіе на престолъ Абдулъ-Меджида, онъ привѣтствовалъ его на турецкомъ языкѣ.

Графу Ржевусскому предстояло отправиться во главѣ чрезвычайной миссіи въ Китай, на одинъ годъ, при чемъ предоставлено ему собственно для себя выбрать двухъ офицеровъ. Однимъ изъ нихъ онъ предложилъ быть мнѣ. Условились, что Лашкаревъ, отпускаемая меня, не возьметъ къ себѣ новаго адъютанта, а будетъ ожидать моего возвращенія; съѣхаться намъ въ Казани, какъ въ городѣ, на пути лежащемъ; казалось, что все шло какъ нельзя лучше. Я писалъ своимъ, что скоро свидимся, сталъ готовиться къ отъѣзду въ дальній путь. Ржевусскій уѣхалъ въ Петербургъ и велѣлъ мнѣ ждать отъ него извѣстій о времени выѣзда миссіи. Такъ въ ожиданіи прошло съ мѣсяць. Вдругъ получаю отъ Ржевусскаго извѣстіе: англичане объявили войну Китаю, и китайцы заперли свои стѣны и отказали нашей миссіи. Такимъ образомъ въ мою жизнь частнаго человѣка вмѣшалась политика Англіи. Изъ-за опіума я лишился возможности видѣть Китай.

Зато обѣ эти неудавшіяся поѣздки какъ бы затормозили мои командировки по губерніи. Весну и начало лѣта я пробылъ въ Житомирѣ безвыѣздно. На счастье мое не представлялось ни одного важнаго случая, гдѣ бы требовалось мое содѣйствіе, и я по цѣлымъ утрамъ занимался дѣлами по своей канцеляріи.

Получено было извѣстіе, что черезъ Кіевъ и Житомиръ пріѣдетъ государь съ наслѣдникомъ; первый въ Варшаву, второй продолетъ далѣе въ Дармштадтъ къ своей невѣстѣ. Началась лихорадочная дѣятельность: исправленіе дорогъ, сведеніе лошадей на станціи и т. п., но всѣ эти распоряженія меня не касались. Только ко дню проѣзда въ Кіевъ государя я былъ посланъ туда, чтобы собрать свѣдѣнія о его встрѣчѣ.

Все начальство въ Кіевѣ собралось встрѣтить государя въ лаврѣ, куда онъ долженъ былъ прямо проѣхать. Дали знать, «что ѣдетъ близко». Мы встали при въѣздѣ въ лавру, по обѣимъ сторонамъ. Въ облакахъ пыли подскакалъ государь съ наслѣдникомъ въ открытой коляскѣ, запряженной шестерикомъ взмыленныхъ коней. На лицахъ обоихъ лежалъ слой пыли. Выходя изъ коляски, государь «отдулся», отъ чего пыль около рта отлетѣла густой массой. Первый встрѣтилъ его митрополитъ въ полномъ облаченіи и съ крестомъ въ рукѣ. Приложившись къ кресту, государь поцѣловался съ нимъ три раза въ плечо. За митрополитомъ подошелъ Вибиковъ съ рапортомъ. Затѣмъ всѣ вошли въ соборъ, въ предшествіи пѣвчихъ. Государь отслушалъ краткое молебствіе съ провозглашеніемъ многолѣтія царствующему дому, приложился къ иконѣ Божіей Матери и, сѣвъ въ ту же коляску,

отправился въ домъ генераль-губернатора, гдѣ ему назначена была квартира.

Государь пробылъ три дня въ Кіевѣ. Замѣчательны слова, сказанныя имъ дворянамъ при ихъ представленіи. «Я знаю,—сказалъ онъ,—какъ трудно управлять вами, господа! Лучшій губернаторъ моихъ великороссійскихъ губерній въ здѣшнемъ краѣ можетъ быть только посредственнымъ; но каждый посредственный вашихъ губерній тамъ будетъ лучшимъ!»

Получивъ всѣ нужныя свѣдѣнія, я въ первый же день приѣзда государя въ Кіевъ отправился въ Житомиръ.

По расписанію, государь долженъ былъ только перемѣнить лошадей въ Житомирѣ.

Въ назначенное утро, у заставы, при вѣздѣ въ городъ, выстроили почетный караулъ, состоящій изъ роты гарнизоннаго батальона; на правомъ его флангѣ встали—губернаторъ, комендантъ, командиръ батальона, за ними я, плацъ-адъютантъ и батальонный адъютантъ, каждый за своимъ начальникомъ. Нѣсколько поодаль отъ насъ помѣстились дамы, далѣе—вездѣ народъ. Подъѣхала съ поднятымъ верхомъ коляска, въ которой сидѣли государь, наслѣдникъ, за коляской слѣдомъ фельдъегерь; прочая свита отстала. Государь видимо спалъ, но, когда коляска остановилась, и стали перепрягать лошадей, проснулся. Лашкаревъ подошелъ къ нему съ рапортомъ. Принявъ рапортъ, государь, обратясь къ наслѣднику и указывая на Лашкарева, сказалъ: «Александръ! Вотъ тебѣ губернаторъ!» Дальнѣйшія его слова были прерваны воплями дамъ, упавшихъ на колѣни, держащихъ въ рукахъ бумаги и повторявшихъ:

— Государь, смилуйся! Государь, прости!

На спросъ государя, «о чемъ онѣ просятъ», Лашкаревъ отвѣчалъ:

— О прощеніи наказанныхъ участниковъ въ послѣднемъ заговорѣ.

Государь приказалъ сопровождавшему его фельдъегерю принять отъ дамъ ихъ просьбы и, какъ только лошади были готовы, поскакалъ далѣе при крикахъ «ура».

Нѣсколько минутъ спустя, приѣхала и его свита и отправилась вслѣдъ за нимъ.

Лѣто это ознаменовалось для меня совершенно неожиданнымъ случаемъ—поѣздкой въ Москву и Коломну, для свиданія съ братомъ и полковыми товарищами.

Гимназистъ (житомирской гимназіи) 5-го класса, фамиліи его не помню, мальчикъ лѣтъ 16-ти, написалъ на польскомъ языкѣ гимнъ свободѣ, но свободѣ естественной, а не политической. Для Бибикова этого было слишкомъ достаточно, чтобы видѣть въ несчастномъ поэтѣ зародышъ будущаго опаснаго революціонера. Онъ

былъ судимъ и приговоренъ къ отдачѣ въ солдаты въ одинъ изъ пѣхотныхъ полковъ 6-го корпуса. По просьбѣ моей Лашкаревъ поручилъ мнѣ доставить стихотворца въ Москву съ правомъ проѣхать оттуда къ брату въ Коломну.

Въ Коломну я какъ разъ попалъ въ то время, когда полковой командиръ, князь Ливенъ, былъ произведенъ въ генералъ-майоры и назначенъ командиромъ лейбъ-гвардіи уланскаго полка. На прощаніи Ливенъ давалъ обѣды офицерамъ по эскадронамъ, такъ какъ квартира его не позволяла принять всѣхъ разомъ. На одинъ изъ этихъ обѣдовъ и я былъ приглашенъ. Все почти время я разговаривалъ съ Ливеномъ, который очень интересовался настоящим положеніемъ края, въ которомъ я служилъ.

По возвращеніи въ Житомиръ, я получилъ командировку, которую опишу подробно, чтобы показать, какое значеніе имѣли адъютанты военныхъ губернаторовъ западныхъ губерній, и какъ ихъ чествовали.

Генералъ получилъ доносъ, что въ Луцкомъ военномъ госпиталѣ допущены большія злоупотребленія изъ видовъ корысти: пища больнымъ отпускалась дурная, солома въ спальныхъ тюфякахъ гнилая; новую крѣпкую одежду берегутъ только на случай пріѣзда начальственныхъ лицъ, а больные ходятъ въ оборванныхъ халатахъ и т. п.

Я пріѣхалъ въ Луцкъ съ такимъ расчетомъ во времени, чтобы застать больныхъ во время обѣда, и съ большими предосторожностями, чтобы нечаяннымъ прибытіемъ своимъ «накрыть» всѣ тѣ безпорядки, если они были справедливы, о которыхъ говорилось въ доносѣ.

Пока я рылся въ гнилой соломѣ, осматривалъ пищу и одежду больныхъ, ко мнѣ подошелъ ксендзъ, исполнявшій должность эконома при бискупѣ, и отъ имени его преосвященства пригласилъ меня къ обѣду. Проведя цѣлую ночь въ дорогѣ, я утомился, усталъ и отъ розысковъ по безпорядкамъ госпиталя и потому, желая отклонить отъ себя честь приглашенія, просилъ ксендза передать бискупу, что, не имѣя другого костюма, кромѣ пыльнаго на мнѣ сюртука, и не зная времени, когда кончу свое порученіе, я прошу у него извиненія въ своемъ невѣжливомъ отказѣ; но вскорѣ вновь появился тотъ же ксендзъ и объявилъ, что «его преосвященство не сядетъ безъ меня за обѣдъ». Нечего было дѣлать, и я, кончивъ свои занятія, умывшись и вычистивъ сюртукъ, отправился въ домъ, занимаемый бискупомъ. Тутъ и начались церемоніи.

Въ сѣняхъ встрѣтилъ меня швейцаръ, широко распахнувъ передо мной обѣ половинки дверей. Далѣе мажордомъ или дворецкій, во фракѣ, бѣломъ жилетѣ и галстухѣ, повелъ меня по лѣстницѣ въ верхній этажъ, при чемъ громко проговорилъ: «панъ адъютантъ!»

На площадкѣ верхней ступени, въ дверяхъ, ведущихъ въ залу, встрѣтилъ меня бискупъ въ сутанѣ фіолетоваго цвѣта. Извѣстно, что католическіе бискупы носятъ на пальцѣ епископальный перстень, какъ знакъ ихъ достоинства. Когда бискупъ протянулъ мнѣ свою руку съ перстнемъ для привѣтствія, я хотѣлъ поцѣловать ее въ перстень, какъ это дѣлаютъ католики, но бискупъ, отдернувъ руку, обнялъ меня и поцѣловалъ три раза въ плечо, точъ въ точъ, какъ сдѣлалъ это въ Кіевѣ митрополитъ съ государемъ. Взявъ меня подъ руку, бискупъ ввелъ въ гостиную, наполненную ксендзами и лицами служащими: судья, городничій, исправникъ и т. п. Началось представленіе, да, представленіе мнѣ, молодому человѣку 24-хъ лѣтъ и въ чинѣ поручика, всѣхъ присутствующихъ лицъ. Несмотря на всѣ мои заявленія, что я не имѣю никакого права на такой почетъ, бискупъ только одно и твердилъ, что я представляю собой лицо губернатора, и не успокоился, пока всѣхъ по очереди не обошелъ со мной. За обѣдъ онъ посадилъ меня около себя, по правую руку, всѣ подаваемые кушанья самъ накладывалъ мнѣ на тарелку и подливалъ въ мою рюмку вина. Подали шампанское. Предшествующей сценой подготовленный къ новому почету и желая предупредить его, я выждалъ, когда послѣднему гостю налили бокаль, и, быстро вставъ съ мѣста, обратился къ бискупу и проговорилъ:

— Ваше преосвященство! Ваше здоровье!

Но бискупъ мнѣ не далъ договорить. Удержавъ мою руку съ бокаломъ и привставъ съ своего мѣста, обратился къ гостямъ и провозгласилъ:

— Господа! Здравье пана адъютанта!

Всѣ стоя закричали:

— Здравье пана адъютанта! Вивать! Ура!

Вставъ изъ-за стола, бискупъ, тѣмъ же порядкомъ, какъ велъ меня къ обѣду, подъ руку велъ меня въ гостиную. Тамъ были уже приготовлены кофе и чай. Утомившись отъ дороги, накучивъ всѣми этими неумѣренными встрѣчами и почестью, я скоро распростился съ бискупомъ, поблагодарилъ его за «радушный» пріемъ и отправился восвояси, раздумывая о всемъ мною видѣнномъ и слышанномъ. Въ такомъ униженіи бискупскаго достоинства, конечно, не могло быть искренности, но только одно лицемеріе, или, что еще хуже, обдуманная насмѣшка, мистификація! Такого льстиваго пріема удостоивались всѣ адъютанты начальниковъ западныхъ губерній. Само собой разумѣется, что адъютанты были все молодежь. Имѣй они менѣе слабыя головы и излишнюю дозу самолюбія, такіе пріемы и встрѣчи могли побудить ихъ возгордиться черезъ мѣру своимъ положеніемъ и впасть въ «смѣшное», чего и добивались мѣстные лица, чтобы, льстя самолюбію, сдѣлать ихъ послушными орудіями своихъ желаній и замысловъ!..

Возвратившись въ Житомиръ, я вновь былъ посланъ составить описаніе мѣстечка Боремля, принадлежавшаго Чацкому, но за участіе его въ послѣднемъ мятежѣ взятаго въ казну.

Выше я сказалъ, что Житомиръ не былъ губернскимъ городомъ. Правительство имѣло въ виду избрать для этого другой городъ, центральный, и остановилось на Боремлѣ. Мнѣ поручено было осмотрѣть мѣстечко въ подробности и представить свое соображеніе, насколько оно можетъ отвѣтствовать своему назначенію губернскаго города.

Въ польское возстаніе 1830-го года въ мѣстечкѣ Боремлѣ былъ настигнутъ русскими войсками генералъ Гелгутъ съ своимъ отрядомъ. Послѣ жаркаго сопротивленія мѣстечко было взято русскими, и Гелгутъ едва спасся. Извѣстный нашъ партизанъ 1812 г. Д. В. Давыдовъ ворвался съ своими казаками въ палацъ, только что оставленный Гелгутомъ, и захватилъ его завтракъ на столѣ, еще не успѣвшій остыть; но самого вождя не могли догнать.

Домъ или палацъ въ Боремлѣ я засталъ въ самомъ жалкомъ видѣ, хотя онъ поступилъ въ вѣдѣніе министерства государственныхъ имуществъ, а можетъ быть, благодаря этому обстоятельству, онъ и представлялъ собой такой жалкій видъ. Дыры въ передней стѣнѣ и углахъ дома, пробитыя насквозь нашими ядрами, были заткнуты соломой. Такая предосторожность, конечно, не могла предохранить домъ отъ дождей и снѣга; стѣны покрылись сыростью, а потолки и полы, сгнивши, провалились. Въ уцѣлѣвшихъ комнатахъ вездѣ валялись битыя зеркала, мраморныя статуи итальянскихъ скульпторовъ, поломанная мебель, полы устланы были разрозненными томами книгъ рѣдкихъ и цѣнныхъ, на стѣнахъ висѣли лоскутьями штофныя обои и т. п. Жаль было видѣть такое безполезное разрушеніе нашего «разгулявшагося» солдата въ домѣ врага; но непростительнѣе было пренебреженіе министерства, оставившаго домъ въ теченіе почти 10-ти лѣтъ безъ всякаго прирѣнія.

По моимъ соображеніямъ, мѣстечко вполне отвѣчало своему назначенію быть губернскимъ городомъ. Взглядъ мой раздѣлялъ и Лашкаревъ; но, не знаю почему, генералъ-губернаторъ Бибиковъ настоялъ, чтобы Житомиръ былъ утвержденъ губернскимъ городомъ, несмотря на явное неудобство его мѣсторасположенія на краю губерніи.

Исполненіе плана Бибикова началось тѣмъ, что перевели въ Житомиръ обоихъ епархіальныхъ начальниковъ: православнаго архіерея изъ мѣстечка Аннеполя и католическаго бискупа изъ г. Луцка; но официальное утвержденіе Житомира губернскимъ городомъ послѣдовало послѣ моего выбытія изъ края.

1840-й годъ окончился для меня отпускомъ въ Казань. Родныхъ своихъ я не видалъ почти два года.

XXXV.

Приключеніе на Днѣпрѣ близъ Кіева.—Пріѣздъ въ Казань.—Перемѣна въ тамошнихъ общественныхъ отношеніяхъ.—Убіиство Ивана Матвѣевича и его дворни въ Казанской адмиралтейской слободѣ.—Арестъ мнимыхъ убійцъ и раскрытіе настоящихъ виновниковъ.—Встрѣча на похоронахъ Ивана Матвѣевича съ «Додо» Дурасовой, впоследствии моей женой.

Сдавъ канцелярію и всѣ дѣла своему помощнику, К. И. Попову, я отправился въ послѣднихъ числахъ ноября въ дальній путь, съ твердымъ намѣреніемъ, 4-е декабря, день именинъ моей матери, провести съ нею вмѣстѣ. Пріѣхавъ въ Кіевъ, я засталъ сильный ледъ, идущій по Днѣпру. Такая остановка не входила въ мой расчетъ. Казенный перевозъ былъ прекращенъ; но узнавъ, что на другомъ берегу есть почтовые лошади, я отыскалъ рыбака, еще бодрого старика, охотно взявшагося перевезти меня черезъ рѣку въ своей маленькой лодкѣ. Самъ онъ помѣстился на кормѣ и управлялъ весломъ, я—на носу, а мой чемоданъ съ вещами уложили по срединѣ лодки. Лавируя между льдинъ, гдѣ отталкиваясь отъ нихъ, гдѣ слѣдуя за ними, мы благополучно выбрались на чистое мѣсто, до берега было не далеко, казалось, всѣ препятствія устранены!.. Но я страшно ошибся. Предавшись безпечности и плывя по гладкой поверхности рѣки, мы и не замѣтили, какъ льдина поднялась со дна и опрокинула нашу лодку. И сѣдоки и чемоданъ все полетѣло въ воду; я очутился погруженнымъ въ воду и, не умѣя плавать, вѣроятно, пошелъ бы ко дну, но надѣтая на мнѣ енотовая шуба, отдувшись около меня, какъ будка часового, поддерживала меня легко на водѣ. Старикъ рыбакъ, несколько не растерявшись, одной рукой, ухватился за край лодки, другой за мой чемоданъ и искуснымъ движеніемъ, поправивъ лодку, влѣзъ въ нее самъ, потомъ втащилъ мой чемоданъ и, подѣхавъ ко мнѣ, вынулъ меня изъ воды. Да и было время. Шуба моя, намкнувъ, дѣлалась все тяжелѣе и тяжелѣе и погружала меня въ воду. Но, вѣроятно, молитвы моей матери, для которой я жертвовалъ собой, были услышаны, и я спасся отъ явной гибели.

Перебравшись на противоположный берегъ рѣки, я въ корчмѣ раздѣлся, вытеръ тѣло подогрѣтымъ простымъ виномъ и отправился далѣе.

До Борзны я доѣхалъ на колесахъ, тамъ пересѣлъ въ сани и въ Дмитровскѣ встрѣтилъ настоящую «русскую» зиму съ ея ухабами и раскатами. На 7-й день прибылъ въ Казань, сдѣлавъ почти 2.000 верстъ. Ванна, пріяная мной въ Днѣпрѣ, не имѣла никакихъ дурныхъ послѣдствій, и я, чувствуя себя совершенно здоровымъ, предался общественнымъ удовольствіямъ. Но, увы, какъ они мало, походили на прежнія! Общественная жизнь совер-

шенно измѣнилась; на мѣсто простоты обращенія, радушія пріема, явились пустыя церемоніи, этикетъ, холодность, непривѣтливость. Прежде, бывало, выѣзжая изъ дома, не опредѣляешь себѣ цѣли посѣщенія и входишь въ первый знакомый домъ, если только по освѣщенію въ окнахъ видишь, что хозяева «у себя», съ полной увѣренностью, что будешь принятъ радушно. Теперь же, при выѣздѣ съ заранѣ принятымъ намѣреніемъ посѣтить кого нибудь, возвращаясь назадъ, при видѣ освѣщенныхъ оконъ и 2—3 экипажей у подъѣзда, изъ опасенія попасть въ число незваныхъ гостей. Такую порчу «патріархальныхъ» провинціальныхъ нравовъ внесли дочери военнаго губернатора, С. С. Стрекалова, вышедшія изъ Смольнаго монастыря. Онѣ завели «столичный тонъ», уничтожившій прежнее хлѣбосольство; явились счета визитами, пріѣзды только на званые обѣды и вечера; самыя танцевальныя собранія утратили свою веселость. Натянутость и излишніе свѣтскіе пріемы лишили начальной простоты общественной жизни. Словомъ быть казанцевъ совершенно испортился. Всѣ это чувствовали, сознавали, но ни въ комъ не нашлось столько самостоятельности, чтобы стряхнуть съ себя нововведенія губернаторскихъ дочекъ, остановить напоръ общаго стремленія духа времени, начинавшаго тогда проникать въ провинціи и портить простоту обращенія и радушіе пріема...

Начало 1841 года для Казани памятно страшнымъ, звѣрскимъ убійствомъ.

Въ Морской слободѣ жилъ въ своемъ домикѣ отставной морякъ, Иванъ Матвѣичъ, фамиліи его я и теперь не знаю. Маленькіе мы звали его «Бомбошка», взрослые—Иванъ Матвѣичъ. Это былъ человѣкъ высокой честности и благородной, доброй души, истинно привязанный къ нашему семейству. Всѣ мы нянчились на его рукахъ. При своемъ приходѣ къ намъ, первый его вопросъ былъ: «а гдѣ дѣти?» Мы же, заслышавъ его приходъ, бѣжали къ нему, зная, что за поцѣлуемъ сей же часъ вынется изъ его кармана для насъ конфетка, поэтому мы и звали его не иначе, какъ Иванъ Матвѣичъ Бомбошка.

Иванъ Матвѣичъ велъ жизнь преоригинальную: въ пищу не употреблялъ мяса, а только рыбу; вмѣсто чая—стаканъ молока съ медомъ; любилъ сладости и во все, гдѣ можно, сыпалъ сахаръ. Носилъ платье, имъ самимъ скроенное и сшитое; платье всегда состояло изъ морского вицмундира павловскаго покроя, т. е. съ широкими фалдами, панталонъ, спрятанныхъ въ полусалоги; при этомъ—неизмѣнный кортикъ. Несмотря на свои преклонныя лѣта, былъ живой, свѣжій старикъ; любилъ и много ходилъ пѣшкомъ. Наше имѣніе, с. Соловцово, отстоитъ отъ Казани въ 30 верстахъ. Однако часто лѣтомъ, несмотря на дневной жаръ, онъ приходилъ къ намъ въ деревню пѣшкомъ и, погостивъ 2—3 дня, тѣмъ же

способомъ возвращался въ городъ, никогда не соглашаясь на то, чтобы ему дали лошадей доѣхать. Онъ имѣлъ немного знакомыхъ въ городѣ, но болѣе и искреннѣе всѣхъ любилъ и былъ привязанъ къ нашему семейству. Вездѣ его любили и принимали съ большимъ радушіемъ, уважая въ немъ высокія качества души. Онъ никогда ни о комъ не относился дурно, не переносилъ вѣстей изъ дома въ домъ, не сплетничалъ, что въ немъ, какъ въ чело-вѣкѣ, получившемъ весьма ограниченное образованіе, еще болѣе цѣнилось. Онъ былъ очень друженъ съ моимъ отцомъ, но когда и тотъ, если спрашивалъ его о комъ нибудь, то заранѣе могъ предвидѣть отвѣтъ: «не знаю, ничего не знаю», хотя онъ и зналъ. Принятый у насъ въ домъ, какъ близкій, домашній чело-вѣкъ, Иванъ Матвѣичъ никогда приходомъ своимъ не стѣснялъ насъ. Если онъ видѣлъ, что отецъ или мать «не свободны», то обыкновенно бралъ какую нибудь книгу или газету, отправлялся къ отцу въ кабинетъ, ложился на диванъ, непременно на спину, вооружался очками и углублялся въ чтеніе. Въ такомъ положеніи онъ оставался по цѣлымъ днямъ, никого не беспокоя, не претендуя, что имъ не занимаются. Часто не видя Ивана Матвѣича въ комнатахъ, думали, что онъ ушелъ, а онъ преспокойно лежитъ на диванѣ въ кабинетѣ съ книжкой или газетой.

Кругъ домашнихъ его составляли кучеръ съ женой и тремя малолѣтними дѣтьми, изъ которыхъ послѣдняя дочь была еще въ «люлькѣ», и старуха, мать кучера.

Иванъ Матвѣичъ слылъ за чело-вѣка денежнаго. Дѣйствительно отъ морскихъ призовъ у него былъ капиталъ въ 12.000 ассигнаціями, но, не имѣя никого родныхъ, онъ капиталъ пожертвовалъ въ казанское чело-вѣколюбивое общество, а самъ жилъ только на проценты, съ него получаемые. Эти-то слухи о его богатствѣ и послужили поводомъ къ его мучительной смерти.

Иванъ Матвѣичъ меня очень любилъ въ особенности за то, что мы съ нимъ сходились въ любознательности и страсти къ чтенію. Когда я пріѣзжалъ въ отпускъ, старикъ большую часть времени проводилъ въ нашемъ семействѣ, и мы съ нимъ часто пускались въ политическія пренія, несмотря на всю скудость тогдашнихъ заграничныхъ извѣстій. Такъ случилось и теперь. Гостя у насъ съ недѣлю, Иванъ Матвѣичъ дня за три до масленой, обращаясь къ отцу, сказалъ:

— Иванъ, дай мнѣ лошадку доѣхать до дому.

Въ послѣднее время по зимамъ онъ рѣдко ходилъ пѣшкомъ изъ города. Не надо забывать, что Морскую слободу, гдѣ онъ жилъ, отъ Казани отдѣляла открытая лощина, въ 3 версты длины.

Отецъ отвѣтилъ:

— Что тебѣ за охота ѣхать на масленицу домой? Оставайся у насъ. Выѣстъ поѣдимъ блины, а тамъ Николай долженъ ѣхать на службу, онъ тебя и завезетъ.

— Мнѣ нужно распорядиться закупить для людей провизіи на масленицу. Завтра же я вернусь къ вамъ.

Увы! Ему уже не суждено было видѣть это завтра!

Заложили санки и отвезли Ивана Матвѣича домой.

На другой день, часу въ девятомъ утра, мы всей семьей сидѣли за чайнымъ столомъ и, попивая чай, вели веселые разговоры, ничего не предчувствуя, какъ отворилась дверь, вошелъ полицеймейстеръ Поль и, обращаясь къ отцу, спросилъ:

— Вчера у васъ былъ Иванъ Матвѣичъ?

— Былъ.

— Вы отвозили его въ своемъ экипажѣ?

— Да!

— Позвольте смѣрять ходъ вашихъ саней.

— Зачѣмъ?

— У него въ воротахъ дома, на снѣгу остался слѣдъ саней; нужно бы узнать, вашихъ ли это?

— Да зачѣмъ же!

— Иванъ Матвѣичъ и всѣ его домашніе убиты...

— Какъ убиты?!...

Тотчасъ же намъ были заложены лошади, и отецъ и я поѣхали на мѣсто происшествія.

Зрѣлище, намъ представившееся, было звѣрски ужасное. На дворѣ у калитки лежалъ кучеръ Ивана Матвѣича съ раскроеннымъ черепомъ. Въ сѣняхъ насъ поразилъ сильный запахъ крови. Изъ сѣней двери направо вели въ комнаты Ивана Матвѣича, налѣво въ людскую. Войдя въ комнаты, мы увидали несчастного старика на полу въ его спальнѣ, въ тулупѣ на бѣличьемъ мѣху, съ раной на головѣ и перерѣзаннымъ горломъ. Мебель въ беспорядкѣ и отворенный шкафъ съ выдвинутыми ящиками ясно говорили, что всѣ они были пересмотрѣны... Перейдя потомъ въ людскую, мы увидали буквально бойню: на полу въ кучѣ лежали двѣ женщины и два ребенка; косякъ двери былъ забрызганъ кровью и мозгомъ. Надъ убитыми стоялъ паръ съ жирнымъ запахомъ крови. У меня закружилась голова, и я поспѣшилъ выйти на свѣжій воздухъ.

.....¹⁾

Подозрѣніе въ убійствѣ Ивана Матвѣича пало на крестьянъ близъ лежащаго къ городу села Услона, братьевъ убитой жены кучера. Ихъ видѣли не задолго передъ убійствомъ пріѣжавшими къ сестрѣ. Они были взяты и посажены въ острогъ. Когда полицеймейстеръ пріѣхалъ въ острогъ, то содержащійся тамъ арестантъ за убійство священника, встрѣтивъ Поля, сказалъ ему:

¹⁾ Точки у автора.

— Эхъ, ваше высокоблагородіе, напрасно вы засадили этихъ крестьянъ! Они ни въ чемъ ни виноваты.

— А ты почему знаешь?

— А потому я знаю, что, если бы не сидѣлъ здѣсь, то это было бы дѣло нашихъ рукъ.

— Какъ вашихъ? Стало быть, ты знаешь убійцъ?

— Еще бы! Кабы не зналъ, такъ и не говорилъ бы.

— Скажи, кто они.

— И скажу, если губернаторъ потребуетъ меня къ себѣ и пообѣщаетъ смягчить мое наказаніе.

Обрадованный полицеймейстеръ тотчасъ же распорядился отпустить арестанта подъ конвоемъ къ губернатору, а самъ поѣхалъ предупредить его объ открывшемся.

Губернаторъ принялъ преступника, и тотъ повторилъ ему то же, что сказалъ и полицеймейстеру, обѣщая открыть убійцъ, если будетъ помилованъ.

Стрекаловъ по своему званію генераль-адъютанта обѣщалъ именемъ государя, что преступникъ будетъ избавленъ отъ наказанія кнутомъ, но будетъ сосланъ въ каторгу, при чемъ ему сократится срокъ.

Арестантъ, глубоко вздохнувъ, сказалъ губернатору:

— Я было думалъ, что меня сошлютъ просто на поселеніе, ну, да если нельзя болѣе смягчить моего наказанія, то и на томъ остаемся благодарны вашему превосходительству. Услонскіе крестьяне ни тѣломъ, ни душой не виноваты въ убійствѣ. Извольте приказать ихъ выпустить, а взять: совѣтника низоваго округа корабельныхъ лѣсовъ, Забудаева, повара, да отставнаго матроса, огородника, такого-то, да двухъ братьевъ, послушниковъ Зилантова монастыря, такихъ-то. Это ихъ дѣло. Мы давно сговаривались сообща убить и ограбить Ивана Матвѣича, да я попался на другомъ дѣлѣ, а они смастерили его безъ меня.

По указанію арестанта крестьяне были изъ острога выпущены, а на мѣсто ихъ были взяты поименованныя лица. Несмотря ни на какія убѣжденія, личности эти не сознавались въ содѣянномъ ими преступленіи, отвѣчая на всѣ вопросы неизмѣннымъ: «знать не знаемъ и вѣдать не вѣдаемъ». Слѣдователи пришли въ отчаяніе, никакихъ уликъ, кромѣ показанія арестанта, не открыто, но священнику, присутствовавшему при допросѣ, пришла благая мысль подѣйствовать на преступниковъ театрално-эффектнымъ зрѣлищемъ.

Въ небольшомъ залѣ дома Ивана Матвѣича стояли тѣсно всѣ шесть гробовъ съ тѣлами убитыхъ. Священникъ приказалъ закрыть у оконъ ставни, освѣтить залъ какъ можно ярче, чтобы не оставалась въ тѣни ни малѣйшая часть тѣла всѣхъ несчастныхъ жертвъ, ввелъ преступниковъ и, обращаясь къ нимъ, сказалъ:

— Вы не сознаетесь въ убійствѣ, это дѣло вашей совѣсти, но молва людская васъ обвиняетъ въ немъ. Подойдите же къ убіеннымъ и проститесь съ ними.

Первымъ подошелъ поваръ очень смѣлыми шагами и, смотря съ сожалѣніемъ на гробикъ съ младенцемъ лѣтъ 5-ти, у котораго была разможжена голова о косякъ двери, перекрестился и сказалъ:

— Боже мой, у кого могла подняться рука на этого ангела!..

За нимъ послѣдовали и прочіе. Дошла очередь до послѣдняго, — меньшаго брата послушника, малаго лѣтъ 18, одѣтаго въ полумонашескій костюмъ, то-есть въ полукафтанье съ кожанымъ ремнемъ вмѣсто пояса, и вьющимися по плечамъ волосами. Онъ страдалъ лихорадкой и былъ еще слабъ. Подойдя къ младенцу съ расшибленной головой и наклонившись, чтобы поцѣловать его, онъ вдругъ отшатнулся, изъ блѣдно болѣзненнаго цвѣтъ лица сдѣлался матовый, съ темнымъ отливомъ, затрясся всѣмъ тѣломъ и, упавъ на колѣни, какимъ-то страннымъ, испуганнымъ голосомъ вскричалъ:

— Пощадите, пощадите! Наше дѣло, мы виноваты!

Тогда поваръ бросился на него и началъ душить. Съ трудомъ могли освободить его изъ рукъ повара, который сказалъ:

— Еслибъ только я могъ предвидѣть это, я бы тебя первого уложилъ на мѣстѣ.

Когда обратились къ послушнику съ вопросомъ, что привело его къ сознанию, онъ объяснилъ: въ то время, когда наклонялся, чтобы дать послѣдній поцѣлуй убіенному, мальчикъ всталъ въ гробу на колѣни и, сложивъ руки, умоляющимъ голосомъ проговорилъ: «дяденька, не бей меня», то-есть воспроизвелъ ту сцену, которая была въ дѣйствительности. Послушникъ сознался, что вначалѣ онъ было почувствовалъ жалость къ своей жертвѣ, но опасаясь, что пятилѣтній мальчикъ можетъ выдать его, схватилъ его за ноги и, отвернувшись, ударилъ нѣсколько разъ головой о косякъ двери.

Такимъ образомъ воображеніе, ослабленное лихорадочнымъ состояніемъ, воспроизвело видѣніе, послужившее къ открытію преступленія.

Сознаніе одного привело къ сознанию и другихъ. На новомъ допросѣ они показали, что въ сообществѣ съ арестантомъ, показавшимъ на нихъ, они давно уже питали намѣреніе убить Ивана Матвѣича съ цѣлью воспользоваться его богатствомъ, которое, по слухамъ, было огромное; но частыя отлучки старика къ намъ мѣшали исполнить задуманный ими планъ. Въ день преступленія Иванъ Матвѣичъ, возвращаясь отъ насъ домой, встрѣтилъ матроса, который у него прежде жилъ въ огородинкахъ и зналъ всѣ привычки его домашней жизни. Матросъ, увидя, что жертва ихъ

возвратилась, дать знать о томъ повару Забудаева, а тотъ послалъ его въ монастырь оповѣстить братьевъ послушниковъ, что время дѣйствовать настало, и чтобы всѣ къ 9 часамъ вечера были на за равѣ условленныхъ мѣстахъ. Несчастный Иванъ Матвѣичъ самъ, своимъ распоряженіемъ, облегчилъ имъ исполненіе ихъ гнуснаго замысла. Поваръ часто носилъ къ нему газеты отъ Забудаева. Ворота и ставни оконъ у Ивана Матвѣича запирались рано вечеромъ, и потому онъ приказалъ повару, въ случаѣ, когда тотъ принесетъ газеты, постучать не въ «калитку»,—по дальности разстоянія отъ людской стукъ не скоро бы могъ быть услышанъ,—а въ ставень окна его спальни, выходящаго на улицу. Этимъ распоряженіемъ и воспользовались убійцы для исполненія своего замысла.

Иванъ Матвѣичъ, услыша условный стукъ въ свой ставень, разбудилъ спавшаго уже своего кучера и послалъ его отпереть калитку, а самъ, возвратясь въ свою спальню, сталъ ожидать газеты. Кучеръ, подойдя къ калиткѣ, имѣлъ предосторожность, не отворяя ея, окликнуть и, когда поваръ, очень хорошо ему знакомый, отвѣтилъ, что принесъ его барину газеты, отворилъ калитку, какъ въ то же мгновеніе упалъ на снѣгъ съ головой, раскроенной топоромъ. Уничтоживъ первое препятствіе, убійцы, войдя въ сѣни, раздѣлились: поваръ пошелъ на половину Ивана Матвѣича, остальные трое—въ людскую, уговорившись заранее по «окончаніи дѣла» сойтись всѣмъ вмѣстѣ. Иванъ Матвѣичъ, увидя вошедшаго повара, спросилъ:

— Принесъ газеты?

— Нѣтъ, пришелъ за газетами!

— У меня нѣтъ вашихъ газетъ. Последнюю ты же отнесъ.

— Давай газеты, что у тебя въ бумажкахъ находятся!

Тутъ бѣдный Иванъ Матвѣичъ понялъ все. Напрасно онъ увѣрялъ, что денегъ у него нѣтъ, а есть билетъ, который ни къ чему не послужитъ, а можетъ только обвинить его; напрасно умолялъ пощадить свою жизнь, обѣщаясь молчать о случившемся, злодѣй ударилъ его топоромъ по головѣ и, когда Иванъ Матвѣичъ упалъ, зарѣзалъ его поварскимъ ножомъ. Обыскавъ свою жертву и найдя въ карманѣ тулупа ключи, онъ началъ отпирать ими всѣ ящики и шкапы, но, кромѣ двухъ серебряныхъ ложекъ и мелочи рублей на десять, ничего не нашелъ. Выйдя въ сѣни и видя дверь въ людскую растворенной и не слыша никакого шума, поваръ подумалъ, что соучастники его, вѣроятно, испугались какого либо непредвидѣннаго препятствія и скрылись, почему и самъ поспѣшилъ выбѣжать въ калитку на улицу. Дворъ Забудаева отдѣлялся отъ двора Ивана Матвѣича только однимъ досчатымъ заборомъ. На дворѣ стояли экипажи гостей Забудаева. Кучера слышали шумъ и крики на сосѣднемъ дворѣ и увидя проходившаго мимо нихъ повара, спра-

шивали о причинѣ шума, но тотъ прехладнокровно отвѣтилъ имъ, что у сосѣдей кучеръ часто бьетъ свою жену, отчего происходятъ и шумъ и крики, но что они къ нимъ привыкли и не обращаютъ на это никакого вниманія. Затѣмъ отправился на кухню доканчивать приготовленіе блюдъ на ужинъ, употребляя для того ножъ, которымъ только что зарѣзалъ Ивана Матвѣича.

Что же дѣлали въ это время прочіе злоумышленники? Отдѣлившись отъ повара, они вошли въ людскую, застали тамъ всѣхъ спящими, вздули огонь, и началась бойня. Сильнѣе всѣхъ и дольше всѣхъ сопротивлялась старуха, мать кучера. Схвативъ сковородникъ, она храбро защищалась отъ ударовъ убійцы; наконецъ, истекая кровью отъ многочисленныхъ ранъ, повалилась на полъ, гдѣ убійцы и покончили съ ней, при чемъ такъ озлобились, что въ нее уже безъ дыханія тыкали обломками сковородника. Когда обмывалось тѣло для погребенія, то изъ ранъ вынули множество занозъ. Справившись съ остальными безъ всякаго труда, они пощадили только маленькую дѣвочку нѣсколькихъ мѣсяцевъ, спавшую въ зыбкѣ. Замѣчательно, что, несмотря на довольно сильный морозъ, бывшій въ ту ночь, и растворенныя до утра двери, дѣвочка не замерзла.

Выйдя въ сѣни, чтобы по уговору соединиться съ поваромъ на половинѣ Ивана Матвѣича, и не слыша тамъ никакого шума и движенія, убійцы испугались, предположили, что товарищу ихъ почему либо не удалось его предпріятіе, и разбѣжались въ разныя стороны.

Вотъ всѣ перипетіи такого страшнаго убійства, совершеннаго съ такимъ злодѣйствомъ и хладнокровіемъ, но жители города не такъ взглянули на это дѣло. Рѣзня людей не въ лѣсу или глуши, но среди улицы, между двухъ домовъ, полныхъ жильцами, панически подѣйствовала на казанцевъ. Первое время по вечерамъ всѣ сидѣли по домамъ, запершись вокругъ; вздрагивали при малѣйшемъ стукѣ. Слуги, ежели и выходили на дворъ, то не иначе, какъ вдвоемъ, и старались бѣгомъ пробраться, куда имъ было нужно. Такое трусливое состояніе продолжалось съ мѣсяцъ, потомъ стало мало-по-малу забываться, и жизнь вошла въ свою обычную колею.

Убійство Ивана Матвѣича имѣло вліяніе на мою судьбу.

Хоронили его въ воскреснѣе, на масленицѣ. Въ этотъ день казанская молодежь, складчиной, устроила въ городѣ катанье и потомъ обѣдъ съ блинами и танцевальный вечеръ въ домѣ дворянскаго собранія.

На похоронахъ Ивана Матвѣевича между немногими лицами, пожелавшими почтить его память, былъ и генералъ Дурасовъ съ дочерью.

Смотря на Додо Дурасову въ глубокомъ траурѣ, я думалъ: она должна имѣть доброе сердце, когда, будучи свѣтской дѣвушкой, катанью и «блинамъ» предпочла похороны человѣка, который для нея былъ не болѣе, какъ знакомый. Мнѣ бы такую жену. И судьба, баловавшая меня, помогла мнѣ и на этотъ разъ. Желаніе мое исполнилось черезъ два года.

XXXVI.

Возвращеніе въ Житомиръ.—Обѣдъ въ Кіевѣ у И. И. Фундуклея и стерляжи уха.—Поѣздка по дѣлу о контрабандистахъ въ Галицію.—Генераль-губернаторъ Галиціи и Лодомирин баронъ Кригъ.—Обѣдъ у него.—Разговоры о Казани.—Жена генераль-губернатора.—Преувеличенные слухи о цѣли моего пріѣзда и чествованіе меня въ Лембергѣ.—Письмо барона Крига къ Лашкареву.—Помѣщикъ Бобръ и судьба двухъ его тирольскихъ коровъ.

Отпускъ мой кончился. Я возвратился къ прежнимъ своимъ занятіямъ и волокитству.

Вскорѣ произошелъ со мной пресмѣшной случай. И. И. Фундуклей около года тому назадъ жилъ въ Кіевѣ, назначенный тамошнимъ гражданскимъ губернаторомъ, но доброе его, внимательное расположеніе ко мнѣ отъ того нисколько не измѣнилось: онъ взялъ съ меня слово, когда бы я ни пріѣхалъ въ Кіевъ, днемъ или ночью, все равно, непременно остановиться въ его квартирѣ (домъ Радзевича). Для меня была назначена особая комната, по счастливому расположенію своему приспособленная такъ, что въ нее входили особымъ ходомъ, не тревожа прочей прислуги.

Однажды вечеромъ я получилъ отъ Фундуклея эстафету. Онъ писалъ, чтобы я пріѣзжалъ къ нему тотчасъ же по весьма важному дѣлу, а чтобы я въ поѣздкѣ своей не встрѣтилъ препятствій со стороны губернатора, то прилагалъ къ нему письмо, въ которомъ просилъ его отпустить меня въ Кіевъ.

Я терялся въ догадкахъ, какая во мнѣ можетъ быть важная надобность Фундуклею, но пошелъ къ генералу и подалъ ему письмо.

Прочтя его, Лашкаревъ спросилъ:

— Что у васъ за дѣла съ Фундуклеемъ?

— Не понимаю и самъ, зачѣмъ я ему понадобился.

— Поѣзжай!

Въ ту же ночь я отправился въ Кіевъ и утромъ засталъ Фундуклея за чаемъ.

Послѣ обычныхъ привѣтствій я спросилъ его:

— Чѣмъ могу служить вамъ, Иванъ Ивановичъ?

Почесавъ по своей привычкѣ затылокъ и лукаво усмѣхаясь, Фундуклей отвѣчалъ:

— А вотъ, погоди, братецъ! Поди, отдохни съ дороги, а я съѣзжу въ губернское правленіе, а тамъ послѣ и потолкуемъ.

Такъ я и сдѣлалъ; завалился на диванъ и проспалъ до самаго обѣда. Узнавъ, что Фундуклей уже вернулся изъ присутствія, я пошелъ къ нему и сдѣлалъ вопросъ: «къ чему я нуженъ?» Съ тѣмъ же почесываніемъ въ затылкѣ и той же лукавой улыбкой отвѣтилъ:

— Ты знаешь, братецъ, что натоцакъ я не разсуждаю. Вотъ пообѣдаемъ, потомъ и поговоримъ.

Сѣли за обѣдъ, разговоръ шелъ весьма обыкновенный, такъ сказать, обыденный; о цѣли моего вызова ни полслова.

Встали изъ-за стола, прошли въ гостиную, усѣлись на эсъ, подали трубки и кофе. Я повторилъ свой вопросъ. Фундуклей съ обычнымъ почесываніемъ затылка и все той же лукавой улыбкой спросилъ:

— А что ѣлъ сегодня за обѣдомъ?

Такой вопросъ удивилъ меня. Замѣтивъ мое удивленіе, Фундуклей продолжалъ:

— Да! Скажи мнѣ, что ты ѣлъ за обѣдомъ?

— Какъ что? Уху....

— Стой! А что было въ ухѣ?

— Какая-то рыба?

— Кхэ! кхэ! кхэ! Не узналъ своей землячки!

— Какой землячки?

— Да стерляди!

Тутъ только я понялъ причину моего вызова въ Кіевъ. Зная гурмандизмъ Фундуклея, я привезъ ему изъ Казани пятичет-вертную замороженную стерлядь. Мой Иванъ Ивановичъ пришелъ въ восторгъ. Такой величины рыбы онъ, живя все на югѣ Россіи, еще не видалъ, и, несмотря на то, что она была заморожена, слѣдовательно много утратила своего вкуса, говорилъ, что онъ вкусилъ «пищи боговъ».

Въ Днѣпрѣ водятся стерляди, но очень мелкія, тощія, и то попадаются не часто. Наканунѣ рыбакъ принесъ Фундуклею, какъ рѣдкость, нѣчто похожее на волжскую стерлядь. Фундуклей вспомнилъ привезенную мной стерлядь и захотѣлъ пойманную рыбу непременно раздѣлить со мной. Тотчасъ же была отправлена ко мнѣ эстафета, и приготовленъ сюрпризъ, который совершенно не удался. Въ чемъ-то рыбномъ я никакъ не могъ признать стерлядь, о чемъ Фундуклей очень горевалъ.

Впослѣдствіи, издавъ цѣнное сочиненіе: «Обозрѣніе Кіева въ отношеніи къ древностямъ и обозрѣніе могилъ, валовъ и городищъ Кіевской губерніи», съ рисунками, отпечатанными въ Парижѣ, Фундуклей прислалъ его мнѣ, при любезномъ письмѣ, въ которомъ, вспоминая неудавшійся эффектъ стерляди, писалъ, что, зная

мою любознательность и склонность къ русской старинѣ, онъ надѣется, что на этотъ разъ дѣйствительно сдѣлаетъ мнѣ удовольствіе присылкою книги.

Когда я возвратился въ Житомиръ, Ланкаревъ спросилъ меня:

— Зачѣмъ присылалъ за тобой Фундуклей?

— Отгадайте, ваше превосходительство!

— Да, буду ломать голову надъ отгадками! Вѣрно какойнибудь пустякъ. Развѣ между вами можетъ быть чтонибудь серьезное!

Но, когда я рассказалъ, въ чемъ дѣло, Лашкаревъ долго и отъ души смѣялся повторяя:

— Такъ, такъ! Узнаю Ивана Ивановича!

Другая моя тоже неожиданная поѣздка была поинтереснѣе.

Губернаторъ, отправившись на ревизію, по обыкновенію, взялъ меня съ собой. По возвращеніи его ждало сообщеніе генераль-губернатора Галиціи и Лодомиріи, барона Крига, который писалъ, что по послѣдней конвенціи такого-то параграфа, заключенной между правительствами Австріи и Россіи, подданные, уличенные въ уголовномъ преступленіи, судятся по законамъ той державы, которой они принадлежатъ. Между тѣмъ австрійскій подданный, еврей мѣстечка Бродъ, пойманный съ контрабандою, не доставленъ въ Австрію, а заключенъ въ оковы въ городѣ Кременцѣ, поэтому Кригъ проситъ объяснить, отчего произошло такое нарушеніе конвенціи, для «сообщенія о томъ своему двору».

Дѣло въ томъ, что на мѣсто Фундуклея былъ назначенъ въ Житомиръ вице-губернаторомъ баронъ Корфъ. Корфъ, какъ служившій прежде въ военной службѣ, былъ еще неопытенъ въ гражданскихъ дѣлахъ. Принявъ во время отсутствія Лашкарева управленіе губерніей и получивъ донесеніе о поимкѣ контрабандистовъ, Корфъ распорядился всѣхъ ихъ засадить въ острогъ, въ томъ числѣ и еврея, австрійскаго подданнаго. Какъ большая часть чиновниковъ, служащихъ въ тамошнихъ присутственныхъ мѣстахъ, происхожденія польскаго, радующихся, если могутъ, русскому начальнику «подставить ножку», то никто и не предупредилъ вице-губернатора о существованіи конвенціи.

Дѣло, само по себѣ пустое, задѣло нѣмецкое самолюбіе австрійскаго генераль-губернатора, могло дойти до нашего двора, и въ какой часъ, пожалуй, могло стоять мѣста и всей служебной карьеры Лашкареву. Надо было «умаслить» расхоронившагося нѣмца. Губернаторъ придумалъ послать меня къ барону Кригу съ собственноручнымъ письмомъ на нѣмецкомъ языкѣ, которымъ Лашкаревъ владѣлъ въ совершенствѣ, съ извиненіемъ и объясненіемъ причины недоразумѣнія.

Само собою разумѣется, что пакостный жидъ, надѣлавшій столько шуму и хлопотъ, тотчасъ же былъ сданъ австрійскому правительству.

Здѣсь кстати скажу, что переписка и довольно частая между волынскимъ губернаторомъ и генералъ-губернаторомъ Галиціи и Лодомиріи производилась съ нашей стороны на русскомъ, а съ австрійской на нѣмецкомъ языкѣ, для чего въ обѣихъ канцеляріяхъ состояло, по штату, по переводчику. Какъ сношенія съ Австріей были большею частью по секретнымъ дѣламъ, то и вся переписка сосредоточивалась подъ моимъ вѣдѣніемъ.

Получивъ заграничный курьерскій паспортъ, я поскакалъ въ Галицію, въ г. Лембергъ, мѣстопробываніе барона Крига.

Переѣхавъ границу въ Радзивилловѣ, я очень удивился, что до самаго Лемберга не встрѣтилъ никакой рѣзкой разницы отъ Россіи: тѣ же деревни съ хатами и покривившимися деревянными церквями, тѣ же жители хохлы, тѣ же обычаи, все то же, что я оставилъ и въ Волынской губерніи, только одни солдаты были одѣты въ мундиры съ желтыми воротниками. Тогда я не зналъ еще, что Галиція была русская провинція, отданная Австріи въ обмѣнъ на Бѣлостокскую область.

Приѣхавъ въ Лембергъ (нашъ бывшій Львовъ), явился къ генералъ-губернатору. Меня встрѣтила высокая, очень высокая, тощая фигура, съ острымъ длиннымъ носомъ и рыжимъ парикомъ, въ сюртукѣ, съ звѣздой на груди; но на первыхъ же порахъ я встрѣтилъ большое затрудненіе. Баронъ Кригъ говорилъ только по-нѣмецки, а я не знаю этого языка. Послали за переводчикомъ, и черезъ посредство его объяснилась цѣль моего приѣзда. Нѣмецкій баронъ письмомъ Лашкарева остался очень доволенъ и благодарилъ меня за трудъ, который я предпринялъ для приѣзда. Тотчасъ же распорядился вещи мои изъ гостиницы перенести къ себѣ во флигель и объявилъ, что ранѣе трехъ дней онъ меня не отпуститъ, что онъ радъ такому «почетному» гостю, и что, зная наше гостепріимство, надѣется доказать мнѣ, что и нѣмцы, какъ и славяне, не уступятъ въ этомъ отношеніи русскимъ. Словомъ засыпалъ меня любезностями и отпустилъ, прося быть совершенно свободнымъ, какъ дома, и приходить къ нему, какъ только я этого пожелаю.

Дѣлать нечего, пришлось пріютиться подъ кровлей нѣмца, за минуту, можетъ быть, мечтавшаго о томъ, какъ бы лучше насолить русскому губернатору, а теперь совершенно довольнаго тѣмъ, что такъ польстили его самолюбію, и извинительное письмо пришло не по почтѣ, а прислано съ русскимъ офицеромъ. Переводчикъ, прикомандированный ко мнѣ, не разлучался со мной. Я тотчасъ же, по окончаніи приѣма, побѣждалъ осматривать городъ, но, къ удивленію и досадѣ, въ своемъ путеводителѣ, молодомъ чело-вѣкѣ, по словамъ его, кончившемъ полный курсъ наукъ въ гимназій, нашелъ совершеннаго невѣжду. Онъ нисколько не зналъ исторіи края и не могъ объяснить мнѣ ни одного памятника, которые я видѣлъ.

Возвратясь изъ перваго неудачнаго осмотра города, я на порогѣ отведенной мнѣ комнаты встрѣтилъ лакея, который черезъ переводчика передалъ мнѣ, что баронъ прислалъ узнать: какъ я желаю, прійти ли пить вечерній чай къ нему, или принести мнѣ въ комнату. Я предпочелъ первое и въ сопровожденіи слуги отправился какими-то коридорами въ главный домъ. Тамъ, во второмъ этажѣ, мы вошли въ небольшую круглую комнату, смотря по шкафамъ съ посудой, служащую столовой. Баронъ Кригъ представилъ меня своей женѣ—нестарой и очень недурной нѣмкѣ, которая при каждомъ словѣ все присѣдала. Усѣлись за круглый столъ посрединѣ зала, хозяйка разливала чай; самовара не было, его замѣняли большой серебряный чайникъ, съ горячей водой. Къ чаю были поданы: ветчина, сосиски, сыръ, сухарики, обсыпанные сахаромъ, тартинки и отличныя густыя сливки. Все это было необыкновенно опрятно, но чай мнѣ показался невкусенъ, отзывался травой. Разговоръ держался на разспросахъ. Узнавъ, что я уроженецъ Казани, баронъ Кригъ пустился со мной въ исторію города, взятіе его царемъ Іоанномъ Васильевичемъ; къ счастью, я могъ на всѣ его вопросы отвѣтить удовлетворительно. Но въ особенности я угодилъ ему рассказомъ о жизни, религіи, нравахъ и обычаяхъ татаръ. Кригъ слушалъ меня очень внимательно. Одно жаль, что живости нашей рѣчи мѣшала передача ея въ переводѣ съ обѣихъ сторонъ.

Баронъ, выслушавъ мои рассказы о татарахъ, обратился къ женѣ и сказалъ ей что-то по-нѣмецки; та привстала съ своего стула и молча сдѣлала мнѣ три книксена. Я принялъ ихъ за знакъ окончанія моего визита и раскланявшись ушелъ въ свою комнату. Тамъ я спросилъ у переводчика:

— Что такое сказалъ баронъ своей женѣ?

— Онъ удивлялся, что вы въ такихъ молодыхъ лѣтахъ и такъ глубоко учены.

— А что означали присѣданія т-те Кригъ?

— Этимъ она желала выразить удивленіе вашимъ свѣдѣніямъ.

Я разсмѣялся въ душѣ, подумавъ: немного же надо знаній, чтобы «пустить нѣмцу пыль въ глаза».

На другой день въ городѣ распространился слухъ, что къ генералъ-губернатору пріѣхалъ адъютантъ русскаго царя съ важными бумагами, оттого баронъ такъ и чествуетъ его, такъ что, когда я вышелъ на улицу, всѣ встрѣчавшіе меня кланялись, солдаты отдавали честь, а офицеры брались «подъ козырекъ». Сознаюсь въ малодушіи. Такое общее вниманіе сильно льстило моему молодому самолюбію! Я очень важничалъ, думая тѣмъ поддержать достоинство вообще п офицера въ частности. Эти знаки вниманія были далеко не тѣ, которыми осыпали меня на Волыни; въ нихъ не было ничего для меня оскорбительнаго, и я сознавалъ, что пово-

домъ къ нимъ служило дѣйствительное уваженіе къ представителю, какъ думали нѣмцы, дружественной державы, а не подлая, низкая угодливость, въ которой тайная ненависть прикрыта наружнымъ лицемѣріемъ.

Приглашенный къ обѣду барона, я видѣлъ за столомъ многихъ начальствующихъ лицъ города, между прочимъ, командира мѣстныхъ войскъ. Всѣ они относились ко мнѣ съ большимъ уваженіемъ; не были ли и они введены въ заблужденіе слухами, распространенными на мой счетъ? Удивленіямъ не было конца, когда объяснилъ имъ, что я происхожденія монгольскаго, прямой потомокъ князя Мамаи, разбитаго на Куликовскомъ полѣ. Нѣмцы сейчасъ же нашли въ чертаніяхъ моего лица восточный типъ. Они думали, что если я казанскій уроженецъ, то предки мои были царями Казани. Сначала я было думалъ оставить ихъ въ этомъ заблужденіи, но показалось какъ-то совѣстно далѣе ихъ мистифицировать, и я объяснилъ имъ, что предки мои были татары не казанскіе, а ногайскіе, и я потому только уроженецъ казанскій, что отецъ мой женился тамъ и мать имѣетъ помѣстье въ Казанской губерніи, гдѣ они оба и понынѣ живутъ.

Доселѣ я думалъ, что вся ученость засѣла въ головѣ каждого нѣмца, но видѣнные мной на окраинѣ Германіи совершенно меня разочаровали. Образование ихъ и познанія были на одномъ уровнѣ съ образованіемъ нашихъ мелкихъ чиновниковъ...

Узнавъ, что въ Лембергѣ есть магазинъ «вѣнскихъ экипажей», я купилъ небольшую двухмѣстную коляску за весьма дешевую цѣну, сравнительно съ нашими. Крѣпость и прочность ея отдѣлки я испыталъ на нашихъ проселочныхъ дорогахъ; она и по сіе время цѣла и находится (въ 1871 г.) въ казанскомъ имѣніи, селѣ Пановкѣ.

На третій день моего приѣзда въ Лембергъ баронъ Кригъ наконецъ рѣшился разстаться со мной. Давно было пора! Я очень скучалъ, несмотря на все вниманіе, мнѣ оказываемое. Чужой край всегда останется чужимъ.

Итакъ, я имѣлъ возможность видѣть уголокъ «Западной Европы» и получилъ право говорить, что «былъ за границей», да еще на казенный счетъ. Первое мое впечатлѣніе заграничной поездки было не въ пользу мной видѣннаго...

Лашкаревъ, прочтя поданное мной письмо барона Крига, разсмѣявшись, спросилъ:

— Чѣмъ ты такъ обворожилъ нѣмца?

— Не знаю. Развѣ,—прибавилъ я насмѣшливо,—своей «глубокой» ученостью!

— Онъ пишетъ: «Какъ счастливъ русскій царь, имѣя такихъ офицеровъ въ своемъ войскѣ, и какъ долженъ гордиться генералъ, умѣвшій выбрать себѣ такого адъютанта».

Я рассказать во всей подробности, какъ удивились нѣмцы моимъ ученымъ свѣдѣніямъ; не забылъ упомянуть и о книжкахъ.

На другой день моего приѣзда изъ Галиціи я былъ свидѣтелемъ чисто русской сцены. Но прежде—небольшое объясненіе.

Лашкаревъ, объѣзжая губернію, между прочимъ, былъ и въ селѣ Загайцахъ помѣщика Бобра, такъ какъ тамъ помѣщалась квартира станового пристава. Окончивъ ревизію, Лашкаревъ принялъ предложеніе владѣльца имѣнія, и мы отправились въ палацъ, мнѣ уже знакомый по розыскамъ оружія, спрятаннаго въ землѣ. Послѣ обѣда Бобръ повелъ насъ осматривать свое хозяйство, между прочимъ и скотный дворъ. Скотъ былъ дѣйствительно превосходный, разныхъ породъ. Лашкареву въ особенности понравились двѣ коровы-тирольки, и онъ очень хвалилъ ихъ. Бобру пришла благая мысль—сюрпризомъ подарить ихъ Лашкареву, и коровы были отправлены въ Житомиръ, на губернаторскій дворъ.

Лашкаревъ, гуляя по саду, замѣтилъ сквозь рѣшетчатый заборъ, что у него на заднемъ дворѣ ходятъ двѣ коровы, которыхъ онъ прежде не видалъ. Подойдя ближе къ забору и всматриваясь, онъ узналъ въ нихъ видѣнныя имъ у Бобра. Страшно вскипятившись, Лашкаревъ поднялъ крикъ, шумъ: «Какъ смѣли принять коровъ?» и т. п. Послалъ за полицеймейстеромъ и тотчасъ же приказалъ ихъ заколотъ и мясо отдать арестантамъ.

По уходѣ Лашкарева, полицеймейстеръ, обращаясь ко мнѣ, сказалъ:

— Николай Ивановичъ! Упросите генерала, чтобы онъ позволилъ этихъ коровъ замѣнить другими. Я готовъ пожертвовать шестью, чтобы спасти ихъ.

— Нѣтъ! Я не пойду, это будетъ совершенно напрасно, а вы дѣлайте, какъ знаете, только чтобы коровы не попадались болѣе на глаза генерала.

Конецъ исторіи съ коровами былъ еще своеобразнѣе. Бобръ, ничего не зная о случившемся, приѣхалъ въ Житомиръ и посѣтилъ губернатора. На этотъ разъ я случился въ дежурной комнатѣ и пошелъ докладывать о приѣздѣ Бобра. У Лашкарева глаза запрыгали, что означало въ немъ вспышку гнѣва. Онъ спросилъ:

— Много тамъ просителей?

— Не очень!

— Попроси Бобра подождать, а когда явится болѣе просителей, скажи мнѣ.

Зная Лашкарева, я приготовился къ занимательному зрѣлищу—и не ошибся.

По вторичному моему докладу, Лашкаревъ, выйдя изъ кабинета, прямо подошелъ къ Бобру и сказалъ:

— Къ несчастію, должностію моею я поставленъ въ необходимость принимать здѣсь всякаго мошенника и плута; но туда,—показывая рукой за стѣну, гдѣ были внутренніе пріемные губернаторскіе покои,—прошу васъ не жаловать. Что вамъ угодно?

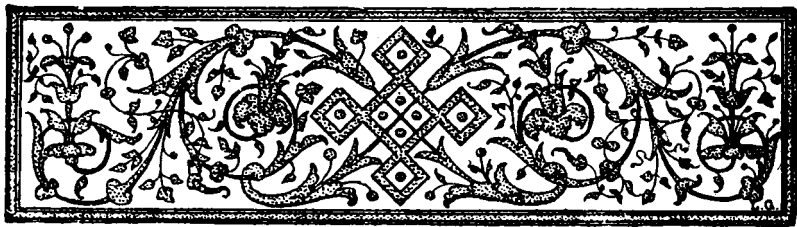
Бобръ, весь блѣдный, растерявшійся, понималъ только, что его оскорбили, но за что?—того не зналъ. Ни слова не говоря, онъ поклонился и вышелъ.

Не правъ ли я былъ, сказавъ, что присутствовалъ при чисто русской сценѣ? Нѣмцу не подняться на такую высоту строгаго безкорыстія. Онъ не отказался бы отъ такого лакомаго подарка и потомъ вынужденнымъ бы нашелся изъ благодарности помирволить хотя немного дарителю.

Н. И. Мамаевъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ЗАПИСКИ Н. И. МАМАЕВА ¹⁾.

XXXVII.

Помѣщикъ Павша и разсказъ о его злключеніяхъ новоградъ-волынскаго исправника.—Губернаторъ Лашкаревъ поручаетъ мнѣ пересмотрѣть «дѣло Павши» въ архивѣ Житомирскаго губернскаго правленія.—Моя записка по этому «дѣлу», оправданіе Павши и его возвращеніе изъ Сибири.

РИСТУПАЮ къ описанію самой лучшей, самой свѣтлой стороны моей жизни. Минуты такіе не всѣмъ даются; онѣ выкупаютъ много нашихъ несовершенствъ, нашихъ ошибокъ... Доселѣ мѣсто моего служенія давало мнѣ возможность искоренять злоупотребленія, и я душилъ взяточниковъ немилосердно. Если и дѣлалъ добро, то цѣлому краю. Богъ въ неизреченномъ милосердіи своемъ избралъ меня своимъ орудіемъ сдѣлать добро единичной личности!.. Мнѣ, въ молодыхъ моихъ лѣтахъ и не занимая никакого высокаго вліятельнаго поста на степени власти, удалось съ помощію Провидѣнія возвратить невиннаго изъ рудниковъ Сибири, дать ему права гражданства въ обществѣ, права, отнятыя несправедливостію людей и властію деспотизма.

Въ концѣ августа мѣсяца генералъ поручилъ мнѣ одно слѣдствіе, для котораго я долженъ былъ пригласить съ собою новоградъ-

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXXVI, стр. 428.

волинскаго исправника. Проѣхавъ верстъ пять по большой дорогѣ, мы свернули въ сторону и поѣхали проселкомъ. Дорога шла между запаханныхъ полей, по мѣстности довольно ровной, красивой, какъ и вся Волинская губернія, кромѣ сѣверныхъ ея уѣздовъ; казалось, ничего особеннаго нельзя было ожидать. Время стояло чудное. На небѣ ни облачка, солнце свѣтило ярко, и такъ какъ было еще раннее утро, то лучи его насъ не очень беспокоили. Птички весело щебетали, порхая въ воздухѣ; въ выси заливались жаворонки въ своихъ громкихъ треляхъ. Все располагало къ мечтательности. При видѣ совершенствъ природы чувствовалось, какъ человѣкъ терялся во всемъ его окружающемъ, какъ слово его—ничтожно передъ голосомъ природы. Я считалъ святотатствомъ для себя постороннимъ звукомъ нарушить гармонию, всецѣлость природы, потому мы ѣхали молча. Только рои мыслей толпились у меня въ головѣ. Мы тряслись на телѣгахъ; я думалъ какъ бы скорѣе кончить слѣдствіе и возвратиться въ Житомиръ, думалъ о тѣхъ, кого оставилъ тамъ, и которые меня всегда ожидали съ нетерпѣніемъ, о чемъ думалъ исправникъ,—не знаю... какъ вдругъ на поворотѣ дороги представилась мнѣ мѣстность, какой я еще никогда не видалъ, и которой никогда не забуду.

Намъ представилась довольно широкая лощина, поросшая густой травой и уходившая въ даль, и совершенно ровная, казалось, какъ будто нарочно выпланированная искусствомъ. Лощину съ обѣихъ сторонъ сжимали небольшія возвышенности, къ которымъ растущій кудрявый кустарникъ, казалось, подползъ, чтобы ниже посмотреть въ рѣчку, текущую въ красивыхъ извилинахъ по дну лощины. Поверхность возвышенности мѣстами перерѣзывалась оврагами въ самыхъ прихотливыхъ очертаніяхъ. По лощинѣ бѣжала рѣчка наравнѣ съ берегами, искрясь и сверкая своей стальной броней, съ блестящею чешуею, покрытою какъ бы золотомъ, отъ отражающихся въ ней лучей солнца. Рѣчка извивалась тысячами изгибовъ, бросаясь то туда то сюда, но эта-то безпорядочность въ теченіи и составляла ея особенность, такъ меня поразившую.

Будучи отъ природы впечатлительнымъ, я при видѣ этой мѣстности не выдержалъ, приказалъ остановиться ямщику, соскочилъ съ телѣги и пригласилъ исправника пройтись пѣшкомъ.

Съ каждымъ шагомъ впередъ, панорама вида мѣнялась, дѣлаясь все лучше и лучше. Пройдя небольшой лѣсокъ, на время закрывшій отъ меня восхитительную мѣстность, и повернувъ направо, я вдругъ остановился, какъ вкопанный, устремивъ глаза впередъ, и, не имѣя духу сказать что нибудь, протянулъ только руку.

Исправникъ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ:

— Что съ вами?

— Ахъ, Александръ Каспаровичъ, посмотрите, посмотрите, какъ это хорошо, какъ это чудно!

Исправникъ обвелъ вокругъ глазами и улыбнулся. Ему показалось страннымъ, непонятнымъ, какъ я могу удивляться и быть пораженнымъ до такой степени мѣстностью, которая, по его мнѣнію, ничего особеннаго не представляла. Онъ или уже приглядѣлся къ ней, ѣздя по своей обязанности часто мимо этого мѣста, или, можетъ быть, потому, что не имѣлъ ни моихъ лѣтъ ни моей впечатлительности ко всему изящному.

Видъ, открывшійся предо мной, своей своеобразностью совершенно затѣнялъ все видѣнное мной дотолѣ. Это было продолженіе той же долины, которая и прежде меня остановила, но съ приращеніемъ другихъ красотъ, другихъ измѣненій въ мѣстности.

Долина здѣсь расходилась шире на обѣихъ возвышенностяхъ, окаймляющихъ ее, ближе къ рѣчкѣ росъ тотъ же кустарникъ, но за нимъ подымался лѣсъ. Въ проторинахъ лѣса мелькали то пашни, то деревни, но красота мѣстности собственно заключалась въ самой долині. Рѣчка прихотливымъ изгибомъ своимъ дѣлала красоту картины еще полнѣе. Протекая по прямому направленію, она круто поворачивала назадъ и, не доходя нѣсколькихъ шаговъ до своего прежняго изгиба, вновь поворачивала къ своему первоначальному направленію и текла далѣе. Такими поворотами, въ видѣ буквы *с*, она образовала мысъ; на мысу этомъ, среди растущаго невысокаго кустарника, бѣлѣлась небольшая часовня (каплица) весьма затѣйливой архитектуры. На заднемъ ея планѣ былъ густой лѣсъ. За нимъ сбоку виднѣлось большое село съ своей деревянной ветхой церковью. Небольшой крестъ на часовнѣ ярко сверкалъ въ лучахъ солнца...

Придя нѣсколько въ себя отъ нечаянности увидѣнной мной картины, я спросилъ исправника:

- Ради Бога, скажите, что это такое, и зачѣмъ тутъ часовня?
- Это цѣлый романъ! Не желаете ли, расскажу?
- Какъ не желаю? Напротивъ, прошу, умоляю васъ.

Мы ушли на траву въ виду часовни, и исправникъ началъ свой рассказъ.

— Это село, что вы видите, и вся эта мѣстность принадлежали богатому помѣщику Павшѣ, теперь оно отписано въ казну.

— Почему?

— Выслушайте до конца и все узнаете. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія Паша женился по страстной любви, но противъ воли своего отца, на бѣдной дѣвушкѣ, дочери Грибовскаго, своего управляющаго, или, какъ здѣсь ихъ называютъ, эконома. Грибовскій былъ шляхтичъ, слѣдовательно тоже благороднаго происхожденія, но въ глазахъ отца Пашши такой бракъ не соотвѣтствовалъ значимости и достоинству ихъ предковъ. Вы знаете, какъ польскіе магнаты прежде дорожили своимъ родомъ и избѣгали смѣшенія чистоты своей крови съ плебеями, какъ они называли тѣхъ,

которые не могли съ ними равняться знатностью своего происхожденія. Въ первый же годъ женитьбы молодого Павши у него родился сынъ, но рожденіе ребенка стоило смерти матери. Павша, убитый горемъ отъ потери своей нѣжно любимой жены, наложилъ на себя обѣтъ не выѣзжать никуда изъ имѣнія, отказаться отъ свѣта и всю жизнь свою посвятить воспитанію своего сына; на него онъ перенесъ всю свою любовь и всю привязанность къ его матери и сдержалъ свое слово. 25 лѣтъ онъ жилъ послѣ смерти своей жены и ниразу не переступалъ черту границъ своего владѣнія. Въ годъ женитьбы Павши мать его жены родила мальчика, который слѣдовательно былъ немногимъ старше сына Павши. Павша взялъ его къ себѣ воспитывать вмѣстѣ съ своимъ сыномъ. Мальчики росли вмѣстѣ, все у нихъ было общее, и игры и ученье. Привязанность ихъ другъ къ другу, начатая съ малолѣтства безсознательно, по одной только привычкѣ, съ переходомъ въ возрастъ разрослась и окрѣпла въ дружбу. Оба они, получивъ дома прекрасное, основательное образованіе, отправлены были для усовершенствованія въ наукахъ въ Гейдельбергскій университетъ, въ Германію. Павша пошелъ по философскому факультету, а Грибовскій избралъ для себя медицину, какъ средство, болѣе вѣрное для обезпеченія себя въ будущемъ. По окончаніи университетскаго курса молодой Павша возвратился въ свое имѣніе, чтобы закрыть глаза умирающему отцу и принять въ управленіе свои маенности, употребляя польское выраженіе, а Грибовскій поѣхалъ въ Падую, которая тогда славилась своей медицинской академіей для лучшаго себя усовершенствованія на избранномъ имъ поприщѣ. Предъ разставаніемъ оба они поклялись другъ другу, по примѣру германскихъ студентовъ и проникнутые ихъ духомъ святости обѣщаній, не нарушать никогда дружбу, въ какихъ бы обстоятельствахъ кто изъ нихъ ни былъ, и, въ случаѣ смерти одного изъ нихъ, оставшійся въ живыхъ непремѣнно обязывался похоронить умершаго въ имѣніи Павши, въ мѣстѣ, свидѣтелъ ихъ первыхъ дѣтскихъ игръ и ихъ перваго узла дружбы. Первому суждено было умереть Грибовскому. Усиленными занятіями онъ разстроилъ свое здоровье и чувствуя, что немного остается ему жить, спѣшилъ возвратиться въ Россію, чтобы исполнить завѣтъ лечь въ землѣ своего друга, но, не доѣхавъ до мѣста, умеръ въ какомъ-то мѣстечкѣ въ Галиціи. Павша, получивъ извѣстіе о смерти своего друга, началъ хлопотать объ исполненіи своего обѣщанія и, получивъ дозволеніе правительства на перевозъ тѣла Грибовскаго въ свое имѣніе, приступилъ прежде къ постройкѣ этой самой каплицы, которую вы видите. Вы знаете, что у католиковъ каплицей называется часовня, въ которой можно совершать мессу, т. е. обѣдню. Павша желалъ устроить прежде приличное мѣсто для погребенія тѣла своего друга, потомъ уже перевезти его. Эта-то медлительность и погубила Павшу. Въ этихъ

приготовленіяхъ засталъ Павшу бунтъ, вспыхнувшій въ Варшавѣ въ 1830 году. Бунтъ этотъ, расходясь отъ Варшавы, какъ отъ центра, охватилъ собой не только собственно Польшу, но и губерніи литовскія и западныя, къ ней прилегающія.

Павша не принималъ никакого участія въ возмущеніи края; отрядъ Дверницкаго или Гелгута,—не помню котораго изъ нихъ,—дѣйствовавшій въ этой странѣ, не могъ его увлечь въ общее возстаніе. Говорили даже, что, считая Павшу не только дурнымъ патриотомъ, но преданнымъ нашему правительству, поляки хотѣли его повѣсить, и онъ только какимъ-то чудомъ могъ избавить себя отъ петли.

Когда возмущеніе было подавлено,—говорю: подавлено, а не прекращено, поляки и теперь (въ 1841 году) мечтають о возстановленіи своей націи, несмотря ни на какія жестокія мѣры нашего правительства,—для разбора участія въ бунтѣ и опредѣленія зато соразмѣрнаго наказанія, для нашего края была учреждена военная комиссія въ Житомирѣ. Презусомъ этой комиссіи былъ Охотскаго пѣхотнаго полка майоръ Ивановъ—человѣкъ, въ высшей степени подлый и сребролюбивый. Для него невинность въ преступленіи состояла въ болѣе или менѣе извѣстной суммѣ денегъ. Поэтому самыя злыя, самыя горячіе участники возмущенія откупались деньгами и оставались оправданными, а бѣдняки, не имѣвшіе средствъ удовлетворить алчности Иванова или не желавшіе воспользоваться такимъ низкимъ средствомъ къ своему оправданію, хотя и менѣе виноватыя, чѣмъ первые, дѣлились Ивановымъ на разряды и осуждались комиссіею къ болѣе или менѣе тяжкимъ наказаніямъ.

Зная такой характеръ дѣйствій комиссіи, или, лучше сказать, Иванова, можно легко объяснить судьбу Павши.

Вы знаете, что во время возмущенія въ здѣшнихъ мѣстахъ многія православныя церкви были разграблены, и утварь расхищена.

Вы тоже знаете, что католическая церковная утварь, употребляемая при богослуженіи, похожа на ту, которую употребляетъ и наша православная церковь.

У Иванова были свои клеветы, разумѣется, изъ жидковъ, которые подъ видомъ преданности русскому правительству, а въ сущности имѣя въ виду получать хорошую плату за свои гнусные доносы, извѣстили Иванова, что у Павши скрыта расхищенная церковная утварь, умолчавъ, разумѣется, о случаѣ, для котораго Павша заготовилъ эту утварь, и прибавивъ какъ бы вскользь, что онъ имѣетъ хорошее состояніе. Собаки-жиды по тонкому чутью знали, гдѣ добыть добычу и чѣмъ угодить Иванову. Ивановъ тотчасъ распорядился отправить команду въ имѣніе Павши, сдѣлать тамъ обыскъ, и если окажутся церковныя вещи, то вмѣстѣ съ самимъ Павшей представить ихъ въ комиссію. Павша, увидя у себя команду въ домѣ и узнавъ цѣль ихъ прихода, самъ вынесъ имъ церковную

утварь, совершенно новую, какъ была получена отъ мастера, и не бывшую еще въ употребленіи. Начальникъ команды, исполняя предписание Иванова, взялъ вещи и пригласилъ Павшу слѣдовать вмѣстѣ съ нимъ въ Житомиръ. Павша, ничего не подозрѣвая и полагая, что дѣло все вышло изъ недоразумѣнія, которое онъ уничтожитъ однимъ простымъ объясненіемъ случая, для котораго имѣлъ у себя церковную утварь, скоро и охотно собрался въ дорогу. Каково же было его удивленіе, когда по пріѣздѣ въ Житомиръ онъ тотчасъ же и безъ требованія отъ него объясненія былъ отведенъ въ Бернардинскій монастырь, замѣнявшій тогда тюрьму для государственныхъ преступниковъ, и тамъ, несмотря ни на какія возраженія и объясненія, былъ посаженъ въ отдѣльную келью, и къ двери былъ приставленъ часовой.

На другой день Павша былъ потребованъ въ комиссію для допроса. Привели его между двухъ солдатъ, какъ государственнаго преступника. На спросъ презуса о церковной утвари Павша ясно и положительно объяснилъ случай, по которому эти вещи находились у него. Ивановъ и прежде очень хорошо зналъ, по какому случаю находилась церковная утварь у Павши, но ему не того было нужно, и потому весьма вѣжливо объявилъ, что онъ вполне довѣряетъ искренности его поясненій, но по порядку, принятому нашимъ судопроизводствомъ, долженъ показанія его провѣрить ближайшими изслѣдованіями, а до того времени проситъ извиненія, что вынужденъ задержать его въ Житомирѣ. Павша отведенъ былъ въ свою прежнюю келью, замѣнившую ему теперь тюрьму.

Вечеромъ посѣтилъ его Ивановъ и безъ всякихъ предисловій прямо приступилъ къ дѣлу, т. е. спросилъ, много ли желаетъ онъ заплатить за право быть оправданнымъ. Такой наглый запросъ возмутилъ благороднаго Павшу. Считая себя вполне невиннымъ, онъ въ простотѣ своей души думалъ найти и честь и правоту въ нашихъ судахъ. Бѣдный Павша! Онъ дорого заплатилъ за свое вѣрованіе, за свою наивность! Павша, отвергнувъ съ негодованіемъ предложеніе, какъ недостойное его, дерзко отвѣтилъ Иванову, что онъ никогда не позволитъ себѣ унизиться—заплатить деньги за правое дѣло; тогда послѣдній, сбросивъ съ себя личину вѣжливости, которой прикрывалъ дотошнѣ сношенія свои съ Павшей, и зная, что жертва не уйдетъ отъ его рукъ, съ гордостью и самоувѣренностью сказалъ ему, что онъ горько раскается въ своей опрометчивости,—и сдержалъ свое слово: Павша былъ осужденъ и сосланъ въ Сибирь на Нерчинскіе рудники, а имѣніе было отписано въ казну.

Исправникъ кончилъ свой разсказъ, но я долго не могъ прійти къ себѣ, долго и неподвижно сидѣлъ на прежнемъ мѣстѣ. Все очарованье мѣстности исчезло для меня. Мѣсто восторга заступила во

мнѣ злоба на людскую несправедливость, на разсчитанную месть человѣка, который изъ своихъ личныхъ выгодъ жертвуетъ болѣе чѣмъ жизнію ближняго,—его честью, его спокойствіемъ души,—и все это попираетъ грязными своими помыслами.

Исправникъ замѣтилъ мнѣ, что пора ѣхать. Молча я всталъ съ своего мѣста, молча сѣлъ въ телѣгу, и мы отправились.

Не скоро я могъ прійти въ себя отъ чудовищности поступка Иванова. Разсказъ сильно налегъ на мою впечатлительную душу... Наконецъ я спросилъ:

— Неужели не было никакой возможности Павшѣ доказать свою невинность?

— Никакой. Правда, въ Кіевѣ была учреждена такъ называемая центральная комиссія для контроля надъ дѣйствіями прочихъ комиссій, подобныхъ Житомирской; но центральная комиссія даже допустивъ, что дѣйствовала бы вполне добросовѣстно и безпристрастно, ничего не могла сдѣлать въ пользу Павши. Списки подсудимыхъ доставлялись въ нее изъ прочихъ второстепенныхъ комиссій во множествѣ, въ каждомъ изъ этихъ списковъ значилось по сту и болѣе преступниковъ, изъ Петербурга слѣдовали строжайшія предписанія ускорять дѣйствія комиссіи... Гдѣ же въ этой поспѣшности вы желаете сохранить всю справедливость суда и всѣ средства къ раскрытію невинности пресупника? Чаше судили больше по наружнымъ обстоятельствамъ дѣла, говорившимъ за или противъ обвиняемаго. Такъ было и въ дѣлѣ Павши. Въ списокъ преступниковъ въ графѣ вины его стояло, что Павша, не участвуя лично въ возмущеніи, дѣлалъ партизанскіе наѣзды, разбивалъ почты, грабилъ православныя церкви, въ чемъ хотя и не сознался, но уличенъ при обыскѣ вынутаеъ у него изъ дома церковной утвари. Преступленіе, какъ видите, тяжкое; согласно приговору центральной комиссіи, Павшу повезли въ оковахъ въ Нерчинскъ, гдѣ онъ и теперь страдаетъ девятый годъ.

— Но это ужасно, что вы говорите. Какъ же вамъ не стыдно! Зная такъ хорошо всю эту несчастную исторію, вы по сіе время молчали.

— Что же я могу сдѣлать?

— То, что я сдѣлаю. По пріѣздѣ въ Житомиръ я все объясню губернатору. Зная его благородное, чувствительное сердце, его высокое безпристрастіе, я увѣренъ, что онъ подыметъ это дѣло.

— Хорошо вамъ говорить, вы его адъютантъ, а я подъ какимъ предлогомъ сунусь къ нему объяснять исторію Павши?

Что было говорить, съ человѣкомъ, который не понималъ или не хотѣлъ понять, что обязанность cadaго изъ насъ заключается въ паданіи помощи ближнему, тѣмъ болѣе, когда страдаетъ невинный, тогда ужъ не простая обязанность, но долгъ, долгъ священный, не сдерживаемый никакими условіями нашего положенія въ свѣтѣ.

Окончивъ слѣдствіе, я вернулся назадъ, но не имѣлъ духу ѣхать той мѣстностью, которая такъ еще недавно восхитила меня, а просилъ, чтобы провезли меня другой дорогой. Я думаю, что исправникъ въ душѣ смѣялся надъ моей женственной чувствительностью.

Приѣхавъ въ Житомиръ и отдавъ губернатору отчетъ въ данномъ мнѣ порученіи, я передалъ ему разсказъ о Павшѣ, слышанный мной отъ исправника. Должно быть, я говорилъ отъ души, увлекательно, потому что губернаторъ, человѣкъ, умѣвшій владѣть собой и не высказывавшійся никогда передъ подчиненными своими, видимо, глубоко былъ тронутъ, такъ что слезы выступили на его глазахъ.

Я не ошибся въ его горячемъ сочувствіи къ бѣдной участи Павши. Поблагодаривъ меня, по своему обыкновенію, за успѣшное окончаніе слѣдствія, онъ прибавилъ:

— А что касается до дѣла Павши, то я не хочу лишать тебя наслажденія кончить дѣло, тобой начатое. Дѣла военно-ссудной комиссіи всѣ хранятся въ архивѣ губернскаго правленія. Скажи въ канцеляріи, чтобы заготовили предписаніе къ архивариусу о допущеніи тебя къ разбору старыхъ дѣлъ и принесли бы мнѣ къ подписи. А ты займись этимъ дѣломъ; только объ одномъ прошу: не горячись. Подобныя дѣла лучше и вѣрнѣе обдѣлываются съ хладнокровіемъ.

— Но я не могу быть равнодушнымъ въ этомъ дѣлѣ, ваше превосходительство.

— Кто жъ тебѣ и говорить о равнодушіи? Я говорю: дѣйствуй хладнокровно, а это еще не значитъ: будь равнодушенъ. Сохраняя хладнокровіе, ты лучше можешь вдуматься въ дѣло, разсмотрѣть всѣ обстоятельства, его сопровождавшія, уловить самую сущность, и тогда докладъ будетъ полонъ. При горячности, которую я вижу по лицу твоему, ты поспѣшностью можешь повредить дѣлу Павши.

На другой день съ предписаніемъ въ рукахъ я летѣлъ къ начальнику архива. Предъявивъ свои права, вошелъ въ архивъ и испугался громадности дѣлъ, наваленныхъ разными кучами и буквально загромодившихъ довольно обширную комнату архива. Дѣла не были разбросаны, но сложены были въ правильные столбы отъ полу до потолка. Признаюсь, въ жизнь мою никогда не видя такого огромнаго накопленія въ одномъ мѣстѣ дѣлъ, я сначала испугался. Мнѣ казалось, что дорыться въ этомъ складѣ до дѣла Павши нужны десятки лѣтъ; но думать было нечего, возвращаться назадъ—еще менѣе. Внутренно перекрестившись и сотворивъ молитву, чтобы Богъ помогъ мнѣ выбраться изъ этого хаоса не съ пустыми руками, я, по указанію архивариуса, подошелъ къ складу дѣлъ, на которомъ былъ ярлыкъ съ 1831-мъ годомъ. Дѣло Павши

по предварительной моей справкѣ по книгѣ «описи» принадлежало къ этому году. Снимаю первое дѣло, и, о счастье! какъ разъ нападаю на то, что мнѣ нужно! На оберткѣ дѣла было написано: «Дѣло о новоградъ-волынскомъ помѣщикѣ Адамѣ Павшѣ, судомъ за участіе въ польскомъ мятежѣ». Не знаю, обрадовался ли бы такъ скупецъ цѣнной находкѣ, какъ я, найдя это дѣло. Наскоро давъ расписку архивариусу въ полученіи дѣла, я съ драгоценной ношей буквально побѣжалъ къ генералу и съ торжествующимъ лицомъ еще издали показалъ ему свою находку.

— Нашелъ, нашелъ, ваше превосходительство, — вотъ оно.

Генераль улыбнулся.

— Вижу по лицу твоему, хотя бы и не говорилъ и не совалъ мнѣ дѣла подъ носъ. Займись же имъ хорошенько, помни, что я говорилъ тебѣ: не спѣша, не горячась, составь мнѣ подробную изъ него выписку; если встрѣтишь какое для себя затрудненіе, скажи мнѣ, — дамъ тебѣ совѣтъ. На все время, пока будешь заниматься дѣломъ, освобождаю тебя отъ всѣхъ прочихъ обязанностей.

И когда я сталъ благодарить, генераль прибавилъ:

— Ну, ну, хорошо, не благодари, ступай съ Богомъ, принимайся.

Прибѣжавъ домой, я тотчасъ же принялся за дѣло. Скоро перелистовавъ разныя распоряженія комиссіи, я остановился на показаніи Павши, — и представьте мое удивленіе и вмѣстѣ съ тѣмъ мою радость, когда нашелъ приобщенную къ дѣлу подлинную расписку мастера, дѣлавшаго въ Кіевѣ церковную утварь, въ полученіи за нее денегъ. Расписку эту съ подробнымъ означеніемъ тѣхъ самыхъ вещей, которыя комиссія вмѣнила въ преступленіе Павшѣ, какъ похищенныя изъ церкви, мнимо имъ разграбленной, Павша приложилъ къ своему показанію, какъ доказательство своей невинности. Открытіе это привело меня въ восторгъ. Схвативъ дѣло, я отправился опять къ генералу.

Видя меня сильно взволнованнымъ, генераль спросилъ:

— Что еще? Что случилось?..

— Представьте, ваше превосходительство, дерзость или самоувѣренность въ безнаказанности своего поступка. Комиссія къ дѣлу приложила подлинную расписку, которая ясно и неопровержимо доказываетъ всю невинность Павши, — и вмѣстѣ съ тѣмъ я подалъ дѣло генералу, на развернутомъ мной мѣстѣ.

Генераль внимательно прочиталъ и показаніе Павши и расписку.

— Это, любезный другъ, не дерзость, какъ ты говоришь, и не самоувѣренность, но тайные пути Провидѣнія. Научись изъ этого случая, что Богъ иногда допускаетъ и несправедливость по любви или испытанію, но вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ возможность рано или поздно открывать истину. Смирись и благодари, что благое Провидѣніе избрало тебя орудіемъ своей благодати. На Иванова и его

сообщниковъ оно наложило ослѣпленіе, иначе, какъ объяснить ихъ настоящій поступокъ? Они могли уничтожить расписку и тѣмъ лишить Павшу единственнаго способа къ своему оправданію, но записка сохранилась для открытія невинности и наказанія настоящихъ виновныхъ. Принимайся за составленіе выписки изъ дѣла и въ ней, конечно, болѣе всего упирай на эту расписку.

Генераль былъ религіозенъ въ душѣ и не пропускалъ ни одного случая, въ которомъ могъ наставить меня и дать хорошій совѣтъ.

Черезъ три дня выписка мной была составлена. Генераль, внимательно прочитавъ ее, остался ею доволенъ.

— Что жъ ты теперь сдѣлаешь?

Такіе вопросы часто мнѣ дѣлалъ генераль, желая испытать, какъ далеки мои познанія въ дѣлахъ вообще.

— Я буду покорнѣйше просить ваше превосходительство переписку по этому дѣлу дозволить вести по секретному отдѣленію. Тогда оно не выйдетъ изъ моихъ рукъ, я буду горячо слѣдить за нимъ.

— Согласенъ. Что же далѣе?

— Первый приступъ къ разъясненію дѣла долженъ, по мнѣнію моему, заключаться въ томъ, чтобы снестись съ кіевскимъ губернаторомъ и просить его удостовѣриться: не существуетъ ли и теперь въ Кіевѣ мастеръ, дѣлавшій церковную утварь Павши, и не найдется ли у него какихъ либо слѣдовъ къ подтвержденію этой расписки?

— Такъ! Если получится благопріятный отвѣтъ, то болѣе ничего и не нужно. Тогда я скажу тебѣ, какъ должно поступить въ дальнѣйшемъ ходѣ дѣла.

Вскорѣ полученъ былъ отъ кіевского губернатора, Ивана Ивановича Фундуклея, отвѣтъ, который не оставлялъ болѣе никакого сомнѣнія въ невинности Павши. На счастье его, мастеръ, дѣлавшій ему церковныя вещи, находился еще въ живыхъ, не оставлялъ своего ремесла, а что еще лучше—сохранилъ всѣ книги своего заведенія, въ которыхъ онъ и нашелъ, что: «въ такомъ-то мѣсяцѣ такого-то года, по заказу г. Павши, сдѣланы были въ его мастерской такія-то и такія-то церковныя вещи, за которыя столько-то денегъ получено сполна». Списокъ церковнымъ вещамъ оказался совершенно тождественнымъ со спискомъ, составленнымъ комиссіей, вещамъ, вынутымъ при обыскѣ въ домѣ Павши, и которыя будто бы онъ похитилъ изъ разграбленной имъ церкви. Фундуклей, извѣщая о семъ, присовокупилъ, что онъ, самъ заинтересованный въ этомъ дѣлѣ, призывалъ къ себѣ этого мастера и съ книгой, видѣлъ записъ въ ней и, приказавъ сдѣлать съ нея копию, утвердилъ ее своимъ подписомъ.

Невинность Павши была доказана торжественно; но этого мало, осталось самое главное—возвратить его изъ ссылки. Сроку на-

торжной его работы, опредѣленный на пять лѣтъ, кончился, но онъ остался въ Сибири на поселеніе. Неизвѣстно, былъ ли онъ живъ.

Генералъ приказалъ мнѣ сократить нѣсколько мою выписку изъ дѣла, сохраняя въ ней самую сущность, а на основаніи увѣдомленія Фундуклея составить представленіе графу Бенкендорфу, шефу корпуса жандармовъ.

Послѣ поправокъ генераломъ моей редакціи и выписки изъ дѣла и самаго представленія къ Бенкендорфу, все это, переписанное и подписанное, отправлено было по своему назначенію.

Несмотря на все мое стараніе скрыть всю переписку о Павшѣ, слухъ о пересмотрѣ дѣла распространился по городу. Меня каждый день осаждали посѣтители поляки съ изъявленіемъ благодарности за участіе, оказанное ихъ собрату. Несмотря на мои протесты, что ничего не знаю, не понимаю, откуда вышли всѣ слухи, меня перевозносили до небесъ, чуть не носили на рукахъ. Были даже такіе, что предполагали во мнѣ власть—возвращать ссыльных преступниковъ,—и просили защитить ихъ родственниковъ, дѣйствительно виновныхъ своимъ участіемъ въ мятежѣ, даже захваченныхъ съ оружіемъ въ рукахъ.

Долго я не понималъ, кто могъ распускать всѣ эти слухи, тѣмъ болѣе, что всѣ черновыя бумажки и отпуски по нимъ я писалъ все своей рукой, ключъ отъ шкафа всегда былъ при мнѣ, но послѣ узналъ.

Разъ, жалуясь генералу на докучливость посѣтителей, а главное на ихъ недѣльные просьбы, я просилъ какойнибудь командировки, чтобы положить конецъ этимъ визитамъ, которые только отвлекаютъ меня отъ дѣла; генералъ улыбаясь сказалъ:

— Вотъ доказательства, что добрыя дѣла не остаются безъ награжденія. Тебѣ въ твои лѣта должно быть пріятно видѣть себѣ такіе знаки вниманія, скажу болѣе—уваженія.

— Но почему же узнали, что я дѣлалъ, и за что же тутъ благодарить меня, когда неизвѣстно еще, какой исходъ приметъ дѣло?

— Знаю, что ты никому не говорилъ о дѣлѣ Павши, но опять повторяю, добрыхъ дѣлъ не скроешь. Что же касается до исхода дѣла, чѣмъ бы оно ни кончилось, ты вполне заслуживаешь благодарности и уваженія за твое горячее участіе въ судьбѣ Павши. Все, что было въ твоей власти, ты сдѣлалъ, и тѣмъ лучше, тѣмъ похвальнѣе, что никто не просилъ тебя о томъ. Ты ни Павшу, никого изъ его родныхъ не знаешь, а послушался одного голоса твоего добраго сердца. Повторяю, ты поступилъ прекрасно, вполне благородно, а будетъ ли возвращенъ Павша или нѣтъ, — это отъ тебя уже не зависитъ.

Слова свои генералъ сопровождалъ какой-то двусмысленной улыбочкой, значеніе которой я узналъ послѣ. Онъ самъ рассказывалъ мои старанія о возвращеніи Павши. Подчеркиваю эти

слова, потому что они имѣютъ большое значеніе, какъ относящіеся къ Лашкареву. Онъ никогда не только самъ не говорилъ съ посторонними, что дѣлается у него въ канцеляріи, но требовалъ того же строго и отъ насъ. Въ настоящемъ случаѣ онъ сдѣлалъ для меня исключеніе, тѣмъ болѣе замѣчательное, что все дѣло о Павшѣ производилось по секретной части. Конечно, собственно секретнаго тутъ не было ничего, но всѣ мы, служившіе при волинскомъ губернаторѣ, были приучены къ тому, что всякая бумага съ надписью: секретно, сохранялась въ насъ, какъ въ могилѣ.

Если генераль измѣнилъ своему правилу для меня, значитъ, онъ много любилъ меня.

Наконецъ, съ такимъ нетерпѣніемъ и такъ давно ожидаемая почта привезла отношеніе графа Бенкендорфа генералу Лашкареву. Я хорошо помню содержаніе его; оно было кратко, но много было въ немъ сказано: «По докладу государю императору ходатайства вашего превосходительства о невинно сосланномъ помѣщикѣ Волинской губерніи А. Павшѣ его величество приказать соизволилъ: изъяснить вашему превосходительству монаршее благоволеніе за раскрытіе истины, а Павшу возвратить изъ ссылки, о чемъ и сдѣлано вмѣстѣ съ симъ надлежащее распоряженіе. Спѣшу увѣдомить о такомъ повелѣніи государя императора на отношеніе вашего превосходительства отъ такого-то числа мѣсяца за № такимъ-то».

Генераль, прочитавъ бумагу вслухъ, взялъ меня за руку и горячо благодарилъ за всѣ мои дѣйствія въ этомъ дѣлѣ. Въ избыткѣ чувствъ, забывъ отношенія мои, какъ подчиненнаго къ Лашкареву, я бросился къ нему на шею... Слезы наши смѣшались...

На слѣдующій годъ я былъ назначенъ старшимъ адъютантомъ въ штабъ казанскаго военнаго губернатора и уѣхалъ изъ Житомира, не видя возвращенія Павши. Онъ пріѣхалъ туда вскорѣ послѣ меня. Писали мнѣ, что онъ, узнавъ виновника своего освобожденія, торжественно, въ присутствіи почти всѣхъ жителей города, служилъ молебень въ костелѣ, во время котораго со слезами, на колѣняхъ, горячо и громко молился за меня. Потомъ поѣхалъ въ русскій соборъ, гдѣ вновь отслужилъ за меня молебень. Писали, что онъ имѣетъ намѣреніе нарочно пріѣхать въ Казань, лично благодарить меня, но свиданіе наше почему-то не состоялось. Повѣряя себя строго, я долженъ сознаться, что во всемъ этомъ дѣлѣ я не вижу никакой особой заслуги съ моей стороны. Слѣпой случай открылъ мнѣ исторію Павши. Не имѣй я порученія, для исполненія котораго долженъ былъ пригласить исправника, не проѣзжая мѣстности, остановившей меня своимъ восхитительнымъ положеніемъ, и не найди въ своемъ спутникѣ знающаго рассказъ

чика, я ничего бы не зналъ и, слѣдовательно, ничего бы не сдѣлалъ. А узнавъ, въ чемъ дѣло, особливо при томъ родѣ службы, которая меня такъ близко ставила въ прямые, непосредственныя отношенія къ начальнику губерніи, какъ бы я могъ поступить иначе, не теряя достоинства человѣка, не унижая себя до степени безсмысленнаго животнаго? Въ чемъ же мои заслуги? Я исполнилъ только долгъ благороднаго человѣка, и мнѣ остается лишь, по словамъ Лашкарева, благодарить Провидѣніе, которое меня, ничтожное существо, въ его величіи избрало орудіемъ для исполненія своего тайнаго промысла!!!

XXXVIII.

Встрѣча новаго 1842 года у Лашкарева. — Поѣздка въ Казань. — Назначеніе въ Казань военнымъ губернаторомъ С. П. Шипова. — Свадьба моей сестры. — Возвращеніе въ Житомиръ и встрѣча съ стаей волковъ подъ Нижнедѣвицкомъ. — Переходъ на службу въ Казань адъютантомъ къ Шипову. — Казавскій Родіоновскій институтъ благородныхъ дѣвицъ. — Мое столкновение съ П. Д. Мертваго. — Переписка съ Лашкаревымъ и теплое о немъ воспоминаніе.

Въ предстоящую зиму Лашкаревъ предполагалъ ѣхать въ Петербургъ и меня взять съ собой, но судьба распорядилась иначе. Она толкнула меня на другую дорогу и невидимыми путями привела «ладью моей холостой жизни» къ супружескому берегу.

Какъ часто, когда мы возвращаемся воспоминаніемъ къ пройденному пути жизни, дѣлается ясно намъ то, что въ свое время казалось непонятнымъ! Какъ часто человѣкъ въ нравственной слѣпотѣ своей ропталъ на встрѣчаемыя противорѣчія въ жизни, относя ихъ къ неудачамъ, несчастью, а послѣдствія въ будущемъ доказывали, что эти мнимыя невзгоды послужили ему же въ пользу!..

Я получилъ совершенно неожиданно письмо отъ родныхъ, которые извѣщали, что сестра моя помолвлена за самарскаго помѣщика, А. Н. Чемодурова, и свадьба назначена въ концѣ будущаго января, къ которому времени и просили пріѣхать въ Казань.

Казалось, извѣстіе это, весьма обыкновенное въ жизни, не заключало въ себѣ ничего для меня особеннаго, а между тѣмъ оно по послѣдствіямъ своимъ имѣло большое вліяніе на перемѣну моей судьбы...

Лашкаревъ, отпуская меня на свадьбу, съ сожалѣніемъ разстался съ мыслью—ѣхать со мной въ Петербургъ, при чемъ поставилъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы я новый 1842-й годъ встрѣтилъ съ нимъ, какъ бы предчувствуя, что день этотъ будетъ послѣднимъ для насъ. Хотя Лашкаревъ жилъ послѣ этого 6 лѣтъ, но я, за исключеніемъ весьма короткаго времени, не видѣлъ его уже до самой кончины.

Отпрыгавъ подъ звуки танцевальной музыки истекшій 1841 г., столь богатый для меня разнаго рода происшествіями, и поздравивъ генерала и семейство его, а вмѣстѣ съ ними и своихъ «трехъ грацій» съ новымъ годомъ, я распрощался со всѣми ими и поспѣшилъ въ Москву, гдѣ по условію долженъ былъ дождаться старшаго брата и съ нимъ вмѣстѣ ѣхать въ Казань.

Въ Москвѣ я весьма равнодушно узналъ о назначеніи генералъ-адъютанта С. П. Шипова военнымъ губернаторомъ въ Казань на мѣсто Стрекалова, не подозрѣвая, что все это—пути, предназначенные мнѣ благимъ Провидѣніемъ.

Свадьбу сестры отпраздновали на славу. Дорога отъ дома и до церкви св. великомученицы Варвары, чрезъ все Арское поле, была уставлена плошками, у воротъ дома стояли кадки съ виномъ и пивомъ, всякій проходящій черпалъ изъ нихъ по желанію.

По окончаніи всѣхъ празднествъ, братъ уѣхалъ въ полкъ, а я остался ожидать пріѣзда Шипова. Отецъ пожелалъ, чтобы я перешелъ на службу въ Казань, и рассчитывалъ на Шипова, который намъ приходился сродни.

Пріѣхалъ Шиповъ, принялъ меня очень ласково и узнавъ, что есть вакансія старшаго адъютанта въ штабѣ казанскаго военнаго губернатора, написалъ Лашкареву обычный запросъ, нѣтъ ли препятствій къ моему переводу. Запросъ вмѣстѣ съ письмомъ отца я самъ отвезъ Лашкареву.

Для обратнаго пути въ Житомиръ я избралъ другую дорогу, новую, поѣхалъ не на Москву, какъ обыкновенно, но на Пензу и Воронежъ, чтобы посѣтить Ѳ. А. Каховскаго, жившаго въ своемъ саратовскомъ имѣніи, но въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Пензы, и исполнить желаніе умирающей Н. Ѳ. Колтовской отслужить молебень о ея выздоровленіи при мощахъ св. Митрофанія.

Изъ Казани выѣхалъ я въ первой половинѣ марта, по отличному зимнему пути, но чѣмъ далѣе подвигался на юго-западъ, тѣмъ дорога дѣлалась хуже и хуже. За Воронежемъ я началъ встрѣчать зажоры. Въ Нижнедѣвицкѣ я пріѣхалъ въ свѣтлую лунную ночь. Станціонный смотритель, взглянувъ на мою подорожную, сказалъ:

— У васъ курьерская подорожная! Не смѣю задерживать, но совѣтую лучше дождаться дня.

— А что?

— Страшныя зажоры. Пожалуй, гдѣ нибудь засядете.

— Какой вздоръ! Отпустите со мной лопату: отгребемся.

— Какъ хотите! Мое дѣло—предупредить васъ, за послѣдствія не отвѣчаю.

Но развѣ кипучая молодость слушаетъ голоса разсудка? Пользуясь правомъ моей подорожной «изъ курьерскихъ», я поѣхалъ далѣе.

Зажоры стали попадаться все чаще, и чаще, но мы миновали их благополучно. Наконецъ подѣхали къ одной, величиной своей болѣе похожей на озеро. Зажора эта, сжатая землянымъ валомъ, идущимъ по обѣимъ сторонамъ дороги, замѣняющимъ въ степныхъ мѣстахъ «березки» нашихъ почтовыхъ трактовъ, лежала передъ нами стальной полосой, сверкая въ лучахъ мѣсяца. Ямщикъ было пріостановился, но, послушный моему приказанію, тронулся впередъ. Лошади, фыркая и упираясь, вошли въ снѣговую воду очень неохотно, безпрестанно останавливаясь, какъ бы давая намъ время одуматься въ нашемъ неблагоразуміи. Инстинктъ этихъ добрыхъ животныхъ долженъ былъ уступить силѣ кнута, и мы, еле-еле подвигаясь, доѣхали до середины зажоры. Далѣе никакія понуканія не могли сдвинуть лошадей съ мѣста, онѣ остановились, не имѣя возможности везти наши легкія санки, и мы, что называется, «ни взадъ, ни впередъ». Что оставалось дѣлать въ ночь, хотя и лунную, но въ совершенно пустынномъ мѣстѣ? Надо было прибѣгнуть къ посторонней помощи.

Я спросилъ ямщика:

- Нѣтъ ли здѣсь по близости какого жилья?
- Ближе города, что оставили, нѣтъ.
- А много ли мы отѣхали?
- Да верстъ шесть будетъ.
- Отпряги пристяжную и скачи за помощью!

Бѣдный ямщикъ долженъ былъ по колѣна въ водѣ отпрячь лошадь и скакать назадъ, а я между тѣмъ, взгромоздясь на чемоданъ, усѣлся на немъ кое-какъ, потому что сани наполнились водой. Въ такомъ положеніи, чтобы чѣмъ нибудь сократить время, закурилъ трубку, какъ вдругъ вижу съ правой стороны, по гребню вала бѣжить по пути мнѣ собака. Я подумалъ: «Каналья ямщикъ обманулъ меня! Говоритъ—нѣтъ вблизи жилья, а откуда же взялась собака?» За собакой слѣдомъ пробѣжала другая, а я, все еще ничего не подозрѣвая, продолжалъ, сидя «на корточкахъ», курить и философствовать о страсти русскаго народа къ обману.

Взглянувъ нечаянно по лѣвую отъ себя сторону, я увидѣлъ много такихъ собакъ, идущихъ мнѣ навстрѣчу, съ глазами, горѣвшими, какъ горячій уголь. Я насчиталъ такихъ шесть паръ. Тутъ только я понялъ, что это были за собаки! Холодъ мурашками пробѣжалъ у меня по спинѣ. Одинъ, въ степи, вдали отъ жилья, что я могу сдѣлать съ волками? Кромѣ собственныхъ кулаковъ, не было у меня никакого оружія! — защита весьма слабая. Чѣмъ далѣе вдумывался въ свое незавидное положеніе, тѣмъ сильнѣе и чаще чувствовалъ холодъ въ спинѣ, тѣмъ мрачнѣе и мрачнѣе тѣснились въ головѣ моей мысли. Я думалъ: «вогъ какая смерть суждена мнѣ! Родные не будутъ и знать, гдѣ и кости мои собраты!» А волки между тѣмъ усѣлись противъ меня на валу дороги и щел-

кали зубами. Щелканье это, раздаваясь далеко въ тишинѣ ночи, съ болью отзывалось во всемъ существѣ моемъ. Внутренно я молился Богу, ожидая всякую минуту быть растерзаннымъ. Волки между тѣмъ сидѣли неподвижно, устремивъ на меня свои свѣтящіеся глаза и довольствуясь однимъ щелканьемъ зубовъ, но въ воду не шли. Не знаю, что ихъ удерживало: были ли они сыты, или, какъ настоящіе джентльмены, не желали замочиться въ водѣ, или, можетъ быть, чьи нибудь молитвы доходили до Бога, только всѣ наши дѣйствія ограничились тѣмъ, что я всматривался въ нихъ, слѣдилъ за каждымъ ихъ движеніемъ, а они усталились на меня. Сколько времени продолжалось такое состояніе моего страха,—опредѣлить не могу... Наконецъ вдали послышались скокъ лошадей и говоръ людей. Волки какъ бы съ сожалѣніемъ поднялись съ своихъ мѣстъ и, безпрестанно оглядываясь на меня, пошли не торопясь въ сторону. Шумъ приближающихся людей слышался все ближе и ближе... Тогда только я вздохнулъ свободно и перекрестился, избавившись отъ опасности.

Подѣхавшіе люди отпрягли оставшихся въ моихъ санкахъ лошадей и длинными веревками, къ концамъ которыхъ были привязаны свѣжія лошади, вытащили назадъ мой экипажъ изъ зажоры.

При моемъ возвращеніи на станцію, смотритель встрѣтилъ меня въ сѣняхъ и съ зажженной свѣчей, молча, провелъ въ комнату ночлега. Такой нѣмой укоръ его въ моемъ непослушаніи заставилъ меня сильно сконфузиться,—пустился онъ въ нравоученіе, я, можетъ быть, съ досады разругалъ бы его, но его почтительная поза совершенно обезоружила меня, и я въ горячихъ выраженіяхъ высказалъ все мое сожалѣніе, что не послушался его добраго совѣта. Когда я остался одинъ въ комнатѣ, моимъ первымъ движеніемъ было—подбѣжать къ куску стекла, замѣнявшаго зеркало на стѣнѣ. Мнѣ пришли на память: Marie Antoinette, Jeanne Gray, Marie Stuart и другія, посѣдѣвшія въ нѣсколько часовъ передъ своей смертью!.. Испытавъ такія сильныя ощущенія страха, я боялся, что и я, можетъ быть, тоже посѣдѣлъ. Но тщательный осмотръ успокоилъ меня: мои волосы на головѣ не утратили своего чернаго цвѣта.

Итакъ въ жизнь свою я испыталъ два страха. Одинъ, такъ сказать, моральный, когда я арестовывалъ Прушинскаго, тамъ дѣло шло о спасеніи моей чести, и я готовился добровольно самъ себя лишить жизни. Другой—теперь въ присутствіи волковъ, страхъ этотъ былъ насильственный, изъ чувства самосохраненія, независимый отъ меня...

Утромъ—новая бѣда. Ночью я по обыкновенію спросилъ сливокъ. Въ цѣломъ городѣ Нижнедѣвицкѣ не могли найти ни капли олока, несмотря на всю щедрость обѣщаннаго мною вознагражденія. Съ осени былъ падежъ рогатаго скота: онъ выпалъ весь, и жители не успѣли еще обзавестись новымъ.

Лашкаревъ въ лестныхъ выраженіяхъ высказалъ мнѣ свое сожалѣніе о нашей разлукѣ, при чемъ прибавилъ, что по чувству отца онъ понимаетъ желаніе моего отца имѣть при себѣ дѣтей и потому соглашается на мой переводъ. Отвѣтъ его Шипову былъ отправленъ, и въ маѣ состоялся высочайшій приказъ о моемъ новомъ назначеніи.

Простившись съ Лашкаревымъ, его семействомъ и моими очаровательными граціями,—съ послѣдними, увы, довольно равнодушно, потому что моя «тройственная» любовь тяготила меня по причинѣ ихъ ревности,—я отправился въ Казань.

Стремясь къ семейной жизни въ кругу родныхъ, я никакъ не ожидалъ, что въ тишинѣ ея, подъ сѣнью отеческаго крова, встрѣчу бурю.

Въ Казанскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ, обязанномъ своимъ учрежденіемъ иждивенію казанской помѣщицы Родіоновой, полагался членъ по хозяйственной части отъ дворянъ. Должность эту исполнялъ Левъ Силычъ Григоровичъ.

Григоровичъ по своимъ домашнимъ дѣламъ взялъ отпускъ. На время его отсутствія Шиповъ мѣсто его предложилъ занять моему отцу. Это-то замѣщеніе и послужило поводомъ къ той «бурѣ», о которой я хочу говорить.

Однажды, вскорѣ послѣ моего приѣзда въ Казань, возвратясь изъ штаба, я съ матерью ожидалъ прихода отца, удивляясь, что онъ, всегда аккуратный въ своихъ привычкахъ и образѣ жизни, на этотъ разъ такъ долго опаздываетъ къ обѣду. Наконецъ пришелъ отецъ, весь блѣдный, сильно встревоженный. Не говоря ни слова, онъ подошелъ къ дивану, сложилъ руки на столъ и, склонивъ на нихъ свою сѣдую голову, горько и судорожно заплакалъ. Мы встревожились, не понимая причины такой сильной горести. Успокоясь нѣсколько, отецъ съ трудомъ выговорилъ:

— Я посрамленъ, обезчещенъ! Мальчишка грозился вывести меня съ швейцаромъ!

Изъ его дальнѣйшихъ отрывочныхъ словъ мы поняли, что онъ былъ у начальницы института, вдовы Е. Д. Загоскиной, урожденной Мертваго, и замѣчалъ ей о негодности сѣстныхъ припасовъ и скудости пищи воспитанницъ. Родной братъ Загоскиной, присутствовавшій при этомъ разговорѣ, закричалъ отцу, чтобы онъ вышелъ, иначе онъ прикажетъ швейцару его вывести.

Понятно, что обѣдъ прошелъ молча, и никто изъ насъ не дотрогивался до кушаньевъ.

Послѣ стола я, не говоря никому ни слова, отправился на квартиру Мертваго, чтобы заставить его попросить у отца извиненія, въ противномъ случаѣ принялъ твердое намѣреніе нанести ему личное оскорбленіе. Узнавъ, что онъ у начальницы института, я пошелъ туда. Меня встрѣтила сама начальница и, догадавшись

о цѣли моего прихода, упрашивала меня, чтобы я дѣло это оставилъ безъ всякихъ послѣдствій, и что она, какъ виновница всего происшедшаго, тотчасъ же поѣдетъ къ отцу съ извиненіемъ. Я отвѣтилъ, что не она оскорбила отца, а ея братъ, онъ и долженъ ѣхать къ нему. Пока шли эти переговоры, и я тщетно добивался свиданья съ ея братомъ, явился казакъ съ приказаніемъ немедленно мнѣ явиться къ губернатору, до котораго дошло извѣстіе о случившемся.

Я засталъ Шипова одного, въ кабинетѣ, расхаживающаго изъ угла въ уголъ, въ замѣтно сильномъ волненіи. Увидя меня, онъ прерывисто спросилъ:

— Вы что?.. вы чего хотите?..

Видна была въ немъ сильная борьба долга его службы съ понятіемъ чести. Какъ человѣкъ, онъ понималъ, что оскорбленіе отца оправдываетъ поступокъ сына; какъ начальникъ, онъ не могъ допустить кровавой развязки, и потому, то останавливаясь передо мной, то вновь продолжая ходить скорыми шагами, Шиповъ отрывочными фразами говорилъ мнѣ:

— Вы, вы, вы чего желаете?

— Я желаю одного, ваше превосходительство, чтобы Мертваго извинился передъ отцемъ. Надѣюсь, что желаніе мое законно.

— Такъ, такъ!... Но.... дальше что?.. Вы... дайте мнѣ честное слово, что... вы съ своей стороны... ничего... ничего...

— Завѣряю, ваше превосходительство, что извиненіе Мертваго удовлетворитъ вполнѣ чувство моего долга, какъ сына.

— Хорошо... хорошо! Поѣзжайте домой спокойно... я прикажу... я распоряжусь...

Когда я вышелъ изъ кабинета, Шиповъ догналъ меня и, взявъ за руку, сказалъ:

— Я имѣю ваше честное слово.

Я молча поклонился и вышелъ.

Въ тотъ же вечеръ полицеймейстеръ Поль привезъ Мертваго къ намъ въ домъ, и тотъ просилъ извиненія у отца. Послѣ этого, по распоряженію Шипова, онъ выѣхалъ въ Москву черезъ 24 часа.

Такъ кончилась эта исторія. Слухи, разошедшіеся въ городѣ, сдѣлали меня какимъ-то героемъ. Жители, привыкшіе къ мирнымъ исходамъ своихъ ссоръ, удивлялись моему мужеству. Напрасно я увѣрялъ ихъ, что въ поступкѣ моемъ нѣтъ ничего необыкновеннаго, что каждый сынъ на моемъ мѣстѣ сдѣлалъ бы то же... они въ глаза мнѣ высказывали свое удивленіе по поводу моего подвига.

Послѣ моихъ разнообразныхъ занятій на Волыни, какъ показала мнѣ легка служба въ Казани!

Несмотря на то, что, кромѣ моихъ обязанностей по штабу, Шиповъ возложилъ на меня докладъ прошеній, лично ему подаваемыхъ, все-таки много оставалось у меня свободнаго времени.

Чтобы наполнить, и съ пользою, такое время, я принялся за книги, выписывая ихъ отъ Я. А. Исакова и тѣмъ положилъ начало моей библіотекѣ. Постоянная жизнь на одномъ мѣстѣ дала мнѣ къ тому всю возможность.

Между тѣмъ сношенія мои съ Житомиромъ поддерживались письмами, которыя я получалъ въ отвѣтъ на свои отъ Лашкарева. Письма эти и теперь хранятся у меня; они вполнѣ доказываютъ, какъ любилъ, мало того, какъ уважалъ меня Лашкаревъ. Знавшіе его несообщительный, повидимому, холодный характеръ поймутъ всю цѣну его писемъ ко мнѣ.

Н. И. Мамаевъ.

